This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

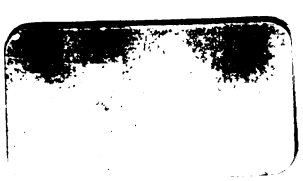
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P S12v 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 10. ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.), № д. 11.
1894.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, Д. № 40.

Digitized by Google

Р... Δ 475; 65 (1894/10)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1895 ГОДУ (ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же направленіи,

безъ предварительной цензуры.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:	За три мѣсяца:
Безъ доставки	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою иногороднымъ . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
Съ пересылкою за границу . . .	17 »	9 » — »	5 » — »

Подписчики **«Наблюдателя»** (годовые, полугодовые и разсроченные) желающіе получить **второе, дополненное,** изданіе монографій *А. П. Пятковскаго*: **«Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»**, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Вслѣдствіе допущенія редакціею подписки на три мѣсяца, безъ возвышенія платы, *разсрочка подписной суммы сохраняется только для гг. служащихъ (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ.*

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи, Пушкинская ул. (близъ Невскаго пр.) д. № 11.* Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на 1894 г. продолжается.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY MAY 1971

Digitized by Google

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ, изъ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія «Наблюдателя», полные экземпляры журнала имѣются въ небольшомъ количествѣ только за 1893 и 1892 г.г.

Содержаніе журнала за 1893 г.

1) **Совѣсть зазрила,** романъ *А. Михайлова*; 2) **Лицемѣры,** романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Ночь,** романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 4) **Волчья яма,** романъ *П. Лѣтнева*; 5) **Надорванныя силы,** романъ *К. В. Назарьевой*; 6) **Къ чему?** романъ *И. Д. Ахшарумова*; 7) **Призраки минувшаго,** романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Изъ любопытства,** разсказъ *А. А. Виницкой*; 9) **Что дѣлается въ деревнѣ?** разсказы *В. А. Рышкова*; 10) **Изъ воспоминаній,** *В. Р. Зотова*; 11) **Очерки иностранной литературы,** *Его же*; 12) **Борьба съ холерою,** *Н. П. Дружинина*; 13) **Эрнестъ Ренанъ** (по поводу его смерти) *В. В. Чуйко*; 14) **Неурожаи прошлаго вѣка** (по архивнымъ матеріаламъ) *П. В. Безобразова*; 15) **Артемій Петровичъ Волынскій,** историческая характеристика, *К. В. Ярошa*; 16) **Къ вопросу о преобразованіи государственнаго банка,** *Л. Н. Нисселовича*; 17) **О задачахъ искусства,** *К. Говорова*. 18) **Послѣдній могиканъ идейной поэзіи** (по поводу «Стихотвореній А. М. Жемчужникова») *Его же*; 19) **А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки,** *С. Ѳ. Шарапова*; 20) **Глинка и его Русланъ,** *В. С. Баскина*; 21) **Гуно и Чайковскій,** *Его же*; 22) **Иллинойсъ и Чикаго,** *М. И. Венюкова*; 23) **Ирландія въ 1893 г.** *Его же*; 24) **Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому,** *Н. Тембе*; 25) **Галаха и Агада** (къ еврейскому вопросу) *Его же*; 26) **Уѣздныя письма,** *Ѳ. Э. Ромера*; 27) **Изъ жизни французскаго резервиста,** *Ж. де-Кервильи*; 28) **Парижскія письма,** *Его же*; 29) **Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка,** *Одного изъ родителей*; 30) **Панамскій каналъ и его исторія,** *И. П.*; 31) **Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета,** *А. Н. Котельникова*; 32) **Тяжелый годъ** (по поводу голодовки) *В. Бирюковича*; 33) **Тамбовскій оригиналъ и полемистъ** (по архивнымъ источникамъ) *И. И. Дубасова*; 34) **Школа жизни,** *М. Слобожанина*; 35) **Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ,** *В. Свѣтлова*; 36) **Михайловскій театръ,** *В. И.*; 37) **Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ,** *В. Е. Чешихина*; 38) **Судъ и жизнь,** *А. О. Дукмасова*; 39) **Земельная неурядица въ Уфимской губерніи,** *А. Якимова*; 40) **По дорогѣ въ Корсику и на островѣ,** *М. В.*; 41) **Наташа** (быль изъ станичной жизни) *Н. Затонскаго*;

Digitized by Google

42) **Наша журналистика**, *К-скаго;* 43) **Изнанка сцены** (театральный очеркъ) *В. Свѣтлова;* 44) **Студенческіе годы**, *Бывшаго студента;* 45) **Общественные идеалы Фридриха Нитцше**, *В. В. Чуйко;* 46) **Нужды нашего сельскаго хозяйства**, *В. Бирюковича*; 47) **Изъ жизни въ деревнѣ**, *И. Васина;* 48) **По цѣлебному предгорью Кавказа**, *М. Слобожанина;* 49) **Гимнъ торжествующей толпы** (произведенія гр. Л. Н. Толстаго) *К. П. Медвѣдскаго;* 50) **Докторъ Паскаль**, романъ *Эмиля Золя;* 51) **Партизаны**, романъ *Ганса Гофмана;* 52) **Американскій претендентъ**, романъ *Марка Твена* (съ англ.); 53) **Призракъ**, повѣсть *Перѣса Гальддса* (съ испанскаго); 54) **Бѣлое братство**, романъ *А. Коненъ-Дойля* (съ англ.); 55) **Новая система**, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, *Бьёрнстерна-Бьёрнсона* (съ норвежск.); 56) **Разсказы Матильды Серао** (съ итальянск.) переводъ *П. Лѣтнева;* 57) **Мой пріятель Мюссаръ**, разсказъ *Л. Галеви* и пр., и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: **«И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра **10** р. съ перес.; за полгода—**5** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

Содержаніе журнала за 1892 г.

1) **Изъ трясины на дорогу**, романъ *А. Михайлова (А. К. Шеллера);* 2) **Петербургскіе туманы**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 3) **Итоги**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 4) **Священный огонь**, романъ *Г. Таранскаго;* 5) **Вмѣсто хлѣба—камень**, романъ *П. Лѣтнева;* 6) **Ораторы**, романъ *К. В. Назарьевой;* 7) **По призванію**, романъ *В. Свѣтлова;* 8) **Лукавый попуталъ**, разсказъ *Ф. Д. Нефедова;* 9) **Карьера**, разсказъ *І. І. Ясинскаго;* 10) **Событіе** (картины изъ обыденной жизни) *А. А. Виницкой*; 11) **За что погибъ человѣкъ?** разсказъ *П. Добротворскаго;* 12) **Безъ цѣли**, повѣсть *кн. Б. А. Щетинина;* 13) **Желѣзнодорожный царекъ**, разсказъ *А. Молотова*; 14) **Что дѣлается въ деревнѣ?** *В. Рышкова;* 15) **Голодовки и способы ихъ предупрежденія**, *М. И. Венюкова;* 16) **Эволюція въ исторіи уголовнаго права**, проф. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго;* 17) **Послѣднія произведенія гр. Толстаго**, *В. В. Чуйко;* 18) **Крестьянскій судъ въ его послѣднемъ фазисѣ**, *Н. П. Дружинина;* 19) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова*; 20) **Тамбовскіе дипломаты XVIII вѣка**, *И. И. Дубасова*; 21) **Художественныя выставки Рѣпина и Шишкина**, *В. В. Чуйко;* 22) **Любовь въ мірѣ животныхъ**, *П. В. Безобразова*; 23) **Религіозное движеніе въ Англіи**, *В. Флурансова*; 24) **Евреи въ Одессѣ**, *Л. М.;* 25) **Евреи вокругъ Одессы**, *В. Трушко;* 26) **Четырехсотлѣтіе открытія Америки**, *М. И. Венюкова;* 27) **Первая выставка народныхъ картинъ въ Петербургѣ**, *В. П. Воленса;* 28) **Можно ли поднять нашу земледѣльческую промышленность?** *А. К. Гриневскаго*; 29) **Очеркъ этическихъ ученій въ современномъ обществѣ**, *В. В. Чуйко;* 30) **Колумбовская всемірная выставка**, *М. И. Венюкова;* 31) **Научныя новости**, *Его же*; 32) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 33) **Альфредъ Теннисонъ** (литер.-біографич. очеркъ) *Его же;* 34) **Шелли** (опытъ литературной характеристики) *Его же;* 35) **Оклеветанный геній** (А. С. Пушкинъ) *К. Го-*

Digitized by Google

ворова; 36) **Торжествующій разночинецъ,** *Его же*; 37) **Англійскій публицистъ XVII в.** (Даніэль Дефоэ) *А. С. Залшупина*; 38) **Генрихъ Гейне,** *В. В. Чуйко*; 39) **Опытъ литературной фальсификаціи** (по поводу книги г. Песковскаго: «Роковое недоразумѣніе») *А. П. Пятковскаго;* 40) **Какою должна быть крестьянская школа?** *Г. Яковлева;* 41) **Современное русское міросозерцаніе и его отраженіе въ литературѣ,** *К. П. Медвѣдскаго*; 42) **Профессіональные союзы во Франціи,** *Г.;* 43) **Позитивизмъ передъ судомъ научной критики,** *В. В. Чуйко*; 44) **О международномъ правительствѣ,** *В. А. Бѣлинскаго;* 45) **Курьезы талмудической мудрости,** *Н. Тембе;* 46) **Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ,** *В. С. Баскина;* 47) **Наши театры,** *В. В. Чуйко;* 48) **Парижскія письма,** *Ж. де-Кервильи;* 49) **Разгромъ,** романъ *Эмиля Золя*; 50) **По тернистой дорогѣ,** романъ *Георга Эберса;* 51) **Ксантиппа,** историческій романъ *Франца Маутнера*; 52) **Народный учитель,** повѣсть *Эдмонда де-Амичиса;* 53) **Отверженный,** разсказъ *Матильды Серао*; 54) **Наша журналистика,** *К—скаго* и пр.

Фельетоны **Ефима Простосердова: «И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра съ пересылкою: **8** р.; за полгода—**4** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

КРОМѢ ТОГО, ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

I.

„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія",

монографіи и критическія статьи **А. П. Пятковскаго,** въ 2-хъ частяхъ, *второе*, дополненное, изданіе. СПб., 1888 г. (около 40 печатн. листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-й части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I до Александра I-го); 2) Журнальный тріумвиратъ (изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ: Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями; 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Отзывы объ обоихъ изданіяхъ: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Всемірной Иллюстраціи» и пр.

Digitized by Google

Къ оставшимся экземплярамъ втораго изданія приложенъ портретъ автора. **Цѣна 3 р. съ перес.** *Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и разсроченные) приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р.*

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

изданіе (3-е) подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.** Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ.

С.-Петербургъ. 1862 г.

Цѣна **1 р. 25 к.** съ пересылкою.

Изданіе одобрено ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія, Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и бывшимъ IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

III.

ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ.

Сборникъ стихотвореній, изданный подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.**

(Сюда вошли стихотворенія: *И. Аксакова*, *Добролюбова*, *Жемчужникова*, *Плещеева*, *Некрасова*, *Никитина*, *Хомякова* и др.).

С.-Петербургъ. 1863 г.

Цѣна **50** к. съ пересылкою.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**, литературно-біографическій очеркъ, *А. П. Пятковскаго*; 5) **Живые вопросы**, критическіе очерки и этюды изъ современной жизни, *Его-же*, и 6) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя*—уже распроданы.

Digitized by Google

ЖИЗНЬ СЪИЗНОВА.

Романъ.

I.

Осининъ уже вышелъ изъ воротъ фабрики и прошелъ нѣсколько шаговъ по переулку, какъ вдругъ услышалъ, что кто-то его окликаетъ: «Николай Петровичъ!» и въ то же время торопливо бѣжитъ за заборомъ, по фабричному двору. Онъ остановился и обернулся. Въ ту же минуту, изъ воротъ выскочилъ, держа въ рукѣ пальто, сторожъ Евсеичъ.

— Пальтецо-то опять забыли,—сказалъ онъ, изобразивъ на своемъ серьезномъ и волосатомъ лицѣ улыбку, впрочемъ, довольно снисходительную, потому что хотя онъ, вообще, не уважалъ въ людяхъ легкомыслія и забывчивости, но находилъ, что Осинину можно, пожалуй, и извинить эти недостатки за его доброту и молодость. «Прибирая» за Осининымъ безпрестанно оставляемые имъ въ конторѣ зонтики, калоши, портсигары и относя ихъ къ нему на квартиру, Евсеичъ зарабатывалъ за это на однихъ только чаяхъ, по крайней мѣрѣ, по рублю въ мѣсяцъ. А для него, человѣка уже не молодаго, обремененнаго большимъ семействомъ и получавшаго всего только сто восемь рублей жалованья въ годъ, каждый рубль былъ дорогъ.

Осининъ посмотрѣлъ на пальто, недоумѣвая, на какого чорта онъ таскалъ его съ собой, когда и безъ того жарко, однако безпрекословно взялъ его, перекинулъ себѣ за плечо, какъ пустую котомку, и со словами: «Спасибо. Извини за безпокойство. Прощай, Евсеичъ»! пошелъ дальше.

Съ фабрики, находившейся въ слободѣ, вели въ городъ двѣ дороги. Одна была короче, но проходила довольно скверными улицами и переулками, грязными въ мокрую погоду и пыль-

Digitized by Google

ными въ сухую. Другая была значительно длиннѣе, но зато проходила по высокому, всегда пустынному берегу рѣки, мимо каменной монастырской стѣны съ полуразвалившимися башенками, мимо общественнаго сада, мимо сада земской больницы. Когда Осининъ ѣхалъ изъ дому въ контору или изъ конторы домой на извощикѣ, тогда его везли обыкновенно первою дорогою; когда же ему приходила охота пройтись пѣшкомъ, онъ почти всегда, за исключеніемъ какихъ нибудь особенныхъ случаевъ, направлялся второю.

Ею же пошелъ онъ и теперь, съ удовольствіемъ дыша, послѣ долгаго сидѣнья въ душной конторѣ, чистымъ воздухомъ, посматривая на широкую рѣку, на желтые пески, на луга, на лѣса, на поля за нею, и иногда пріостанавливаясь, чтобы посмотрѣть то на пароходъ, осторожно и съ безпрестанной промѣркой пробиравшійся между песчаными мелями, то на какую-то длинную черную лодку, которая попала на сильную стрежень и, не смотря на усердную работу четырехъ гребцовъ, долго не могла ни на шагъ подвинуться противъ теченія и только какъ будто подпрыгивала на одномъ мѣстѣ.

Солнце начинало закатываться. Поднимался вѣтеръ. Укладывая покрѣпче на плечѣ, потревоженное порывомъ вѣтра, пальто, Осининъ вдругъ нащупалъ рукою въ одномъ изъ его верхнихъ кармановъ какіе-то два конверта. Сначала онъ нѣсколько удивился: какіе бы это могли быть конверты? но тотчасъ же вспомнилъ, что въ одномъ изъ нихъ была фотографическая карточка одной его хорошей знакомой, — молоденькой и красивенькой барышни, Вѣры Разсказовой,—а въ другомъ лежало письмо его своднаго брата Адріана. Вспомнивъ это, Осининъ даже покраснѣлъ отъ досады на свою забывчивость и неосторожность. Вѣдь еслибы его пальто такъ и осталось висѣть въ конторѣ до завтрашняго утра, то, по всей вѣроятности, и карточка, и письмо перебывали бы въ рукахъ доброй полдюжины разныхъ любознательныхъ конторщиковъ и другихъ мелкихъ служащихъ на фабрикѣ... Положимъ, на карточкѣ не было обозначено ничего, кромѣ числа, мѣсяца и года, а письмо Адріана было наляпано такимъ скверным почеркомъ и настолько дурацкимъ слогомъ, что онъ и самъ, Осининъ, не понялъ въ немъ рѣшительно ничего. Однако, все таки, это были вещи, вовсе не предназначавшіяся для того, чтобы валяться гдѣ ни попало и

Digitized by Google

переходить изъ рукъ одного любопытнаго конторщика въ руки другаго.

Раздосадованный на себя, Осининъ сѣлъ на каменную скамейку на берегу, противъ монастырскихъ воротъ, давно заколоченныхъ и заставленныхъ изнутри дровами. Закуривъ папиросу, онъ переложилъ конверты изъ кармана пальто въ бумажникъ, но сейчасъ же опять досталъ ихъ и принялся вторично перечитывать письмо своднаго брата. Господи, какая чепуха!.. Въ послѣднее свое свиданіе съ братомъ, Осининъ, скорѣе шутя, чѣмъ серьезно, назвалъ его раза два препорядочнымъ эгоистомъ, и вотъ именно по поводу этихъ словъ и было написано это письмо или, вѣрнѣе, посланіе или, еще вѣрнѣе, собраніе неудобоваримыхъ выраженій, въ родѣ «констатированный фактъ», «раціональное мышленіе», «эгоистическій культъ», «индиферентный субъектъ», «конфликтъ идей»... По началу письма, Осинину показалось, что братъ тщится выразить ту простую мысль, что всѣ люди—эгоисты; на второй страницѣ, насколько можно было догадаться, рѣчь пошла уже о томъ, что онъ, Адріанъ Кириловичъ, не былъ никогда эгоистомъ; а еще дальше, съ третьей страницы, становилось уже совершенно невозможно понять что либо, и Осининъ, невольно разсмѣявшись и безнадежно махнувъ рукой, положилъ недочитанное письмо обратно въ конвертъ. Не стоило читать дальше! Что бы тамъ ни заключалось на послѣдней страницѣ, но было очевидно, что это письмо составлялось Адріаномъ съ единственною цѣлью наглядно выставить себя серьезно и глубоко мыслящимъ человѣкомъ, стоящимъ по своему умственному развитію неизмѣримо выше всѣхъ своихъ ближнихъ, которые именно поэтому и не понимаютъ его. Богъ съ нимъ, съ чудакомъ! Выше всѣхъ—такъ пусть и будетъ выше...

Спровадивъ письмо обратно въ бумажникъ, Осининъ взялъ конвертъ и вынулъ оттуда фотографическую карточку. Золотистые лучи заходящаго солнца освѣтили мягкимъ свѣтомъ, очень удачно переданную фотографіей, головку дѣвушки лѣтъ двадцати, съ довольно большими глазами, съ тонкимъ, нѣсколько горбатымъ носомъ, съ курчавыми черными волосами и смуглой кожей. «Хороша, дѣйствительно очень хороша!» довольно равнодушно говорилъ мысленно Осининъ, постепенно отодвигая отъ себя карточку, чтобы полюбоваться этимъ личикомъ на болѣе

Digitized by Google

дальнемъ разстояніи, и въ то же время думалъ, что хорошо было бы передѣлать что-то въ выраженіи этихъ глазъ, въ очертаніяхъ губъ и подбородка. Тогда, на его вкусъ, было бы еще лучше.

Положивъ карточку тоже въ бумажникъ, Осининъ закурилъ новую папиросу и задумался, впрочемъ, вовсе не настолько глубоко, чтобы не слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось на разстилавшейся передъ нимъ рѣкѣ. Именно изъ-за этой черноволосой особы, фотографическую карточку которой онъ сейчасъ разсматривалъ, на него и обрушилось это тяжеловѣсное, какъ булыжникъ, посланіе Адріана. Оба они,—то есть Адріанъ и онъ,—были давнишніе знакомые Разсказовыхъ. Насколько представлялось возможнымъ заглянуть въ душу Адріана, такую же темную, какъ и его слогъ, онъ былъ не равнодушенъ къ Вѣрѣ и вбилъ себѣ въ голову, что Осининъ тоже ухаживаетъ за этой дѣвушкой, хотя совершенно равнодушенъ къ ней и, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, имѣетъ въ виду одно только ея состояніе.

— Тьфу! — невольно произнесъ Осининъ, выплюнувъ съ этимъ междометіемъ потухшую папиросу, и на добрую минуту заинтересовался какимъ-то рогатымъ и крючковатымъ корневищемъ, которое быстро-быстро неслось по стрежени и вдругъ остановилось и завертѣлось у края водоворота, какъ будто съ недоумѣніемъ озираясь,—куда же ему теперь направиться?..

Нѣтъ, онъ не ухаживаетъ за Вѣрой. И приданое ея мало интересуетъ его. А что касается до чувствъ къ ней, то онъ и самъ затруднился бы опредѣлить ихъ. Иногда его отношенія къ Вѣрѣ представлялись ему самыми обыкновенными отношеніями хорошихъ старыхъ знакомыхъ, которые могутъ не безъ удовольствія встрѣчаться другъ съ другомъ хоть каждый день, а потомъ, при какой нибудь чисто внѣшней перемѣнѣ обстоятельствъ, разстанутся навсегда, — положимъ, не безъ сожалѣнія, но и безъ особенныхъ вздоховъ и сокрушеній. Иногда, даже нерѣдко, его очень непріятно раздражала ея манера смѣяться безъ разбора надо всѣмъ и надо всѣми,—какъ надъ тѣмъ, надъ чѣмъ смѣяться было дѣйствительно не грѣшно, такъ и надъ тѣмъ, что заслуживало скорѣе жалости и состраданія, чѣмъ смѣха,—и тогда онъ непріязненно думалъ о ней, что она ничего не любитъ, ничего не уважаетъ, и черства и зла, какъ

Digitized by Google

молоденькая чертовка. Почти всегда онъ былъ того мнѣнія, что еслибы ей дать другую мать, другаго отца, другихъ знакомыхъ, да кстати ужь передѣлать и кое-что въ ея собственномъ характерѣ, то изъ нея вышла бы очень недурная дѣвушка... Но бывали и такіе дни, когда, проведя съ нею часъ-другой наединѣ, онъ уходилъ отъ нея подъ совсѣмъ другимъ впечатлѣніемъ и серьезно задумывался надъ тѣмъ, что, пожалуй, они могли бы очень недурно устроиться и ужиться вмѣстѣ на всю жизнь.

Бывало и это. День-другой послѣ этого, онъ относился къ Вѣрѣ внимательнѣе и, можетъ быть, нѣжнѣе обыкновеннаго, а потомъ это настроеніе понемногу разсѣивалось, и все шло по прежнему.

II.

Солнце уже съ четверть часа ушло за горизонтъ. Съ юго-запада быстро надвигались черныя тучи, словно погашая послѣдніе лучи свѣта, и скоро стало совсѣмъ темно. На рѣкѣ, то тамъ, то сямъ зажигались огоньки, и съ каждою минутою становилось ихъ больше. Свѣтились огоньки на пристаняхъ, на плотахъ, на рыбацкихъ ватагахъ, въ землянкахъ сигнальщиковъ на перекатѣ, на пароходахъ, на баркахъ, на сигнальныхъ столбахъ. Снизу, изъ-за мыса показался, поблескивая разноцвѣтными огнями, тяжелый буксирный пароходъ съ баржами, которыхъ было, судя по числу фонарей на мачтахъ, не меньше трехъ. Собравшись уже уходить, Осининъ заинтересовался, какъ-то пройдетъ этотъ тяжеловозъ черезъ обмелѣвшій перекатъ,—и опять опустился на скамью. Пароходъ, тяжело пыхтя, далъ нѣсколько свистковъ, должно быть, вызывая себѣ въ проводники кого нибудь изъ сигнальщиковъ съ переката; потомъ послышался хриплый крикъ въ рупоръ; ему въ отвѣтъ раздался такой же крикъ съ другой стороны, съ берега. И вдругъ, для Осинина исчезла въ одно мгновеніе вся рѣка съ ея ночными огнями, звуками и сценами. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, слѣва, слишкомъ хорошо знакомый ему женскій голосъ, заставившій его точно окаменѣть на своей каменной скамьѣ, произнесъ довольно грустно:

— Только не здѣсь... не въ этомъ проклятомъ городѣ...

Digitized by Google

«Это она... она... Аня»!—говорилъ самъ себѣ Осининъ, не шевелясь и, казалось, даже затаивъ дыханіе.

Другой, тоже знакомый Осинину голосъ, густой и сильный, тихо загудѣлъ нѣчто въ родѣ того, что: «да... конечно... здѣсь существуютъ противъ нихъ предубѣжденія... и, вообще, непріятныя воспоминанія... Съ другой же стороны, здѣсь найдутся многіе старые знакомые, а между ними есть и добрые малые, которые помнятъ, какъ они вмѣстѣ съ нимъ и пили, и ѣли, и проводили время... Какъ ни какъ, а въ знакомомъ городѣ все таки легче устроиться, чѣмъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ однѣ только чужія собаки»...

Это говорилъ нѣкто Полосовъ, и его Осининъ тоже сейчасъ узналъ по голосу.

— Ахъ, какъ не хотѣлось бы мнѣ оставаться здѣсь!—послышался опять тотъ же печальный женскій голосъ, раздавшійся теперь уже справа отъ Осинина.

Изъ пустой бочки опять загудѣло въ отвѣтъ приблизительно: «къ сожалѣнію, покуда нечего больше дѣлать... выбора нѣтъ никакого. Вся задача теперь заключается только въ томъ, чтобы какъ нибудь извернуться на нѣкоторое время... А по томъ, если жить здѣсь окажется дѣйствительно непріятно, можно будетъ и опять уѣхать куда угодно»...

Этотъ голосъ постепенно затихалъ въ отдаленіи наконецъ и онъ, и шумъ шаговъ, и тихій шелестъ женскаго платья,— все точно утонуло во мракѣ. Тогда Осининъ всталъ, растерянно постоялъ на одномъ мѣстѣ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ одну сторону, какъ будто хотѣлъ идти за этими скрывшимися во мракѣ мужчиной и женщиной, потомъ опять остановился. Зачѣмъ онъ пойдетъ теперь за ними? На фабрикѣ служилъ вмѣстѣ съ Осининымъ нѣкто Телепневъ, — двоюродный братъ Полосова, — съ годъ назадъ выстроившій себѣ въ слободѣ свой домъ, и, по всей вѣроятности, Полосовъ и Аня шли теперь къ этому родственнику, а, можетъ быть, даже и жили у него со времени своего пріѣзда сюда. Во всякомъ случаѣ онъ, Осининъ, могъ хоть завтра же утромъ узнать у Телепнева адресъ Ани и увидѣться съ нею не на улицѣ ночью и, можетъ быть, не въ присутствіи этого противнаго ея спутника.

Сообразивъ все это, Осининъ сдвинулся наконецъ съ мѣста

Digitized by Google

и задумчиво пошелъ домой. Теперь онъ уже не обращалъ вниманія на рѣку, — не интересовался ни тревожными свистками, раздававшимися съ двухъ пароходовъ, шедшихъ другъ другу навстрѣчу, ни какимъ-то страннымъ огнемъ, вдругъ вспыхнувшимъ на пустынномъ противоположномъ берегу и быстро вытянувшимся въ одну тонкую, длинную, волнующуюся линію, похожую на огненную змѣю. Это горѣлъ хворостъ, выброшенный на берегъ волнами въ какую нибудь весеннюю бурю, въ половодье, и высохшій за лѣто такъ, что какой нибудь одной случайной искры изъ трубы парохода было совершенно достаточно, чтобы воспламенить его. Осининъ не видѣлъ этого красиваго зрѣлища. Машинально идя въ глубокомъ мракѣ по хорошо знакомой ему дорогѣ, онъ весь погрузился въ мысли о томъ, что, значитъ, Аня все еще неразлучна съ Полосовымъ; что, можетъ быть, теперь она сдѣлалась даже женой этого человѣка, что жизнь ихъ, очевидно, все та же цыганская темная жизнь—безъ опредѣленнаго дѣла, безъ обезпеченнаго на завтра куска хлѣба, безъ постоянной кровли надъ головой. Сегодня тамъ, завтра здѣсь... Здѣсь какъ нибудь «извернуться», то есть добыть денегъ, а потомъ можно и уѣхать въ какой нибудь другой городъ, гдѣ еще не составилось противъ нихъ никакихъ предубѣжденій... Бѣдная, бѣдная Аня! И страшно, и интересно взглянуть, насколько перемѣнилась она за два года, прошедшіе со времени ея исчезновенія отсюда, и какую печать наложила на нее эта бродячая жизнь...

III.

Когда Осининъ уже приближался къ своей квартирѣ на Старой Ружейной улицѣ,—началъ понемногу накрапывать довольно крупный дождь. Пѣшеходы ускорили свои шаги, ѣхавшіе въ экипажахъ поѣхали быстрѣе; извощики, дремавшіе на углахъ перекрестковъ, проснулись, и, вообще, на сонной до этого времени улицѣ произошло нѣкоторое оживленіе. Изъ воротъ какого-то дома тоже довольно поспѣшно вышелъ старикъ, отставной военный. Плотно захлопнувъ за собою калитку, онъ защемилъ въ ней подолъ своей длинной шинели, запутался въ ней ногами и съ размаху растянулся поперекъ тротуара, вымощеннаго кирпичемъ. Торопливо шедшіе впереди Осинина,

Digitized by Google

какіе-то два молодые человѣка на секунду пріостановились, озадаченные; но, услыхавъ, что сначала охнувшій старикъ сейчасъ же крѣпко выругался, громко расхохотались, одинъ за другимъ перескочили, какъ развеселившіеся козлята, черезъ неожиданно встрѣтившееся имъ препятствіе и въ припрыжку поспѣшили дальше, своей дорогой. Лучше воспитанный и болѣе добрый, Осининъ нагнулся надъ все еще лежавшимъ въ растяжку незнакомцемъ и помогъ ему подняться на ноги. При свѣтѣ фонаря, стоявшаго шагахъ въ шести отъ нихъ, онъ прежде всего разсмотрѣлъ растрепанные длинные, полусѣдые волосы; длинные же, но, должно быть, нафабренные усы, изрѣзанное морщинами; желтоватое лицо и, наконецъ, свирѣпо вращавшіеся красноватые глаза. Старикъ, очевидно, былъ пьянъ. Тяжело дыша, онъ распространялъ вокругъ себя запахъ водки и съ очевиднымъ затрудненіемъ устанавливался на ногахъ въ положеніе болѣе устойчиваго равновѣсія.

— Такъ... такъ! — вскричалъ онъ, взбѣшенный и своимъ паденіемъ, и грязью, выпачкавшей его отъ колѣнъ до плечъ, а, больше всего, хохотомъ, раздавшимся надъ нимъ въ то время, когда онъ лежалъ на землѣ. — Когда съ человѣкомъ приключается несчастіе—«ха-ха-ха-ха»!.. Такъ, такъ!.. Когда человѣкъ поскальзывается и разбиваетъ себѣ черепъ—«ха-ха-ха-ха»!.. Когда онъ оступается и переламываетъ себѣ ногу — «га-га-га-га»!.. Гуси!!!

— Въ самомъ дѣлѣ, вы, можетъ быть, очень ушиблись,— сказалъ Осининъ, думая: не позвать ли извощика и не отвезти ли старика на его квартиру.

— Могъ! — также свирѣпо вскричалъ старикъ. — Могъ и убиться... Дикая мордва!.. Мещеряки!.. Въ цивилизованныхъ обществахъ не только за такое гусиное гоготанье, но за простой насмѣшливый взглядъ люди расплачиваются—знаете ли чѣмъ?.. Крровью своею!.. Vous... comprenez vous?..

— Я знаю,—сказалъ Осининъ, которому начала уже надоѣдать эта сцена. — Вамъ слѣдовало бы говорить это тѣмъ молодымъ людямъ, которые хохотали, а не мнѣ. Добраго вечера!..

— Нѣтъ, постойте!—вскричалъ, схвативъ его за руку, старикъ, сообразившій теперь, что дѣйствительно смѣялись надъ нимъ какіе-то другіе люди, быстро пробѣжавшіе дальше, а Оси-

Digitized by Google

нинъ подошелъ къ нему уже послѣ нихъ.—Если вы считаете себя обиженнымъ моими словами, то вотъ...

Пошаривъ другою рукою въ боковомъ карманѣ сюртука, онъ досталъ визитную карточку и трясущеюся рукою приподнесъ ее съ полупоклономъ Осинину.

— ... Вотъ вамъ моя карточка... Я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ... Во всякое время... Bonsoir!..

Завернувшись въ свою шинель, гордо выставивъ впередъ правое плечо и шагая шире правой ногой, чѣмъ лѣвой, онъ направился на другую сторону улицы. Осининъ пошелъ дальше, спрашивая самого себя: гдѣ онъ встрѣчалъ уже этого чудака съ длинными, полусѣдыми волосами, начерненными усами и въ очень, очень ветхой длиннополой шинели? У одного изъ фонарей онъ посмотрѣлъ на врученную ему, пожелтѣвшую отъ времени карточку, но увидѣлъ на ней совершенно незнакомую фамилію: «Андрей Севастьяновичъ Сафировъ». Рѣшивъ, что встрѣчалъ этого старика, вѣроятно, просто на улицѣ, Осининъ скоро пересталъ думать о немъ и опять возвратился къ своимъ воспоминаніямъ и размышленіямъ объ Анѣ.

IV.

Лѣтъ пять назадъ, покуда ему не представилось болѣе подходящаго мѣста на фабрикѣ, Осининъ около полугода былъ на казенной службѣ и въ это время познакомился со своимъ ближайшимъ начальникомъ, Никандромъ Семеновичемъ Спасскимъ. Знакомство это не могло быть особенно короткимъ или товарищескимъ. Осинину было тогда двадцать два года, а Никандру Семеновичу—около тридцати пяти лѣтъ. Осининъ жилъ если не какъ птица небесная, то все таки, какъ порядочно легкомысленный человѣкъ: за дрянную комнату, стоившую по самой щедрой оцѣнкѣ не дороже шести рублей, онъ платилъ десять; деньги, на которыя ему надлежало прожить мѣсяцъ, издерживалъ въ одну недѣлю; а на службѣ, вмѣсто того чтобы заниматься дѣломъ, строчилъ какой-то романъ. Никандръ же Семеновичъ не только не писалъ романовъ, но даже никогда не читалъ ни ихъ, ни какихъ бы то ни было другихъ книгъ. Онъ чуть ли не съ шестнадцати лѣтъ находился на службѣ, всегда обращался бережно не только съ каждою копѣйкой, но съ каж-

Digitized by Google

дой тряпкой изъ своихъ вещей; скопилъ себѣ кое-какія деньжонки, пріобрѣлъ домикъ, разводилъ какихъ-то особенныхъ хохлатыхъ куръ, держалъ гусей, ухаживалъ, насколько умѣлъ, за яблонями въ своемъ саду и каждое лѣто получалъ за яблоки отъ съемщиковъ рублей тридцать-сорокъ. «Все же деньги,—на голой землѣ не поднимешь». Такому положительному и, притомъ, избѣгавшему всякихъ ненужныхъ знакомствъ человѣку, по всей вѣроятности, не пришло бы и въ голову заводить какое нибудь знакомство съ такимъ пустымъ молодымъ человѣкомъ, какъ Осининъ, еслибы отецъ Осинина не находился въ чинѣ тайнаго совѣтника и не занималъ, до своей отставки, довольно виднаго служебнаго поста. Этотъ чинъ и этотъ постъ производили на Никандра Семеновича такое впечатлѣніе, что онъ и на молодаго Осинина не могъ смотрѣть, какъ на обыкновеннаго легкомысленнаго юношу, а видѣлъ въ немъ какое-то особенное существо, къ недостаткамъ котораго никакъ нельзя относиться съ такою же строгостью, какъ къ недостаткамъ другихъ молодыхъ людей.

Впрочемъ, внѣ канцеляріи, Осининъ и Никандръ Семеновичъ все таки видѣлись очень рѣдко. Когда же Осининъ перешелъ изъ этой канцеляріи на частную службу, они почти совсѣмъ перестали встрѣчаться. Съ годъ, если не больше, Осининъ ничего не зналъ о своемъ бывшемъ начальникѣ, и вдругъ однажды встрѣтился съ нимъ на улицѣ, недалеко отъ его дома. По обыкновенію, Никандръ Семеновичъ какъ будто чрезвычайно обрадовался встрѣчѣ съ нимъ.

— Ко мнѣ, ко мнѣ... непремѣнно должны зайти ко мнѣ... Вѣдь сколько времени не видались,—говорилъ онъ.—Можетъ быть, вы слышали: у меня въ жизни произошла большая перемѣна... Я женился...

Осининъ поздравилъ его и сказалъ еще что-то, въ родѣ того, что было давно пора обзавестись хозяйкой.

— Не знаю... Какъ сказать... Въ холостомъ состояніи тоже есть свои преимущества,—отвѣчалъ Никандръ Семеновичъ, по обыкновенію подставляя передъ своимъ собесѣдникомъ протянутую руку съ растопыренными пальцами и выгнутою ладонью, какъ будто именно на этой ладони и помѣщались упомянутыя имъ преимущества.—Покуда была жива маменька, я и не помышлялъ о женитьбѣ, но когда она скончалась — царство ей

Digitized by Google

небесное!—положеніе сдѣлалось совсѣмъ другое... Какое ни на есть, а все таки у меня заведено хозяйство; по службѣ мнѣ приходится иногда на нѣсколько дней уѣзжать изъ города. На кого же я оставлю домъ, когда прислуга нынче повелась у насъ такая, что она, пожалуй, черезъ часъ послѣ моего отъѣзда, запретъ ворота и сама уйдетъ куда нибудь въ гости?..

Излагая эти свои соображенія, казавшіяся Осинину невыразимо странными, Никандръ Семеновичъ привелъ своего гостя въ комнаты. Однако, комнаты оказались пустыми. Никандръ Семеновичъ заглянулъ въ кухню, но и въ кухнѣ не было никого. Разводя руками, Никандръ Семеновичъ пробормоталъ нѣсколько задрожавшимъ отъ волненія голосомъ, что жена, должно быть, въ саду, и пошелъ туда. Осининъ послѣдовалъ за нимъ. Войдя въ садъ, они сейчасъ же увидѣли невдалекѣ молоденькую женщину, сидѣвшую на скамейкѣ, въ тѣни. Она до того зачиталась какою-то книгою, что не слыхала, какъ подходили къ ней, и вздрогнула всѣмъ тѣломъ, вдругъ увидѣвъ людей передъ собой.

— Зачиталась!.. Помилосердствуй, матушка!.. Калитка отперта... двери отперты... въ комнатахъ ни души. Приходи, кто хочетъ, и тащи, что̀ понравится!—воскликнулъ Никандръ Семеновичъ все тѣмъ же, трепетавшимъ отъ душевнаго волненія, голосомъ.—Вотъ, рекомендую тебѣ молодаго человѣка, Николая Петровича Осинина,—прибавилъ онъ, разстроенно махнувъ рукой.

Осининъ вчужѣ покраснѣлъ за грубую неделикатность Никандра Семеновича, вздумавшаго распекать свою жену въ присутствіи совершенно незнакомаго ей человѣка. Но она не покраснѣла, только блѣдное лицо ея какъ будто еще больше поблѣднѣло, да брови слегка сдвинулись, да серьезные глаза сдѣлались еще серьезнѣе и даже суровѣе. Она вяло подала руку Осинину и, не сказавъ ни одного слова, сейчасъ же ушла изъ сада. Побродивъ нѣсколько минутъ по саду, Осининъ и Никандръ Семеновичъ пошли въ комнаты.

— Да гдѣ же, наконецъ, эта проклятая баба, кухарка?—воскликнулъ, обращаясь къ женѣ, Никандръ Семеновичъ, по дорогѣ заглянувшій въ кухню.

— Я не знаю,—отвѣчала она, опять слегка нахмуривъ брови.—Когда я уходила въ садъ, она была на крыльцѣ.

Digitized by Google

— Вотъ, изволите видѣть!—почти съ отчаяніемъ вскричалъ Никандръ Семеновичъ и снова повернулъ къ Осинину свою ладонь, какъ будто приподнося на ней это живое подтвержденіе его недавнихъ словъ.

Затѣмъ, съ дрожью въ голосѣ, съ видомъ неподдѣльнаго и глубокаго страданія, онъ произнесъ цѣлый страстный монологъ о томъ, что прислуга отравляетъ ему жизнь и нѣтъ Бога у этихъ людей! «Идутъ... приходятъ... нанимаются... есть ихъ сколько угодно... Корми, пои ихъ, отводи имъ теплое помѣщеніе, давай каждый вечеръ освѣщеніе, приготовляй имъ каждый мѣсяцъ жалованье и не забудь еще отъ времени до времени дѣлать подарки... А они, живя на всемъ готовомъ и не зная никакой заботы о завтрашнемъ днѣ, будутъ васъ за это изводить медленною смертью изо дня въ день и изъ часа въ часъ. Провизію для обѣда—испортятъ... дрова, запасенные на цѣлый годъ,—изведутъ и растащатъ въ два мѣсяца... посуду перебьютъ... лошадь опоятъ или искалѣчатъ... деревья въ саду польютъ горячимъ щелокомъ... бѣлье, при первой же стиркѣ, изорвутъ въ клочки... промокшіе на дождѣ сапоги—сунутъ въ горячую печку... Ни одной минуты нельзя быть спокойнымъ, чтобы они не поставили куда нибудь въ сарай или на погребицу горшка съ непотухшими угольями... Ни одного дня не проходитъ безъ какихъ нибудь непріятностей, ни одного часа покоя... Мучители, кровопійцы, не люди, а какіе-то изверги»!..

Осининъ смущенно молчалъ. Молоденькая жена Никандра Семеновича тоже не проронила ни одного слова, но во все время, покуда длился монологъ мужа, съ ея суроваго лица не сходила чуть замѣтная презрительная и какъ будто злая усмѣшка.

Нѣсколько успокоившись, Никандръ Семеновичъ, по обыкновенію почтительно, съ участіемъ, справился у Осинина о здоровьѣ его «батюшки», котораго онъ, сказать къ слову, видѣлъ всего только раза два, да и то издали, въ церкви. Послѣ этого онъ заговорилъ о своихъ сослуживцахъ, знакомыхъ и съ Осининымъ, о разныхъ служебныхъ новостяхъ и нововведеніяхъ, и наконецъ, уже не въ первый разъ, о томъ, что совершенно напрасно онъ, Осининъ, сынъ такого виднаго въ служебномъ мірѣ человѣка, оставилъ коронную службу и перешелъ на частную. Этотъ разговоръ, очевидно, уже нисколько не интересо-

Digitized by Google

валъ молодую хозяйку. Нѣсколько минутъ она просидѣла съ ними, по прежнему молчаливая, равнодушная, съ едва замѣтно сдвинутыми бровями, потомъ ушла и, возвратившись черезъ четверть часа, почти безшумно начала собирать на обѣденный столъ въ сосѣдней комнатѣ чайную посуду.

— Что̀, пришла, наконецъ, кухарка?—спросилъ Никандръ Семеновичъ.

— Нѣтъ. Да она, должно быть, совсѣмъ ушла... потому что унесла и всѣ свои вещи,—отвѣчала изъ сосѣдней комнаты молодая хозяйка такъ спокойно, какъ люди говорятъ о какихъ нибудь естественнѣйшихъ явленіяхъ въ родѣ того, напримѣръ, что послѣ большаго дождя бываетъ сыро.

Пораженный этимъ извѣстіемъ до глубины души, Никандръ Семеновичъ поднялъ къ верху и показалъ Осинину на этотъ разъ уже обѣ свои ладони.

V.

Попытавшись нѣсколько разъ завести разговоръ съ этой суровой молоденькой женщиной, Осининъ узналъ въ этотъ вечеръ, частью отъ нея самой, а частью отъ ея мужа, только то, что зовутъ ее Анной Васильевной, что ей восемнадцать лѣтъ, что у нея есть отецъ, мать, сестра, что отецъ и мать живутъ въ этомъ же городѣ, а сестра уѣхала съ мужемъ въ Закаспійскую область. Анна Васильевна говорила только то, что̀ прямо требовалось сказать, чтобы отвѣтить на предложенный вопросъ, и больше не прибавляла отъ себя ни одного лишняго слова.

Потерявъ всякую надежду заставить ее разговориться, Осининъ, наконецъ, отступился отъ нея и, потолковавъ еще нѣсколько минутъ съ Никандромъ Семеновичемъ, ушелъ домой. Однако, онъ не забылъ эту странную молоденькую женщину. Отъ времени до времени, безъ всякой видимой причины, она вдругъ вспоминалась ему съ своимъ серьезнымъ, блѣднымъ лицемъ, загадочно холодными глазами и едва замѣтной складочкой между бровями, придававшей всему ея лицу суровое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто очень грустное выраженіе. Недѣли черезъ двѣ Осининъ уже самъ зашелъ къ Спасскимъ. Хотя на этотъ разъ у нихъ въ домѣ не происходило никакой чрезвычайной исторіи съ прислугой или по поводу чего бы то ни

Digitized by Google

было другаго, однако Анна Васильевна была все та же. Въ теченіе слѣдующаго мѣсяца, Осининъ нарочно потрудился подыскать нѣсколько болѣе или менѣе благовидныхъ предлоговъ и, подъ прикрытіемъ ихъ, побывалъ у Никандра Семеновича уже раза три или четыре. Анна Васильевна оставалась все такою же.

Домъ Никандра Семеновича былъ на Верхней Никольской улицѣ. Рядомъ съ этой улицею, только ниже ея на нѣсколько сажень, подъ уступомъ, шла Нижняя Никольская улица, а за нею былъ опять уступъ, спускавшійся къ довольно скверной рѣчонкѣ, которая лѣтомъ почти совсѣмъ пересыхала и оказывалась ни на что негодной, а весной, въ полую воду, выступала изъ береговъ и являлась не только въ огороды, но во дворы и сѣни прибрежныхъ домовъ. Въ концѣ іюля, ночью, часу въ двѣнадцатомъ, на Нижней Никольской вспыхнулъ пожаръ. Осининъ, проходившій недалеко отъ этой части города, пошелъ за народомъ, въ видимомъ возбужденіи спѣшившимъ къ мѣсту пожарища и, вмѣстѣ съ толпою, вышелъ на Никольскую площадь. Одна изъ сторонъ этой площади подходила къ самому краю уступа, подъ которымъ внизу тянулась Нижняя Никольская улица. Вмѣстѣ съ другими, Осининъ подошелъ къ краю обрыва и, какъ другіе, тотчасъ же отшатнулся назадъ. Внизу была точно громадная печь, въ которой гудѣли и бушевали цѣлыя волны пламени. Горѣло уже пять или шесть дворовъ, но каждый могъ видѣть, что это было только начало пожара. Сосѣдніе дома, близко примыкавшіе къ горѣвшимъ и тѣсно окруженные со всѣхъ сторонъ разными хозяйственными пристройками, тоже начинали загораться; изъ-подъ крышъ домовъ, стоявшихъ по другую сторону улицы, напротивъ этой разожженной печи, уже струился дымъ. Къ тому же, поднимался довольно сильный вѣтеръ. Порывисто налетѣвъ на пожарище, онъ на нѣсколько времени точно пригибалъ пламя къ землѣ, загонялъ его внутрь полуобгорѣвшихъ строеній, но оно сейчасъ же съ новою силою вырывалось наружу и вскидывалось высоко вверхъ крутящимися огненными столбами, разбрасывая во всѣ стороны снопы искръ.

— Боже мой... Боже мой!.. какой это ужасъ!—вскричала, закрывая лицо руками, молодая женщина, подошедшая къ обрыву вскорѣ послѣ Осинина.

Digitized by Google

Осининъ, не сразу узнавшій Анну Васильевну, подошелъ къ ней. Очевидно, она, какъ была дома, въ одномъ платьѣ, въ туфляхъ, такъ и выскочила на улицу, только накинувъ мимоходомъ на голову и на плечи первый попавшійся платокъ. Освѣщенное пожаромъ, лицо ея казалось теперь еще блѣднѣе обыкновеннаго, глаза блестѣли.

— И еще, и еще... и тамъ... Посмотрите, и туда идетъ огонь!—съ тоскою говорила она, показывая на вновь загоравшіеся дома.—Да неужели же не могутъ ничего сдѣлать?!.

Подумавъ, что она боится, чтобы пожаръ не дошелъ и до ихъ дома, Осининъ началъ успокоительно объяснять ей, что нѣтъ никакого основанія думать, чтобы огонь могъ перейти на Верхнюю улицу, которая отдѣлена отъ Нижней и высокимъ уступомъ, и садами. Къ тому же, и вѣтеръ гонитъ пламя больше къ рѣкѣ.

Сначала Анна Васильевна видимо не понимала, что̀ и зачѣмъ онъ говоритъ ей о Верхней улицѣ, но потомъ поняла и досадливо отмахнулась рукой.

— Ахъ, къ намъ?—сказала она почти съ ненавистью.—Да пусть идетъ!.. Пусть бы ужь лучше горѣло тамъ, наверху... У насъ тамъ, я думаю, все застраховано и живутъ не такіе бѣдняки, какъ здѣсь... Я прожила здѣсь восемь лѣтъ и знаю чуть не каждый домъ и каждую семью. Это гибель имъ.

Осининъ спросилъ, не здѣсь ли живутъ ея отецъ и мать.

— Ахъ, нѣтъ!—опять досадливо отвѣчала она, идя по краю уступа и вглядываясь въ бушевавшія внизу волны огня и дыма.—Вотъ, кажется, здѣсь жили двѣ сестры—старухи, которыя только и перебивались кое-какъ, благодаря этому несчастному домишкѣ. Чѣмъ онѣ теперь будутъ жить?.. Ну, да онѣ, по крайней мѣрѣ, хоть старухи: можетъ быть, догадаются во̀-время умереть... А подлѣ нихъ жилъ каменьщикъ съ женой, съ пятерыми дѣтьми, изъ которыхъ самому старшему было двѣнадцать лѣтъ... съ матерью... Они и безъ того едва-едва сводили концы съ концами. Что же будетъ теперь?.. А такихъ семействъ здѣсь были десятки! Ахъ, горе, горе!..

— Или, вы думаете, имъ помогутъ?—съ горечью продолжала она, хотя Осининъ не говорилъ и не думалъ ничего подобнаго.—Кто? Ужь не мы ли?.. Добрыя барыни и великодушные господа!.. Или, можетъ быть, Аллахъ?.. Непремѣнно придутъ

Digitized by Google

помогать одни только ростовщики. Прежде они здѣсь давали деньги за десять процентовъ въ мѣсяцъ, а теперь, вѣроятно, будутъ раздавать за пятнадцать. Эти ужь непремѣнно добьютъ и безъ того убитыхъ... Кто не пьянствовалъ, тотъ въ ихъ когтяхъ начнетъ пьянствовать; кто пилъ и прежде, тотъ уже совсѣмъ сопьется; а у кого еще была надежда какъ нибудь поправиться, такъ на все махнетъ рукой.

Они дошли до конца обширной площади, до какого-то заброшеннаго садика съ полуразвалившимся заборомъ, подходившимъ къ самому уступу и загораживавшимъ дорогу дальше. Около него лежала груда бревенъ. Анна Васильевна сѣла на одно изъ нихъ и, полузакрывъ лицо руками, смотрѣла внизъ, на знакомые ей дома, горѣвшіе, загоравшіеся или покуда еще не тронутые огнемъ, но обреченные ему. Отъ времени до времени, Осининъ тоже прикрывалъ рукою лицо и глаза отъ нестерпимаго жара, распространявшагося снизу. А тамъ, внизу, сквозь ревъ пожара, раздуваемаго вѣтромъ, грохотали тяжелыя бочки, стучали топоры и ломы, гремѣло срывавшееся съ крышъ желѣзо, слышалось угрюмое уханье сбившейся въ одну черную кучу толпы людей, которая старалась растащить баграми какое-то строеніе. Какъ потревоженные муравьи въ разоряемомъ муравейникѣ, сновали во всѣхъ направленіяхъ мужчины и женщины, тащившіе изъ своихъ жилищъ узлы, сундуки, корзины съ разною рухлядью, образа, комоды. Въ одномъ домишкѣ сѣдой старикъ вынималъ рамы изъ оконъ. Въ другомъ, стоявшемъ рядомъ, высокій худощавый мужчина, съ помощью женщины, снималъ съ петель даже полотнища воротъ и громоздилъ ихъ на телѣгу.

— И этотъ вѣтеръ, этотъ проклятый вѣтеръ!—съ ожесточеніемъ и злобой вскричала Анна Васильевна, когда налетѣвшій вѣтеръ взметнулъ высоко къ небу цѣлую тучу искръ и разбросалъ ихъ по дворамъ и крышамъ еще не загорѣвшихся домовъ.

Почти прямо противъ нея возвышались надъ обгорѣвшими развалинами какіе-то три, четыре дерева. Они не горѣли огнемъ, только кора на нихъ была какъ будто сплошь покрыта массою огненныхъ червей, быстро копошившихся на ней и жадно глодавшихъ ее. Гдѣ-то въ отдаленіи, повидимому около рѣчонки, началось почти безпрерывное мычанье коровъ, сначала тревож-

Digitized by Google

ное и печальное, но потомъ становившееся все болѣе и болѣе отчаяннымъ и почти страшнымъ. Въ заброшенномъ садикѣ съ полуразвалившимся заборомъ, около котораго сидѣла Анна Васильевна, неумолчно раздавались меланхолическіе разговоры цѣлаго полчища куръ. Можно было подумать, что сюда укрылись отъ угрожавшей имъ опасности всѣ куры и цыплята со всей горѣвшей улицы и теперь уныло переговаривались о томъ, что̀ же будетъ дальше.

— Кудахтушки... глупыя!.. И вы остались безъ пристанища!—сквозь слезы проговорила Анна Васильевна.

Осининъ, давно уже находившій, что нельзя же стоять и смотрѣть, сложа руки, на это потрясающее зрѣлище, сказалъ ей, что пойдетъ туда, внизъ, но она даже не слышала его и, закрывъ лицо руками и тихо вздрагивая всѣмъ тѣломъ, горько плакала.

VI.

Возвращаясь на другой день изъ конторы, Осининъ зашелъ къ Спасскимъ, чтобы справиться, не случилось ли вчера чего нибудь съ Анной Васильевной и здорова ли она. Анна Васильевна стояла на крыльцѣ съ ломтемъ бѣлаго хлѣба въ рукахъ и, расщипывая его на мелкіе кусочки, бросала курамъ, толпившимся вокругъ крыльца. По обыкновенію, слегка нахмуренныя брови ея нахмурились еще замѣтнѣе, когда она увидѣла вошедшаго во дворъ Осинина.

— Никандра Семеновича нѣтъ дома,—сказала она, не двинувшись съ мѣста.

— Но, можетъ быть, онъ скоро возвратится?

— Нѣтъ, онъ ушелъ на весь вечеръ.

Говорила она такъ сухо, смотрѣла такъ холодно, что Осининъ обидѣлся и хотѣлъ сейчасъ же уйти. Однако, уже собравшись уходить, онъ сказалъ:

— Знаете ли, сколько вчера сгорѣло домовъ?.. Тридцать восемь...

— Да? Ну, что дѣлать... какъ нибудь справятся... Никандръ Семеновичъ говоритъ, что нѣтъ худа безъ добра, что покуда громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится... и когда нѣтъ горя, церкви пусты, а кабаки полны... Что жь, онъ, можетъ

Digitized by Google

быть, и правъ. Онъ человѣкъ набожный,—отвѣчала она такимъ тономъ, что еслибы не послѣднія слова, звучавшія прямо насмѣшливо, трудно было бы разобрать,—серьезно она говоритъ или иронизируетъ...

— Какъ видно, вы очень любите животныхъ,—сказалъ Осининъ, смотря, какъ она кормитъ куръ, и вспомнивъ ея вчерашнее обращеніе къ «глупымъ кудахтушкамъ», спасшимся отъ пожара въ заброшенный садикъ.

— Я?.. Съ чего вы это взяли?.. Нѣтъ. Я ихъ терпѣть не могу. Ненавижу. Онѣ мнѣ вытянули всю душу,—отвѣчала она, морщась, какъ отъ боли.—Никандръ Семеновичъ—хорошій хозяинъ. Онъ говоритъ, что куръ не слѣдуетъ кормить лѣтомъ, потому что лѣтомъ онѣ и сами могутъ найти себѣ достаточно корму; а если ихъ кормить и кромѣ этого, то онѣ зажирѣютъ и будутъ плохо нестись. Другіе кормятъ, онъ не кормитъ; но, я говорю, онъ хорошій хозяинъ и, разумѣется, знаетъ, что дѣлаетъ. А эти негодныя куры все таки дѣлаютъ видъ, что онѣ постоянно голодны. Нельзя ни выйти на крыльцо, ни показаться у открытаго окна, потому что онѣ сейчасъ же всѣ соберутся передо мной, и посмотрѣли бы вы, какими глазами посматриваютъ на меня, какими жалостными голосами курлычутъ что-то по своему. Силъ нѣтъ смотрѣть и слушать... Не переношу я ихъ!.. Ненавижу и этихъ,—прибавила она, указывая на двухъ кошекъ, усѣвшихся у ея ногъ.—Никандръ Семеновичъ справедливо говоритъ, что держитъ ихъ совсѣмъ не для своего и не для ихняго удовольствія, а для того, чтобы онѣ ловили крысъ и мышей. Для того же, чтобы онѣ не лѣнились, ихъ нужно держать впроголодь; иначе онѣ только и будутъ дѣлать, что спать на солнышкѣ или въ кухнѣ на печкѣ. Кажется, совершенно справедливо, а онѣ тоже разыгрываютъ роль какихъ-то обиженныхъ Богомъ созданій.., Вотъ полюбуйтесь, какими страдальческими глазами смотрятъ на меня и даже не мяукаютъ, а какъ-то пищатъ или, еще того хуже, просто разѣваютъ ротъ... Ахъ, да убирайтесь вы отъ меня, уйдите, отвяжитесь!—вскричала она съ сердцемъ и бросила кошкамъ оставшіяся у нея въ рукахъ корки хлѣба.—Чѣмъ я васъ буду кормить? Да и съ какой стати?.. Шли бы лучше отсюда въ какой нибудь другой домъ, если здѣсь не нравится.

Сложивъ руки, она хмуро посматривала на куръ, уныло

Digitized by Google

бродившихъ вокругъ крыльца; на кошекъ, жадно глодавшихъ корки, и сердито постукивала ногой. Осининъ попробовалъ заговорить еще о чемъ-то, но она отвѣчала такъ вяло и неохотно, что онъ тоже замолчалъ и скоро ушелъ, глубоко задумавшись объ этой странной женщинѣ. Прежде ему казалось, что она почему-то предубѣждена противъ него и оттого относится къ нему такъ непривѣтливо. Но въ послѣднее время онъ началъ приходить къ тому заключенію, что у нея на сердцѣ есть какое-то, ни на минуту не покидающее ея, большое горе или страданіе, и, подъ болѣзненнымъ вліяніемъ его, все представляется ей въ слишкомъ черномъ свѣтѣ, все раздражаетъ ее.

Недѣли черезъ три послѣ этого, въ субботу, когда Осинину обыкновенно приходилось засиживаться на фабрикѣ до поздняго вечера, онъ возвращался домой по своей любимой береговой дорогѣ. Дойдя до того мѣста, гдѣ и берегъ, и шедшая по нему монастырская стѣна довольно круто поворачивали налѣво, онъ вдругъ встрѣтился почти лицомъ къ лицу съ вышедшими изъ-за этого поворота мужчиной и женщиной. Было уже такъ темно, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть только общія очертанія этихъ двухъ фигуръ и неопредѣленные цвѣта костюма женщины, но Осининъ почему-то сейчасъ же вспомнилъ объ Аннѣ Васильевнѣ. Неужели это она?.. Мужчина, шедшій,—насколько можно было разсмотрѣть,—подъ руку съ нею, показался Осинину тоже знакомымъ. Кто это? Гдѣ онъ видѣлъ эту рослую, массивную фигуру, рядомъ съ которой предполагаемая или дѣйствительная Анна Васильевна казалась уже совсѣмъ дѣвочкой?..

И вдругъ Осининъ вспомнилъ, гдѣ онъ видѣлъ этого человѣка; вспомнилъ и его фамилію, и все, что̀ слышалъ о немъ. Фамилія его была—Полосовъ. Купецъ ли, дворянинъ ли былъ его отецъ,—этого Осининъ не помнилъ, а, можетъ быть, даже и не зналъ никогда. Онъ помнилъ только, что старикъ Полосовъ былъ прежде довольно богатымъ человѣкомъ, велъ какія-то большія дѣла и жилъ на широкую ногу, но потомъ разорился, принужденъ былъ поступить изъ-за жалованья на весьма скромное мѣсто и вскорѣ умеръ. Жена его умерла, кажется, еще раньше. У нихъ былъ сынъ, единственное и поэтому нѣжно любимое матерью дѣтище. Онъ выросъ въ богатствѣ, учиться не чувствовалъ ни охоты, ни надобности, провелъ года два въ

Digitized by Google

гимназіи, въ юнкерскомъ училищѣ и еще гдѣ-то, покуда, наконецъ, не нашелъ, что на дальнѣйшее образованіе не стоитъ больше тратить времени. Нѣсколько лѣтъ онъ прожилъ безъ всякаго опредѣленнаго дѣла, при отцѣ, дѣлая видъ, что въ чемъ-то помогаетъ старику, а въ сущности помогая ему развѣ только разоряться, и когда, наконецъ, это разореніе наступило, почувствовалъ себя жестоко обиженнымъ и отцомъ, и Богомъ, и людьми, которые, какъ ему казалось, несомнѣнно ограбили его... Волей-неволей приходилось пріискивать себѣ какого нибудь мѣста, но при этомъ тотчасъ же оказалось, что всѣ болѣе порядочныя мѣста были давно расхватаны другими, а на его долю оставались только маленькія должности съ такими нищенскими окладами, что жить на эти деньги было, все равно, нельзя. Въ Полосовѣ еще больше возрасла его своеобразная ненависть къ человѣчеству вообще, а въ особенности къ тѣмъ болѣе или менѣе обезпеченнымъ людямъ, которые захватили себѣ всѣ хорошія мѣста и загородили ему дорогу. Годъ изъ году жизнь его становилась все темнѣе и неопредѣленнѣе. Говорили, что одно время онъ былъ на содержаніи у какой-то купчихи, покуда не обобралъ ея до чиста; былъ помощникомъ капитана на пароходѣ, но потерялъ это мѣсто за то, что подпоилъ и несовсѣмъ честнымъ образомъ обыгралъ въ карты какого-то богатенькаго юношу; былъ управляющимъ одного большаго дома, но едва не попалъ на скамью уголовнаго суда, по подозрѣнію въ томъ, что, сговорившись съ домовладѣльцемъ, сжегъ этотъ домъ, застрахованный въ очень крупную сумму...

«Не можетъ быть, чтобы съ нимъ была Анна Васильевна»!—сказалъ самому себѣ Осининъ, припомнивъ все это. Ему пришло въ голову, что самое лучшее будетъ—зайти теперь, по дорогѣ, къ Спасскимъ и посмотрѣть, дома ли Анна Васильевна. Навѣрное она дома и никуда не выходила вечеромъ.

VII.

Однако, Никандръ Семеновичъ былъ одинъ. Въ туфляхъ, въ старенькомъ пальто, въ ночной рубашкѣ съ какимъ-то чрезмѣрно обширнымъ воротникомъ, онъ сидѣлъ у самовара и, по обыкновенію, обрадовался Осинину, къ которому почувствовалъ въ послѣднее время еще большее расположеніе за то, что

Digitized by Google

Осининъ, сдѣлавшійся теперь на фабрикѣ счетоводомъ, нерѣдко обращался къ нему за совѣтами относительно веденія счетныхъ книгъ.

— Пожалуйте, пожалуйте,—заговорилъ онъ.—Прямо съ фабрики? Опять, по случаю субботы, была у васъ въ нѣкоторомъ родѣ баня: и разсчетные листы, и раздача жалованья, и прочее, и прочее, и прочее... Пожалуйте...

Осининъ спросилъ объ Аннѣ Васильевнѣ:—здорова ли она? Никандръ Семеновичъ отвѣчалъ, что Нюта, слава Богу, здорова, только ея нѣтъ дома.

— Да вотъ, должно быть, и она; легка на поминѣ,—тотчасъ же прибавилъ онъ, услышавъ, что въ прихожую кто-то входитъ.—Нюта, ты? Гдѣ это ты запропала?.. Марья Степановна, къ которой ты пошла, сама приходила сюда.

— Да, я знаю,—какъ будто нехотя проговорила Анна Васильевна.

Вслушиваясь въ слова мужа и отвѣчая ему, Анна Васильевна показалась секунды на двѣ противъ двери въ сосѣдней темной комнатѣ, и увидѣвшій ее теперь, опять во мракѣ, Осининъ тотчасъ же пересталъ сомнѣваться, что видѣлъ на берегу именно ее. Съ Полосовымъ была несомнѣнно она... И вдругъ имъ овладѣло горькое, тягостное, сложное чувство, въ которомъ онъ и самъ затруднился бы разобраться. Ему было больно, что эта женщина, въ которой онъ видѣлъ или, лучше сказать, предполагалъ такъ много хорошаго и добраго, оказывалась самою обыкновенною, дрянненькою бабенкою... Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто самъ былъ обманутъ, оскорбленъ ею, и начиналъ почти ненавидѣть ее за это. Такъ вотъ въ чемъ заключается ея тайна, ея горе и страданіе, о которомъ онъ такъ часто задумывался съ такимъ сожалѣніемъ о ней. Эта тайна, это страданіе называются Полосовымъ... Что за гадость!..

Никандръ Семеновичъ разсказывалъ ему изъ своей служебной жизни какой-то случай съ фальшивыми деньгами, но Осининъ на половину не слушалъ его и думалъ въ это время, что, конечно, Никандръ Семеновичъ—мелочный, скупой, копѣечный человѣкъ, но чѣмъ же она-то лучше его?.. Ему было жаль Никандра Семеновича... Потомъ на минуту вышла Анна Васильевна и сейчасъ же опять ушла. Потомъ пришелъ румяный, сѣдоволосый купецъ, очевидно, хорошій знакомый Никандра Семено-

Digitized by Google

вича, и завелъ рѣчь о какихъ-то справкахъ и бумагахъ, которыя ему очень нужно было бы сдѣлать и написать какъ можно скорѣе. Извинившись передъ Осининымъ, что оставитъ его «на полчасика», Никандръ Семеновичъ ушелъ съ этимъ новымъ гостемъ въ отдаленную маленькую комнату, служившую ему кабинетомъ.

Анна Васильевна опять пришла и налила себѣ чашку чаю. Осининъ не смотрѣлъ на нее и хмуро молчалъ, не чувствуя ни охоты, ни надобности заводить какой нибудь разговоръ съ этою женщиною, сразу такъ низко упавшею въ его глазахъ. Она тоже не смотрѣла на него и нѣсколько времени молчала, потомъ вдругъ спросила:

— Отчего вы не сказали мужу, что встрѣтились со мной на берегу?

Осининъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее и, вмѣсто отвѣта, только пожалъ плечами.

— Напрасно не сказали,—проговорила она, помолчавъ немного.—Нужно было бы объясниться... Послѣ объясненія, я ушла бы отъ него... и все было бы покончено. По крайней мѣрѣ, сразу... не тянулось бы.

— А всего проще и лучше было бы, еслибы вы совсѣмъ не приходили сюда,—жостко сказалъ Осининъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. А вы думаете, я теперь не вижу этого... не понимаю? — задрожавшимъ отъ волненія голосомъ возразила она.

— Что же? Васъ насильно выдали за него замужъ?—такъ же жостко продолжалъ спрашивать Осининъ.

— Насильно—не насильно, а выдали... Сама я не пошла бы за него,—какъ бы торопясь защититься и оправдаться, отвѣчала она.—Но моимъ отцу и матери казалось, какъ видно, что я не стою да и не дождусь никогда лучшаго мужа, чѣмъ онъ... Кому я могла понадобиться, когда у меня не было ни приданаго, ни красоты и ничего?.. Къ тому же онъ, помимо всего другаго, особенно подкупилъ ихъ еще тѣмъ, что собирался, когда я выду за него замужъ, отвести имъ хорошее даровое помѣщеніе въ своемъ покровскомъ домѣ и предоставить имъ завѣдываніе этимъ домомъ. У него вѣдь есть еще другой домъ, на Покровской улицѣ, — не такъ давно достался ему по наслѣдству послѣ дяди.

Digitized by Google

— Что же? Ваши родители до такой степени бѣдные люди?— хмуро перебилъ Осининъ, по прежнему не глядя на нее.

— Да... пожалуй... хоть я, право, не знаю... Отецъ получалъ пенсію, что-то около тридцати рублей... жили кое-какъ... и могли бы жить... Но это даровое помѣщеніе и жизнь почти что въ своемъ домѣ до такой степени вскружили имъ голову, что они, кажется, возненавидѣли меня, когда я отказывалась идти замужъ... Положимъ, ничего особенно ужаснаго не было... не истязали и не били меня. Они только перестали говорить со мной, не смотрѣли, отворачивались отъ меня... Но что же дѣлать, если я не могла вынести даже этого и дошла наконецъ до того, что готова была хоть броситься въ воду, хоть бѣжать изъ дому. Конечно, вы опять таки скажете, что лучше уже было убѣжать тогда...

Однако же Осининъ не сказалъ ничего.

— Къ тому же и они, и всѣ другіе говорили мнѣ, что онъ простой, хорошій, честный человѣкъ... тихій человѣкъ... постоянно за какимъ нибудь дѣломъ; что о немъ никто не скажетъ, чтобы онъ обманулъ кого нибудь или сдѣлалъ кому нибудь зло. Ну... хоть онъ не нравился мнѣ, но я постаралась увѣрить себя, что онъ дѣйствительно порядочный человѣкъ, и вышла за него...

— А потомъ нашли, что есть люди лучше его?—почти со злостью сказалъ Осининъ, думая о Полосовѣ, и засмѣялся презрительнымъ смѣхомъ.

Губы Анны Васильевны задрожали, и она нѣсколько времени не могла произнести ни слова.

— А впрочемъ,—сказала она наконецъ,—къ чему перебирать все это? Конечно, я во всемъ виновата. Будь мой мужъ и еще лучше, и добрѣе, и безупречнѣе,—дѣло, вѣроятно, все равно кончилось бы тѣмъ же. Я одна, одна во всемъ виновата... Нечего и оправдываться.

Скрестивъ на груди руки, сдвинувъ по обыкновенію брови, она смотрѣла куда-то прямо передъ собой съ такимъ выраженіемъ грустной, но твердой рѣшимости, какъ будто хотѣла сказать, что, называйте ее какими хотите именами, забрасывайте ее каменьями, она перенесетъ все безропотно, но не можетъ ничего измѣнить въ своемъ сердцѣ и въ своей жизни. Дѣлайте, что хотите!..

Digitized by Google

VIII.

Зайдя черезъ нѣсколько дней къ Спасскимъ, Осининъ уви дѣлъ на крыльцѣ какую-то маленькую старушку въ черномъ платьѣ, сидѣвшую на ступенькѣ и вязавшую чулокъ. На вопросъ Осинина: дома ли Никандръ Семеновичъ?—она отвѣчала, что онъ дома, только въ саду, и она сейчасъ пошлетъ за нимъ. Однако, Осининъ попросилъ ее не безпокоиться и самъ пошелъ въ садъ, съ тревогой спрашивая себя: что эта за черная старушка, вовсе не похожая на гостью?.. Со времени своего послѣдняго разговора съ Анной Васильевной, онъ постоянно думалъ, что она или уйдетъ отъ мужа, или расхворается, или кончитъ чѣмъ нибудь еще худшимъ, но ему почему-то казалось, что развязка не можетъ наступить такъ скоро. Неужели она уже наступила?

Никандръ Семеновичъ сидѣлъ на скамейкѣ подъ деревьями и вычерчивалъ обломкомъ палки какіе-то узоры на землѣ у своихъ ногъ. Распухшая отъ зубной боли, щека у него была повязана платкомъ. Увидѣвъ Осинина, онъ не выразилъ на своемъ лицѣ удовольствія, какъ выражалъ обыкновенно, не засуетился, даже не всталъ со скамьи.

— А, Николай Петровичъ... здравствуйте,—произнесъ онъ уныло.—Присаживайтесь сюда, ко мнѣ. Поди, уже слышали, какое несчастіе случилось у меня?

— Нѣтъ, я ничего не слышалъ,—блѣднѣя, отвѣчалъ Осининъ.

— А я думалъ, что уже всѣмъ извѣстно. Жена велѣла мнѣ кланяться,—изволила сбѣжать... Вотъ какой срамъ!.. До такого срама я не только никогда не думалъ дожить, да и во снѣ-то мнѣ ничего подобнаго не приходило въ голову...

— Какой же срамъ? Вѣдь вы не сдѣлали ничего дурнаго,—машинально возразилъ Осининъ, хотя и не застигнутый совсѣмъ врасплохъ этимъ извѣстіемъ, но все таки сильно взволнованный имъ.

— Тотъ срамъ, что оказался я въ круглыхъ дуракахъ!.. На меня теперь всѣ добрые люди пальцами показываютъ и смѣются—насмѣяться не могутъ... Да и какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не смѣяться, когда человѣкъ задумалъ устроиться по се-

Digitized by Google

мейному и устроился вотъ какимъ дурацкимъ образомъ? Какъ же не смѣшно? Помилуйте... Разумѣется, смѣшно! Какъ же не дуракъ послѣ этого? Разумѣется, самый круглый дуракъ!—съ горечью произнесъ Никандръ Семеновичъ и, по обыкновенію, показалъ Осинину свою ладонь, какъ будто все это было изложено на ней еще нагляднѣе.

— Дуракъ, дуракъ!—продолжалъ онъ, укоризненно покачивая головой на самого себя.—Когда я только еще подумывалъ объ этой женитьбѣ, точно какой-то внутренній голосъ предостерегалъ меня отъ этого: ой, выбрось ты эти мысли изъ своей головы; поздно тебѣ думать объ этомъ! Холостымъ человѣкомъ прожилъ ты до тридцати шести лѣтъ, слава Богу, тихо и спокойно, безъ большихъ заботъ и огорченій; а женишься,—что-то еще будетъ? Отъ добра добра не ищутъ! Ежели же тебѣ неудобно жить совсѣмъ одинокимъ, ну, посели у себя какую нибудь старушку, дальнюю родственницу, чтобы было кому присмотрѣть за хозяйствомъ и домомъ въ твое отсутствіе. Такъ нѣтъ же!.. Скучной показалась мнѣ такая жизнь. Вотъ и пріуготовилъ себѣ теперь веселье. Радуйся!..

— Обидно! — съ тою же горечью заговорилъ онъ опять, послѣ небольшой паузы.—И что всего обиднѣе, такъ это то, что и устраивалъ-то я себѣ это дѣло, кажется, не сгоряча, не по мальчишески, а со всею осмотрительностью, въ здравомъ умѣ и полной памяти. Сколько времени присматривался я къ ней и прислушивался къ тому, что говорятъ о ней... Ничего худаго!.. Серьезная, тихая, умная, работящая, добрая дѣвушка!.. Мало гдѣ бываетъ, мало съ кѣмъ знакома, не замѣтно, чтобы любила принарядиться, преисправно дѣлаетъ себѣ всякую черную домашнюю работу, потому что прислуги они не держали, и вообще жили весьма и весьма бѣдно... Чего, кажется, лучше?.. Да и потомъ, когда она уже вышла за меня замужъ, въ ней, какъ будто, ничего не перемѣнилось. Также не тянуло ее таскаться по улицамъ и по знакомымъ, также не гналась она за модными нарядами; также, когда намъ приходилось временно оставаться безъ прислуги, одна справлялась со всякими домашними дѣлами и даже дѣлалась за это время какъ будто веселѣе обыкновеннаго. И сердце у нея было доброе, такъ что, предоставь ей волю, она бы живехонько раздарила все съ себя направо и налѣво... И—что дороже всего

Digitized by Google

и рѣже всего встрѣчается въ людяхъ, а особенно въ женщинахъ,—никогда она не хитрила и не говорила неправды даже въ пустякахъ. Если она сказала «да», то «да» и есть, а если «нѣтъ», то, значитъ, такъ и есть,—нечего въ этомъ и сомнѣваться... Чего бы, кажется, лучше? Кажется, ни въ чемъ я не сдѣлалъ никакой ошибки и пріобрѣлъ себѣ настоящее сокровище, а между тѣмъ вотъ что вышло... Вотъ что вышло!—съ глубокою скорбью повторилъ Никандръ Семеновичъ и поднялъ къ верху уже обѣ ладони.

— Положимъ,—продолжалъ онъ, снова погружаясь, какъ въ разгадываніе мудреной загадки, въ размышленіе по поводу обрушившагося на него несчастія,—она была обидчива. Бывало, если пожуришь ее за что нибудь по хозяйству или даже просто скажешь ей съ досады непріятное слово, она на цѣлый день сдѣлается сама не своя и ходитъ, какъ черная туча. Да вѣдь эти непріятности бывали между нами только въ первое время. А потомъ, когда я присмотрѣлся къ ней и увидѣлъ, что если она и дѣлаетъ что нибудь не по моему, то вовсе не изъ желанія идти мнѣ наперекоръ, а по одной только неопытности или по неразсчетливости... тогда я сталъ уже смотрѣть сквозь пальцы на эти случаи. Молчалъ и дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю... Какъ ни была она обидчива и чувствительна, а за послѣднее время давно ужь ей не было причины обижаться на меня...

— Гдѣ же она теперь?—спросилъ Осининъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ Никандръ Семеновичъ, пожавъ плечами.—Говорятъ, уѣхала отсюда. И знаете ли, съ кѣмъ? Можетъ быть, вы слышали... есть здѣсь одинъ отъявленный негодяй, по фамиліи Полосовъ...

— Да, я слышалъ...

— Ну, такъ съ этимъ самымъ отъявленнымъ негодяемъ и уѣхала... Вотъ и разсудите, какъ хотите, что она нашла въ немъ и зачѣмъ эдакому негодяю понадобилась она. Родители ея разсуждаютъ, что это съ ней произошло какъ бы временное умопомѣшательство и что она скорехонько опомнится, воротится обратно и со слезами будетъ просить у меня прощенія... Ну, да это ихъ разсужденіе доказываетъ только то, что они ее совсѣмъ не понимали. Не такая она женщина, чтобы воротиться обратно. Никогда она и не воротится! Да и зачѣмъ?

Digitized by Google

Она для меня стала уже не та, какою была прежде. Я тоже сдѣлался послѣ этого точно совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Я только и думаю теперь о томъ, чтобы поскорѣе распродать мое имущество и перевестись на службу куда нибудь подальше отсюда. И, такимъ образомъ, наша общая семейная жизнь съ нею выходитъ чѣмъ-то въ родѣ прошлогодняго снѣга. Былъ да растаялъ, и ничего отъ него не осталось, кромѣ воспоминанія...

Осининъ сидѣлъ, глубоко взволнованный. Этотъ маленькій, мелочный, «копѣечный» Никандръ Семеновичъ вдругъ выросъ въ его глазахъ до такой степени, что на нѣкоторое время заслонилъ собою свою жену. Впечатлительному и легко увлекавшемуся Осинину думалось теперь, что Никандръ Семеновичъ, такъ хорошо понимавшій свою жену, очень любилъ ее, можетъ быть, даже въ то еще время, когда прозаически говорилъ, что женится на ней чуть ли не ради одного только того, чтобы имѣть при себѣ своего человѣка, на котораго можно бы было, уѣзжая по службѣ изъ города, оставлять домъ и хозяйство. Да и не только любилъ, — онъ и теперь полонъ любви къ ней, и если собирается распродать все свое достояніе и уѣхать куда-то, то вовсе не оттого, что здѣсь на него будутъ «указывать пальцами», а оттого, что ему тяжело оставаться въ своемъ опустѣвшемъ домѣ, тяжело ходить по улицамъ этого города, гдѣ все напоминаетъ ему о покинувшей его женщинѣ, и онъ хочетъ, какъ говорится, уйти отъ своего горя...

IX.

Покровскій свой домъ, находившійся на довольно бойкомъ мѣстѣ, по сосѣдству съ однимъ изъ рынковъ, Никандръ Семеновичъ продалъ довольно скоро, но потомъ его горячее стремленіе поскорѣе уѣхать куда нибудь подальше отсюда видимо стало ослабѣвать.

— Не знаю я, — нерѣшительно говорилъ онъ Осинину, встрѣтившись съ нимъ мѣсяца черезъ полтора послѣ бѣгства жены.—Домишка мой обошелся мнѣ самому тысячи въ двѣ съ лишнимъ, а даютъ за него всего только тысячу восемьсотъ. Не хочется даромъ терять деньги. Да къ тому же, нужно правду сказать, уѣзжать-то мнѣ отсюда тяжеленько. Какъ бы тамъ ни

Digitized by Google

было, а все таки я здѣсь родился, выросъ, прожилъ всю жизнь, всѣхъ здѣсь знаю, и всѣ меня знаютъ. Привыкъ. А привычка, говорятъ, вторая натура.

Потомъ, еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, должно быть въ концѣ февраля, когда уже стало чувствоваться приближеніе весны, Никандра Семеновича послали по дѣламъ службы въ отдаленный уѣздный городъ. Онъ уѣхалъ, разсчитывая воротиться дней черезъ десять. А дней черезъ десять Осининъ узналъ отъ случайно встрѣтившагося съ нимъ на улицѣ бывшаго сослуживца, что Никандръ Семеновичъ, жестоко простудившійся въ дорогѣ, умеръ въ этомъ отдаленномъ и совсѣмъ незнакомомъ ему городѣ, прохворавъ всего дня четыре.

— Тамъ, при монастырѣ, и похоронили его, раба божія,— съ легонькимъ вздохомъ прибавилъ куда-то торопившійся чиновникъ, прощаясь съ искренно опечаленнымъ Осининымъ.

Анна Васильевна точно канула въ воду. Встрѣчаясь отъ времени до времени съ ея матерью, которую видѣлъ раза два у Никандра Семеновича, Осининъ постоянно справлялся у нея, нѣтъ ли какихъ нибудь извѣстій объ ея дочери; но извѣстій не было никакихъ.

— Ни слуху, ни духу,—довольно сумрачно отвѣчала мать Анны Васильевны, очевидно, все еще продолжавшая сердиться на нее.—Мы съ мужемъ думаемъ, ужь не померла ли она. Теперь ей можно было бы и объявиться, еслибы была жива. Могла бы выхлопотать себѣ пенсію за службу мужа. Все таки имѣла бы обезпеченный кусокъ хлѣба.

Прошелъ годъ со времени ея бѣгства, прошло почти два года, однако Осининъ не могъ забыть эту, можно сказать, мелькомъ прошедшую мимо него женщину. Иногда безъ всякаго видимаго повода, иногда задумавшись о какой нибудь другой женщинѣ, иногда услышавъ свистокъ парохода и подумавъ о пріѣхавшихъ сюда и уѣзжающихъ отсюда,—онъ вдругъ вспоминалъ о ней съ такимъ чувствомъ, какъ будто бы она была не чужимъ для него человѣкомъ, а любимою сестрою, которую несчастная судьба забросила богъ вѣсть куда. Гдѣ она? Что съ нею? Умерла ли, дѣйствительно, или жива? Бросилъ ли ее Полосовъ или, можетъ быть, присмотрѣвшись къ нему поближе, она сама оставила его? И если онъ бросилъ ее или она сама оставила его,—какъ отозвалось въ ея горячемъ и впечатлитель-

Digitized by Google

номъ сердцѣ это новое разочарованіе и сознаніе новой грубой ошибки, сдѣланной ею?

И вдругъ она оказывается здѣсь; можетъ быть, завтра же ему удастся увидѣться съ нею!..

X.

На другой день было воскресенье, но Осининъ все таки пошелъ въ контору, разсчитывая на то, что если Полосовъ и Анна Васильевна остановились у Телепнева, то Евсѣичъ навѣрное уже знаетъ это; если же они остановились гдѣ нибудь въ гостинницѣ, то Евсѣичъ сейчасъ же можетъ узнать ихъ адресъ. Погода была хорошая; онъ пошелъ пѣшкомъ, но до конторы не дошелъ, потому что на половинѣ дороги, около Театральной площади, встрѣтился съ самой Анной Васильевной. Такая же тоненькая и худенькая, съ тѣмъ же серьезнымъ лицомъ, съ тою же чуть замѣтною складочкою между бровями, она шла одна и задумчиво смотрѣла куда-то вдаль, черезъ головы людей, шедшихъ и ѣхавшихъ ей на встрѣчу.

— Анна Васильевна,—сказалъ, пріостановившись, Осининъ и, когда она посмотрѣла на него, прибавилъ:—Да неужели же вы не узнаёте меня?

— Нѣтъ, я васъ узнала еще прежде, чѣмъ вы увидѣли меня,—сказала она, улыбнувшись,—только я не знала, захотите ли вы узнать меня. Въ послѣднюю нашу встрѣчу вы говорили со мной такъ строго, такъ строго... Ну, здравствуйте... Однако, вы сейчасъ же узнали меня. Развѣ я не очень постарѣла за эти два года?

— Ужасно. Всякій скажетъ, что вамъ теперь не меньше двадцати или девятнадцати лѣтъ,—пошутилъ Осининъ.

— Ну, это хорошо, если такъ,—сказала она съ улыбкой, показавшейся Осинину невеселой.—Вы не по дѣлу идете? Не очень торопитесь?

Осининъ сказалъ, что шелъ именно за тѣмъ, чтобы узнать ея адресъ, такъ какъ видѣлъ ее еще вчера вечеромъ.

— Вѣроятно, на пристани? Или по дорогѣ отъ нея въ гостинницу? Мы только вчера вечеромъ и пріѣхали.

Осининъ пояснилъ, что несовсѣмъ вѣрно выразился, сказавъ, что «видѣлъ» ее, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ не могъ

Digitized by Google

во мракѣ видѣть ни ее, ни Василія Михайловича Полосова, и узналъ ихъ только по голосу, когда они проходили мимо него по берегу.

— Да, мы шли къ Телепневу. Я справлялась у него объ васъ. Вы все тамъ же, все такой же,—сказала она, и прибавила:—Такъ вотъ что: если вы хотѣли разыскивать меня, то и пойдемте къ намъ.

Оказалось, что они остановились въ «Театральной гостинницѣ», въ третьемъ этажѣ, въ тѣсненькомъ нумерѣ, раздѣленномъ, какъ всѣ дешевые нумера, перегородкой на три неравныя клѣтки: прихожую, пріемную комнату и спальню. Въ прихожей стояли другъ на другѣ черный чемоданъ и сѣрый дорожный сундукъ; на вѣшалкѣ висѣли саквояжи и сумки, въ пріемной комнатѣ сильно пахло дымомъ сигары, но того, кто напустилъ этотъ дымъ, уже не было.

— Прежде всего,—сказала Анна Васильевна, когда Осининъ сѣлъ,—разскажите мнѣ о мужѣ... Я давно знаю, что онъ умеръ... Разскажите: очень поразило его мое бѣгство? Что говорилъ онъ?

Осининъ нѣсколько смутился. Сначала онъ хотѣлъ было не пересказывать ей всего, что̀ слышалъ отъ Никандра Семеновича, а кое-что пропустить совсѣмъ, другое смягчить, но, взглянувъ въ ея глаза, серьезно и печально смотрѣвшіе на него, не рѣшился пропускать и измѣнять что либо. Ему казалось почему-то, что какъ только онъ скажетъ неправду или даже скажетъ не всю правду, Анна Васильевна сейчасъ же увидитъ или, вѣрнѣе, почувствуетъ это. Волей-неволей, по временамъ путаясь и заикаясь, онъ передалъ ей цѣликомъ все, что̀ помнилъ изъ горькаго монолога Никандра Семеновича по поводу ея бѣгства.

— Да!.. Никандръ Семеновичъ съ его смертью у меня вотъ гдѣ,—со вздохомъ сказала она, черкнувъ рукой что-то въ родѣ креста на своей груди, противъ сердца.—И если мнѣ придется прожить еще хоть сорокъ лѣтъ, все равно,—я и тогда не освобожусь отъ этого... Я не въ томъ обвиняю себя, что ушла отъ него, а въ томъ, что вышла за него замужъ. Не уйти отъ него я не могла. Объ этомъ нечего и говорить. Это было свыше моихъ силъ... Я не могла равнодушно видѣть ни его, ни стѣнъ его дома, ни всего, что̀ было въ этомъ домѣ, ни даже посто-

Digitized by Google

ронних людей, которые приходили туда. Вѣдь я и васъ не могла видѣть спокойно. Мнѣ постоянно казалось, что вы смотрите на меня съ отвращеніемъ и думаете: какая это, должно быть, лукавая и гадкая женщина, если она до такой степени тяготится жизнью со своимъ мужемъ и все таки живетъ съ нимъ... Не могла, не могла я переносить этой жизни!..

Осининъ началъ было говорить, что онъ никогда не думалъ ничего подобнаго, но Анна Васильевна не слушала его и видимо была поглощена совсѣмъ другими мыслями.

— Конечно, Никандръ Семеновичъ былъ не виноватъ ни въ чемъ этомъ. Я одна была во всемъ виновата,—продолжала она и, удручаемая мыслью, что своимъ бѣгствомъ сократила жизнь Никандра Семеновича, спросила:—Скажите: очень онъ перемѣнился за послѣднее время?.. Постарѣлъ?.. Прихварывалъ?.. Перемѣнился характеромъ?..

Осининъ постарался успокоить ее.

— Да нѣтъ же! Въ первое время вашего отъѣзда онъ дѣйствительно былъ очень разстроенъ, я и не скрываю этого. Но потомъ онъ, мало по малу, началъ дѣлаться опять такимъ же Никандромъ Семеновичемъ, какимъ я зналъ его и прежде. Не постарѣлъ и не перемѣнился. Все также бѣгалъ пѣшкомъ со своей Никольской и на базаръ, и на службу, и потомъ еще куда нибудь въ монастырь или въ Крестовую ко всенощной. Все также воевалъ со своей прислугой и мѣнялъ ее чуть не каждую недѣлю. Все то же...

— И не хворалъ? Не жаловался на нездоровье?

— И не хворалъ, если не считать за болѣзнь того, что онъ безпрестанно ходилъ то съ флюсомъ, то съ какимъ нибудь вередомъ на плечѣ или на бедрѣ. Да это у него постоянно было и прежде.

Анна Васильевна замолчала, но въ то же время думала, что если Никандръ Семеновичъ не измѣнился по внѣшности и ни на что не жаловался, то изъ этого вовсе еще нельзя заключить, что онъ не перемѣнился внутренно и не страдалъ душевно. При всей своей кажущейся простотѣ, это былъ настойчивый, своеобразный и очень сдержанный человѣкъ. Она никогда, напримѣръ, не видѣла отъ него какихъ нибудь особенныхъ нѣжностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала, что онъ съ каждымъ мѣсяцемъ привязывался къ ней все больше и

Digitized by Google

больше. Онъ никогда не отступалъ отъ своихъ житейскихъ правилъ, но на дѣлѣ постепенно предоставлялъ ей все больше и больше власти распоряжаться въ домѣ, какъ она находитъ лучшимъ. Онъ видимо безпокоился за то, что ей скучно жить, почти никого не видя, и не мѣшалъ ей читать хоть цѣлыя ночи напролетъ, не мѣшалъ ей уходить куда угодно и на сколько хочетъ времени. Онъ любилъ ее, заботился о ней; онъ вѣрилъ ей, и невозможное это дѣло, чтобы ея измѣна и бѣгство не оставили въ немъ глубокаго и болѣзненнаго слѣда, хотя бы и невидимаго для постороннихъ глазъ. Никто не увѣритъ ея въ этомъ и никогда она не забудетъ того, что испортила жизнь человѣку...

Осининъ спросилъ ее, гдѣ они исчезали эти два года.

— Не очень далеко,—отвѣчала она.—Жили въ Н., жили въ С. Нѣсколько времени я ничего не дѣлала; потомъ въ Н. служила конторщицей въ банкѣ. Когда же изъ Н. мы переѣхали въ С., мнѣ удалось пристроиться также конторщицей къ нотаріусу. А Василій Михайловичъ служилъ на пароходѣ. Однако, ему бѣдному очень не везло эти два года. Въ первую зиму онъ очень долго хворалъ лихорадкой; а во вторую, въ С., сломалъ себѣ ногу, поскользнувшись на улицѣ, и тоже долженъ былъ довольно долго пролежать въ постели. Послѣ же этого не повезло намъ обоимъ: онъ не могъ никуда пристроиться, и я потеряла мѣсто, потому что мой старикъ-нотаріусъ умеръ. Посидѣли, посидѣли мы, какъ у моря, дожидаясь лучшей погоды, и, наконецъ, рѣшились ѣхать сюда, въ разсчетѣ на то, что, можетъ быть, здѣсь будетъ легче устроиться... По правдѣ сказать, мнѣ очень, очень не хотѣлось бы оставаться здѣсь, но... что̀ станете дѣлать? Василій Михайловичъ, можетъ быть, и правъ, что въ знакомомъ городѣ все таки легче найти себѣ что нибудь, чѣмъ въ незнакомомъ... Не знаю... Вотъ посмотримъ.

Осининъ, думавшій, что людямъ въ родѣ Полосова труднѣе всего пристроиться именно тамъ, гдѣ ихъ знаютъ,—не сводилъ глазъ съ ея озабоченнаго лица и, казалось, взвѣшивалъ каждое ея слово объ «отъявленномъ негодяѣ». Да неужели же она, проживъ два года съ этимъ человѣкомъ, все таки не разобрала его и не разочаровалась въ немъ?

— Мнѣ, пожалуй, все равно, хотя бы и не оставаться

Digitized by Google

здѣсь, — продолжала она задумчиво. — Конечно, здѣсь и мнѣ предстоятъ кое-какія непріятности, но это пустяки... и все пройдетъ. Но положеніе Василія Михайловича совсѣмъ другое. Здѣсь очень много людей, которые знали его еще тогда, когда онъ былъ богатымъ человѣкомъ, да и вообще... совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Свою молодость онъ прожилъ далеко не безукоризненно. Репутація у него должна быть здѣсь очень нехорошая... Боюсь, что ему будетъ трудно найти себѣ какое нибудь занятіе, а если даже и удастся найти, то будетъ трудно жить такъ скромно, какъ мы жили въ Н. и въ С.

По мѣрѣ того какъ она говорила, лицо Осинина все больше и больше принимало такое выраженіе, какъ будто онъ сдѣлалъ, поразившее его своею неожиданностью, открытіе. Такъ вотъ что!.. Слѣдовательно, со стороны ея не было никакого ослѣпленія или заблужденія относительно Полосова... Она знала, что прошлое у него, говоря ея словами, было «далеко не безукоризненное»; знала, что его репутація должна быть очень скверная... И все дѣло заключается въ томъ, что этотъ «отъявленный негодяй» сдѣлался теперь «совсѣмъ другимъ человѣкомъ» и уже въ теченіе двухъ лѣтъ жилъ очень скромною и приличною жизнью... Что же это такое?.. Репутація ли Полосова была много хуже его самого? Произошелъ ли въ немъ какой нибудь благодѣтельный внутренній переворотъ? Или это чудо превращенія зла въ добро совершила вотъ эта молоденькая, скромненькая и простенькая женщина, сидящая передъ нимъ? Милая!.. Конечно же, она способна сдѣлать еще и не такія чудеса.

— Ахъ, Анна Васильевна! — съ волненіемъ сказалъ онъ, проникаясь къ ней еще бо́льшимъ участіемъ, чѣмъ прежде, и вполнѣ раздѣляя ея опасенія, что Полосова можетъ опять потянуть здѣсь къ его старымъ безпутнымъ пріятелямъ и къ прежней веселой жизни.—Разумѣется же, вамъ не слѣдовало бы возвращаться въ этотъ городъ, а если вы уже пріѣхали сюда, то надо думать только о томъ, чтобы поскорѣе уѣхать отсюда... И куда нибудь подальше...

Анна Васильевна слегка пожала плечами, но ничего не сказала.

— И если васъ задерживаютъ денежныя затрудненія, — продолжалъ онъ, вспомнивъ подслушанныя имъ вчера на бе-

Digitized by Google

регу слова Полосова, что «только бы какъ нибудь извернуться», то, по моему мнѣнію, лучше уже нѣсколько стѣснить себя на нѣкоторое время и занять нужныя деньги...

— Легко сказать, — проговорила она, опять пожавъ плечами.

— И не особенно трудно сдѣлать,—тотчасъ же отвѣчалъ онъ.—Вы только предоставьте мнѣ, по праву нашего стараго знакомства, устроить это дѣло, и я вамъ завтра же устрою его. Положимъ, мой кредитъ не особенно великъ, но сотни три, четыре рублей я все таки могу всегда достать безъ особеннаго затрудненія... Часть изъ нихъ, а, можетъ быть, и всю половину, я могу достать безъ всякихъ процентовъ; ну, а за остальную часть, ужь дѣлать нечего,—придется поплатиться процентами тремя въ мѣсяцъ.

Анна Васильевна давно уже знала отъ мужа и отъ другихъ, что Осининъ очень добрый, легко увлекающійся, чрезмѣрно довѣрчивый человѣкъ, и поэтому была не столько удивлена, сколько тронута его неожиданнымъ участіемъ къ ней.

— Спасибо вамъ,—сказала она, нѣсколько смущаясь тѣмъ, что не умѣла подобрать болѣе подходящихъ словъ для выраженія своей благодарности.—Какъ видно, вы гораздо лучшаго мнѣнія обо мнѣ, чѣмъ я стою. Это было бы такъ хорошо, такъ хорошо... Не знаю только, согласится ли теперь Василій Михайловичъ уѣхать отсюда. У него уже вчера разгорѣлись разныя надежды на то, что именно здѣсь-то онъ и устроится великолѣпно, съ помощью своихъ старыхъ знакомыхъ... Вотъ что: если мнѣ удастся убѣдить его уѣхать отсюда, тогда я попрошу васъ похлопотать о деньгахъ, а если онъ рѣшитъ остаться здѣсь, тогда ихъ не нужно, не нужно, не нужно!—нѣсколько разъ повторила она, относясь къ этимъ ненужнымъ деньгамъ какъ будто даже съ нѣкоторымъ страхомъ.

Проникнувшаяся надеждой, что теперь все можетъ устроиться довольно хорошо, Анна Васильевна видимо успокоилась. Она стала разспрашивать Осинина о разныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ городѣ за два года ея отсутствія, о нѣкоторыхъ изъ ихъ общихъ знакомыхъ и, наконецъ, о его собственной жизни. Осининъ разсказалъ ей о своемъ теперешнемъ положеніи на фабрикѣ и потомъ принялся разсказывать, что теперь онъ не кочуетъ больше съ квартиры на квартиру, а вотъ уже

Digitized by Google

около года живетъ полнымъ пансіонеромъ въ одномъ почтенномъ семействѣ и, по всей вѣроятности, проживетъ въ немъ до конца дней своихъ, потому что, не смотря на всѣ неудобства и тягости жизни съ этими почтенными людьми, никогда не соберетъ въ себѣ столько рѣшимости, чтобы уйти отъ нихъ не только явно, но даже тайкомъ. По мѣрѣ того какъ онъ разсказывалъ условія и подробности своего житья у этихъ, забравшихъ его въ свои руки, почтенныхъ людей, Анна Васильевна смѣялась все веселѣе и веселѣе.

— Пожалуй, вамъ остается теперь только жениться, чтобы хоть этимъ способомъ уйти отъ нихъ,—сказала она.

— Я уже подумывалъ и объ этомъ,—отвѣчалъ онъ.—Но теперь вы совсѣмъ сбили меня съ толку. Теперь я вижу, что мнѣ нужна именно такая жена, какъ вы. А гдѣ же я найду другую такую женщину?

— Такая жена, чтобы убѣжала отъ васъ?—полувопросительно замѣтила она съ нѣкоторою горечью.

— Такая жена, у которой даже ошибки выходятъ симпатичнѣе, чѣмъ добродѣтели иныхъ женщинъ,—какъ будто больше про себя проговорилъ Осининъ и, посмотрѣвъ на свои часы, прибавилъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ:—А знаете ли, который часъ? Четвертый часъ...

— Неужели уже четвертый? — переспросила Анна Васильевна, и опять лицо ея приняло нѣсколько тревожное и невеселое выраженіе.

Полосовъ обѣщалъ прійти за нею въ половинѣ третьяго; но, какъ видно, старые знакомые заставили его забыть и о ней, и о своемъ обѣщаніи.

XI.

Осининъ давно уже не жилъ въ своей семьѣ. Прежде онъ, дѣйствительно, довольно часто перекочевывалъ съ квартиры на квартиру. Съ годъ назадъ, когда ему положили на фабрикѣ полторы тысячи жалованья, къ нему пришелъ въ одинъ осенній вечеръ нѣкто Самосадовъ, бывшій его учитель въ гимназіи, не такъ давно сдѣлавшійся смотрителемъ какого-то училища и получившій въ немъ большую казенную квартиру. Это былъ господинъ лѣтъ сорока семи, чрезвычайно внушительной на-

Digitized by Google

ружности,—съ густою бородою почти до пояса, съ глубокомысленнымъ выраженіемъ на лицѣ, съ медлительными движеніями, тихою и спокойною рѣчью, большими и многосторонними познаніями. Въ квартирѣ у него оказывалась одна совсѣмъ лишняя комната, о которой онъ не могъ подумать иначе, какъ съ нѣкоторою скорбью, по поводу того, что вотъ пропадаетъ даромъ цѣлый въ своемъ родѣ капиталъ, такъ какъ другіе люди отдаютъ такія комнаты внаймы и получаютъ за каждую изъ нихъ рублей по сту въ годъ. Осинина онъ давно зналъ за весьма легкомысленнаго молодаго человѣка и никогда не могъ побесѣдовать съ нимъ четверть часа о его дѣлахъ безъ того, чтобы до нѣкоторой степени не ожесточиться сердцемъ при мысли о томъ, что вотъ—безпутникъ, разсыпающій зря, по улицамъ, такія деньги, которыя могли бы очень пригодиться благоразумному и солидному человѣку. Ему уже и прежде, не одинъ разъ, приходила въ голову мысль—взять Осинина къ себѣ въ жильцы. Теперь же, когда стало извѣстно, что къ тысячѣ двумъ стамъ рублямъ, которые Осининъ получалъ и расточалъ прежде, прибавилось еще триста, Самосадовъ рѣшительно сказалъ самому себѣ, что окажется прямо дуракомъ, если не постарается всѣми силами поселить у себя Осинина.

Солидно поговоривъ о современныхъ теченіяхъ въ политикѣ, общественной жизни и литературѣ, Самосадовъ исподволь свелъ разговоръ на личныя обстоятельства Осинина и степенно повелъ рѣчь о томъ, что вмѣсто того чтобы безпрестанно переѣзжать съ одной неудобной квартиры на другую, иногда еще болѣе неудобную, было бы для него во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе поселиться въ хорошемъ знакомомъ семействѣ. И столъ былъ бы у него здоровѣе и вкуснѣе, и помѣщеніе комфортабельнѣе, и самъ онъ, возвращаясь домой изъ конторы, не чувствовалъ бы себя одинокимъ... Отчего бы ему не поселиться, напримѣръ, у нихъ, у Самосадовыхъ? Ихъ всего только двое,—онъ и жена,—знаетъ онъ ихъ давно, живутъ они тихо; о какихъ нибудь непріятностяхъ съ ихъ стороны не можетъ быть и рѣчи; квартира у нихъ теперь прекрасная, прислуга очень порядочная... Поселиться у нихъ онъ можетъ на полномъ ихъ содержаніи и, слѣдовательно, сложить съ себя всѣ заботы о всякихъ житейскихъ мелочахъ. И помѣщеніе, и отопленіе, и освѣщеніе, и завтраки, и обѣды, и прислуга, и наблюденіе за

Digitized by Google

чистотой и исправностью его бѣлья—все это будетъ ихъ дѣло. Все это обойдется ему восемьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ и, слѣдовательно, у него будетъ оставаться ежемѣсячно еще сорокъ рублей чистыхъ, такъ сказать, карманныхъ денегъ... Ничего не можетъ быть удобнѣе этого лично для него и лучше для всѣхъ ихъ, образующихъ съ этого времени, такъ сказать, одну добровольную и дружную семью.

Предложеніе это вовсе не понравилось Осинину. Лично противъ Самосадова или противъ его жены онъ не имѣлъ ничего, однако, на его взглядъ, они были все же не такими симпатичными или хоть просто подходящими къ нему людьми, чтобы перспектива жизни съ ними могла представляться ему пріятною. Восемьдесятъ пять рублей, назначенные Самосадовымъ, такъ сказать, за пріобщеніе Осинина къ его семьѣ, тоже нѣсколько смущали его. Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ жить отдѣльно отъ отца, Осининъ точно также жилъ всегда почти на полномъ содержаніи своихъ квартирныхъ хозяевъ (правда, не снабжавшихъ его «освѣщеніемъ» и не обязывавшихся наблюдать за чистотой и исправностью его бѣлья) но обыкновенно платилъ за это содержаніе отъ двадцати пяти до сорока рублей... Однако, это предложеніе, во-первыхъ, застало Осинина врасплохъ, а, во-вторыхъ, было поставлено такимъ образомъ и въ такихъ выраженіяхъ, что отказаться отъ него—значило, какъ казалось Осинину, обидѣть Самосадова. Осининъ вовсе не хотѣлъ обижать его и, скрѣпя сердце, принялъ предложеніе. Недѣли черезъ полторы онъ переѣхалъ къ Самосадовымъ и жилъ у нихъ вотъ уже около года. Собственно въ его единоличномъ и постоянномъ распоряженіи была одна только большая комната, раздѣленная драпировкой на двѣ половины,—на спальню и на кабинетъ,—но своихъ гостей онъ могъ принимать, если хотѣлъ, и въ гостинной, и въ залѣ. Помѣщеніе Осинина было обставлено, дѣйствительно, весьма комфортабельно; кормили его очень недурно; бѣлье, безпрестанно оказывавшееся прежде жестоко изорваннымъ, безъ пуговицъ и безъ тесемокъ, теперь находилось постоянно въ полной исправности; онъ пересталъ то угорать, оттого что труба въ его печкѣ была закрыта слишкомъ рано, то дрогнуть всю ночь напролетъ, оттого что эта труба оказывалась совсѣмъ не закрытой; хозяева держали себя съ нимъ безукоризненно. И однако же, очень нерѣдко, особенно

Digitized by Google

въ концѣ каждаго мѣсяца, когда Осининъ оставался обыкновенно безъ денегъ, онъ смотрѣлъ почти съ ненавистью и на коверъ у своей постели, и на старинныя, тусклыя и растрескавшіяся картины въ тяжелыхъ рамахъ, украшавшія стѣны его кабинета, и на уютную гостинную съ альбомами на столикахъ и этажеркахъ, и на цѣлый лѣсъ растеній въ огромной залѣ съ большими зеркалами, каминомъ, роялемъ, китайскимъ бильярдомъ, и на всегда бѣлоснѣжную скатерть, покрывавшую обѣденный столъ, и на вырѣзанную звѣздочками морковь въ своемъ супѣ, и на своихъ безукоризненныхъ и спокойныхъ хозяевъ. Зачѣмъ ему все это? Все это, можетъ быть, и хорошо, и очень хорошо; все это стоитъ, можетъ быть, и не восьмидесяти пяти рублей, платимыхъ имъ, а гораздо дороже, но дѣло въ томъ, что все это ему совсѣмъ не нужно!.. На прежнихъ квартирахъ ему подавали безъ всякихъ звѣздочекъ, на сѣренькой скатерти, супъ, иногда лишенный всякаго опредѣленнаго вкуса, но зато онъ, Осининъ, чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ, ничѣмъ не привязаннымъ ни къ этой скатерти, ни къ столу, за которымъ обѣдалъ. Прежніе хозяева не всегда добросовѣстно исполняли то, что обязаны были дѣлать для него, но зато и онъ, съ своей стороны, считалъ себя вправѣ иногда провиниться передъ ними и, напримѣръ, возвратиться домой часу въ четвертомъ ночи. У Самосадовыхъ же онъ постоянно чувствовалъ себя такъ, какъ будто они ласково спеленали его по рукамъ и по ногамъ, перенесли къ себѣ, въ свою комфортабельную казенную квартиру, и не намѣрены развязать и выпустить его...

XII.

Отъ Анны Васильевны Осининъ пошелъ домой. Дверь отперла сама хозяйка квартиры, Марья Николаевна Самосадова, высокая, полная женщина лѣтъ тридцати семи, съ золотыми очками на близорукихъ голубыхъ глазахъ. Когда Осининъ, по обыкновенію, поспѣшилъ извиниться передъ нею, что заставилъ ее отворять двери, она улыбнулась съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ее очень пріятно пощекотали, и протянула ему свою бѣлую и мягкую руку, говоря, что они еще не видѣлись сегодня.

Digitized by Google

— Безъ васъ приходилъ два раза Адріанъ Кириловичъ,— прибавила она.—Мы съ мужемъ приглашали его подождать и остаться пообѣдать съ нами. Но онъ говорилъ, что не можетъ... и хотѣлъ зайти опять въ шесть часовъ...

— Въ третій разъ!—съ досадой сказалъ Осининъ.—Я, на вашемъ мѣстѣ, выгналъ бы изъ своей квартиры прежде его, а потомъ и того, къ кому таскаются такіе надоѣды...

Марья Николаевна опять засмѣялась тѣмъ же тихимъ смѣхомъ испытываемаго удовольствія. Съ первыхъ же дней своего поселенія у нихъ, Осининъ совершенно закупилъ ее своею постоянною внимательностью, своими извиненіями за каждый шагъ, которымъ онъ,—какъ ему воображалось,—стѣснялъ или безпокоилъ ее, своею признательностью за то, что она, по его мнѣнію, чрезмѣрно утруждаетъ себя заботами о томъ, чтобы ему жилось у нихъ какъ можно удобнѣе и лучше. Закупленная всѣмъ этимъ, Марья Николаевна усугубляла свои попеченія объ удобствахъ Осинина и мало по малу доводила его почти до полнаго отчаянія, такъ какъ онъ съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ все яснѣе видѣлъ, что ему нѣтъ и никогда не представится никакой возможности уйти отъ этихъ людей, скрутившихъ его по рукамъ и по ногамъ своею предупредительностью.

Акуратно въ шесть часовъ пришелъ Адріанъ. Это былъ молодой человѣкъ тѣхъ же двадцати семи-восьми лѣтъ, какъ и Осининъ, но казавшійся старше, по крайней мѣрѣ, года на четыре. Величайшимъ несчастіемъ этого молодаго человѣка было нѣчто болѣзненное въ его самолюбіи, зародившееся въ немъ, быть можетъ, еще въ раннемъ дѣтствѣ, когда мать, у которой онъ былъ единственнымъ дѣтищемъ, не могла, какъ говорится, надышаться на него и находила его наисовершеннѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ созданіемъ въ мірѣ. Впослѣдствіи и самъ Адріанъ Кириловичъ началъ считать себя выше окружающихъ его простыхъ смертныхъ. Къ несчастію, никто другой, если не считать его матери, не раздѣлялъ этого мнѣнія. Одни относились къ нему точно также, какъ къ другимъ, самымъ обыкновеннымъ молодымъ людямъ; другіе совсѣмъ не обращали на него никакого вниманія; третьи слегка подсмѣивались надъ нимъ и, очевидно, чувствовали къ нему даже меньше расположенія, чѣмъ къ разнымъ заурядnымъ—добрымъ и непритязательнымъ—

Digitized by Google

малымъ. Чрезвычайно чуткій и впечатлительный относительно всего, что̀ хоть сколько нибудь затрогивало его болѣзненное самолюбіе, Адріанъ Кириловичъ видѣлъ все это, и въ сердцѣ его накоплялось все больше горечи, обидъ и зависти. Снѣдаемый этими ядовитыми чувствами, онъ все сильнѣе проникался стремленіемъ дать людямъ почувствовать свое превосходство надъ ними, но достигилъ только того, что немилосердно коверкалъ то хорошее, чѣмъ одарила его судьба, и еще дальше отталкивалъ отъ себя своихъ ближнихъ. У него было довольно красивое лицо, но съ каждымъ годомъ оно принимало все болѣе жосткое выраженіе и казалось какимъ-то деревяннымъ. Отъ природы неглупый, онъ, разумѣется, могъ бы говорить тѣмъ же простымъ языкомъ, какимъ говорили всѣ простые смертные, но его угораздило, должно быть, для пущей важности, выработать себѣ совершенно особенную манеру выражаться,—темную, мудреную, отрывистую... Онъ былъ довольно высокаго роста, хорошо сложенъ и могъ бы производить пріятное впечатлѣніе хотя бы своею стройною фигурой, но его тянуло выдѣлиться изъ среды другихъ людей даже своимъ костюмомъ, и на немъ всегда было надѣто что нибудь совсѣмъ особенное, въ родѣ шляпы съ непомѣрно широкими полями или пальто, похожаго скорѣе на рясу, чѣмъ на обыкновенное пальто. Люди таращили на него глаза или посмѣивались надъ нимъ, а онъ преисполнялся еще бо̀льшею горечью и пущимъ ожесточеніемъ противъ нихъ.

— Третьяго дня... я изложилъ тебѣ свои мысли... письменно,—сказалъ онъ, по обыкновенію, безпрестанно прерывая свою рѣчь маленькими пріостановками, нужными ему для того, чтобы подыскать болѣе подходящее, по его мнѣнію, слово.

— Да, я получилъ вчера твое письмо,—съ досадой отвѣчалъ Осининъ, начинавшій досадовать и раздражаться почти всякій разъ, когда ему приходилось разговаривать съ братомъ.— Но скажи, пожалуйста, что̀ тебѣ за охота писать письма, да еще большія, когда мы можемъ видѣться во всякое время и говорить о чемъ угодно?

— Простой математическій... а также и психологическій разсчетъ. Когда два субъекта намѣреваются переговорить другъ съ другомъ о самомъ простомъ фактѣ... то они обыкновенно очень легко уклоняются въ сторону другихъ явленій. И въ

Digitized by Google

результатѣ очень часто... не получается никакого результата... Та идея... которая можетъ быть изложена на бумагѣ въ пятидесяти словахъ... не выясняется иногда и въ пятидесяти продолжительныхъ разговорахъ.

— Мнѣ, пожалуй, все равно,—сказалъ Осининъ, морщась отъ этой «математики» и «психологіи».—Но дѣло въ томъ, что я положилъ твое письмо въ карманъ пальто, а пальто чуть было не оставилъ въ конторѣ. Было бы довольно непріятно, еслибы это письмо стало ходить по разнымъ рукамъ.

Адріанъ Кириловичъ слегка пожалъ плечами.

— Есть логика,—сказалъ онъ.—Изъ тѣхъ данныхъ, которыя ты приводишь... можно сдѣлать на ея основаніи... только одинъ выводъ. Слѣдуетъ относиться внимательнѣе къ своимъ вещамъ и къ чужимъ письмамъ.

Эти слова нѣсколько развеселили Осинина.

— Ну, можетъ быть,—отвѣчалъ онъ, засмѣявшись.—Мнѣ думалось, что «не слѣдуетъ» писать писемъ, безъ которыхъ можно обойтись; но, можетъ быть, ты и правъ... Однако, дѣло въ томъ, что ни вчера, ни сегодня у меня не было времени хорошенько вдуматься въ твое письмо, и, хоть я прочиталъ его два раза, однако, сознаюсь откровенно, несовсѣмъ понялъ его...

Адріанъ Кириловичъ опять пожалъ плечами.

— Когда одинъ субъектъ не понимаетъ другаго, то при этомъ слѣдуетъ различать два случая,—проговорилъ онъ.—Или излагающій свои идеи излагаетъ ихъ не съ достаточною полнотою... или тотъ, передъ кѣмъ ихъ излагаютъ...

— ... недостаточно сообразителенъ, — какъ бы подсказалъ Осининъ, пользуясь сдѣланной братомъ паузой, и сейчасъ же прибавилъ: — Однако результатъ, во всякомъ случаѣ, остается одинъ и тотъ же: люди плохо понимаютъ другъ друга.

Адріанъ Кириловичъ и въ третій разъ пожалъ плечами.

— По отношенію ко мнѣ, насколько я могу судить о личныхъ моихъ дѣйствіяхъ, въ моемъ письмѣ достаточно обстоятельно изложено то... что я имѣлъ въ виду изложить, — сказалъ онъ.

Осининъ счелъ за лучшее не возражать на это и молча сталъ курить папиросу. Адріанъ Кириловичъ тоже молчалъ. Закинувъ одну ногу на другую, заложивъ руку за бортъ застег-

Digitized by Google

нутаго сюртука, онъ неподвижно сидѣлъ въ своемъ креслѣ, и только длинныя рѣсницы его то опускались къ низу и закрывали его довольно красивые глаза, то поднимались къ верху и какъ будто нацѣливались на Осинина. Молчаніе продолжалось добрыхъ двѣ минуты и стало, наконецъ, нестерпимо раздражать Осинина. Прійти къ человѣку, обмѣняться съ нимъ нѣсколькими пустыми фразами, а потомъ сидѣть, молчать и автоматически помахивать рѣсницами на своемъ неподвижно деревянномъ лицѣ,—это, какъ видно, очень нравилось Адріану Кириловичу, потому что продѣлывалось имъ нерѣдко. Иногда Осининъ относился къ этимъ нѣмымъ сценамъ совершенно равнодушно и принимался болтать, одинъ за двоихъ, обо всемъ, что̀ приходило ему въ голову; но иногда онѣ производили на него самое угнетающее впечатлѣніе. Зачѣмъ пришелъ этотъ истуканъ, если ему нечего и не о чемъ говорить? Зачѣмъ онъ не убирается и торчитъ надъ чужой душой, какъ столбъ посреди дороги? И что̀ онъ хочетъ сказать этимъ своимъ безмолвіемъ: то ли, что онъ погруженъ въ какія-то глубочайшія размышленія, которыя не доступны слабому разуму другихъ людей? то ли, что сердце его полно невидимой ни для кого великой скорби?.. Ахъ, комедіантъ!..

— Вотъ что, Адріанъ, — довольно рѣзко заговорилъ Осининъ, вдругъ потерявъ терпѣніе и вспыливъ:—хоть ты и говорилъ сейчасъ, что не любишь разговоровъ, а предпочитаешь письменныя объясненія, но, знаешь ли, что̀ я тебѣ скажу? Наши разговоры и твои письма совершенно одинаковы въ томъ отношеніи, что и въ разговорахъ, и въ письмахъ ты никогда не упускаешь случая сказать мнѣ какую нибудь колкость и въ то же время никогда даже не попробуешь высказать прямо то, что̀ ты имѣешь противъ меня. Намековъ, колкостей, придирокъ, косвенныхъ обвиненій меня во всякихъ гадостяхъ было съ твоей стороны сколько угодно, но ни одного разу не было сдѣлано даже попытки прямаго и откровеннаго обращенія ко мнѣ, съ цѣлью выяснить возникшія между нами недоразумѣнія. Мнѣ это надоѣло... Отвѣчать тебѣ на колкости—колкостями, на насмѣшки—насмѣшками я не хотѣлъ бы уже по одной той причинѣ, что ты, какъ въ прежнее время, сейчасъ же пожалуешься твоей маменькѣ и нашему общему папенькѣ, а портить еще больше, и безъ того несовсѣмъ хорошія, отношенія къ нимъ—мнѣ не доставитъ никакого удовольствія.

Digitized by Google

Размѣренно поднимавшіяся и опускавшіяся рѣсницы Адріана Кириловича задвигались послѣ этихъ словъ уже безъ всякой размѣренности, и на деревянномъ лицѣ его заалѣлись красныя пятна.

— Для всякаго обвиненія должны существовать опредѣленные мотивы...—началъ было онъ, но вспылившій и возбужденный Осининъ уже безъ всякой церемоніи насмѣшливо прервалъ его.

— Я тоже думаю, что должны существовать. Но чтобы «не уклоняться въ сторону постороннихъ явленій», какъ выражаешься ты, позволь уже мнѣ сказать тебѣ все то, что я хотѣлъ сказать. Прежде, когда мы жили въ одной семьѣ и по необходимости должны были постоянно встрѣчаться, между нами могли быть всякія недоразумѣнія и столкновенія. Ну, я ушелъ отъ васъ... Ты сталъ жить самъ по себѣ, я — самъ по себѣ; ты на одномъ концѣ города, я — на другомъ. Ты почти совсѣмъ не бывалъ у меня; я, для соблюденія приличій, заходилъ къ вамъ разъ въ двѣ-три недѣли, и если видѣлъ, что пришелъ не во-время, то сейчасъ же и уходилъ. Всякія столкновенія между нами прекратились, всѣ прежнія непріятности понемногу забылись, и, встрѣчаясь гдѣ нибудь случайно, мы безобиднѣйшимъ образомъ бесѣдовали другъ съ другомъ нѣсколько минутъ и затѣмъ расходились каждый въ свою сторону. Говоря короче, все устроилось до такой степени прелестно, что оставалось только удивляться, какъ не догадались мы раньше отойти подальше другъ отъ друга. Въ этомъ благополучіи прошло довольно много времени... И вдругъ ты кладешь конецъ этому благополучію и начинаешь приходить ко мнѣ все чаще, чаще... Начинаешь приходить не съ добрыми намѣреніями и даже не съ однимъ камнемъ за пазухой, а съ цѣлымъ арсеналомъ всякихъ камней, колкостей, язвительныхъ взглядовъ и усмѣшекъ, недомолвокъ, намековъ... Сознаюсь откровенно, я очень долго не могъ понять, чего тебѣ понадобилось отъ меня и гдѣ я тебѣ наступилъ на ногу... Но, наконецъ, я понялъ... Наконецъ, я понялъ!..

— Очень интересно, что такое ты *понялъ*, — проговорилъ Адріанъ Кириловичъ съ видомъ человѣка, весьма сомнѣвающагося въ способностяхъ Осинина понимать положеніе вещей.

— Когда этихъ каменьевъ, брошенныхъ тобой въ мой ого-

Digitized by Google

родъ, набралось порядочное количество, я замѣтилъ, что значительная часть ихъ била все въ одну и ту же цѣль... При всякомъ хоть сколько нибудь подходящемъ случаѣ ты преслѣдовалъ меня язвительными намеками на то, что жизнь я понимаю чисто реалистически, что вопросы нравственности высшаго порядка меня совсѣмъ не интересуютъ, что денегъ мнѣ нужно очень и очень много, что вотъ я женюсь на богатой особѣ и тогда устроюсь отлично, что жениться, по моему мнѣнію, можно и безъ любви, а ради однѣхъ только матеріальныхъ выгодъ... Такъ какъ мнѣ никогда не приходилось ни высказывать, ни даже думать чего либо подобнаго, то я довольно долго не обращалъ вниманія на эти намеки, тѣмъ болѣе, что ты, по своему обыкновенію, облекалъ ихъ въ самую неудобопонятную форму. Но потомъ, встрѣтившись съ тобой у Разсказовыхъ, я вдругъ совершенно ясно понялъ и значеніе этихъ твоихъ, прежде непонятныхъ для меня, намековъ, и то, зачѣмъ тебѣ понадобилось опять такъ часто видѣться со мной, и все... Разгадка заключается въ томъ, что у тебя явились свои виды на Вѣру Александровну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тебѣ стало казаться, что я стою на твоей дорогѣ и мѣшаю тебѣ. Вотъ въ чемъ все дѣло... Ты сталъ опять бывать у меня ради того только, чтобы имѣть хоть какую нибудь возможность слѣдить за мной, какъ за предполагаемымъ твоимъ соперникомъ. Ты преслѣдовалъ меня своими ядовитыми намеками, отчасти просто со злобы на меня, а отчасти, можетъ быть, и со смутною надеждою на то, что заставишь меня оставить Вѣру Александровну въ покоѣ. Вотъ и все... Все, что̀ есть между нами, я выложилъ теперь прямо на столъ, потому что—говорю тебѣ — мнѣ надоѣла твоя игра въ темную. Теперь можешь говорить, если хочешь. Я буду слушать.

Осининъ настолько вѣрно понялъ и общее положеніе дѣла, и чувства къ нему его своднаго брата, что Адріанъ Кириловичъ, точно пойманный и уличенный на мѣстѣ преступленія, нѣсколько времени не могъ произнести ни слова.

— Да... я буду говорить,—сказалъ онъ, наконецъ, собравшись съ мыслями.—Прежде всего приходится констатировать весьма простую вещь... Если нѣкто старается убѣдить кого нибудь... что безнравственно воровать чужіе платки, то изъ этого непозволительно дѣлать умозаключеніе... будто этотъ

Digitized by Google

нѣкто заботится о томъ, чтобы у него не утащили его платокъ...

— Непозволительно. Это правда,—охотно, хотя нѣсколько насмѣшливо согласился Осининъ.—Слѣдовательно, ты хочешь сказать, что я былъ не правъ, когда говорилъ, что у тебя есть свои виды на Вѣру Александровну. У тебя нѣтъ на нее никакихъ видовъ. Такъ или нѣтъ?

Адріанъ Кириловичъ поднялъ свои длинныя рѣсницы и, посмотрѣвъ на него холоднымъ взглядомъ, опять опустилъ ихъ.

— Я намѣревался сказать... и сказалъ, что изъ моихъ словъ и поступковъ ты не имѣлъ никакого права... извлекать подобное умозаключеніе,—сухо отвѣчалъ онъ.

— А изъяснять мнѣ свои чувства и намѣренія относительно Вѣры Александровны или кого бы то ни было другаго — ты не чувствуешь никакого расположенія? До этого мнѣ нѣтъ дѣла,—добавилъ отъ себя Осининъ почти уже совсѣмъ весело.— Прекрасно. Послѣ этого, мнѣ остается «умозаключать», что если ты долбилъ меня такъ долго намеками на безнравственность моихъ предполагаемыхъ намѣреній, то дѣлалъ это единственно изъ любви и уваженія къ нравственности. Превосходно... Однако жь, все таки остается неразъясненнымъ одинъ очень интересный для меня вопросъ: если у меня нѣтъ ни права, ни основанія заглядывать въ твою душу, то какое же право и основаніе имѣешь ты заглядывать въ мою и приписывать мнѣ разныя гадкія намѣренія, которыхъ у меня никогда не бывало? Объясни, пожалуйста...

Адріанъ Кириловичъ давно уже не чувствовалъ себя такъ нехорошо, какъ теперь. Планы его были разгаданы; узнать намѣренія своего предполагаемаго соперника ему не удалось. Осининъ наговорилъ ему кучу обидныхъ вещей и, въ довершеніе всего, поставилъ его своимъ послѣднимъ вопросомъ въ очень неловкое положеніе. Выбраться съ грѣхомъ пополамъ изъ этого положенія Адріанъ Кириловичъ видѣлъ только одну возможность, именно: отречься отъ того, что онъ приписывалъ Осинину какія нибудь гадкія намѣренія. Скрѣпя сердце, онъ уже собрался приступить къ этому отреченію, но въ это время въ комнату вошелъ новый посѣтитель.

Digitized by Google

XIII.

Вошедшій былъ пожилой уже человѣкъ большаго роста, съ крупными чертами лица, съ большими ногами, большими руками, видимо, мало заботившійся какъ о своемъ костюмѣ, такъ и вообще о своей наружности. Обшлага на рукавахъ его старенькаго и сильно потертаго сюртука замѣтно лоснились; изъ-подъ галстука торчала какая-то металлическая пластинка, которой, по всей вѣроятности, совсѣмъ не полагалось быть на виду; темные съ просѣдью волосы на головѣ были довольно коротко острижены и торчали самыми разнообразными вихрами во всѣ стороны, а на щекахъ, губахъ и на подбородкѣ росли и располагались какъ имъ было удобнѣе. Движенія у него были простыя и свободныя, глаза блестящіе и выразительные. Это былъ профессоръ университета и редакторъ мѣстнаго «Листка»— Геласіевъ. Осининъ былъ довольно хорошо знакомъ съ нимъ еще во времена своего пребыванія въ университетѣ, когда нерѣдко приносилъ на судъ этому любимому своему профессору произведенія своего пера,—преимущественно повѣсти и романы. Къ произведеніямъ этимъ Геласіевъ относился не только не снисходительно, но даже не серьезно, и обыкновенно просилъ Осинина отложить «это» покуда въ сторону и писать маленькія, самыя маленькія, строкъ въ тридцать вещички, въ родѣ, напримѣръ, сценокъ на улицѣ и дома, въ театрѣ и на кладбищѣ. «Это—говорилъ онъ—будетъ несравненно удобнѣе для всѣхъ». Нѣкоторое время Осининъ жестоко обижался этимъ несправедливымъ, по его мнѣнію, отношеніемъ къ своему труду и преисполнялся гнѣвомъ на своего пристрастнаго судью, но черезъ нѣсколько дней, а иногда и часовъ, начиналъ чувствовать, что Геласіевъ несовсѣмъ не правъ, и принимался за какой нибудь новый «трудъ». Съ новымъ трудомъ повторялась та же исторія... Въ концѣ же концовъ, благодаря этимъ постояннымъ сношеніямъ, между судьей и судимымъ установились отношенія настолько дружественныя, насколько они могли быть дружественными между людьми такого неравнаго возраста. Осининъ очень любилъ Геласіева, но смотрѣлъ на него нѣсколько снизу вверхъ, какъ на человѣка, стоявшаго много выше его и по образованію, и по знанію людей, и по роду труда,

Digitized by Google

и по всему складу жизни. Геласіевъ чувствовалъ къ Осинину почти родственное расположеніе за многія симпатичныя стороны его характера, но смотрѣлъ на него сверху внизъ, какъ на юношу, несовсѣмъ еще установившагося, который, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, можетъ сбиться на какую угодно дорогу,—и на хорошую, и на дурную.

Адріанъ Кириловичъ сейчасъ же ушелъ.

— Что это, я прогналъ его? — спросилъ Геласіевъ, садясь на диванъ, подъ огромной тусклой картиной и, по привычкѣ, ощупывая рукой край ея рамы, о которую онъ нерѣдко стукался затылкомъ.

— Нѣтъ. Напротивъ, онъ навѣрное очень благодаренъ вамъ за то, что вы выручили его своимъ приходомъ. Я немножко приперъ его къ стѣнѣ,—отвѣчалъ, смѣясь, Осининъ.

— А! Ну, Богъ съ нимъ. Не стоитъ благодарности. Всегда радъ помочь всякому притѣсненному... Я уже заглядывалъ къ вамъ въ комнату съ полчаса назадъ, но вы съ такимъ увлеченіемъ мылили ему голову, что не замѣтили меня.

— Ничего не замѣтилъ. Этотъ мой названный братецъ обладаетъ какою-то удивительною способностью раздражать меня однимъ только своимъ видомъ. Покуда я не вижу его, я готовъ воздавать ему всяческую справедливость и признавать, что, въ сущности, онъ вовсе не дурной человѣкъ. По крайней мѣрѣ, я не знаю о немъ ничего особенно нехорошаго и ни отъ кого не слыхалъ. Но какъ только онъ становится передо мной—кончено!—доходитъ дѣло до того, что иногда я готовъ вытолкать его изъ комнаты.

Геласіевъ слушалъ его съ той легкой усмѣшкой, съ какой обыкновенно люди выслушиваютъ хорошо знакомую имъ исторію.

— Характеры... — неопредѣленно проговорилъ онъ, наконецъ.

— Да, конечно, характеры у насъ не особенно сродные,—согласился Осининъ.—Однако, часто бываетъ, что люди съ самыми несходными характерами отлично уживаются между собою. Есть еще что-то другое.

— И люди съ самыми несходными характерами иногда отлично уживаются другъ съ другомъ, какъ и люди съ характерами сходными,—сказалъ Геласіевъ.—Сходные или несход-

Digitized by Google

ные, это, повидимому, не особенно существенно. Но нерѣдко, хоть и не весьма часто, встрѣчаются характеры рѣшительно несовмѣстимые одинъ съ другимъ или даже просто враждебные другъ другу. При какихъ условіяхъ, образуется эта несовмѣстимость или враждебность,—я не знаю, и не берусь судить. Знаю только, что такіе характеры есть и что при встрѣчѣ ихъ между собою происходитъ нѣчто въ родѣ того, что происходитъ при соприкосновеніи огня съ водою или тормоза съ вертящимся колесомъ. И колесо страдаетъ, и тормозъ—тоже, и шумъ поднимается страшный... и дѣло оканчивается иногда формальнымъ крушеніемъ.

Осининъ невольно засмѣялся этому сравненію, дѣйствительно, до нѣкоторой степени изображавшему его отношенія къ брату.

— Конечно, ничего, когда два человѣка съ такими неподходящими характерами встрѣтятся, такъ сказать, на постояломъ дворѣ,—продолжалъ Геласіевъ.—Почувствуютъ другъ къ другу непреодолимую антипатію и разойдутся себѣ въ разныя стороны. Только и всего. Но иногда судьба, должно быть, для своего развлеченія, устраиваетъ такую штуку: сводитъ людей съ непримиримыми характерами на постоянное сожительство,—или у одного и того же дѣла, или, еще хуже, въ одной семьѣ, подъ одной крышей... сводитъ на постоянное поѣданіе другъ друга изо дня въ день, въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ...

Геласіевъ вздохнулъ незамѣтно для самого себя. Осининъ услышалъ этотъ вздохъ и вдругъ вспомнилъ слышанную имъ уже давно неясную исторійку о томъ, что лѣтъ двадцать назадъ Геласіевъ женился, прожилъ съ женою года два — очевидно, очень несчастливо, потому что началъ было испивать и, какъ говорили, даже покушался на самоубійство; а потомъ жена уѣхала отъ него въ Петербургъ и черезъ нѣсколько лѣтъ точно канула въ воду, такъ что никто не могъ сказать,—жива она или умерла.

— Да... признаюсь!.. Тѣ годы, которые я прожилъ вмѣстѣ съ Адріаномъ дома, были очень, очень скверные годы!—съ нѣкоторою горечью сказалъ Осининъ, но сейчасъ же счелъ своимъ долгомъ повторить еще разъ, что въ сущности его братъ, пожалуй, далеко не дурной человѣкъ.

Тихой, степенной поступью вошелъ Самосадовъ, поглажи-

Digitized by Google

вая свою большую бороду. По дорогѣ онъ поправилъ завернувшійся уголъ ковра, поставилъ на мѣсто отодвинутый отъ стѣны стулъ и затѣмъ остановился посреди комнаты.

— О комъ это идетъ рѣчь? Объ Адріанѣ Кириловичѣ?— спросилъ онъ.—На твердыхъ ногахъ, на твердыхъ ногахъ молодой человѣкъ, хотя и со своими странностями. Но странности эти пройдутъ, а твердыя ноги останутся и сдѣлаются еще тверже... Пожалуйте, господа, кушать чай...

— Да вѣдь у тебя гости,—сказалъ Геласіевъ.

— Тѣ, что были при тебѣ, уже ушли. Остались только двѣ барышни. А имъ, конечно, будетъ очень лестно посмотрѣть на руководителя нашего мѣстнаго органа мысли. Онѣ еще не видали тебя.

Геласіевъ поморщился, точно почувствовалъ у себя во рту что-то очень непріятное на вкусъ.

— По правдѣ сказать, я съ гораздо бо̀льшимъ удовольствіемъ выпилъ бы чаю здѣсь... если только это не затруднитъ Марью Николаевну,—сказалъ онъ.

— Никого не затруднитъ. Здѣсь—такъ здѣсь. Правда и то, что иные общественные дѣятели по принципу избѣгаютъ показываться слишкомъ часто простымъ смертнымъ,—пошутилъ Самосадовъ и, поглаживая бороду, тѣмъ же степеннымъ шагомъ ушелъ изъ комнаты.

Геласіевъ посмотрѣлъ на Осинина и засмѣялся.

— Вотъ вамъ и еще экземпляръ,—сказалъ онъ.—Можете ли вы сказать о немъ что нибудь дурное?

Осининъ отрицательно покачалъ головой и сказалъ, что ровно ничего.

— И я ровно ничего. Я знаю его лѣтъ, должно быть, тридцать пять, если не больше. Мы—школьные товарищи. И я не могу назвать его дурнымъ человѣкомъ, и онъ, насколько мнѣ извѣстно, отзывается обо мнѣ, какъ о порядочномъ человѣкѣ, а между тѣмъ мы никогда не могли переносить другъ друга и не переносимъ... Дѣло не во взглядахъ, не въ различіи мнѣній. Есть люди, съ которыми я расхожусь въ иныхъ взглядахъ на сто тысячъ верстъ и которыхъ, не смотря на это, очень люблю и всегда радъ видѣть. Дѣло и не въ столкновеніи интересовъ, потому что моя жизнь и его жизнь, какъ двѣ параллельныя линіи, не встрѣчаются ни въ одномъ пунктѣ. Дѣло

Digitized by Google

прямо въ характерахъ. Бывало, въ молодости, по поводу какого нибудь возмутительнаго случая, я выхожу изъ себя, рву и мечу, собираюсь всѣхъ поднять на ноги, затѣять цѣлую исторію и, вообще, готовъ лѣзть на стѣну... а Самосадовъ слушаетъ, молчитъ, «уставясь въ землю лбомъ», и потомъ спокойно примется разсуждать, что прежде всего надо обстоятельно разслѣдовать этотъ возмутительный случай,—такъ ли еще было дѣло, какъ разсказываютъ... да если и дѣйствительно такъ, то какая и кому будетъ польза, если мы поднимемъ скандалъ? Ну... кончалось обыкновенно тѣмъ, что, вмѣсто того чтобы наброситься на виновника возмутительнаго случая, мы набрасывались другъ на друга и высказывали такія обидныя вещи, какихъ не желаю вамъ ни отъ кого слышать.

Геласіевъ весело засмѣялся и, подвинувъ къ себѣ подушку, удобнѣе устроился на диванѣ.

— И такъ во всемъ,—продолжалъ онъ.—Являлась у меня какая нибудь фантазія, — онъ окачивалъ ее холодной водой. Являлась у него какая нибудь фантазія,—она непремѣнно казалась мнѣ смѣшною и пошлою. Люди, которые нравились ему,—не нравились мнѣ, и наоборотъ. Книги—тоже, пьесы—тоже... Все, что дѣлалъ я, онъ или совсѣмъ не сталъ бы дѣлать, или сдѣлалъ бы иначе, точно также какъ и я, съ своей стороны, не сталъ бы дѣлать ничего, что дѣлалъ онъ, или дѣлалъ бы все это не такъ. Говоря короче, каждое мое слово или дѣйствіе больше или меньше раздражало его, а каждое его слово или дѣйствіе хоть сколько нибудь да раздражало меня... И, право, я не знаю, до чего бы дошли мы, наконецъ, въ этомъ взаимномъ раздраженіи, еслибы судьба не догадалась развести насъ въ разныя стороны...

Иронически прищурившись и нѣсколько сморщивъ носъ, онъ посмотрѣлъ на принесенный горничной большой мельхіоровый подносъ, на позолоченные подстаканники, ложечки, сахарницу, и помолчалъ нѣсколько времени.

— Теперь мы живемъ совсѣмъ въ сторонѣ другъ отъ друга и случайно встрѣчаемся не больше пяти, шести разъ въ годъ; но и эти случайныя встрѣчи никогда не обходятся безъ того, чтобы мы хоть слегка не уязвили другъ друга,—также весело продолжалъ онъ.—Я не могу смотрѣть на всю эту позолоченную и декорированную обстановку его квартиры безъ того,

Digitized by Google

чтобы не сравнить его мысленно со жрецомъ въ капищѣ, и не усмѣхнуться... А онъ это видитъ и обижается и, при всякомъ удобномъ случаѣ, норовитъ лягнуть мою газету... Вы вѣдь слышали сами, съ какимъ выраженіемъ упомянулъ онъ сейчасъ о «руководителѣ нашего мѣстнаго органа мысли»!.. Ахъ, идолище, борода лопатой!..

Геласіевъ даже расхохотался, но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ въ его выразительныхъ глазахъ появилось нѣсколько грустное и задумчивое выраженіе.

— Ну, хорошо, я самъ знаю, что этотъ «органъ мѣстной мысли»—въ сущности препорядочно убогая газетка,—продолжалъ онъ, переложивъ подушку на другое мѣсто и облокотившись на нее.—Шрифтъ—слѣпой и сбитый, бумага—то желтоватая, то зеленоватая, половина текста—перепечатки... въ кассѣ — пусто, непріятностей бездна. Знаю!.. Самосадовъ не взялся бы за такое невѣрное дѣло, а еслибы взялся, то повелъ бы его совсѣмъ иначе. Разумѣется!.. Газета принадлежитъ мнѣ только на половину, а на другую половину собственникомъ состоитъ прежній ея владѣлецъ, нѣкто Мелентьевъ, котораго вы, кажется, видали у меня... Такъ себѣ человѣкъ... не образецъ добродѣтелей... но и несовсѣмъ негодяй—отставной офицеръ, прокутившій въ молодости довольно большое состояніе и оставшійся теперь только съ большой двойной семьей, потому что теперь онъ женатъ уже во второй разъ. Газета наша пошла за послѣднее время значительно лучше, но все таки находится въ такомъ положеніи, что мы можемъ только что сводить концы съ концами, не пользуясь отъ нея сами ни единымъ грошемъ. Но такъ какъ моему компаньону надо же чѣмъ нибудь существовать со своей двойной семьей, то онъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и тянетъ политику преслѣдуемаго судьбою человѣка: то у него жена опасно захворала и нужны деньги на докторовъ и на лѣкарства, то умершую родственницу нужно похоронить, то сына выключатъ изъ училища, если не внести назначенную плату за его ученье, то шубу у него украли... Ну, и даешь на все это... И знаешь, что онъ на добрую половину прямо вретъ, а все таки даешь, такъ какъ понимаешь, что надо же чѣмъ нибудь существовать всей этой обширной семьѣ, у которой нѣтъ ничего, кромѣ сорокарублевой пенсіи ея главы... Въ концѣ года всѣ эти выдачи, глядишь, и соста-

Digitized by Google

вятъ сумму тысячи въ полторы. А такъ какъ текущіе расходы по газетѣ нужно покрывать своимъ чередомъ, то мнѣ приходится именно такую же сумму вынимать каждогодно изъ собственнаго своего кармана. И въ результатѣ, съ самосадовской точки зрѣнія, получается то, что за всѣ труды и непріятности я не только не получаю никакого вознагражденія, а еще плачу самъ. Это ли еще не смѣшно?.. Помилуйте,—чего смѣшнѣе?.. И само собою разумѣется, что Самосадовъ совсѣмъ не взялся бы за такое убогое дѣло или повелъ бы его совсѣмъ иначе. Мелентьева онъ живо зажалъ бы себѣ въ кулакъ: онъ или совсѣмъ не сталъ бы давать ему денегъ ни на какія похороны, или, еслибы и далъ, то не въ счетъ неопредѣленныхъ будущихъ благъ, а прямо въ счетъ его доли по изданію, и такимъ образомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлался бы единственнымъ собственникомъ газеты. И, съ чисто дѣловой точки зрѣнія, онъ былъ бы правъ, потому что дѣло только выиграло бы отъ этого. Деньги, которыя теперь высасываетъ у меня Мелентьевъ на свои нуждишки, пошли бы у Самосадова на подкрѣпленіе дѣла и принесли бы ему плодъ сторицей... Разныя другія частности и мелочи дѣла, которымъ я не придаю серьезнаго значенія, онъ тоже поставилъ бы иначе и опять таки оказался бы въ чистомъ выигрышѣ, то есть чисто въ матеріальномъ, денежномъ выигрышѣ. А, по его мнѣнію, это-то и есть самое важное... Дуракъ онъ!

Геласіевъ распространился объ этихъ частностяхъ и скоро забылъ о Самосадовѣ. То жестоко ругаясь, то смѣясь, то нѣсколько умиляясь, онъ разсказывалъ о своихъ соработникахъ по веденію газеты, — писателяхъ, наборщикахъ, печатникахъ, корректорахъ, фальцовальщикахъ. Чувствовалось, что онъ сжился со всѣми этими людьми и настолько привязался къ нимъ, что даже къ самымъ безпутнымъ или Богомъ обиженнымъ изъ нихъ не могъ относиться безъ нѣкотораго состраданія, если не ради нихъ самихъ, то ради ихъ женъ и дѣтей. Сама газета была въ его глазахъ не столько личнымъ его дѣломъ, сколько дѣломъ общимъ и для него, и для всѣхъ его соработниковъ. Подсмѣиваясь надъ своими мечтаніями, онъ мечталъ, что если дѣла газеты будутъ по прежнему идти все лучше и лучше, то со временемъ можно будетъ завести свою небольшую типографійку, свою переплетную, и устроить жизнь на-

Digitized by Google

борщиковъ и фальцовальщиковъ не такъ, какъ они живутъ теперь, а болѣе по человѣчески.

— Только бы, только бы «Листокъ» пошелъ еще немного получше,—сказалъ онъ въ заключеніе,—тогда я профессуру—по боку и займусь одной газетой. Въ сущности мнѣ вѣдь немного и нужно. Жены у меня нѣтъ, дѣтей—тоже; сестра обезпечена своей вдовьей пенсіей и, въ случаѣ чего, отлично обойдетєя и безъ меня.

XIV.

Анна Васильевна сказала Осинину, что напишетъ ему, если ей понадобятся предложенныя имъ деньги. Однако, прошло два дня, а письма отъ нея не было. Подумавъ или, лучше сказать, заставивъ себя думать, что письмо могло и не дойти до него, а на самомъ дѣлѣ просто чувствуя потребность повидаться съ этой странно интересовавшей его женщиной, Осининъ рѣшилъ зайти къ ней, какъ будто мимоходомъ.

Когда онъ проходилъ по Владимірской улицѣ, мимо дома Разсказовыхъ, на его голову и къ ногамъ вдругъ упало нѣсколько какихъ-то бѣлыхъ, звѣздообразныхъ цвѣточковъ, въ родѣ жасмина. Взглянувъ на верхъ, онъ увидѣлъ на террасѣ, за рѣзною рѣшеткой и цвѣтами, Вѣру Александровну и ея мать. Обѣ онѣ, посмѣиваясь, смотрѣли на него изъ-за листьевъ плюща.

— Воротитесь, воротитесь... на минуточку зайдите къ намъ,—громкимъ шопотомъ сказала Разсказова-мать, зачѣмъ-то приложивъ, въ видѣ рупора, ладони къ губамъ и показывая Осинину на подъѣздъ и глазами, и бровями, и всѣмъ своимъ двигавшимся лбомъ. Осининъ воротился обратно къ подъѣзду и поднялся во второй этажъ. Дверь въ квартиру была уже отперта для него, а въ прихожей его встрѣтила Разсказова-мать.

— Идите, идите... я запру сама. Да не снимайте пальто, если куда торопитесь. Мнѣ только на два слова. Садитесь... курите,—командовала она.

Дожившая до сорока пяти лѣтъ, но хорошо сохранившаяся, съ черными густыми волосами, съ черными живыми глазами и нѣсколько грубымъ румянцемъ на желтоватомъ лицѣ, до-

Digitized by Google

вольно высокая, полная,—эта дама, переваливаясь съ ноги на ногу, быстро запирала дверь, слегка тянула Осинина за рукавъ въ залу, усадила его въ кресло, сунула ему въ руки коробку со спичками и, наконецъ, сама усѣлась рядомъ съ нимъ. Глядя со стороны на нее, можно было подумать, что она собиралась говорить съ Осининымъ о чемъ-то серьезномъ и спѣшномъ.

— Слушайте,—сказала она, дотронувшись концами пальцевъ до его рукава.—Вѣрочка, подай сюда пепельницу... У васъ на фабрикѣ служитъ Телепневъ?

Осининъ, давно уже привыкшій къ нѣсколько своеобразнымъ манерамъ этой барыни и не ожидавшій ничего ни серьезнаго, ни спѣшнаго, освободилъ свой ротъ отъ табачнаго дыма и тогда отвѣчалъ:

— Есть Телепневъ... служитъ.

— Ну, такъ вотъ что... Спросите вы его, узнайте какъ нибудь: пріѣхалъ сюда или не пріѣхалъ нѣкто Полосовъ... По-ло-совъ. Онъ родственникъ этого вашего Телепнева. Телепневъ долженъ знать...

Осининъ сдѣлался серьезнѣе. Какое имъ дѣло до Полосова? Онъ посмотрѣлъ на Разсказову-мать, потомъ на Вѣру, возившуюся въ сторонѣ съ курносымъ щенкомъ-мопсикомъ, и только уже послѣ этого отвѣчалъ:

— Я и такъ могу вамъ сказать, что Полосовъ пріѣхалъ. Я его самъ видѣлъ дня три назадъ.

Разсказова-мать, въ видимомъ возбужденіи, повернулась въ сторону дочери и проговорила: «Слышишь?.. Ну, теперь пойдетъ исторія... теперь пойдетъ»! Но Вѣра, какъ будто съ нѣкоторой досадой на что-то, отвѣчала, продолжала возиться съ мопсикомъ,—что, можетъ быть, и ничего не пойдетъ, потому что одни говорятъ, будто онъ женатъ на ней; а другіе говорятъ, что не женатъ. Кто ихъ тамъ разберетъ!

— Значитъ, вы знакомы съ Полосовымъ?—обратилась Разсказова-мать опять къ Осинину.

— Пожалуй, и знакомъ, если встрѣтиться съ человѣкомъ раза два—значитъ познакомиться.

— А скажите: не говорилъ онъ вамъ... не знаете вы, съ нимъ еще или не съ нимъ эта.... какъ ее?.. которая тогда сбѣжала къ нему отъ мужа?..

Digitized by Google

— Спасская... Да, и Спасская съ нимъ, — неохотно отвѣчалъ Осининъ и сейчасъ же всталъ, предчувствуя, что если онъ не поторопится уйти, то навѣрное услышитъ отъ этой закоренѣлой старой сплетницы что нибудь непріятное ему объ Аннѣ Васильевнѣ. Такъ и вышло.

— Непонятное ни для кого дѣло!—въ удивленіи проговорила «закоренѣлая сплетница», разводя руками и совсѣмъ не замѣчая, что онъ хотѣлъ бы уйти.—И тогда, когда она бѣжала съ нимъ, никто не могъ понять,—что̀ такое онъ нашелъ въ ней? А теперь, когда оказывается, что она и по сіе время съ нимъ, подавно никто ничего не разберетъ! Чѣмъ она приколдовала его?.. По неволѣ вспомнишь тѣхъ, кто говорилъ, что она тогда прихватила съ собой порядочно мужниныхъ денегъ...

Осининъ вспыхнулъ, точно оскорбили его самого.

— Что за гадости!—вскричалъ онъ.—Я ее знаю. Я былъ хорошо знакомъ съ ея покойнымъ мужемъ... и могу васъ увѣрить, что какъ онъ ни былъ пораженъ ея бѣгствомъ, но и послѣ этого никогда не говорилъ о ней ничего дурнаго. Могу васъ увѣрить!..

Удивленная его горячностью, «закоренѣлая сплетница» во всѣ глаза смотрѣла на него, потомъ многозначительно взглянула на дочь. Вѣра тоже посматривала то на него, то на мать.

— Разумѣется, все это вздоръ и сплетни, — примирительнымъ тономъ сказала, наконецъ, молодая дѣвушка. — Просто она, какъ говорили другіе, должно быть, хороша собой. Правда это?

— Право, не могу вамъ сказать,—уже совсѣмъ хмуро отвѣчалъ Осининъ, видя по глазамъ сплотницы, что въ ея головѣ зрѣетъ уже новая сплетня на его счетъ, и рѣшительно поспѣшилъ уйти.

Вѣра и ея мать проводили его до передней.

— Не забыли ли чего нибудь?—посмѣиваясь, спросила дѣвушка.—Правда ли, я слышала, будто вы забыли мою карточку гдѣ-то на фабрикѣ или въ конторѣ?

Осининъ, совсѣмъ забывшій въ эти дни и о ней самой, не только объ ея карточкѣ, нѣсколько растерялся. Въ головѣ его смутно мелькнуло воспоминаніе о томъ, что онъ дѣйствительно забылъ или чуть было не забылъ гдѣ-то эту карточку. Онъ

Digitized by Google

машинально пошарилъ рукой въ карманѣ пальто, потомъ вспомнилъ, что переложилъ карточку въ бумажникъ, и сейчасъ же отыскалъ ее.

— Да нѣтъ... я пошутила,—сказала Вѣра, все таки посмѣиваясь, но нѣсколько обиженная тѣмъ, что онъ таскаетъ ея изображеніе вмѣстѣ съ засаленными кредитными билетами и разными квитанціями.—Мнѣ вчера пожаловался Адріанъ Кириловичъ, что вы чуть было не забыли въ конторѣ его письмо. А я видѣла, что мою карточку вы положили вмѣстѣ съ его письмомъ, потому и подумала, что она тоже могла гдѣ нибудь... заблудиться.

Осининъ вышелъ отъ нихъ взбѣшенный, чувствуя себя такъ, какъ будто бы его искусали слѣпни. Что за злыя мухи—эти женщины! Всѣ инстинкты ихъ, кажется, только и направлены на то, чтобы какъ можно глубже запустить свои жала въ каждаго, попавшагося имъ на глаза, человѣка... Анна Васильевна украла у мужа деньги!.. И эта нелѣпая гнусность представляется имъ весьма правдоподобной, потому что иначе, изволите видѣть, очень трудно объяснить себѣ, чѣмъ могла Спасская до такой степени приворожить къ себѣ Полосова. Что̀ за отвратительныя ядовитыя мухи! Онъ былъ даже не столько золъ на Разсказову-мать, сколько на Вѣру. Разсказова-мать была уже почти старуха. Она не получила ровно никакого образованія въ молодости, а потомъ во всю свою жизнь, какъ сама говорила, съ интересомъ прочитала отъ начала до конца всего только двѣ книги,—два уголовныхъ процесса, въ свое время очень заинтересовавшіе всѣхъ, кто слышалъ о нихъ. Позволительно думать, что она никогда ни отъ кого не слышала той простой истины, что нельзя такъ жестоко судить и обвинять человѣка, не только не выслушавъ его, но даже не видѣвъ его хоть издали и, вообще, не имѣя о немъ ровно никакого понятія. Нельзя же требовать отъ нея, чтобы она своимъ умомъ и сердцемъ дошла до пониманія этой истины. Другое дѣло—Вѣра. Вѣра получила довольно приличное образованіе, слушала года два какія-то лекціи, читала и читаетъ все, что̀ читаютъ другіе образованные люди. Разумѣется, она не можетъ передѣлать свою мать, но несомнѣнно могла бы,—еслибы захотѣла,—очень сильно сдерживать ее, потому что эта молодая особа является, въ сущности, настоящею властитель-

Digitized by Google

ницею въ домѣ: и отецъ, и мать, прежде чѣмъ сдѣлать какой нибудь шагъ, предварительно заглянутъ нѣсколько разъ ей въ глаза.

Этотъ домъ принадлежитъ ей. Деньги, процентами съ которыхъ они живутъ, тоже ея деньги. Когда ей было лѣтъ около десяти и пришло время учиться, отецъ ея служилъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, въ которомъ не существовало никакихъ учебныхъ заведеній, кромѣ двухкласснаго училища. Вѣрочку для воспитанія отправили въ губернскій городъ, къ ея бабушкѣ, очень любившей ее. Живя у нея, Вѣра съумѣла расположить къ себѣ своею веселостью одну хорошую пріятельницу этой бабушки, одинокую, съ порядочными средствами, тоже старую особу, и года черезъ четыре, послѣ смерти бабушки, переселилась на житье къ этой особѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ эта старуха, давно уже ожидавшая смерти, хотя очень боявшаяся ея, тоже умерла и оставила Вѣрѣ все свое довольно порядочное состояніе. Такимъ образомъ, Вѣра сдѣлалась въ восемнадцать лѣтъ ни отъ кого не зависящей дѣвушкой.

Отецъ ея, служившій все въ томъ же захолустномъ уѣздѣ и жестоко скучавшій о губернскомъ обществѣ, тотчасъ же вышелъ въ отставку и переселился къ дочери. Самому себѣ и другимъ онъ постоянно говорилъ, что, поселившись теперь въ губернскомъ городѣ и возобновивъ всѣ прерванныя старыя знакомства, онъ скоро высмотритъ хорошее мѣсто и опять поступитъ на службу; однако эти добрыя намѣренія что-то медлили осуществляться. Раннимъ утромъ онъ отправлялся, вмѣсто прогулки, за провизіей на базары, бесѣдовалъ со знакомыми торговцами и возвращался домой какъ разъ къ чаю, съ цѣлымъ ворохомъ базарныхъ слуховъ и новостей: гдѣ кого убили, гдѣ кого ограбили, какой и съ кѣмъ случился ночью скандалъ... До обѣда онъ успѣвалъ побывать въ нѣсколькихъ семействахъ, въ нѣсколькихъ конторахъ и канцеляріяхъ у старыхъ сослуживцевъ, и приходилъ домой къ обѣду со свѣжими новостями. Вечеромъ, въ клубѣ, прибавлялось еще что нибудь новое. А такъ какъ жена Разсказова была подвижная женщина, не любившая сидѣть на одномъ мѣстѣ и безпрестанно обѣгавшая всѣхъ своихъ знакомыхъ, то въ результатѣ получалось, что разсказовскій домъ являлся какимъ-то складочнымъ мѣстомъ

Digitized by Google

слуховъ, сплетень, толковъ о всѣмъ извѣстныхъ, а иногда и никому неизвѣстныхъ людяхъ, которыхъ одни называли Ивановыми, другіе—Петровыми... Понемногу заинтересовывалась этими пересудами и Вѣра, сначала не находившая никакого удовольствія въ томъ, чтобы обсуждать дѣла очень мало знакомыхъ ей людей.

«И втянется она съ головой въ это занятіе, и будетъ къ сорока годамъ такою же непривлекательною торговкою, какъ ея матушка»!—съ сердцемъ думалъ Осининъ, представляя себѣ красивую, смуглую Вѣрочку—растолстѣвшею пожилою бабою съ жаднымъ любопытствомъ въ глазахъ и съ печатью пошлости на пожелтѣвшемъ лицѣ.

XV.

На улицѣ было еще достаточно свѣтло, но въ домахъ уже зажигались огни. Въ нумерѣ Анны Васильевны тоже горѣла лампа, около которой на столѣ было сложено какое-то шитье, стояла раскрытая рабочая корзинка, лежали ножницы, наперстокъ и катушка бѣлой бумаги. Сама Анна Васильевна, вставшая на встрѣчу Осинину, показалась ему, при смѣшанномъ свѣтѣ лампы и блѣдныхъ сумерекъ, смотрѣвшихъ въ незавѣшанныя окна, похудѣвшею и если не озабоченною, то очень неспокойною.

— Нѣтъ, я не писала,—отвѣчала она, когда Осининъ высказалъ свое придуманное опасеніе, что ея письмо могло не дойти до него.—Василій Михайловичъ не хочетъ уѣзжать отсюда.

— Что же, у него есть здѣсь въ виду что нибудь очень хорошее?—спросилъ Осининъ.

Анна Васильевна улыбнулась горькой улыбкой.

— Что̀ для него можетъ быть хорошаго здѣсь!.. Разумѣется, обѣщаютъ. Всѣ, а въ особенности разные старые пріятели и товарищи, находятъ, кажется, даже невѣжливымъ не обѣщать и не вводить человѣка въ заблужденіе,—отвѣчала она и потомъ прибавила:—Вотъ что̀... я сдѣлала глупость—сказала ему, что вы обѣщали достать мнѣ тѣ деньги. Простите меня, пожалуйста... и если вы встрѣтитесь съ нимъ, и онъ будетъ просить у васъ денегъ,—не давайте ему ничего... Пожалуйста,

Digitized by Google

будьте такой добрый... сдѣлайте мнѣ еще это одолженіе. У меня теперь остается только одна надежда: что, можетъ быть, хоть безденежье заставитъ его уѣхать отсюда. Вчера мнѣ пришла было въ голову мысль—пріискать себѣ здѣсь какое нибудь мѣсто. Но я и объ этомъ бросила думать. Если у насъ будетъ хоть двадцать рублей въ мѣсяцъ, Василій Михайловичъ ни за что не оторвется отъ здѣшнихъ своихъ пріятелей. Лучше я буду сидѣть по цѣлымъ днямъ голодная, только бы вырвать его поскорѣе отсюда...

Повернувъ нѣсколько голову и прислушавшись къ почти постоянно стоявшему въ коридорѣ смѣшанному шуму, въ которомъ Осининъ не могъ разобрать ничего опредѣленнаго, она сказала:

— Вотъ идетъ и онъ самъ.

И дѣйствительно, среди шаговъ нѣсколькихъ другихъ человѣкъ, сновавшихъ по коридору, она безошибочно различила шаги человѣка, котораго любила. Пришелъ Полосовъ. Когда ему представлялись впереди какія нибудь пріятныя перспективы или, просто, удавалось провести весело время, онъ забывалъ о своей сломанной ногѣ и ходилъ, какъ ходятъ всѣ другіе люди со здоровыми ногами; когда же у него не было ничего хорошаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, тогда онъ постоянно вспоминалъ, въ числѣ своихъ другихъ несчастій, и о своемъ быломъ увѣчьѣ, и слегка прихрамывалъ. Такъ какъ сегодня онъ шелъ такимъ образомъ, какъ будто волочилъ за собой свою сломанную ногу, и притомъ волочилъ ее съ нѣкоторымъ усиліемъ, то Анна Васильевна, прежде чѣмъ увидѣла его, уже знала, что на этотъ разъ онъ возвращался домой въ нѣкоторомъ унынiи. И она не ошиблась въ этомъ. Сегодня Полосову, дѣйствительно, не везло. Однихъ изъ своихъ старыхъ знакомыхъ и пріятелей онъ не заставалъ дома, другіе были заняты своими собственными дѣлами и какъ будто торопились отдѣлаться отъ него, а, глядя на третьихъ, можно было подумать, что онъ успѣлъ уже надоѣсть имъ за эти нѣсколько дней. Все это произвело на Василія Михайловича такое угнетающее впечатлѣніе, что, возвращаясь въ гостинницу, онъ уже подумалъ раза два, не будетъ ли въ самомъ дѣлѣ лучше перебраться опять въ какой нибудь другой городъ.

— Въ послѣдній разъ—хорошо помню—я имѣлъ удоволь-

Digitized by Google

ствіе встрѣтиться съ вами у Николая Яковлевича Исполева,— сказалъ Полосовъ, возобновляя свое знакомство съ Осининымъ.—Видѣли вы его, бѣднягу, за послѣднее время?

Осининъ отвѣчалъ, что онъ былъ хорошо знакомъ собственно съ братомъ Исполева, а его самого зналъ очень мало и встрѣчался съ нимъ рѣдко.

— Однако, я теперь припоминаю,—мнѣ кто-то говорилъ,— что жизнь его пошла за эти годы очень несчастливо,—прибавилъ онъ.

— Несчастье за несчастьемъ,—сказалъ Полосовъ и сталъ разсказывать, что у этого Исполева, страдавшаго съ молодыхъ лѣтъ запоемъ, понемногу спилась жена и, года полтора назадъ, уронивъ на себя въ пьяномъ видѣ керосиновую лампу, умерла отъ обжоговъ; потомъ старшій сынъ началъ страдать припадками временнаго умопомѣшательства и умеръ отъ воспаленія мозга; а затѣмъ такіе же припадки начались съ младшимъ сыномъ, и его пришлось помѣстить въ домъ сумашедшихъ. Теперь у Исполева осталась изо всей его семьи одна только дочь, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, тоже съ нѣкоторыми подозрительными странностями въ характерѣ, похожими на зачатки душевной болѣзни, и ея отецъ, потрясенный этой массой обрушившихся на него несчастій, собирается уйти въ монастырь, но врядъ ли уйдетъ, а, вѣрнѣе всего, и самъ сойдетъ съ ума или повѣсится, потому что и по сіе время не можетъ избавиться отъ своего стараго недуга—запоя.

Съ первыхъ же словъ разсказа Полосова, Осининъ припомнилъ, что всю эту исторію Исполева, даже съ еще болѣе мелкими подробностями, онъ уже слышалъ въ складѣ всевозможныхъ городскихъ исторій и новостей,—въ домѣ Разсказовыхъ. Поэтому, онъ не столько слушалъ, сколько, пользуясь случаемъ, разглядывалъ Полосова. Встрѣчаясь съ нимъ прежде, онъ почти не обращалъ на него вниманія, но теперь этотъ ближайшій другъ Анны Васильевны, этотъ «отъявленный мерзавецъ», сдѣлавшійся, по ея словамъ, «совсѣмъ другимъ человѣкомъ», очень интересовалъ Осинина. Первое впечатлѣніе, произведенное на него наружностью Полосова, было и теперь, какъ прежде, довольно непріятное. Первое, что бросилось ему въ глаза, это была,—какъ онъ мысленно выразился,—«шкура» Полосова. Дѣйствительно, лицо у него было нѣсколько мало-

Digitized by Google

вато. Густые темные волосы на головѣ, сверху и съ боковъ, и густыя же широкія брови снизу — какъ будто сдавливали со всѣхъ сторонъ его небольшой лобъ и не давали ему развиться до нормальнаго размѣра. Отъ уха по щекамъ, по подбородку и до другаго уха тянулась непрерывной полосой довольно коротко подстриженная борода, тоже достаточно густая и сама по себѣ, а съ ея чащей смѣшивались еще концы усовъ, закрывавшихъ всю верхнюю губу. Когда Полосовъ въ задумчивости смотрѣлъ въ землю и среди этой массы коротко подстриженныхъ и щетинившихся волосъ виднѣлись только скулы, носъ и узкая полоса лба, онъ производилъ своей наружностью не очень-то пріятное впечатлѣніе. Но когда онъ поднималъ свои довольно большіе и вовсе не злые глаза, улыбался, разжималъ свои губы,—непріятное впечатлѣніе нѣсколько сглаживалось, и начинало казаться, что этотъ, закутанный въ звѣриную шкуру человѣкъ — если несовсѣмъ добрый малый, то, во всякомъ случаѣ, обладаетъ немалою долею того, что составляетъ сущность добраго малаго. Въ концѣ концовъ, Полосовъ показался теперь Осинину немножко привлекательнѣе, чѣмъ казался прежде, но все таки не до такой степени привлекательнымъ, чтобы къ нему можно было почувствовать не только симпатію, но хотя бы нѣкоторое довѣріе. Оглядывая массивныя плечи, руки, бедра Полосова, Осининъ предубѣжденно думалъ, что этотъ быкъ при первомъ же случаѣ предастъ кого угодно уже ради того только, чтобы поддерживать въ надлежащемъ видѣ эту благопріобрѣтенную имъ груду мяса на своихъ костяхъ.

Съ своей стороны и Полосовъ не чувствовалъ никакого расположенія къ Осинину. Во-первыхъ, когда-то онъ слышалъ о немъ и его семействѣ нѣчто такое, на основаніи чего представлялъ его себѣ «аристократомъ», то есть однимъ изъ тѣхъ людей, которые захватываютъ себѣ всѣ лучшія мѣста и заграждаютъ дорогу подобнымъ Полосову бѣднякамъ, не поддерживаемымъ никакой протекціей. Во-вторыхъ, онъ слышалъ, что Осининъ учился въ университетѣ и потомъ пописывалъ какія-то мудреныя статейки объ общественныхъ вопросахъ, а на всѣхъ людей такого рода Полосовъ привыкъ смотрѣть почти какъ на своихъ прирожденныхъ враговъ, уже по одному тому, что въ своихъ поискахъ за разными мѣстами не могъ полу-

Digitized by Google

чить нѣкоторыхъ изъ нихъ единственно изъ-за того пустаго, по его мнѣнію, обстоятельства, что писалъ довольно малограмотно. Онъ не отрицалъ, конечно, что и между «учеными» людьми встрѣчаются славные ребята, съ которыми можно весело провести время, но находилъ, что такіе экземпляры встрѣчаются въ средѣ ихъ только въ видѣ исключенія, а вообще люди съ высшимъ образованіемъ, въ особенности разсуждающіе объ общественныхъ вопросахъ, считаютъ настоящими людьми только себѣ подобныхъ и на всѣхъ простыхъ смертныхъ смотрятъ, какъ на какихъ-то полубезсловесныхъ животныхъ. Наконецъ, въ третьихъ, Полосову казалось нѣсколько подозрительнымъ неожиданное участіе Осинина къ Аннѣ Васильевнѣ. Что за непонятная дружба? Насколько онъ можетъ припомнить, Анна никогда не говорила ему объ этой дружбѣ, и вдругъ, только что они успѣли пріѣхать сюда, какъ этотъ другъ сейчасъ же разыскиваетъ ихъ и предлагаетъ къ услугамъ Ани свой кошелекъ... Положимъ, Полосова нѣсколько сбивало съ толку то обстоятельство, что Осининъ предлагалъ Аннѣ Васильевнѣ деньги на переѣздъ отсюда и на устройство въ какомъ нибудь другомъ городѣ, слѣдовательно поступалъ, повидимому, безъ всякаго задняго разсчета, но, съ другой стороны, эта самая кажущаяся безразсчетность, пожалуй, еще больше усиливала подозрительность Василія Михайловича, потому что была для него совершенно необъяснимой. Ему думалось, что или Анна на этотъ разъ была съ нимъ несовсѣмъ откровенна, или Осининъ не договаривалъ ей кой-чего.

Покончивъ съ разговоромъ объ Исполевѣ и поговоривъ еще нѣсколько минутъ о другихъ общихъ знакомыхъ, преимущественно о Телепневѣ, Осининъ, не чувствовавшій никакого удовольствія продолжать эту вялую бесѣду, поспѣшилъ уйти. По прежнему слегка волоча за собой свою сломанную ногу, Полосовъ пошелъ провожать его.

— Я долженъ еще поблагодарить васъ, — сказалъ онъ въ коридорѣ.—Конечно, вы меня совсѣмъ не знаете и предложили деньги собственно не мнѣ, а Аннѣ Васильевнѣ... однако, такъ какъ у насъ съ нею всѣ дѣла выходятъ общія, то... то,—повторилъ онъ и, чувствуя, что совсѣмъ запутался, счелъ за самое лучшее молча протянуть Осинину свою массивную, пухлую руку.

Digitized by Google

— Я считаю себя старымъ знакомымъ Анны Васильевны и всегда радъ быть ей полезнымъ,—сухо отвѣчалъ Осининъ и прибавилъ про себя: «а такъ какъ ты и самъ понимаешь, что ты тутъ непричемъ, то не слѣдовало бы тебѣ и соваться съ твоею благодарностью».—Вы еще не рѣшили: уѣхать отсюда или оставаться?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не знаю... трудно рѣшить... И здѣсь представляются нѣкоторые хорошіе шансы. Конечно, здѣсь даже несравненно больше шансовъ получить хорошее мѣсто, чѣмъ въ какомъ нибудь мало знакомомъ городѣ. Еслибы была возможность спокойно переждать здѣсь мѣсяца два или три, можно было бы отлично устроиться и мнѣ, и Аннѣ Васильевнѣ,—отвѣчалъ Полосовъ, понемногу проникаясь смутною надеждою, что ему удастся соблазнить Осинина перспективою того, что Анна Васильевна останется здѣсь. — Она вѣдь тоже и родилась, и выросла здѣсь... У нея здѣсь и отецъ, и мать, и старые знакомые,—продолжалъ онъ, уже серьезно подумывая о томъ, что отлично было бы устроить дѣло такъ, чтобы Осининъ если не теперь, то впослѣдствіи, самъ предложилъ ему деньги, на которыя можно бы было прожить два-три мѣсяца до полученія мѣста.

— Да... конечно,—неопредѣленно отвѣчалъ Осининъ, хорошо понимая, къ чему Полосовъ «вретъ» ему все это, и такъ какъ они дошли уже до лѣстницы, то поспѣшилъ распроститься съ своимъ провожатымъ.

Полосовъ остался одинъ на верхней площадкѣ и, закуривъ папиросу, смотрѣлъ скучающими глазами празднаго человѣка внизъ, черезъ перила, на гостинничную прислугу, переносившую во второй этажъ чемоданы и саквояжи вновь прибывшихъ пріѣзжихъ; на какую-то старую и толстую барыню, медленно взбиравшуюся со ступени на ступень. Всѣ стѣны, между которыми шла лѣстница, были покрыты объявленіями, напечатанными разноцвѣтною краскою, наклеенными на картонъ и, для пущей прочности, покрытыми лакомъ. Скучающіе глаза Полосова скользнули по объявленіямъ о швейныхъ машинахъ, о складѣ земледѣльческихъ орудій, о рейсахъ американскихъ пароходовъ, о какао Блокера, и уперлись во вдѣланное въ стѣну узкое, высокое зеркало, въ которомъ отражалась его собственная фигура. Осмотрѣвъ ее съ низу до

Digitized by Google

верху, онъ почти упалъ духомъ отъ производимаго ею впечатлѣнія. Сапоги истоптались и пріобрѣли видъ какихъ-то разношенныхъ плоскихъ туфель; панталоны на сгибѣ позади колѣнъ собрались въ цѣлый рядъ некрасивыхъ, никогда не разглаживавшихся, складокъ; пиджакъ сидѣлъ безобразнымъ старымъ кулькомъ. Все обветшало, потеряло свою прежнюю благообразную форму и носило такой видъ, какъ будто жаловалось на свою безсмѣнную службу и дома, и на улицѣ, и въ гостяхъ, и въ дорогѣ. Немудрено, что его знакомые постоянно опасаются, какъ бы онъ не попросилъ у нихъ денегъ на сапоги...

— Совсѣмъ какао! — уныло проговорилъ онъ про себя, попавъ глазами на объявленіе о какао Блокера.

Понуривъ голову, онъ возвратился медленными шагами обратно въ нумеръ и задумчиво развалился въ креслѣ по другую сторону переддиваннаго стола, за которымъ сидѣла съ своей работой Анна Васильевна.

— Что, сегодня ничего нѣтъ хорошаго?—спросила она съ легкой усмѣшкой, очень довольная въ душѣ, что онъ, повидимому, началъ разочаровываться въ своихъ надеждахъ на сочувствіе и помощь старыхъ пріятелей.

— Чего тутъ можно ожидать хорошаго! — съ досадой отвѣчалъ онъ.—Все не то... не такъ, какъ слѣдуетъ... Первое дѣло съ этими людьми—необходимо было бы попріодѣться и тебѣ, и мнѣ—главное тебѣ... Второе дѣло—слѣдовало бы хорошенько подмазать весь этотъ народъ, угостить, напоить... Главное—требуется, чтобы всѣ думали, что у человѣка есть кое-что въ карманѣ и что, въ случаѣ чего, онъ обойдется и безъ посторонней помощи. Ну, а если имъ видно, что у человѣка нѣтъ ничего, они сейчасъ же начинаютъ бояться, что онъ пришелъ занять у нихъ три рубля, и не сказываются дома...

— Какая же дрянь всѣ эти твои пріятели,—сказала Анна Васильевна.—Милый, плюнь на нихъ! Надѣнь завтра утромъ шляпу на бекрень и отправляйся дѣлать имъ прощальные визиты. «Благодарю васъ за участіе и будьте здоровы, прощайте»!..

Въ ея глазахъ и голосѣ было нѣчто такое, отъ чего по всему массивному тѣлу Полосова словно пробѣжала электри-

Digitized by Google

ческая искра, и на одну минуту онъ почти рѣшился было послѣдовать этому совѣту и, дѣйствительно, «надѣть шляпу на бекрень». Но затѣмъ, сейчасъ же послѣ этого, ему припомнилось, что завтра вечеромъ онъ званъ на именины къ одному товарищу, у котораго навѣрное будетъ много всякаго народа, будетъ выпивка, хорошая картежная игра... Ахъ, еслибы только у него было немного побольше денегъ въ карманѣ!..

— Зачѣмъ онъ приходилъ?—спросилъ онъ, вдругъ сдѣлавшись угрюмымъ.

— Кто «онъ»?

— Ну, этотъ, что сейчасъ ушелъ... Этотъ твой Осининъ или Дубининъ... какъ его?

Анна Васильевна улыбнулась.

— Этотъ мой Дубининъ одинъ лучше всѣхъ твоихъ пріятелей, сложенныхъ вмѣстѣ,—отвѣчала она. — Онъ приходилъ справиться—нужны мнѣ обѣщанныя имъ деньги или не нужны.

— Да какъ же онѣ не нужны? Вотъ до чего онѣ нужны!—почти съ отчаяніемъ закричалъ Полосовъ, схвативъ себя за горло.—Еслибъ ты взяла у него эти деньги, сразу бы всѣ роли перемѣнились и дѣло пошло бы другимъ ходомъ!.. Неужели ты этого не понимаешь?

Анна Васильевна, не торопясь, обрѣзала нитку, воткнула иголку въ крышку коробки и уже послѣ того обратилась къ нему.

— Да вѣдь онъ же даетъ эти деньги на переѣздъ,—отвѣчала она уже совсѣмъ другимъ тономъ, спокойно, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ печали.—Положимъ... не хочу говорить неправды... онъ, по всей вѣроятности, не отказалъ бы дать мнѣ ихъ и просто на устройство здѣсь. Но я сама не хочу этого. Во-первыхъ, мнѣ по прежнему очень не хотѣлось бы оставаться здѣсь—ты это знаешь. А потомъ я не вѣрю, чтобы тебѣ удалось устроиться тутъ. И ты только представь себѣ, что мы проживемъ здѣсь еще нѣсколько мѣсяцевъ, истратимъ всѣ эти занятыя деньги, ничего не найдемъ и останемся безъ всякой возможности переѣхать въ другой городъ... Ну, что тогда?

Но Полосовъ, вмѣсто отвѣта, только махнулъ рукой и, перевалившись съ кресла на диванъ, улегся на немъ и угрюмо курилъ папиросу. Онъ не любилъ спорить съ Анной Васильев-

Digitized by Google

ной, потому что въ спорахъ она всегда оказывалась сильнѣе его. Къ тому же, какъ спорить съ женщиной, которая просто на просто говоритъ, что «не вѣритъ»... Какъ ее увѣришь?.. Полосовъ помнилъ и цѣнилъ, что Анна поддерживала и выручала его въ такіе трудные періоды его жизни, когда онъ думалъ, что его ужь никто не выручитъ,—Анна поила, кормила, лѣчила его, когда онъ по цѣлымъ недѣлямъ лежалъ больной въ постели, съ ужасомъ думая иногда, что̀ было бы съ нимъ, еслибы судьба не послала ему на помощь эту женщину... Смутно сознавая, что она несравненно выше его нравственно, образованнѣе, умнѣе, онъ не только чувствовалъ къ ней невольное уваженіе, но до нѣкоторой степени даже побаивался ея. И при всемъ этомъ или, вѣрнѣе, по всему этому, ему безпрестанно чувствовалось также, что она связываетъ его по рукамъ и по ногамъ, и прямо мѣшаетъ ему жить...

Н. Бажинъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Жертвы.

Д. Ѳ. Синицкому.

Кто знаетъ, сколько жертвъ русалокъ голосистыхъ
Спитъ непробуднымъ сномъ у ногъ родныхъ холмовъ,
Подъ пологомъ лилей въ озерахъ серебристыхъ,
Въ лазури тихихъ рѣкъ, въ недвижной мглѣ прудовъ?
И тѣмъ же вѣчнымъ сномъ межъ странныхъ травъ пушистыхъ
Въ пурпурномъ сумракѣ коралловыхъ лѣсовъ
Спятъ жертвы злыхъ сиренъ на днѣ морей лучистыхъ.
Ихъ всѣхъ обворожилъ одинъ и тотъ же зовъ!
Одна манила пѣснь—сулила обаянье
Могучихъ, тайныхъ чаръ, какихъ не знаетъ свѣтъ,
Какихъ въ земной любви и въ нашемъ счастьѣ нѣтъ.
Дала ль имъ это смерть?.. Не говоритъ сказанье!
Но, еслибъ въ ихъ сердцахъ опять вскипѣла кровь,—
Опять погибли бъ всѣ за счастье вѣрить вновь!

Графъ П. Бутурлинъ.

Digitized by Google

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОМЫСЛОВАГО ОБЛОЖЕНІЯ.

Небывалый у насъ подъемъ интереса къ финансово-экономическимъ вопросамъ, выдвинутымъ на очередь печальными событіями голоднаго года, коснулся въ значительной мѣрѣ и нашего промысловаго обложенія. Вопіющія несовершенства этого послѣдняго такъ значительны и постоянны, что невольно бросаются въ глаза не только спеціалистамъ, но и всѣмъ сколько нибудь образованнымъ людямъ, привыкшимъ болѣе или менѣе сознательно относиться къ явленіямъ общественной и государственной жизни. Патентная система торгово-промышленнаго обложенія, практикуемая у насъ, была охарактеризована однимъ изъ крупныхъ представителей нашей финансовой администраціи, какъ «совершенно неприличная» для сколько нибудь культурнаго государства. Построенная на такъ называемыхъ внѣшнихъ признакахъ, она стремится числомъ входовъ и покоевъ въ торговомъ помѣщеніи, родомъ товара, оптовымъ или розничнымъ характеромъ торга и т. п. чисто внѣшними и наружными показателями уловить размѣръ и силу платежной способности торгово-промышленныхъ заведеній и, сообразно со степенью развитія ихъ, обложить предпріятія промысловымъ налогомъ. Такъ какъ указанные внѣшніе признаки, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ никакого отношенія къ внутренней силѣ торговыхъ заведеній, а вызываются преимущественно второстепенными и даже совсѣмъ посторонними торговлѣ причинами, каковы, напримѣръ, предполагаемый контингентъ покупателей, наличность торговыхъ и жилыхъ помѣщеній, родъ товара, громоздкость или подвижность его и т. п., то патентный сборъ въ дѣйствительности не имѣетъ никакого отношенія къ единственно правильному объекту обложенія — къ доходности торгово-промышленныхъ предпріятій. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ данныя о прибыльности торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, облагаемыхъ дополнительнымъ раскладочнымъ сборомъ, изъ которыхъ, между прочимъ, видно, что наша мелочная торговля несетъ теперь одного патентнаго сбора свыше 7,5% съ чистаго дохода, тогда какъ крупная оптовая уплачиваетъ его менѣе 2,5%. Бо́льшей неравномѣрности въ обло-

Digitized by Google

женіи, кажется, и придумать нельзя, а потому немудрено, что люди самыхъ разнообразныхъ направленій единогласно сходятся въ полномъ осужденіи господствующей въ настоящее время патентной системы. Поддерживать ее рѣшаются очень немногіе, да и то съ цѣлями, не имѣющими ничего общаго съ правильной податной системой.

Но, отвергая патентную систему въ принципѣ, большинство нашихъ финансистовъ колеблется въ выборѣ другой новой системы промысловаго обложенія. Одни, выходя изъ условности и ненадежности внѣшнихъ признаковъ, какъ показателей доходности предпріятій, проэктируютъ такую патентную систему, платежныя ставки которой исчислялись бы не по внѣшнимъ, а по какимъ либо другимъ признакамъ, гораздо точнѣе и правильнѣе опредѣляющимъ платежную способность торговыхъ и промышленныхъ заведеній; другіе видятъ исходъ въ классномъ патентномъ налогѣ на торговлю и промыслы; третьи — въ раскладочной системѣ, четвертые — въ окладной и т. д. Комисія, спеціально учрежденная при министерствѣ финансовъ для выработки новой системы промысловаго обложенія, начала свои работы разсмотрѣніемъ проэкта департамента торговли и мануфактуръ, заключающаго въ себѣ оригинальную попытку примѣнить въ новомъ промысловомъ налогѣ три взаимно исключающія другъ друга формы обложенія: патентную (по внѣшнимъ признакамъ), окладную (по оборотамъ или по прибылямъ) и раскладочную (по доходамъ). Такое смѣшеніе системъ самыхъ совершенныхъ съ самыми несовершенными и примитивными ясно показываетъ, что основные и элементарнѣйшіе вопросы промысловаго обложенія еще недостаточно извѣстны у насъ и требуютъ разъясненія. Такихъ вопросовъ собственно два. Первый изъ нихъ касается объекта обложенія, а второй—способовъ исчисленія его. На уясненіи этихъ элементарныхъ вопросовъ мы и считаемъ нужнымъ остановиться въ настоящей замѣткѣ, съ единственной цѣлью показать, въ какомъ отношеніи находятся проэктируемыя системы промысловаго обложенія къ требованіямъ науки и запросамъ дѣйствительной жизни.

I.

Съ научной точки зрѣнія, самый вопросъ объ объектѣ обложенія необходимо признать праздным, такъ какъ давно уже сдѣлалось азбучной истиной то положеніе, по которому такимъ объектомъ всегда и вездѣ является доходъ. Но у насъ, къ сожалѣнію, и такая очевидная истина нерѣдко оспаривается. Доморощенные финансисты наши, по отношенію къ торговому обложенію, прямо утверждаютъ,

Digitized by Google

что поимущественное исчисленіе налога будетъ и равномѣрнѣе, и справедливѣе. Одинъ изъ такихъ финансистовъ, нѣкій Александръ Морокинъ, рѣшился даже въ прошломъ году выступить въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 62) съ печатной защитой такой системы промысловаго обложенія. Опровергать ее не было бы надобности, еслибы реорганизація нашего податнаго дѣла не вступила на практическую почву и еслибъ въ комисіи по пересмотру торговаго обложенія не раздавались голоса въ пользу введенія налога по оборотамъ. Очевидно г. Морокинъ нашелъ послѣдователей и защитниковъ, а потому волей-неволей приходится считаться и съ затронутымъ имъ вопросомъ. Попытаемся возстановить всѣ доводы (а не морокинскіе только) приводимые обыкновенно въ пользу поимущественныхъ налоговъ.

Подоходное обложеніе,—говорятъ противники его,—всегда несправедливо, потому что доходъ доходу рознь. Нельзя сравнивать доходъ, получаемый въ видѣ процентовъ съ готоваго ссуднаго капитала, съ тѣмъ, который добывается тяжелымъ трудомъ и обезпечиваетъ получающаго его только на то время, пока онъ здоровъ. Владѣлецъ, напримѣръ, капитала въ процентныхъ бумагахъ не можетъ платить съ своего, положимъ, десятитысячнаго дохода столько же, сколько платитъ съ равной суммы заработка писатель или художникъ, потому что первый получаетъ свой доходъ безъ труда и на случай болѣзни или старости останется одинаково обезпеченнымъ, тогда какъ второй, потерявъ способность работать, можетъ остаться нищимъ. Чтобы избѣжать такого исхода, онъ долженъ сберечь часть своего дохода на будущее время и, слѣдовательно, въ настоящемъ пользоваться только частью заработка, а не всѣмъ имъ. Поэтому, дѣйствительно, было бы несправедливо брать съ обоихъ названныхъ лицъ одну и ту же сумму сбора. При строгомъ же проведеніи начала подоходности въ платежахъ,—говорятъ противники этого принципа,—указанная несправедливость будетъ существовать всегда. Уничтожить ее, по ихъ мнѣнію, могутъ только поимущественные налоги, т. е. такіе, которые взимаются въ извѣстномъ процентѣ не къ доходу, а къ тому, что̀ приноситъ его: къ имуществу, къ ссудному капиталу, къ торговому обороту. Нѣкоторые болѣе умѣренные люди, къ числу которыхъ принадлежитъ и публицистъ «Московскихъ Вѣдомостей», не рискуютъ однако распространить этотъ принципъ на всѣ виды прямаго обложенія, а утверждаютъ, что поимущественное обложеніе примѣнимо только къ торговлѣ и должно выразиться въ формѣ налога съ общей суммы годоваго поступленія отъ продажи товаровъ или отъ другихъ комерческихъ дѣйствій. Такой способъ обложенія кажется имъ тѣмъ болѣе справедливымъ,

Digitized by Google

удобнымъ и практичнымъ, что кадастровыя работы въ области торговли и промышленности гораздо болѣе затруднительны, чѣмъ, напримѣръ, въ землевладѣніи, а обойтись безъ нихъ, при подоходномъ промысловомъ налогѣ, невозможно. Годовыя поступленія отъ коммерческихъ операцій могутъ быть констатируемы торговымъ надзоромъ безъ обнаруженія торговой тайны (кредитныхъ и другихъ сдѣлокъ) по однимъ лишь записямъ продажъ, по накладнымъ на товаръ и другимъ даннымъ, тогда какъ для уясненія дохода необходимо раскрытіе торговой тайны.

Посмотримъ теперь, насколько правильны эти соображенія защитниковъ поимущественныхъ налоговъ вообще, а торгово-промышленнаго налога въ частности. Прежде всего, необходимо отмѣтить, что налогъ съ имущества логически немыслимъ, такъ какъ, черпая, напримѣръ, со ссуднаго капитала различные сборы, мы постепенно будемъ уменьшать его и въ концѣ концовъ сведемъ къ нулю. Каковъ бы ни былъ налогъ и съ чего бы онъ ни исчислялся, но разъ по размѣрамъ своимъ онъ не превышаетъ дохода съ имущества, уплата такого налога всегда производится изъ дохода. Это азбучная истина, не требующая доказательствъ. Изъ нея очевидно, что налогъ, для того чтобы не исчерпать имущества, долженъ сообразоваться съ доходомъ отъ него, долженъ находиться въ извѣстномъ соотношеніи къ нему и, слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ, всегда долженъ быть подоходнымъ. Но понятіе о подоходности обложенія не исключаетъ вліянія источниковъ дохода и путей, которыми они получаются, на размѣръ платежныхъ ставокъ. Въ виду именно этого вліянія, финансовая наука различаетъ доходы фундированные отъ нефундированныхъ. Къ первымъ причисляются поступленія отъ имуществъ и капиталовъ, а ко вторымъ—собственно заработокъ, пенсіи и т. п. Авторитетные финансисты признаютъ желательнымъ, чтобы подоходные налоги, различая источники доходовъ, непремѣнно поражали фундированные доходы больше, чѣмъ нефундированные. При такой постановкѣ подоходнаго обложенія, говорить объ его несправедливости едва ли умѣстно, а вводить поимущественные налоги значитъ сознательно закрывать глаза на единственный источникъ платежа налоговъ—на доходъ. Пока налогъ не великъ, а доходы значительны, до тѣхъ поръ, исчисляя платежи по имуществу, можно не исчерпать самаго имущества. Но вѣдь доходы имѣютъ тенденцію къ пониженію, а налоги къ повышенію; слѣдовательно, легко можетъ наступить моментъ, когда налоговыя ставки достигнутъ 30—50—100% съ дохода и даже, исчерпавъ его, потребуютъ пополненія изъ имущества. Въ этомъ смыслѣ поимущественное обложеніе грозитъ огромными практическими затрудненіями и мо-

Digitized by Google

жетъ вызвать въ финансовомъ дѣлѣ чрезвычайныя осложненія. Кромѣ того, оно создаетъ значительную неуравнительность въ платежахъ, а потому является очень несправедливымъ. Для доказательства обратимся къ примѣрамъ. Положимъ, что два торговца — *X* и *У* содержатъ два торговыхъ заведенія: первый аптеку, а второй книжную лавку. Оба они начали дѣло съ 20,000 основнаго капитала, оба имѣютъ въ виду почти одну и ту же публику и обставляютъ торговлю очень схожими внѣшними признаками. Разница между обѣими торговлями будетъ заключаться прежде всего въ томъ, что *X* на галеновскихъ препаратахъ получитъ 200% чистой прибыли, на невской водѣ 300, а на всемъ остальномъ 50, въ общемъ же не менѣе 100%, оборачиваясь при этомъ съ своимъ основнымъ капиталомъ не менѣе одного раза въ годъ; *У*—же, при плохомъ спросѣ на книги, затратитъ на изданіе ихъ и обстановку дѣла тѣ же 20 т. р., но выручитъ только 10%, оборачиваясь съ своимъ капиталомъ только одинъ разъ въ два года. Такимъ образомъ, годовыя поступленія у перваго торговца *X* достигнутъ 40 т., а у втораго *У* лишь 11 т. Если затѣмъ предположить, что обложеніе промысловымъ налогомъ будетъ равно 0,1% съ каждой тысячи рублей оборота, то *X* заплатитъ 40 р., а *У*—11 р. Но платежъ перваго приходится на 20 т. чистой прибыли, а втораго на 1 тысячу. Такъ какъ съ этой тысячи *У* заплатилъ 11 р., то *X*, получивъ въ 20 разъ больше, при подоходномъ налогѣ долженъ былъ бы и внести въ казну въ 20 разъ больше, т. е. не менѣе 220 р., тогда какъ, при налогѣ по обороту, онъ заплатитъ въ $5^1/_2$ разъ меньше этой суммы. Такова справедливость и уравнительность въ платежахъ при поимущественномъ обложеніи!

Факты подобной неравномѣрности въ платежныхъ ставкахъ настолько очевидны, что даже самые ревностные защитники промысловаго налога, разсчитаннаго по оборотамъ, вынуждены признать ихъ. Но, не желая отказаться отъ излюбленной идеи, они предлагаютъ разбить всю торговлю на нѣсколько группъ и каждую группу обложить отдѣльнымъ процентомъ. Для группы наименѣе доходной торговли устанавливается, напримѣръ, $^1/_2$% обложеній съ каждой тысячи оборота, для болѣе доходной 1%, затѣмъ $1^1/_2$ и т. д. Но такая поправка можетъ исправить только самую незначительную часть той неуравнительности и неравномѣрности, которую влечетъ за собой поимущественное обложеніе. Современная торговля и промышленность находятся въ самой тѣсной зависимости отъ цѣлой массы условій и, между прочимъ, отъ видовъ торга и промысла, отъ рода товара, отъ индивидуальности предпринимателя, отъ культурнаго развитія потребителей, отъ мѣста комерческихъ

Digitized by Google

дѣйствій, отъ доступности кредита, состоянія путей сообщеній и отъ очень многихъ другихъ общихъ и мѣстныхъ факторовъ, вліяющихъ на постановку торговли. Поэтому послѣдняя достигла чрезвычайнаго разнообразія, при наличности котораго привести всѣ существующія торговыя и промышленныя предпріятія въ рамки пятидесяти и даже двадцати-тридцати группъ, безъ крупныхъ натяжекъ или очень гадательныхъ предположеній о свойствахъ торговли, совершенно невозможно. Сколько бы группъ ни было установлено, всегда можно ожидать, что составъ ихъ по платежной способности будетъ не одинаковъ, а потому и уравнительности въ платежахъ никогда не будетъ. Самый фактъ установленія такихъ группъ указываетъ на необходимость считаться съ доходностью предпріятій, какъ съ единственно правильнымъ объектомъ обложеній. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же дѣлать только полу-шагъ, а не цѣлый шагъ, зачѣмъ не признать, что для цѣлей обложенія нужно знать не оборотъ предпріятія, а способность приносить доходъ и прибыльность его?! Оборотный рубль, по отношенію къ способности приносить доходъ, у разныхъ лицъ, въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ условіяхъ, имѣетъ далеко не одинаковое значеніе, а потому взваливать на него одно и то же бремя платежа будетъ всегда неправильно и несправедливо. Поэтому, вводить промысловое обложеніе по оборотамъ значитъ сознательно препятствовать уравнительному и равномѣрному распредѣленію подобной тяготы. Изъ приведеннаго нами примѣра торговли аптекарскими товарами и книгами очевидно, что обложеніе по обороту устанавливаетъ крупную привилегію въ платежахъ для наиболѣе доходной торговли и всей тяжестью своей ложится на малодоходныя предпріятія, нарушая тѣмъ самымъ элементарныя понятія о справедливости. Отсюда очевидно, *что оборотъ никоимъ образомъ не можетъ быть объектомъ промысловаго обложенія и что таковымъ долженъ быть исключительно только одинъ чистый доходъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій*, а при невозможности точнаго учета его— *приблизительная прибыльность этихъ предпріятій.*

Таковы элементарныя научныя и практическія соображенія, разрѣшающія вопросъ объ объектѣ обложенія. Посмотримъ теперь, насколько практично и удобоисполнимо принятіе этого объекта при исчисленіи окладовъ налога для отдѣльныхъ предпріятій.

II.

Чистый доходъ, равно какъ и точный оборотъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, можетъ быть опредѣленъ чиновниками

Digitized by Google

государственнаго фиска только съ большими затрудненіями. Для этой цѣли необходимо раскрытіе торговой тайны, противъ чего раздается множество энергичныхъ протестовъ. Въ сущности, очень трудно понять причины необходимости соблюдать въ тайнѣ подробности добросовѣстныхъ комерческихъ операцій. Если все дѣло ведется чисто и хорошо, то что же тутъ скрывать? Мошенническія же продѣлки уже прямо необходимо предавать гласности, такъ какъ иначе населеніе можетъ пострадать отъ нихъ. Но, не предрѣшая этого щекотливаго вопроса, допустимъ, что сохраненіе торговой тайны должно непреложно соблюдаться, что торговому надзору будетъ воспрещено проникать въ нее. Дѣло отъ этого существенно не измѣнится, такъ какъ торговыя книги — эти носители торговой тайны—все равно ведутся немногими. Отсюда очевидно, что точный учетъ и оборотовъ, и прибылей торговыхъ предпріятій въ данный моментъ почти невозможенъ. Въ виду этого приходится ограничиться опредѣленіемъ лишь приблизительныхъ данныхъ, т. е. оборотности вмѣсто оборота, и прибыльности—вмѣсто прибыли. Къ этому едва ли могутъ встрѣтиться серьезныя затрудненія. Защитники промысловаго обложенія по оборотамъ совершенно основательно предполагаютъ, что исчислять оборотность возможно по простымъ записямъ продажи товаровъ. Такія записи существуютъ повсемѣстно и, не составляя торговой тайны, могутъ быть доступны для торговаго надзора. Тамъ же, гдѣ нѣтъ и такихъ записей, возможно съ достаточной точностью вычислить ежедневную выручку въ разные мѣсяцы года и такимъ путемъ исчислить годовую оборотность капитала въ предпріятіи. Затѣмъ, для той же цѣли, могутъ служить накладныя на товаръ, страховые полисы, инвентарныя книги и т. п. Съ такой же приблизительной точностью возможно опредѣлить и прибыль по нормальнымъ процентамъ прибыльности. Въ настоящее время, нормальный процентъ прибыли опредѣляется уѣздными присутствіями. Составъ этихъ послѣднихъ всегда до нѣкоторой степени случайный: представители очень многихъ видовъ торговли и промышленности, всегда могущіе опредѣлить съ точностью доходы однородныхъ предпріятій, не входятъ въ составъ его; торговые депутаты тоже не принимаютъ участія, а такіе знатоки отдѣльныхъ отраслей торговли, какъ чины акцизнаго надзора, никогда не приглашаются въ засѣданія присутствій. Затѣмъ данными генеральныхъ повѣрокъ не вездѣ пользуются присутствія, постановленія которыхъ не опираются на фактическій матеріалъ и не провѣряются высшими податными инстанціями. Но даже необъединенное и предоставленное самому себѣ, дѣло раскладочныхъ присутствій все таки и теперь даетъ кое-какой матері-

Digitized by Google

алъ, которымъ возможно воспользоваться при подоходномъ обложеніи. При правильной же постановкѣ его, при тщательномъ надзорѣ за нимъ, оно несомнѣнно пойдетъ лучше и дастъ возможность установить такія данныя по оборотностямъ и прибыльностямъ предпріятій, которыя очень немногимъ будутъ отличаться отъ дѣйствительныхъ оборотовъ и прибылей. Въ болѣе крупной торговлѣ уже и теперь постепенно заводятся книги и реестры, которые, не открывая никакихъ торговыхъ тайнъ, даютъ однако обширный матеріалъ для раскладочныхъ податныхъ присутствій. Съ теченіемъ времени, количество предпріятій, располагающихъ такимъ матеріаломъ, значительно увеличится, а съ перенесеніемъ обложеній на доходъ явится новый факторъ, побуждающій предпринимателей вести правильное счетоводство. Такимъ образомъ, данныя объ оборотахъ и прибыляхъ, если не всѣхъ предпріятій, то наиболѣе крупныхъ и слѣдовательно наиболѣе важныхъ для интересовъ государственнаго фиска, постепенно улучшатся и дадутъ возможность довольно точно опредѣлить не только размѣры предпріятія (т е. его обороты), но и платежную силу его, истинный объектъ обложенія, т. е. доходъ или, по крайней мѣрѣ, доходность его.

Здѣсь умѣстно сказать, что установленный современнымъ законодательствомъ способъ опредѣленія доходности предпріятій по нормальному проценту прибыльности каждаго вида торга или промысла отъ оборота даетъ слишкомъ общія данныя. Такъ, разъ податное присутствіе установитъ нормальный процентъ прибыли для мануфактурной торговли равнымъ 6-ти, а для бакалейной—9-ти, то доходность всѣхъ мануфактурныхъ лавокъ будетъ исчисляться изъ 6%, бакалейныхъ изъ 9%, и въ общей суммѣ своей для заведеній будетъ разнообразиться только въ зависимости отъ размѣра оборота. Но несомнѣнно, что въ отдѣльныхъ случаяхъ двѣ-три мануфактурныхъ лавки съ одинаковымъ оборотомъ будутъ имѣть различную доходность, которая, такимъ образомъ, не будетъ уловлена; а индивидуальная разверстка платежа не будетъ уравнительна и справедлива. Такіе случаи неизбѣжны, хотя неуравнительность въ обложеніи, вызываемая ими, далеко не такъ велика, какъ при всѣхъ другихъ системахъ налоговъ. Всегда возможно допустить, что въ одномъ случаѣ мануфактурная торговля дастъ 5%, въ другомъ—7 и даже 8. Но очень сомнительно, чтобы она давала 2% или 15-ть. Поэтому нормальный и средній процентъ, исчисленный, напримѣръ, въ 6-ть, для громаднаго большинства заведеній будетъ близкимъ къ истинѣ. При обложеніи же по оборотамъ, процентъ прибыльности, будь онъ равенъ одному или ста, все равно не принимается въ разсчетъ при опредѣленіи оклада, а потому послѣд-

Digitized by Google

ній никогда не будетъ въ такой же степени соразмѣренъ съ платежной способностью, какъ при подоходномъ обложеніи, исчисляемомъ хотя бы и по нормальнымъ процентамъ прибыльности. Впрочемъ, такъ какъ эти послѣдніе установлены нашимъ законодательствомъ, повидимому, для облегченія податныхъ присутствій въ томъ случаѣ, когда нѣтъ данныхъ для опредѣленія дохода каждаго отдѣльнаго заведенія, то ничто не мѣшаетъ присутствіямъ, на основаніи того же закона, отступать отъ этого правила и точно опредѣлять прибыли по тѣмъ предпріятіямъ, по которымъ есть достаточно провѣренныя данныя. Такіе случаи будутъ и въ настоящемъ; въ будущемъ же, какъ мы уже видѣли, они значительно увеличиваются. Тѣмъ не менѣе, при настоящихъ условіяхъ, едва ли возможно отказаться отъ опредѣленія нормальнаго процента прибыльности для отдѣльныхъ разрядовъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій.

Такимъ образомъ, для опредѣленія промысловаго обложенія, приходящагося на каждое предпріятіе, необходимо первоначально, по реэстрамъ продажи товаровъ и по свѣдѣніямъ, собираемымъ торговымъ надзоромъ, установить приблизительную оборотность предпріятія, а затѣмъ исчислить въ податныхъ присутствіяхъ, имѣющихъ въ своей средѣ представителей всѣхъ видовъ торговли, нормальную прибыль каждаго вида торга или промысла и, на основаніи этихъ данныхъ, вычислить предполагаемую прибыльность. Въ тѣхъ случаяхъ, когда оборотность и прибыльность могутъ быть замѣнены дѣйствительными оборотами и прибылями, послѣднимъ, разумѣется, должно быть отдано предпочтеніе передъ первыми. Такимъ путемъ будетъ уловлена относительная платежеспособность различныхъ предпріятій, имѣющихъ одинъ и тотъ же оборотъ, не только въ зависимости отъ рода торговли (чего не можетъ быть при обложеніи пооборотномъ) но даже во многихъ случаяхъ и въ однородной торговлѣ, въ зависимости отъ индивидуальной способности каждаго заведенія приносить доходъ. Если такой идеальной постановки сразу нельзя будетъ достигнуть для всѣхъ предпріятій, то создаются, какъ мы уже видѣли, факторы, дѣлающіе ее возможною въ будущемъ.

Самое опредѣленіе окладовъ можетъ быть произведено по окладной системѣ или по раскладочной. При первой—платежныя ставки опредѣляются изъ установленнаго процента отъ прибыльности; при раскладочной же—вся сумма налога, назначенная на данный уѣздъ или городъ, распредѣляется между всѣми торговыми и промышленными предпріятіями пропорціонально прибыльности ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что для плательщика окладная система представляетъ значительныя выгоды, такъ какъ при ней ему всегда впередъ извѣ-

Digitized by Google

стенъ размѣръ сбора. Зато для государственнаго фиска эта система нѣсколько рискованна, потому что, при умышленномъ уменьшеніи прибылей, поступленія въ казну должны понизиться. Во Франціи нѣсколько разъ дѣлали опытъ перехода отъ раскладочной системы къ окладной, и каждый разъ государство платилось огромными недочетами въ своихъ доходахъ. Пока точное опредѣленіе прибылей затруднено и представителямъ фиска приходится довольствоваться только прибыльностью, до тѣхъ поръ раскладочная система представляетъ для государства несомнѣнныя преимущества, такъ какъ гарантируетъ ему извѣстную опредѣленную сумму. Кромѣ того, для націй съ недостаточно развитой общественностью, раскладочная система налоговъ важна въ виду того, что служитъ къ развитію въ нихъ самодѣятельности и воспитываетъ чувства общественности и самоуправленія. Руководствуясь этими соображеніями, необходимо признать, что, при данныхъ условіяхъ, въ Россіи болѣе желательна раскладочная система промысловаго налога, чѣмъ окладная. При этомъ умѣстно, однако, напомнить снова, что организація учрежденій, производящихъ разверстку платежей, требуетъ особаго вниманія къ себѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ все дѣло легко свести къ пустымъ формальностямъ. Прежде всего, крайне важно установить составъ раскладочныхъ присутствій, въ которыя желательно привлечь возможно больше свѣдущихъ людей и представителей различныхъ видовъ торговли и промышленности; затѣмъ необходимы: самая широкая огласка всѣхъ опредѣляемыхъ присутствіями оборотовъ и прибылей; открытое обсужденіе возраженій; установленіе системы доказательствъ; объединеніе дѣйствій уѣздныхъ или участковыхъ присутствій въ губерніяхъ и дѣятельный надзоръ за ними.

Такимъ образомъ, при настоящихъ условіяхъ, *для исчисленія подоходнаго промысловаго обложенія, возможно воспользоваться раскладочной системой, исчисляя прибыльность предпріятій, не сообщающихъ точныхъ данныхъ о доходѣ, по нормальнымъ процентамъ прибыльности*, устанавливаемымъ обязательно для каждаго вида торговли и промышленности въ податныхъ присутствіяхъ, организуемыхъ съ особымъ вниманіемъ и тщательностью.

III.

Установивъ въ предъидущихъ строкахъ общій принципъ, по которому объектомъ промысловаго обложенія долженъ быть доходъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій или, по крайней мѣрѣ, доходность ихъ, а исчисленіе обложенія должно производиться

Digitized by Google

по раскладочной системѣ,—обратимся теперь къ тѣмъ предложеніямъ, которыя сдѣланы въ печати и въ комисіи (судя по газетнымъ извѣстіямъ) по поводу предстоящей реорганизаціи нашего промысловаго налога. При этомъ, не вдаваясь въ частности, остановимся только на основныхъ вопросахъ.

Патентный налогъ, уплачиваемый по внѣшнимъ признакамъ торговли и промысловъ (число покоевъ, родъ товара и т. п.), вообще говоря, осуждается всѣми,—какъ неуравнительный и несправедливый. Но нѣкоторые находятъ нужнымъ, понизивъ платежныя ставки, удержать его, во-первыхъ, какъ налогъ за самое право производить торговлю и промыслы; а, во-вторыхъ, для цѣлей регистраціи. Въ настоящее время торговля является однимъ изъ тѣхъ професіональныхъ занятій, которое для большинства трудящихся надъ нимъ даетъ только простой кусокъ хлѣба. Брать съ такихъ людей особую плату «за право» заработать этотъ кусокъ хлѣба, т. е. за право торговать, по меньшей мѣрѣ нелогично, такъ какъ до сего времени еще не было налоговъ «за право» заниматься черноработимъ трудомъ, чиновничьимъ, литературнымъ и т. п. Такое обложеніе было бы въ сущности обложеніемъ «за право» кормиться, за право жить и работать. Даже для тѣхъ, которымъ торговля даетъ огромные доходы и многія радости жизни, даже для нихъ право торговли имѣетъ такую же цѣнность, какъ и для всѣхъ другихъ. Изъ сотни самыхъ разнообразныхъ предпріятій, имѣющихъ права торговли, только одно-два ведутъ свои дѣла вполнѣ успѣшно и не потому, что ихъ «право»—какое-то исключительное, а лишь въ силу особаго умѣнья предпринимателей, особенно выгодныхъ условій торга и т. п. Поэтому оплачивать то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ ничего не дать, а во многихъ—дать очень мало, было бы крайне несправедливо. Наконецъ, право жить, трудиться и зарабатывать себѣ пропитаніе не могло и не можетъ подлежать обложенію въ сколько нибудь культурномъ обществѣ, какъ не можетъ подлежать ему право быть честнымъ и нравственнымъ.

Имѣя въ виду удобства государственнаго фиска, получемыя при продажѣ впередъ за годъ патентовъ на право торговли, указываютъ обыкновенно на необходимость для казны такого порядка, при которомъ сразу возможно добыть огромную сумму въ 24 мил. руб., поступающую теперь въ казну въ теченіе декабря и января мѣсяцевъ каждаго года. Можетъ быть, такая получка впередъ и имѣетъ свое значеніе. Но во всякомъ случаѣ временная задержка въ поступленіи 24 милліоновъ, при милліардномъ бюджетѣ, едва ли можетъ вызвать серьезныя затрудненія, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы, при нормальныхъ условіяхъ, поступленія государствен-

Digitized by Google

ныхъ доходовъ на десятки милліоновъ превышали смѣтныя исчисленія. Допустимъ однако, что такія затрудненія отъ временной задержки въ поступленіи торговаго сбора дѣйствительно могли наступить; что государство будетъ испытывать нужду въ деньгахъ. Въ такомъ случаѣ ему остается прибѣгнуть, всего одинъ разъ, при введеніи новой системы обложенія, къ одному изъ тѣхъ средствъ въ родѣ займа, временнаго выпуска кредитныхъ билетовъ и т. п., которыя постоянно практикуются въ подобныхъ затрудненіяхъ. Дѣло реформы промысловаго обложенія настолько важно, что останавливаться передъ небольшими жертвами, возможными во всякомъ крупномъ предпріятіи, едва ли желательно.

Отсюда очевидно, что *патентный налогъ, разсчитывающій свои платежныя ставки по внѣшнимъ признакамъ, будучи неуравнительнымъ и несправедливымъ*, не имѣетъ оправданія и какъ налогъ за право торговли, а по своей полной непригодности не можетъ быть удержанъ даже съ цѣлью дать государству впередъ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Для регистраціи торговыхъ и промышленныхъ заведеній еще можетъ понадобиться какой нибудь патентъ или документъ. Но, чтобы зарегистровать торговое заведеніе, нѣтъ надобности устанавливать гильдейскія свидѣтельства цѣнностью въ 400 р.: для такой цѣли достаточно выдавать бланки въ 1—2 рубля. Въ подобной формѣ, сборъ за регистраціонные бланки совершенно теряетъ характеръ патентнаго налога.

Пока существуютъ столь неуравнительные налоги, какъ патентный съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, до тѣхъ поръ могутъ имѣть нѣкоторое значеніе и коррективы къ нимъ. Въ виду этого, огромное большинство защитниковъ патентной системы предлагаетъ, въ видѣ корректива къ ней, ввести какой либо особый добавочный налогъ. Но разъ патентный сборъ будетъ отмѣненъ, то никакой поправки къ нему и не потребуется.

Дополнительные налоги могутъ замѣтно улучшить дѣло только въ томъ случаѣ, если они значительны по своимъ размѣрамъ. Для доказательства, возьмемъ такой примѣръ. Два купца имѣютъ каждый по торговому заведенію. Первый изъ нихъ получаетъ прибыли отъ заведенія 3,000 р. и уплачиваетъ за патентъ 100 р.; второй, при доходѣ отъ торговли въ 300 р., платитъ за документъ 20 р., т. е., получая въ десять разъ меньше перваго, онъ несетъ сборовъ тоже меньше, но только въ пять разъ [1]). Допустимъ теперь, что патентный налогъ составляетъ лишь половину всѣхъ платежей, ле-

[1]) Такое отношеніе платежа къ доходу можетъ считаться, при патентной системѣ, наиболѣе благопріятнымъ, такъ какъ при ней нерѣдко величина платежныхъ ставокъ находится въ обратномъ отношеніи къ доходамъ.

Digitized by Google

жащихъ на торговлѣ; что взятыя нами два заведенія должны еще уплатить дополнительный раскладочный сборъ съ прибылей въ размѣрѣ 120 р. Разверставъ эту сумму по доходности предпріятій, находимъ, что меньшее изъ нихъ внесетъ около 11 р., а бо́льшее—около 110 р. Такимъ образомъ, налогъ-коррективъ будетъ распредѣленъ правильно: предпріятіе, дающее въ десять разъ большій доходъ, облагается и дополнительнымъ налогомъ въ десять разъ больше. Но всѣхъ промысловыхъ сборовъ, т. е. патентнаго вмѣстѣ съ дополнительнымъ, меньшее изъ заведеній уплатитъ около 31 р., а большее около 210 р.,—слѣдовательно, почти въ семь разъ больше, а не въ десять, какъ бы слѣдовало, и не въ пять, какъ было до введенія корректива. Отсюда очевидно все незначительное вліяніе послѣдняго на уравнительность, даже въ такомъ случаѣ, когда коррективъ по размѣрамъ своимъ равенъ основному налогу и распредѣляется по болѣе совершенной подоходной системѣ. Если же общій размѣръ его меньше и взимается онъ по менѣе совершенной имущественной системѣ, то значеніе его въ общемъ еще ничтожнѣе. Въ виду этого, совершенно понятно, что огромное большинство членовъ комисіи, разсматривающей проэктъ новаго промысловаго обложенія, отнеслось вполнѣ отрицательно къ дополнительному налогу по оборотамъ. Этотъ новый дополнительный налогъ, въ качествѣ корректива, если и способенъ исправить существующую неуравнительность въ платежахъ, то въ самой микроскопической дозѣ. Въ томъ случаѣ, еслибы онъ исчислялся по доходу, значеніе его нѣсколько увеличилось бы, но и то лишь при условіи повышенія общей суммы его до половины всего промысловаго обложенія. Съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ суммы дополнительнаго сбора, центръ тяжести переносится уже на него, и онъ изъ дополнительнаго обращается въ основный. Отсюда очевидно, что всѣ виды дополнительныхъ налоговъ, какъ коррективовъ основнаго обложенія, имѣютъ лишь второстепенное значеніе и что лучшимъ промысловымъ налогомъ будетъ такой, который не требуетъ корректива.

Подоходный раскладочный сборъ представляетъ вполнѣ уравнительный, справедливый и легко осуществимый промысловой налогъ. Противъ него, какъ единственной формы обложенія торговли и промысловъ, приводятъ лишь одно возраженіе, заслуживающее вниманія. Противники его говорятъ, что раскладочная форма налога мѣшаетъ уловить для обложенія естественный ростъ торговли и доходности ея, такъ какъ сумма раскладочнаго сбора не увеличивается одновременно съ увеличеніемъ дохода. Но такое возраженіе построено на недоразумѣніи. Раскладочный сборъ, въ общей суммѣ своей для всего государства, тоже исчисляется въ окладной формѣ,

Digitized by Google

т. е. въ извѣстномъ процентѣ къ доходу. Поэтому необходимо организовать дѣло такъ, чтобы уѣздныя присутствія, исчисливъ обороты и прибыли, не производили немедленно раскладки, а добытыя данныя сообщали (хотя бы по телеграфу) предварительно въ губернскія присутствія и въ центральныя учрежденія. Въ такомъ случаѣ послѣднія, передъ самой раскладкой, знали бы общій итотъ прибылей по имперіи и по губерніямъ, и сообразно съ этимъ итогомъ могли бы увеличить или уменьшить сумму сбора и правильно распредѣлить ее между отдѣльными мѣстностями. Такимъ путемъ колебанія въ общей суммѣ раскладочнаго налога будутъ совершаться одновременно съ обнаруженіемъ роста или паденія доходности отъ торговли и промысловъ. Съ установленіемъ такого порядка въ раскладочной системѣ, падаютъ всѣ препятствія къ признанію ея, при данныхъ условіяхъ, самой совершенной системой промысловаго обложенія, дающей возможность строго согласовать платежныя ставки съ платежной силой предпріятій и обезпечивающей государству довольно опредѣленный доходъ, растущій вмѣстѣ съ развитіемъ торговли и промысловъ.

Вышеизложеннаго, полагаемъ, совершенно достаточно, чтобы представить себѣ въ общихъ чертахъ желанныя основанія реформы промысловаго обложенія. Они сводятся къ слѣдующему. *Патентная система, разсчитывающая свои платежныя ставки по внѣшнимъ признакамъ, должна быть совершенно упразднена.* Для цѣлей регистраціи предпріятій достаточно ввести очень незначительный, почти ничтожный, бланковый билетный сборъ. Въ дополнительныхъ сборахъ и коррективахъ не встрѣчается никакой надобности, такъ какъ единственный и основной налогъ долженъ быть самъ по себѣ уравнительнымъ и справедливымъ. Такимъ именно налогомъ является подоходный, исчисляемый по прибылямъ, а, при невозможности точнаго учета ихъ, по прибыльности торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, и распредѣляемый между плательщиками по раскладочной системѣ.

Такъ какъ въ настоящее время у насъ дѣйствуютъ патентная и подоходно-раскладочная системы промысловаго обложенія, то вся реформа, заключающаяся въ упраздненіи первой и въ развитіи второй, не представитъ крупной ломки и легко осуществима при наличныхъ условіяхъ.

Е. М—овъ.

Digitized by Google

Свѣтила.

(Изъ Асныка).

Въ пустыняхъ міровыхъ небесныя свѣтила,
Чертя въ эфирѣ путь, разсѣиваютъ свѣтъ...
Какъ разогнала ночь лучей побѣдныхъ сила,
Откуда свѣтъ во тьмѣ?—на то отвѣта нѣтъ.
И не пойметъ никто, какъ въ сумракъ заронила
Заря свой первый лучъ и гдѣ блеснулъ разсвѣтъ...
Но сила вся—въ лучахъ; она пробудитъ къ жизни
Свѣтила новыя въ небесной ихъ отчизнѣ.

Такъ солнца душъ людскихъ, что въ блескѣ красоты
Свершаютъ путь земной высоко надъ толпою,
Разливъ потокъ лучей въ пространствахъ пустоты
И вѣчность озаривъ, мерцаютъ намъ звѣздою...
Ихъ свѣтъ горитъ въ быломъ; съ безбрежной высоты
Намъ виденъ яркій блескъ, хоть виденъ онъ за мглою...
Но часъ придетъ и, мракъ сіяньемъ озаря,
Лучами ихъ землѣ день возвѣститъ заря!

Мих. Гербановскій.

Digitized by Google

ЗОЛОЧЕНАЯ БОГЕМА.

Романъ.

XXXV.

Роскошные сады на берегу Средиземнаго моря; роскошная растительность—пальмы, цвѣты, кактусы, ванильныя, каучуковыя деревья; вычищенныя аллейки, усыпанныя мелкимъ морскимъ пескомъ, мраморныя баллюстрады, лѣстницы и скамьи; фіолетово-голубыя горы, нависшія надъ заливомъ; монументальное зданіе театра, фасадъ котораго виденъ цѣликомъ съ моря; грандіозное зданіе казино; вѣчно-синее небо, вѣчное лѣто; пестрая толпа съ развинченными нервами, внѣшнее веселье и внутреннее отчаянье; груды золота; самоубійства; приходящіе и отходящіе поѣзда—таковъ Монте-Карло, единственный игорный притонъ, уцѣлѣвшій въ Европѣ послѣ закрытія таковыхъ же притоновъ въ Висбаденѣ, Эмсѣ и Гомбургѣ. Немудрено, что сюда съѣзжаются игроки со всѣхъ концовъ свѣта: всѣ тѣ богачи, пріобрѣвшіе свои богатства сомнительными путями, всѣ тѣ бѣдняки съ сотней случайныхъ луидоровъ и съ безумной жаждой выиграть на эту сотню мильонъ, весь этотъ подозрительный high-life съ герцогскими, графскими, княжескими и баронскими титулами, которые было бы, пожалуй, трудно отыскать въ геральдическихъ и родословныхъ книгахъ цѣлой Европы; всѣ авантюристы безъ отечества, самозванцы безъ имени, скрывающіеся мошенники, аферисты съ темнымъ прошлымъ, экзотическіе принцы неслыханныхъ странъ, президенты невѣдомыхъ республикъ, эрцгерцоги несуществующихъ герцогствъ, шулера съ великолѣпной наружностью и осанкой, безукоризненно одѣтые; соблазнительныя женщины, которыхъ выбрасываетъ изъ себя Парижъ, гдѣ онѣ жили въ кварталѣ Бреда или

Digitized by Google

въ улицѣ Муфтаръ и разыгрывающія здѣсь всевозможныя роли,—словомъ, вся международная, космополитическая золоченая богема, презирающая трудъ, влюбленная въ золото, для которой всѣ средства хороши, когда идетъ рѣчь о деньгахъ, удовольствіяхъ и комфортѣ.

Администрація игорнаго дома въ совершенствѣ изучила весь этотъ людъ и съ ловкостью дѣльца разставила ему геніально придуманныя ловушки. Все здѣсь разсчитано на ослабѣвшую волю, на разнузданное воображеніе, на то, чтобы возбудить алчность и жажду денегъ. Даже самыя зданія — казино и театръ—грандіозны до послѣдней степени, но имѣютъ необыкновенно странный видъ и выстроены, если можно такъ выразиться, въ стилѣ упадка, въ стилѣ декаданса fin de siècle. Только притупившемуся и совершенно развращенному вкусу этой богемы, утерявшей чутье всего свѣжаго, эстетичнаго и осмысленнаго, могутъ нравиться эта безсвязность, эта безъидейность, эта нагло-кричащая о себѣ фальшивая сусальная позолота, эти гипсовые аляповатые горельефы, неуклюжіе орнаменты, тяжеловѣсныя каріатиды, наставленныя безъ цѣли, безъ смысла, и только потолочныя фрески Буланжэ и Кларана, изображающія музыку и пляску, слишкомъ хороши для этой раззолоченной бомбоньерки дурнаго вкуса.

Очевидно, все это задумано съ разсчетомъ отуманить ополоумѣвшія головы непомѣрною роскошью; также задуманъ и Hôtel de Paris, расположенный въ двухъ шагахъ отъ казино; въ отелѣ цѣны феноменальныя, противоестественныя, феерическія; столовая, помрачающая умъ и доводящая апетитъ до экстаза, вина—способныя одурманить самыя спокойныя головы... горничныя, молодыя и красивыя, милыя, любезныя и... не очень строгія, съ вѣчными разсказами о баснословныхъ выигрышахъ и составленныхъ здѣсь богатствахъ.

Среди пріѣзжей толпы, у которой не спрашиваютъ въ этомъ гостепріимномъ уголку ни именъ, ни паспортовъ, можно встрѣтить весьма подозрительныхъ людей, шатавшихся по Парижу въ продырявленныхъ сапогахъ, а здѣсь разыгрывающихъ роль владѣтельныхъ князей; это старые, разорившіеся кутилы, бывшіе богачи, пережившіе свое богатство и славу и находящіеся теперь на содержаніи у игорнаго дома. Они получаютъ отъ администраціи тайныя субсидіи на представительство и носятъ

Digitized by Google

названіе «загонщиковъ»: они предназначаются для уловленія въ сѣти рулетки настоящихъ богачей, которыхъ игорный домъ желаетъ «выполоскать». Рядомъ съ такимъ загонщикомъ можно встрѣтить и «завлекательницу»—молодую или бальзаковскую женщину, но всегда элегантную, очаровательную, неотразимую. Иногда эти піонеры администраціи садятся въ поѣздъ и въ вагонѣ вынимаютъ пачки денегъ и груды золота; на глазахъ у всей публики, пересчитываютъ ихъ и повѣствуютъ о необыкновенно удачной игрѣ, разжигая страсти и возбуждая апетиты сосѣдей.

Словомъ, Монте-Карло — это огонекъ, на который слетаются бабочки со всего свѣта; бабочки, съ которыхъ слѣзла яркая пыль, блестящая окраска, и которыя хотятъ путемъ слѣпаго счастья вернуть себѣ прежній блескъ... Но онѣ всегда обжигаютъ себѣ крылья и, лишенныя возможности летать, остаются навсегда близь этого эфемернаго огонька, уныло ползая по роскошнымъ аллеямъ тропическаго сада, окружающаго опасный лупанарій игорнаго притона.

XXXVI.

М-lle Пантеонъ еще въ Петербургѣ получила приглашеніе на весну въ театръ Монте-Карло—вотъ почему она поспѣшила уѣхать изъ Петербурга. Ей очень льстилъ этотъ ангажементъ. Въ Монте-Карло содержалъ труппу всѣмъ извѣстный, вѣчноюный, никогда не унывающій антрепренеръ, магъ и волшебникъ, великій знатокъ своего дѣла. Онъ умѣлъ устраивать развлеченія, держалъ великолѣпный оркестръ, приглашалъ изъ Парижа всевозможныхъ «фуроровъ» и «этуалей», платилъ хорошія и вѣрныя деньги. Пантеонъ, въ глубинѣ своей души, начинала смутно сознавать, что скоро ея послѣдняя пѣсенка будетъ спѣта и звѣзда ея закатится; и хотя она отправила письмо монтекарлосскому антрепренеру съ предложеніемъ своихъ услугъ и съ приложеніемъ афишъ нашего петербургскаго Шато, въ которыхъ ее величали фуроромъ, но не разсчитывала на успѣхъ, не смотря даже на то, что называла Шато на Фонтанкѣ établissement de premiére ordre, посѣщаемымъ tout-Pétersbsurg, сливками столичнаго общества. И вдругъ ее пригласили! Наконецъ-то она явится среди настоящихъ звѣздъ и въ настоящемъ

Digitized by Google

театрѣ, а не затрапезномъ кафе-шантанѣ на какой-то вонючей рѣкѣ, протекающей черезъ столицу далекаго сѣвера, погруженную полгода въ тьму сѣверной ночи и погребенную подъ снѣгами.

Послѣ полученія приглашенія, она перестала серьезно думать о свадьбѣ съ Василіемъ Ивановичемъ, которую тотъ выдумалъ для уловленія отца, а наивная француженка приняла за чистую монету. Но она нисколько не была прочь отъ того, чтобы ее сопровождалъ Иванъ Ѳедоровичъ, котораго она считала богачемъ и который самъ усиленно поддерживалъ въ ней это заблужденіе, боясь лишиться ея благоволенія. Онъ будетъ для нея пріятнымъ спутникомъ; на его обязанности будутъ лежать frais de voyages и особыя порученія; онъ будетъ у нея на побѣгушкахъ, на посылкахъ и au petits soins. Она сдѣлаетъ изъ него своего раба, своего слугу, своего рыцаря, сообразуясь съ тѣмъ, какое изъ сихъ трехъ почетныхъ званій ей понадобится въ ту или другую минуту; вмѣстѣ съ тѣмъ его кошелекъ будетъ всегда къ ея услугамъ, а это никогда не лишнее. Если онъ ей надоѣстъ или у него истощатся средства удовлетворять ея прихоти, кто же ей мѣшаетъ le flanquer à la porte? Составивъ этотъ планъ, француженка объявила Ивану Ѳедоровичу, что «беретъ» его съ собой. Обезумѣвшій старикъ, конечно, не протестовалъ, а только отдалъ распоряженіе Козелкову о немедленной продажѣ вдругъ оказавшагося лишнимъ куска лѣса.

Уже въ вагонѣ, переѣхавъ границу Франціи, она стала понемножечку открывать ему глаза и сообщать о себѣ истинныя свѣдѣнія.

— Tu ne sais pas, — говорила она ему: — мы здѣсь не въ Петербургѣ и ты долженъ знать, что у меня вовсе нѣтъ никакой тетки въ Парижѣ и никакого замка, подареннаго мнѣ амстердамскимъ банкиромъ... Это я сочиняла, чтобы выйти замужъ за твоего сына... Ты этому помѣшалъ, теперь мнѣ нѣтъ надобности это поддерживать...

— Я это зналъ...

— А? Vrai? Какой ты умный!..

Въ Монте-Карло Иванъ Ѳедоровичъ почувствовалъ себя совершенно молодымъ. Южная природа, съ ея глубокимъ синимъ небомъ, свѣтло-голубымъ заливомъ, пальмами и олеанд-

Digitized by Google

рами, фіолетовыми горами, воздухомъ, насыщеннымъ запахомъ цвѣтовъ, подѣйствовала на него благотворно. Близость пикантной француженки, которая съумѣла его околдовать—оживляла его. Онъ безпрекословно исполнялъ всѣ ея капризы, всѣ блажныя желанія, и сдѣлался ея вѣрнымъ рыцаремъ. Теперь Пантеонъ не только приняла отъ него дорогой браслетъ, отъ котораго отказалась въ Петербургѣ, но и еще нѣсколько дорогихъ бездѣлушекъ и вообще, не стѣсняясь, распоряжалась его карманомъ, какъ своимъ собственнымъ. Она не стѣснялась и его соціальнымъ положеніемъ, внѣшнею солидностью, представительнымъ видомъ, и держала его на посылкахъ; онъ долженъ былъ безпрекословно исполнять ея порученія, бѣгать объясняться съ антрепренеромъ, по магазинамъ, за покупками по городу. Утромъ, она еще спала или, проснувшись, нѣжилась въ мягкой постели, а онъ, давно уже вставши, одѣтый и умытый, свѣжій и чистенькій, ожидалъ въ сосѣднемъ нумерѣ за накрытымъ приборомъ выхода ея, какъ какой нибудь владѣтельной принцессы; кидался подавать ей стулъ и смотрѣлъ ей въ глаза, стараясь угадать расположеніе духа и предупредить малѣйшее ея желаніе. Въ награду онъ получалъ поощрительный взглядъ подведенныхъ глазъ или позволеніе поцѣловать руку. Потерявшій голову старикъ гордился своимъ положеніемъ атташэ при пѣвичкѣ. Со стороны это было смѣшно и, пожалуй, жалко, но онъ былъ слѣпъ и находилъ свое положеніе заманчивымъ, чуть не еженедѣльно посылая приказы управляющему о высылкѣ денегъ. Иногда, въ рѣдкія минуты, когда жизнерадостное состояніе духа покидало его, подъ вліяніемъ какой нибудь вздорной вспышки или взбалмошной выходки француженки, подвергавшей его опалѣ и немилости, онъ терялся и начиналъ соображать, что сжигаетъ свои корабли и забирается въ такія дебри, откуда уже не будетъ ему выхода. Но это настроеніе скоро проходило, при малѣйшей снисходительности пѣвицы; тогда онъ на все закрывалъ глаза и, махнувъ рукой, восклицалъ: après nous le déluge... Утѣшившись этой мыслью, онъ снова предавался опьяненію поздней любви и забывалъ все на свѣтѣ.

Зима была суровая во всей Европѣ, и въ Монако было также холодно, какъ вездѣ на югѣ, но изъ Монте-Карло шли въ Европу извѣстія, что тамъ необыкновенно тепло. Эти извѣ-

Digitized by Google

стія фабриковала администрація рулетки для привлеченія игроковъ. Однако, пріѣзжихъ было все таки мало и въ городѣ—пустовато и скучновато. Пантеонъ не произвела того эффекта, на который разсчитывала. Она немного уже отстала отъ Парижа и отъ его быстро мѣняющагося репертуара; голосъ ея былъ слабъ и малозвученъ для огромный залы и сама она—старовата. Вообще она не могла выдержать конкурренціи съ настоящими парижскими звѣздами. Начались распри съ антрепренеромъ, ссоры съ артистками, — та закулисная крикливая ругань со взаимными словесными заушеньями, съ игрой болѣзненнаго артистическаго самомнѣнія и другими атрибутами, которые составляютъ воздухъ закулисной жизни и такъ дики непривычному свѣжему человѣку. Конечно, больше всѣхъ терпѣлъ отъ этихъ дрязгъ Иванъ Ѳедоровичъ, который долженъ былъ отвѣчать своимъ благополучіемъ и спокойствіемъ за каждую «наглую выходку подлеца-антрепренера». Но пока у него были деньги, Пантеонъ все еще его терпѣла. Бѣда была въ томъ, что Семенъ Ефимычъ вотъ уже мѣсяца съ два какъ пересталъ высылать деньги, отзываясь тѣмъ, что продавать уже нечего, и что если Ивану Ѳедоровичу все еще необходимы деньги, то надлежитъ окончательно развязаться съ имѣньемъ, продать самую усадьбу и тѣ осиротѣлые, обглоданные клочки, которые еще остались. Посланъ былъ приказъ о немедленной ликвидаціи, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Козелковъ устроилъ это въ одинъ мѣсяцъ, уступая настоятельнымъ требованіямъ барина продать за какую угодно цѣну, кому угодно, лишь бы немедленно; самъ онъ перешелъ на службу къ сосѣду по имѣнью, Тупицыну, скупившему всѣ осколки,ославъ Ивану Ѳедоровичу слезное письмо, въ которомъ прощался съ нимъ и признавался, что «предполагалъ окончить дни живота своего въ родовомъ помѣстьѣ дворянъ Воеводскихъ, какъ онъ былъ имъ вѣрный слуга и преданный другъ, и разсчитывая покоить и беречь ихъ старость. А вмѣсто того долженъ онъ идти въ чужіе люди искать крова и пищи, дабы на старости лѣтъ не остаться бездомнымъ и бездѣльнымъ»...

Получивъ деньги, Иванъ Ѳедоровичъ снова процвѣлъ, повеселѣлъ, воспрянулъ духомъ. Но, сознавая, что это его послѣдній ресурсъ и что больше черпать ему не откуда, онъ призадумался. Агенты рулетки давно слѣдили за нимъ, какъ

Digitized by Google

слѣдятъ за каждымъ человѣкомъ, получившимъ деньги, и около Воеводскаго сталъ кружиться нѣкій субъектъ — «профессоръ», назначеніе котораго было излагать своей жертвѣ систему игры, вѣрный и несомнѣнный способъ выиграть въ рулетку. «Профессоръ» показывалъ ему цѣлыя таблички, какіе-то несомнѣнные нумера, проколотые разграфленные листки и посвящалъ его въ свою систему. Иванъ Ѳедоровичъ долго крѣпился и не посѣщалъ казино, но въ одинъ прекрасный день, соблазнившись теоріей «профессора», блистательно доказавшаго ему неизбѣжность выигрыша по его системѣ, направился въ роскошныя раззолоченныя залы игорнаго притона.

Старый духъ записнаго игрока взыгралъ въ немъ при видѣ груды золота и ассигнацій на столахъ. Высокія залы со стеклянными просвѣтами на верху и тройной рядъ люстръ во всю ея длину; позолота и мозаика на стѣнахъ; столы, далеко поставленные другъ отъ друга; оживленныя лица игроковъ, монотонныя выкрикиванья крупье—все это опьянило его. Онъ подошелъ къ столу, вынулъ золото и поставилъ на красную. Въ этотъ день онъ выигралъ. Запой начался, и Иванъ Ѳедоровичъ уже не могъ отстать отъ игры. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ ежедневно посѣщать казино. Деньги его быстро таяли: каждый день онъ проигрывалъ. Тщетно отыскивалъ онъ «профессора», чтобы посовѣтоваться съ нимъ, но профессоръ исчезъ безъ слѣда. Такъ прошло около мѣсяца. Стало теплѣе, публика начала съѣзжаться. Тихое зимнее время прошло и началась самая богатая жатва.

Въ одинъ прекрасный день, Пантеонъ и Воеводскій сошлись въ «Hôtel de Paris», гдѣ они занимали нумера. Пѣвица была въ яростномъ возбужденіи. Она устроила скандалъ въ театрѣ, на который ее вызвали нарочно, и должна была отказаться отъ продолженія службы; Воеводскій проигрался дотла. Оба были подавлены. Она осыпала его упреками. Еслибы она знала, что онъ такая безличная тряпка, которая не можетъ постоять за ея честь! О, она никогда не подпустила бы его къ себѣ на цѣлую милю. И, потомъ, зачѣмъ онъ соблазнилъ ее своими несуществующими богатствами? Развѣ она не видитъ, что онъ нуждается? Хорошъ поклонникъ, котораго хватило на четыре мѣсяца! Она говорила еще много, а въ концѣ концовъ сказала, что должна ѣхать въ Парижъ искать ангажемента, и потребовала съ него денегъ на поѣздку.

Digitized by Google

— Вы предлагаете мнѣ разлуку?—вскричалъ онъ, полный отчаянья.—Но вы знаете, что я безъ васъ не могу жить; я погибъ, погибъ безвозвратно; мнѣ ваша любовь нужна, какъ воздухъ... Алина,—вскричалъ онъ, ловя ея руку, чтобы поцѣловать,—пощадите меня... Что же у меня останется? Ни любви, ни денегъ... Я проигрался до послѣдняго сантима...

Она начала хохотать.

— И вы еще осмѣливаетесь требовать моей любви? Но вѣдь это наглость? Чѣмъ же вы думаете жить? Или вы полагаете, что я могу питаться воздухомъ и вашей любовью? Idiot!

Онъ сталъ у ея ногъ, взялъ руку, поцѣловалъ, но она вырвала ее и съ омерзеніемъ оттолкнула его колѣномъ, такъ что онъ чуть не упалъ. Онъ всталъ и началъ ее уговаривать.

— Послушайте. У меня еще кое-что есть. Я заложу вещи и стану играть. Я знаю способъ... Я выиграю большую сумму, и мы поѣдемъ въ Парижъ... Не покидайте же меня, умоляю васъ... Я принесъ вамъ все въ жертву...

— А, теперь начинаются упреки...

— Не упрекаю я васъ, поймите, но надо же меня пожалѣть. Подумайте... я еще не старъ, я останусь одинъ, совсѣмъ одинъ. У меня никого нѣтъ близкихъ. Вся моя жизнь, вся моя радость, все счастье—это вы... За что вы хотите осудить меня на смерть?

Она его не слушала, покачивая въ тактъ его рѣчамъ ногой, обутой въ шолковый черный чулокъ, и ударяя каблукомъ по ковру. Онъ совсѣмъ обезумѣлъ. Съ отчетливой ясностью видѣлъ онъ, какъ пропасть разверзается подъ нимъ, готовая его поглотить; какъ тучи, давно уже собиравшіяся на его горизонтѣ, столпились вокругъ него и опутали его мрачнымъ безпросвѣтнымъ пологомъ; какъ волны жизни, мутныя и мрачныя, захлестывали его. Куда онъ дѣнется безъ гроша денегъ, какъ будетъ жить безъ ея любви, что ему дѣлать? Какъ утопающій хватается за соломенку, онъ хватался за сумбурную и эфемерную надежду выиграть въ рулетку на деньги, вырученныя отъ залога немногихъ оставшихся вещей. На что ему больше надѣяться? Ни впереди, ни назади у него ничего уже больше не было. Но онъ, какъ пьяница, упорно возвращался къ одной мысли—къ мысли о рулеткѣ. Онъ говорилъ ей долго, говорилъ такъ много нелѣпостей и несообразностей, что при всей жаждѣ

Digitized by Google

самому повѣрить имъ—онъ не могъ вѣрить. Въ концѣ концовъ видя ея полное безучастіе къ его рѣчамъ и къ судьбѣ, онъ безпомощно заплакалъ слабыми старческими слезами, опустился на коверъ и прильнулъ губами къ ея шолковому чулку, умоляя о пощадѣ и выпрашивая ласки, какъ милости. Она гадливо отшвырнула его отъ себя и сказала по русски, смѣшно выговаривая и презрительно ухмыляясь:

— Стары хррэнъ!..

Хлопнувъ дверью, она вышла изъ комнаты.

Онъ не могъ найти ее до вечера, а поздно ночью узналъ что она выѣхала изъ отеля, не оставивъ адреса.

Убитый и подавленный, онъ отправился утромъ въ бюро администраціи рулетки и явился къ управляющему. Его приняли въ кабинетѣ, заставивъ прождать минутъ двадцать, какъ несчастнаго просителя въ пріемной у важнаго вельможи.

— Что вамъ угодно? — сухо спросилъ его управляющій, вскользь взглянувъ на его сильно измѣнившуюся, опустившуюся и ослабѣвшую за одну ночь, фигуру.

— Я проигралъ все свое состояніе въ рулетку, — разбитымъ голосомъ началъ онъ.—Все, все... à la lettre... до послѣдняго сантима...

— Да, но что же?..

— Какъ что? Мнѣ не съ чѣмъ выѣхать. Понимаете: я нищій, въ буквальномъ смыслѣ слова...

— Администрація въ этомъ, надѣюсь, не виновата?—нагло началъ тотъ тономъ дидактическаго поученія.—Васъ не заставляли силой играть? Васъ не приневоливали, надѣюсь... О, если вы пришли съ цѣлью устроить шантажъ, вымогательство или скандалъ... это будетъ только потерянное время. Вы даже не можете отговориться неопытностью или молодостью: такимъ мы еще помогаемъ... Но вы... достаточно стары. И потомъ, знаете ли, намъ вѣдь все извѣстно... Если вы разорены, то вовсе не рулеткой, а актрисой...

Это была обычная манера заправилъ игорнаго дома всегда все сваливать на женщинъ и на любовь. Многочисленныя самоубійства несчастныхъ игроковъ, потерявшихъ въ этомъ вертепѣ честь и деньги, всегда объясняются администраторами рулетки несчастной любовью, нераздѣленной страстью къ женщинѣ.

Digitized by Google

— Въ концѣ концовъ, чего же вы желаете? — спросилъ управляющій.

— Я желалъ бы получить le viatique [1]).

— А, хорошо.

Управляющій быстро написалъ что-то на клочкѣ бумажки и передалъ его Воеводскому, проговоривъ:

— Passez à la caisse.

Старикъ хотѣлъ уже удалиться, когда тотъ вдругъ что-то сообразилъ и, быстро подойдя къ нему, остановилъ его.

— Voyons,—сказалъ онъ:—поговоримъ серьезно. Вы говорите, что вы разорены... правда ли это?

— Настолько правда, что мнѣ не остается болѣе ничего, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Правду сказать, я даже не знаю, зачѣмъ я обратился къ вамъ за viatique? Что я буду дѣлать съ этими жалкими крохами? Уѣхать? Куда? У меня въ Россіи ничего не осталось: все продано—ни угла, ни хлѣба, ничего у меня нѣтъ. Я разорилъ себя и сына. Куда идти, что предпринять? Ни на какое дѣло я не способенъ. Мнѣ остается только—умереть.

Онъ говорилъ монотонно, безучастно къ самому себѣ, подавленный, равнодушный, безстрастный. Въ его словахъ было много горькаго и видно было по его тону, что ничего дѣланнаго, ничего выдуманнаго въ нарисованной имъ картинѣ не было.

— Зачѣмъ такъ отчаиваться, cher monsieur? — заговорилъ управляющій болѣе мягко. — Зачѣмъ сейчасъ же говорить о смерти? Странный народъ эти игроки!.. Сами лѣзутъ въ петлю, а потомъ сейчасъ пулю въ лобъ. И почему вы неспособны ни къ какому дѣлу? Я вамъ найду дѣло. Хотите?

Онъ дружески-участливо взялъ его за плечо, подвелъ къ окну и сталъ говорить съ нимъ вполголоса, не смотря на то, что въ комнатѣ никого не было. Онъ открылъ ему тайны рулетки; открылъ, что администрація содержитъ обширный штатъ такъ называемыхъ завлекателей. Завлекатель долженъ имѣть солидный видъ, быть хорошо одѣтымъ, умѣть легко и свободно заводить разговоръ, вести интересную, оживленную бесѣду, быть сдержаннымъ и вообще имѣть видъ, внушающій

[1]) Прогонныя деньги на проѣздъ до родины, выдаваемыя администраціею рулетки совершенно проигравшимся игрокамъ.

Digitized by Google

довѣріе и уваженіе. Обязанности его заключаются въ томъ, что онъ долженъ играть на общемъ столѣ и возбуждать въ игрокахъ азартъ. Понятно, выигранныя груды золота онъ возвращаетъ ночью въ кассу; на проигрышъ ему выдаются деньги. Онъ долженъ показываться на гуляньяхъ, въ садахъ, на вокзалѣ въ сосѣднихъ городахъ—въ Ниццѣ, Ментонѣ, Каннѣ, въ вагонахъ желѣзной дороги, и вездѣ, громко разговаривая и заводя знакомства, разсказывать о счастливыхъ выигрышахъ и удачныхъ ставкахъ въ Монако, соблазняя новичковъ и принося ихъ въ жертву рулеткѣ. За это завлекатель получаетъ столъ, квартиру и процентъ съ доставленнаго имъ пижона.

Вся прежняя гордость возмутилась въ Иванѣ Ѳедоровичѣ при этомъ предложеніи. У него чесались руки побить наглаго представителя рулетки, дѣлавшаго ему это циничное предложеніе самымъ обыкновеннымъ тономъ, докладывавшаго ему объ обязанностяхъ seducteur'а, какъ о самой обыкновенной вещи; ему хотѣлось швырнуть этому негодяю въ лицо чекъ на золотые viatiques и гордо, поднявъ голову, высоко держа знамя своего древняго рода, удалиться изъ кабинета. Но связь съ Пантеоншей, окончательно сломившая его гордость и волю, призракъ ужасающей нищеты, сознаніе своей неприспособленности къ жизни и къ какому бы то ни было труду встали передъ нимъ во всемъ своемъ грозномъ величіи. Низко поникнувъ головой, запрятавъ остатки стыда возможно дальше, смущеннымъ голосомъ, въ которомъ звучали слезы позора, онъ отвѣчалъ:

— Хорошо—я согласенъ. У меня нѣтъ выхода.

Онъ подписалъ какую-то бумагу и вышелъ въ паркъ.

XXXVII.

Романъ Лидіи Викторовны съ Вѣнценосцевымъ окончился скоро и могъ быть выраженъ очень кратко: она его возненавидѣла. Возненавидѣла такъ, какъ только можетъ ненавидѣть женщина, оскорбленная въ своемъ достоинствѣ. Съ тѣхъ поръ какъ надъ ней разразилась бѣда, когда Вѣнценосцевъ, уплативъ ея долги Теръ-Акопову, принудилъ ее распродать передъ отъѣздомъ за границу всю обстановку и лишнія драгоцѣнности, для удовлетворенія другихъ кредиторовъ,—она очень измѣнилась. Кончились золотые дни безшабашнаго существованія

Digitized by Google

внѣ реальной жизни; кончилось волшебство, посредствомъ котораго являлись деньги неизвѣстно откуда и какъ. Всѣ эти передряги съ распродажей, всѣ непріятности по долговымъ обязательствамъ, споры и переговоры съ адвокатомъ, сознаніе, что она попала въ его сильныя руки, искренняя ненависть къ нему—все это быстро ее состарило. Она перестала быть той интересной, миловидной и худенькой брюнеткой, которая, не смотря на свой бальзаковскій возрастъ, все еще имѣла успѣхъ. Съ ужасомъ замѣчала она тѣ ущербы въ наружности, которые наносило ей время съ изумительной быстротой. Казалось, не богъ знаетъ сколько мѣсяцевъ прошло, а старость надвигалась быстрыми и спѣшными шагами, какъ будто время сознавало, что слишкомъ долго щадило ее, и теперь старалось наверстать потерянное. Волосы стали быстро сѣдѣть, морщины углубились, цвѣтъ лица дѣлался желтымъ и вся она еще больше похудѣла. Какъ будто вся ея богемская жизнь, всѣ невзгоды и непріятности, всѣ, просиженныя на пролетъ, ночи за игорнымъ столомъ, все излишне выпитое вино, которымъ она любила злоупотреблять—все это воздѣйствовало теперь сразу и доканчивало ее, какъ нѣкій, долгими годами накапливавшійся, ядъ въ организмѣ. Ея разореніе и связь съ Вѣнценосцевымъ надѣлали шуму въ столицѣ и, разнесясь за ея предѣлы, достигли ушей Словенскаго. Къ довершенію бѣдъ, незадолго до поѣздки съ адвокатомъ за границу, она получила отъ мужа письмо, въ которомъ онъ писалъ ей, что всякому терпѣнію есть границы. Онъ долго старался дѣлать видъ, что ничего не замѣчаетъ и на все смотритъ сквозь пальцы. Но ему это надоѣло. Пока она жила въ Петербургѣ, окруженная извѣстнымъ комфортомъ, и умѣла скрывать свои похожденія, онъ ничего не могъ имѣть противъ нея, такъ какъ не въ его принципахъ вмѣшиваться въ ея, чуждую ему, личную жизнь; но разъ она вышла изъ предѣловъ приличія, соблюденія которыхъ онъ требовалъ, разъ она открыто афишируетъ свою связь съ г. Вѣнценосцевымъ, собираясь съ нимъ за границу—онъ чувствуетъ себя обязаннымъ выйти изъ пассивнаго положенія и принять мѣры. Таковою мѣрою онъ признаётъ—прекращеніе ей содержанія, предоставляя заботу о ея нуждахъ господину адвокату. Это не лишаетъ ея права обратиться къ нему за помощью, въ случаѣ, если ея отношенія къ г. Вѣнценосцеву прекратятся...

Digitized by Google

Это было послѣднимъ ударомъ, который доканалъ Лидію Викторовну; теперь она оказывалась въ рукахъ Вѣнценосцева и въ полной отъ него зависимости—нравственной и матеріальной. Она показала это письмо адвокату. Это было для него весьма непріятнымъ сюрпризомъ. Какъ человѣкъ ничего не унаслѣдовавшій, а пріобрѣвшій богатство собственными трудами, онъ былъ очень разсчетливъ и скупъ, понимая цѣну и значеніе денегъ. Онъ тутъ только въ первый разъ понялъ, что сдѣлалъ если не глупость, то крайнюю неосторожность, навязавъ себѣ такую обузу на шею. Но что разъ сдѣлано—то сдѣлано, Онъ былъ настойчивъ и упрямъ. Связь со Словенской удовлетворяла его невысокопробное самолюбіе; онъ давно искалъ связи съ «женщиной изъ общества»: онъ зналъ, что это не можетъ обойтись безъ матеріальныхъ жертвъ; но, какъ человѣкъ практическій, онъ опредѣлилъ на это удовольствіе извѣстную сумму, точно разсчитавъ по статьямъ бюджетъ для Лидіи Викторовны, и рѣшилъ ни подъ какимъ видомъ не выходить изъ этой цифры. Онъ распустилъ всю лишнюю прислугу, уволилъ избалованнаго Jean'а, постоянно останавливалъ Лидію Викторовну при малѣйшей попыткѣ къ безумнымъ тратамъ; нанялъ ей до отъѣзда за границу маленькую квартирку съ весьма скромной обстановкой и всячески старался словами убѣжденія искоренить въ ней дурную страсть къ игрѣ и къ опьяненію себя дорогими винами. Онъ плохо зналъ ее, какъ вообще плохо зналъ женщинъ, и все еще довольно мягко обращался съ ней, скрывалъ грубость своего нрава и старался оріентироваться въ отношеніяхъ къ ней. Но Лидія Викторовна не обращала на его совѣты ни малѣйшаго вниманія. Она всегда вела безалаберную жизнь, и привычка къ картамъ, вину, обществу, шуму и суетнѣ въ квартирѣ глубоко укоренилась въ ней. Прежніе друзья и знакомые еще посѣщали ее, но это было уже не то. Маленькія—сравнительно съ прежними—комнаты, низкіе потолки, убогая обстановка дѣйствовали на нее удручающимъ образомъ. Ей казалось, что она попала въ гробницу и заживо погребена. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прежняя веселая жизнь, жизнь золоченой богемы, съ ея вопіющей, кричащей нуждой и приводящими въ отчаянье внезапностями, съ ея кучами случайно и неожиданно добытыхъ денегъ, съ ея разливанными пирами сегодня и почти нищетой завтра—оказали свое раз-

Digitized by Google

рушительное вліяніе на ея слабый организмъ. Уже давно она замѣчала ноющую боль въ груди, давно покашливала тѣмъ короткимъ и сухимъ кашлемъ, на который вообще мало обращаютъ вниманія вначалѣ. Но теперь грудь ныла сильнѣе и кашель становился упорнѣе. По всѣмъ признакамъ, у нея развивалась чахотка. Все вмѣстѣ очень старило ее. Вѣнценосцевъ приглядывался къ ней, когда, закутанная во что нибудь теплое, она сидѣла въ углу дивана и ёжилась отъ внутренней дрожи.

«Какъ она подурнѣла»,—думалъ онъ, поглядывая на нее искоса.

Подчинившись обстоятельствамъ, Лидія Викторовна должна была взять себя въ руки и терпѣть снисходительно-высокомѣрное обращеніе съ собой адвоката, воображавшаго, что онъ спасъ ее отъ бѣды и вообще благодѣтельствовалъ ей. Но чѣмъ дальше шло, тѣмъ становилось хуже. Она ненавидѣла его тягучую, добродѣтельную рѣчь, его мораль, его голосъ, его нотаціи, его взгляды на жизнь—все, все. Глухая ненависть росла не по днямъ, а по часамъ, и она не могла подавить ее въ себѣ. Но Вѣнценосцевъ былъ человѣкъ желѣзной воли и непреоборимаго упрямства. Она это чувствовала и страшилась его. Она знала, что онъ—и, быть можетъ, только онъ, — въ состояніи сломить ея волю и заставить покоряться безпрекословно. Этого она боялась и съ ужасомъ ждала наступленія такого момента. Очень немного времени прошло, и адвокатъ быстро оріентировался въ своихъ отношеніяхъ. Онъ неуклонно шелъ къ покоренію ея личности, и чѣмъ дальше, тѣмъ его пріемы становились прямѣе, рѣзче и круче. Началась непрерывная, мелкая, дрянная, но безжалостная война другъ съ другомъ. Онъ скоро пересталъ стѣсняться, ставилъ свои требованія въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ и всегда умѣлъ добиться исполненія.

Видя, что въ Петербургѣ ей все таки трудно разстаться съ своими привычками, онъ поспѣшилъ устроить поѣздку за границу. Передалъ часть дѣлъ Горемыкину, заставивъ подписать его какое-то условіе о гонорарѣ, и объявилъ Лидіи Викторовнѣ объ отъѣздѣ въ Парижъ.

Въ Парижѣ она не удержалась: поѣхала въ Лувръ и, выбравъ по дюжинѣ шолковыхъ чулокъ всевозможныхъ рисун-

Digitized by Google

ковъ и цвѣтовъ, приказала доставить въ отель. Комми явился какъ разъ въ то время, когда адвокатъ былъ дома.

— Что это?—спросилъ онъ у прикащика.

— Это чулки fantaisie. Madame выбрала себѣ нѣсколько дюжинъ. Это чистый шолкъ и его очень много носятъ лѣтомъ: здѣсь всѣхъ цвѣтовъ и рисунковъ: opera, rococo, étoilé, ajour...

— Скажите этому дураку, чтобы онъ собиралъ свои пакеты и убирался вонъ,—обратился онъ къ Лидіи.

— Но...

— Пожалуйста, скажите ему, что я говорю, а то я и самъ скажу, но вы не любите моего варварскаго выговора. Возьмите полдюжины, а остальное отправьте. У васъ этого хлама много

Она покорилась, но по уходѣ комми разыгралась сцена. Она плакала и укоряла его въ деспотизмѣ. Онъ молчалъ. Тогда она начала его бранить.

— Поймите вы... поймите, я не привыкла нищенствовать, считать каждую тряпку, экономить на каждой парѣ чулокъ. Вы знали меня раньше. Если вы не можете тратить денегъ и должны высчитывать каждый грошъ, вы подумали бы объ этомъ раньше. Я не изъ тѣхъ женщинъ, которыя привыкли ходить въ ситцевыхъ платочкахъ... вы бы обратили вниманіе на какую нибудь швейку. Чтобы имѣть право ухаживать за порядочной женщиной, нужны деньги...

Доктора совѣтовали ей покинуть Парижъ и уѣхать на югъ; къ тому же Парижъ представлялъ слишкомъ много соблазновъ для такой взбалмошной женщины, какъ Лидія, и Вѣнценосцевъ уговорилъ ее ѣхать въ Ниццу. Былъ уже май мѣсяцъ, когда они поселились въ Ниццѣ. Тамъ было пусто, душно, уныло и скучно. Лидія Викторовна замѣтно худѣла и скучала; здоровье ея было слабо, кашель усиливался, лихорадочное состояніе не проходило, началъ показываться потъ. Жизнь ея была не сладка: съ утра до вечера она должна была переносить присутствіе адвоката, котораго ненавидѣла всѣми силами души, слушать его безстрастную и скучную рѣчь; иногда она желала побить его, задушить, бросить ему въ лицо какое нибудь оскорбленіе, обиду,—и должна была сдерживаться, молчать, покоряться, потому что сознавала свое безвыходное положеніе, полное одиночество, безпріютность, еслибы онъ вздумалъ бросить ее. Вѣнценосцевъ входилъ въ свою роль. Какъ чело-

Digitized by Google

вѣкъ недостаточно воспитанный, съ задатками грубаго бурсака, которыхъ не могла вытравить никакая наука, никакая профессія, онъ часто давалъ ей чувствовать свою силу и весьма нетонко напоминалъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, объ ея матеріальной зависимости. Это было невыносимо, и она плакала, дѣлала сцены, отравляла его олимпійское надутое спокойствіе, его буржуазное благополучіе домашними драмами, послѣ которыхъ сама разстраивалась и недугъ ея усиливался.

Такъ влачили жизнь эти два разнохарактерныхъ человѣка, скованныхъ вмѣстѣ по собственной винѣ. Но цѣпь была очень непрочна и должна была скоро порваться. Вѣнценосцевъ убѣдился, что сдѣлалъ глупость, сойдясь съ Лидіей Викторовной. Ни одинъ романъ ни съ одной женщиной ему не удавался. Одинъ, казалось ему, вышелъ удачнымъ и на него было потрачено немало усилій, хлопотъ и денегъ; но онъ съ радостью, при всей жадности, пожертвовалъ бы этими деньгами, еслибы можно было развязаться съ Лидіей. Но какъ это сдѣлать? Случай представился скоро. Однажды утромъ, воспользовавшись отсутствіемъ Вѣнценосцева, одурѣвъ отъ скуки и почувствовавъ жажду игры, Лидія уѣхала въ Монте-Карло, забравъ изъ шифоньерки всѣ деньги, которыя адвокатъ имѣлъ неосторожность оставить дома незапертыми. Она написала ему лаконическую записку: «Уѣхала въ Монте-Карло. Завтра пріѣду. Не безпокойтесь. Я нашла въ шкафу пять тысячъ франковъ. Завтра отдамъ. Лидія»—и велѣла portier передать ее Вѣнценосцеву.

Она не сразу рѣшилась на этотъ подвигъ. Долго изнывала и томилась она въ Ниццѣ, чувствуя потребность въ обществѣ, въ новыхъ впечатлѣніяхъ, въ игрѣ. А вмѣсто того она должна была проводить время въ нумерѣ или на Promenade des Anglais, въ полномъ одиночествѣ, потому что адвокатъ тяготился ея обществомъ и избѣгалъ его, слоняясь по кафе и заводя знакомства съ пріѣзжими. «Быть вмѣстѣ съ Лидіей значитъ ругаться,—разсуждалъ онъ:—лучше я самъ по себѣ, а она по себѣ». Покинутая, она начинала блажить и всякая дурь лѣзла ей въ голову. Въ одну изъ такихъ блажныхъ минутъ она вспомнила о рулеткѣ. Въ Petit Niçais и въ Eclaireur'ѣ она постоянно читала о баснословныхъ выигрышахъ, о счастливыхъ

Digitized by Google

людяхъ, уѣзжавшихъ изъ Монако съ туго-набитыми карманами, гораздо рѣже о самоубійцахъ, проигравшихъ тамъ до нитки свои состоянія. На послѣднія извѣстія она не обращала вниманія, тогда какъ первыя мутили ея воображеніе. Выиграть крупный кушъ... и развязаться съ адвокатомъ! Что можетъ быть заманчивѣе этого? Бросить ему въ лицо его жалкіе гроши, которыми онъ имѣетъ наглость вѣчно попрекать ее, и вышвырнуть его изъ своего будуара. Агенты рулетки, попадавшіеся ей на улицѣ, тоже громко разговаривали о выигрышахъ, только что огласившихся въ этомъ международномъ притонѣ золоченой богемы. Мало по малу эта идея выигрыша загипнотизировала ея сознаніе и отодвинула всѣ остальныя мысли на дальній планъ. Но она не знала, какъ сдѣлать это? Адвокатъ всѣ деньги держалъ въ банкѣ и бралъ оттуда по мѣрѣ необходимости; пряталъ взятую сумму въ шифоньеркѣ, а ключъ всегда носилъ съ собой. Ей выдавалъ онъ по мелочамъ, только по ея просьбамъ, а когда она просила болѣе или менѣе крупную сумму, то если не дѣлалъ формальной сцены, все таки сильно морщился и прочитывалъ длиннѣйшую нотацію о цѣнѣ денегъ, о потребностяхъ жизни и о необходимыхъ, въ *ея* положеніи, экономіи и благоразуміи. Какъ истая представительница золоченой богемы, она никогда не задумывалась надъ средствами и брала деньги, разъ онѣ были у нея на глазахъ. Ей казалась вполнѣ естественнымъ и легальнымъ, найдя забытый на столѣ ключъ, пойти и взять, сколько она найдетъ. Достаточнымъ оправданіемъ для нея служила увѣренность, что она не разоритъ этой суммой Вѣнценосцева.

Уже въ вагонѣ ее обуяло давно знакомое чувство старой картежницы. Разговоры агентовъ въ вагонѣ убѣдили ее окончательно въ возможности выиграть. Она вслушивалась въ «системы», о которыхъ громко разглагольствовали «профессора», въ назиданіе ѣдущей публикѣ. Немного оправившись въ отелѣ, она сейчасъ же побѣжала въ казино. Подойдя къ ближайшему столу, протолкалась на свободное мѣсто и начала понтировать. Еще въ Ниццѣ, отъ смертельной тоски, она однажды отправилась къ гадальщицѣ, чуть не ежедневно печатавшей въ газетахъ объявленіе такого содержанія: «М-lle Эмма, ясновидящая, указываетъ желающимъ нумера, которые сегодня должны выйти въ Монте-Карло. Вознагражденіе—въ случаѣ дѣйствительности

Digitized by Google

предсказанья». Къ современной пиѳіи конца вѣка ходило ежедневно много народу и, конечно, одинъ изъ всѣхъ перечисленныхъ ею рулеточныхъ нумеровъ долженъ былъ непремѣнно выйти, слѣдовательно, одна только m-lle Эмма каждый день бывала въ выигрышѣ, остальные же, конечно, проигрывали. Но наивные и суевѣрные игроки посѣщали ее и очень удивлялись своему проигрышу. Лидіи она предсказала № 17. Сразу поставивъ на этотъ нумеръ крупный кушъ, она немедленно его проиграла. Нѣсколько разъ повторяла она ставку съ упрямой настойчивостью, но каждый разъ эту ставку били. Тогда она поставила на красную—и красная взяла. Въ это время она подняла глаза и остолбенѣла. Въ лицѣ крупье она узнала... Барселонца! Она улыбнулась, хотѣла ему что-то сказать, но онъ, замѣтивъ ея движеніе, вздрогнулъ, отвернулся и упорно дѣлалъ видъ, что не узнаетъ ея, незнакомъ съ ней. Такъ вотъ кѣмъ былъ Барселонецъ! А она-то ему протежировала и «лансировала» его въ лучшее общество Петербурга, снабжая рекомендательными письмами... Она хотѣла протянуть руку къ золоту, придвинутому къ ней лопаткой крупье, какъ какой-то осанистый господинъ съ розеткой въ петлицѣ спокойно и съ величавой надутостью отстранилъ ея руку и, ехидно улыбаясь, сказалъ, загребая луидоры:

— Pardon, madame, mais cet or est à moi.

Забравъ ея деньги, онъ важно отошелъ отъ стола. Она растерялась, сконфузилась, испугалась этой развязной наглости. Перейдя къ другому столу, она продолжала игру, опять привязавшись къ 17-му нумеру. Ей весь день не везло и она, къ часу закрытія казино, осталась съ семьюдесятью франками въ карманѣ. На другой день она вернулась въ Ниццу.

Въ сѣняхъ отеля Лидія Викторовна узнала стоявшіе увязанными сундуки съ иниціалами: А. В.

— Что это значитъ?—спросила она у portier.—Развѣ monsieur уѣзжаетъ?

— Да, они приказали приготовить счетъ.

Она быстро поднялась на верхъ и еле могла отдышаться, войдя въ комнату. Ходьба, подъемы, рѣзкія движенія теперь всегда вызывали у нея одышку и кашель. Безсонная ночь, волненія игры, страхъ передъ невеселымъ объясненіемъ отразились на ея лицѣ. Оно было изжелта-блѣдно, и синіе круги

Digitized by Google

подъ глазами свидѣтельствовали объ ея крайнемъ переутомленіи. Вѣнценосцева она застала увязывающимъ ремнями свой пледъ. Искоса взглянула она на него. Онъ былъ спокоенъ и лицо его какъ будто окаменѣло.

— Вотъ я и пріѣхала,—весело сказала она, протягивая ему руку, которой онъ не взялъ.

— Очень радъ... а я уѣзжаю,—сухо отвѣтилъ онъ.

— Куда?—спросила она.

— Въ Россію.

— Но позвольте, какъ же такъ? Такъ внезапно? Что это еще за выходки? Вы знаете—это невозможно. Я не могу такъ скоро собраться. Наконецъ, я не имѣю желанія ѣхать и мнѣ велѣно провести здѣсь всю зиму...

Онъ холодно взглянулъ на нее и пренебрежительно сказалъ:

— Я и не приглашаю васъ. Вы здѣсь останетесь или вообще тамъ, гдѣ захотите. Мы съ вами разстаемся... навсегда.

— Негодяй!—вдругъ вырвалось у нея.—Развѣ порядочные люди *такъ* разстаются съ женщиной, отдавшей имъ все... имя, честь... Развѣ *такъ* швыряютъ женщиной, съ которой васъ связала судьба?.. Вы хамомъ были—хамомъ и остались.

Тогда онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и силой принудилъ сѣсть на диванъ. Медленно, убійственно отчетливо, съ разстановкой,—такъ что каждое слово врѣзалось у нея въ памяти,—онъ сказалъ ей:

— Послушайте, вы, аристократка, кичащаяся своимъ званіемъ и происхожденіемъ, и не гнушающаяся воровать чужія деньги изъ незапертыхъ шкафовъ: съ меня довольно. Я хотѣлъ сдѣлать изъ васъ честную женщину, освободивъ отъ долговъ и пріучивъ къ регулярной жизни. Въ нѣсколько мѣсяцевъ вы мнѣ стоили болѣе десяти тысячъ. Это удовольствіе мнѣ не по карману. Я поищу чего нибудь болѣе доступнаго. Вы годитесь для такихъ господъ, какъ Воеводскій, но не для меня. Я долго терпѣлъ и молчалъ. Но если вы считаете, что ваше происхожденіе даетъ вамъ право ругаться, какъ добрый извощикъ, и воровать деньги...—я больше не могу. Благодарите Бога, что я не донесъ полиціи о кражѣ. Довольно... на первое время я оставилъ вамъ денегъ, а затѣмъ напишите мужу... Всего лучшаго.

Digitized by Google

Онъ хотѣлъ идти. Она встала и преградила ему путь. Сердце ея замерло отъ дикаго бѣшенства. Еслибы у нея былъ подъ рукою револьверъ, она застрѣлила бы его. Дыханья не хватало, голова кружилась, передъ глазами плавали зеленые круги и малиновыя звѣздочки. Она подбѣжала къ шифоньеркѣ, схватила пачку кредитокъ и швырнула ихъ въ лицо адвокату.

— Мер... за... вецъ! Вонъ!—еле могла прошептать она и грохнулась на полъ.

Онъ спокойно поднялъ ее сильными руками, положилъ на диванъ, собралъ деньги и спряталъ ихъ въ ея письменный столъ, позвонилъ прислугу и сказалъ, что барынѣ дурно и необходимо позвать доктора; ему же самому некогда,—онъ спѣшитъ по одному дѣлу, не терпящему отлагательства, и боится опоздать на поѣздъ.

Онъ уѣхалъ. Когда Лидія очнулась, у нея начался страшный припадокъ кашля: въ первый разъ на платкѣ показались слѣды крови. Явившійся докторъ констатировалъ скоротечную горловую чахотку, но, конечно, не сказалъ ей объ этомъ ни слова. На другое утро она послала мужу письмо съ просьбой разрѣшить ей пріѣхать, такъ какъ она покончила съ прошлымъ и желаетъ вернуться къ нему. Адвоката она выгнала и обѣщаетъ мужу навсегда отрѣшиться отъ всякихъ увлеченій. Она очень больна и, повидимому, не очень долго будетъ ему въ тягость. Черезъ нѣсколько дней пришелъ отвѣтъ:

«Ежемѣсячно будете получать опредѣленное содержаніе въ прежнемъ размѣрѣ. Можете не пріѣзжать. Желаю всего лучшаго. Словенскій».

Ей не очень улыбалась перспектива вернуться къ мужу,—этому черствому и сухому человѣку, имѣвшему много общаго съ Вѣнценосцевымъ, — и потому она обрадовалась письму, а еще больше тому, что, свободная отъ долговъ, она теперь будетъ опять получать много денегъ... Втайнѣ она мечтала о рулеткѣ. Оправившись отъ послѣдняго приступа болѣзни, она переселилась въ Монако.

XXXVIII.

Узнавъ изъ письма Ивана Ѳедоровича о его бѣдственномъ положеніи и о разныхъ перипетіяхъ его существованія за по-

Digitized by Google

слѣднее время, Воеводскій съ молодой женой рѣшилъ измѣнить намѣченному маршруту лѣтней поѣздки и отправился въ Ниццу.

Отношенія мужа и жены были чрезвычайно странны, даже необыкновенны. Купленный за довольно значительный кушъ супругъ, которому жена еще до свадьбы заявила о своемъ полнѣйшемъ равнодушіи, былъ съ перваго же дня свадьбы предоставленъ самому себѣ. Долги его были уплачены и онъ сталъ обладателемъ хорошенькой жены... но только фиктивнымъ обладателемъ. Всѣ его попытки сблизиться съ нею потерпѣли фіаско. Марья Степановна относилась къ нему съ внѣшней стороны благопристойно, но рѣшительно не искала близости съ нимъ, всячески ограждая себя отъ его поползновеній. Онъ двоился... Въ ея присутствіи начиналъ пылать къ ней любовью: она нравилась ему больше всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ до сихъ поръ; но, видя тщетность своихъ усилій преодолѣть ея упрямство, онъ скоро остывалъ и, забывъ о женѣ, уходилъ въ клубъ или въ другое мѣсто играть въ карты. Такъ прошелъ мѣсяцъ, и его положеніе по отношенію къ женѣ нисколько не измѣнилось. Почувствовавъ себя ничѣмъ не связаннымъ, свободнымъ отъ долговъ, съ возможностью всегда имѣть деньги, съ возстановленнымъ кредитомъ, одѣтый во все новое, съ иголки сшитое у лучшаго портнаго—онъ воспрянулъ духомъ. За женщинами онъ больше не ухаживалъ. Это занятіе ему надоѣло, да притомъ онъ былъ припадочно влюбленъ въ свою жену. Чѣмъ упорнѣе онъ желалъ ея взаимности, тѣмъ упорнѣе она ему отказывала. И это препятствіе только раздражало его, разжигало физическое чувство къ женѣ, потому что какъ человѣка, какъ подругу жизни, онъ не могъ ее узнать за непродолжительностью времени знакомства. Не получивъ удовлетворенія съ этой стороны, онъ отдался весь игрѣ. Такова ужь была его натура, что какая нибудь страсть должна была владѣть имъ. Онъ вообще былъ человѣкомъ несдержаннымъ, а теперь сталъ совершенно распущеннымъ. Небольшой запасъ воли умалился до чрезвычайности, расшатанный жизнью впроголодь и вѣчной погоней за деньгами. Страсть къ игрѣ развилась въ очень короткое время и дошла до грандіозныхъ размѣровъ. Около него стали ютиться тѣ темные людишки неопредѣленныхъ профессій, которые, какъ коршуны, кружатся около того мѣста, гдѣ предполагаютъ существованіе наживы. Вся

Digitized by Google

банда, распавшаяся на время послѣ арестованія Барселонца, понемногу собралась опять и главенствующую роль въ ней игралъ «дѣловой человѣкъ». Теперь онъ бросилъ разглагольствованія о грандіозныхъ проэктахъ и, повидимому, совершенно забылъ объ искателяхъ жемчуговъ, о картинахъ Рафаэля и прочихъ диковинныхъ дѣлахъ. Онъ просто открылъ игорный домъ, по примѣру того ловкаго шулера-иностранца, на котораго донесъ, чтобы очистить самому себѣ поле дѣйствія.

Въ его кружокъ вошелъ и Воеводскій, но не въ качествѣ пайщика по прибылямъ отъ предпріятія, а просто въ качествѣ пижона. Дѣловой человѣкъ учуялъ, что Воеводскій «всплылъ на поверхность» и что у него завелись деньги, поэтому съумѣлъ втереться къ нему въ довѣріе и втянуть въ игру.

— Вы знаете, — говорилъ онъ ему,—съ тѣхъ поръ какъ этого шулера, Барселонца выселили, у насъ ведется честная игра. Банкъ у насъ отвѣтственный, и вы можете выиграть состояніе.

Состоянія Воеводскій не выигралъ, а проигралъ все, что̀ у него было, и сдѣлалъ три тысячи долгу. Платить надо было во что бы то ни стало, а денегъ у него не было. Послѣ свадьбы прошло слишкомъ немного времени, чтобы онъ могъ обратиться съ требованьемъ денегъ къ женѣ или тестю. Къ тому же онъ передъ самой свадьбой уже получилъ пятнадцать тысячъ для расплаты съ кредиторами. Съ женой онъ не могъ говорить о деньгахъ, потому что она разъ навсегда отстранила этотъ вопросъ, да и капиталъ все еще находился въ рукахъ ея отца, а съ генераломъ Воеводскій опасался и заговорить. Генералъ, послѣ свадьбы, сразу къ нему перемѣнился: сталъ холоденъ, сухъ, даже рѣзокъ. Заискивать больше было не къ чему, а подтянуть и прибрать къ рукамъ «шалаго зятя» — не мѣшало. Однако тесть ни въ чемъ не успѣлъ. Никакія его распеканціи и нотаціи, начавшіяся чуть не со втораго дня, не дѣйствовали на зятя, который спокойно, и не скрывая своей разсѣянности, слушалъ мудрыя генеральскія рѣчи и, выждавъ удобную паузу, схватывался за шапку и уходилъ изъ дому, чтобы вернуться поздно ночью обратно. Молодые, въ виду рѣшеннаго скораго отъѣзда за границу, жили въ генеральскомъ домѣ и стѣсняли другъ друга. До генерала начинали доходить слухи о недобропорядочномъ поведеніи Воеводскаго, о его кутежахъ и карточной игрѣ, о проигрышахъ и о дурномъ обществѣ, въ которомъ

Digitized by Google

онъ вращался. Чудиновъ хмурился и, не высказывая всего, что̀ зналъ, косвенно дѣлалъ свои замѣчанія. Воеводскій относился къ нимъ шутя и насмѣшливо, но однажды—это было черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы—оба не выдержали и вспылили.

Генералъ пригласилъ зятя въ кабинетъ и сказалъ ему:

— Послушайте, милый другъ, вы вчера вернулись въ пять часовъ утра. Вы знаете, я не привыкъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, но не могу не замѣтить, что, пока вы живете въ моемъ домѣ, слѣдовало бы соблюдать хоть видимое приличіе... Подумайте, вѣдь вы всего двѣ недѣли женаты...

— Мнѣ дома нечего дѣлать, генералъ, — я потому и не живу дома.

— Какъ это нечего?

— Очень просто. Моя жена меня не признаётъ, какъ мужа, и вы хорошо бы сдѣлали, еслибы обратились съ вашими проповѣдями къ вашей дочери. Это было бы болѣе раціонально.

Генералъ чуть-чуть смутился.

— Я не имѣю претензіи вмѣшиваться въ ваши семейныя дѣла. Вы оба взрослые люди и должны устраиваться сами. Если вы, не чувствуя влеченія другъ къ другу, все таки поженились—это ваше дѣло. Вѣроятно, оба вы находили въ этомъ союзѣ выгоду. Я—здѣсь рѣшительно непричемъ.

— Неужели?—насмѣшливо протянулъ зять и, подымаясь, докончилъ:—извините, Степанъ Ѳерапонтычъ, мнѣ некогда. Въ другое время—я васъ съ удовольствіемъ дослушаю.

Онъ ушелъ, а генералъ отправился къ дочери. Но переговоры съ ней тоже не привели ни къ чему.

— Оставь это, папа. Ты знаешь—я его не люблю. Да и развѣ его можно любить? Ты еще лучше знаешь, что я вышла замужъ по твоему настоянію. Я не могу принадлежать человѣку, котораго не люблю, хотя бы онъ былъ моимъ наизаконнѣйшимъ мужемъ. Это, быть можетъ, мое единственное достоинство. Ты хотѣлъ этого брака во что бы то ни стало. Я сдѣлала по твоему, а бо̀льшаго ты не вправѣ отъ меня требовать.

Между тѣмъ Воеводскій быстро опускался. Черезъ мѣсяцъ онъ еще болѣе запутался, чѣмъ до свадьбы. Та же знакомая ему жажда денегъ обуяла его; онъ разсчитывалъ на несмѣтныя богатства, а получилъ гроши. Передъ свадьбой онъ питалъ

Digitized by Google

иллюзіи. Онъ получитъ богатое приданое, сдѣлается настоящимъ баріномъ, остепенится, полюбитъ жену и постарается войти во вкусъ семейной жизни. Но ничего этого не произошло и онъ ошибся во всѣхъ своихъ разсчетахъ. Поэтому онъ поставилъ крестъ на всѣхъ своихъ добродѣтельныхъ иллюзіяхъ и «зачертилъ во всю». Дурное общество, въ которое онъ попалъ, довершило дѣло. Безвольный и безсильный, смолоду лишенный порядочныхъ задатковъ, онъ быстро катился подъ гору. Всѣ знали, что онъ «сдѣлалъ партію», всѣ знали, что онъ женился на богатствѣ, и ему захотѣлось поддерживать въ своихъ новыхъ друзьяхъ это убѣжденіе, которое льстило его мелкому тщеславьицу. Онъ и позировалъ въ качествѣ богача. Но для этой позиціи нужны были деньги, а ихъ-то и не было! Онъ и раньше никогда не задумывался надъ способами, посредствомъ которыхъ достаютъ деньги, а теперь менѣе чѣмъ когда либо. Онъ занималъ направо и налѣво, питая надежду, что въ концѣ концовъ за него заплатитъ новая родня, и ему охотно давали, такъ какъ за нимъ стояла семья богачей Чудиновыхъ.

Онъ еще проигралъ тысячи четыре и необходимо было расквитаться. Но гдѣ было взять денегъ? Поколебавшись дня два, онъ рѣшилъ обратиться къ генералу и сказать ему всю правду. Генералъ только накричалъ и рѣшительно отказался платить.

— У меня единственная дочь,—сказалъ онъ ему въ заключеніе,—и все, что у меня есть, будетъ со временемъ ея... тогда распоряжайтесь, какъ знаете. А теперь я — отказываю. Я за васъ заплатилъ 15 тысячъ и вообще на эту неудачную свадьбу издержалъ до пятидесяти: больше я не могу. Всякое состояніе лопнетъ, ежели каждый мѣсяцъ придется платить по восьмидесяти тысячъ за ваши карточные долги какимъ-то шулерамъ и мошенникамъ. Къ тому же, у моей дочери могутъ быть дѣти и я обязанъ позаботиться о нихъ.

— Не съ неба ли свалятся ей эти дѣти?—цинично спросилъ тотъ.

— Я прошу васъ перемѣнить тонъ...—вспыхнулъ генералъ—и не вмѣшивать меня въ ваши семейныя дрязги.

— Такъ вы не дадите денегъ?

— Нѣтъ.

— Это ваше послѣднее слово?

Digitized by Google

— Рѣшительное.

— Прекрасно. Я съумѣю обойтись и безъ вашей помощи.

— Въ добрый часъ...

Воеводскій уѣхалъ. Его ждалъ одинъ изъ новыхъ пріятелей, который обѣщался свезти его къ одному «благодѣтелю» рода человѣческаго.

XXXIX.

Благодѣтель рода человѣческаго жилъ на Пескахъ, въ какомъ-то узкомъ и темномъ переулкѣ, напоминавшемъ захолустную улицу уѣзднаго города. У дверей, обитыхъ старой клеенкой, они позвонили. Имъ отперла дверь какая-то немолодая мегера восточнаго типа, со слѣдами сохранившейся южной красоты. Благодѣтель оказался Теръ-Акоповымъ. Послѣ обнародованія закона о ростовщичествѣ, онъ сократилъ свои операціи, переѣхалъ въ убогую квартирку, снялъ около дома, въ которомъ обиталъ, маленькую табачную лавочку «для видимости», чтобы «въ случаѣ чего» всегда можно было сослаться на то, что онъ занимается честной торговлей, и... продолжалъ подъ сурдинку давать деньги въ ростъ. Онъ только удвоилъ предосторожности и обставлялъ свои выдачи тучей ловко придуманныхъ казуистическихъ формальностей, ограждавшихъ его отъ суровой кары Немезиды. Обоихъ посѣтителей впустили.

Абель Акопычъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ, въ черномъ залосненномъ бешметѣ, разстегнутомъ на его толстомъ животѣ, прикрытомъ ситцевой рубахой. При входѣ гостей, онъ не двинулся съ мѣста, а только потрогалъ свою феску, пресмѣшно торчавшую на его остроконечной головѣ.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ, не сажая гостей.

Они стояли передъ нимъ, какъ будто онъ былъ шахомъ, а они его вѣрные подданные.

— Господину Воеводскому нужны деньги,—отрѣзалъ первый, безъ всякихъ приготовленій.

Старый лихоимецъ покачалъ сочувственно головой, какъ будто хотѣлъ сказать, что ему это чрезвычайно интересно слышать, но что это никоимъ образомъ до него не относится.

— Скажите!—пробормоталъ онъ съ изумленіемъ.

Digitized by Google

— Да ты не ломайся! — прикрикнулъ на него чичероне Воеводскаго.—Можешь дать? Говори прямо... Ты вѣдь знаешь, онъ теперь не прежній Воеводскій, онъ женатъ на дочери извѣстнаго богача Чудинова.

Абель Акопычъ указалъ имъ на низенькіе стулья, хлопнулъ три раза въ ладоши и приказалъ мегерѣ на какомъ-то гортанномъ языкѣ подать два стаканчика и новую бутылку кахетинскаго.

— Кахэтинское пьешь?—спросилъ онъ вмѣсто всякаго отвѣта.

— Что хочешь, будемъ пить, только говори о дѣлѣ.

— Ва, какое дэло?!. Кто нынче въ долгъ даетъ? Торговля нынче плоха,—ни съ того, ни съ сего заявилъ онъ.—Нэту дэнги, совсѣмъ нѣтъ дэнги. Должники надуваютъ. Обманъ пошелъ... Судъ за обманъ... насъ крэдиторовъ душатъ. Нэлзя давать дэнги. Новый законъ. Нэтъ законъ, чтобы давать дэнги... Вѣнценосцева знаишь? Словенску—знаишь? Ва? Какъ надули бѣднаго Абель Акопыча, знаишь? Сколько дэнги потерялъ?..

Потомъ онъ вдругъ смягчился и спокойно сказалъ:

— Дэнги можно дать...

— На какихъ условіяхъ?

— Каки таки условія? Очень просто. Пиши двойной вэксель. Я представлю въ судъ и получу сполнитэльный лйсту. На судѣ самолично заяви, что дэнги сполна получилъ. Листъ отдамъ начальству по службу, чтобы вычитали изъ содэржанья. Когда распоряжэнье будэтъ—получишь полсуммы.

— Да я не служу.

— Нэ служишь? Тсъ... тсъ... нэхорошо. Молодой такой—нэ служишь!..

Онъ покачалъ головой.

— А коли не служишь, нэльзя давать денги Нэтъ!

— Значитъ вы отказываете?—спросилъ Воеводскій, раздражаясь и выходя изъ себя.

— Зачэмъ отказывать? Харошему чэловѣку нэльзя отказать. Можно дать. Подъ вексэль... съ бланкомъ Чудинова, енарала. Достань бланкъ—будутъ дэньги, не достань бланкъ—нэту деньги. Пэй!—закончилъ онъ, протягивая Воеводскому стаканъ вина.

Воеводскій пилъ и глядѣлъ на лихоимца. Лихоимецъ тя-

Digitized by Google

нулъ янтарное вино и, казалось, забылъ уже, о чемъ говорилъ. Выпученные, какъ у рака, глаза его съ полуопущенными вѣками, казалось, дремали. Изрѣдка онъ вздрагивалъ и вытаращивалъ глаза, глядя прямо въ зрачки Воеводскому, которому казалось, что армянинъ лукаво и насмѣшливо ему подмигиваетъ, какъ будто заранѣе одобряя его на совершеніе подлога.

Водворившееся молчаніе было продолжительно и, въ теченіе его, ни одной стороной не было проронено ни звука. Толстый ростовщикъ сталъ засыпать на самомъ дѣлѣ, и издавалъ легкій храпъ носомъ. Гости ушли.

Черезъ три дня, у Абеля Акопыча находился въ рукахъ двойной вексель съ подписью Воеводскаго и бланкомъ генерала Чудинова.

XL.

Расплатившись съ долгами, Воеводскій поспѣшилъ отъѣздомъ за границу: онъ начиналъ побаиваться результатовъ совершоннаго имъ подлога и хотѣлъ скрыться, наивно воображая, что его не станутъ отыскивать въ чужихъ странахъ. Это было похоже на повадку страуса—прятать голову въ моментъ преслѣдованія его охотникомъ. Кромѣ того, Воеводскій боялся опять втянуться въ игру и вновь проиграться. Генералъ не препятствовалъ отъѣзду; напротивъ, онъ самъ торопилъ молодыхъ, въ смутной надеждѣ, что его зять, освободившись изъподъ вліянія дурнаго общества, исправится, остепенится, осмотрится и поведетъ нормальную жизнь порядочнаго человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсчитывалъ, что и дочь, оставленная наединѣ со своимъ мужемъ, броситъ свои фантастическія бредни и забудетъ свою первую неудачную любовь.

Въ концѣ мая, поздно вечеромъ, Воеводскіе пріѣхали въ Ниццу и заняли нумера въ лучшемъ отелѣ. Марья Степановна тотчасъ же заперлась въ своей комнатѣ, ссылаясь на усталость отъ дороги. Тщетно стучался къ ней Василій Ивановичъ, желая переговорить относительно предположенной имъ на завтра поѣздки въ Монте-Карло на свиданіе съ отцомъ: она рѣшительно отказалась отпереть. Обозленный и обиженный въ своихъ правахъ и самолюбіи, онъ отправился къ себѣ, а на утро, не повидавшись съ женой, уѣхалъ въ игорный притонъ. Онъ бродилъ по саду, окружавшему казино, съ озлобле-

Digitized by Google

ніемъ раздумывая о своемъ незавидномъ положеніи; двѣ думы терзали его—совершенно ненормальныя отношенія къ женѣ и совершонное въ Петербургѣ преступленіе. Сойдетъ ли оно ему съ рукъ? Узнавъ о его подвигѣ, заплатитъ ли по фальшивому векселю генералъ?.. У него мало было съ собой денегъ и онъ не рѣшался войти въ игорную залу, а вмѣстѣ съ тѣмъ мечта о крупномъ выигрышѣ не давала ему покоя: что, еслибы онъ могъ выграть и заплатить Теръ-Акопову? Освобожденный отъ невыносимаго гнета, онъ тогда круто повернулъ бы дѣло по своему и заставилъ бы жену согласиться исполнить его законныя требованья или же развестись съ нимъ.

Онъ бродилъ по саду. Надъ нимъ было глубокое, прозрачное, густо-синее небо; вдали, сквозь причудливую прорѣзь листвы финиковыхъ пальмъ, мелькалъ голубой заливъ, омывая своими водами изумрудныя береговыя горы; воздухъ былъ насыщенъ запахомъ магнолій; его окружала роскошная растительность юга: усыпанное плодами ирговое дерево, кактусы, кипарисы, кедры, кусты всевозможныхъ розъ. День былъ чудный, но на его душѣ было скверно. Эта природа, сіяющая, жизнерадостная, почти дерзкая въ своемъ блистающемъ торжествѣ, дѣйствовала ему на нервы. Онъ захотѣлъ удалиться, скрыться куда нибудь отъ блеска этихъ красокъ, отъ звуковъ прибоя, отъ густаго запаха цвѣтовъ, дурманившаго его голову и путавшаго его невеселыя мысли.

Онъ повернулъ въ аллею пещеръ. На поворотѣ одной дорожки, онъ вдругъ столкнулся лицомъ къ лицу съ какимъ-то старикомъ; Воеводскій хотѣлъ пройти мимо него, почти не обративъ на встрѣтившагося никакого вниманія. Но незнакомецъ вдругъ подошелъ и остановилъ его.

— Василій... ты?

Это былъ его отецъ. Боже, какъ онъ перемѣнился! Въ Петербургѣ это былъ красивый, видный, бодрый мужчина, которому никакъ нельзя было дать и пятидесяти лѣтъ; здѣсь—это была уже человѣческая развалина, совершенно сѣдая, одряхлѣвшая, опустившаяся. Они обнялись и присѣли на скамейку. Черезъ минуту старикъ разсказывалъ ему о своихъ бѣдахъ.

— Я разоренъ, Василій, и разорилъ тебя... Ты знаешь, наше имѣнье продано... до послѣдняго сучечка, до послѣдней песчинки... все, все. Теперь мнѣ надо умирать.

Digitized by Google

— Чѣмъ же ты живешь?

Старикъ вдругъ сконфузился и низко опустилъ голову.

— Не спрашивай меня... со временемъ узнаешь. Не дай Богъ врагу моему вести такую жизнь. Я зналъ, что ты пріѣдешь, и поджидалъ тебя. Всѣ мои надежды строились на твоемъ пріѣздѣ. Вѣдь я нищій... Ты—другое дѣло; ты сдѣлалъ благоразумно, что женился на Чудиновой. По крайней мѣрѣ, ты не будешь нуждаться и у тебя не будетъ долговъ. Это—великое благо въ жизни. Но, Василій... ты долженъ меня выручить... Вѣдь какъ ни какъ, какія бы отношенія между нами ни были, надо забыть прошлое... помоги своему отцу выпутаться изъ того унизительнаго положенія, въ которомъ я нахожусь. Я увѣренъ, что если Марья Степановна напишетъ отцу, онъ не откажется мнѣ помочь...

— Хороша твоя Марья Степановна, да и ея отецъ, да и ты, заставившій меня жениться на этой... Теперь самъ расхлебывай. Для чего нужна была эта свадьба, для чего? Чудинова была скомпрометирована, и ее перестали принимать въ обществѣ. Ей нужно было имя, легальное положеніе законной жены... ширму для своего позора? Прекрасно... Отъ нея всѣ отвернулись и отецъ задумалъ прикрыть ее отъ общественнаго презрѣнія моимъ именемъ. Ты знаешь, я вѣдь не очень разборчивъ. Ну, и слѣдовало меня предупредить...

— Мы боялись, что ты откажешься.

— Откажешься! Не отказался бы, когда другаго выхода нѣтъ. Да и она ужь очень хорошенькая. Вамъ нечего было бояться. Ужь коли продавать себя, такъ продавать. Но я узналъ все, когда уже было поздно и повернуть было трудно... Ну, и что же? Ты вѣдь знаешь...—Онъ нагнулся къ отцу и пошепталъ ему что-то на ухо, такъ какъ въ это время замѣтилъ подходившую къ нимъ фигуру, которая немедленно скрылась въ кустахъ.

— Да неужели?.. До сихъ поръ?—воскликнулъ отецъ.

— Да... и, кромѣ того, я ничего не получилъ... всего несчастныхъ пятнадцать тысячъ на уплату долговъ. Чудиновъ измѣнился ко мнѣ тотчасъ послѣ свадьбы, — круто, рѣзко, по хамски... Куда дѣвалась льстивость и угодливость!.. Все исчезло. Ну... а Пантеонъ?..

Старикъ еще ниже опустилъ голову. Онъ молчалъ и долго не могъ выговорить отъ волненія ни слова.

Digitized by Google

— Она меня бросила, выжавъ изъ меня все до послѣдней копѣйки... Бросила одного, безъ гроша денегъ, и уѣхала въ Парижъ. Зачѣмъ, съ какою цѣлью?.. не знаю. Говорили мнѣ... доходили слухи, что она поетъ и пляшетъ въ Moulin Rouge... потомъ, позже—вѣдь она меня покинула въ мартѣ, три мѣсяца тому назадъ—видѣли ее въ какомъ-то загородномъ ресторанчикѣ, гдѣ бываетъ самое жалкое отребье... Эхъ! — вздохнулъ онъ и зашагалъ.

Потомъ, оправившись, онъ вновь заговорилъ.

— Всѣ мы такъ кончаемъ...

— Кто «мы»?

— Да люди съ широкими замашками, съ блажными фантазіями и съ микроскопическими мозгами, всѣ не знающіе удержу, привыкшіе тотчасъ исполнять малѣйшія прихоти разнузданнаго воображенія, не имѣющіе воли удержаться на скользкомъ пути,—всѣ мы разслабленные, развращенные, убогіе и жалкіе людишки конца печальнаго вѣка...

— Ну, я тебя не узнаю. Мораль и философія!.. Брось, это тебѣ не къ лицу. Мораль хороша, когда она—нѣчто органическое, всосавшееся въ плоть и въ кровь, а когда ее берутъ на прокатъ... нѣтъ, брось! Пойдемъ, у меня есть немножко капиталовъ. Позавтракаемъ, а потомъ я пойду попробую счастья...

Василій Ивановичъ изумился перемѣнѣ, происшедшей вдругъ съ отцомъ. Старикъ схватилъ его за руку и умоляющимъ взглядомъ посмотрѣлъ на него.

— Только не это! — сказалъ онъ.—Все, что̀ хочешь .. но играть—нѣтъ. Неужели ты думаешь выиграть? Но ты не знаешь, какіе это мошенники. Здѣсь нельзя выиграть! Вѣдь вся рулетка построена на шулерствѣ... вся...—По старой русской привычкѣ онъ заговорилъ по французски. Онъ убѣждалъ сына не пробовать счастья, онъ говорилъ о томъ, что если здѣсь даютъ иногда выиграть, то людямъ очень извѣстнымъ, въ родѣ принца Уэльскаго, и то ради опроверженія молвы, что ни одинъ не уѣхалъ отсюда богачемъ, а всѣ—нищими. Кому лучше знать, какъ не ему? Онъ уже присмотрѣлся и посвященъ во всѣ тайны этого притона...

Во время этой рѣчи, подозрительная фигура опять показалась изъ-за куста и, быстро выдя оттуда, исчезла изъ виду въ одной изъ аллей, ведущихъ къ морю.

Digitized by Google

Старикъ продолжалъ предупреждать сына.

— Послушай... здѣсь вѣдь много русскихъ, спроси ихъ... Здѣсь Словенская...

— А, и она здѣсь?!..

— Да. Она играла, проигралась, и этотъ адвокатишка бросилъ ее на произволъ судьбы. Ты ея не узнаешь, она очень измѣнилась. Я съ ней иногда говорю. Ты не можешь себѣ представить, во что она обратилась. У нея, очевидно, чахотка. Она здѣсь умираетъ. Болѣзнь и страсть быстро покончатъ съ нею. Болѣзнь разрушаетъ всѣ тѣло; страсть—остатки ея живаго духа. Хорошо, что мужъ высылаетъ ей деньги на жизнь... немного, но все таки высылаетъ. Ты думаешь, что она дѣлаетъ съ ними? Все до копѣйки, все проигрываетъ... Это что-то ужасное въ ней, стихійное, непобѣдимое... Лишь только она получитъ деньги, какъ къ вечеру уже ихъ нѣтъ... Она страшно опустилась, ходитъ въ черномъ простомъ платьѣ, побирается въ долгъ... и каждый выпрошенный грошъ ставитъ тутъ же на столъ... Она стала басней... ее называютъ la Dame Noire, считаютъ, что она приноситъ несчастье тому столу, къ которому подходитъ, и ей скорѣй предлагаютъ деньги, чтобы только избавиться отъ ея присутствія. Она ихъ беретъ... безшумно, какъ тѣнь, исчезаетъ, чтобы поставить на другомъ столѣ эти позорныя деньги... и опять проигрываетъ. Слава богу, ей жить не долго... и ея конецъ близокъ. Чувствую, что и мой недалекъ... А что?—вдругъ сказалъ онъ:—не дастъ ли мнѣ Марья Степановна денегъ? Я бы бросилъ это проклятое мѣсто и уѣхалъ въ Россію... Я поступилъ бы на службу, хоть въ помощники къ Козелкову, къ тому же самому Тупицыну, который распоряжается моимъ имѣньемъ...

— У нея у самой нѣтъ денегъ... Она вся въ зависимости отъ отца. Будь у нея деньги — она бы дала. У нея все таки доброе сердце. Но—отецъ ея!.. О, я раскусилъ теперь, что это за гусь...

— Помнишь,—началъ Иванъ Ѳедоровичъ,—ты мнѣ какъ-то говорилъ о какомъ-то знатномъ иностранцѣ изъ Барселоны, котораго ты встрѣчалъ у Лидіи Викторовны?

— А, да, Барселонецъ... ну, и что же?

— Онъ оказывается крупье въ здѣшнемъ вертепѣ, не больше...

Digitized by Google

— Да что ты?..

— Правда. И Словенская говорила мнѣ, что вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ онъ не узнаётъ ея и избѣгаетъ глядѣть...

Они встали и пошли по аллеѣ. Откуда-то появилась опять фигура, уже нѣсколько разъ попадавшаяся имъ на глаза и очевидно слѣдившая за ними. Фигура поклонилась старику и, взявъ его подъ руку, отвела въ сторону, что-то нашептывая.

Иванъ Ѳедоровичъ крикнулъ сыну, чтобы тотъ его не ждалъ, что ему надо по дѣлу и что они увидятся вечеромъ въ Hôtel de Paris. Василій Ивановичъ замѣтилъ, какъ старикъ поблѣднѣлъ при первыхъ словахъ незнакомца. Но, не обративъ на это вниманія, онъ, влекомый неудержимой таинственной силой, вошелъ въ залы игорнаго дома.

Незнакомецъ оказался однимъ изъ секретныхъ распорядителей рулетки. Отведя въ сторону старика Воеводскаго, онъ строго сказалъ ему:

— Я давно уже слѣжу за вами. Сегодня я слышалъ вашъ разговоръ, cher monsieur, съ пріѣзжимъ господиномъ. Вы его уговаривали *не играть*, между тѣмъ какъ ваши функціи на службѣ обществу морскихъ купаній заключаются въ томъ, чтобы именно *уговаривать* пріѣзжихъ играть. Вы—passez moi le mot—воруете хлѣбъ у общества и даромъ получаете жалованье. Общество увольняетъ васъ... вы больше не служите...

— Но, позвольте,—началъ дрожащимъ голосомъ старикъ:—вы ошиблись... Это мой сынъ. Не могъ же я говорить сыну то, что говорю другимъ... Не могъ же я его толкать на гибель.

— У агента общества должна существовать рулетка и не должно быть сыновей, братьевъ и женъ... Вы не исполнили своихъ обязанностей и васъ увольняютъ. Вы больше не служите...

Между тѣмъ Василій Ивановичъ вошелъ въ залы притона и нѣсколько растерялся, попавъ въ раззолоченный атріумъ, при видѣ этой разношерстной толпы, опьяненной игрой.

Вѣчное возбужденіе, подъемъ нервъ, переходъ отъ дикаго отчаянья къ безумной радости, безконечное кипѣнье въ этомъ игорномъ котлѣ отражалось особеннымъ, слишкомъ рѣзкимъ отпечаткомъ на всѣхъ этихъ жертвахъ Монте-Карло. Глаза ихъ горѣли лихорадочнымъ блескомъ, блѣдныя губы дрожали,

Digitized by Google

лица были истощены, жесты порывисты, разговоры страстны. Въ этой толпѣ можно было угадать множество подозрительныхъ личностей: какіе-то осанистые господа, съ важно-надутымъ видомъ и несуществующими орденами въ петлицахъ, — не то сутенеры, не то шулера, венгерскіе генералы, заѣзжіе принцы, потертыя личности, безъ гроша въ карманѣ, такъ называемыя «выполосканныя овцы», т. е. игроки, проигравшіеся въ пухъ и теперь платонически слѣдящіе за игрой, снѣдаемые жаждой отыграться.

Василій Ивановичъ подошелъ къ окну, все еще не рѣшаясь отважиться на ставку. На террасѣ надъ моремъ, въ высокомъ восточномъ кіоскѣ, игралъ необыкновенный оркестръ и звуки чудной музыки врывались цѣлою волною въ громадныя раззолоченныя залы. Въ паркетныхъ полахъ, блистающихъ, какъ ледяная поверхность, отражались туалеты дамъ, шолковые чулки ливрейныхъ лакеевъ притона, тяжелыя массы столовъ, тройной рядъ люстръ. На столахъ лежали бумажныя деньги и золото. А тамъ, за этимъ окномъ, стоитъ одуряющій запахъ цвѣтущихъ апельсиновыхъ рощъ, чудный запахъ флёръ-д'оранжа.

Яркими красками блистаетъ море, ослѣпительнымъ блескомъ сіяетъ солнце... Но всѣмъ этимъ людямъ, наполняющимъ залу, не до солнца, не до моря, не до ароматовъ и звуковъ музыки—у нихъ одна музыка въ душѣ: звонъ золотыхъ монетъ, передвигаемыхъ или загребаемыхъ лопаткой крупье.

— Rien ne va plus!..

Василій Ивановичъ подошелъ къ столу, отыскалъ мѣсто и поставилъ. Это былъ тотъ столъ, за которымъ въ качествѣ крупье сидѣлъ Барселонецъ. Они встрѣтились глазами, но ни одинъ мускулъ въ лицѣ крупье не дрогнулъ. Онъ былъ здѣсь «при исполненіи своихъ обязанностей» и казался прикованнымъ къ мѣсту, вылитымъ изъ бронзы. Воеводскій усмѣхнулся и поставилъ ставку. Колесо завертѣлось, шарикъ запрыгалъ, Воеводскій выигралъ. Вдругъ между игроками произошло смятеніе. Начали оглядываться и шептаться. Кое-кто пробормоталъ съ испуганнымъ видомъ, съ полоумнымъ суевѣріемъ игрока:

— Черная дама, Черная дама!..

Воеводскій оглянулся. Въ залу безшумно, какъ тѣнь, скользя по паркету, вошелъ какой-то призракъ,—не то женщина, не то тѣнь. Она подвигалась къ столу. Необыкновенно

Digitized by Google

худая, какъ будто выросшая, съ плотно сжатыми губами, съ горящими лихорадочнымъ огнемъ глазами, со знакомой ему складкой между бровями.

— Она... Лидія!—мелькнуло у него въ умѣ и онъ сталъ къ ней приглядываться. Да неужели можно такъ измѣниться въ такой сравнительно короткій срокъ? Что-то похожее на нѣжное чувство шевельнулось въ немъ и онъ, забывъ объ игрѣ, быстро сталъ пробираться къ ней. Ей уже совали со всѣхъ сторонъ деньги, только чтобы она удалилась. Онъ подошелъ къ ней, взглянулъ прямо въ глаза. Она остолбенѣла. Слабый румянецъ, вспыхнувъ на ея щекахъ, мигомъ исчезъ и она быстро опустила глаза. Она его узнала... но, не сказавъ ни слова, все такая же блѣдная и серьезная, съ поникшей низко головой, она также безшумно, какъ вошла, затерялась въ толпѣ и исчезла, какъ привидѣніе.Да и что могла бы она сказать ему?

Воеводскій вернулся къ столу. Поздно вечеромъ онъ вышелъ изъ притона, проигравшись дотла, и, не найдя отца въ назначенномъ rendez-vous, уѣхалъ на полученный изъ конторы viatique на поѣздѣ «прогорѣвшихъ», въ Ниццу. Онъ думалъ, выпросивъ у жены денегъ, вернуться опять въ это злачное мѣсто, твердо вѣря въ свою счастливую звѣзду.

XLI.

Въ ту же ночь, по княжеству распространилась вѣсть, что въ аллеѣ пещеръ произошло еще одно самоубійство. Самоубійства въ Монте-Карло—заурядная вещь. Только часть ихъ попадаетъ въ газеты, тогда уже, когда нѣтъ никакихъ средствъ скрыть инцидентъ, да и то почти всѣ самоубійства объясняются всевозможными причинами въ родѣ несчастной любви, неизлѣчимой болѣзни, сумашествія и проч., но ни одно не квалифицируется, какъ слѣдствіе проигрыша. Большинство самоубійствъ тщательно скрывается администраціею рулетки, дабы не возбуждать умы посѣтителей гнуснаго притона.

На сей разъ таковой жертвой оказался Иванъ Ѳедоровичъ. Получивъ отказъ отъ мѣста, онъ пошелъ бродить по берегу, раздумывая о своихъ обстоятельствахъ и тщетно изобрѣтая выходъ изъ невозможнаго положенія. Вечеромъ онъ зашелъ въ Hôtel de Paris, высидѣлъ тамъ два часа и, не встрѣтивъ сына,

Digitized by Google

отправился въ казино; но и тамъ, среди играющихъ, его не было. Тогда несчастный старикъ подумалъ, что сынъ узналъ о его позорномъ положеніи при рулеткѣ и уѣхалъ въ Ниццу, навсегда отказавшись отъ такого отца. Онъ никогда не чувствовалъ нѣжной привязанности къ сыну, но теперь, среди полнаго одиночества, среди бушевавшихъ вокругъ него невзгодъ—это былъ единственный, какъ ему казалось, якорь спасенія, единственное звено, еще связывавшее его съ жизнью. Разъ и это звено порвалось, ему нечего было больше дѣлать на бѣломъ свѣтѣ. Все вокругъ него рушилось. Старая дворянская гордость, отдаленный голосъ расы прозвучалъ въ его усталой душѣ... И этотъ голосъ призывалъ его къ искупленію.

«Мертвые сраму не имутъ»,—промелькнуло въ его сознаніи, и вслѣдъ за тѣмъ темная ночная волна скрыла отъ него звѣздное небо...

Рыбаки утромъ вытащили его тѣло, а черезъ три дня въ газетахъ Ниццы появилось извѣстіе о смерти русскаго, нѣкоего Воеводскаго, безумно влюбившагося на старости лѣтъ въ одну кафе-шантанную пѣвицу, которая не захотѣла отвѣтить на эту запоздавшую страсть и, покинувъ старика, отправилась искать любви и счастія въ Парижѣ. Результатомъ ея исчезновенія было самоубійство несчастнаго. Василія Ивановича, какъ громомъ, поразила эта замѣтка.

Въ Ниццѣ онъ прожилъ два мѣсяца. Ничто не измѣнилось въ отношеніяхъ между мужемъ и женой. Василій Ивановичъ терзался. Съ одной стороны, страстное желаніе вновь попытать счастья въ рулетку, съ другой—какой-то животный страхъ передъ грозящей ему бѣдой изъ Петербурга, когда все откроется... Равнодушіе и холодность жены добивали его и, по мѣрѣ того какъ она становилась къ нему все холоднѣе и холоднѣе, онъ разгорался все больше и больше...

Въ концѣ втораго мѣсяца получилъ онъ письмо отъ Теръ-Акопова, въ которомъ тотъ сообщалъ ему, что, не получая отъ него удовлетворенія по векселю, срокъ котораго истекалъ черезъ недѣлю, онъ предупреждаетъ его, что долженъ будетъ передать вексель ко взысканію адвокату г-ну Горемыкину и что онъ очень ошибся, давъ ему деньги, потому что у него появилось уже подозрѣніе, что бланковая подпись на документѣ фальшивая. Если это дѣйствительно такъ, то онъ очень опа-

Digitized by Google

сается, что отъ адвоката вексель перейдетъ къ прокурору. Онъ всегда страдаетъ за свои благодѣянія. Сообщивъ женѣ, что ему необходимо съѣздить въ Петербургъ по своему личному дѣлу, Воеводскій уѣхалъ.

Въ Парижѣ онъ остановился на двое сутокъ. Не смотря на то, что страхъ разбиралъ его, что его голова трещала отъ мучительныхъ думъ, онъ вечеромъ пошелъ бродить по огромному городу и набрелъ на кабачокъ «Chat Noir». По издавна усвоенной привычкѣ гдѣ нибудь убить вечеръ, онъ зашелъ въ гостепріимный вертепъ и усѣлся за столикомъ, наблюдая безобразные танцы и безголосыхъ пѣвичекъ. За однимъ изъ столиковъ онъ увидѣлъ грязнаго и грузнаго старика, носившаго здѣсь, благодаря своей зажиточности, прозвище «Золотыхъ Песковъ», и угощавшаго какую-то danseuse. Воеводскій вглядѣлся въ эту пару. Кто-то около него произнесъ имя Пантеонъ, рядомъ съ именемъ «Золотыхъ Песковъ». Публика смѣялась и надъ таявшимъ старикомъ, торговцемъ лѣса въ Бретани, который спускалъ свои дивиденды по кабачкамъ Парижа въ веселомъ обществѣ размалеванныхъ кокотокъ, и надъ его дамой—«La Panteon engraissée».

Пантеонъ пила какую-то жидкость черезъ соломенку, а въ промежуткахъ между двумя глотками напѣвала вполголоса какую-то пѣсенку. Она зазѣвалась на сцену и старикъ выпилъ вино изъ ея стакана. Пѣвичка машинально потянула черезъ соломенку, но втянула только воздухъ. Тогда она разсердилась.

— Ah bas. Tu a sifflé mon vin! Tu merite une giffle!

И она закатила ему звонкую пощечину. Всѣ смѣялись и, аплодируя, кричали bis. Ея кавалеръ, «Золотые Пески», вовсе не разсердился и ему видимо это очень понравилось...

Воеводскій поспѣшилъ незамѣтно выбраться изъ кабачка и на другое утро уѣхалъ въ Петербургъ, смутно надѣясь, что Чудиновъ, внемля его раскаянью, не допуститъ до скандала.

XLII.

Замойскій жилъ въ Римѣ и усердно работалъ, какъ можетъ только работать человѣкъ, для котораго ничего не осталось въ жизни, кромѣ искусства. Онъ отдался ему, какъ фанатикъ, потому что любилъ живопись и хотѣлъ забыться, найти

Digitized by Google

опьяненіе въ трудѣ. Ни время, протекшее со дня разлуки съ Анной, ни даль разстоянія не излѣчивали его душевной раны, и бѣдный художникъ, въ короткіе промежутки отдыха, страдалъ жестоко, мучительно и безнадежно. Изрѣдка онъ получалъ отъ Анны письма, — теплыя, хорошія письма, въ которыхъ она описывала ему свое житье-бытье, свои успѣхи на сценѣ, радовалась, какъ дитя, что теперь она чувствуетъ себя здоровой, бодрой, обезпеченной, и снова полюбила жизнь. Петя растетъ и составляетъ большое утѣшеніе въ ея одиночествѣ. Интересовалась она и его дѣлами, и всегда спрашивала объ его планахъ. Однажды онъ получилъ отъ нея грустное письмо: Анна скучала, ей недоставало общества друга, близкаго человѣка, съ которымъ она могла бы подѣлиться своими мыслями, въ которомъ могла бы найти сочувствіе и поддержку. Это письмо было получено въ сентябрѣ, и Замойскій понялъ, что въ театрѣ, гдѣ начались уже спектакли, не все обстоитъ благополучно: вѣроятно, начались интриги, разыгралась зависть, потому что пріемъ Анны на столичную сцену долженъ былъ стать многимъ поперекъ горла. Въ концѣ письма она съ благодарностью вспомнила обо всемъ, что для нея сдѣлалъ художникъ, трогательно благодарила его и звала вернуться. «Вы меня найдете совсѣмъ другою»,—писала она,—«я измѣнилась, и измѣнилась къ лучшему. О прошломъ нѣтъ и помину. Это была болѣзнь, тяжелая болѣзнь, отъ которой я излѣчилась совершенно. Теперь я чувствую въ себѣ потребность любить, но не той психопатической любовью, которою я любила Воеводскаго (вы видите, я безъ смущенья произношу его фамилію) а любовью чистою, хорошею, честною. И я чувствую, что въ мое сердце закрадывается новое, свѣтлое чувство»...

Какъ громомъ, поразило это письмо Замойскаго. Цѣлый день онъ бродилъ по Риму, огорченный, убитый, почти близкій къ отчаянью. «Она любитъ снова, это ясно!—говорилъ онъ себѣ.—На кого она обратила свои чувства? И ей нужна моя помощь, мой совѣтъ, мое участіе! Неужели же я опять долженъ буду пережить весь этотъ ужасъ? Неужели опять долженъ буду смотрѣть на ея новый романъ и, страстно любя ее самъ, переживать всѣ муки ада»?..

Онъ ей писалъ изъ Рима часто, писалъ о себѣ, о своихъ работахъ, но никогда о своихъ чувствахъ къ ней.

Digitized by Google

Въ концѣ декабря онъ вернулся въ Петербургъ и такъ какъ хотѣлъ прожить здѣсь до весны, то нанялъ себѣ небольшую, но свѣтлую квартиру, чтобы имѣть возможность докончить свою работу къ выставкѣ. Радостно, вся запыхавшись, прибѣжала къ нему Анна. Они встрѣтились, какъ старые друзья, и поцѣловались. Она нашла въ немъ перемѣну: онъ осунулся, похудѣлъ, глаза его смотрѣли на нее съ какой-то внутренней затаенной тоской. Зато она очень поправилась и глядѣла просто красавицей. Весь очарованный ею, онъ съ нѣжнымъ восторгомъ смотрѣлъ на нее и со смертельнымъ ужасомъ ждалъ признанія. Вотъ-вотъ она сейчасъ ему скажетъ, кого полюбила. Сейчасъ польется ея страстная, вдохновенная любовью рѣчь, и для него наступитъ холодъ и мракъ могилы. Человѣкъ съ сильной волей, съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ, съумѣвшій однѣми своими силами выбраться на путь, умѣвшій всегда владѣть собою—онъ не въ состояніи былъ побѣдить въ себѣ этой мучительной любви къ Аннѣ. Она ему назоветъ имя того, кого любитъ, и... все для него будетъ кончено навсегда. Но Анна молчала. Молчалъ и онъ, потому что считалъ неделикатнымъ врываться въ чужія тайны. Съ затаенной ревностью, съ мучительнымъ страхомъ ждалъ онъ признанія: но дни шли, недѣли пролетали одна за другой, Анна видѣлась съ нимъ все чаще и чаще, становилась къ нему ближе и ближе, относилась къ нему горячѣе и горячѣе, а признанія все еще не было.

Однажды, свободная отъ спектакля, она у него засидѣлась долго. Они разболтались и не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ. Ни одному изъ нихъ не пришло въ голову зажечь лампу. Стоялъ морозный день, взошла ясная, полная луна и освѣтила комнату. Они говорили о прошломъ, о настоящемъ, но не касались будущаго. Имя Воеводскаго не будило въ нихъ теперь никакихъ чувствъ: она говорила о немъ, какъ о совершенно постороннемъ; онъ—слушалъ ее, не испытывая ревности. Они разговорились о процессѣ Воеводскаго. Генералъ отказался платить по подложному векселю, и документъ дѣйствительно перешелъ изъ рукъ адвоката Горемыкина въ руки прокурора. Зато Горемыкинъ взялся защищать Воеводскаго и вести другое дѣло—о разводѣ его съ женой. Дѣло о подлогѣ было громкое, одно изъ тѣхъ сенсаціонныхъ дѣлъ, которыя вдругъ

Digitized by Google

заинтересовываютъ праздное столичное общество недѣли на двѣ и заставляютъ всѣхъ и всюду говорить только объ этомъ. Всплыло много разоблаченій, грязи и пошлости. Прокуроръ распласталъ душу подсудимаго всю до послѣдняго изгиба. Свидѣтелей было много: это были все темныя личности, дисконтеры, аферисты, комисіонеры, содержатели игорныхъ домовъ, и между ними—«дѣловой человѣкъ», ростовщики и прочій несимпатичный людъ. Прокуроръ въ своей рѣчи, въ первый разъ, назвалъ всѣхъ подобныхъ Воеводскому людей—«золоченой богемой».

Анна вспомнила, что и Замойскій называлъ его такъ, и потребовала объясненій.

— Я несовсѣмъ понимаю это слово: объясните мнѣ,— сказала она въ этотъ вечеръ художнику.

— Какъ бы вамъ сказать?—началъ онъ.—Золоченая богема—это люди, выкинутые концомъ нашего вѣка за бортъ жизни. У нихъ огромные апетиты и микроскопическая способность къ труду. Это птицы—не думающія о завтрашнемъ днѣ; люди съ большимъ воображеніемъ, съ фантазіей, имѣющіе волшебныя представленія о жизни. Есть много подраздѣленій этого страннаго явленія. Есть богема артистическая—и это по преимуществу. Это настоящая, чистая богема, прообразъ ея. Артистъ витаетъ за облаками, далеко отъ земли; изощренное воображеніе уноситъ его всегда въ заманчивую даль и не оставляетъ ему времени думать о низменномъ, о земномъ. Когда есть у такого субъекта деньги — онъ не знаетъ имъ цѣны и расшвыриваетъ ихъ направо и налѣво. Наголодавшись, онъ желаетъ въ одинъ день вознаградить себя за все истекшее время. Не пообѣдавъ три дня, онъ сразу хочетъ съѣсть три обѣда, а потомъ будетъ опять голодать. Фантазія помогаетъ ему сорить деньгами, и она же ему помогаетъ забывать тяжелую дѣйствительность. Ихъ девизъ: «есть деньги—прокутимъ, нѣтъ денегъ—обойдемся». Это никогда не унывающіе люди. Это нули, которые думаютъ превратиться въ милльоны; это ничто, которое твердо вѣритъ въ то, что станетъ геніемъ; это корабль безъ «руля и безъ вѣтрилъ», который носится по безбрежному морю жизни, во власти вѣтра... Этотъ вѣтеръ можетъ прибить ихъ къ цвѣтущему гостепріимному берегу, и можетъ разбить о подводные камни... Ну, что бы вамъ еще сказать? Это люди, у которыхъ изъ трехъ понятій о вре-

Digitized by Google

мени — прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ — существуетъ только одно: настоящее, да и въ немъ функціонируетъ лишь понятіе о данной минутѣ. Что было за ней—они не помнятъ, что будетъ впереди—они знать не хотятъ. Занимаютъ они направо и налѣво—безъ отдачи, конечно—но, если подвернется человѣкъ нуждающійся, они отдаютъ ему до копѣйки всѣ скопленныя съ великимъ трудомъ деньги, не справляясь о срокахъ отдачи... Эта идея не приходитъ имъ въ голову; они также легко даютъ сами, какъ и занимаютъ. И потомъ они всегда клянутся жить экономно, и необходимость экономіи не позволяетъ имъ платить долги, что считается у нихъ непозволительной расточительностью. Объ этикѣ у нихъ представленія самыя элементарныя, и они часто ставятъ себя у границы уголовнаго права. Но во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ все таки не чувствуешь участія злой воли, а только одно чистое, кристальное, почти дѣтское легкомысліе и наивную распущенность... Такова настоящая, артистическая богема, и она существовала во всѣ времена. Совсѣмъ другое—золоченая богема: у этой имѣются всѣ недостатки артистической богемы и ни одного ея достоинства. У первой есть кое-какія стремленія въ ширь, въ даль, есть паренію надъ землею: они—птицы, спускающіяся съ облаковъ на землю; у второй нѣтъ никакихъ пареній: это букашки, ползающія по землѣ. Тѣ—ничтожества, мечтающія о геніѣ; эти—ни о чемъ не мечтаютъ, кромѣ какъ о займѣ денегъ! Они берутъ, но никогда ни одинъ нуждающійся не поживится отъ нихъ. Тѣ думаютъ все таки о чемъ-то лучшемъ, нежели богемское существованіе, любятъ искусство и надѣются при его помощи «всплыть». Эти только и думаютъ о томъ, чтобы всю жизнь прожить на чужой счетъ въ вѣчномъ праздникѣ. У нихъ сердце играетъ лишь роль распредѣлителя крови. Это—чужеядныя растенія, паразиты, ядовитые грибы... Настоящій богемецъ всегда протянетъ руку помощи нуждающемуся, золоченый—никогда... Настоящій отдастъ послѣдній грошъ, чтобы накормить неимущаго, а самъ будетъ весело голодать; золоченый отвернется отъ погибающаго и пойдетъ въ кабакъ пропивать съ кокотками занятыя деньги. Чистый богемецъ только стоитъ на границѣ уголовнаго права и рѣдко перешагнетъ ее; золоченый—почти всегда кончаетъ скамьей подсудимыхъ...

Онъ остановился, передохнулъ; хотѣлъ сказать еще что-то

Digitized by Google

и замолчалъ. Луна ярко свѣтила въ окно и клала свои серебряные блики на красивую голову Анны. Одинъ бликъ легъ ей на глаза и, казалось, какъ будто она плакала. Мучительно сжалось сердце Замойскаго. Неужели она опять плачетъ о немъ?

— Вы плачете?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ ее.

— Я? О, нѣтъ... откуда вы взяли?

— Ну, тогда я ошибся,—смущенно пробормоталъ онъ. Потомъ, не удержавъ порыва,—покорить возникшее въ глубинѣ души жгучее подозрѣніе,—онъ близко нагнулся къ ней, взялъ ее за руку и тихо-тихо сказалъ:

— Вы... не любите его больше... не правда ли? Совсѣмъ не любите?..

— Конечно, нѣтъ!—искренно-страстно вырвалось у нея, и онъ ей повѣрилъ.—Я люблю давно... другаго.

Замойскій вздрогнулъ. «Вотъ оно—признаніе!» мелькнуло у него въ головѣ. Низко опустивъ голову, онъ медленно, чуть внятно отвѣтилъ ей:

— Я знаю. Вы мнѣ писали...

— И вы не спрашиваете... кого?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, не подымая головы и закрывъ лицо руками.

Это было для него такое горе, что всей его воли не хватило, чтобы удержаться отъ рыданій. Онъ боролся страшно и его силы были на исходѣ.

И вдругъ... онъ почувствовалъ, что его голову обняли чьи-то нѣжныя руки и онъ почувствовалъ на ней поцѣлуй.

Онъ вскочилъ, какъ пораженный громомъ. Передъ нимъ стояла Анна, вся облитая блескомъ луны, вся осіянная ея тусклымъ таинственнымъ свѣтомъ. Въ лицѣ ея было что-то особенное нѣжное, мягкое, загадочное, что-то такое, что онъ смутно начиналъ понимать, но чему боялся вѣрить. Вся фигура его выражала собою робкій, нѣмой вопросъ.

— Анна...—прошепталъ онъ.

— Да, да—отвѣтила она ему—неужели вы этого до сихъ поръ не замѣтили?

Онъ бросился къ ней, сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ; она спрятала свое лицо на его плечѣ. Она слышала, какъ онъ рыдалъ, какъ все тѣло его вздрагивало. Глаза ея тоже затуманились слезами...

Digitized by Google

Потомъ они, какъ будто испугавшись свалившагося на нихъ счастья, мирно усѣлись по сторонамъ стола, раздѣлившаго ихъ, и начали говорить. Но столъ мѣшалъ имъ и они сѣли на подоконникъ. Это былъ разговоръ въ полутемной тѣсной комнатѣ, свѣтлою зимнею ночью, разговоръ почти безъ словъ, отрывочный, то страстный, то замирающій, но во всякомъ случаѣ выразительный и имъ однимъ понятный. Обрывки прошлаго, мечты о будущемъ, воспоминанія, открытыя признанья, восторженные возгласы, конфузливое молчаніе, пожатія руки... Слова теряли значеніе, фразы не оканчивались, спутываясь во что-то невозможное съ точки зрѣнія логики; рѣчи не договаривались, голоса дѣлались тише, вздохи громче и продолжительнѣе... Неоконченныя мысли искали выраженія во встрѣчающихся рукахъ, оборванныя фразы—въ объятіяхъ, отзвуки сердца—въ звукѣ поцѣлуя. Словомъ—это была настоящая любовь.

Очнувшись, она сказала:

— А Петя?

— Что?—не понялъ онъ.

— Ты... будешь любить его?

— О, Анна!—съ негодованіемъ вскричалъ онъ.—И ты—ты могла задать мнѣ этотъ вопросъ?.. Какъ собственнаго сына, буду любить его, какъ самого себя... нѣтъ... какъ тебя!

Ночь проходила. Алѣлъ востокъ и звѣзды умирали на небѣ, погасая одна за другой. Занималась яркая багровая заря, возвѣщавшая новое утро, которое стало для счастливцевъ утромъ любви, утромъ новой жизни.

XLIII.

Золоченая богема приходила къ своему естественному концу. Лидія Викторовна умирала на средства мужа, одинокая, брошенная на жизнерадостной монакской скалѣ, близь шумнаго притона, гдѣ разыгрывались худшія человѣческія страсти; Иванъ Ѳедоровичъ спалъ вѣчнымъ сномъ на ниццскомъ кладбищѣ; его сынъ былъ осужденъ и приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; сообщникъ его по подлогу, «дѣловой человѣкъ», успѣлъ куда-то исчезнуть, покинувъ игорный домъ, какъ нѣкогда бѣжалъ изъ Петербурга Барселонецъ, преданный

Digitized by Google

имъ полиціи. Пантеонъ оканчивала свою карьеру въ одномъ изъ низменныхъ кабачковъ Латинскаго квартала въ Парижѣ... Обычные посѣтители салона Словенской, тѣ удивительные люди, которые ютились въ ея гостепріимномъ домѣ, всѣ эти странныя дамы, князья, дѣльцы необыкновенныхъ профессій— все это куда-то разбрелось и исчезло. «Пузыри земли» лопались одинъ за другимъ, вѣроятно, чтобы дать мѣсто другимъ...

Вѣнценосцевъ, въ томъ же ресторанѣ, гдѣ когда-то обѣдалъ съ Воеводскимъ, справлялъ свой мальчишникъ. Въ отдѣльной уютной залѣ собралъ онъ своихъ друзей и знакомыхъ. Въ Москвѣ онъ нашелъ себѣ богатую невѣсту, купчиху-вдову съ милліономъ денегъ и обширнымъ торговымъ домомъ. Она влюбилась въ его портретъ, который адвокатъ послалъ выставить въ витринѣ московскаго магазина, ища въ «первопрестольной» той же популярности, которую онъ искалъ всегда и въ Петербургѣ. Говорили, что невѣста держала его уже теперь въ ежовыхъ рукавицахъ. Онъ заканчивалъ свою адвокатскую карьеру и переселялся въ Москву, передавъ всѣ свои дѣла Горемыкину, который раздобрѣлъ, обнаглѣлъ и выросъ въ собственныхъ своихъ глазахъ. Дѣло Воеводскаго, въ которомъ онъ явился защитникомъ и сказалъ блестящую рѣчь, выдвинуло его. Это было восходящее свѣтило адвокатуры.

Чудиновъ оставилъ службу и навсегда поселился съ дочерью за границей.

В. Свѣтловъ.

Конецъ.

Digitized by Google

Осенью.

Надъ рѣкой клубятся мглистые туманы,
Застилая дымкой сумрачную даль;
Блѣдны и безлюдны хмурыя поляны;
Дремлетъ лѣсъ угрюмый, погрузясь въ печаль:

— Скученъ, дорогая, осени ненастной
День холодный, сѣрый съ сумрачною мглой,—
Умъ молчитъ, томится и въ груди безстрастной
Возрастаетъ горе съ тягостной тоской...

А давно ли наши въ даль сердца стремились
Къ правдѣ и свободѣ, вѣря и любя?
Вдохновенно свѣту въ тьмѣ ночной молились,
Черствыя сомнѣнья съ жадностью губя?

А давно ль надежды вольною толпою
Наши души грѣли, словно солнца лучъ;
И вставалъ предъ нами чудною мечтою
Новый міръ желанный, дивенъ и могучъ?..

Гордо и безстрашно молодыя груди
Намъ хотѣлось двинуть въ битву за любовь,—
Братьями родными намъ казались люди;
Кровью намъ родною ихъ казалась кровь.

А теперь—въ заботахъ будничныхъ уныло
Мы томимся тяжкимъ чувствомъ пустоты,
И хандры тоскливой гибельная сила
Намъ сковала руки, погубивъ мечты.

Digitized by Google

Длится безконечно осени ненастной
День холодный, сѣрый съ сумрачною мглой,—
Умъ молчитъ, томится, и въ груди безстрастной
Возрастаетъ горе съ тягостной тоской...

Вспомни жь, дорогая, дни поры прекрасной,
Дни, когда стремились мы съ тобой впередъ,
И дорогой честной къ цѣли прежней, ясной
Вновь пойдемъ смѣлѣе, не боясь невзгодъ!

И. Никулинъ.

Digitized by Google

ЛУРДЪ.

Романъ **Эмиля Золя.**

День второй.

II.

Прочія дамы-попечительницы также съѣзжались въ лазареть-улей, переполненный пчелами-работницами, торопившимися приняться за дѣло. Сутолока еще увеличивалась отъ чрезмѣрной многочисленности этихъ добровольныхъ сестеръ милосердія изъ большаго свѣта и буржуазіи, выказывавшихъ необычайное усердіе, не лишенное доли тщеславія. Ихъ прибыло свыше двухсотъ. Такъ какъ при поступленіи въ попечительство Богоматери-Спасительницы каждая обязательно дѣлала денежный взносъ, то никому не смѣли отказать въ пріемѣ, изъ боязни отвадить отъ пожертвованій, и число доброволицъ росло съ каждымъ годомъ. Къ счастью, между ними встрѣчались и такія, которыя довольствовались краснымъ крестомъ на лифѣ платья и тотчасъ по прибытіи въ Лурдъ исчезали, отправляясь въ экскурсіи. Но личности, преданныя дѣлу, дѣйствительно изумляли своимъ самоотверженіемъ, подвергаясь цѣлыхъ пять дней невѣроятной усталости, посвящая сну не больше двухъ часовъ въ сутки и все время оставаясь среди самыхъ ужасныхъ и отталкивающихъ зрѣлищъ. Онѣ присутствовали при агоніи умирающихъ, перевязывали зловонныя раны, выливали нечистоты, перемѣняли бѣлье на неопрятныхъ больныхъ, переворачивали ихъ—тяжелая, страшная работа, въ особенности для совершенно непривычныхъ къ ней людей! Немудрено, что бѣдныя труженицы выходили изъ такого искуса еле-живыми, изломанными, но съ лихорадочно блестѣвшими глазами, пылая восторгомъ милосердія, воодушевлявшаго ихъ.

Digitized by Google

— А гдѣ г-жа Вольмаръ?—спросила г-жа Дезаньо,—я надѣялась встрѣтить ее здѣсь.

Г-жа де-Жонкьеръ ловко замяла этотъ вопросъ, какъ будто была посвящена въ тайну молодой женщины и хотѣла скрыть ее со снисходительностью добраго сердца, понимающаго человѣческія слабости.

— Ахъ, вѣдь она не изъ выносливыхъ и потому отправилась отдохнуть въ гостинницу. Ей надо хорошенько выспаться.

Потомъ попечительница распредѣлила кровати между своими подчиненными, по десяти на каждую. И всѣ дамы окончательно завладѣли своимъ помѣщеніемъ, бѣгая взадъ и впередъ, спускаясь и поднимаясь по лѣстницамъ, чтобы разузнать, гдѣ находится управленіе, кладовая съ бѣльемъ, кухня и т. д.

— А гдѣ же у насъ аптека? — опять полюбопытствовала г-жа Дезаньо.

Но аптеки не было, а вмѣстѣ съ нею и никакого врачебнаго персонала. Къ чему, если здѣсь всѣ больные были несчастные, покинутые наукой, отчаявшіеся и пріѣхавшіе просить у Бога исцѣленія, котораго немощные люди не могли имъ обѣщать? Всякое лѣченье на время богомолья естественно прерывалось. Если у больной наступала агонія, ее соборовали. И только молодой медикъ, обыкновенно сопровождавшій бѣлый поѣздъ, былъ тутъ со своей запасной аптечкой на случай, когда требовалось облегчить острый припадокъ болѣзни.

Сестра Гіацинта какъ разъ привела Феррона; сестра Сенъ-Франсуа оставила его при себѣ, отведя ему каморку рядомъ съ кладовой бѣлья, гдѣ онъ хотѣлъ безсмѣнно дежурить по собственному желанію.

— Сударыня, — сказалъ врачъ начальницѣ палаты, г-жѣ де-Жонкьеръ,—я въ вашемъ полномъ распоряженіи. Въ случаѣ надобности, посылайте за мною.

Но она едва слушала, ссорясь съ молодымъ священникомъ, изъ завѣдывающихъ лазаретомъ, такъ какъ на всю палату оказывалось только семь штукъ необходимой посуды.

— Конечно, сударь, если намъ понадобится успокоительное лѣкарство...

Но она не договорила, снова возвращаясь къ своему спору:

— Итакъ, г-нъ аббатъ, постарайтесь добыть для насъ еще

Digitized by Google

четыре или пять штукъ... Понимаете, вѣдь намъ ни за что не обойтись такимъ ничтожнымъ количествомъ! И безъ того трудно!

Ферранъ слушалъ, смотрѣлъ, растерявшійся въ этомъ необыкновенномъ мірѣ, куда его случайно толкнула судьба со вчерашняго дня. Онъ, невѣрующій, находившійся здѣсь лишь изъ самопожертвованія, былъ удивленъ такою скученностью горя и болѣзни, которыя рвались къ надеждѣ счастья. Въ особенности идеи молодаго медика переворачивались къ верху дномъ при видѣ той безпечности, съ какою относились здѣсь ко всѣмъ предосторожностямъ, того презрѣнія къ самымъ простымъ указаніямъ науки, въ твердомъ убѣжденіи, что если небо захочетъ, то исцѣленіе совершится, громко опровергая даже законы природы. Тогда зачѣмъ же, подъ видомъ послѣдней уступки человѣческому знанію, приглашать съ собою въ дорогу доктора? Ферранъ вернулся въ свой чуланчикъ, сконфуженный въ глубинѣ души, чувствуя себя безполезнымъ и немного смѣшнымъ.

— А вы все таки приготовьте пилюли изъ опіума,—сказала ему сестра Гіацинта, проводившая его до кладовой.—Онѣ понадобятся; у насъ есть больныя, которыя меня тревожатъ.

Она смотрѣла на него своими большими голубыми глазами, такими добрыми, кроткими съ постоянной божественной улыбкой. При всякомъ движеніи горячая кровь румянила ея кожу, бѣлую и нѣжную, какая свойственна только цвѣтущей молодости. И какъ добрая пріятельница, готовая раздѣлить съ нимъ дорогіе сердцу труды, монахиня прибавила:

— А если мнѣ понадобится поднять или уложить больнаго, вы не откажетесь помочь?

Тогда при мысли, что онъ ей понадобился, Феррану стало пріятно находиться здѣсь и онъ былъ радъ пріѣзду въ Лурдъ. Ему представилась Гіацинта у его изголовья, когда юноша чуть не умеръ, а она ухаживала за нимъ, покоила его на своихъ братскихъ рукахъ съ веселымъ добродушіемъ ангела безъ пола, въ которомъ чуялся и товарищъ, и женщина.

— Сколько угодно, сестрица. Я весь вашъ, я былъ бы такъ счастливъ услужить вамъ! Вы знаете, какой долгъ благодарности за мною.

Милымъ жестомъ она приложила палецъ къ губамъ въ знакъ

Digitized by Google

молчанія. Никто не обязанъ ей ничѣмъ. Она просто слуга всѣхъ страждущихъ и бѣдныхъ.

Въ эту минуту, въ залу св. Гонорины явилась первая больная. То была Мари, которую Пьеръ при помощи Жерара только что внесъ на лѣстницу въ ея деревянномъ ящикѣ. Отправившись со станціи послѣдней, она прибыла такимъ образомъ раньше прочихъ, по причинѣ безконечныхъ осложненій въ порядкѣ пріема, которыя, остановивъ всѣхъ паціентовъ разомъ, освобождали ихъ теперь по прихоти случая и по мѣрѣ раздачи билетовъ. Де-Герсенъ долженъ былъ проститься съ дочерью у воротъ лазарета, по ея собственному настоянію: она безпокоилась, что иначе всѣ гостинницы будутъ переполнены къ его приходу и онъ не успѣетъ оставить за собою двухъ комнатъ для себя и для Пьера. Молодая дѣвушка до того устала, что, отчаявшись въ возможности немедленно отправиться къ Пещерѣ, согласилась тотчасъ лечь въ постель.

— Послушайте, дитя мое,—уговаривала ее г-жа де-Жонкьеръ,—впереди еще три часа времени. Мы сію минуту уложимъ васъ и вы отдохнете послѣ лежанья въ этомъ ящикѣ.

Она подняла Мари за плечи, сестра Гіацинта поддерживала ей ноги. Кровать, назначенная для молодой дѣвушки, стояла посреди залы у окна. Съ минуту больная оставалась съ закрытыми глазами, какъ будто изнеможенная переноской. Потомъ позвали Пьера, потому что она тревожилась и говорила, что хочетъ ему объяснить какія-то необходимыя вещи.

— Не уходите, мой другъ, заклинаю васъ. Вынесите мой ящикъ на площадку лѣстницы, но сами оставайтесь; я хочу спуститься внизъ, какъ только мнѣ позволятъ.

— Удобнѣе ли вамъ теперь въ постелѣ?—спросилъ молодой священникъ.

— Да, да, конечно... Впрочемъ, не знаю... Мнѣ такъ не терпится, Боже мой, поскорѣе быть тамъ, у ногъ пресвятой Дѣвы!

Между тѣмъ, пока Пьеръ выносилъ ящикъ, Мари развлеклась, слѣдя за постепеннымъ прибытіемъ больныхъ. Г-жа Ветю, которую ввели на лѣстницу подъ руки двое санитаровъ, была положена одѣтою, на сосѣднюю койку и оставалась неподвижной, почти не дыша, со своимъ напоминавшимъ маску желтымъ, одутловатымъ лицомъ, какое бываетъ у страдающихъ

Digitized by Google

ракомъ. Больныхъ совсѣмъ не раздѣвали, укладывая ихъ только на постель и совѣтуя имъ заснуть, если онѣ могутъ. Тѣ изъ пацiентовъ, кто былъ на ногахъ, лишь присаживались на краю матраца, разговаривали между собою и устраивались поудобнѣе. Элиза Рукэ, попавшая также по сосѣдству съ Мари, съ другой стороны, распаковывала свою корзину, чтобы вынуть оттуда чистый головной платокъ, и сердилась, что у нея нѣтъ зеркальца. Менѣе чѣмъ въ десять минутъ, всѣ постели были заняты, такъ что, когда явилась Гривоттъ, которую почти несли сестра Гiацинта съ сестрою Клеръ-Дезанжъ, пришлось стелить матрацы на полъ.

— Постойте, вотъ вамъ тюфякъ!—кричала г-жа Дезаньо.— Больной будетъ отлично на этомъ мѣстѣ; тутъ не дуетъ изъ дверей.

Вскорѣ семь другихъ матрацевъ вытянулись въ рядъ, занявъ весь средній проходъ. Негдѣ было повернуться и приходилось осторожно шагать по узкимъ промежуткамъ, оставленнымъ между больными. Каждая держала при себѣ свой узелъ, картонку, чемоданъ, и въ ногахъ импровизированныхъ постелей громоздились груды хлама, старья, валявшагося посреди простынь и одѣялъ. Можно было принять это скопище за жалкій походный лазаретъ, устроенный кое-какъ на скорую руку послѣ какой нибудь ужасной катастрофы, въ родѣ пожара или землетрясенiя, оставившей безъ крова сотни раненыхъ и безпрiютныхъ.

Г-жа де-Жонкьеръ ходила съ одного конца палаты до другаго, повторяя:

— Послушайте, дѣти мои, не волнуйтесь, постарайтесь лучше немного уснуть.

Но ей не удавалось ихъ успокоить, да и сама она, какъ и другiя дамы, находившiяся подъ ея начальствомъ, только усиливали эту лихорадочную суету своею растерянностью. Надо было перемѣнить на многихъ больныхъ бѣлье, другiя заявляли разныя потребности. Одна, страдавшая нарывомъ на ногѣ, такъ громко стонала, что г-жа Дезаньо вздумала возобновить перевязку; но у нея не хватало ловкости, навыка и, не смотря на все свое мужество сестры милосердiя по призванiю, молодая женщина едва не упала въ обморокъ,—до такой степени ей сдѣлалось дурно отъ невыносимаго зловонiя. Менѣе слабыя боль-

Digitized by Google

ныя просили бульону; чашки разносились посреди окликовъ, отвѣтовъ, противорѣчивыхъ приказаній, которыхъ никто не исполнялъ. А веселая, снующая въ этой тѣснотѣ, маленькая Софи Куто, которую помѣстили съ сестрами, точно справляла праздникъ,—бѣгала, плясала, прыгала на одной ножкѣ. И всѣ подзывали ее къ себѣ, всѣ ласкали, за надежду на чудо, которую она приносила каждой.

Однако часы проходили въ этой суетѣ. Пробило семь часовъ, когда вошелъ аббатъ Жюдэнъ. Онъ былъ священникомъ при палатѣ святой Гонорины и только затрудненіе найти свободный алтарь, чтобы отслужить обѣдню, задержало его. Какъ только онъ появился, со всѣхъ коекъ послышался возгласъ нетерпѣнія:

— О, господинъ кюрэ! Пойдемте, пойдемте сейчасъ же!

Пылкое желаніе волновало больныхъ, возрастая и раздражаясь съ минуты на минуту, какъ будто онѣ томились жгучей жаждой, которая становилась все невыносимѣе и которую могъ утолить только чудесный источникъ. Особенно нетерпѣлива была Гривоттъ; сидя на своемъ матрацѣ, она складывала руки и умоляла, чтобы ее поскорѣе вели къ Пещерѣ. Не было ли началомъ чуда это пробужденіе ея воли, эта лихорадочная потребность исцѣленія, которая придала ей силы? Прибывшая сюда неподвижной, въ обморокѣ, она теперь сидѣла, поворачивая во всѣ стороны свои черные глаза, поджидая блаженнаго часа, когда за ней придутъ; на ея мертвенномъ лицѣ играла краска,—она уже воскресала.

— Ради бога, господинъ аббатъ, скажите, чтобы меня унесли. Я чувствую, что исцѣлюсь.

Аббатъ Жюдэнъ, со своимъ добрымъ лицомъ и улыбкой заботливаго отца, выслушивалъ больныхъ, обманывая ихъ нетерпѣніе ласковыми словами. Они отправятся сейчасъ, но надо быть благоразумными и подождать, пока все устроится; да наконецъ и сама пресвятая Дѣва хочетъ, чтобы всему была своя пора, и ниспосылаетъ благодать болѣе разумнымъ.

Когда священникъ проходилъ мимо койки Мари и увидалъ ее со сложенными руками, бормотавшую мольбы, онъ снова остановился.

— Вотъ и вы также, дочь моя, ужасно торопитесь! Будьте покойны, милости божіей хватитъ на всѣхъ.

Digitized by Google

— Батюшка,—прошептала она,—я умираю отъ любви и умиленія. Мое сердце до того переполнено молитвами, что оно меня душитъ.

Аббатъ былъ тронутъ такою страстностью въ этомъ бѣдномъ исхудавшемъ ребенкѣ, пораженномъ такою жестокою болѣзнью въ расцвѣтѣ красоты и молодости. Онъ захотѣлъ успокоить ее и показалъ ей на сосѣдку, г-жу Ветю, которая не двигалась, но лежала съ широко открытыми глазами, устремленными на проходившихъ мимо людей.

— Вотъ видите, сударыня, какъ спокойна эта дама! Она собирается съ мыслями и совершенно основательно предаетъ себя въ руки божіи, какъ маленькое дитя.

Между тѣмъ г-жа Ветю неслышнымъ голосомъ, еле дыша, бормотала:

— О, я страдаю! я страдаю!..

Наконецъ, безъ четверти въ восемь, г-жа де-Жонкьеръ сказала своимъ больнымъ, чтобы онѣ собирались. Сама она, съ помощью сестры Гіацинты и г-жи Дезаньо, застегивала платье, обувала вновь безсильныя ноги. Это было настоящее одѣваніе, потому что всѣ желали явиться къ пресвятой Дѣвѣ, принарядившись. Многія изъ деликатности вымыли себѣ руки. Другія распаковывали свои тряпки и надѣвали чистое бѣлье.

Элиза Рукэ нашла, наконецъ, карманное зеркальце у одной изъ своихъ сосѣдокъ, громадной женщины, страдавшей водянкой и кокетливо занимавшейся своей наружностью; Элиза выпросила себѣ зеркальце, поставила его на кровать, прислонивъ къ подушкѣ, и, забывъ обо всемъ, съ безконечными стараніями повязывала косынку у себя на головѣ, чтобы скрыть свое чудовищное лицо съ кровоточивой раной. Вытянувшись въ струнку, сильно заинтересованная, маленькая Софи не спускала съ нея глазъ.

Аббатъ Жюдэнъ подалъ знакъ отправляться къ Пещерѣ. Онъ хотѣлъ сопровождать туда своихъ дорогихъ дочерей, «страждущихъ въ Бозѣ»,—по его выраженію,—тогда какъ дамы-попечительницы и сестры останутся здѣсь, чтобы немного прибрать палаты.

Зала тотчасъ опустѣла, больныхъ свели и снесли съ лѣстницы, посреди новой толкотни. Пьеръ опять приладилъ колеса къ ящику, гдѣ лежала Мари, и сталъ во главѣ

Digitized by Google

кортежа, состоявшаго изъ множества ручныхъ телѣжекъ и носилокъ. Другія палаты также опустѣли; дворъ былъ полонъ; шествіе выстраивалось кое-какъ, безъ всякаго порядка, и вскорѣ вытянулось въ безконечную линію по довольно крутому спуску Пещерной аллеи, такъ что Пьеръ уже достигъ Мерласскаго плато, когда послѣднія носилки еще только двинулись съ лазаретнаго двора.

Было восемь часовъ; солнце, стоявшее уже высоко, торжествующее августовское солнце горѣло на широко раскинувшемся небѣ восхитительной чистоты. Омытая ночною грозою, лазурь воздуха казалась совсѣмъ новенькой, сіяла свѣжестью дѣтства. А ужасное шествіе—эта кунсткамера человѣческаго страданія—катилось по мощеному склону въ блескѣ радостнаго утра. Ему не было конца, вереница ужасовъ все растягивалась. Никакого порядка: смѣшеніе всѣхъ недуговъ, какъ будто изрыгаемое адомъ, гдѣ были скучены всѣ чудовищныя болѣзни, рѣдкіе и ужасные феномены, заставлявшіе содрогаться. Тутъ были головы источенныя экземой, лбы испещренные сыпью, носы и рты, обратившіеся отъ слоновой проказы въ какія-то безформенныя свиныя рыла. Пропавшія болѣзни воскресали: у одной старухи была настоящая аравійская проказа, другая шла покрытая лишаями, точно дерево, сгнившее въ тѣни. Затѣмъ слѣдовали больные водянкой, раздутые, какъ мѣхи, съ гигантскимъ животомъ, выступавшимъ подъ одѣялами, тогда какъ руки, сведенныя ревматизмомъ, свѣшивались съ носилокъ, а ноги мелькали передъ глазами, отекшія до того, что походили на мѣшки, набитые тряпками. Одна женщина съ головной водянкой, сидя въ ручной телѣжкѣ, покачивала громаднымъ черепомъ, который отъ тяжести опрокидывался назадъ. Взрослая дѣвушка, страдавшая пляской св. Витта, безпрерывно дергалась всѣми членами и вдругъ принималась строить гримасы, растягивая всю лѣвую половину лица. Другая помоложе, шедшая сзади, лаяла, испуская жалобный крикъ животнаго, каждый разъ, когда терзавшая ее болѣзненная судорога лица сводила ей ротъ, который при этомъ страшно выпячивался. Потомъ тянулись чахоточные, дрожа въ лихорадкѣ, изнуренные диссентеріей, исхудавшіе, какъ скелеты, съ блѣдной кожей цвѣта земли, гдѣ имъ вскорѣ предстояло покоиться вѣчнымъ сномъ; одна изъ нихъ, совсѣмъ бѣлая, съ огненными глазами, напоминала мертвую

Digitized by Google

голову съ зажженнымъ факеломъ внутри. Потомъ проходили всякія калѣки, искривленныя таліи, вывернутыя руки, сведенныя шеи,—несчастныя существа, изломанныя, исковерканныя, неподвижныя, въ позахъ трагическихъ манкеновъ: одна въ особенности, у которой правый кулакъ былъ закинутъ за спину, а лѣвая щека прижата къ плечу. Потомъ бѣдныя дѣвушки въ англійской болѣзни, съ восковымъ цвѣтомъ лица, съ тонкими шеями, источенными холодными нарывами; желтолицыя женщины со страдальческой отупѣлостью несчастныхъ, у которыхъ грудь была изъѣдена ракомъ; другія въ лежачемъ положеніи, устремивъ глаза къ небу, казалось, прислушивались, внутри себя, къ толчкамъ затверденій, величиною съ дѣтскую голову, которыя разрослись въ ихъ внутренностяхъ. И этихъ страдальцевъ все прибывало; за ними шли несчастныя, еще болѣе ужаснаго вида; если на одну было страшно смотрѣть, то другая, шедшая за ней, заставляла содрогаться еще болѣе. У молоденькой дѣвушки двадцати лѣтъ, съ расплющенной головой жабы, висѣлъ громадный зобъ, доходившій до таліи, точно дѣтскій нагрудникъ. Одна слѣпая шла, высоко и прямо держа голову, съ двумя впадинами вмѣсто глазъ, воспаленными и кровавыми, съ двумя живыми ранами, откуда струился гной. Сумашедшая старуха, впавшая въ идіотство, съ провалившимся отъ сифилиса носомъ, съ беззубымъ чернымъ ртомъ, смѣялась ужасающимъ смѣхомъ. И вдругъ больная падучкою забилась въ конвульсіяхъ на своихъ носилкахъ, изрыгая пѣну, причемъ кортежъ не думалъ замедлять свой ходъ, какъ будто подгоняемый попутнымъ вѣтромъ, въ лихорадкѣ страсти, уносившей его къ Пещерѣ.

Санитары, священники, даже больные затянули гимнъ, пѣсню Бернадетты, и все это катилось впередъ подъ назойливо повторявшееся Ave; ручныя телѣжки, носилки, пѣшеходы спускались по улицѣ, подобно ручью, воды котораго вздулись, вышли изъ береговъ и шумно неслись, затопляя все вокругъ. На углу улицы Сенъ-Жозефъ, возлѣ Мерласскаго плато, семья туристовъ, пріѣхавшихъ изъ Котрэ или Баньера, остановилась на краю тротуара въ глубокомъ изумленіи. Это, вѣроятно, были богатые буржуа, отецъ и мать, вполнѣ приличные, съ двумя взрослыми дочерьми въ свѣтлыхъ платьяхъ, съ улыбающимися лицами счастливыхъ людей, которымъ весело. Но за первымъ

Digitized by Google

моментомъ удивленія, послѣдовалъ возрастающій ужасъ, какъ будто передъ путешественниками открылся пріютъ больныхъ въ древнія времена, одинъ изъ тѣхъ легендарныхъ лазаретовъ, явившихся на божій свѣтъ послѣ какой нибудь опустошительной эпидеміи. И обѣ дѣвушки поблѣднѣли, отецъ съ матерью застыли отъ испуга передъ этой безпрерывной процессіей столькихъ ужасовъ, отъ которыхъ имъ вѣяло въ лицо зловоніемъ. Боже мой! сколько безобразія, сколько грязи, сколько страданія! Возможно ли это? подъ такимъ дивнымъ сіяющимъ солнцемъ, подъ этимъ бездоннымъ, яснымъ и радостнымъ небомъ, гдѣ поднималась свѣжесть отъ Гава, гдѣ утренній вѣтерокъ приносилъ чистый запахъ горъ!

Когда Пьеръ во главѣ кортежа вышелъ на Мерласское плато, его залило яркимъ солнцемъ и обвѣяло живительнымъ бальзамическимъ вѣткомъ. Обернувшись, онъ тихонько улыбнулся Маріи и они оба, среди великолѣпія этого утра, достигнувъ площади Розарія, были восхищены дивной панорамой, развертывавшейся вокругъ нихъ.

Впереди, къ востоку, ютился старый Лурдъ, въ широкой впадинѣ почвы, по ту сторону скалы. Солнце вставало изъ-за дальнихъ горъ и подъ его косыми лучами вырѣзывалась на горизонтѣ эта, казавшаяся темнолиловой, одинокая скала, увѣнчанная башней съ обваливающимися стѣнами замка, который нѣкогда служилъ грознымъ ключемъ къ семи долинамъ. Въ летучей золотой пыли виднѣлись только гордо вздымавшіеся гребни и плоскости циклопическихъ построекъ, затѣмъ неясныя очертанія кровель позади нихъ да полинялыя затерявшіяся крыши стариннаго города; тогда какъ по эту сторону замка, разбѣгаясь вправо и влѣво, новый городъ улыбался посреди зелени, со своими бѣлыми фасадами отелей, меблированныхъ домовъ и прекрасныхъ магазиновъ,—цѣлое поселеніе, богатое и шумное, выросшее здѣсь въ нѣсколько лѣтъ, словно чудомъ. Гавъ протекалъ у подножія скалы, катя свои свѣтлыя рокочущія воды зеленаго и голубаго оттѣнка, глубокія подъ старымъ мостомъ, прыгающія и вспѣненныя подъ новымъ, выстроеннымъ монахами для соединенія пещеры со станціей желѣзной дороги и съ недавно открытымъ бульваромъ. А въ видѣ фона къ этой восхитительной картинѣ, къ этимъ свѣжимъ водамъ, къ этой зелени, къ этому помолодѣвшему городу, раз-

Digitized by Google

бросанному и веселому, возвышались малый Жеръ и большой Жеръ, двѣ громадныхъ массы обнаженныхъ скалъ съ низкою травою, которыя отливали въ тѣни нѣжными тонами, лиловатымъ и блѣдноземленымъ, переходившими въ розовый.

Потомъ къ сѣверу, на правомъ берегу Гава, за холмами вдоль полотна желѣзной дороги, поднимались возвышенности Буала, лѣсистые склоны, залитые утреннимъ свѣтомъ. Въ этой сторонѣ находился Бартресъ. Нѣсколько лѣвѣе вырисовывался хребетъ Жюло, надъ которымъ возвышался Мирамонъ. Другія вершины, совсѣмъ вдали, испарялись въ эфирѣ. А на первомъ планѣ высились террасами на волнистомъ грунтѣ, поросшемъ травою, по ту сторону Гава, — многочисленные, недавно выстроенные монастыри, придававшіе веселый видъ этой части горизонта; они возникли точно натуральная и быстрая растительность на этой почвѣ чудесъ. Сначала шелъ сиротскій пріютъ, устроенный неверскими сестрами, обширныя строенія котораго сіяли на солнцѣ. Потомъ слѣдовалъ монастырь кармелитокъ, противъ пещеры, на дорогѣ въ По; выше раскинулась обитель монахинь Успенія, у дороги въ Пуиферрэ, потомъ—доминиканокъ, затерявшихся въ пустынѣ, откуда виднѣлся только уголъ ихъ кровель, и наконецъ монастырь сестеръ Непорочнаго Зачатія, тѣхъ, которыхъ прозвали голубыми сестрами; на самомъ краю долины онѣ устроили пріютъ, куда принимали на полное содержаніе одинокихъ дамъ, богатыхъ паломницъ, искавшихъ уединенія. Въ этотъ ранній часъ монастырскіе колокола весело звонили во всю мочь въ кристальномъ воздухѣ, а съ другой стороны, съ юга,—колокола другихъ монастырей отзывались имъ тѣмъ же громкимъ, радостнымъ серебристымъ тономъ. Въ особенности возлѣ Стараго моста,—колоколъ Клариссъ перебиралъ цѣлую гамму такихъ чистыхъ нотъ, что это походило на птичье щебетанье. Съ той стороны города опять углублялись долины, горы вздымали свои обнаженные склоны, цѣлый уголокъ природы, съ причудливымъ разнообразіемъ формъ, улыбающійся и живописный, безконечное море холмовъ, между которыми отличались Визенскіе, роскошно подернутые карминомъ и мягкой синевой.

Но когда Мари съ Пьеромъ оглянулись къ западу, они были ослѣплены. Солнце прямо ударяло въ большой Беу и въ малый Беу, съ круглыми вершинами неодинаковой высоты.

Digitized by Google

Они составляли какъ бы фонъ изъ пурпура и золота, ослѣпительную гору, гдѣ можно было отличить только дорогу, которая поднимается изгибами на Голгоѳу, посреди деревьевъ. И тамъ, на этомъ залитомъ солнцемъ фонѣ, блистающемъ, какъ сіяніе, возвышались одна надъ другою три церкви, которыя выросли изъ скалы, во славу пресвятой Дѣвы, повинуясь слабому голоску Бернадетты. Ниже всѣхъ помѣщалась церковь Розарія, приплюснутая и круглая, на половину вырубленная въ скалѣ, на заднемъ планѣ эспланады, стиснутой какъ бы между двухъ громадныхъ рукъ, —двухъ колоссальныхъ спусковъ, отлого поднимавшихся до самаго склепа. Это была исполинская работа, цѣлая каменоломня извлеченныхъ изъ земли и обточенныхъ плитъ, арокъ высотою съ церковный сводъ, двѣ аллеи гигантскаго цирка, гдѣ развертывалась вся пышность крестнаго хода и куда можно было безъ усилія ввезти телѣжку бѣднаго больнаго ребенка, стремящагося къ Богу. Затѣмъ слѣдовалъ склепъ,—подземная церковь, у которой виднѣлась лишь одна низенькая дверь надъ церковью Розарія; мощеная крыша склепа съ широкими проходами по сторонамъ служила продолженіемъ подъемовъ. Наконецъ, на самой высотѣ,— Базилика, нѣсколько тонкая и хрупкая, слишкомъ новенькая, слишкомъ бѣлая со своимъ воздушнымъ стилемъ изящной бездѣлушки, рвалась въ высоту изъ массабіельскихъ скалъ, подобно молитвѣ или полету чистой голубицы; ея шпиль, слишкомъ маленькій надъ гигантскими подъемами, казался небольшимъ прямымъ пламенемъ восковой свѣчи, посреди необъятнаго горизонта, безконечнаго моря долинъ и горъ. Рядомъ съ густою зеленью холма Голгоѳы, эта церковь поражала хрупкостью, трогательной чистотой дѣтской вѣры и напоминала зрителю маленькую бѣлую руку съ маленькой кистью, принадлежавшую тщедушной дѣвочкѣ, которая указывала къ небу въ порывѣ человѣческой скорби. Отсюда не было видно пещеры, входъ въ нее находился слѣва, внизу скалы. За базиликой была только обитель монаховъ, тяжелое квадратное зданіе, потомъ епископскій дворецъ, гораздо дальше, среди тѣнистой расширявшейся долины. И кровли церквей горѣли на утреннемъ солнцѣ, а золотой дождь лучей затоплялъ всю окрестность, причемъ колокольный звонъ казался самою вибраціею свѣта, пѣвучимъ пробужденіемъ этого прекраснаго, рождающагося дня.

Digitized by Google

Съ площади Розарія, которую они пересѣкали, Пьеръ и Мари бросили взглядъ на Эспланаду,—садъ съ продолговатой центральной лужайкой, обрамленный двумя параллельными аллеями и доходящій до новаго моста. Тутъ, лицомъ къ базиликѣ, возвышается большая статуя пресвятой Дѣвы въ вѣнцѣ. Всѣ больные, проходя мимо, —крестились. И ужасающій кортежъ все продолжалъ катиться, увлекаемый впередъ подъ звуки хвалебнаго гимна, въ рамкѣ праздничной природы. Подъ яркимъ небомъ, посреди горъ, отливающихъ пурпуромъ и золотомъ, между здоровыхъ, мощныхъ столѣтнихъ деревьевъ, въ вѣчной свѣжести текущихъ водъ, страшное шествіе катило волны страждущихъ накожными болѣзнями, съ источеннымъ тѣломъ; водяночныхъ, раздутыхъ, какъ мѣхи; ревматиковъ, паралитиковъ, скорченныхъ страданіемъ; тутъ проходили женщины съ головной водянкой, съ пляской св. Витта, чахоточныя, эпилептики, рахитики; страдающія ракомъ, зобомъ, сумасшедшія и идіотки. Ave, ave, ave Maria! Назойливая пѣснь звучала громко, влекла къ пещерѣ отвратительную волну человѣческаго несчастія и болѣзней, къ ужасу и отвращенію прохожихъ, которые останавливались, холодѣя передъ этими несущимися видѣніями кошмара.

Пьеръ и Мари первые прошли подъ высокую аркаду одного изъ подъемовъ; потомъ, слѣдуя по набережной Гава, неожиданно вышли къ пещерѣ. Мари, которую Пьеръ подвезъ какъ можно ближе къ рѣшеткѣ, могла только приподняться въ своей телѣжкѣ и прошептать:

— О, пресвятая Дѣва! Возлюбленная Богородица!...

Она ничего не видѣла: ни зданій купелей, ни фонтана о двѣнадцати желобахъ, который они только что миновали; молодая дѣвушка не замѣтила влѣво ни лавки со священными предметами, ни каменной каѳедры, которую уже занималъ отецъ Массіасъ. Только великолѣпіе пещеры ослѣпляло ее; ей представилось, что тамъ за рѣшеткой горитъ сто тысячъ восковыхъ свѣчъ, наполняя блескомъ доменной печи низкое отверстіе и заставляя блестѣть звѣздою статую Богородицы, поставленную выше, на краю узкаго углубленія въ видѣ стрѣльчатаго свода. И внѣ этого сіяющаго видѣнія для Мари не было ничего: ни костылей, которыми обвѣсили часть сводчатаго потолка, ни букетовъ, набросанныхъ въ кучу и увядавшихъ

Digitized by Google

между дикимъ плющёмъ и шиповникомъ, ни самаго алтаря, поставленнаго въ центрѣ, рядомъ съ маленькимъ органомъ на колесахъ, подъ чехломъ. Но когда Мари подняла глаза, она опять увидала на вершинѣ скалы, въ небѣ, тончайшую бѣлую базилику, стоящую теперь къ нимъ бокомъ, съ тонкою иглою ея шпиля, затерявшагося въ лазури безконечности, подобно пламенной молитвѣ.

— О, всемогущая Дѣва... Царица дѣвъ... Пресвятая Дѣва дѣвственницъ!..

Между тѣмъ Пьеру удалось подвинуть телѣжку Мари въ первый рядъ, впереди дубовыхъ скамеекъ, разставленныхъ многочисленными рядами подъ открытымъ небомъ, точно въ церкви. Всѣ мѣста были уже заняты больными, которые могли сидѣть; промежутки наполнялись носилками, поставленными на землю, ручными телѣжками, колеса которыхъ задѣвали другъ за друга, кучами подушекъ и матрацевъ, гдѣ въ перемежку собрались всѣ болѣзни. Молодой аббатъ узналъ семейство Виньероновъ съ ихъ жалкимъ малюткой Густавомъ, положеннымъ вдоль скамьи, тогда какъ на плитахъ помоста онъ замѣтилъ убранную кружевами постель г-жи Дьелафэ, у изголовья которой молились на колѣняхъ мужъ и сестра. Впрочемъ, всѣ больные изъ вагона были тутъ: Сабатье и братъ Изидоръ помѣщались рядомъ, г-жа Ветю полулежала въ колескѣ, Элиза Рукэ сидѣла; Гривоттъ, бывшая въ сильномъ возбужденіи, приподнималась на обѣихъ рукахъ. Пьеръ увидалъ даже г-жу Мазъ въ сторонкѣ, совершенно погруженную въ молитву, тогда какъ г-жа Венсанъ, упавъ на колѣни въ религіозномъ экстазѣ, высоко поднимала къ Богородицѣ свою маленькую Розу растерянным жестомъ матери, умоляя Матерь божественнаго Милосердія сжалиться надъ нею. А толпа богомольцевъ вокругъ стѣны, ограждавшей священное мѣсто, все увеличивалась,— громадное сборище, которое тѣснилось, постепенно распространяясь до самаго парапета надъ Гавомъ.

— О, милосердная Богородица! — продолжала вполголоса Мари.—О, вѣрная помощница... Дѣва, зачатая безъ грѣха.

И, обезсилѣвъ, она умолкла, тогда какъ ея губы еще шевелились, какъ будто продолжая творить молитву. Больная бросила на Пьера растерянный взглядъ. Тотъ подумалъ, что она чего нибудь хочетъ, и наклонился надъ ней:

Digitized by Google

— Вы хотите, чтобы я оставался тутъ и немедленно отвезъ вашу телѣжку къ бассейнамъ?

Но когда она поняла его, то сдѣлала отрицательный знакъ головою и возразила въ лихорадочномъ возбужденіи:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобы меня купали сегодня поутру!.. Мнѣ кажется, что надо быть такой достойной, такой чистой, такой святой, прежде чѣмъ попытать чудо!.. Все это утро я хочу вымаливать его, скрестивъ руки; хочу молиться, молиться изо всѣхъ силъ, ото всей души!

Она задыхалась и прибавила:

— Не приходите за мной раньше одиннадцати, чтобы везти меня обратно въ лазаретъ. Я не двинусь отсюда.

Однако Пьеръ не ушелъ, онъ остался при ней. На минуту аббатъ опустился на колѣни; ему также хотѣлось бы молиться съ пламенной вѣрой, просить у Бога исцѣленія этому страждущему ребенку, къ которому онъ питалъ братскую нѣжность. Но здѣсь, у этой пещеры, имъ овладѣло страшное, непріятное чувство; въ немъ поднимался глухой протестъ, мѣшавшій набожному настроенію и молитвѣ. Пьеръ хотѣлъ вѣрить; онъ надѣялся всю ночь, что вѣра снова расцвѣтетъ въ его душѣ, какъ прекрасный цвѣтокъ невѣдѣнія и наивности, едва только онъ опустится на колѣни въ странѣ чудесъ. Но онъ не чувствовалъ ничего, кромѣ стѣсненія и тревоги, въ этой обстановкѣ, передъ этой статуей, жосткой и блѣдной, при искусственномъ освѣщеніи восковыхъ свѣчъ, между лавочкой, гдѣ продавались четки и толклись покупатели, и большою каменной каѳедрой, откуда монахъ ордена Успенія громко выкрикивалъ безконечное Ave. Неужели его душа ожесточилась до такой степени? Неужели никакой божественной росѣ не удастся окропить ея невинность, уподобить душамъ маленькихъ дѣтей, которыя отдаются безраздѣльно малѣйшей ласкѣ легенды?

Потомъ его разсѣянность продолжалась; Пьеръ узналъ отца Массіаса въ священникѣ, занимавшемъ каѳедру. Онъ встрѣчалъ его прежде, и теперь молодаго аббата смутилъ этотъ мрачный пылъ, это исхудавшее лицо съ блестящими глазами, съ большимъ краснорѣчивымъ ртомъ, насиловавшимъ небо, чтобы заставить его спуститься на землю. Разсматривая его и удивляясь такому рѣзкому различію между нимъ и собою, Пьеръ увидалъ у подножія каѳедры отца Фуркада, горячо совѣщав-

Digitized by Google

шагося о чемъ-то съ барономъ Сюиромъ. Послѣдній казался встревоженнымъ и недовольнымъ, но наконецъ уступилъ, любезно кивнувъ головою въ знакъ согласія. Былъ тутъ и аббатъ Жюдэнъ, остановившій на минуту Фуркада; его широкое отеческое лицо также выражало страшную растерянность; потомъ онъ въ свою очередь кивнулъ головою.

Вдругъ отецъ Фуркадъ появился на каѳедрѣ, выпрямляясь во весь свой высокій ростъ, хотя приступъ подагры заставлялъ его отчасти горбиться. Онъ не захотѣлъ, чтобы отецъ Массіасъ, его возлюбленный братъ, наиболѣе почитаемый имъ между другими, удалился совсѣмъ; Фуркадъ удержалъ его на ступени узкой лѣстницы и оперся на плечо монаха.

Наконецъ ораторъ заговорилъ громкимъ, серьезнымъ голосомъ и властнымъ тономъ, который немедленно водворилъ вокругъ глубокое молчаніе.

— Мои дорогіе братья и сестры, прошу у васъ прощенія за то, что прерываю ваши молитвы, но я имѣю сообщить вамъ нѣчто и хочу просить помощи у вашихъ вѣрныхъ душъ... Въ это утро намъ пришлось оплакивать весьма печальный случай: умеръ одинъ изъ нашихъ братьевъ, на одномъ изъ поѣздовъ, привезшихъ васъ,—умеръ, не достигнувъ обѣтованной земли...

Онъ остановился на нѣсколько секундъ и какъ будто вырось еще; его прекрасное лицо засіяло, обрамленное царственной волною длинной бороды.

— Итакъ, мои дорогіе братья, мои дорогія сестры, не смотря ни на что, мнѣ приходитъ на мысль, что намъ не слѣдуетъ отчаиваться. Кто знаетъ,—не допустилъ ли Господь эту смерть, съ цѣлью доказать міру свое всемогущество?.. Какой-то голосъ говоритъ мнѣ, заставляетъ меня взойти на эту каѳедру и просить вашихъ молитвъ за человѣка, переставшаго существовать, спасеніе котораго, тѣмъ не менѣе, въ рукахъ пресвятой Дѣвы, могущей всегда умолить своего божественнаго Сына... Да, умершій человѣкъ здѣсь; я велѣлъ принести его тѣло и, пожалуй, отъ васъ зависитъ, чтобы поразительное чудо ослѣпило землю, если вы помолитесь съ достаточнымъ усердіемъ, чтобы тронуть небо... Мы погрузимъ трупъ въ купель и станемъ умолять Господа, владыку міра, воскресить его, ниспослать намъ этотъ необычайный знакъ своего высшаго милосердія.

Digitized by Google

На присутствующихъ повѣяло холодомъ изъ области невидимаго. Всѣ поблѣднѣли и хотя никто не открывалъ губъ, но, казалось, будто по рядамъ пробѣжалъ тихій шопотъ и содроганіе.

— Однако,—съ жаромъ заговорилъ опять отецъ Фуркадъ, пламенѣя истинной вѣрой,—съ какимъ усердіемъ нужно молиться для этого! Мои дорогіе братья, мои дорогія сестры, я требую всю вашу душу; требую такой молитвы, въ которую вы вложите все ваше сердце, вашу кровь, вашу жизнь, со всѣмъ, что въ ней есть самаго благороднаго, самаго нѣжнаго... Молитесь изо всѣхъ силъ, молитесь до того, чтобы забыть, кто вы такіе, гдѣ вы, молитесь, потому что просимое нами—столь рѣдкая, столь драгоцѣнная, столь удивительная милость, что лишь сила нашего обожанія можетъ одна заставить Бога отвѣчать намъ... А чтобы наши молитвы были дѣйствительными, чтобы онѣ успѣли расшириться и дойти къ подножію Предвѣчнаго, то мы погрузимъ тѣло въ купель не раньше, какъ сегодня вечеромъ, въ четыре часа... Мои дорогіе братья, мои дорогія сестры, молите, неотступно молите пресвятую Дѣву царицу ангеловъ, утѣшительницу скорбящихъ!

Самъ онъ, потрясенный волненіемъ, принялся перебирать четки, тогда какъ отецъ Массіасъ разразился рыданіями. Глубокая, напряженная тишина была нарушена; толпа заразилась чувствами оратора, которыя, сообщившись ей, увлекли присутствующихъ, вызывая у нихъ вопль, слезы, безпорядочное лепетаніе мольбы. На всѣхъ какъ будто повѣяло бредомъ, который, уничтоживъ волю, сплотилъ всѣхъ въ единое существо, обезумѣвшее отъ любви, охваченное непреодолимымъ желаніемъ невозможнаго чуда.

Пьеръ съ минуту думалъ, что земля ушла у него изъ-подъ ногъ, что онъ сейчасъ упадетъ и лишится чувствъ. Онъ съ трудомъ поднялся съ колѣнъ и ушелъ.

III.

Когда Пьеръ уходилъ съ непріятнымъ чувствомъ, онъ замѣтилъ де-Герсена, колѣнопреклоненнаго у пещеры съ сосредоточеннымъ видомъ, молившагося отъ всей души. Они не ви-

Digitized by Google

дѣлись съ пріѣзда и аббатъ не зналъ, удалось ли ему нанять двѣ комнаты, такъ что его первымъ движеніемъ было подойти къ старику. Однако онъ не рѣшился на это, не желая смущать его благоговѣнія и думая, что тотъ, вѣроятно, молится за дочь, которую онъ обожалъ, не смотря на свою постоянную разсѣянность человѣка съ безпокойнымъ мозгомъ. И аббатъ прошелъ дальше, углубившись подъ тѣнь деревьевъ. Было девять часовъ, у него оставалось еще два часа впереди.

Тамъ, гдѣ нѣкогда паслись поросята, тамъ сдѣлали, благодаря громаднымъ затратамъ, великолѣпную аллею, тянувшуюся по берегу Гава. Пришлось отодвинуть ложе рѣки, чтобы прибавить мѣста и выстроить монументальную набережную, окаймленную широкимъ тротуаромъ съ каменными перилами. Аллея упиралась въ холмъ въ двухстахъ или трехстахъ метрахъ оттуда, образуя какъ бы изолированное мѣсто прогулки, снабженное скамейками, подъ сѣнью великолѣпныхъ деревьевъ. Никто не гулялъ тамъ теперь, тутъ стояли только тѣ, кто не могъ протѣсниться дальше и былъ отодвинутъ сюда толпою. Здѣсь встрѣчались еще уединенные уголки, между стѣной, покрытой дерномъ, которая заграждала аллею съ юга, и широкими полями, разстилавшимися на сѣверѣ,—съ другой стороны Гава,—лѣсистыми склонами, которымъ придавали веселый видъ бѣлые фасады монастырей. Въ палящіе августовскіе дни, тамъ можно было наслаждаться восхитительной прохладой, подъ тѣнью деревьевъ, на берегу быстрыхъ водъ. И Пьеръ тотчасъ почувствовалъ облегченіе, какъ будто пробудившись отъ тяжелаго сна. Онъ разбиралъ самого себя, тревожился тѣмъ, что испытывалъ. Вѣдь сегодня поутру онъ прибылъ въ Лурдъ съ желаніемъ увѣровать, съ мыслью, что въ немъ уже начинается духовное возрожденіе, что онъ опять становится вѣрующимъ, какъ въ годы послушнаго дѣтства, когда мать заставляла его складывать руки, научая малютку бояться Бога. Но едва онъ очутился передъ пещерой, какъ идолопоклонство, эта вѣра, ударившаяся въ крайность, эта борьба противъ разума взволновали его до обморока! Что же съ нимъ будетъ? Неужели онъ даже не въ силахъ попытаться побѣдить свое сомнѣніе, воспользовавшись своимъ путешествіемъ, для того чтобы увидѣть и убѣдиться? То было мало обѣщающимъ началомъ, которое смутило аббата, и ему понадобились эти прекрасныя деревья, этотъ

Digitized by Google

прозрачный потокъ, эта спокойная и свѣжая аллея, чтобы опомниться отъ своего потрясенія.

Въ концѣ аллеи, Пьера ожидала нечаянная встрѣча. Уже нѣсколько секундъ онъ присматривался къ высокому старику, наглухо застегнутому въ сюртукъ, въ шляпѣ съ плоскими полями; аббатъ старался вспомнить это блѣдное лицо съ орлинымъ носомъ и необыкновенно черными проницательными глазами. Но длинная сѣдая борода и вьющіеся длинные сѣдые волосы сбивали его съ толку. Наконецъ, старикъ остановился, пораженный не меньше аббата.

— Какъ, Пьеръ, это вы? Въ Лурдѣ!

Тутъ молодой человѣкъ разомъ узналъ доктора Шассеня, пріятеля своего отца и своего собственнаго стараго друга, который вылѣчилъ его и успокоилъ во время жестокаго физическаго и нравственнаго кризиса, послѣ смерти матери.

— Ахъ, добрѣйшій докторъ, какъ я радъ васъ видѣть!

Они обнялись въ глубокомъ волненіи. При видѣ этихъ убѣленныхъ сѣдинами волосъ и бороды, этой медленной походки и невыразимо печальнаго лица, Пьеръ вспомнилъ, съ какимъ ожесточеніемъ преслѣдовало этого человѣка страшное горе, состарившее его. Прошло какихъ нибудь нѣсколько лѣтъ и онъ встрѣтилъ Шассеня сраженнымъ судьбою.

— Вѣдь вы не знаете, что я остался въ Лурдѣ, не такъ ли? Это правда, я пересталъ писать, я не нахожусь болѣе съ живыми, потому что обитаю въ странѣ мертвыхъ.

Слезы показались у него на глазахъ и онъ заговорилъ опять разбитымъ голосомъ:

— Постойте! Присядемъ на эту скамью, мнѣ будетъ такъ пріятно на минуту возвратиться съ вами къ прошлому.

Священникъ въ свою очередь почувствовалъ, что у него подступаютъ къ горлу рыданія. Онъ не нашелся, что̀ сказать, и только прошепталъ:

— Ахъ, добрѣйшій докторъ, мой старый другъ, я васъ жалѣлъ отъ всего сердца, отъ всей души!

То было страшное крушеніе цѣлой жизни. Докторъ Шассень съ дочерью Маргаритой, очаровательной двадцатилѣтней дѣвушкой, рослой и здоровой, повезъ въ Котрэ свою жену, г-жу Шассень, рѣдкую супругу и мать, такъ какъ ея здоровье внушало опасенія близкимъ. Двѣ недѣли спустя, ей стало го-

Digitized by Google

раздо лучше; она уже замышляла поѣздки по окрестностямъ, какъ вдругъ въ одно утро ее нашли мертвой въ постели. Убитые жестокимъ ударомъ, отецъ и дочь были точно ошеломлены такимъ вѣроломствомъ судьбы. У доктора, уроженца Бартреса, былъ фамильный склепъ на лурдскомъ кладбищѣ, усыпальница, которую ему вздумалось соорудить надъ прахомъ родителей. Поэтому онъ пожелалъ похоронить тѣло своей жены также на этомъ мѣстѣ, рядомъ съ пустымъ ящикомъ, приготовленнымъ для него самого въ надеждѣ, что онъ скоро присоединится къ своей подругѣ. Шассень замѣшкался тамъ и прожилъ въ Лурдѣ съ недѣлю вмѣстѣ съ Маргаритой, какъ вдругъ однажды вечеромъ и она слегла въ постель въ сильнѣйшемъ ознобѣ, а черезъ день скончалась, причемъ растерявшійся отецъ не могъ даже отдать себѣ яснаго отчета въ ея болѣзни. Это была дѣвушка, цвѣтущая молодостью, сіяющая красотой и здоровьемъ, и ее пришлось схоронить на кладбищѣ въ пустомъ ящикѣ, рядомъ съ матерью! Человѣкъ, счастливый наканунѣ, обожаемый, имѣвшій для себя поддержку въ жизни въ лицѣ двухъ родныхъ любимыхъ существъ, нѣжная привязанность которыхъ согрѣвала ему сердце, обратился теперь въ жалкаго старика, растеряннаго, съ несвязною рѣчью, испуганнаго холодомъ одиночества. Вся радость жизни была разбита; онъ завидовалъ поденьщикамъ, коловшимъ камни на дорогѣ, когда на его глазахъ босоногія жены и дѣвочки-дочери приносили имъ похлебку. И Шассень отказывался покинуть Лурдъ, онъ бросилъ все, свои работы, своихъ парижскихъ паціентовъ, чтобы жить тамъ, возлѣ гробницы, въ которой покоились вѣчнымъ сномъ его жена и дочь.

— Ахъ, мой старый другъ,—повторилъ Пьеръ, — какъ я жалѣлъ васъ! Какое страшное горе!.. Но почему не вспомнить о тѣхъ, кто васъ любитъ? Къ чему вамъ запираться здѣсь со своей печалью?

Докторъ сдѣлалъ жестъ, обнимавшій горизонтъ.

— Я не могу уѣхать; онѣ тутъ и не пускаютъ меня прочь... Все кончено. Я только жду, чтобы мнѣ присоединиться къ нимъ.

Наступило молчаніе. Позади нихъ въ кустахъ зеленой изгороди перепархивали птицы, тогда какъ впереди слышался ропотъ Гава. По склону холмовъ солнце начинало припекать

Digitized by Google

сильнѣе, осыпая предметы медленно осѣдающей золотистой пылью. Но подъ прекрасными деревьями, на этой уединенной скамейкѣ, по прежнему было восхитительно прохладно. Двое собесѣдниковъ чувствовали себя здѣсь, какъ въ пустынѣ, въ двухстахъ шагахъ отъ толпы, которая не отрывалась отъ пещеры, такъ что ни единая душа не заглядывала сюда.

Они долго разговаривали между собою. Между прочимъ, Пьеръ разсказалъ доктору, при какихъ обстоятельствахъ онъ пріѣхалъ сегодня поутру въ Лурдъ съ національнымъ паломничествомъ, въ обществѣ де-Герсена и его дочери. Вдругъ во время бесѣды онъ подскочилъ отъ удивленія:

— Какъ, докторъ, вы теперь считаете возможнымъ чудо? Великій Боже! Вы, котораго я зналъ невѣрующимъ или, по крайней мѣрѣ, совершенно равнодушнымъ къ вопросу о религіи!

И аббатъ смотрѣлъ на него, пораженный тѣмъ, что слышалъ отъ этого человѣка о пещерѣ и Бернадеттѣ. Онъ, такая солидная голова, ученый съ такимъ точнымъ мышленіемъ, нѣкогда восхищавшій Пьера своей громадною способностью къ анализу! Какимъ образомъ умъ такого склада, возвышенный и ясный, отрѣшившійся ото всякаго мистицизма, воспитанный на методѣ и опытахъ, могъ дойти до того, чтобы признавать чудесныя исцѣленія, совершаемыя божественнымъ источникомъ, который пресвятая Дѣва вызвала изъ нѣдръ земли, подъ пальцами ребенка!

— Но, добрѣйшій докторъ, вспомните однако, вѣдь вы же сами доставили моему отцу свѣдѣнія о Бернадеттѣ, своей маленькой землячкѣ, какъ вы ее называете; вы же сами впослѣдствіи, когда эта исторія на короткое время страстно заинтересовала меня, пространно толковали со мною о ней. Въ вашихъ глазахъ эта дѣвушка была просто больная, подверженная галлюцинаціямъ, ограниченный субъектъ, на половину безсознательный, неспособный чего нибудь хотѣть. Помните ли вы наши разговоры, мои сомнѣнія и то, какъ вы помогли мнѣ стать на почву здраваго сужденія?

Аббатъ волновался. Не странная ли это случайность? Онъ, священникъ, нѣкогда рѣшившійся вѣровать слѣпо и кончившій полной потерей вѣры, сталкивается съ этимъ врачемъ, тогда невѣрующимъ, а теперь обращеннымъ, убѣжденнымъ въ сверхъ-

Digitized by Google

естественномъ, тогда какъ самъ онъ томился нравственной пыткой, сознавая, что не можетъ болѣе вѣровать?

— Вы, который допускали одни точные факты, основывали все на наблюденіи!.. Неужели вы отказались отъ науки?

Тутъ Шассень, спокойный и печально улыбавшійся до сихъ поръ, сдѣлалъ рѣзкій жестъ высочайшаго презрѣнія.

— Наука! Да развѣ я знаю, развѣ я могу что нибудь?.. Вотъ вы спрашивали меня сейчасъ, отчего умерла моя бѣдная Маргарита. Но я рѣшительно не знаю! Я, котораго ошибочно считаютъ такимъ ученымъ, такъ прочно вооруженнымъ въ борьбѣ со смертью, не понялъ тутъ ровно ничего, оказался безсильнымъ даже хотя бы продлить жизнь моей дочери на одинъ часъ. А моя жена, которую я нашелъ окоченѣвшимъ трупомъ въ постели, тогда какъ она легла наканунѣ, чувствуя себя гораздо лучше и такая веселая,—да развѣ я былъ способенъ хотя бы предвидѣть, какія мѣры слѣдовало принять для предотвращенія катастрофы?.. Нѣтъ, нѣтъ, относительно меня наука оказалась несостоятельной. Я не хочу больше ничего знать; я—просто животное и несчастный человѣкъ.

Онъ говорилъ это, съ ожесточеніемъ возмущаясь противъ всего своего прошлаго, гордаго и счастливаго. Затѣмъ, немного успокоившись, Шассень продолжалъ:

— Видите ли, у меня остались одни жестокія угрызенія совѣсти. Да, они безпрерывно преслѣдуютъ меня, тянутъ бродить здѣсь между молящимися... Это моя кара за то, что я не пришелъ съ самаго начала къ здѣшней пещерѣ, смиривъ свое самомнѣніе, и не привелъ съ собою двухъ дорогихъ существъ. Онѣ стали бы на колѣни, какъ всѣ эти женщины, которыхъ вы видите; мнѣ стоило сдѣлать то же самое по ихъ примѣру, и тогда пресвятая Дѣва, можетъ быть, исцѣлила бы ихъ и сохранила для меня... А я, дуракъ, съумѣлъ только ихъ потерять. Я самъ виноватъ во всемъ.

Слезы катились теперь по его лицу.

— Въ дѣтствѣ, когда я жилъ въ Бартресѣ, моя покойная мать, крестьянка, бывало, каждое утро учила меня складывать руки, чтобы просить у Бога помощи. Эта молитва ясно припомнилась мнѣ, когда я очутился одинъ, такимъ же слабымъ и потерянным, какъ ребенокъ. И представьте себѣ, мой другъ, мои руки сложились въ ту минуту сами собою; я былъ

Digitized by Google

слишкомъ несчастенъ, слишкомъ покинутъ, черезчуръ живо чувствовалъ потребность помощи свыше, божественнаго могущества, которое думало бы и желало бы за меня, которое убаюкало бы мою скорбь и унесло меня въ область своего вѣчнаго предвѣдѣнія... Ахъ, какая путаница, какая неурядица была въ моемъ жалкомъ мозгу въ первые дни послѣ жестокаго удара дубиной, который обрушился на мою голову! Я провелъ двадцать ночей безъ сна, въ надеждѣ лишиться разсудка. Во мнѣ боролись мысли всякаго рода, на меня находили порывы, когда я грозилъ небу кулакомъ, а затѣмъ смирялся, униженно умоляя Господа послать смерть и мнѣ... И что̀ успокоило меня въ заключеніе, такъ это увѣренность въ справедливости, увѣренность въ любви, возвратившая мнѣ вѣру въ Бога. Вотъ, напримѣръ, вѣдь вы знали мою дочь, такую высокую, такую красавицу, въ которой жизнь кипѣла ключемъ: ну, развѣ не было бы чудовищной несправедливостью, еслибъ для нея, еще не жившей, не существовало ничего по ту сторону гроба? Она должна ожить, я безусловно въ этомъ убѣжденъ, потому что слышу еще иногда ея голосъ; она говоритъ мнѣ, что мы встрѣтимся и увидимъ другъ друга. О, дорогія существа, которыхъ я лишился, моя дорогая дочь, моя дорогая жена! увидать ихъ вновь, ожить съ ними вмѣстѣ въ иномъ мірѣ,—вотъ моя единственная надежда, единственное утѣшеніе во всѣхъ горестяхъ здѣшней жизни. Я предался Богу, потому что онъ одинъ можетъ возвратить ихъ мнѣ.

Шассеня пробирала легкая дрожь немощнаго старика и Пьеръ понялъ наконецъ, уяснилъ себѣ этотъ случай обращенія: мозгъ ученаго устарѣлъ и онъ возвращался къ вѣрованію подъ могучимъ давленіемъ чувства. То, чего онъ не подозрѣвалъ до сихъ поръ, выходило теперь наружу: аббатъ открывалъ нѣчто въ родѣ атавизма вѣры въ этомъ уроженцѣ Пиренеевъ, сынѣ горныхъ крестьянъ, воспитанномъ на легендѣ и снова подчинившемся власти легенды даже послѣ того, какъ надъ его головою пронеслось пятьдесятъ лѣтъ, посвященныхъ позитивной наукѣ. Потомъ здѣсь оказывалась человѣческая усталость того, кому знаніе не дало счастья и кто возмущается противъ него съ тѣхъ поръ, какъ оно начинаетъ ему казаться ограниченнымъ, безсильнымъ предотвратить слезы. Наконецъ, тутъ играли роль уныніе, упадокъ духа, сомнѣніе во всемъ, которое

Digitized by Google

искало религіознаго выхода въ этомъ старикѣ, смягченномъ годами, который былъ счастливъ возможностью забыться...

Пьеръ не возражалъ, не смѣялся, такъ какъ этотъ высокій, сраженный судьбою, старецъ разрывалъ ему сердце своимъ страдальческимъ старчествомъ. Не больно ли видѣть, какъ подъ такими ударами самые сильные, самые просвѣщенные люди опять становятся дѣтьми?

— Ахъ,—вздохнулъ онъ про себя,—еслибы мнѣ страдать до того, чтобы заставить умолкнуть свой разумъ и опуститься на колѣни *тамъ* и вѣрить всѣмъ этимъ прекраснымъ исторіямъ!

Блѣдная улыбка, пробѣгавшая еще иногда по губамъ доктора Шассеня, появилась вновь.

— Чудесамъ, хотите вы сказать? Вы—священникъ, дитя мое, и я знаю ваше несчастіе... Чудеса кажутся вамъ невозможными. Но что вы въ нихъ понимаете? Скажите себѣ, что вы ничего не знаете, и что невозможное, по нашимъ понятіямъ, осуществляется на каждомъ шагу... Однако мы засидѣлись слишкомъ долго! Сейчасъ пробьетъ одиннадцать и вамъ надо вернуться къ пещерѣ. Но я васъ жду въ половинѣ четвертаго; тогда мы пойдемъ въ медицинское бюро «подтвержденій», гдѣ я надѣюсь показать вамъ поучительныя вещи... Такъ не забудьте же: въ половинѣ четвертаго.

Проводивъ аббата, Шассень остался одинъ на скамьѣ. Жара еще усилилась. Холмы вдали за рѣкой горѣли въ блескѣ солнца, точно противъ доменной печи. И докторъ забылся, мечтая въ зеленоватомъ полусвѣтѣ подъ тѣнью деревьевъ, прислушиваясь къ безпрерывному ропоту Гава, какъ будто съ нимъ бесѣдовалъ дорогой голосъ изъ инаго міра. Между тѣмъ Пьеръ поспѣшилъ къ Мари. Ему удалось добраться до нея безъ особеннаго труда; толпа рѣдѣла, многіе отправились завтракать и возлѣ молодой дѣвушки аббатъ замѣтилъ ея отца, де-Герсена, спокойно сидѣвшаго тутъ; старикъ тотчасъ захотѣлъ объяснить причину своего долгаго отсутствія. Въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ часовъ поутру, онъ обѣгалъ Лурдъ по всѣмъ направленіямъ, стучался въ двадцать отелей и не могъ найти хотя бы закоулка для ночлега: даже комнаты прислуги были отданы въ наемъ и не находилось матраца, чтобы примоститься въ коридорѣ. Вдругъ, когда уже де-Герсенъ совсѣмъ отчаялся,

Digitized by Google

онъ напалъ на двѣ комнаты, правда, очень тѣсныхъ, но въ хорошемъ отелѣ, въ такъ называемомъ отелѣ Явленій, одномъ изъ наиболѣе популярныхъ въ городѣ; лица, заблаговременно нанявшія эти двѣ каморки, только что прислали телеграмму, что ихъ больной умеръ. Однимъ словомъ, неслыханное счастье, которое, повидимому, ужасно радовало де-Герсена.

Било одиннадцать часовъ; жалкій кортежъ отправился въ обратный путь по площадямъ и улицамъ, залитымъ солнцемъ; по возвращеніи въ лазаретъ скорбящей Богоматери, Мари стала просить отца и молодаго священника, чтобы они спокойно пошли позавтракать въ отелѣ, потомъ немного отдохнули и вернулись за ней не раньше двухъ часовъ, когда больныхъ опять поведутъ къ пещерѣ. Однако, въ отелѣ Явленій, послѣ завтрака, когда мужчины поднялись въ свои комнаты, де-Герсенъ, разбитый усталостью, заснулъ такимъ крѣпкимъ сномъ, что у Пьера не хватило духу разбудить его. Зачѣмъ? Его присутствіе вовсе не было необходимымъ и аббатъ вернулся въ лазаретъ одинъ. Кортежъ опять спустился по аллеѣ пещеры, прошелъ вдоль Мерласскаго плато и пересѣкъ площадь Розарія, посреди безпрестанно возраставшей толпы, которая вздрагивала и крестилась при яркомъ сіяніи августовскаго солнца; то былъ самый лучшій часъ прекраснаго дня.

Потомъ, снова устроившись противъ пещеры, Мари спросила:

— А мой отецъ придетъ сюда?

— Придетъ, но ему надо отдохнуть.

Она показала жестомъ, что соглашается съ аббатомъ, и продолжала взволнованнымъ тономъ:

— Послушайте, Пьеръ, приходите за мной не ранѣе, какъ черезъ часъ, чтобы везти меня къ купели; я еще недостаточно сподобилась благодати и хочу пока молиться отъ всей души.

Мари такъ пламенно желала быть здѣсь, а теперь ей стало страшно; больная колебалась, когда наступила минута испробовать чудо; по ея словамъ, она ничего не могла ѣсть. Поймавъ эту фразу, незнакомая молодая дѣвушка приблизилась къ нимъ.

— Милая барышня, если вы чувствуете себя слишкомъ слабой, то знайте, что у насъ наготовѣ бульонъ.

Digitized by Google

Мари узнала въ подошедшей Реймонду. Обязанности молодыхъ дѣвушекъ заключались здѣсь въ томъ, что онѣ разносили больнымъ чашки бульона и молока. Нѣкоторыя изъ нихъ въ предшествующіе годы ударились даже въ кокетство и щеголяли въ такихъ изящныхъ шолковыхъ фартучкахъ съ кружевами, что для нихъ установили форменные передники изъ скромнаго полотна съ розовыми и голубыми клѣточками. Однако Реймонда, не смотря ни на что, съумѣла быть прелестной въ этой простотѣ со своей свѣжестью и хлопотливымъ видомъ образцовой маленькой хозяйки.

— Не правда ли,—повторила она,—вы не забудете, что̀ я вамъ сказала? Только сдѣлайте мнѣ знакъ и я тотчасъ принесу вамъ, чего вы желаете.

Больная поблагодарила, говоря, что, вѣроятно, не захочетъ ничего, и, обратившись къ Пьеру, прибавила:

— Еще одинъ часъ, мой другъ.

Пьеръ хотѣлъ остаться возлѣ нея, но все это мѣсто было предоставлено больнымъ и санитаровъ обязательно удаляли. Увлеченный движеніемъ толпы, аббатъ замѣтилъ, что эта живая волна народа несетъ его къ купели, но тутъ молодаго священника остановило необыкновенное зрѣлище. Передъ тремя купальнями, гдѣ находились бассейны, по трое въ каждой, шесть для женщинъ и три для мужчинъ, раскидывалась широкая площадка подъ деревьями; она была обведена толстой веревкой, привязанной къ стволамъ; больные въ ручныхъ телѣжкахъ или на матрацахъ носилокъ ожидали здѣсь своей очереди длинной вереницей, тогда какъ по ту сторону веревки тѣснилась громадная экзальтированная толпа. Въ эту минуту какой-то капуцинъ, помѣстившись въ центрѣ свободнаго пространства, руководилъ молитвами. Ave слѣдовали одно за другимъ и толпа повторяла ихъ за нимъ, издавая громкое невнятное бормотанье. Потомъ, вдругъ, когда г-жа Венсанъ, долго ожидавшая очереди, блѣдная отъ страха, вышла наконецъ на площадку со своей дорогой ношей, со своей малюткой, похожей на восковаго Христа, капуцинъ упалъ на колѣни съ распростертыми руками, громко взывая:—«Господи, исцѣли нашихъ больныхъ!» Онъ повторилъ этотъ возгласъ десять, двадцать разъ съ возрастающимъ ожесточеніемъ и толпа вторила ему, приходя все въ большій экстазъ при каждомъ воплѣ

Digitized by Google

монаха, рыдая и цѣлуя землю. Надъ ними какъ будто проносилось вѣяніе бреда, заставлявшее склоняться каждое чело. Пьеръ былъ потрясенъ страдальческимъ рыданіемъ, вырывавшимся точно изъ самыхъ внутренностей этого народа, сначала въ видѣ просьбы, тонъ которой однако все повышался, такъ что вскорѣ послышалась требовательность, голосъ нетерпѣнія и гнѣва, оглушительный и ожесточенный, чтобы принудить небо. «Господи, исцѣли нашихъ больныхъ!.. Господи, исцѣли нашихъ больныхъ»!.. И вопль не прекращался.

Но тутъ случилось происшествіе. Гривоттъ разливалась горькими слезами изъ-за того, что ее не хотѣли купать.

— Они толкуютъ, что я чахоточная, а чахоточныхъ нельзя погружать въ холодную воду... Не правда, я видѣла сегодня утромъ, какъ здѣсь купали одну. Отчего жь они отказываютъ мнѣ?.. Я распиналась и клялась цѣлыхъ полчаса, убѣждая ихъ, что они огорчаютъ пресвятую Дѣву. Я непремѣнно выздоровлю, я чувствую, что выздоровлю...

Такъ какъ она поднимала шумъ, то одинъ изъ священниковъ, состоявшихъ при купели, подошелъ къ ней и старался успокоить больную. Они сейчасъ посмотрятъ, надо спросить совѣта преподобныхъ отцовъ. Если она будетъ вести себя прилично, то ее, можетъ быть, искупаютъ. А между тѣмъ вопль продолжался: «Господи, исцѣли нашихъ больныхъ!.. Господи, исцѣли нашихъ больныхъ»!.. И Пьеръ, увидавшій г-жу Ветю, которая также дожидалась у дверей купели, не могъ отвести глазъ отъ этого страдальческаго лица, дышавшаго надеждой, отъ этихъ взоровъ, устремленныхъ на дверь, откуда блаженныя избранницы выходили исцѣлившимися. Но удвоенныя молитвы потрясли его до слезъ, когда г-жа Венсанъ опять появилась со своей дочкой на рукахъ, со своей жалкой и обожаемой дѣвочкой, которую погрузили въ обморокѣ въ ледяную воду, послѣ чего блѣдное маленькое личико, обтертое кое-какъ, оставалось такимъ же блѣднымъ, какъ прежде, съ закрытыми глазами, еще болѣе страдальческое и мертвенное. Ея мать, распинаемая этой долгой агоніей,—въ отчаяніи отъ отказа пресвятой Дѣвы, которая осталась равнодушной къ страданіямъ дитяти,—громко рыдала. А между тѣмъ, когда г-жа Ветю вошла въ свою очередь въ двери, съ порывистостью умирающей, которая спѣшитъ припасть къ живой водѣ, назойливый крикъ раздался

Digitized by Google

опять; молельщики не теряли бодрости и не уставали: «Господи, исцѣли нашихъ больныхъ!.. Господи, исцѣли нашихъ больныхъ»!.. Капуцинъ упалъ на землю, ницъ лицомъ, а толпа, раскинувъ руки крестомъ, пожирала поцѣлуями землю.

Пьеръ хотѣлъ догнать г-жу Венсанъ, желая ободрить ее, однако новая волна паломниковъ не дала ему пройти и отбросила къ источнику, осаждаемому другой толпою. Это была цѣлая невысокая постройка, длинная каменная стѣна, крытая желѣзомъ; не смотря на двѣнадцать кранновъ, выходившихъ въ узкій бассейнъ, люди также подвигались здѣсь гуськомъ. Многіе наполняли бутылки, жбаны изъ бѣлой жести, каменные кувшины. Чтобы избѣжать слишкомъ большой потери воды, каждый кранъ дѣйствовалъ только при помощи насоса, поэтому женщины, со своими слабыми руками, долго мѣшкали, нажимая пуговку пневматическаго апарата, и обливали себѣ ноги. Другія, пришедшія безъ посуды, только пили воду и мыли себѣ лицо. Пьеръ замѣтилъ одного молодаго человѣка, который выпилъ семь маленькихъ стаканчиковъ и семь разъ промылъ глаза, не вытираясь. Другіе пили изъ раковинъ, изъ оловянныхъ кубковъ, кожаныхъ мѣшечковъ. Аббатъ въ особенности былъ заинтересованъ видомъ Элизы Рукэ; находя лишнимъ идти въ купель для исцѣленія ужасной раны, которой было изъѣдено ея лицо, она довольствовалась тѣмъ, что съ самаго утра каждый часъ полоскалась у источника. Больная становилась на колѣни, сдвигала косынку и подолгу прижимала къ ранѣ носовой платокъ, смоченный въ священной водѣ, какъ губка. А вокругъ нея толпа кидалась къ водоему въ такой лихорадкѣ, что люди не видали больше ея чудовищнаго лица, мылись и пили изъ того самаго желоба, гдѣ она мочила свой платокъ.

Но въ эту минуту Жераръ, который везъ въ телѣжкѣ Сабатье, окликнулъ Пьера, видя его незанятымъ. Онъ попросилъ аббата слѣдовать за нимъ, чтобы помочь ему, такъ какъ тучнаго профессора съ отнявшимися ногами было трудно ворочать и спускать въ воду. Такимъ образомъ, Пьеръ провелъ около получаса въ купели для мужчинъ, гдѣ оставался при больномъ, пока Жераръ вернулся къ пещерѣ за другимъ паціентомъ. Эти купели показались ему хорошо устроенными; онѣ состояли изъ трехъ ящиковъ, трехъ ваннъ, раздѣленныхъ перегородками; въ

Digitized by Google

бассейнъ спускались по ступенямъ. Входъ въ каждое отдѣленіе былъ украшенъ полотняной драпировкой, которую можно было задернуть, чтобы изолировать больнаго. Впереди находилась общая зала, комната, вымощенная каменными плитами, гдѣ стояли только скамья и пара стульевъ; здѣсь больные ожидали своей очереди. Тутъ они раздѣвались и одѣвались потомъ, съ неловкой торопливостью, тревожной озабоченностью людей, которые стыдятся своей наготы. Въ залѣ находился мужчина, еще голый, который наполовину завернулся въ занавѣсь, чтобы надѣть бандажъ своими трясущимися руками. Другой, чахоточный, страшной худобы, дрожалъ въ лихорадкѣ и хрипѣлъ; его кожа была мертвенно блѣдна и испещрена фіолетовыми пятнами. Но Пьеръ содрогнулся, увидавъ брата Изидора, котораго вынимали изъ бассейна: онъ былъ въ обморокѣ, его сочли умершимъ и опустили на полъ; потомъ онъ снова принялся стонать; жаль было смотрѣть на тѣло этого крупнаго человѣка, высохшее отъ болѣзни, инертное, какъ лоскутъ мяса, брошенный на прилавокъ мясника, съ бедромъ, прободеннымъ глубокой раной. Двое братьевъ милосердія, купавшіе миссіонера, едва могли натянуть на него рубашку, изъ боязни, что онъ умретъ при маломальски неосторожномъ толчкѣ.

— Вѣдь вы поможете мнѣ, господинъ аббатъ, не такъ ли?— спросилъ членъ попечительства, раздѣвавшій Сабатье.

Пьеръ тотчасъ принялся за дѣло; присмотрѣвшись къ своему сотоварищу, онъ узналъ въ этомъ человѣкѣ, исполнявшемъ такія смиренныя обязанности,—маркиза де-Сальмона-Рокбера, котораго де-Герсенъ показалъ ему, когда они сошли на станціи. То былъ мужчина лѣтъ сорока, съ крупнымъ носомъ благородной формы на продолговатомъ лицѣ; послѣдній представитель одного изъ самыхъ древнихъ и знатныхъ родовъ Франціи, онъ имѣлъ большое состояніе, королевскій отель въ Парижѣ, въ улицѣ Лилль, и громадныя помѣстья въ Нормандіи. Каждый годъ маркизъ пріѣзжалъ въ Лурдъ на три дня національнаго паломничества, исключительно изъ милосердія, безо всякаго религіознаго мотива; онъ посѣщалъ церковь только какъ человѣкъ хорошаго тона. И де-Сальмонъ-Рокберъ упорствовалъ въ томъ, чтобъ не играть здѣсь никакой роли, желалъ оставаться простымъ санитаромъ; этотъ годъ ему поручили купать больныхъ; онъ едва успѣвалъ справляться со своимъ дѣломъ; руки

Digitized by Google

у него ломило отъ усталости, но этотъ знатный богачъ работалъ съ утра до вечера, возился съ грязными тряпками, снималъ и накладывалъ повязки.

— Будьте осторожны,—посовѣтовалъ онъ аббату,—снимайте чулки, не спѣша. Сейчасъ вонъ для того бѣдняги, котораго одѣваютъ тамъ, принесли пружинную подушку.

Онъ отошелъ на минуту отъ Сабатье, чтобы переобуть несчастнаго, и почувствовалъ подъ пальцами влажность внутри лѣваго башмака. Маркизъ осмотрѣлъ обувь и увидалъ, что въ носокъ натекло гною; ему пришлось опорожнить башмакъ за дверьми, прежде чѣмъ надѣть на ногу паціента съ безконечными предосторожностями, избѣгая дотронуться до верхней части ноги, изъѣденной нарывомъ.

— Теперь,—сказалъ онъ Пьеру, возвращаясь къ Сабатье,—тащите со мною кальсоны, чтобы снять ихъ разомъ.

Въ маленькой залѣ не было никого, кромѣ больныхъ и санитаровъ, занятыхъ службой, да еще священника, который читалъ «Отче нашъ» и «Богородицу», потому что молитвы не должны были прекращаться ни на минуту. Впрочемъ, простая занавѣска прикрывала дверь, выходившую на обширное пространство, защищенное веревками, и пламенныя моленія толпы доносились сюда безпрерывнымъ воплемъ, между тѣмъ какъ пронзительный голосъ капуцина безпрестанно повторялъ: «Господи, исцѣли нашихъ больныхъ!.. Господи, исцѣли нашихъ больныхъ»!.. Высокія окна пропускали холодный свѣтъ и здѣсь царила постоянная сырость, противный запахъ погреба, пропитаннаго водою.

Наконецъ, Сабатье былъ раздѣтъ. Ему только подвязали спереди узкій передникъ, ради приличія.

— Пожалуйста,—умолялъ онъ,—опускайте меня въ воду постепенно.

Холодная вода ужасала его. Онъ разсказалъ, какъ въ первый разъ почувствовалъ въ ваннѣ такое замираніе сердца, что поклялся никогда не повторять этого опыта; по его словамъ, нельзя было представить себѣ худшей пытки. Кромѣ того, вода, какъ онъ говорилъ, не отличалась привлекательностью; изъ боязни, что ея не хватитъ въ источникѣ, монахи, завѣдывавшіе пещерой, опоражнивали ванны и наполняли ихъ снова только два раза въ день; такимъ образомъ, около сотни больныхъ ку-

Digitized by Google

палось въ одной и той же водѣ; можно себѣ представить, какой ужасный бульонъ оказывался тамъ подъ конецъ! Въ ваннѣ накоплялась всякая всячина, въ ней плавали жилки сукровицы, остатки кожи, струпья, хлопья корпіи, лоскуты бинтовъ,— отвратительный супъ изо всѣхъ болѣзней, ранъ, всякой гнили. Это былъ настоящій разсадникъ болѣзнетворныхъ зародышей, эссенція самыхъ опасныхъ заразъ и чудо, казалось, состояло въ томъ, что больные выходили живыми изъ этой человѣческой грязи.

— Тихонько, тихонько,—повторялъ Сабатье Пьеру и маркизу, которые подхватили его подъ бедра, чтобы нести въ ванну.

И онъ съ ребяческимъ ужасомъ смотрѣлъ на эту густую мутную воду, гдѣ стояли блестящія подозрительныя пятна. У лѣваго края виднѣлось что-то красное, какъ будто на этомъ мѣстѣ у кого нибудь лопнулъ нарывъ. Обрывки бинтовъ плавали, точно отвалившіеся куски мяса, но профессора до того пугала холодная вода, что онъ все таки предпочиталъ эти грязныя послѣполуденныя ванны, потому что тѣла всѣхъ, искупавшихся тутъ съ утра, все таки успѣвали немного нагрѣть ихъ.

— Мы дадимъ вамъ осторожно скатиться по ступенямъ,— вполголоса объяснилъ маркизъ.

Потомъ онъ посовѣтовалъ Пьеру какъ можно крѣпче поддерживать больнаго подъ мышки.

— Не бойтесь ничего,—сказалъ священникъ,—я васъ не выпущу.

Сабатье медленно спустили. Теперь виднѣлась только его спина, бѣдная страдальческая спина, которая качалась на водѣ, вздувалась, сморщивалась отъ дрожи. И когда онъ погрузился, его голова судорожно запрокинулась назадъ, послышался какъ будто хрустъ костей, между тѣмъ какъ тучный паралитикъ задыхался, испуганно глотая воздухъ. Священникъ, стоя передъ ванной, началъ съ новымъ рвеніемъ:

— Господи, исцѣли нашихъ больныхъ!.. Господи, исцѣли нашихъ больныхъ!..

Маркизъ де-Сальмонъ-Рокберъ повторилъ этотъ вопль, обязательный для санитаровъ при каждомъ погруженіи. Пьеръ долженъ былъ сдѣлать то же самое, и его жалость передъ такою массой страданія была до того сильна, что онъ нашелъ

Digitized by Google

въ себѣ частицу прежней вѣры; уже давно не молился онъ такъ, какъ теперь, желая, чтобы на небѣ былъ Богъ, всемогущество котораго могло бы облегчить жалкое человѣчество. Но три или четыре минуты спустя, когда они съ большимъ трудомъ вытащили Сабатье изъ ванны, мертвенно блѣднаго и стучащаго зубами, — Пьеръ почувствовалъ еще болѣе отчаянную грусть, видя больнаго такимъ несчастнымъ, какъ будто уничтоженнымъ, послѣ того какъ онъ не ощутилъ никакого облегченія. Еще одна безполезная попытка! пресвятая Дѣва не удостоила услышать его въ седьмой разъ! Онъ закрылъ глаза; двѣ крупныхъ слезы скатились изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ страдальца, когда его одѣвали.

Потомъ Пьеръ узналъ маленькаго Густава Виньерона, входившаго на костылѣ, чтобы взять свою первую ванну. У дверей все семейство стало на колѣни: отецъ, мать, тетка—г-жа Шезъ; эти богатые люди выказывали примѣрную набожность. Въ толпѣ стали перешептываться о томъ, что это высшій чиновникъ изъ министерства финансовъ. Но какъ только ребенокъ сталъ раздѣваться, послышался сдержанный говоръ; отецъ Массіасъ съ Фуркадомъ быстро вошли въ зданіе купелей, приказывая прекратить купанье. Сейчасъ будетъ испробовано великое чудо, необыкновенная милость, которую пламенно вымаливали съ самаго утра—воскрешеніе человѣка.

На открытомъ мѣстѣ, передъ ваннами, молитвы продолжались,—страшный вопль голосовъ, терявшійся въ небѣ въ жаркую послѣполуденную лѣтнюю пору. Двое санитаровъ внесли закрытыя носилки и поставили посреди залы. Баронъ Сюиръ, президентъ попечительства, слѣдовалъ за ними, также какъ и Берто, одинъ изъ служебныхъ начальниковъ, потому что необычайный случай поднялъ на ноги весь персоналъ, и эти двое господъ, понизивъ голосъ, обмѣнялись нѣсколькими словами между собою и съ двумя монахами ордена Успенія. Тѣ упали на колѣни, руки крестомъ, и стали читать молитвы; ихъ лица преобразились пламеннымъ желаніемъ видѣть проявленіе всемогущества Божія.

— Господи, преклони слухъ къ моленію нашему!.. Господи, услыши насъ!..

Сабатье только что унесли; тутъ не оставалось другихъ больныхъ, кромѣ полураздѣтаго Густава, забытаго на стулѣ.

Digitized by Google

Занавѣси носилокъ отдернули и глазамъ присутствующихъ предсталъ трупъ неизвѣстнаго пассажира, уже окоченѣвшій, какъ будто ссохшійся и уменьшившійся въ объемѣ, съ широко раскрытыми глазами, которые упрямо не хотѣли закрыться. Приходилось его раздѣть, такъ какъ онъ былъ еще въ своемъ платьѣ, и эта ужасная обязанность заставила на минуту поколебаться братьевъ милосердія. Пьеръ замѣтилъ, что маркизъ де-Сальмонъ-Рокберъ, такъ самоотверженно ухаживавшій за живыми, не выказывая ни малѣйшаго отвращенія, опустился въ сторонкѣ на колѣни, какъ будто для того, чтобы не прикасаться къ мертвому тѣлу. И аббатъ изъ приличія послѣдовалъ его примѣру, ставъ съ нимъ рядомъ.

Мало по малу, отецъ Массіасъ вдохновлялся и продолжалъ восклицать такимъ громкимъ голосомъ, что заглушалъ слова своего настоятеля Фуркада:

— Господи, возврати намъ нашего брата!.. Господи, соверши это ради славы имени Твоего!..

Одинъ изъ санитаровъ уже рѣшился приступить къ раздѣванію и хотѣлъ снимать брюки съ покойника, но окоченѣвшія ноги не подавались; для этого надо было поднять все тѣло; другой санитаръ, который разстегивалъ старенькій сюртукъ, замѣтилъ, что было бы скорѣе разрѣзать все платье ножницами. Иначе ни за что не раздѣть умершаго.

Берто бросился впередъ, наскоро шепнувъ что-то Сюиру. Тотъ, будучи политикомъ въ душѣ, не одобрялъ затѣи Фуркада. Между тѣмъ, въ данную минуту уже нельзя было отмѣнить обѣщаннаго опыта: толпа дожидалась и молила Бога съ самаго утра. Благоразумнѣе всего было покончить все разомъ и, притомъ, не нарушая уваженія къ умершему. Итакъ, вмѣсто того чтобы тормошить покойника при раздѣваніи, Берто счелъ за лучшее погрузить его въ купель одѣтымъ. Переодѣть незнакомца всегда успѣютъ, если онъ воскреснетъ, а въ противномъ случаѣ не все ли равно, Боже мой! Онъ быстро высказалъ свою мысль санитарамъ и помогъ пропустить подъемные ремни подъ бедра и плечи мертвеца.

Отецъ Фуркадъ одобрилъ его рѣшеніе кивкомъ головы, между тѣмъ какъ Массіасъ удвоивалъ свое рвеніе.

— Господи, дохни на него и онъ возродится!.. Господи, возврати ему душу, чтобы онъ прославлялъ тебя!..

Digitized by Google

Два санитара дружно подняли неизвѣстнаго на ремняхъ, отнесли его къ ваннѣ и медленно опустили въ воду, опасаясь, чтобы онъ не сорвался. Пьеръ, охваченный ужасомъ, не могъ не смотрѣть въ ту сторону и ясно увидѣлъ, какъ тѣло погрузилось въ своей убогой одеждѣ; намокшая матерія облипла до нѣльзя исхудавшіе члены, обрисовывая весь скелетъ. Умершій плавалъ, какъ утопленникъ. Но отвратителенъ былъ тотъ моментъ, когда голова, не смотря на трупную окоченѣлость, опрокинулась назадъ и очутилась подъ водой; санитары напрасно старались поднять повыше лямку, поддерживавшую плечи: мертвецъ чуть не выскользнулъ у нихъ изъ рукъ и чуть не пошелъ ко дну бассейна. Какъ могъ бы онъ ожить, если ему въ ротъ лилась вода, а широко раскрытые глаза какъ будто вторично умирали подъ этой влажной пеленой?

Въ продолженіе трехъ безконечныхъ минутъ, пока его купали, оба монаха Успенія, также какъ и священникъ, состоящій при купели, въ пароксизмѣ страстнаго желанія и пламенной вѣры, старались принудить небо и выкрикивали молитвы такимъ зычнымъ голосомъ, что онъ у нихъ обрывался.

— Господи, воззри на него только своимъ окомъ и онъ воскреснетъ!.. Господи, пусть онъ возстанетъ по гласу Твоему, чтобы обратить землю!.. Господи, Тебѣ стоитъ только сказать одно слово и народъ Твой радостно восхвалитъ Тебя!..

И вдругъ,—точно кровеносный сосудъ лопнулъ у него въ горлѣ,—отецъ Массіасъ съ хрипомъ упалъ на локти, имѣя силы только лобызать плиты пола. А съ наружной площадки доносился вопль толпы и безпрестанно повторяемый крикъ капуцина: «Господи, исцѣли нашихъ больныхъ!.. Господи, исцѣли нашихъ больныхъ»!.. Все это выходило такъ странно, что нравственныя страданія Пьера еще усилились; онъ чувствовалъ, что маркизъ содрогается возлѣ него. Всѣ вздохнули съ облегченіемъ, когда Берто, окончательно разсерженный происшествіемъ, рѣзкимъ тономъ сказалъ санитару:

— Да вынимайте же его наконецъ!

Покойника вынули изъ воды и положили на носилки, точно утопленника въ его жалкой одеждѣ, прилипавшей къ членамъ. Съ волосъ мертвеца стекала вода, и эти ручейки заливали весь полъ залы; умершій, конечно, такъ и не ожилъ.

Всѣ поднялись съ колѣнъ и смотрѣли на него въ тягост-

Digitized by Google

номъ молчаніи. Потомъ, когда покойника закрыли и унесли, отецъ Фуркадъ послѣдовалъ за нимъ, опираясь на плечо отца Массіаса и волоча больную ногу, тогда какъ, за минуту передъ тѣмъ, онъ не чувствовалъ ея болѣзненной тяжести; къ нему уже вполнѣ успѣла вернуться обычная ясность духа и оставшіеся въ залѣ услышали, какъ онъ говорилъ толпѣ среди наступившей тишины:

— Мои дорогіе братья, мои дорогія сестры! Господу не было угодно возвратить намъ почившаго, вѣроятно, потому что Создатель въ своемъ безконечномъ милосердіи принялъ его въ число своихъ избранниковъ.

И это было все. Объ умершемъ перестали говорить. Снова повели больныхъ; двѣ другія купели были заняты. Между тѣмъ маленькій Густавъ, который слѣдилъ за происходившей сценой своими проницательными любопытными глазами, безъ всякаго страха, доканчивалъ свое раздѣванье. Жалкое тѣло золотушнаго ребенка наводило ужасъ своими выдавшимися ребрами и позвонками спиннаго хребта; онъ дошелъ до такой худьбы, что его ноги походили на палки, въ особенности лѣвая, высохшая до самой кости. У мальчика было двѣ раны, одна на бедрѣ, другая на поясницѣ; послѣдняя имѣла особенно страшный видъ, съ обнаженнымъ отъ кожи мясомъ. Однако онъ улыбался, до того развившись умственно отъ безпрерывныхъ страданій, что обнаруживалъ разсудительность и мудрую философію зрѣлаго мужчины, не смотря на то, что ему едва минуло пятнадцать лѣтъ, а при своей тщедушности онъ казался не старше десяти. Маркизъ де-Сальмонъ-Рокберъ, осторожно взявъ его на руки, отказался отъ помощи Пьера.

— Благодарю васъ, вѣдь онъ не тяжелѣе птички... Не бойся, мой другъ, я все сдѣлаю потихоньку.

— О, сударь, я вовсе не боюсь холодной воды, вы можете опустить меня въ нее.

И его погрузили въ бассейнъ, гдѣ сейчасъ плавалъ покойникъ.

Въ дверяхъ г-жа Виньеронъ и г-жа Шезъ, которыя не имѣли права входить въ залу, опустились на колѣни, тогда какъ отецъ Густава, Виньеронъ, допущенный туда, широко крестился. Пьеръ ушелъ, такъ какъ въ немъ не было больше надобности. Мысль, что три часа давно пробило и Мари ждетъ

Digitized by Google

его, заставляла аббата спѣшить. Но когда онъ протискивался сквозь толпу, то увидалъ молодую дѣвушку; ее везъ въ телѣжкѣ Жераръ, не перестававшій доставлять больныхъ къ купелямъ. Больная пришла въ нетерпѣніе, внезапно охваченная увѣренностью, что теперь она находится наконецъ въ состояніи благодати. И Мари съ упрекомъ сказала аббату:

— Вы совсѣмъ позабыли меня, мой другъ.

Онъ не нашелся ничего отвѣтить, но смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она исчезла въ женской купели, послѣ чего, глубоко опечаленный, опустился на колѣни. Тутъ онъ хотѣлъ дождаться Мари, чтобы снова отвезти ее къ пещерѣ, вѣроятно, исцѣленной и поющей хвалы Богу. Если она была увѣрена, что выздоровѣетъ, почему же этому не случиться? Впрочемъ, самъ онъ напрасно искалъ молитвы въ глубинѣ своего потрясеннаго существа. Пьеръ оставался подъ впечатлѣніемъ ужасныхъ вещей, которыя только что видѣлъ; кромѣ того, онъ изнемогалъ отъ физической усталости; его мозгъ былъ угнетенъ, такъ что онъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета ни въ томъ, что происходило вокругъ, ни въ своихъ собственныхъ чувствахъ; только тревожная нѣжность къ Мари преобладала въ его душѣ, возбуждая въ немъ потребность молиться, смиряясь передъ божествомъ, въ той увѣренности, что самые убогіе и незначительные люди, когда они сильно любятъ и умоляютъ за любимыхъ существъ, людей могущественныхъ, кончаютъ тѣмъ, что удостоиваются милости. И аббатъ поймалъ себя на томъ, что онъ повторялъ за толпой, отчаяннымъ голосомъ, выходившимъ изъ глубины его существа:

— Господи, исцѣли нашихъ больныхъ!.. Господи, исцѣли нашихъ больныхъ!..

Такъ продолжалось минутъ десять, пожалуй, четверть часа; потомъ Мари появилась снова въ своей телѣжкѣ. Лицо ея по прежнему было печально и блѣдно, а прекрасные волосы скручены тяжелымъ, золотистымъ узломъ, котораго не коснулась вода. Она не исцѣлилась. Унылое оцѣпененіе наложило печать на ея черты, которыя сильно осунулись. Мари отворачивалась, чтобы не встрѣтиться глазами съ Пьеромъ; а тотъ, взволнованный, съ похолодѣвшимъ сердцемъ, рѣшился взяться за ручку телѣжки, чтобы отвезти ее къ пещерѣ.

Между тѣмъ крики вѣрныхъ, распростертыхъ на колѣняхъ,

Digitized by Google

руки крестомъ, и лобызающихъ землю, снова огласили воздухъ; безумный экстазъ все еще возрасталъ, подстрекаемый пронзительнымъ голосомъ капуцина:

— Господи, исцѣли нашихъ больныхъ!.. Господи, исцѣли нашихъ больныхъ!..

Передъ пещерой, когда Пьеръ опять устраивалъ Мари, съ ней сдѣлался обморокъ. При этомъ Жераръ увидѣлъ Реймонду, тотчасъ подбѣжавшую съ чашкой бульона, и тутъ они оба принялись наперерывъ хлопотать около больной. Реймонда въ особенности настаивала, чтобы та отвѣдала бульона. Она такъ мило протягивала чашку, подражая вкрадчивымъ пріемамъ опытной сидѣлки, что Жераръ находилъ ее очаровательной, эту дѣвушку безъ состоянія, которая, очевидно, была уже знакома съ практической жизнью и обѣщала вести свое будущее хозяйство твердой рукою, не утрачивая въ то же время качествъ очаровательной женственности. Берто, кажется, правъ: ему нужно именно такую жену.

— Сударыня, не желаете ли вы, чтобы я приподнялъ больную?

— Благодарю васъ, милостивый государь, я сама достаточно сильна... И потомъ я стану поить ее съ ложечки, это будетъ гораздо лучше.

Однако Мари, упорствуя въ своемъ суровомъ молчаніи, пришла въ себя и отказалась отъ бульона жестомъ руки. Она хотѣла, чтобы ее оставили въ покоѣ, чтобы съ ней не говорили. Только когда Жераръ и Реймонда оба удалились, улыбаясь другъ другу, Мари сказала Пьеру глухимъ голосомъ:

— Развѣ мой отецъ не приходилъ?

Священникъ, поколебавшись одну минуту, долженъ былъ сказать ей правду:

— Я оставилъ вашего отца заснувшимъ, и онъ, вѣроятно, еще не просыпался.

Тутъ Мари, впадая въ свою прежнюю апатію, отослала прочь его самого тѣмъ же движеніемъ руки, которымъ отвергала всякую помощь; неподвижная, она больше не молилась, а только пристально смотрѣла своими большими глазами на пресвятую Дѣву изъ мрамора, на бѣлую статую въ ослѣпительномъ сіяніи пещеры. Когда пробило четыре часа, Пьеръ съ растерзаннымъ сердцемъ направился въ бюро констати-

Digitized by Google

рованій, вспомнивъ о назначенномъ свиданіи съ докторомъ Шассенемъ.

IV.

Докторъ Шассень ожидалъ Пьера возлѣ бюро констатированій. Тутъ была страшная давка; толпа съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ подстерегала больныхъ, которые поднимались на крыльцо. По выходѣ, любопытные разспрашивали ихъ и привѣтствовали радостными кликами, когда распространялась вѣсть о новомъ чудѣ: о слѣпомъ, который теперь видѣлъ, о глухой, которая слышала, о параличной, получившей употребленіе ногъ.

Пьеръ съ большимъ трудомъ протѣснился черезъ это сборище.

— Ну, что,—спросилъ онъ доктора,—увидимъ ли мы чудо, да настоящее, несомнѣнное?

Докторъ улыбнулся, снисходительный въ своихъ новыхъ вѣрованіяхъ.

— Видите ли, чудо не совершается по заказу. Господь вступается въ человѣческія дѣла, когда находитъ нужнымъ.

Санитары строго охраняли дверь, но докторъ Шассень былъ всѣмъ извѣстенъ, а потому дежурные почтительно разступились передъ нимъ, пропустивъ также и его товарища. Это бюро, гдѣ подтверждались исцѣленія, помѣщалось кое-какъ въ досчатомъ баракѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ: тѣсной прихожей и общей залы собранія, совершенно недостаточной по своимъ размѣрамъ. Впрочемъ, былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы улучшить названный отдѣлъ, устроивъ его съ бо́льшими удобствами, въ просторномъ помѣщеніи подъ однимъ изъ спусковъ Розарія, и этотъ проэктъ пошелъ уже въ ходъ. Въ прихожей, гдѣ стояла одна деревянная скамья, Пьеръ увидалъ двухъ больныхъ, ожидавшихъ своей очереди подъ надзоромъ молодаго санитара. Когда же онъ вошелъ въ общую залу, то число лицъ, набитыхъ здѣсь биткомъ, поразило его; удушливая жара, скопившаяся въ досчатыхъ стѣнахъ, накаленныхъ солнцемъ, жгла ему лицо. Это была квадратная комната, выкрашенная свѣтложелтой краской, съ голыми стѣнами, съ однимъ окномъ, гдѣ стекла были замазаны бѣлилами, чтобы толпа, тѣснившаяся снаружи, не могла ничего видѣть. Слу-

Digitized by Google

жащіе не смѣли даже для освѣженія воздуха открыть окна, такъ какъ въ него тотчасъ же просовывалось множество любопытныхъ головъ. И меблировка была здѣсь самая первобытная: два еловыхъ стола неодинаковой высоты, составленные вмѣстѣ и даже не покрытые скатертью; затѣмъ нѣчто въ родѣ открытаго шкафа, безпорядочно заваленнаго бумагами, дѣлами, списками, брошюрами; наконецъ, десятка три соломенныхъ стульевъ, занимавшихъ все свободное пространство комнаты, и два ободранныхъ мягкихъ кресла для больныхъ.

Докторъ Бонами тотчасъ поспѣшилъ навстрѣчу доктору Шассеню, который былъ одной изъ самыхъ послѣднихъ и самыхъ славныхъ побѣдъ Пещеры. Онъ разыскалъ для него стулъ и усадилъ также Пьера, которому выказывалъ уваженіе, какъ духовному лицу. Потомъ Бонами спросилъ своимъ изысканно-вѣжливымъ тономъ:

— Любезный собратъ, вы мнѣ позволите продолжать?.. Мы какъ разъ свидѣтельствовали вотъ эту барышню.

Рѣчь шла о глухой крестьянкѣ двадцати лѣтъ, сидѣвшей на одномъ изъ креселъ. Но, вмѣсто того чтобы слушать, Пьеръ, чувствовавшій еще усталость въ ногахъ и шумъ въ головѣ, ограничивался тѣмъ, что разсматривалъ присутствующихъ. Тутъ ихъ было человѣкъ пятьдесятъ; многіе стояли, прислонившись къ стѣнѣ. За двумя столами занималось пятеро лицъ: начальникъ служащихъ при купеляхъ сидѣлъ въ серединѣ, постоянно заглядывая въ толстый списокъ; затѣмъ слѣдовали: монахъ общины Успенія и трое молодыхъ семинаристовъ, которые служили секретарями; они то писали, то передавали дѣла и убирали ихъ на мѣсто послѣ каждой справки. Пьеръ особенно заинтересовался однимъ изъ монаховъ ордена Непорочнаго Зачатія, отцомъ Даржелесомъ, главнымъ редакторомъ «Пещернаго листка»; этого господина ему показывали сегодня утромъ. Его маленькое худощавое лицо, съ мигающими глазками, заостреннымъ носомъ и тонкимъ ртомъ, постоянно улыбалось. Онъ скромно сидѣлъ на концѣ стола, который былъ пониже, и порою дѣлалъ замѣтки для своей газеты. Онъ одинъ изо всей общины показывался публикѣ въ продолженіе трехъ дней національнаго паломничества. Но позади него можно было угадать другихъ, какъ медленно разросшуюся, скрытую силу, которая все устраивала и собирала всѣ барыши. Остальные

Digitized by Google

присутствующіе были просто любопытные,—посторонніе свидѣтели, человѣкъ двадцать врачей и четверо или пятеро священниковъ. Эти врачи, собравшіеся отовсюду понемногу, по большей части хранили абсолютное молчаніе. Нѣкоторые отваживались задавать вопросы и всѣ они порою бросали другъ на друга незамѣтные взгляды, будучи заняты повидимому, больше взаимнымъ наблюденіемъ изподтишка, чѣмъ констатированіемъ фактовъ, представленныхъ на ихъ разсмотрѣніе. Кто такіе могли они быть? Называли ихъ фамиліи, совершенно неизвѣстныя; между ними только одна произвела впечатлѣніе,—фамилія знаменитаго доктора изъ католическаго университета.

Однако, въ этотъ день Бонами, который никогда не садился, когда руководилъ засѣданіемъ и разспрашивалъ больныхъ, выказывалъ особенную предупредительность маленькому бѣлокурому господину, писателю не безъ таланта и вліятельному редактору одной изъ самыхъ популярныхъ парижскихъ газетъ, случайно попавшему въ Лурдъ въ то самое утро. И докторъ былъ правъ, потому что здѣсь, во-первыхъ,—дѣло шло объ обращеніи невѣрующаго; а, во-вторыхъ,—представлялся удобный случай утилизировать его вліятельность и извѣстность. Редактора усадили на другое кресло, причемъ Бонами добродушно улыбался, какъ будто давалъ большое представленіе передъ пріѣзжимъ, увѣряя, что имъ нечего скрывать и у нихъ все происходитъ гласно.

— Мы просимъ только свѣта,—повторялъ онъ.—Мы безпрестанно обращаемся къ благонамѣреннымъ людямъ, предлагая имъ вникнуть въ то, что здѣсь происходитъ.

Потомъ, когда мнимое исцѣленіе глухой не подтвердилось, докторъ обошелся съ ней немного сурово.

— Но, дочь моя, вѣдь это только начало... Вы попробуйте еще разъ.

И онъ прибавилъ вполголоса:

— Если ихъ послушать, то онѣ всѣ исцѣлились, но мы признаёмъ только доказанныя исцѣленія, ясныя, какъ солнце... Замѣтьте, я говорю: «исцѣленія», а не чудеса, потому что мы, врачи, не позволяемъ себѣ никакихъ толкованій. Мы находимся здѣсь просто для того, чтобы подтвердить, что больные, подвергнутые нашему осмотру, не представляютъ болѣе никакихъ признаковъ болѣзни.

Digitized by Google

Бонами хорохорился, выгораживалъ свою честность, не будучи ни болѣе глупымъ, ни болѣе лживымъ, чѣмъ другіе; вѣрилъ, не вѣруя, зная, что наука до того темна, до того полна неожиданностей, что невозможное всегда въ ней осуществимо. Послѣ многихъ лѣтъ медицинской практики, онъ устроился такимъ образомъ при Пещерѣ на особомъ положеніи, которое имѣло свои неудобства и свои выгоды, но въ общемъ было очень пріятно, такъ что докторъ не имѣлъ поводовъ жаловаться. Теперь, на вопросъ парижскаго журналиста, онъ объяснилъ, какъ ведетъ дѣла; каждый больной паломникъ пріѣзжалъ со сводомъ документовъ, гдѣ былъ изложенъ ходъ его недуга, и почти всегда со свидѣтельствомъ лѣчившаго его врача; иногда такихъ свидѣтельствъ было даже нѣсколько отъ разныхъ докторовъ, а при нихъ скорбные листы изъ больницъ, цѣлыя исторіи болѣзни. Слѣдовательно, если происходило исцѣленіе и выздоровѣвшій являлся въ бюро, достаточно было просмотрѣть его бумаги и прочесть свидѣтельство, чтобы опредѣлить болѣзнь, которою онъ страдалъ, а затѣмъ, освидѣтельствовавъ его, констатировать, дѣйствительно ли недугъ исчезъ.

Пьеръ внимательно слушалъ; попавъ сюда и оставаясь въ покоѣ, аббатъ почувствовалъ, что ему легче и онъ можетъ мыслить совершенно ясно; его раздражала только жара. Заинтересовавшись объясненіями доктора Бонами и желая составить точное мнѣніе о томъ, что здѣсь происходило, онъ охотно заговорилъ бы самъ, еслибы его не стѣсняла священническая одежда. Эта сутана обрекала Пьера на вѣчную необходимость стушовываться и онъ ужасно обрадовался, когда маленькій блондинъ, писатель съ вѣсомъ, принялся возражать именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ желалъ бы это сдѣлать и самъ аббатъ. Развѣ правильно было то, что ставилъ діагнозъ болѣзни одинъ врачъ, а констатировалъ исцѣленіе другой. Такой порядокъ вещей, конечно, служилъ постояннымъ источникомъ всевозможныхъ ошибокъ. Гораздо было бы лучше, еслибы цѣлая комисія свидѣтельствовала всѣхъ больныхъ по пріѣздѣ въ Лурдъ и составляла протоколы, которые просматривала бы вторично при каждомъ случаѣ исцѣленія. Но докторъ Бонами принялся съ жаромъ возражать, довольно основательно доказывая, что никакая комисія не могла бы справиться съ такой гигантской задачей. Подумать только: изслѣдовать тысячу раз-

Digitized by Google

личныхъ видовъ болѣзней въ одно утро! Вѣдь медицинскихъ теорій такое множество, и сколько происходило бы тутъ споровъ, какіе противорѣчивые діагнозы получались бы тогда, только затемняя дѣло. Предварительное освидѣтельствованіе, почти невозможное на практикѣ, дѣйствительно не исключало бы не менѣе важныхъ ошибокъ. Потому приходилось волей-неволей основываться на свидѣтельствахъ, выданныхъ врачами больнымъ, причемъ эти документы пріобрѣтали капитальную важность и рѣшительное значеніе. Члены присутствія просматривали документы на одномъ изъ столовъ и парижскому журналисту было прочитано нѣсколько свидѣтельствъ. Многія изъ нихъ отличались досадной краткостью; въ другихъ, составленныхъ лучше, болѣзни описывались ясно. Нѣкоторыя подписи врачей были даже засвидѣтельствованы мэрами общинъ. Но все же здѣсь возникали безчисленныя, неразрѣшимыя сомнѣнія. Кто были эти доктора? Имѣли ли они необходимый научный авторитетъ? Не дѣйствовали ли въ угоду неизвѣстнымъ обстоятельствамъ и чисто личнымъ интересамъ? Надъ каждымъ изъ нихъ невольно хотѣлось произвести слѣдствіе. Разъ, что все основывалось только на документахъ, привезенныхъ больными, требовался самый тщательный контроль этихъ бумагъ, потому что все рушилось, если строгая критика не устанавливала абсолютной вѣрности фактовъ.

Весь красный, обливаясь потомъ, докторъ Бонами лѣзъ изъ кожи.

— Но вѣдь мы такъ и дѣлаемъ, такъ и дѣлаемъ! Если только случай исцѣленія кажется намъ необъяснимымъ естественными путями, мы приступаемъ къ самому точному изслѣдованію. Мы просимъ исцѣленную личность подвергнуть себя новому освидѣтельствованію... Вы видите, мы принимаемъ всѣ мѣры для всесторонняго освѣщенія факта. Вотъ эти господа, которые насъ слушаютъ, почти всѣ врачи, съѣхавшіеся съ самыхъ противоположныхъ пунктовъ Франціи. Мы заклинаемъ ихъ высказывать намъ свои сомнѣнія, обсуждать съ нами различные случаи, и составляемъ крайне подробный протоколъ каждаго засѣданія. Вы слышите, господа, возражайте, прошу васъ, если что нибудь покажется вамъ здѣсь несовмѣстнымъ съ истиной.

Ни одинъ изъ ассистентовъ не шевельнулся. Бо̀льшая часть

Digitized by Google

присутствующихъ врачей, вѣроятно, будучи католиками, естественно преклонялась передъ чудомъ. Что же касается другихъ, невѣрующихъ, людей чистой науки, то они смотрѣли, интересовались нѣкоторыми феноменами, но изъ любезности избѣгали входить въ препирательства, притомъ же совершенно безполезныя; потомъ они удалялись, когда имъ, при ихъ разсудительности, становилось слишкомъ неловко и они чувствовали, что могутъ разсердиться.

Такимъ образомъ, не встрѣчая возраженій, докторъ Бонами торжествовалъ. Затѣмъ журналистъ спросилъ его, неужели онъ одинъ справляется съ такой массою работы.

— Совершенно одинъ, — подтвердилъ тотъ.—Но моя обязанность врача при Пещерѣ не особенно сложна. Повторяю, она состоитъ только въ томъ, что я констатирую исцѣленія, когда они происходятъ.

Впрочемъ, онъ оговорился съ улыбкой:

— Ахъ, я забылъ, что у меня есть Рабуанъ, который помогаетъ мнѣ водворять здѣсь нѣкоторый порядокъ.

И онъ кивнулъ на толстаго господина лѣтъ сорока, съ сѣдѣющими волосами, съ одутловатымъ лицомъ и выдавшимися челюстями, какъ у дога. Рабуанъ былъ отчаянно вѣрующій, экзальтированный, и не позволялъ, чтобы касались чудесъ. Его должность въ бюро констатированій была настоящей мукой для этого человѣка, всегда готоваго зарычать отъ гнѣва, едва начинался споръ. Воззваніе къ врачамъ вывело его изъ себя и доктору пришлось успокоивать своего помощника.

— Полноте, другъ мой Рабуанъ, замолчите. Всякій имѣетъ право высказывать свои искреннія мнѣнія.

Между тѣмъ больные по прежнему проходили вереницей. Привели человѣка, у котораго экзема покрывала все туловище. Когда онъ снималъ рубашку, съ его кожи летѣла сѣроватая пыль. Онъ не исцѣлился, а только утверждалъ, что каждый годъ является въ Лурдъ и каждый разъ чувствуетъ облегченіе. За нимъ слѣдовала знатная дама, графиня ужасающей худьбы; исторія этой больной была необычайная: исцѣленная въ первый разъ пресвятой Дѣвой отъ туберкулоза, семь лѣтъ назадъ, она произвела на свѣтъ четверыхъ дѣтей, а потомъ опять заболѣла чахоткой и стала теперь морфинисткой; но, получивъ облегченіе съ первой же ванны, графиня соби-

Digitized by Google

ралась съ сегодняшняго вечера принимать участіе въ процессіяхъ съ факелами, въ компаніи двадцати пяти родственниковъ, привезенныхъ ею. Потомъ выступила женщина, пораженная нервной афоніей; къ ней, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ абсолютной нѣмоты, вернулся голосъ, когда во время крестнаго хода, въ четыре часа вечера, мимо нея проносили святые дары.

— Милостивый государь,—заявилъ докторъ Бонами съ напускной любезностью ученаго съ широкими взглядами,—вы знаете, что мы не записываемъ случаевъ, когда дѣло идетъ о нервныхъ пораженіяхъ. Замѣтьте, однако, что эта женщина полгода лѣчилась въ Сальпетріерѣ и что она была принуждена пріѣхать сюда, чтобы у нея внезапно развязался языкъ.

Между тѣмъ онъ обнаруживалъ нѣкоторое нетерпѣніе, потому что ему хотѣлось представить пріѣзжему парижанину какой нибудь поразительный случай исцѣленія, какія происходили иногда во время этой процессіи въ четыре часа, такъ какъ то была пора особенной благодати и экзальтаціи, когда пресвятая Дѣва ходатайствовала за своихъ избранныхъ. Однако, представлявшіяся до сихъ поръ исцѣленія оставались сомнительными и неинтересными. А снаружи доносился топотъ ногъ, гулъ толпы, подстрекаемой гимнами, лихорадочно возбужденной потребностью чуда, которая все болѣе и болѣе усиливалась ожиданіемъ.

Но вдругъ въ комнату вошла маленькая дѣвочка, улыбающаяся и скромная, съ ясными глазами, блестѣвшими умомъ.

— Ахъ,—весело воскликнулъ докторъ,—вотъ наша маленькая пріятельница, Софи... Замѣчательное исцѣленіе, милостивые государи, которое произошло въ ту же эпоху въ прошломъ году, и я попрошу у васъ позволенія показать его результаты.

Пьеръ узналъ Софи Куто, дѣвочку сподобившуюся чуда, ту самую, которая вошла въ ихъ вагонъ въ Пуатье. И онъ присутствовалъ при повтореніи сцены, уже разыгравшейся передъ нимъ раньше. Докторъ Бонами давалъ теперь самыя подробныя объясненія маленькому блондину, который внимательно слушалъ его:—«Костоѣда лѣвой пятки, начало омертвенія, требовавшее отнятія всей стопы, ужасная рана, сочившаяся гноемъ, исцѣленная въ одну минуту при первомъ погруженіи въ купель.

Digitized by Google

— Софи, разскажите вотъ этому господину, какъ было дѣло.

Дѣвочка потребовала вниманія своимъ милымъ жестомъ.

— Вотъ видите, моя нога совсѣмъ никуда не годилась, я даже не могла ходить въ церковь и мнѣ постоянно было нужно бинтовать пятку, потому что оттуда вытекала разная гадость. Г-нъ Ривуаръ, докторъ, который сдѣлалъ разрѣзъ, чтобы посмотрѣть, что тамъ внутри, говорилъ, что придется вынуть кусокъ кости, отчего я навѣрно сдѣлалась бы хромою... Тогда, помолившись пресвятой Дѣвѣ, я пошла помочить больную ногу въ водѣ, съ такимъ желаніемъ исцѣлиться, что даже не сняла бинтовъ. И всѣ мои тряпки остались въ водѣ, а на ногѣ не было больше ничего, совсѣмъ ничего, когда я вышла.

Докторъ Бонами слѣдилъ за каждымъ словомъ дѣвочки и ободрялъ ее покачиваніемъ головы.

— Ну, Софи, повторите теперь слова своего доктора.

— Въ Вивоннѣ, когда г-нъ Ривуаръ осмотрѣлъ мою ногу, онъ сказалъ:—«Кто бы тамъ ни исцѣлилъ этого ребенка, мнѣ все равно; но дѣло въ томъ, что она дѣйствительно исцѣлена».

Раздался хохотъ; эта фраза производила неотразимый эффектъ.

— А что вы сказали, Софи, графинѣ, директрисѣ вашей палаты?

— Ахъ, да... Я не захватила съ собой достаточно бинтовъ для своей ноги и сказала той дамѣ:—«Хорошо, что мое исцѣленіе произошло въ первый же день, потому что на завтра мнѣ не хватило бы тряпокъ».

Присутствующіе снова засмѣялись; всѣ были довольны, видя Софи такой милой; хотя она разсказывала, какъ по писанному, свою исторію, которую знала наизустъ, но все таки оставалась трогательной и смотрѣла такъ правдиво.

— Софи, снимите башмакъ, покажите вашу ногу этимъ господамъ. Пускай они щупаютъ ее, чтобы никто не могъ сомнѣваться.

Дѣвочка ловко разулась и передъ зрителями появилась ея маленькая ножка, бѣленькая, чистенькая, даже выхоленная, со шрамомъ надъ щиколодкой, продолговатымъ шрамомъ, бѣловатый шовъ котораго свидѣтельствовалъ о серьезности болѣзни.

Digitized by Google

Нѣкоторые доктора подошли и смотрѣли, не говоря ни слова. Другіе, вѣроятно, придерживаясь заранѣе составленнаго мнѣнія, даже не двинулись съ мѣста. Одинъ изъ первыхъ, крайне вѣжливымъ тономъ, спросилъ, почему таинственная сила не передѣлала ей ногу совсѣмъ заново, такъ какъ это ничего бы не стоило... Но докторъ Бонами съ живостью возразилъ, что шрамъ не уничтоженъ именно для того, чтобы существовалъ слѣдъ чуда, доказательство сверхъестественнаго явленія. Онъ пустился въ техническія подробности, показывалъ, что кусокъ кости и мяса должны были возстановиться моментально, что̀ являлось совершенно необъяснимымъ естественными путями.

— Боже мой!—перебилъ маленькій блóндинъ.—Не стоитъ такъ много безпокоиться! Пускай мнѣ покажутъ только палецъ, порѣзанный перочиннымъ ножичкомъ и вышедшій заживленнымъ изъ воды: чудо выдетъ не менѣе замѣчательнымъ и я преклонюсь передъ нимъ.

Потомъ онъ прибавилъ:

— Еслибъ у меня былъ источникъ, закрывавшій раны, то я желалъ бы перевернуть вверхъ дномъ весь свѣтъ. Не знаю, какъ я принялся бы за это, но я призвалъ бы народы и они стеклись бы ко мнѣ. Я распорядился бы констатировать чудеса съ такою очевидностью, что сдѣлался бы владыкою земли. Представьте себѣ только это высшее могущество, истинно божественное!.. Но надо было бы дѣйствовать такъ, чтобы не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія; для этого понадобилась бы правда, сіяющая, какъ солнце. Тогда вся земля пришла бы и увѣровала.

И журналистъ сталъ обсуждать съ докторомъ средства контроля. Онъ соглашался съ тѣмъ, что всѣхъ больныхъ невозможно освидѣтельствовать по прибытіи. Но почему бы не устроить въ больницѣ особую палату для больныхъ съ наружными ранами? Тамъ собиралось бы не болѣе тридцати человѣкъ, которыхъ незатруднительно подвергнуть предварительному осмотру комисіи. При этомъ составлялись бы протоколы освидѣтельствованія, а самыя раны даже фотографировались. Затѣмъ, еслибы происходило исцѣленіе, комисіи оставалось бы лишь подтвердить его въ новомъ протоколѣ. Вѣдь здѣсь дѣло касалось бы не внутренней болѣзни, діагнозъ которой затруд-

Digitized by Google

нителенъ и всегда можетъ быть спорнымъ. Такимъ образомъ, очевидность факта была бы налицо.

Докторъ Бонами повторялъ, нѣсколько смущенный:

— Конечно, конечно, мы требуемъ только свѣта... Трудность заключалась бы въ составленіи комисіи. Еслибъ вы знали, какъ сильно расходятся мнѣнія врачей!.. Но во всякомъ случаѣ это хорошая мысль.

Приходъ новой больной выручилъ доктора Бонами. Пока маленькая Софи обувалась, уже забытая, появилась Элиза Рукэ со своимъ чудовищнымъ лицомъ, которое она выставила напоказъ, снявъ свою косынку. Она разсказывала, что съ самаго утра дѣлала примочки у источника и теперь ей кажется, будто бы рана стала подсыхать и блѣднѣть. Элиза Рукэ не ошибалась; Пьеръ подтвердилъ ея слова, крайне удивленный, что видъ страшной язвы дѣйствительно сталъ менѣе ужаснымъ. Это дало новую пищу спорамъ о наружныхъ ранахъ, такъ какъ маленькій блондинъ настаивалъ на своей мысли объ устройствѣ особой палаты: дѣйствительно, еслибы въ то же утро было констатировано состояніе этой больной и еслибъ она выздоровѣла, какое торжество для пещеры, исцѣлившей такимъ образомъ волчанку! Тогда чудо не подлежало бы больше отрицанію.

До сихъ поръ докторъ Шассень держался въ сторонѣ, не двигаясь и не говоря ни слова, какъ будто хотѣлъ, чтобы самые факты подѣйствовали на Пьера, но тутъ онъ вдругъ наклонился, чтобы сказать ему вполголоса:

— Наружныя раны, наружныя раны... Этотъ господинъ и не подозрѣваетъ, что въ настоящее время наши ученые доктора приписываютъ нервное происхожденіе многимъ изъ этихъ ранъ. Да, нынче наука открываетъ, что онѣ обусловливаются просто дурнымъ питаніемъ кожи. Эти вопросы питанія еще такъ плохо разработаны!.. Такимъ образомъ, удалось доказать, что цѣлительная вѣра можетъ вполнѣ излѣчивать раны, между прочимъ, волчанку. Теперь я спрашиваю васъ, какую очевидность доказалъ бы этотъ господинъ со своей пресловутой палатой наружныхъ ранъ? Это лишь прибавило бы еще немного путаницы и пристрастія къ вѣчному спору... Нѣтъ, нѣтъ! наука напрасна: она — бездна неувѣренности.

Шассень улыбался страдальческой улыбкой, пока докторъ

Digitized by Google

Бонами совѣтовалъ Элизѣ Рукэ продолжать примочки и приходить каждый день въ бюро для освидѣтельствованія. Потомъ онъ повторилъ со своимъ осторожнымъ и любезнымъ видомъ:

— Во всякомъ случаѣ, господа, начало есть, это несомнѣнно.

Но тутъ все бюро внезапно взволновалось. Въ комнату вихремъ ворвалась Гривоттъ; она чуть не плясала отъ радости, крича во весь голосъ:

— Я исцѣлилась... я исцѣлилась!..

И больная разсказала, какъ ее сначала не хотѣли пускать въ бассейнъ, какъ ей пришлось настаивать, молить, рыдать, пока наконецъ рѣшились погрузить ее съ формальнаго разрѣшенія отца Фуркада. И все вышло, какъ Гривоттъ предсказывала заранѣе: не успѣла она пробыть и трехъ минутъ въ ледяной водѣ, куда ее опустили въ сильнѣйшей испаринѣ, съ охрипшимъ горломъ чахоточныхъ, какъ дѣвушка почувствовала возстановленіе силъ, точно отъ удара хлыстомъ по всему тѣлу. Сильнѣйшая экзальтація, внутренній огонь волновали ее; она бросалась во всѣ стороны, вся сіяла и не могла устоять на мѣстѣ.

— Я выздоровѣла, мои добрые господа... я выздоровѣла...

Пораженный на этотъ разъ, Пьеръ смотрѣлъ на нее и не вѣрилъ глазамъ. Неужели это была та самая больная, которую онъ видѣлъ прошлой ночью недвижимой на скамейкѣ вагона съ ея страшнымъ капшлемъ, кровохарканіемъ и землистымъ лицомъ? Онъ не узнавалъ ея; Гривоттъ держалась прямо и ловко, точно здоровая; щоки у нея разрумянились, глаза блестѣли и вся она пылала,—пылала желаніемъ и радостью жизни.

— Господа,—заявилъ докторъ Бонами,—этотъ случай кажется мнѣ довольно интереснымъ... вотъ мы сейчасъ посмотримъ.

Онъ потребовалъ документы Гривоттъ; посреди кучи бумагъ на обоихъ столахъ, ихъ не могли найти. Секретари, молодые семинаристы, перерыли все; начальнику служащихъ при купели, сидѣвшему посреди, пришлось встать и самому заглянуть на полки. Наконецъ, когда онъ снова сѣлъ, то нужныя бумаги отыскались подъ реэстромъ, который былъ развернутъ передъ нимъ. Здѣсь оказалось до трехъ медицинскихъ свидѣтельствъ и онъ прочелъ ихъ вслухъ. Всѣ три доктора опре-

Digitized by Google

дѣляли у больной чахотку въ сильномъ развитіи, осложненную нервнымъ разстройствомъ въ разныхъ видахъ.

Докторъ Бонами сдѣлалъ жестъ, какъ будто говоря, что такое сочетаніе недуговъ не оставляло болѣе ни малѣйшаго сомнѣнія. Потомъ онъ долго выслушивалъ больную, повторяя про себя:

— Я не слышу ничего... я не слышу ничего...

Впрочемъ, онъ спохватился:

— Или почти ничего.

Потомъ Бонами повернулся къ двадцати пяти или тридцати докторамъ, стоявшимъ въ молчаніи.

— Господа, если кто нибудь изъ васъ захочетъ мнѣ помочь своими познаніями... Вѣдь мы здѣсь для того, чтобы изучать и обсуждать.

Сначала никто не двинулся съ мѣста. Потомъ одинъ рискнулъ выступить впередъ; онъ внимательно прослушалъ въ свою очередь молодую женщину, но не высказывалъ окончательнаго мнѣнія, а раздумывалъ, озабоченно покачивая головою. Наконецъ онъ пробормоталъ, что въ данномъ случаѣ считаетъ за лучшее держаться выжидательнаго образа дѣйствій. Однако, другой тотчасъ замѣнилъ его; тотъ высказался категорически: онъ не слышалъ ровно ничего, никогда эта женщина на была чахоточной. За нимъ послѣдовали еще другіе врачи; кончилось тѣмъ, что всѣ они освидѣтельствовали Гривоттъ, исключая пятерыхъ или шестерыхъ, которые держали себя въ сторонѣ, скрытничая и тонко улыбаясь. Путаница вышла полная, потому что каждый судилъ по своему и не соглашался съ прочими; въ общемъ гулѣ голосовъ, говорившихъ за разъ, даже нельзя было ничего разобрать. Только отецъ Даржелесъ обнаруживалъ полнѣйшее спокойствіе, почуявъ здѣсь одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые страстно заинтересовываютъ публику и составляютъ славу лурдской Богоматери. Онъ писалъ уже замѣтку на углу стола.

Тутъ, благодаря громкому говору, Пьеръ и докторъ Шассень, сидѣвшіе въ сторонѣ, могли разговориться между собою, не боясь, что ихъ услышатъ.

— О, эти купели, которыя я только что видѣлъ и въ которыхъ такъ рѣдко возобновляютъ воду!—воскликнулъ молодой аббатъ.—Какая грязь, какой бульонъ изъ микробовъ!.. Ахъ,

Digitized by Google

нынѣшняя манія и страсть къ антисептическимъ предосторожностямъ терпитъ тутъ полнѣйшее поруганіе!.. Какимъ образомъ происходитъ, что одна и та же зараза не уноситъ всѣхъ больныхъ? Какъ должны смѣяться противники микробной теоріи!

Докторъ остановилъ его.

— Да нѣтъ же, дитя мое... Если ванны грязны, то онѣ не представляютъ никакой опасности. Замѣтьте, что температура воды не поднимается выше десяти градусовъ, а для культуры зародышей требуется двадцать пять. Затѣмъ заразныя болѣзни совсѣмъ не посѣщаютъ Лурдъ,—ни холера, ни тифъ, ни оспа, ни корь, ни скарлатина. Мы встрѣчаемъ здѣсь лишь нѣкоторыя органическія болѣзни: параличи, золотуху, наросты, язвы, нарывы, ракъ, чахотку, а онѣ не передаются посредствомъ воды въ ваннахъ. Застарѣлыя раны, которыя погружаютъ въ бассейнъ, не боятся ничего и не представляютъ никакого риска зараженія... Увѣряю васъ, что съ этой стороны чудотворной силѣ даже не нужно оказывать своего содѣйствія.

— Въ такомъ случаѣ, докторъ, въ прежнее время, когда вы занимались практикой, вы стали бы погружать больныхъ въ ледяную воду,—женщинъ во всякій періодъ мѣсяца, ревматиковъ, страдающихъ болѣзнью сердца, чахоточныхъ?.. А эту несчастную дѣвушку, полумертвую, въ испаринѣ, вы тоже стали бы купать?

— Разумѣется, нѣтъ!.. Существуютъ героическія средства, къ которымъ не рискуешь прибѣгнуть. Ледяная ванна навѣрно можетъ убить чахоточнаго; но почемъ знать, не можетъ ли она въ извѣстныхъ случаяхъ спасти его?.. Я, который пришелъ къ окончательному заключенію, что здѣсь дѣйствуетъ сверхъестественная сила,—охотно допускаю, что исцѣленія должны происходить естественнымъ путемъ, именно благодаря этому погруженію въ холодную воду, которое намъ кажется безсмысленнымъ и варварскимъ... Ахъ, какъ многаго мы не знаемъ, какъ многаго мы не знаемъ!..

Онъ опять впадалъ въ свой гнѣвъ, пылалъ ненавистью къ наукѣ, которая внушала ему презрѣніе, съ тѣхъ поръ какъ она оставила его растерянным и безсильнымъ передъ агоніей жены и дочери.

— Вы требуете увѣренности; но ужь, конечно, не медицина

Digitized by Google

дастъ вамъ ее... Послушайте съ минуту этихъ господъ и подивитесь. Ну, не прелесть ли эта полнѣйшая путаница, гдѣ сталкиваются всѣ мнѣнія? Положимъ, есть болѣзни, превосходно изученныя, до самыхъ мельчайшихъ фазъ ихъ развитія; есть лѣкарства, дѣйствіе которыхъ изслѣдовано съ самымъ добросовѣстнымъ тщаніемъ; но чего не знаютъ, чего нельзя знать, такъ это отношенія лѣкарства къ болѣзни, потому что сколько больныхъ, столько и формъ недуга; и каждый разъ приходится начинать опытъ съизнова. Вотъ почему медицина остается искусствомъ она не подчиняется строгимъ правиламъ: исцѣленіе всегда зависитъ отъ случая, отъ счастливыхъ обстоятельствъ, отъ находчивости врачебнаго генія... Теперь вы поймете, что люди, которые приходятъ сюда для обсужденія, смѣшатъ меня, когда они толкуютъ, опираясь на непреложные законы науки. Гдѣ эти законы въ медицинѣ? Пускай мнѣ ихъ покажутъ.

Шассень не хотѣлъ больше говорить, но страсть увлекла его.

— Я вамъ сказалъ, что сдѣлался вѣрующимъ... однако, въ сущности, я понимаю очень хорошо, почему этотъ славный докторъ Бонами нисколько не смущается и созываетъ врачей со всего свѣта, чтобы изучать чудеса. Чѣмъ больше было бы докторовъ, тѣмъ менѣе выяснялась бы истина при различіи діагнозовъ и методовъ лѣченія. Если люди не приходятъ къ соглашенію, когда дѣло идетъ о наружной ранѣ, то гдѣ же имъ столковаться насчетъ внутренняго поврежденія, которое одни отрицаютъ, тогда какъ другіе подтверждаютъ? А если такъ, отчего же все прочее не признать чудомъ? Вѣдь, въ сущности, будь то природа, которая дѣйствуетъ въ больномъ человѣкѣ, или неизвѣстная сила, доктора тѣмъ не менѣе чаще всего становятся втупикъ передъ исходомъ болѣзни, потому что они рѣдко его предвидятъ... Конечно, здѣшнее бюро организовано очень плохо. Эти свидѣтельства неизвѣстныхъ врачей не представляютъ никакой серьезной гарантіи; тутъ былъ бы нуженъ строгій контроль документовъ. Но, даже допуская абсолютную научную строгость, вы будете очень наивны, дитя мое, если вообразите, что этимъ можно убѣдить всѣхъ; заблужденіе живетъ въ самомъ человѣкѣ и нѣтъ болѣе героической задачи, какъ установить самую мелкую изъ истинъ.

Тутъ Пьеръ сталъ понимать происходившее въ Лурдѣ,— необыкновенное зрѣлище, на которомъ присутствовалъ въ про-

Digitized by Google

долженіе многихъ лѣтъ цѣлый свѣтъ, среди набожнаго поклоненія однихъ и наглыхъ насмѣшекъ другихъ. Конечно, здѣсь дѣйствовали силы, мало изученныя до сихъ поръ и даже вовсе неизвѣстныя: самовнушеніе, встряска организма, подготовленная исподволь, увлеченіе путешествіемъ, молитвы и псалмы, возрастающая экзальтація, а въ особенности цѣлительное вѣяніе, неизвѣстное могущество, которое выдѣляется изъ народныхъ массъ въ остромъ кризисѣ вѣры. Съ этихъ поръ ему показалось просто глупостью предполагать здѣсь обманъ. Дѣйствительные факты были гораздо выше и притомъ гораздо проще всякихъ подтасовокъ. Людямъ, которые завѣдывали пещерой, не было надобности пятнать свою совѣсть ложью; съ нихъ было достаточно содѣйствовать путаницѣ, утилизировать всеобщее невѣжество. Можно было даже допустить, что всѣ дѣйствовали добросовѣстно: и плохіе доктора, выдававшіе свидѣтельства, и утѣшенные больные, воображавшіе, что они исцѣлены, и увлекающіеся свидѣтели, которые клялись, что видѣли то или другое своими глазами. Изо всего этого проистекала невозможность доказать, что чудо совершилось или не совершилось, а между тѣмъ, однажды признанное, не обращалось ли оно въ дѣйствительность для большинства, для всѣхъ тѣхъ, которые страдали и нуждались въ надеждѣ?

Когда докторъ Бонами приблизился къ обоимъ пріятелямъ, видя, что они бесѣдуютъ въ сторонкѣ, Пьеръ осмѣлился спросить его:

— А въ какой пропорціи происходятъ исцѣленія?

— Около десяти на сто,—отвѣчалъ тотъ.

Потомъ, прочитавъ въ глазахъ молодаго священника то, что онъ не могъ высказать, докторъ прибавилъ съ полнѣйшимъ добродушіемъ:

— О, случаевъ исцѣленія получилось бы гораздо больше. Вѣдь если послушать нашихъ больныхъ, то всѣ они оказываются выздоровѣвшими. Но, говоря откровенно, я нахожусь здѣсь собственно для того, чтобы служить отчасти полиціей чудесъ. Моя единственная обязанность—останавливать слишкомъ большое рвеніе и не допускать, чтобы священныя вещи обращались въ смѣшную сторону... Вообще мое бюро есть только бюро провѣрокъ, когда подтвержденныя исцѣленія кажутся серьезными.

Digitized by Google

Рѣчь Бонами была прервана глухимъ ворчаніемъ. Это Робуанъ выходилъ изъ себя.

— Подтвержденныя исцѣленія, подтвержденныя исцѣленія... Къ чему это, позвольте васъ спросить? Чудо не прекращается... Для вѣрующихъ нѣтъ надобности подтверждать его; вѣрующимъ остается только преклоняться и вѣрить. А невѣрующіе также не нуждаются въ констатированіи: ихъ ничѣмъ не убѣдишь... Мы просто бьемъ здѣсь баклуши.

Докторъ Бонами строго велѣлъ ему замолчать.

— Робуанъ, вы настоящій бунтовщикъ... Я скажу отцу Кандебарту, что не хочу держать васъ при себѣ, потому что вы сѣете неповиновеніе.

Однако онъ былъ правъ, этотъ неуклюжій малый, который показывалъ зубы, вѣчно готовый укусить, когда касались его вѣры. Вся эта дѣятельность бюро констатированій, поставленная притомъ же кое-какъ, дѣйствительно была безполезна: она оскорбляла набожныхъ и не достигала цѣли относительно невѣрующихъ. Развѣ чудо можно доказать? Въ него надо вѣрить! Когда Господь посылаетъ милость, тутъ ничего не остается понимать. Въ вѣка настоящей вѣры, наука не вступалась въ подобныя явленія, чтобы объяснять Бога: причемъ она тутъ? Она только тормозила вѣру и умалялась сама. Нѣтъ, нѣтъ, надо броситься на землю, цѣловать ее и вѣрить, или уходить прочь; тутъ невозможенъ никакой компромиссъ. Съ того момента, когда начинался разборъ, онъ не долженъ былъ останавливаться и роковымъ образомъ приводилъ къ сомнѣнію.

Но Пьера въ особенности коробили необыкновенные разговоры, которые онъ слышалъ вокругъ себя. Въ бюро находились вѣрующіе, толковавшіе о чудесахъ съ удивительной легкостью и спокойствіемъ. Самые поразительные факты нисколько не смущали ихъ. Вотъ и еще одно чудо, а вотъ другое. Они разсказывали какія-то измышленія безумія съ улыбкой, безъ малѣйшаго протеста своего разума. Эти люди очевидно жили въ такой средѣ визіонерной лихорадки, что ихъ не изумляло болѣе ничего. И эти были не одни убогіе духомъ, съ ребяческимъ образомъ мыслей, необразованные, подверженные галлюцинаціямъ, какъ Робуанъ; между ними находились также интеллигентныя личности, развитыя головы, ученые, какъ докторъ Бонами и другіе. Это было просто невообразимо. И Пьеръ

Digitized by Google

чувствовалъ, какъ въ немъ поднимается и растетъ необъяснимое недовольство, глухой гнѣвъ, искавшій себѣ выхода. Его разумъ боролся, подобно бѣдному существу, которое бросили въ воду, гдѣ волны захлестываютъ со всѣхъ сторонъ и душатъ его; онъ подумалъ при этомъ, что умы, подобные, напримѣръ, доктору Шассеню, ударившіеся въ слѣпую вѣру, должны сначала переносить это тягостное чувство и эту борьбу, прежде чѣмъ подвергнуться окончательному крушенію.

Аббатъ посмотрѣлъ на Шассеня и увидѣлъ его безконечно печальнымъ, сраженнымъ судьбою, слабымъ, какъ плачущій ребенокъ, одинокимъ на свѣтѣ. А между тѣмъ Пьеръ не могъ удержать крикъ протеста, рвавшійся наружу:

— Нѣтъ, нѣтъ, если люди не знаютъ всего, если даже они никогда не могутъ всего узнать, это не резонъ, чтобы перестать учиться. Дурно, что невѣдомое потакаетъ скудоумію и невѣжеству. Вѣчная надежда, напротивъ, должна уповать, что необъяснимые факты со временомъ объяснятся; и если мы разумны, то у насъ не можетъ быть другаго идеала, кромѣ этого движенія впередъ, къ невѣдомому, чтобъ узнать его; кромѣ этой медленной побѣды разума, къ которой мы должны стремиться, продолѣвая немощи нашего тѣла и духа... Ахъ, разумъ! Черезъ него я страдаю, но и въ немъ только вижу всю свою силу. Когда онъ гибнетъ, съ нимъ вмѣстѣ гибнетъ и человѣкъ. Отказываясь отъ всякихъ правъ на счастье, я живу только пламенной жаждой все болѣе и болѣе удовлетворять свой разсудокъ.

Слезы навернулись на глаза доктора Шассеня, вѣроятно, при воспоминаніи о его дорогихъ умершихъ, и онъ въ свою очередь прошепталъ:

— Разумъ, разумъ!.. да, конечно, онъ составляетъ великую гордость и даже достоинство жизни. Но, кромѣ него, въ ней есть любовь, это всемогущество въ нашемъ существованіи, единственное благо, которое стоитъ отвоевать, когда оно потеряно...

Его голосъ оборвался въ заглушаемомъ рыданіи, и, какъ онъ машинально перелистывалъ документы на столѣ, ему попались подъ руку бумаги, гдѣ на обложкѣ было написано крупными буквами имя Мари де-Герсенъ. Шассень развернулъ ихъ и прочиталъ свидѣтельства двухъ докторовъ, которые едино-

Digitized by Google

гласно опредѣлили у молодой дѣвушки параличъ спиннаго мозга. И онъ заговорилъ опять:

— Ну, вотъ, мое дитя, я знаю, что вы питаете искреннюю привязанность къ мадмуазель де-Герсенъ... Что бы вы сказали, еслибы она исцѣлилась въ Лурдѣ? Ея свидѣтельство подписано почтенными именами, а вы знаете, что параличи подобнаго рода почти неизлѣчимы. И вотъ, еслибы эта молодая особа внезапно принялась бѣгать и прыгать, какъ то случилось на моихъ глазахъ съ другими, вѣдь вы обрадовались бы такому исходу и признали бы, наконецъ, въ настоящемъ случаѣ вмѣшательство сверхъестественной силы?

Пьеръ хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ вспомнилъ слова своего родственника Боклера, — предсказанное имъ чудо, быстрое, какъ молнія, которое должно произойти отъ пробужденія, отъ экзальтаціи всего существа; аббатомъ опять овладѣло непріятное чувство, а потому онъ ограничился уклончивымъ отвѣтомъ:

— Дѣйствительно, я былъ бы очень радъ... И вы правы, вѣроятно: свѣтъ волнуется только жаждою счастья.

Но Пьеръ не могъ оставаться здѣсь дольше. Въ бюро сдѣлалась такая жара, что потъ лилъ съ лица присутствующихъ. Докторъ Бонами принялся диктовать одному изъ семинаристовъ результатъ осмотра Гривоттъ, тогда какъ отецъ Даржелесъ, наблюдая за выраженіями, поднимался иногда къ его уху, чтобы измѣнить ту или другую фразу. Впрочемъ, столпотвореніе продолжалось вокругъ нихъ. Споръ докторовъ уклонился въ сторону и перешелъ теперь къ техническимъ вопросамъ, не представлявшимъ интереса въ спеціальномъ случаѣ, разбираемомъ здѣсь. Между досчатыхъ стѣнъ нечѣмъ было дышать; всѣхъ мутило отъ спертаго воздуха. Маленькій блондинъ, парижскій писатель съ вѣсомъ, уже ушелъ, недовольный тѣмъ, что ему такъ и не удалось увидѣть чуда.

Пьеръ потихоньку сказалъ доктору Шассеню:

— Выйдемте отсюда, мнѣ дѣлается дурно.

Они вышли вмѣстѣ съ Гривоттъ, которую отпустили, и тотчасъ, у самой двери, попали въ толпу: любопытные рвались впередъ и толкались, чтобы увидѣть женщину, удостоившуюся чуда. Слухъ о немъ уже успѣлъ распространиться и каждый спѣшилъ взглянуть на избранницу, разспросить ее, при-

Digitized by Google

коснуться къ ней. Гривоттъ, съ раскраснѣвшимися щеками, только и дѣлала, что повторяла, чуть не приплясывая:

— Я исцѣлилась... я исцѣлилась...

Крики покрыли ея голосъ; она утонула въ нахлынувшей волнѣ народа, была унесена движеніемъ массы. Одну минуту ее потеряли изъ глазъ, точно она канула въ воду, потомъ дѣвушка опять внезапно появилась вблизи доктора и Пьера, которые старались выбраться изъ тѣсноты. Они наткнулись здѣсь на Командора; одной изъ маній старика было спускаться къ купелямъ и къ пещерѣ, чтобы выходить тамъ изъ себя. Въ своемъ сюртукѣ, застегнутый по военному, на всѣ пуговицы, онъ по обыкновенію опирался на палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, волоча немного лѣвую ногу, которая оставалась парализованной со втораго апоплексическаго удара. Лицо чудака покраснѣло, глаза вспыхнули гнѣвомъ, когда Гривоттъ толкнула его, чтобы пройти, повторяя среди разнузданнаго энтузіазма толпы:

— Я исцѣлилась... я исцѣлилась...

— Ну, что жь,—воскликнулъ онъ въ порывѣ внезапнаго бѣшенства,—тѣмъ хуже для васъ, дочь моя!

Присутствующіе закричали, но потомъ разсмѣялись; Командора знали всѣ и прощали ему его пристрастіе маньяка восхвалять смерть. Между тѣмъ, когда онъ бормоталъ невнятныя рѣчи, ворча про себя, что жаль смотрѣть, какъ люди хотятъ жить, не имѣя ни красоты, ни богатства, и что для этой дѣвушки было бы лучше сейчасъ же отправиться на тотъ свѣтъ, чѣмъ мучиться еще, толпа не на шутку стала роптать вокругъ него. Но проходившій аббатъ Жюденъ вступился за стараго оригинала. Оттащивъ Командора въ сторону, онъ заговорилъ:

— Да замолчите же вы, мой другъ! Это чистый скандалъ... Зачѣмъ возставать противъ милосердія Господа, который иногда снисходитъ къ нашимъ бѣдствіямъ и облегчаетъ ихъ?.. Повторяю, вамъ слѣдовало бы самимъ пасть на колѣни и просить Бога, чтобы онъ исцѣлилъ вашу больную ногу и прибавилъ вамъ еще десятокъ лѣтъ жизни.

Тутъ Командоръ совсѣмъ захлебнулся негодованіемъ.

— Мнѣ, мнѣ просить десять лѣтъ жизни, если самымъ счастливымъ днемъ для меня будетъ тотъ, когда я умру? Быть

Digitized by Google

такимъ же трусомъ, какъ эти тысячи больныхъ, которые на моихъ глазахъ проходятъ здѣсь, охваченные подлымъ страхомъ смерти, воющіе отъ своего малодушія и постыдной страсти жить! Ахъ, нѣтъ, я слишкомъ презиралъ бы себя тогда!.. Пусть я околѣю, и тотчасъ же, какъ будетъ хорошо перестать существовать...

Онъ очутился возлѣ доктора Шассеня и Пьера, которые наконецъ выбрались изъ давки и вышли на берегъ Гава. Командоръ обратился къ доктору, — они были знакомы, часто встрѣчаясь между собой.

— Развѣ не пробовали сейчасъ воскресить человѣка? Мнѣ разсказывали объ этомъ и я чуть не лопнулъ со смѣху. Гмъ! понимаете вы, докторъ: человѣка, который имѣлъ счастіе умереть, они позволили себѣ опустить въ свою воду, въ преступной надеждѣ заставить его ожить! Но вѣдь еслибъ это имъ удалось, еслибы вода оживила его, этого несчастнаго,—потому что на здѣшнемъ дурацкомъ свѣтѣ происходятъ иногда престранныя штуки,—не думаете ли вы, что воскресшій имѣлъ бы право излить свой гнѣвъ на этихъ починителей труповъ?.. Развѣ покойникъ просилъ ихъ будить его? Развѣ они знали, что онъ не радовался своей смерти? Вѣдь въ такихъ случаяхъ надо, по крайней мѣрѣ, спросить мнѣнія заинтересованнаго лица. Представьте себѣ, что они вздумали бы вдругъ продѣлать надо мною такую штуку, когда я наконецъ засну прекраснымъ, крѣпкимъ сномъ. Ну, ужь и задалъ бы я имъ тогда! Не суйтесь не въ свое дѣло... А послѣ того я поторопился бы опять скончаться.

Онъ былъ такъ забавенъ въ своемъ гнѣвѣ, что аббатъ Жюденъ съ докторомъ невольно улыбнулись. Но Пьеръ оставался серьезнымъ; отъ словъ Командора по его членамъ пробѣжалъ леденящій трепетъ, точно на всѣхъ присутствующихъ пахнуло страшнымъ холодомъ могилы. Не было ли то, что онъ сейчасъ услышалъ, отчаянными сѣтованіями евангельскаго Лазаря? Аббату часто представлялось, что Лазарь, выдя изъ могилы, вопіялъ:—«Зачѣмъ пробудили меня къ этой отвратительной жизни? Я такъ сладко заснулъ вѣчнымъ сномъ безъ сновидѣній, я вкусилъ наконецъ дивный покой въ блаженной отрадѣ небытія! На землѣ я извѣдалъ всѣ горести и всѣ скорби, измѣну, обманчивыя надежды,

Digitized by Google

неудачи, болѣзни; я уплатилъ страданію ужасный долгъ каждаго живущаго, потому что родился, не вѣдая, зачѣмъ и жилъ, не вѣдая, какъ; теперь же меня заставляютъ расплачиваться вдвойнѣ, принуждая отбыть новый срокъ мученія!.. Да развѣ я совершилъ какой нибудь непростительный грѣхъ, что мнѣ послали такую жестокую кару? Ожить снова, увы! чувствовать каждый день понемногу постепенное умираніе своего тѣла, имѣть умъ только для того, чтобы сомнѣваться, волю, чтобы пребывать въ безсиліи, любовь, чтобы оплакивать свои потери! И все это было уже кончено: я совершилъ ужасающій переходъ отъ жизни къ смерти, пережилъ ту страшную минуту, которой вполнѣ достаточно, чтобы отравить цѣлое существованіе. Я чувствовалъ, какъ выступалъ на мнѣ предсмертный потъ, какъ кровь останавливалась въ моихъ жилахъ, какъ уходило въ послѣдней икотѣ мое дыханіе. Неужели угодно Богу чтобы я дважды вкусилъ эту горечь, чтобы я дважды умеръ и чтобы моя мука превзошла муку всѣхъ остальныхъ людей!.. Ахъ, тогда пусть это будетъ сейчасъ же!

Между тѣмъ, аббатъ Жюденъ увелъ Командора, послѣ того какъ ему удалось успокоить старика, а Пьеръ пожалъ руку Шассеню, вспомнивъ, что теперь уже больше пяти часовъ и Мари, вѣроятно, его дожидается. У пещеры, куда наконецъ онъ вернулся, молодой священникъ увидалъ аббата де-Гермуаза, жарко бесѣдовавшаго о чемъ-то съ де-Герсеномъ; архитекторъ только что вышелъ изъ своей комнаты въ гостинницѣ, сладко выспавшись и повеселѣвъ послѣ крѣпкаго сна. Они съ аббатомъ восхищались необыкновенной красотою, которую придавала нѣкоторымъ женскимъ лицамъ экзальтація вѣры, и, кромѣ того, обсуждали свою предстоящую поѣздку въ циркъ Гаварни.

Впрочемъ, де-Герсенъ тотчасъ послѣдовалъ за Пьеромъ, какъ только узналъ, что Мари приняла первую ванну безо всякаго результата. Они нашли молодую дѣвушку въ прежнемъ страдальческомъ отупеніи; глаза больной были неподвижно устремлены на пресвятую Дѣву, которая не удостоила ее услышать. Мари ничего не отвѣтила на ласковыя рѣчи отца; она только взглянула на него своими большими скорбными глазами и опять перевела ихъ на мраморное изваяніе, ярко бѣлѣвшее въ ослѣпительномъ блескѣ множества свѣчъ. Пока Пьеръ ожи-

Digitized by Google

далъ, стоя, когда больная захочетъ вернуться въ лазаретъ, де-Герсенъ набожно опустился на колѣни. Сначала онъ горячо молился объ исцѣленіи дочери, а потомъ сталъ вымаливать благодати уже для себя. Старикъ мечталъ о богатомъ заказчикѣ, который далъ бы ему милліонъ, необходимый для того, чтобы открыть секретъ управленія воздушными шарами.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЪ УСТРОЙСТВѢ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПРАГѢ.

(Страница изъ исторіи петербургскаго славянофильства).

I.

Искони множество русскихъ путешественниковъ посѣщало Чехію, направляясь къ многоразличнымъ цѣлебнымъ источникамъ, обогащающимъ эту, во всѣхъ отношеніяхъ, драгоцѣнную страну. По бо́льшей части, такіе искатели цѣлебныхъ источниковъ направлялись въ эту страну черезъ Берлинъ и Дрезденъ, иные черезъ Вѣну. Но и тѣ, и другіе не всегда попадали въ Прагу, столицу прежняго чешскаго королевства. Даже образованные русскіе имѣли — еще весьма недавно—болѣе чѣмъ смутное понятіе объ этой странѣ, объ ея исторіи и судьбахъ въ ней славянской народности. У насъ даже не подозрѣвали, что страна, именовавшаяся въ географіи — Богеміей, и есть именно чешское королевство, страна, обитаемая исконно-славянскимъ населеніемъ, господствовавшимъ въ древней Моравіи, гдѣ за тысячу лѣтъ подвизались въ трудахъ апостольской проповѣди и духовнаго просвѣщенія равноапостольные братья, Кириллъ и Меѳодій. Изъ нихъ послѣдній, въ санѣ епископа, посвященнаго папой въ Римѣ, особенно потрудился надъ дѣломъ насажденія въ моравской землѣ православной вѣры и устройства мѣстной церкви съ природнымъ славянскимъ духовенствомъ, служившимъ и проповѣдывавшимъ своей паствѣ на родномъ нарѣчіи.

Обо всемъ этомъ, къ удивленію и стыду нашего общества, русскіе люди заботились весьма мало, и вплоть до 1867 года общественныя массы,—за исключеніемъ горсти славянофиловъ,—даже и не подозрѣвали, что за предѣлами Россіи имѣются родственныя намъ страны и племена, которымъ въ ихъ прошлой жизни много уже пришлось выстрадать за свою приверженность вѣрѣ отцовъ, родному языку и своей народной славянской самобытности.

И вотъ почему изъ всей массы русскихъ, объѣзжавшихъ и изучавшихъ Европу во всѣхъ направленіяхъ, всего менѣе попадало въ чешскую Прагу, не смотря на живописность мѣстоположенія

Digitized by Google

этой старинной славянской столицы, на обиліе въ ней незамѣнимыхъ памятниковъ славянской старины, на добродушно-родственное отношеніе ея чешскаго населенія къ русскимъ, случайно и на короткое время попадавшимъ въ нее.

Зато, бокъ-о-бокъ съ Прагой,—въ нѣмецкомъ Дрезденѣ,—русскіе люди, съ начала 60-хъ годовъ и еще ранѣе, основали весьма внушительную колонію, часть которой даже считала возможнымъ заниматься тамъ воспитаніемъ своихъ дѣтей, вѣроятно, для лучшаго вытравленія изъ нихъ русскаго духа. Благодаря этому, устроена была въ Дрезденѣ и православная церковь съ постояннымъ причтомъ. Этотъ же причтъ, когда въ лѣтнее время Дрезденъ пустѣлъ, а на минеральныхъ водахъ въ Чехіи стекались во множествѣ и русскіе больные, временно перемѣщался въ Карлсбадъ, гдѣ въ скромной обстановкѣ домашней церкви совершалось богослуженіе и исполнялись требы.

Насталъ 1867 годъ со славянскимъ съѣздомъ въ Москвѣ. Русскіе люди впервые увидали воочію, наряду съ манкенами, облеченными въ одежды славянскихъ племенъ, и живыхъ славянскихъ депутатовъ. Увидали,—и почувствовали, что Россія и русскіе у нихъ въ долгу, что надлежитъ наверстывать утраченныя столѣтія, проведенныя въ непонятномъ ослѣпленіи, въ необъяснимомъ и вредномъ другъ для друга отчужденіи. И начались тогда оживленная дѣятельность рускихъ славянофильскихъ кружковъ, и зарожденіе въ 1868 году самостоятельнаго петербургскаго отдѣла славянскаго комитета, до того времени благополучно прозябавшаго въ Москвѣ въ полной неизвѣстности. Однимъ словомъ, началось тогда въ Россіи то внутреннее броженіе славянскихъ мыслей и чувствъ, которое, захватывая постепенно все глубже не одни общественные, но даже народные слои, и расплываясь все шире по лицу земли русской, рано или поздно должно было привести ко всеобщему неудержимому движенію 1875—1877 годовъ,—привело къ нему, и завлекло насъ къ вратамъ Царьграда, но—увы!—не для того чтобы въ нихъ вступить, а для того чтобы отступить отъ нихъ, напугавъ еще разъ «Европу» призракомъ панславизма и нашего всемогущества на востокѣ...

И это могло случиться и случилось опять потому, что мы до того времени мало заботились и мало изучали Австрію, мало освѣдомлялись объ ея внутренней политической жизни, продолжая смотрѣть на нее глазами русскихъ дипломатовъ эпохи крымской войны, тогда какъ Сольферино и Кёниггрецъ уже развязали ее съ «друзьями» и предначертали ей новый путь развитія, въ которомъ мы могли бы шествовать съ нею рука объ руку для общей пользы,

Digitized by Google

вмѣсто того чтобы чуждаться, бояться другъ друга и тратиться на взаимное другъ другу противодѣйствіе для обоюднаго вреда.

II.

Характеръ русско-чешскихъ отношеній, значительно развившихся и окрѣпшихъ съ 1867 года, со всею яркостью выступаетъ въ началѣ устройства русской православной церкви въ Прагѣ. Много говорилось и писалось славянофилами на тему объ отношеніяхъ православныхъ и католическихъ славянъ между собою. Все, что говорилось ими на этотъ счетъ, дышало искреннимъ русскимъ патріотизмомъ и горячею преданностью православію. Но — нечего таить грѣха—много говорилось ими и поверхностнаго, недодуманнаго, грѣшившаго противъ истины религіозной и исторической, и такого, что должно было вредить взаимному духовному братскому пониманію другъ друга между православными русскими и римско-католиками въ Чехіи, Хорватіи, отчасти Венгріи, Галиціи и, вообще, у всѣхъ мелкихъ группъ католическихъ славянъ Австріи. Объясняется и, пожалуй, оправдывается это злополучное непониманіе и заблужденіе тѣми впечатлѣніями, которыя должны были непредотвратимо сказаться въ русскомъ обществѣ въ эпоху послѣдняго польскаго возстанія. Славянофилы и до этой эпохи,—быть можетъ, подъ гнетомъ возбужденія, созданнаго еще въ 40-хъ годахъ послѣ польской компаніи 1831 года,—не переставали укорять австрійскихъ славянъ и поляковъ за ихъ отщепенство или, вѣрнѣе, за ихъ приверженность Риму. Подъ впечатлѣніемъ же возстанія 60-хъ годовъ, русское общество, относившееся до тѣхъ поръ весьма равнодушно ко всему славянскому, а слѣдовательно и къ славянамъ австрійскимъ, естественно не могло не поддаваться этому проповѣдничеству славянофиловъ, сводившемуся къ общей формулѣ приблизительно слѣдующаго свойства: ***истинными славянами могутъ считаться только славяне православные***; славяне же католики — это не только заблудшія овцы въ смыслѣ духовномъ, но и отщепенцы отъ славянскаго духа въ смыслѣ политическомъ. А потому,—выводили славянофилы,—славяне-католики должны прежде всего сознать свой грѣхъ, покаяться въ немъ и попытаться возвратиться въ лоно православія. А такъ какъ для этого обращенія въ средѣ славянъ-католиковъ, поселенныхъ въ Австріи, было весьма мало надеждъ, то у славянофиловъ и было положено держаться съ ними весьма недовѣрчиво.

Въ разсказѣ моемъ о первыхъ шагахъ въ устройствѣ среди чеховъ-католиковъ, въ средоточіи чешской католической паствы,—

*

Digitized by Google

православнаго храма наглядно выступитъ вся неосновательность точки зрѣнія нашихъ славянофиловъ на славянъ-католиковъ и вся незаслуженность подозрѣній и отчужденности, съ которыми они къ нимъ относились. Въ такого рода междуплеменныхъ препирательствахъ факты могутъ говорить убѣдительнѣе всякихъ трактатовъ и проповѣдей. А именно фактовъ-то изъ жизни славянъ внѣ Россіи славянофилы всегда знали немного, и мало даже ими интересовались, увлекаясь болѣе своими умозрительными и сердечными проповѣдями.

Ко времени 1868—1869 годовъ относится пребываніе въ Прагѣ графа А. Е. Комаровскаго, который заѣхалъ туда, кажется, изъ Дрездена, гдѣ и онъ въ числѣ многихъ русскихъ прожилъ довольно долго. Вступивъ тогда, подъ впечатлѣніемъ московскаго съѣзда 1867 года, въ близкія и частыя сношенія съ выдающимися чешскими дѣятелями въ Прагѣ, бесѣдуя съ ними о ихъ задушевныхъ желаніяхъ, онъ услыхалъ отъ нихъ заявленія, въ которыхъ просвѣчивала мечта — увидать въ Прагѣ православный храмъ. Чешскимъ патріотамъ было видимо жаль, что Прага, съ ея безчисленными историческими памятниками славянской старины, съ ея богатыми данными для славянскаго просвѣщенія, такъ сказать, пропадаетъ для русскихъ путешественниковъ, которые старательно ее объѣзжаютъ, спѣша или къ минеральнымъ источникамъ въ самой Чехіи, или къ болѣе «заманчивымъ» средоточіямъ западной жизни въ Германіи, Франціи и Италіи.

Откровенія чешскихъ вожаковъ, высказанныя ими въ видѣ ріа desideria въ интимныхъ бесѣдахъ, нашли въ истинно-русской душѣ гр. Комаровскаго искреннее сочувствіе. Онъ затѣялъ тогда, по этому поводу, переписку съ московскими славянофилами, и у тѣхъ точно также эта благая мысль запала на сердце и они стали ее лелѣять, какъ зародышъ всѣмъ имъ желаннаго, но трудно осуществимаго проэкта. Какъ сдѣлать, чтобы въ Прагѣ явилась русская церковь? Откуда добыть на это средства? Какъ добиться разрѣшенія на это отъ мѣстныхъ *католическихъ* властей? Всѣ эти вопросы очевидно становились поперекъ дороги у славянофиловъ Москвы. Но они говорили и писали объ этомъ замыслѣ своимъ друзьямъ и внѣ Москвы, и вотъ такимъ-то образомъ узналъ объ этомъ замыслѣ и А. Ѳ. Гильфердингъ, извѣстный всему славянству сторонникъ и сотрудникъ славянофиловъ, другъ Хомякова и Аксаковыхъ. Когда въ Петербургѣ, послѣ отъѣзда славянскихъ депутатовъ, созрѣла мысль объ организаціи самостоятельнаго славянофильскаго учрежденія, сочувствовавшіе этой задачѣ естественно сгруппировались вокругъ А. Ѳ. Гильфердинга, который, со времени открытія петербургскаго от-

Digitized by Google

дѣла славянскаго комитета, и былъ избираемъ его предсѣдателемъ, вплоть до преждевременной кончины своей въ 1873 году.

По стеченію обстоятельствъ, это время совпало съ торжествомъ юбилея Яна Гуса, съ открытіемъ чешскаго народнаго театра въ Прагѣ, когда, попеченіемъ извѣстнаго нашего композитора М. А. Балакирева, поставлена была тамъ опера Глинки: «Русланъ и Людмила». Вообще тогда, и въ обществѣ, и въ печати, весьма оживился интересъ къ славянству, а, благодаря вышеупомянутымъ историческимъ годовщинамъ — къ Чехіи и, слѣдовательно, къ Прагѣ. Это настроеніе и благопріятныя обстоятельства не ускользнули отъ чуткости и предпріимчивости энергическаго А. Ѳ. Гильфердинга. Изъ переписки съ И. С. Аксаковымъ, руководившимъ дѣятельностью славянофиловъ въ Москвѣ, онъ почерпнулъ убѣжденіе, что оттуда едва ли можетъ послѣдовать въ скоромъ времени какой либо практическій шагъ къ исполненію столь сложнаго и деликатнаго дѣла, какъ устройство въ *католической* Прагѣ *русскаго* храма. Московскіе славянофилы интересовались славянствомъ и работали на пользу его—на свой ладъ, болѣе келейно и идейно. Петербургскіе же славянофилы, съ самаго начала, пытались всегда облекать въ форму практическихъ проэктовъ все то, о чемъ славянофилы московскіе мечтали и проповѣдывали только устно или печатно на своихъ сходкахъ и въ печатныхъ органахъ. Также вышло и съ проэктомъ устройства церкви въ Прагѣ. Гильфердингу пришла мысль двинуть этотъ проэктъ въ ходъ безотлагательно, и она облеклась скоро въ слѣдующую практическую задачу. Предстояло прежде всего обойти главнѣйшее затрудненіе, заключавшееся въ невозможности для славянскихъ комитетовъ—московскаго и петербургскаго—предпринять какія либо официальныя хлопоты въ самой Австріи. Точно также представлялось невозможнымъ учинять отъ имени комитетовъ какіе либо официальные юридическіе акты, на основаніи которыхъ дѣло устройства церкви въ Прагѣ могло бы фактически быть начато и достаточно закрѣплено, для израсходованія на него впослѣдствіи немаловажныхъ матеріальныхъ средствъ. Оба эти затрудненія и обѣ задачи получили, однако, весьма скоро, благодаря практичности и изобрѣтательности Гильфердинга, слѣдующее практическое разрѣшеніе. Какъ теперь помню, на литературномъ чтеніи, которое происходило весной 1870 года, съ участіемъ гр. Алексѣя Толстаго, въ пользу петербургскаго комитета, въ залѣ дома кн. Бѣлосельской-Бѣлозерской, Гильфердингъ, отзывая меня въ сторону, говоритъ:— «А я на васъ имѣю виды,—и, замѣтивъ мое недоумѣніе, добавляетъ:— только не пугайтесь. Когда чтеніе кончится, мы побесѣдуемъ обстоятельно. Я мечтаю командировать васъ отъ комитета въ Прагу

Digitized by Google

по дѣлу устройства церкви. Не бойтесь, дѣло это уже достаточно выяснилось, и я убѣжденъ, что вы очень скоро и легко его устроите».—Потомъ онъ выяснилъ мнѣ, что мнѣ надо будетъ поѣхать въ Прагу всего недѣли на двѣ (какъ ему тогда казалось) чтобы войти въ ближайшіе переговоры съ чешскими вожаками, и преимущественно съ д-ромъ Браунеромъ, такъ какъ онъ и еще нѣсколько его сподвижниковъ были настоящими иниціаторами этого дѣла. Потомъ, если переговоры эти закончатся благополучно, мнѣ предстоитъ отъ моего частнаго имени учинить, съ кѣмъ потребуется, всѣ тѣ юридическіе акты, какіе будутъ необходимы по мѣстнымъ законамъ и обычаямъ, для обезпеченія намъ возможности пользоваться зданіемъ, предназначеннымъ для церкви.

Не безъ колебаній принялъ я на себя это порученіе. Я уже предчувствовалъ его сложность. Но я зналъ также и то, что если Гильфердингъ намѣтилъ именно меня для его исполненія, то, значитъ, дѣйствительно, видѣлъ въ этомъ непремѣнное условіе для успѣха дѣла. Коль скоро же это было такъ, — то уклоняться отъ дѣла, хотя хлопотливаго и отвѣтственнаго, представлялось для меня, бывшаго тогда дѣятельнымъ сотрудникомъ петербургскихъ славянофиловъ, и непослѣдовательнымъ, и непозволительнымъ. И я далъ свое согласіе, и сталъ готовиться къ этой поѣздкѣ. Никакихъ положительныхъ данныхъ о возможныхъ или вѣроятныхъ условіяхъ исполненія этого замысла не было ни въ петербургскомъ, ни въ московскомъ комитетѣ. До этого, между гр. Комаровскимъ и московскими славянофилами, дѣло вовсе и не доходило: все было въ туманѣ и въ обликѣ однихъ лишь пожеланій и гаданій.

Поэтому и мнѣ, передъ отправленіемъ на мѣсто, въ началѣ іюня 1870 года, не могло быть преподано никакой опредѣленной инструкціи, или хотя бы вчернѣ разработаннаго плана дѣйствій. Выражена была лишь одна задача, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ достигнуть полученія въ пользованіе давнишняго, упраздненнаго, бенедиктинскаго храма св. Николая въ Прагѣ, вблизи тынскаго собора и часовни Яна Гуса, возлѣ самой ратуши. Бенедиктинское аббатство давно уже было упразднено. Въ храмѣ же св. Николая еще издавна совершалось богослуженіе на славянскомъ нарѣчіи. Съ тѣхъ поръ зданіе этого храма состояло въ числѣ городскаго имущества, въ вѣдѣніи пражскаго городскаго управленія. Надлежало войти съ этимъ управленіемъ въ соглашеніе, чтобы получить зданіе въ пользованіе на формальномъ основаніи, для учрежденія въ немъ православнаго богослуженія. Но прежде всего предстояло повидаться въ Вѣнѣ съ о. Раевскимъ, настоятелемъ тамошней посольской церкви, и нѣкоторыми изъ тамошнихъ представителей Россіи для полученія

Digitized by Google

отъ нихъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и совѣтовъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и столкновеній съ австрійскими властями, какъ извѣстно, черезчуръ подозрительными ко всему, исходящему изъ Россіи. Въ самой идеѣ устройства православной церкви въ государствѣ, которое по конституціи пользуется вѣротерпимостью, а также и въ намѣреніяхъ кружка петербургскихъ славянофиловъ, не было и тѣни чего либо неискренняго или тенденціозно-политическаго. Ничего другаго никто не преслѣдовалъ, кромѣ основанія въ одномъ изъ средоточій славянскаго просвѣщенія,—въ образѣ храма,—видимаго звена ко взаимному духовному ознакомленію и скрѣпленію между славяно-католиками въ Чехіи и русско-православными. Но при незнакомствѣ съ австрійскими правительственными вѣяніями и пружинами того времени, при незнаніи мѣстныхъ основныхъ законовъ, касающихся правъ иновѣрческихъ исповѣданій въ странѣ, или мѣстно-чешскихъ порядковъ и условій, всякій, приступающій къ дѣлу столь исключительному и необычному, а въ то же время столь важному для достоинства русскаго имени за границей, не могъ не нуждаться въ руководствѣ и указаніяхъ опытныхъ сторожиловъ Австріи и знатоковъ австрійскихъ порядковъ. Для этой цѣли я и былъ снабженъ изъ Петербурга,—какъ отъ представителей здѣшнихъ славянофиловъ, такъ и отъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, сочувствовавшихъ славянскому дѣлу,—всевозможными письмами и рекомендаціями въ Вѣну и Прагу. Я выѣхалъ изъ Петербурга—помнится—9 іюня 1870 года, черезъ Варшаву прямо въ Вѣну. Нельзя сказать, чтобы тогдашній моментъ былъ особенно благопріятенъ для подобнаго рода предпріятія въ католической странѣ. Это былъ именно тотъ годъ, когда Пій IX созывалъ знаменитый конклавъ въ Римѣ для провозглашенія догмата папской непогрѣшимости. Такимъ образомъ, то было эпохой особеннаго возбужденія въ католицизмѣ, особенно ревниваго огражденія имъ своего превосходства и своей власти. Но зато, въ общеполитическомъ и международномъ отношеніи, горизонтъ *казался* безоблачнымъ и никѣмъ еще изъ простыхъ смертныхъ не предвидѣлась та гроза, которая черезъ нѣсколько недѣль уже должна была оглушить Европу и могла создать,—чего добраго!—въ Австріи и въ самой Прагѣ такое настроеніе, при которомъ даже столь мирное и духовное дѣло, которое мнѣ поручалось и которое являлось столь отдаленнымъ отъ политики, могло бы натолкнуться на невниманіе и равнодушіе какъ со стороны тѣхъ, отъ кого въ Вѣнѣ зависѣло преподать мнѣ полезные совѣты, такъ и отъ тѣхъ друзей нашихъ, которымъ предстояло въ самой Прагѣ привести его къ благополучному окончанію. Но, къ счастію, этому предпріятію суждено было осуществиться

Digitized by Google

тогда же, и оно успѣло состояться какъ разъ за нѣсколько дней до ошеломляющаго извѣстія о франко-германскомъ единоборствѣ. Въ моментъ же появленія моего въ Вѣнѣ, въ іюнѣ того года, все было спокойно и ничто но мѣшало мнѣ со всѣмъ усердіемъ обращаться къ свѣдущимъ людямъ за ихъ руководительствомъ въ этомъ дѣлѣ.

Меня прежде всего потянуло къ отцу Раевскому. Съ нимъ можно было говорить нараспашку; у него намъ, петербургскимъ, еще неопытнымъ славянофиламъ, приходилось учиться, какъ у лучшаго знатока славянской Австріи. Еслибы судьбѣ не угодно было сдѣлать изъ него священника—онъ могъ бы сдѣлаться рѣдкимъ по своимъ способностямъ дипломатомъ, именно той прежней школы русскихъ дипломатовъ, которые умѣли чувствовать вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, умѣли цѣнить и высоко ставить нужды вѣры и церкви, умѣли беречь достоинство русскаго имени и не забывать никогда, ни въ чемъ, даже въ мельчайшихъ обстоятельствахъ, того, что требовалось для обаянія русскаго государства за границей. Положеніе его въ Вѣнѣ было не изъ легкихъ. Онъ былъ тамъ вѣчно между Сциллой славянскихъ симпатій и Харибдой австрійской подозрительности и придирчивости. Его квартира въ скромномъ уголку, въ сторонѣ отъ сутолоки вѣнской жизни, на Wollfischgasse, бокъ-о-бокъ съ домовой церковью русскаго посольства,—которая не смѣла въ свободно-конституціонной Австріи ничѣмъ другимъ заявлять о себѣ снаружи, какъ только маленькимъ крестикомъ на крыльцѣ входной двери, — была главнымъ штабомъ славяновѣдѣнія, комисіонерской конторой для славянофиловъ въ Россіи, справочнымъ бюро для заграничныхъ славянъ. Тутъ-то постоянно укладывались вещи, книги, утварь, облаченія и всякія иныя пожертвованія, стекавшіяся изъ Россіи для славянъ южныхъ и западныхъ. Тутъ сосредоточивались матеріалы и печатныя изданія, которыя изъ славянскихъ земель направлялись въ Россію. Благодаря странному отношенію русскаго почтоваго вѣдомства къ періодическимъ изданіямъ на славянскихъ нарѣчіяхъ,—вслѣдствіе чего они не включались въ число изданій, которыя могли выписываться черезъ почтамтъ, а получать ихъ приходилось не періодически-правильно, но лишь спустя долгое время, *съ оказіей*,—оказія могла случаться только у о. Раевскаго, у котораго кипы книгъ, журналовъ и газетъ гостили иногда подолгу, ожидая очереди своеобразнаго препровожденія въ Россію или въ багажѣ нѣкоего любезнаго путешественника, или въ тюкахъ и пакетахъ лицъ, снабженныхъ курьерскими подорожными отъ дипломатіи. Посредствомъ навыка и памяти о. Раевскій ознакомился со всѣми главнѣйшими славянскими нарѣчіями и могъ даже объясняться на нихъ съ осаждавшими его славянами, которые прибѣгали къ нему

Digitized by Google

отовсюду за совѣтомъ, содѣйствіемъ, денежной помощью, протекціей и т. п. И со всѣми ими о. Раевскій возился лично и неустанно, и съ каждымъ обращался по его достоинству, каждому хоть чѣмъ нибудь помогалъ по заслугамъ и по значенію его у себя дома или для славянскаго дѣла. Нечего и говорить, что такая роль опекуна и представителя Россіи для всѣхъ страждущихъ славянъ порождала для него и личныя безпокойства, хлопоты и ходатайства въ Вѣнѣ, и громадную переписку съ руководителями славянофильства въ Москвѣ и Петербургѣ. Можно сказать, не преувеличивая, что за рѣдкими единичными исключеніями вся практическая дѣятельность кружка московскихъ славянофиловъ, а затѣмъ и петербургскаго славянскаго комитета, сводилась главнымъ образомъ къ разсмотрѣнію мыслей и сообщеній о. Раевскаго и къ изысканію способовъ практическаго ихъ примѣненія или исполненія въ Россіи. Яркимъ доказательствомъ такого значенія личности и дѣятельности о. Раевскаго служитъ этнографическая выставка 1867 года, куда, какъ оказалось, попали неожиданно и экземпляры славянскихъ типовъ и костюмовъ, и сами славянскіе депутаты *en personne*—только благодаря счастливой и смѣлой мысли о. Раевскаго пріобщить ихъ къ составу населенія славянской Россіи и благодаря по истинѣ изумительному искусству, съ которымъ о. Раевскому удалось переправить въ Россію и предметы выставки, и самихъ славянскихъ гостей безъ шума, безъ помѣхъ отъ предержащихъ властей австрійскихъ, которыя спохватились насчетъ громаднаго значенія этой выставки и московскаго славянскаго съѣзда только потомъ, когда раздались рѣчи славянъ, впервые вздохнувшихъ свободно на русской почвѣ; когда вся Европа оказалась ошеломленной этимъ научно-братскимъ торжествомъ, съ его неуязвимой безобидностью въ смыслѣ дипломатическомъ и съ его огромнымъ значеніемъ и послѣдствіями для всего славянства, западнаго и южнаго, въ смыслѣ культурно-историческомъ и духовномъ.

Но то, что однажды могло блистательно удаться, благодаря своей неожиданности—то создало потомъ для дальнѣйшей славянской работы массу хлопотъ и всякихъ трудностей, вслѣдствіе пробудившейся чрезмѣрной подозрительности въ австрійскихъ правящихъ сферахъ. Напуганные грандіознымъ успѣхомъ и блескомъ пріема, устроеннаго въ Россіи для славянъ, австрійскія власти въ ту эпоху (то есть вслѣдъ за 1867 годомъ) во всякомъ русскомъ путешественникѣ стали видѣть русскаго эмисара, во всякомъ учащемся или профессорѣ—славянофила и политическаго агитатора, злоумышляющаго противъ цѣлости Австро-Венгріи! Могъ ли я послѣ всего этого не почувствовать потребности—и себя самого, и свою миссію отдать

Digitized by Google

подъ покровительство о. Раевскаго, который къ тому же и въ этомъ проэктѣ, какъ водится, былъ въ числѣ иниціаторовъ и самыхъ ближайшихъ воспріемниковъ, послѣ того какъ онъ родился первоначально въ умѣ чешскихъ, дружественныхъ Россіи, патріотовъ? И, дѣйствительно, я не ошибся въ своемъ шагѣ, хотя лично до того времени только однажды видѣлся съ о. Раевскимъ въ 1867 году на пути въ Бѣлградъ. Но въ Петербургѣ, сотрудничая въ славянскомъ комитетѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Гильфердинга, я узналъ близко дѣятельность о. Раевскаго въ Вѣнѣ. И вотъ, когда я къ нему явился, онъ съ увлеченіемъ выслушалъ мой разсказъ о всѣхъ обстоятельствахъ, приведшихъ меня въ Австрію съ возложеннымъ на меня порученіемъ. Его пріятно поразила неожиданность такого рѣшительнаго и практическаго шага въ замыслѣ устройства пражской церкви. Тутъ же онъ возымѣлъ стремленіе сопутствовать мнѣ въ Прагу къ тамошнимъ своимъ друзьямъ, съ которыми его связывали давнишнія славянофильскія отношенія и личная пріязнь къ такимъ свѣтиламъ чешской земли, какъ Палацкій, Ригеръ, Браунеръ, Коляръ, и др. У меня же тамъ не было никого хорошо знакомаго. Помнится мнѣ, что въ 1867 году, по возвращеніи моемъ изъ Бѣлграда, когда мнѣ довелось побывать проѣздомъ и въ Прагѣ, я былъ тогда мимоходомъ представленъ въ чешскомъ клубѣ Палацкому, да и еще кое-кому изъ вожаковъ старочешской партіи. Но такого мимолетнаго знакомства было мало для того, чтобы въ предстоявшихъ мнѣ переговорахъ могла сказаться та именно интимность и то чистосердечіе, безъ которыхъ всякое самое правое и обоюдно желательное дѣло не можетъ все таки не тормозиться взаимной церемонностью. Я чувствовалъ себя съ своимъ порученіемъ положительно въ лѣсу, потому что въ путешествіяхъ моихъ мнѣ никогда еще не предстояло проводить въ Австріи какое нибудь практическое дѣло. А потому и законы австрійскіе, особенно же относящіеся до правъ иноземныхъ исповѣданій, были мнѣ неизвѣстны. Русскаго консульства въ Прагѣ не было и тогда (какъ нѣтъ его почему-то и доселѣ) такъ что тамъ, на мѣстѣ, ничьей помощи или совѣта я получить бы не могъ.

III.

Съ удовольствіемъ принявъ въ принципѣ мысль о. Раевскаго о совмѣстномъ съ нимъ отправленіи въ Прагу, мы, однако, сообща же порѣшили прежде всего изложить сущность нашей задачи русскому послу въ Вѣнѣ, которымъ тогда былъ князь Николай Алексѣевичъ Орловъ, незадолго до того переведенный на этотъ постъ

Digitized by Google

изъ Брюсселя. Къ сожалѣнію, ему не долго суждено было оставаться въ Австріи. Его дарованія и блестящія данныя исто-русскаго вельможи понадобились для Парижа, и въ то время, когда я попалъ въ Вѣну, его перемѣщеніе туда было уже дѣломъ рѣшеннымъ и даже объявленнымъ. Онъ даже находился въ краткомъ отпуску и долженъ былъ черезъ недѣлю вернуться въ Вѣну на нѣсколько дней единственно лишь для прощальной аудіенціи у императора и для врученія ему своихъ отзывныхъ грамотъ.

Пришлось дожидаться его возвращенія, во-первыхъ, потому что я имѣлъ къ нему письма изъ Петербурга отъ П. Н. Стремоухова, тогдашняго директора азіатскаго департамента, и еще отъ одного лица, приближеннаго къ в. к. Константину Николаевичу, свѣдома и даже по порученію великаго князя снабдившаго меня также письмомъ къ князю Орлову. Я обязанъ былъ, слѣдовательно, вручить эти письма по принадлежности и получить послѣ того нѣкоторыя личныя указанія и отзывы на нихъ. Во-вторыхъ, и о. Раевскому, по его непосредственной подчиненности нашему послу, въ качествѣ настоятеля посольской церкви, невозможно было и думать о поѣздкѣ въ Прагу безъ его вѣдома и согласія. Хотя заступавшій посла въ его отсутствіе, старшій совѣтникъ посольства Васильчиковъ съ величайшимъ вниманіемъ и любезностью отнесся къ моей миссіи и готовъ былъ снабдить меня всевозможными совѣтами,—но и онъ нашелъ, что мнѣ съ о. Раевскимъ слѣдовало дожидаться самого посла. Мы подчинились этому указанію и болѣе недѣли прошло у насъ въ частыхъ и пріятныхъ бесѣдахъ о славянахъ вообще и, конечно, болѣе всего о чехахъ и Прагѣ. Наконецъ, князь Орловъ пріѣзжаетъ, и Васильчиковъ сообщаетъ мнѣ, что письма, мною привезенныя, вручены ему и что онъ приглашаетъ меня быть у него въ воскресенье послѣ обѣдни, около 12 часовъ, и что о. Раевскій также будетъ у него. Остановился тогда кн. Орловъ уже не въ зданіи посольства, которое было имъ совсѣмъ покинуто, а въ первоклассной гостинницѣ *Oesterreichischer Hof*, въ центрѣ квартала, называемаго *Stadt*,—въ двухъ шагахъ отъ собора св. Стефана. Я попалъ къ послу за четверть часа до 12-ти и немедленно былъ принятъ. Не успѣлъ я войти въ гостинную, какъ выходитъ князь, добродушно обнимаетъ меня и по русски цѣлуется, крѣпко пожимая руку. Этотъ истинно родственный пріемъ мгновенно убѣждаетъ меня, что я найду въ князѣ именно то, чего жаждала душа моя: отеческаго руководства и доброжелательства. Онъ ведетъ меня въ кабинетъ и, сажая противъ себя, предлагаетъ сигару со словами: «я могу вамъ ихъ рекомендовать, потому что это еще бельгійскія, тамъ онѣ вѣдь очень хороши»,—намекая шутливо на невоз-

Digitized by Google

можныя произведенія австрійской табачной регаліи. Упомянувъ о полученіи имъ писемъ, которыми я былъ снабженъ, онъ въ нѣсколькихъ задушевныхъ словахъ высказалъ свою готовность выслушать всѣ мои pia desideria. И я съ поспѣшностью сталъ исповѣдывать ему всѣ свои сомнѣнія и опасенія, объясняя, что я между двухъ огней. Съ одной стороны, я чувствую всю свою безпомощность въ Прагѣ, да и вообще въ Австріи, и нуждаюсь въ содѣйствіи компетентныхъ лицъ. Съ другой же стороны, въ словесныхъ указаніяхъ, мнѣ преподанныхъ въ Петербургѣ лицами, снабжавшими меня письмами, мнѣ ставилось въ обязанность для успѣха дѣла, чтобы мои хлопоты въ Прагѣ велись такъ, чтобы не вызывать не только скандала или шума въ Австріи, но даже и вниманія къ себѣ со стороны австрійской печати. Опытъ уже научилъ славянофиловъ, что всякій шагъ, всякое слово русскаго человѣка въ предѣлахъ габсбургской монархіи,—если только они имѣютъ хоть отдаленное соотношеніе съ вопросомъ національнымъ или съ интересами православія, или съ общеславянскими литературой и искусствомъ, или просто хоть съ благотвореніемъ со стороны русскихъ славянамъ,—давалъ нерѣдко пищу органамъ нѣмецкимъ, нѣмецко-жидовскимъ, мадьярскимъ, а, къ сожалѣнію, иногда и польскимъ, для всевозможныхъ искусственныхъ тревогъ и разглагольствій на тему о «русскихъ рубляхъ», о панславизмѣ, объ интригахъ славянофиловъ, а въ связи съ ними и объ «измѣнническихъ» замыслахъ славянъ, якобы затѣвающихъ, подъ руководствомъ русскихъ, крамольные планы противъ своего государства. Газетный шумъ,—хотя бы и недобросовѣстно возбужденный со стороны враждебныхъ славянству публицистовъ,—всегда давалъ австрійскимъ властямъ и дипломатіи желанный поводъ для всевозможныхъ жалобъ и наговоровъ передъ русской дипломатіей. Весьма понятно, что при такой обстановкѣ всякому, отправляющемуся въ Австрію съ порученіемъ хотя бы безгрѣшнымъ и чуждымъ политическихъ козней, вмѣнялось прежде всего въ неизмѣнную обязанность быть тише воды, ниже травы, не возбуждая ни рѣчами, ни образомъ жизни, ни знакомствами, а паче всего перепиской никакихъ «инцидентовъ», не только въ сферахъ офиціальныхъ, но даже въ обществѣ и въ печати. Кстати, нельзя не вспомнить и о томъ, что издавна уже,—можетъ быть, со временъ меттерниховскаго режима, а, быть можетъ, съ эпохи и еще болѣе отдаленной,—однимъ изъ наиболѣе усовершенствованныхъ пріемовъ управленія въ Австріи разновѣрной и разноязычной массой было шпіонство: выслѣживаніе иностранцевъ, перехватъ и вскрытіе писемъ, и тому подобные опыты патріотическаго усердія *либерально-конституціонныхъ* агентовъ, у которыхъ общимъ лозунгомъ было

Digitized by Google

всегда принципіальное, повальное недовѣріе ко всѣмъ, не носившимъ на себѣ черножелтаго герба или кокарды!

Князь Орловъ выслушалъ мои сомнѣнія и опасенія съ видомъ врача, которому больной разсказываетъ свою боль. Смыслъ писемъ, мною привезенныхъ ему, сводился очевидно къ тому же. Къ той же точкѣ зрѣнія, безъ сомнѣнія, сводился и его личный опытъ, житейскій и дипломатическій. Однако, мнѣ показалось, что мои опасенія его успокоили. Онъ увидалъ, что и я самъ, безо всякаго съ его стороны давленія на меня или намека, одушевленъ былъ заботой, которая въ данномъ случаѣ была для дипломатіи всего нужнѣе. Потому онъ сразу сталъ со мной на почву полной откровенности, возбудивъ еще до прихода о. Раевскаго вопросъ: насколько его появленіе въ Прагѣ соотвѣтствовало бы задачѣ—не выводить дѣла церкви на столбцы враждебной славянамъ печати? Но мы еще не успѣли разговориться съ нимъ на эту тему, какъ докладываютъ о приходѣ о. Раевскаго, котораго князь, любезно встрѣтивъ, усаживаетъ возлѣ меня. Князь предоставляетъ слово о. Раевскому, который и учинилъ ему какъ бы докладъ насчетъ всѣхъ нашихъ первоначальныхъ предположеній о совмѣстномъ путешествіи въ Прагу для способствованія моей задачѣ. О. Раевскій и не подозрѣвалъ, что нашъ проэктъ уже возбудилъ въ князѣ сомнѣніе въ его практичности. Лишь только о. Раевскій кончилъ, князь, вмѣсто отвѣта, разсказалъ намъ, какъ въ бытность его въ Брюсселѣ, когда онъ пожелалъ устроить тамъ на свои личныя средства православную домашнюю церковь, онъ натолкнулся на неимовѣрныя трудности и интриги католической партіи, предводимой іезуитами. И этотъ свой разсказъ князь закончилъ, обращаясь къ о. Раевскому:

— Я весьма опасаюсь, что лишь только здѣсь пронюхаютъ о вашей поѣздкѣ въ Прагу и о цѣли ея, іезуиты—ужь повѣрьте!—предупредятъ васъ тамъ, и надѣлаютъ такого шуму, что затормозятъ, а не то такъ и испортятъ все дѣло. Здѣсь вѣдь васъ всѣ знаютъ: вы и такъ ужь здѣсь, какъ бѣльмо на глазу.

Этой предостерегательной фразы было для о. Раевскаго слишкомъ достаточно, чтобы понять, что князь не сочувствуетъ *его* поѣздкѣ. Самъ же онъ, Раевскій, былъ слишкомъ хорошій знатокъ Австріи, чтобы не видѣть, что дальновидная осторожность князя, пожалуй, и была основательна. Тогда мы вспомнили съ о. Раевскимъ, что еще гр. А. Е. Комаровскій также былъ въ числѣ лицъ, живо интересовавшихся мыслью о пражской церкви.

— Не устроить ли намъ гдѣ нибудь, между Вѣной и Прагой, свиданіе съ Комаровскимъ, который теперь на водахъ въ

Digitized by Google

Зальцбрунѣ?—высказываетъ о. Раевскій, вопросительно глядя на князя.

— Это какъ Бисмаркъ передъ Кёниггрецемъ?—отвѣтилъ тотъ, улыбаясь.

— Впрочемъ,—продолжалъ о. Раевскій, какъ бы размышляя вслухъ,—нашъ таинственный съѣздъ въ этомъ мѣстечкѣ, пожалуй, обратилъ бы на себя такое же вниманіе, если еще не большее, какъ поѣздка моя въ Прагу.

— Разумѣется!—энергично добавилъ князь, увидавъ, что и о. Раевскій самъ начинаетъ проникаться мыслью, что его санъ и положеніе въ Австріи, его знаменитость въ славянскихъ земляхъ, покажись онъ только со мною въ Прагѣ, создали бы мнѣ вмѣсто помощи именно тѣ затрудненія и интриги, которыхъ я болѣе всего опасался.

— Въ такомъ случаѣ, конечно, мнѣ остается только отказаться отъ мысли ѣхать съ гр. Кутузовымъ, какъ это мнѣ ни жаль. А дѣло церкви такъ мнѣ было дорого...

— Я совершенно съ вами согласенъ, Михаилъ Ѳедоровичъ,—поспѣшилъ заключить князь, — и надѣюсь, что Богъ поможетъ графу выполнить данное ему порученіе успѣшно и безъ шуму.

— А мы-то съ вами совершенно упустили все это изъ виду,—вымолвилъ я невольно.

Вслѣдъ затѣмъ мы распростились съ княземъ Орловымъ, который высказалъ еще свое сожалѣніе, что онъ покидаетъ Вѣну и что судьба лишаетъ его возможности чѣмъ либо впослѣдствіи быть полезнымъ дѣлу церкви. Мы сѣли съ о. Раевскимъ въ экипажъ и я довезъ его до дому. Онъ видимо былъ взволнованъ и почти огорченъ послѣдствіемъ бесѣды съ кн. Орловымъ. Его какъ будто бы тревожило опасеніе, какъ бы славянофилы Петербурга и Москвы не приняли за небрежность или равнодушіе къ дѣлу, столь для нихъ важному, его отказъ сопутствовать мнѣ въ Прагу. Подъ впечатлѣніемъ этого опасенія, онъ и сказалъ мнѣ дорогой, пока наша каретка юрко скользила по узкимъ переулкамъ центральной Вѣны:

— Что же дѣлать? надо послушаться. Вы видѣли, что дѣло не за мной.

На слѣдующихъ свиданіяхъ мы порѣшили, что, прежде нежели явиться въ Прагу, я заѣду по пути къ гр. Комаровскому въ Зальцбрунъ, въ Силезіи, чтобы почерпнуть отъ него все нужное и, быть можетъ, даже пригласить его побывать со мною въ Прагѣ. Такъ я и поступилъ. Въ Зальцбрунѣ провелъ я всего нѣсколько часовъ; но я безъ малѣйшаго затрудненія отыскалъ адресъ гр. Комаровскаго и подъ вечеръ отправился къ нему. Въ немъ я нашелъ истаго

Digitized by Google

русскаго барина, сначала немного церемоннаго и важнаго. Онъ тамъ лѣчился, окруженный семьей, состоявшей изъ супруги и двухъ сыновей. Я сообщилъ ему со всею откровенностью о порученіи, мною на себя взятомъ; онъ же съ своей стороны весьма пространно и охотно разсказалъ мнѣ о своемъ пребываніи въ Прагѣ за годъ или за два до того, о выдающихся чешскихъ дѣятеляхъ, о своихъ съ ними бесѣдахъ, среди которыхъ онъ и услыхалъ отъ чеховъ ихъ мечту—увидать въ своей «столицѣ» русскую (православную) церковь. Изъ его разсказа можно было судить, что чехи приревновали насъ къ Дрездену, гдѣ проживала уже многіе годы масса русскихъ и гдѣ имѣлась русская церковь. Чехамъ захотѣлось, повидимому, если не отвлечь отъ Дрездена обжившихся въ немъ русскихъ, то хоть привлечь въ Прагу тѣхъ, которые предпочли бы находиться въ славянскомъ городѣ, особенно еще если въ немъ окажется и православный храмъ. Среди чеховъ обнаруживались, какъ видно, слѣды общаго на западѣ убѣжденія о большой религіозности нашихъ соотечественниковъ. Такое убѣжденіе тамъ могло зародиться, какъ мнѣ кажется, болѣе по наслышкѣ, чѣмъ вслѣдствіе наблюденій, и оно объясняется тѣмъ, что европейцы приписываютъ иногда свойства и достоинства, дѣйствительно присущія русскому народу—его верхнимъ слоямъ, у которыхъ въ дѣйствительности нѣкоторыя народныя черты могутъ иной разъ и отсутствовать. Но затѣмъ безспорно и то, что въ этомъ дѣлѣ сказалось то общее возбужденіе въ славянскомъ мірѣ, которое, начавшись съ московскаго съѣзда, поддерживалось потомъ особенно сильно въ Чехіи, благодаря слѣдовавшимъ другъ за другомъ юбилейнымъ торжествамъ, по случаю которыхъ происходилъ между Чехіей и славянскими землями, а также и Россіей, дѣятельный обмѣнъ сочувственныхъ манифестацій. Въ теченіе двухъ лѣтъ отпразднованы были въ Чехіи: юбилеи Яна Гуса, исторіографа Палацкаго и торжество открытія въ Прагѣ чешскаго народнаго театра. Много русскихъ перебывало тогда въ Прагѣ и много мыслей и мечтаній зародилось тогда у нихъ въ бесѣдахъ съ чешскими вожаками. Однимъ изъ такихъ мечтаній и явилась идея устройства русской церкви въ Прагѣ. Она сейчасъ же сдѣлалась извѣстной гр. Комаровскому, который отнесся къ ней съ особеннымъ сочувствіемъ и, въ письмахъ своихъ къ Аксакову, сообщилъ ему все, что онъ объ этомъ слышалъ въ Прагѣ. Уже изъ Москвы эта мысль перешла въ Петербургъ. Нельзя сказать, чтобы гр. Комаровскій съ особымъ довѣріемъ относился къ симпатіямъ чеховъ и къ искренности ихъ видовъ даже въ дѣлѣ церкви. Мнѣ показалось, что онъ принадлежалъ къ той части москвичей, которые смотрѣли на славянство, особенно же на славянъ-католиковъ, подъ угломъ

Digitized by Google

зрѣнія «Московскихъ Вѣдомостей». Онъ не преминулъ предупредить меня о тяготѣніи, которое замѣтилъ у чеховъ къ полякамъ. Но при всемъ томъ я встрѣтилъ въ гр. Комаровскомъ человѣка глубоко пропитаннаго славянскимъ духомъ, человѣка способнаго не словомъ только, но и дѣломъ работать въ славянскомъ вопросѣ для славянъ, исполненнаго непоколебимой вѣры въ будущность Россіи, убѣжденнаго въ призваніи нашемъ не оставлять безъ своего руководства и покровительства слабѣйшія, но достойныя отрасли славянскаго племени. Что же касается до дѣла, меня озаботившаго, то я убѣдился, что ни онъ, ни московскіе славянофилы, ни друзья ихъ въ Прагѣ не приступали даже къ обстоятельной разработкѣ проэкта устройства церкви. Я убѣдился, что, пріѣхавъ въ Прагу, я застану тамъ *tabula rasa* въ этомъ вопросѣ. Когда я передалъ гр. Комаровскому о цѣли моей поѣздки въ Прагу, я его спросилъ также, не былъ ли бы онъ расположенъ, одновременно со мною, туда поѣхать для совмѣстнаго начатія дѣла церкви. Онъ возразилъ мнѣ на это, что здоровье его требуетъ продолженія начатаго лѣченія и вообще поѣздка въ Прагу въ настоящее время, когда вся его семья въ Зальцбрунѣ, не входитъ въ его виды. Побесѣдовавъ съ нимъ такимъ образомъ часа два за чашкой русскаго чаю, я поспѣшилъ домой, чтобы на другое утро пораньше, до полуденнаго зноя, добраться до желѣзнодорожной станціи, отстоявшей отъ Зальцбруна верстахъ въ 30-ти. Сѣвъ на желѣзную дорогу, я направился въ Дрезденъ, гдѣ пробылъ дня два, и затѣмъ пріѣхалъ въ Прагу въ душный лѣтній вечеръ.

На другое утро, еще не успѣвъ кого либо видѣть, я получаю визитную карточку гр. Комаровскаго, съ сообщеніемъ, что онъ пріѣхалъ ночью въ слѣдовавшемъ за мной поѣздѣ и весьма желаетъ меня видѣть. Немало удивленный этимъ, я спѣшу къ нему и узнаю, что послѣ моего отъѣзда изъ Зальцбруна имъ овладѣло желаніе принять болѣе близкое участіе въ первоначальныхъ шагахъ по устройству пражской церкви. Я подумалъ, что такимъ образомъ не буду въ Прагѣ совсѣмъ безпомощнымъ. Но, къ сожалѣнію, очень скоро обнаружилось, что въ его виды входило вовсе не то, чтобы мнѣ помогать. Оказалось, что онъ вознамѣрился взять устройство церкви *въ свои руки*, предоставивъ мнѣ какъ будто роль *его* помощника. Все это недоразумѣніе разъяснилось въ присутствіи одного изъ чешскихъ патріотовъ, который въ качествѣ стараго знакомаго гр. Комаровскаго очутился у него съ ранняго утра. Изъ вопросовъ, предложенныхъ мнѣ графомъ въ то утро, я убѣдился, что онъ, ѣдучи въ Прагу изъ Зальцбруна, представлялъ себѣ дѣло совсѣмъ иначе, чѣмъ оно есть; что ему по-

Digitized by Google

казалось, что я пріѣхалъ только для предварительныхъ развѣдокъ и соображеній, а вовсе не для фактическаго основанія церкви. Ему показалось, что не только я лично не могъ брать на себя осуществленія мысли, въ разсужденіяхъ о которой онъ нѣкогда участвовалъ, но что даже и весь петербургскій комитетъ не долженъ былъ этого предпринимать, ибо первый починъ замысла и первыя пожеланія насчетъ пражской церкви вышли изъ среды московскихъ славянофиловъ, за которыми, по его понятіямъ, и должно было оставаться руководительство этимъ дѣломъ до конца.

Я же не только не могъ усвоить его точки зрѣнія, но долженъ былъ ему во всей ясности выставить, что если *идея* пражской церкви исходила изъ Москвы и отъ славянофиловъ, съ которыми онъ самъ состоялъ въ тѣсной связи, то проэктъ *осуществленія* этой идеи является всецѣло плодомъ мыслей, хлопотъ, и даже матеріальнаго риска петербургскаго отдѣла славянскаго комитета, меня уполномочившаго, снабдившаго не только своимъ довѣріемъ и инструкціями, но и суммой, какая гадательно предполагалась достаточной для необходимыхъ предварительныхъ шаговъ. Уразумѣвъ все это и свѣдавъ, что я пріѣхалъ въ Прагу не только для разговоровъ и соображеній, но и для рѣшеній и формальныхъ юридическихъ актовъ,—гр. Комаровскій сразу перемѣнилъ тонъ и заявилъ рѣзко, что онъ сейчасъ же уѣдетъ обратно въ Зальцбрунъ, потому что при такихъ условіяхъ ему въ Прагѣ дѣлать нечего. Такъ онъ и уѣхалъ, не простившись, и оставивъ меня въ Прагѣ одного...

Тогда начались мои бесѣды и свиданія съ вожаками чеховъ. Изъ атмосферы россійской, которою я еще дышалъ въ Зальцбрунѣ и въ комнатѣ гр. Комаровскаго, въ гостинницѣ «Zum Schwarzen Ross», въ которой мы оба остановились, я попалъ теперь сразу въ атмосферу чешско-славянскую, отъ которой повѣяло на меня и дѣловитостью, и дружелюбіемъ. Самымъ горячимъ и дѣятельнымъ поборникомъ дѣла церкви въ средѣ чеховъ оказался д-ръ Браунеръ, земскій адвокатъ, членъ пражской думы, интимный другъ и сподвижникъ корифеевъ партіи чешскихъ патриціевъ (старо-чеховъ), которые въ то время безусловно господствовали въ странѣ и по своей программѣ направляли теченіе всѣхъ дѣлъ ея, какъ въ отношеніи австро-венгерскаго правительства, такъ и въ отношеніи прочихъ славянъ Австріи и, конечно, въ отношеніи русскихъ.

Поэтому первое дѣловое свиданіе мое и первое совѣщаніе по дѣлу церкви произошло въ квартирѣ Браунера, который тогда не выходилъ изъ дому, страдая болью въ ногахъ, кажется, ревматическаго свойства. У него тогда же меня познакомили съ Ригеромъ, котораго я до того никогда не видалъ. На этомъ первомъ совѣща-

Digitized by Google

ніи мы пришли къ слѣдующимъ рѣшеніямъ. Зданіе, которое имѣлось въ виду для церкви, состояло въ вѣдѣніи города. Значитъ, надлежало достигнуть формальнаго соглашенія съ городскими властями. Но у чеховъ всякое дѣло разсматривается прежде всего со стороны патріотической. А потому всѣ вожаки чеховъ имѣли нравственный интересъ въ успѣхѣ этого дѣла, а также въ его осуществленіи безъ всякихъ осложненій, вредныхъ для чешскихъ дѣлъ. Въ виду всего этого, для упрощенія процедуры моихъ переговоровъ, избранъ былъ въ роли представителя отъ чеховъ Браунеръ, которому предоставлено было тогда вести со мной, представителемъ славянскаго комитета, переговоры о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ могъ бы состояться мой договоръ съ городскимъ управленіемъ Праги. Но съ другой стороны, въ виду того, что я былъ въ Прагѣ чужой, что мѣстные законы и порядки не могли мнѣ быть извѣстны и что я былъ не въ состояніи являться, что̀ называется, en connaissance de cause, защитникомъ интересовъ комитета, тотъ же Браунеръ былъ поставленъ ко мнѣ въ отношеніе заступника и блюстителя интересовъ комитета. Не зная чешскаго языка, я былъ бы совершенно не въ состояніи знать достовѣрно содержаніе тѣхъ актовъ и бумагъ, которыя мнѣ приходилось бы подписывать. Но я, съ перваго же момента моего знакомства съ вожаками изъ чеховъ, почувствовалъ къ нимъ безусловное довѣріе; и потомъ я имѣлъ счастіе, во все время моихъ сношеній съ Браунеромъ, убѣдиться, что такое мое предрасположеніе къ нимъ было не напрасно, и что оно имъ самимъ и всѣми его друзьями было блистательно оправдано на дѣлѣ. Въ своей двойственной роли представителя и чешскихъ интересовъ, и интересовъ комитета, Браунеръ мастерски выработалъ планъ всего осуществленія проэкта церкви, и конечный результатъ вполнѣ оправдалъ всю его осторожность и всю сообразительность при проведеніи дѣла. De jure, Браунеръ оказывался моимъ уполномоченнымъ, составителемъ всякихъ актовъ и бумагъ, какъ бы моимъ секретаремъ и адвокатомъ, отвѣтственнымъ передо мной за свои «хожденія» по моему дѣлу. A de facto онъ, кромѣ того, являлся еще представителемъ передо мною соображеній и интересовъ города Праги и вліятельныхъ вожаковъ изъ чеховъ, которые сами являлись одновременно и вліятельными представителями городскихъ интересовъ. Такая двойственность его роли оправдывалась вполнѣ слѣдующими обстоятельствами и соображеніями. Я уже упоминалъ выше о подозрительности австрійскихъ властей ко всякимъ сношеніямъ чеховъ со славянами и еще болѣе съ русскими. Въ Прагѣ элементы нѣмецкій и еврейскій хотя и состоятъ въ меньшинствѣ, но все же весьма еще сильны, и именно сильны солидарностью своею съ вѣн-

Digitized by Google

ской камарильей и съ правительственными агентами всѣхъ родовъ и степеней. Благодаря этой солидарности, съ нѣмецкой стороны еще обнаруживается добровольное прислужничанье правительственному чиновничеству въ его антиславянскихъ махинаціяхъ. Поэтому, всякія собранія, сношенія и переговоры мои съ вожаками чеховъ, гдѣ бы они ни происходили и при какихъ бы условіяхъ осторожности ни предпринимались, неминуемо бросались бы въ глаза и чиновникамъ, и друзьямъ ихъ изъ нѣмцевъ. А тогда все дѣло всплыло бы наружу преждевременно и вызвало бы именно тотъ шумъ въ печати, во избѣжаніе котораго пришлось о. Раевскому отказаться отъ поѣздки со мной въ Прагу. При данной же комбинаціи ролей, въ лицѣ Браунера эта опасность устранялась вполнѣ. Какъ, и какимъ образомъ онъ сговаривался и обмѣнивался предположеніями съ своими друзьями изъ чеховъ—я не зналъ, и это было не мое дѣло. Я зналъ только, что изъ его устъ получилъ готовую комбинацію, которую мнѣ предстояло или тутъ же принимать на свой страхъ, или входить въ предварительное соглашеніе съ Гильфердингомъ, съ которымъ однимъ я тогда переписывался по этому дѣлу. Благодаря всему этому, мои посѣщенія Браунера получали характеръ моихъ *дѣловыхъ свиданій, какъ частнаго лица съ моимъ адвокатомъ по частному дѣлу.* И всему дѣлу устройства церкви приданъ былъ частный характеръ моего личнаго предпріятія,—намѣренія устроить якобы на свои личныя средства православный храмъ для православныхъ славянъ и русскихъ, проживающихъ въ Прагѣ или временно посѣщающихъ ее.

Съ перваго же нашего дѣловаго совѣщанія, о которомъ я говорю и которое произошло въ самый день отъѣзда гр. Комаровскаго, Браунеръ и его друзья дали мнѣ понять, что я долженъ рѣшиться на довольно долгое пребываніе въ Прагѣ, потому что насильственно ускорять ходъ этого дѣла было бы и рискованно, и невыгодно. Надо было провести его сначала въ городскомъ совѣтѣ (въ родѣ нашей городской управы) чтобы оттуда оно внесено было въ общее собраніе городской думы. Для всего этого требовалось время, потому что дѣла разсматриваются по очереди ихъ поступленія, а вносить дѣло внѣ очереди было бы опять неудобно. Къ тому же, еще предстояло обдумать и самое существо моего договора съ городомъ. А мнѣ, не смотря на данныя мнѣ петербургскомъ комитетомъ неограниченныя полномочія, точно также предстояло, для огражденія себя отъ лишней отвѣтственности, сноситься съ Петербургомъ ради полученія санкціи комитета на главнѣйшія условія соглашенія. «Вы у насъ погостите подольше—говорили мнѣ Браунеръ и его друзья:—мы очень будемъ рады, чтобы вы насъ узнали поближе, чтобы изу-

Digitized by Google

чили нашъ старый славянскій городъ. А тѣмъ временемъ мы все подготовимъ понемногу и незамѣтно, и дѣло сдѣлается къ общему удовольствію».

Я, конечно, ничего не могъ возражать противъ такой постановки вопроса и, отдавшись на волю божью, и на попеченіе нашихъ чешскихъ друзей, оставилъ за собою лишь роль блюстителя намѣреній комитета, чтобы все, что̀ мнѣ будетъ предлагаемо, не противорѣчило, а соотвѣтствовало видамъ и инструкціямъ комитета. Пока д-ръ Браунеръ принялся проэктировать основы моего договора съ городскимъ совѣтомъ, его друзья предложили мнѣ ознакомиться съ зданіемъ той церкви, которую они предполагаютъ отдать въ распоряженіе комитета. Въ печальномъ видѣ засталъ я этотъ храмъ, нѣкогда принадлежавшій бенедиктинскому аббатству, нынѣ уже упраздненному. Зданіе монастыря неимовѣрной величины и прочности, съ безчисленными галереями и помѣщеніями, превратилось послѣ упраздненія монастыря въ частное зданіе. А примыкавшій къ этому монастырю бывшій монастырскій храмъ, сдѣлавшійся городскою собственностью, превратился въ городской сарай, въ складъ всевозможнаго городскаго имущества и всякаго хлама. Въ 1866 году, во время австро-прусской войны, этотъ сарай превращенъ былъ въ городской походный лазаретъ Краснаго креста. Въ немъ раненые австрійскіе воины нашли себѣ пріютъ послѣ кёниггрецкаго побоища. Вотъ почему я и увидалъ зданіе церкви въ весьма невыгодныхъ условіяхъ и въ печальномъ видѣ, заваленнымъ массой хлама, въ пыли, мусорѣ и полномъ забвеніи его славнаго прошлаго. Но въ то же время, при внимательномъ его осмотрѣ, я могъ убѣдиться, насколько храмъ обширенъ, и какъ, безъ большихъ затратъ и безъ особеннаго труда, теперь онъ, будучи очищенъ и немного реставрированъ, могъ бы сдѣлаться великолѣпнымъ. Кромѣ того, самое расположеніе этого храма (во имя св. Николая) было весьма выгоднымъ, хотя и не особенно виднымъ. Онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ ратуши, весьма близко отъ городской площади, на которую, со стороны, противоположной ратушѣ, выходитъ тынскій соборъ. Но, будучи съ трехъ сторонъ застроенъ большими зданіями и выходя фасадомъ своимъ въ узкій переулокъ, ведущій отъ площади къ ратушѣ съ задняго фасада, храмъ этотъ остается часто незамѣтнымъ даже тогда, когда находишься вблизи его.

Между тѣмъ Браунеръ выработалъ проэктъ соглашенія моего съ городомъ въ слѣдующемъ видѣ. Предполагалось, что городской совѣтъ Праги отдаетъ мнѣ лично зданіе храма св. Николая внаймы для устройства въ немъ православнаго богослуженія; срокъ найма предложенъ былъ мнѣ на 30 лѣтъ, съ преимущественнымъ пра-

Digitized by Google

вомъ возобновить договоръ по истеченіи этого срока; за наемъ его опредѣлялась годовая арендная цѣна, которая подлежала уплатѣ ежегодно въ австрійскихъ дукатахъ. Въ обезпеченіе исправности этого платежа, при заключеніи договора, требовалось внесеніе особаго залога въ процентныхъ чешскихъ бумагахъ на номинальную сумму около 4,000 гульденовъ для обезпеченія своевременныхъ взносовъ, какіе установлялись предположеннымъ договоромъ въ пользу городскаго управленія Праги. Для дальнѣйшаго же исполненія всѣхъ постановленій договора, я долженъ былъ уполномочить отъ себя довѣренное лицо, снабдивъ его формальной довѣренностью. Приспособленіе храма къ потребностямъ богослуженія, внутреннее его устройство, исправленіе и содержаніе въ исправности во все время договора возлагалось на меня, какъ арендатора зданія; внѣшнее же содержаніе всего зданія и необходимый для того ремонтъ оставался на попеченіи города. Таковы были главнѣйшіе пункты предположеннаго соглашенія, выработанные Браунеромъ, которые мною сейчасъ же были сообщены А. Ѳ. Гильфердингу. Я просилъ инструкцій: могу ли я ихъ принять и тѣмъ связать комитетъ на долгій періодъ времени. Отвѣтъ Гильфердинга, письменный и даже телеграфный, не замедлилъ, и въ этихъ сообщеніяхъ его говорилось, чтобы я принялъ всѣ предложенныя мнѣ условія и заключилъ соотвѣтственный имъ договоръ. Гильфердингъ видимо добивался скорѣйшаго закрѣпленія всего дѣла и полученія возможности приступить къ устройству самаго храма. Но до формальнаго договора было еще далеко, такъ какъ, послѣ представленія моего прошенія въ городской совѣтъ о предоставленіи мнѣ внаймы зданія церкви св. Николая, городской совѣтъ долженъ былъ обсудить мое предложеніе, договориться во всѣхъ деталяхъ объ условіяхъ найма, начертать проэктъ договора со мною и внести все это на обсужденіе общаго собранія городскихъ представителей. И только послѣ всего этого могло быть заключено самое соглашеніе мое съ городомъ. Приходилось поневолѣ дожидаться очереди и слѣдующаго собранія думы, которая созывалась городскимъ совѣтомъ періодически, по мѣрѣ накопленія дѣлъ. Созывать же думу экстренно для одного дѣла церкви признано было неудобнымъ и рискованнымъ. Къ тому же, нашимъ друзьямъ изъ чеховъ предстояло еще такъ устроить и подготовить все дѣло, чтобы оно и въ городскомъ совѣтѣ, и въ думѣ прошло успѣшно и гладко. А для этого нужно было время, тѣмъ болѣе, что наступали лѣтнія каникулы и всѣ стали разъѣзжаться по деревнямъ и за границу. Кромѣ того,—какъ я убѣдился,—со стороны старо-чеховъ было признано тактичнымъ внести дѣло церкви на общее собраніе думы тогда именно, когда вожаки ихъ пар-

Digitized by Google

тіи оказались бы отсутствующими изъ Праги, дабы самое рѣшеніе думы въ пользу дѣла не могло быть истолковано властями и нѣмцами, какъ результатъ вліянія въ думѣ старо-чеховъ. Такой пріемъ, конечно, представлялъ нѣкоторую опасность; но, благодаря изумительной дисциплинѣ въ среди чеховъ старыхъ и молодыхъ, и благодаря умѣнью ихъ подчинять свои личныя и кружковыя отношенія обще-чешскимъ интересамъ, и въ отсутствіе вожаковъ дѣло это могло пройти вполнѣ успѣшно.

Такъ и вышло. 3/15 іюля насталъ, наконецъ, день общаго собранія думы, въ которомъ мое предложеніе должно было обсуждаться въ публичномъ засѣданіи. За исключеніемъ Браунера, моего «попечителя» и ходатая, всѣ вожаки старо-чешской партіи,—Палацкій, Ригеръ, Скрейшовскій и др.—отсутствовали изъ Праги. Засѣданіе должно было происходить вечеромъ, часовъ въ 7. Я, конечно, получилъ доступъ на хоры въ залу думы, откуда à vol d'oiseau могъ видѣть составъ того ареопага, отъ благоусмотрѣнія котораго зависѣло увѣнчать наши русскія пожеланія успѣхомъ. Пришла очередь доклада по дѣлу церкви. Прочитано было мое прошеніе въ городской совѣтъ и тѣ предположенія совѣта, о которыхъ мы договорились. Начались пренія, которыя, впрочемъ, не были ни особенно многочисленны, ни особенно бурны. Первымъ сталъ говорить Браунеръ, но на этотъ разъ не въ качествѣ моего повѣреннаго, а въ качествѣ гласнаго думы. Въ рѣчи своей онъ поставилъ вопросъ исключительно на почву экономическихъ интересовъ города. Указавъ на то, что теперь это зданіе никакой пользы городу не приноситъ, что оно въ запустѣніи, что городу выгодно вообще отдать его въ аренду на долгій срокъ; что городъ можетъ только выиграть отъ устройства въ немъ православнаго храма, который, конечно, будетъ привлекать въ Прагу большое число русскихъ путешественниковъ, Браунеръ доказывалъ, что въ этомъ дѣлѣ не найдется рѣшительно ничего, что противорѣчило бы интересамъ города, и что онъ поэтому подаетъ свой голосъ за принятіе моего ходатайства и приглашаетъ прочихъ гласныхъ сдѣлать также. Его рѣчь, однако, не осталась безъ возраженія со стороны одного католическаго прелата, который усмотрѣлъ въ моемъ ходатайствѣ нѣчто для клерикаловъ неудобное и непріятное. Но такъ какъ по существу проэкта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ искусно освѣщенъ и обставленъ чехами, ничего возразить было нельзя, то прелатъ и выступилъ въ концѣ концовъ съ предложеніемъ отложить обсужденіе этого ходатайства до возвращенія изъ Рима пражскаго архіепископа, который въ то время присутствовалъ на римскомъ конклавѣ. На это Браунеръ возразилъ, что вопросъ тутъ чисто хозяйственный и ад-

Digitized by Google

министративный, а вовсе не религіозный; что греко-православное вѣроисповѣданіе, въ числѣ прочихъ христіанскихъ церквей, пользуется въ Австріи, а слѣдовательно и въ Прагѣ, вѣротерпимостью, и что поэтому для отклоненія немедленнаго обсужденія моего ходатайства не представляется достаточныхъ поводовъ. Прелатъ еще разъ попытался выставить необходимость обождать архіепископа, но домогательство его осталось въ собраніи безъ сочувствія, и вопросъ объ отдачѣ мнѣ храма св. Николая для устройства православнаго богослуженія поставленъ былъ на рѣшеніе думы открытой подачей голосовъ. Болѣе трехъ четвертей наличныхъ гласныхъ, какъ одинъ человѣкъ, встали съ своихъ мѣстъ и закрѣпили своимъ согласіемъ мое ходатайство.

IV.

Судьба вопроса о пражской церкви такимъ образозъ рѣшилась безповоротно. И главная честь и заслуга въ этомъ случаѣ осталась всецѣло на сторонѣ чеховъ-католиковъ, которые приняли дѣло нашей православной церкви подъ свою братскую защиту. Они поздравляли меня съ полнымъ успѣхомъ недавнихъ, еще совсѣмъ туманныхъ мечтаній, такъ скоро осуществившихся. Предстояло только оформить дѣло заключеніемъ договора, внесеніемъ перваго арендnаго платежа и залога, и выдачей на будущее время Браунеру формальной довѣренности на исполненіе дальнѣйшихъ формальностей.

Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, я телеграфировалъ въ «Московскія Вѣдомости»: «Общее муниципальное собраніе города Праги рѣшило сегодня предоставить въ распоряженіе православныхъ славянъ, а равно и русскихъ, проживающихъ въ Прагѣ, церковь св. Николая для православнаго богослуженія. Формальный актъ, опредѣляющій подробности соглашенія, будетъ заключенъ немедленно. Рѣшеніе собранія вызвало всеобщее одобреніе».

Послѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ дней, учиненъ былъ мною съ городскимъ управленіемъ договоръ найма на 30 лѣтъ, то есть до 1900 года. Подписывая его, мы сказали другъ другу: «Кто знаетъ, что̀ будетъ черезъ 30 лѣтъ?.. Уцѣлѣетъ ли еще сама Австрія, въ теперешнемъ видѣ, и что̀ будетъ съ Прагой и всею Чехіей?» Въ ту эпоху поглощеніе Германіей всей Австріи представлялось для многихъ неизбѣжнымъ и почти вѣроятнымъ; особенно это являлось опасеніемъ для Цислейтаніи съ Чехіей, вдающейся мысомъ въ германскую территорію. Кстати, я не могу не вспомнить, что даже кн. Орловъ, бесѣдуя со мной и о. Раевскимъ о пражской церкви, не смотря на все свое искреннее сочувствіе этому дѣлу,

Digitized by Google

счелъ нужнымъ, однако, поставить намъ на видъ всю шаткость положенія Цислейтаніи послѣ кёниггрецкаго разгрома и всю трудность, предстоящую Австріи—отстоять свою сѣверную, чешскую, окраину.

Весьма возможно и даже вѣроятно, что и весь проэктъ устройства пражскаго православнаго храма въ умѣ чешскихъ патріотовъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, связывался логически съ идеей возможно бо̀льшаго не только политическаго, но и религіознаго обособленія Чехіи отъ сосѣдняго германизма. Если якобы матеріальная подкладка, выставленная Браунеромъ въ думѣ, и играла нѣкоторую, преимущественно показную, роль въ дѣлѣ устройства церкви, то съ другой стороны была и подкладка славянская и духовная, которая въ ту эпоху сводилась къ задачѣ—выставить передъ Римомъ и ультрамонтанами несочувствіе къ нимъ по поводу затѣяннаго ими провозглашенія папской непогрѣшимости, не находившаго себѣ сочувствія въ весьма многихъ представителяхъ католицизма, и преимущественно въ средѣ славянъ-католиковъ, всегдашнихъ противниковъ ультрамонтанства. Могли ли въ самомъ дѣлѣ потомки древнихъ гуситовъ безъ сожалѣнія и нравственнаго протеста присутствовать при провозглашеніи непогрѣшимости той главы римской церкви, которая въ своей исторіи не разъ выступала открытой гонительницей славянской паствы, славянскаго богослуженія и славянскаго духовнаго развитія?

Если для публики и правительства чешскіе патріоты Праги должны были говорить только о выгодности для города проэкта отдачи храма св. Николая въ пользованіе православнымъ, то внутренно они, конечно, еще болѣе дорожили этимъ случаемъ, чтобы проявить свою независимость отъ Рима и свою способность отстаивать областную религіозную автономію, быть можетъ, и еще болѣе внушительными и опасными для Рима средствами.

Слѣды такого настроенія въ средѣ *чешской* католической паствы въ то время проникли даже въ русскую печать, и въ № 154 «Московскихъ Вѣдомостей», отъ 17 іюля 1870 года, можно было прочесть слѣдующее извѣстіе: «въ чешскихъ газетахъ сообщаютъ, что городская дума города Сморжицы намѣрена подать консисторіи кралево-градецкой епархіи энергическій меморандумъ *противъ папской непогрѣшимости* и составляетъ особый комитетъ, который имѣетъ вызвать все населеніе той мѣстности *къ переходу изъ католицизма въ какую либо другую религію*». Не трудно понять, о какой другой религіи здѣсь шла рѣчь. Для чеховъ переходъ изъ католицизма въ протестантство невозможенъ, благодаря солидарности протестантизма съ германизмомъ. Значитъ, оставалось одно православіе,

Digitized by Google

къ которому и обращались взоры многихъ чеховъ, что потомъ и подтвердилось довольно многочисленнымъ переходомъ чеховъ въ православіе, какъ на Волыни, такъ и въ самой Чехіи. Естественность же подобнаго возбужденія умовъ въ Чехіи противъ папства подтверждается и тѣми сообщеніями, которыя въ то время приходили изъ самаго Рима отъ корреспондентовъ, слѣдившихъ тамъ за ходомъ дѣлъ на конклавѣ. Вотъ, напримѣръ, что писалъ тогда корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» подъ впечатлѣніемъ лично имъ видѣннаго и испытаннаго въ Римѣ [1]):

«Догматъ папской непогрѣшимости торжественно приближается къ своему рѣшенію. Во вторникъ, соборъ выслушалъ докладъ о 96 поправкахъ, относящихся къ IV главѣ *схемы*, спеціально трактующей о непогрѣшимости. Затѣмъ собору представлены были окончательные тексты III и IV главъ, потомъ вся схема въ полномъ составѣ, то есть proemium и четыре главы. Отцы собора, приглашенные къ подачѣ голосовъ, должны были отвѣчать каждый отдѣльно: *placet*, или *non placet*, или *placet juxta modum*. Результатъ голосованія: *88 non placet*, и 62 placet juxta modum; остальные, то есть огромное большинство, отвѣчали утвердительно—значитъ, теперь все кончено. Остается лишь ожидать только публичнаго засѣданія, торжественнаго постановленія собора, утвержденія онаго папой и обнародованія декрета. Но все это—одна пустая формальность и теперь уже папскую непорѣшимость должно считать дѣломъ рѣшеннымъ».

Не лишено интереса, что это письмо корреспондента помѣчено 3—15 іюля 1870 года, то есть тѣмъ самымъ числомъ, когда пражская дума, не внявъ возраженіямъ прелата, рѣшала судьбу церкви св. Николая въ смыслѣ сочувственномъ православію. А въ Римѣ, въ этотъ же день, въ числѣ 88 голосовъ, выразившихся на соборѣ противъ догмата непогрѣшимости, фигурировали, какъ потомъ объяснилось, и голоса епископа дьяковарскаго Штросмайера и пражскаго архіепископа. Еще болѣе обстоятельное и картинное изображеніе того, что творилось на этомъ соборѣ, тотъ же корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» описалъ въ письмѣ своемъ отъ 6—18 іюля, которое поэтому я и привожу in extenso для лучшаго освѣщенія той общей атмосферы, въ которой пребывалъ тогда весь католическій міръ:

«Свершилось!—Католичество пріобрѣло новый догматъ и папство — новую прерогативу. Соборъ, созванный сегодня наскоро въ общее—публичное и торжественное—засѣданіе, постановилъ свой приговоръ: съ этой минуты папская непогрѣшимость становится непремѣннымъ условіемъ католиче-

[1]) «Моск. Вѣд.» 1870 г., 16 іюля, № 153.

Digitized by Google

ской вѣры. Со всѣмъ тѣмъ, этотъ догматъ, хотя и утвержденный, вступаетъ въ среду религіозныхъ принциповъ при такихъ обстоятельствахъ, что онъ какъ будто прокрадывается тайно въ нѣдра католической вѣры. И, дѣйствительно, всѣмъ извѣстны ухищренія, пущенныя въ ходъ римскою куріей, съ цѣлью добиться папской непогрѣшимости и разсѣять оппозицію на соборѣ. Извѣстно также, какъ ловко означенная курія направляла пренія и устраняла возраженія членовъ оппозиціи. Обстоятельства эти не могутъ сообщить много обаянія новому догмату. Сверхъ того, поспѣшный отъѣздъ изъ Рима—наканунѣ торжественнаго засѣданія—тридцати епископовъ, враждебныхъ догмату, произвелъ сильное впечатлѣніе на публику. Бо́льшая часть епископовъ, оставившихъ такъ внезапно вѣчный городъ—нѣмцы и нѣсколько французовъ. Въ числѣ послѣднихъ—монсиньоръ Дюпанлу, епископъ орлеанскій. Римская курія, достигшая наконецъ цѣли своихъ стремленій, какъ бы устыдилась своего торжества. Слухи носились, что, въ минуту провозглашенія догмата, престолъ св. Петра, хранимый въ особой нишѣ ватиканской базилики, будетъ въ торжественной процессіи перенесенъ патріархами въ залу собора, что замокъ св. Ангела и всѣ укрѣпленныя мѣста произведутъ салюты изъ орудій, и колокола всѣхъ 300 церквей будутъ привѣтствовать великое событіе оглушительнымъ звономъ. Ничего подобнаго не было. Напротивъ того, нынѣшнее засѣданіе даже не имѣло торжественности предшествовавшаго ему засѣданія. Подвижная стѣна, которую обыкновенно отодвигали, чтобы представить публикѣ зрѣлище отцовъ собора въ ихъ засѣданіи, на этотъ разъ осталась на своемъ мѣстѣ, такъ что взоръ посторонняго могъ проникнуть въ залу собора только входной дверью. Толпа любопытныхъ, обыкновенно очень многочисленная, была на этотъ разъ незначительна и состояла почти исключительно изъ священниковъ, монаховъ и воспитанниковъ различныхъ римскихъ семинарій. Словомъ, декларація о непогрѣшимости, о которой трубятъ такъ давно и съ такимъ неистовствомъ, совершилась безъ всякаго блеска и величія. Даже погода какъ будто вооружилась противъ нея. Со вчерашняго вечера нависли черныя тучи, и въ минуту провоглашенія догмата раздались страшные удары грома и молнія сверкала почти безпрерывно. Суевѣрные люди заключаютъ, что небо протестовало противъ того, что̀ совершается на землѣ; замѣчаютъ при этомъ что и самое открытіе собора ознаменовалось такою же бурною погодой».

Съ другой же стороны, имѣется еще и другое доказательство тому, какое тогда было благодарное время для всякихъ попытокъ къ распространенію православія въ Чехіи и внѣ Праги. Изъ Франценсбада писали въ «Моск. Вѣдомости» «о починѣ нѣкоторыхъ русскихъ — фрейлины е. в. графини Зубовой и г-жи Пашковой, вмѣстѣ съ бургомистромъ докторомъ Лейманомъ, совѣтникомъ др. Фридрихомъ Бошаномъ и пр.,—въ сборѣ пожертвованій для сооруженія во Франценсбадѣ православной церкви, храма или домовой».

Вотъ каково было волненіе умовъ во всемъ католическомъ мірѣ въ ту эпоху! Удивляться ли, слѣдовательно, что и въ средѣ чеховъ-католиковъ мысль и мечтанія объ обособленіи отъ Рима должны были всплывать подъ тѣмъ или другимъ видомъ? Остава-

Digitized by Google

лось лишь пользоваться этими данными и направлять ихъ развитіе на пользу православія и сближенія съ нимъ славянъ Австріи. Дальновидный въ своихъ намѣреніяхъ и искусный въ выборѣ времени, руководитель петербургскихъ славянофиловъ Гильфердингъ исполнилъ свое призваніе и сдѣлалъ тогда все нужное, чтобы древняя «золотая» Прага украсилась святыней русско-православнаго храма, во исполненіе пророческаго «видѣнія» незабвеннаго Хомякова, вдохновенно имъ изображеннаго въ знаменитомъ его стихотвореніи, гдѣ онъ говорилъ:

И старый епископъ въ одеждѣ Кирилла
Съ молитвой на Петчинъ всходилъ
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.
А клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на западный край,
На Лабу, Мораву, на древнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

Первый камень основанія православнаго богослуженія въ чешской Прагѣ былъ положенъ тогда, когда туча франко-германскаго столкновенія уже нависла надъ Европой. Всѣ умы обратились тогда въ сторону борьбы, въ которой всѣ симпатіи русскихъ и славянъ, вопреки вѣяніямъ офиціальной дипломатіи, склонялись на сторону тѣхъ, которымъ тогда суждено было испытывать на себѣ впервые черствую руку нѣмецкихъ «культуртрегеровъ», гнетъ которыхъ уже давно извѣдали на себѣ славяне и, по преимуществу, чехи.

А что сталось послѣ того съ папствомъ? На счастье ли ему послужила его непогрѣшимость? Если и послѣ «культуркампфа» католицизмъ въ Германіи все таки устоялъ еще и заявляетъ даже теперь о своей живучести, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ политической партіи,—то въ католической Франціи и въ Италіи онъ оказывается въ положеніи осажденнаго, одолѣваемаго натискомъ все болѣе и болѣе надвигающихся на него враговъ — враговъ Бога и человѣковъ, враговъ всякаго мира и правды между людьми.

Храмъ же св. Николая въ Прагѣ стоитъ нынѣ благоустроенный, богато снабженный, а, главное, наполняющійся не только православными, но и самими чехами-католиками, стекающимися въ него, чтобы услышать незамѣнимое славянскому сердцу *слово Божіе на родномъ славянскомъ нарѣчіи!*

Графъ Петръ Кутузовъ.

Digitized by Google

ЖЕРТВА ИЛЛЮЗІИ.

Романъ.

XII.

На другое утро, между супругами произошла ссора. Катя спросила, куда онъ ходилъ ночью, и на отвѣтъ Арсенія, что прошелся по саду, сказала:

— Я бы тебѣ совѣтовала оставить эти фокусы!

Арсеній Николаевичъ поморщился. Онъ не выносилъ вульгарности выраженій, особенно въ устахъ Кати, обладавшей способностью, смотря по настроенію, говорить объ одномъ и томъ же предметѣ въ возвышенномъ и въ низменномъ стиляхъ. Случалось, что, даже хваля мужа, она возмущала его выраженіями и, раздражаясь тономъ ея голоса, манерами и фразами, онъ спорилъ противъ тѣхъ положеній, которыя были ему крайне лестны.

— Какіе фокусы? А, скучно, Катя!

— Да, тебѣ теперь только скучно, а вотъ какъ придется убираться отсюда ни съ чѣмъ, тогда я посмотрю, что ты запоешь...

— О чемъ ты говоришь?

— Надоѣло мнѣ, Арсеній Николаевичъ, быть вашей нянькой и указкой. Довольно! Дѣло настроено, а ты портишь... Простись со своимъ театромъ и назови себя дуракомъ.

— Неужели нельзя говорить иначе и другимъ тономъ?

— Нѣтъ, нельзя! Человѣкъ ты развѣ? Думать способенъ?

Муранскій взялся за шляпу. Онъ видѣлъ, что въ аллеѣ мелькнула стройная фигурка Зои, и хотѣлъ поговорить съ дѣвушкой наединѣ. Но и Катерина замѣтила Боровскую.

— Останься. Возлѣ Зои есть кавалеръ и безъ тебя. Не забудь, ей надо оправдаться передъ княземъ. Онъ вѣдь видѣлъ васъ вчера ночью въ саду!

Digitized by Google

Эта фраза, произнесенная значительнымъ тономъ, заставила Муранскаго усмѣхнуться и подумать: «Оба слѣдили? А то и всѣ трое... Удивительно нужно... Однако, хорошо, что она не вышла»... Множество ролей «перваго любовника», переигранныхъ Арсеніемъ, оставило слѣдъ не только въ смыслѣ манеръ, но и пріучило артиста легко относиться ко всякимъ романическимъ эпизодамъ. Привычка играть въ любовь, и, главное, быть обожаемымъ, разнуздала молодаго человѣка. Передъ крупнымъ событіемъ любовнаго свойства онъ, конечно, задумался бы, сталъ бы взвѣшивать и соображать, но такъ, въ обыденной жизни, у Муранскаго образовалась привычка пользоваться всѣмъ, что̀ выпадало на долю.

Отношенія къ Зоѣ—были инаго характера.

Чѣмъ-то невѣдомо-чистымъ вѣяло отъ этой нетронутой натуры, простой, самобытной и нѣжно-поэтической. Муранскому стало особенно досадно, что она *такъ* упомянула о Зоѣ. Вѣдь еще вчера онъ заявилъ, что не потерпитъ никакихъ намековъ.

— Ты опять говоришь глупости!—рѣзко сказалъ онъ и пошелъ къ дверямъ.

— Останься же!—повелительно произнесла она.—Ты, кажется, голову теряешь. Ты такъ увлекся Зоей, что...

— Я просилъ оставить въ покоѣ Зою Михайловну и мои отношенія къ ней.

— Господи, дуракъ какой! Да пойми ты, дѣла мнѣ нѣтъ,—хоть цѣлуйтесь съ нею. Даже не интересуюсь. Ты театръ-то удержи...

— Удержать? Что̀ это значитъ?

— А то, что Софи начала колебаться... Еще третьяго дня надо было выслать деньги за костюмы и назначить день выѣзда нашего, но... все это откладывается. Софи избѣгаетъ говорить о дѣлѣ.

— Я не замѣтилъ...

— Да развѣ ты способенъ замѣчать что нибудь, кромѣ *новенькой* игрушки? Ха, ха! Старое надоѣло... Только ты напрасно считаешь Софи такою дурочкой...

— Это ты осмѣливалась увѣрять...

— Полно врать! Конечно, и я находила... Зачѣмъ женщина беретъ театръ и бросаетъ тысячи рублей? Любовь къ искус-

Digitized by Google

ству? Сейчасъ! То-то онѣ раскошелятся... Нѣтъ, тебя любитъ... тебѣ угодить хочетъ.

— Если ты будешь говорить въ такомъ тонѣ...

— Такъ ты слушать не станешь? Нѣтъ, слушай, Арсеній. Довольно я намучилась и больше не хочу. Вѣдь это второй разъ будетъ. Тогда тоже все было начеку. Семипалтова и театръ въ Ростовѣ сняла, и деньги давала, а тебя дернула нелегкая увлечься этой, какъ ее...

— Хорошо, хорошо! Слышалъ тысячу разъ.

— Тысячу первый выслушаешь! Нуждались, бѣдовали, съ голода до ссоръ доходили, наконецъ, попали на сытное положеніе, такъ нѣтъ... Вмѣсто того чтобы держаться, устроиться, пока есть возможность...

— Какія ты говоришь гадости!—вырвалось у него.

— Слова не понравились? Ха, ха, ха. Ничего тутъ нѣтъ дурнаго... Еслибы ты былъ... ну, какъ это сказать, *близкимъ* другомъ Софи, тогда дѣло другое. Пользоваться деньгами такой женщины не честно, но она—меценатка, дама-патронесса, поклонница твоего таланта, и глупо не пользоваться удачей, когда она сама въ руки падаетъ.

— Къ чему все это говорится? Не понимаю! Ужасно ты любишь пустословіе.

— Невнимательно слушаешь. Софи не нравится твое обращеніе съ Зоей! Надо прекратить это шептанье, эти взгляды...

— *Тебѣ* не нравится? Говори прямо!

— Мнѣ? Ошибаешься. Неужели *я* стану ревновать тебя къ Зоѣ? Одна изъ сотни, съ которыми ты заводишь флиртъ... глупый, безполезный, особенно теперь.

Муранскаго бѣсилъ тонъ Кати и то превосходство, которое она подчеркивала, банальное превосходство скептика надъ увлекающимся. Никому, ничего не довѣряющій, конечно, не будетъ оплакивать своихъ ошибокъ, но его хвастовство звучитъ, какъ оскорбленіе. «А если я ее-то и полюблю серьезно»?—вдругъ мелькнуло въ головѣ Арсенія. «Вотъ бы разозлилась». И пока Катерина слишкомъ подробно и убѣдительно доказывала, что ревновать не способна вообще, а къ такому безцвѣтному существу особенно, Муранскій ясно сознавалъ, что жена *уже* ревнуетъ, и серьезно ревнуетъ...

Тайный голосъ шепталъ молодому человѣку, что Кате-

Digitized by Google

рина имѣетъ основаніе быть недовольной, что онъ давалъ волю своей симпатіи къ Зоѣ, но постарался себя увѣрить, что все это—«бабьи фантазіи»... Прячась за личность княгини, Катерина рисовала картину поведенія Муранскаго, и оно было некрасиво... Женщина полюбила его возвышенно и чисто, женщина бросила къ его ногамъ все состояніе, желая одного только: его славы, а онъ, на глазахъ ея, ухаживаетъ за дѣвочкой, все достоинство которой—юношеская свѣжесть.

— Ты даже талантъ открылъ въ Зоѣ, — укоряла Катерина. — Княгинѣ и Полю,—всѣмъ непріятно. Вовсе она не желаетъ дѣлать изъ нея актрису. Дѣвушка—невѣста князя Поля, и твое поведеніе...

— Развѣ она невѣста? Это рѣшено?

— Не объявлено, но рѣшено, — отвѣчала Катерина, радуясь, что ударъ оказался меткимъ.—Зоя любитъ его...

— Не думаю...

— Еще бы! При тебѣ можно ли кого нибудь замѣчать, не только любить?

— Зачѣмъ ты мнѣ говоришь колкости, Катя? Я и такъ... Нервы у меня разстроены до невозможности...

Онъ сталъ потирать сердце. Катерина встревожилась. Ей было жаль мужа.

— Оттого и колю, что надоѣла собачья жизнь... Для тебя же стараюсь... Объ тебѣ думаю! Мнѣ все равно... Я и голодать не боюсь... Мнѣ не талантъ свой беречь... А вѣдь ты себя губишь, себя, крупный, могучій талантъ!.. Вѣдь изъ тебя европейская знаменитость будетъ... Тебѣ надо только помочь въ первые моменты, а потомъ ты сторицей отплатишь... Не обязываешься, а берешь то, что должно дать тебѣ общество... Ну, нашлась одна за всѣхъ... И ты обязанъ составить свое положеніе, благо, наконецъ, явилась возможность,—долженъ, долженъ!

Она говорила властнымъ тономъ и доказывала, что и какъ нужно дѣлать. Муранскій покорно слушалъ ея повелительные совѣты. Да, она была права... ради будущаго, онъ долженъ придавить себя. И въ чемъ дѣло? Не возбуждать ревность Софи... А развѣ онъ желалъ этого? Вѣдь онъ любитъ Софью Павловну, конечно, любитъ... Къ Зоѣ у него особенное чувство, волнующее и томительно сладкое, а Софи, о, это другъ... Онъ и не думалъ измѣнять ей! Конечно, женщины, даже умныя и

Digitized by Google

хорошія, непростительно требовательны. Цѣнятъ, восхищаются, поклоняются, да вотъ главнаго понять не могутъ. Онъ — не такой, какъ всѣ:—у него выработанная натура, у него иныя, болѣе широкія потребности.

Подобными доводами Муранскій всегда убаюкивалъ свою совѣсть, когда прирожденная порядочность нашептывала укоризны. Для обыкновеннаго человѣка, да, это было бы возмутительнымъ играть сердцами трехъ женщинъ и съ каждою вести извѣстную интригу, но для артиста, исключительнаго по своей даровитости все это простительно...

Прежде, когда вопросъ касался лично ея, Катерина раздражалась на такіе доводы мужа, но теперь страдали другія, и молодая женщина смѣло и убѣжденно доказывала, что къ Арсенію не примѣнимы банальныя рамки. Ея внушенія вліяли... Отношенія жены—являлись лучшимъ доводомъ, и многое, если не все, прощалось Муранскому. Случалось, что, послѣ пылкаго свиданія съ прекрасной женщиной, Арсеній на завтра не узнавалъ ея и начиналъ отзываться съ насмѣшкой. Другаго назвали бы нехорошимъ именемъ, но Муранскій былъ исключительнымъ человѣкомъ и всѣ обвиняли потерпѣвшую пораженіе, а онъ... онъ только выросталъ во мнѣніи женщинъ-рабынь, поклоняющихся герою дня...

— Поговори ты съ нею серьезно,—заключила Катерина.— Сегодня же, послѣ завтрака, и рѣшите вы день отъѣзда. Ты все забываешь, а вѣдь актеры уже съѣхались. Надо заключать контракты. Да, вотъ еще. На чье имя будутъ контракты?

— Софья Павловна говорила, чтобы на мое...

— Ловко! Однако она того... лукавая. Или это штучки князька,—язвительно смѣясь, замѣтила Катя.—На твое? А капиталъ она положитъ тоже на твое имя?

— Ну, Катя... Неужели я могу объ этомъ спрашивать...

— И очень глупо, если не спросилъ! Въ такомъ случаѣ, *мнѣ* надо.

Муранскій очнулся. Жена опутывала его тонкою сѣтью плутовства и практичности, толкала на поступокъ, возмущавшій его честность.

— Никогда и не заикайся! Не позволю.

— Господи, какой ты дуракъ!

Digitized by Google

— Катерина! Довольно!

— Дуракъ, дуракъ и дуракъ! Ну, если не дуракъ, такъ рехнулся, коль тебѣ это лучше нравится! — наслаждалась она правомъ издѣваться надъ человѣкомъ, котораго сама безумно любила, которому поклонялись и хорошенькія, и богатыя, и родовитыя женщины.

— Я ухожу... Надоѣло мнѣ...

— Нѣтъ, ты останешься. Вспомни ты, сколько разъ мы погибали изъ-за твоихъ дурацкихъ увлеченій. Все идетъ на ладъ, снова, вотъ-вотъ передъ носомъ, а ты — фигуранткой увлекаешься и мы опять нищіе. Я сказала: конецъ!.. Я содѣйствовала твоему, ну, роману, что ли, съ Софи, я — глаза закрываю, дитя... Да ты понимаешь ли, каково *мнѣ* присутствовать при вашихъ флиртахъ? Ха, ха! Вѣдь надо мною прислуга потѣшается... Поль колкости говоритъ... На дняхъ, сталъ намекать, что есть жены, готовыя торговать мужьями.

Муранскому вдругъ стало ужасно больно и точно завѣса спала съ его глазъ.

Поведеніе Катерины предстало въ новомъ свѣтѣ и краска стыда залила его блѣдное лицо.

— Онъ сказалъ *это*... это? И при комъ? *Она* была тутъ?

— Никого не было, но все равно, наглецъ эдакій! Я его тоже отщелкала. Говорю, что болѣзнь есть особая, жаждою наслѣдства называется...

— Ахъ, какъ гадко... какъ пошло!—застоналъ Муранскій и, схватившись за голову, опустился въ кресло.

Теперь онъ ясно представлялъ себѣ, *что* и *какъ* могли говорить о немъ, что могла думать Зоя и другіе. Въ это мгновенье онъ готовъ былъ задушить Катерину, осыпать упреками, но *долженъ* былъ молчать. Развѣ не пользовался онъ милостями влюбленной меценатки, развѣ не игралъ позорную роль женщины, на которую тратится ея поклонникъ, въ ожиданіи, что постоянство и множество жертвъ сломятъ ея равнодушіе.

А Катерина продолжала съ безпощадною логичностью.

— Недаромъ же я выносила всю эту пытку. Подарки Софи! Удивительно! Отъ такого богатства, да гроши. Я и не ждала, не хотѣла ничего лично. Важно твое будущее. Вовсе не намѣрена я слушать клеветы! Нѣтъ, она должна положить въ банкъ на твое имя сколько тамъ опредѣлено на театръ и ты будешь

Digitized by Google

хозяиномъ. И это *теперь* надо... пока она относится какъ слѣдуетъ... Пойдутъ убытки, тогда поздно... Или ты скажи ей, или я...

Муранскій упорно молчалъ.

Такое чистое, прекрасное дѣло, какъ стремленіе послужить искусству, создать въ столицѣ хорошій театръ и помочь выдвинуться молодымъ артистическимъ силамъ, дать широкую арену даровитому человѣку... а между тѣмъ, смотря съ другой стороны—получается отвратительная картина. «Женщинѣ—дарятъ брилліанты, кружева и рысаковъ, а ради меня,—она создаетъ новое театральное дѣло... Затрачиваетъ огромныя деньги. Но тамъ мужчина поклонникъ добивается извѣстныхъ правъ, онъ щеголяетъ роскошью своей подруги; тутъ—безкорыстныя жертвы, чистая любовь, скромность. Фу, какой я негодяй, въ сущности! Какъ все гадко вышло»!

И машинально, словно повинуясь высшей силѣ, Арсеній Николаевичъ быстро направился въ садъ.

Катя не ожидала такой стремительности. Она говорила что-то, кричала ему вслѣдъ, но Муранскій даже не обернулся.

Онъ спѣшилъ къ Софи, твердо рѣшивъ отказаться и отъ театра, и отъ той славы, которая такъ его манила.

«И какъ я не понималъ... какъ я не понималъ! — думалъ онъ.—Гнуснѣйшая роль... Ахъ, эта привычка идти по теченію... Нѣтъ, довольно... Не хочу, и не могу»!

XIII.

Муранскій былъ очень блѣденъ, когда, встрѣтившись съ Софи, сказалъ прямо:

— Вы еще не посылали денегъ въ Петербургъ, хозяину театра?

— Нѣтъ... А что?

— Ну, и слава Богу! Я такъ боялся... Не надо, Софья Павловна. Не надо! Не посылайте и, вообще, все это пора покончить...

Князь Поль сидѣлъ недалеко на скамьѣ и читалъ газету. Можетъ быть, онъ и не услышитъ ихъ разговора, но все таки нужно быть осторожными. Эта необходимость сердила Софи. Она съ неудовольствіемъ поглядѣла въ сторону Поля, но, по-

Digitized by Google

глощенный чтеніемъ или не желающій сознавать, что мѣшаетъ,—молодой человѣкъ не двигался. Отойти отъ него и показать, что имъ пріятнѣе быть наединѣ—тоже неудобно.

Софи указала мѣсто Муранскому возлѣ себя, но Арсеній не могъ ни сидѣть, ни стоять. Онъ волновался и лицо его то вспыхивало, то покрывалось землистою блѣдностью. Еще не зная, въ чемъ дѣло, княгиня тоже волновалась. Настроеніе любимаго человѣка всегда передавалось ей, а сегодня она была особенно впечатлительна. Ей представлялось, что Арсеній, идеально чистый и прекрасный Арсеній, явился сказать нѣчто ужасное. «Люблю Зою... васъ не любилъ, не люблю»,—такъ формулировала она съ ужасомъ и отчаяньемъ то, что онъ *можетъ* сказать, и она готова была умолять его воздержаться отъ такой жестокой и ненужной правды.

«Если онъ любитъ Зою, ну и пусть, пусть...—скользило въ ея головѣ.—Я не хочу знать ничего! Только бы отъ меня не отнимали права любить, поклоняться и служить ради распространенія его славы»!

Софи страшно обрадовалась, узнавъ, что ей вовсе не грозитъ роковое извѣстіе. Муранскій заговорилъ такъ горячо и порывисто, что Поль опустилъ газету и сталъ прислушиваться.

Объяснить истинную причину Арсеній, конечно, не могъ, но онъ говорилъ серьезно, съ убѣжденіемъ, что эту несчастную мысль о театрѣ надо бросить, что ничего путнаго тутъ не будетъ, кромѣ убытка и полнаго разочарованія.

«Чортъ знаетъ, что такое!—недоумѣвалъ князь Поль.—Совсѣмъ, совсѣмъ не понимаю я этого человѣка! Раньше восхищался идеей театра, а теперь—отказывается. Странно... И теперь вѣдь говоритъ еще убѣжденнѣе. Да, онъ гораздо лучше, чѣмъ я предполагалъ... Нѣтъ, не хитритъ онъ. Правда слышна, чувствуется».

Софья Павловна была буквально ошеломлена страстнымъ протестомъ. Она сама такъ свыклась съ мыслью имѣть *свой* театръ, наслаждаться чудною игрой любимаго человѣка, въ тѣхъ пьесахъ, которыя нравились имъ обоимъ. Она уже видѣла себя входящею въ директорскую ложу, гдѣ она будетъ сидѣть, жадно слѣдя за каждымъ словомъ Арсенія; она предвкушала прелесть права приходить за кулисы, въ антрактѣ, и

Digitized by Google

первою высказывать Муранскому похвалу и восторгъ, и вдругъ онъ говоритъ:

— Не надо... Не хочу!

— Позвольте, позвольте, Арсеній Николаевичъ, что это значитъ? Съ чего такая рѣзкая перемѣна?

— Тогда я имѣлъ глупость согласиться, не сообразивъ; теперь я подумалъ и пришелъ въ ужасъ...

«Отъ той роли, въ которой я могъ очутиться»,—едва не сказалъ онъ, но Софи прервала его:

— Въ ужасъ? Отчего?

— Отъ тѣхъ безумныхъ тратъ, которыя вамъ предстоятъ, отъ риска, непріятностей, хлопотъ. Ахъ, да причинъ масса!

«И всѣ онѣ ничтожны, потому что я безумно, безгранично люблю!»—говорили глаза княгини. — «Твоя слава — моя награда!»

Муранскій понялъ значеніе ея взора и отвернулся.

«Онъ сердится на меня... онъ недоволенъ чѣмъ-то», — подумала Софи, по привычкѣ любящей женщины все и вся объяснять однимъ стимуломъ.

— Все равно,—возразила она спокойно.—Театръ уже снятъ и мой повѣренный все обдѣлалъ. *Я буду* давать спектакли... Я рѣшила... Это дѣло меня прельщаетъ.

Мгновенье мучительной борьбы наступило для Муранскаго. Играть въ Петербургѣ, на такой сценѣ... Играть для интеллигентной публики... имѣть такого чуткаго цѣнителя, какъ Софи. Расширить свою извѣстность, завоевать славу... вѣдь это все то, о чемъ онъ мечталъ, чему завидовалъ, все, что онъ считалъ полнымъ, несбыточнымъ счастьемъ.

И все таки, страдая душевно, но любуясь собою мысленно, Муранскій громко произнесъ:

— Отъ души желаю вамъ успѣха, но *я* у васъ играть не буду. Отказываюсь... Я разсчитываю играть въ провинціи...

Онъ опустилъ руку въ карманъ и вытащилъ пачку писемъ и конвертовъ. Среди нихъ Софи замѣтила телеграмму и испугалась. Она угадала, что онъ получилъ выгодный ангажементъ. Придавая Муранскому громадную цѣну, Софи воображала, что всѣ города оспариваютъ честь ангажировать его. Въ этомъ отношеніи повторные и всегда почти фантастическіе разсказы Катерины принесли большую пользу.

Digitized by Google

— Вы... вы хотите принять приглашеніе въ провинцію?— бормотала княгиня и съ такимъ жалостнымъ, убитымъ выраженіемъ смотрѣла на него, что Арсеній, истративъ всю энергію на отреченіе, не могъ вынести этого молящаго и отчаяннаго взора.

— Да, вѣроятно, такъ и придется!—раздался сзади Софи спокойный голосъ Катерины. Ея появленіе разсердило Муранскаго и обрадовало княгиню. Она не сомнѣвалась, что изъ разговора съ Катей узнаетъ, въ чемъ дѣло, и все уладится, но Арсеній опасался ея вмѣшательства. Катерина слышала все, что происходило здѣсь, и восхищалась поведеніемъ мужа. «Ага, умѣетъ быть умнымъ, когда его припугнуть хорошенько! — думала она, увѣренная, что онъ повинуется ея приказаніямъ.—Я бы иначе повела дѣло, но, все равно... все равно... Подѣйствовало, испугалась моя княгинюшка! Теперь уже я возьмусь... объясню, какъ нужно, и дѣлу конецъ. Только бы догадался уйти Арсеній. Безъ него удобнѣе».

— Отчего придется? Отчего?—машинально повторяла Софи, смотря то на Арсенія, то на Катерину.

— Она не знаетъ еще моего рѣшенія, но оно *неизмѣнно*!— подчеркнулъ Муранскій.—Вѣроятно, и князь посовѣтуетъ вамъ оставить, бросить эту дорогую и ненужную прихоть,—добавилъ онъ, испытывая жгучее желаніе уколоть Поля за ту фразу, которую ему передала жена, и въ то же время дать замѣтить свою честность.

Отреченіе причиняло грызущую боль въ сердцѣ, боль, требующую утѣшенія.

— При такихъ условіяхъ, конечно...—уклончиво протянула Катерина и быстро, какъ будто только что вспомнивъ, сказала:—Арсеній, тебя Зоя проситъ зачѣмъ-то...

«Зоя! Да, къ ней, къ ней... Она способна все понять и успокоить!»—подумалъ Муранскій и, со своею обычною разсѣянностью, направился не въ ту сторону.

— Зоя въ комнатахъ!—крикнула жена.

— Что случилось? Умоляю, что случилось? — тревожнымъ тономъ спрашивала Софи, взявъ подъ руку Катерину и увлекая ее въ самую глубину сада, туда, куда никто не придетъ, не можетъ помѣшать.—Отчего онъ такъ рѣзко измѣнился? Отказаться отъ театра! Самъ такъ мечталъ.

Digitized by Google

— Да, ему это очень и очень больно!

— Такъ въ чемъ же дѣло? въ чемъ?

— Не знаю!—протянула Катерина, но такимъ тономъ, который говорилъ, что она все знаетъ и можетъ подѣлиться своими свѣдѣніями.

— Вы не любите меня, Катя... не жалѣете!.. Я съ ума схожу отъ отчаянья...

— А *что* Арсеній теряетъ! Теперь пропущено время, хорошихъ ангажементовъ нѣтъ... Онъ беретъ ничтожнѣйшее предложеніе. Для него потерять сезонъ—ужасно! Вѣдь онъ могъ дебютировать, могъ въ одинъ годъ добиться положенія и вдругъ...

Софи буквально терялась. Положимъ, никто не обвинялъ ея, но въ этихъ недомолвкахъ звучало порицаніе... Да, она виновата, но въ чемъ?

— Вы скажете мнѣ правду, Катя?

— И хотѣла бы сказать, да не умѣю...

— Онъ... можетъ быть, разсердился на меня изъ-за Зои?

— О, какіе пустяки! Ничего подобнаго. Я даю вамъ слово—я убѣдилась—не думаетъ онъ даже объ Зоѣ... Очень она ему нужна!.. Нѣтъ, Софи, привязанность къ вамъ Арсенія настолько глубока и такъ серьезна, что даже въ этомъ смыслѣ разлука будетъ для него...

— Ахъ, не говорите: разлука! Я представить себѣ не могу такого ужаса. Разстаться съ нимъ... я хотѣла сказать съ вами обоими...

Катерина иронически усмѣхнулась. Она не вѣрила въ привязанность Софи, но не теперь стала бы она возражать ей.

Нужно было ковать желѣзо, пока оно горячо.

— Онъ самъ страдаетъ... Всю ночь нынче... Измучилась я съ нимъ... Припадокъ сердцебіенія, обмороки... Да, ему вредно такъ волноваться. Уходить Арсенія нетрудно...

— Но съ чего же это все? Я припоминаю всѣ разговоры, все... Ничего такого не было...

— Знаете, Софи, одни яды дѣйствуютъ разомъ: принялъ—и отравился. Другіе медлительно вліяютъ, всасываются и, когда человѣкъ успокоился, думаешь: все прошло, отрава дѣйствуетъ сильно и рѣзко. Доктора называютъ гомуляторнымъ такой процессъ.

Digitized by Google

— Что же подѣйствовало?

Софи терла лобъ ладонью, вспоминая самые, казалось бы, незначительные эпизоды, которые могли нехорошо повліять на выработанную натуру Муранскаго,—и ничего, ничего не вставало передъ нею. Сплошное рабское поклоненіе... боязнь возражать... недовольство противъ осмѣливающихся высказывать несогласіе...

— Рѣшительно ничего такого не было! — тономъ несправедливо обвиняемой вымолвила Софи.—Мы всѣ любимъ его, уважаемъ, цѣнимъ...

— Всѣ ли, Софи? Я, конечно, не знаю,—торопливо добавила Катерина.—Я могу только догадываться, предполагать...

— Да, вы относительно Поля... Стоитъ обращать вниманіе...

— Ну, не говорите! Въ вопросахъ чести... о, вы не знаете, Арсеній страшно щепетиленъ. Въ прошломъ году одинъ графъ... Байкаловъ, да вы слышали... Вотъ тоже театръ хотѣлъ, все такое... Арсеній далъ слово, роли готовили, а потомъ... также, какъ здѣсь. Услыхалъ, *какъ* относятся родные, близкіе. Временщикомъ стали называть... Онъ не могъ перенести...

Княгиня начала соображать, въ чемъ дѣло, и удивлялась, какъ она не поняла сразу, въ саду, при Полѣ. Какой удобный случай былъ отмстить дерзкому мальчишкѣ, заставить его устыдиться! Слушая дальнѣйшія разсужденія Катерины, разсказывавшей аналогичную исторію, Софи горячо ненавидѣла Поля, считала его завистливымъ, корыстолюбивымъ практикомъ. Ей хотѣлось теперь, на зло ему и всѣмъ осуждающимъ, сдѣлать что либо такое, чтобы всѣ они, жалкіе завистники, ошалѣли отъ досады.

— Еслибы графъ Байкаловъ былъ болѣе чуткимъ человѣкомъ,—методически продолжала Катерина,—онъ сообразилъ бы, какъ надо поставить дѣло. Не могъ же такой артистъ, какъ Муранскій, быть управляющимъ у разбогатѣвшаго оригинала. Хорошее положеніе! Сегодня въ духѣ, а завтра не въ духѣ, а на артистѣ все это будетъ отражаться. Хочешь, довѣряешь человѣку, сдѣлай его хозяиномъ... а такъ...

— Катя, милая Катя, вы спасли меня!—Княгиня горячо обняла Муранскую, глядѣвшую на нее съ прекрасно разыграннымъ изумленіемъ.

Digitized by Google

— Вы не понимаете, въ чемъ дѣло! О, моя дорогая... Но вы—умница... вы—прелесть! Теперь все будетъ хорошо, если вы меня спасете... Вы согласны? Да? Да?

— Что вы замышляете такое? Я боюсь...

— Дайте слово помочь мнѣ...

— Но, право, я не знаю...

— Вы *мнѣ* не вѣрите?

— Вѣрю, голубчикъ мой. Можно ли вамъ, такой чуткой, сердечной, не вѣрить. Мнѣ только страшно, не сказала ли я чего лишняго! Когда любишь человѣка—трудно быть неоткровенными, а вы... вы—родная. И то ночью сегодня Арсеній говорилъ: «Разстаться съ нею... Выше моихъ силъ»...

— И не разстанемся теперь! Никогда не разстанемся. Слушайте, дружокъ мой, и помните: я умоляю о помощи...

— Ради васъ, дорогая Софи...

— Онъ не хочетъ служить въ моемъ театрѣ... Онъ боится гадкихъ слуховъ. Я понимаю. Но въ театрѣ своей жены...

Софи подчеркнула эти слова и съ торжествующимъ выраженіемъ смотрѣла на Катерину.

— Невозможное дѣло!—отрицательно качая головой, прошептала Муранская.—Онъ правъ, Арсеній... Огромныя траты...

— Полноте, полноте, Катя, вы только слушайте. Состояніе—мое собственное... Никто мнѣ не указъ, никто. И вотъ я... Не стану я держать театръ, вѣдаться съ актерами. Все вы... вы хозяйкой будете! А я вамъ прямо, здѣсь же, сегодня, даю чекъ на всю сумму. Понимаете? Деньги, *въ долгъ*, замѣтьте, въ долгъ, я могу дать, кому мнѣ угодно. Вы собираете свои вещи и налегкѣ ѣдете въ Петербургъ, устраиваете все, что̀ нужно. Ну, представьте, что вы выиграли двѣсти тысячъ? Развѣ это невозможно? Такъ и извольте всѣмъ объяснять.

Княгиня приносила двойную жертву—матеріальную и нравственную. Она давала на содержаніе театра большую сумму и отнимала у себя ту роль главы, которая такъ соблазняла ее.

Въ глазахъ Кати была существенна только первая половина жертвы. Вторая, какъ болѣе призрачная, не интересовала практичную женщину, но все таки что-то непривычно нѣжное шевельнулось въ ея черствой, эгоистической душѣ, и она подумала, что надо пожалѣть эту преданную, самоотверженную поклонницу.

Digitized by Google

— Вы обдумали это, Софи? То, что̀ вы дѣлаете, такъ великодушно, такъ героично... Вѣдь это же спасаетъ самолюбіе Арсенія, его гордость. Это даетъ ему славу, ничѣмъ не омраченную. Ахъ, какая прелесть! Да, я завтра же уѣду, а Арсеній можетъ еще погостить. Вы пріѣдете вмѣстѣ, когда все будетъ готово...

Это предложеніе дало Софи полное счастье. Она обняла Катю, поцѣловала ее и, со слезами умиленія на глазахъ, благодарила ее за что-то.

— Не вамъ благодарить, дорогая! Вы — чудная женщина. Такой поступокъ я понимаю...

И измѣнивъ тонъ, Катерина добавила:

— Конечно, всѣ счеты, каждую копѣйку вы должны провѣрять. Я вашъ управляющій и только.

— Нѣтъ, нѣтъ, Катя! Вы выиграли эту сумму... Она ваша... Вѣдь это же возможно—выиграть!

И, какъ это часто случается, обѣ женщины вынесли разное убѣжденіе. Катя помнила, что эти деньги — какъ бы ея выигрышъ, а Софи считала себя вправѣ интересоваться веденіемъ дѣла и счетами. Во взаимномъ непониманіи таится всегда зародышъ грядущихъ непріятностей.

XIV.

Зоя начала странно обращаться съ Муранскимъ. Она точно мстила ему за то, что онъ не свободенъ и любимъ другими, точно старалась уронить его въ своемъ собственномъ мнѣніи и, въ угоду княгинѣ, возбудить въ немъ вражду къ себѣ.

Получалось, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно обратное. Эта милая, прелестная дѣвушка, не поддававшаяся его обаянію, влекла къ себѣ Арсенія. Онъ злился на себя, но, помимо воли, думалъ и мечталъ о Боровской, хотя старался избѣгать общенія съ нею. Близорукая, какъ большинство любящихъ женщинъ, Софи радовалась, замѣчая новый колоритъ отношеній между Арсеніемъ и Зоей.

Вопросъ о театрѣ уладился. Отказавшись отъ завѣтной мечты играть *на своей сценѣ*, въ столицѣ, Муранскій такъ тосковалъ, что самъ началъ изыскивать способы, какъ можно

Digitized by Google

замаскировать истину, казавшуюся несовсѣмъ приличной. Катерина и Софи горячо поддержали его, и молодой человѣкъ легко поддался увѣщаніямъ обѣихъ женщинъ. Вопросъ объ отъѣздѣ Кати былъ рѣшенъ. Муранскій вернется вмѣстѣ съ Зоей, княземъ и Софи, если только Полю не придется съѣздить по дѣлу въ Оренбургъ. Остаться съ Арсеніемъ въ тѣнистомъ саду Покровскаго, провести недѣлю вмѣстѣ, съ глазу на глазъ—эта идея восхищала княгиню.

Катерина никому и ни въ чемъ не мѣшала, а все таки—безъ нея будетъ лучше! Само собою разумѣется, что такая мысль только смутно скользила въ головѣ княгини, и даже себѣ самой она не высказывала ничего подобнаго. Зоя удивилась, узнавъ объ отъѣздѣ Катерины. Она не знала, какъ рѣшили вопросъ о театрѣ, и первое время думала, не поссорились ли Софи и Муранская. Нѣтъ, онѣ оставались въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Боровская даже замѣтила, что княгиня особенно щедра къ Катеринѣ. Она подарила ей нѣсколько своихъ платьевъ, бѣлья и золотыхъ бездѣлушекъ. «Точно рада, что отдѣлывается отъ нея»! ревниво сообразила Зоя и опять ей захотѣлось уколоть Муранскаго, показать ему пренебреженіе, даже презрѣніе. Странное и тягостное ощущеніе испытывала теперь Зоя по отношенію къ Арсенію Николаевичу.

Находясь одна, она думала о немъ съ нѣжною любовью и ласкою, но едва онъ былъ около, — злоба кипѣла въ ея душѣ и она ненавидѣла его, какъ врага.

Таковъ онъ и былъ въ дѣйствительности... Связанный съ другою, не имѣющій права располагать собой, неспособный даже на настоящую, беззавѣтную любовь, Муранскій обладалъ проклятымъ даромъ возбуждать къ себѣ могучее чувство.

Холодныхъ и эгоистичныхъ людей всегда любятъ сильнѣе, хотя на словахъ оказываютъ предпочтеніе отзывчивымъ и добрымъ. Слова и факты находятся въ вѣчномъ антагонизмѣ, и Зоя, готовая порицать и издѣваться надъ Муранскимъ, безгранично любила его. Бѣдная неопытная дѣвушка и сама еще не сознавала, какую громадную власть имѣетъ надъ нею этотъ человѣкъ...

Получивъ деньги и множество подарковъ, Катерина уѣзжала. Передъ отъѣздомъ, она отозвала мужа въ комнату, затворила двери и сказала:

Digitized by Google

— Арсеній, я вѣдь сейчасъ уѣзжаю...

— Знаю, знаю. Лошади поданы...

— Ты радуешься, что остаешься одинъ, но... я предупреждаю: не наглупи!

— Опять угрозы? Что ты хочешь сказать?

Арсеній говорилъ нетерпѣливо. Дѣйствительно, за послѣднее время она буквально измучила его наставленіями, совѣтами и окриками. Отъѣздъ жены—являлся синонимомъ нравственнаго покоя. Софи—лелѣяла, льстила, угождала, а Катя буквально нервы ему разстраивала.

— Ты вѣдь ничего не замѣчаешь, Арсеній,—продолжала она,—и, не сердись, плохо соображаешь. Страшно мнѣ оставлять тебя одного. Я боюсь осложненій...

— Пожалуйста, не безпокойся!

Онъ говорилъ, какъ школьникъ, довольный отъѣздомъ гувернера. Катерина покачала головой.

Практичная, хорошо знающая могущество денегъ, она считала себя сильной, благодаря капиталу, лежавшему въ ея сумкѣ, и контракту съ владѣльцемъ театра. Бросить ее—Муранскій, конечно, не рѣшится. Вѣдь теперь все его будущее въ ея рукахъ. Наивная въ денежныхъ дѣлахъ, Софи сама вручила ей свой скипетръ и Арсеній еще сильнѣе прикованъ къ женѣ. Но Катя боится, что Муранскій увлечется Зоей... Оставлять его безъ надзора опасно.

— Послушай, Арсеній,—заговорила она кротко, но внушительно.—Ты знаешь, что бы тамъ ни было, а я твой другъ, надежный другъ. Не ревность заставляетъ меня...

— Ну, да, да! Что же дальше-то?

— Софи не такъ щедра, какъ я думала, т. е., вѣрнѣе, она способна раздумать и, пожалуй, пожалѣть денегъ... У такихъ барынь—это случается...

— Ты всегда можешь возвратить ихъ!

«Ну, положимъ... Я не намѣрена»! подумала Катерина, но сдѣлала видъ, что не слышитъ словъ мужа.

— Зная, что *для тебя*—это представляется счастьемъ, она и сама будетъ счастлива, но если ты опять станешь капризничать, или съ этой... съ Зоей... то, помни, ты погубишь все.

— Кажется, я никому не продавался, не отдавалъ себя въ кабалу!

Digitized by Google

— Конечно... конечно...

— Ты сама помни, чѣмъ вы убѣдили меня согласиться!— продолжалъ онъ, возвышая голосъ.—Софья Павловна и ты дали слово, честное слово, что эта сдѣлка—лично ваша, меня не касающаяся! Помнишь ты это? Помнишь?

Муранскій вспыхнулъ отъ гнѣва. Онъ рвался изъ тенетъ, которыми его опутали, и моментами приходилъ въ отчаянье. Говорятъ—одно, выходитъ другое...

— Катя, пора... На поѣздъ опоздаете!—напомнила княгиня, появляясь въ дверяхъ.

Арсеній бросился къ ней, прося сказать ему, какой смыслъ имѣла сдѣлка по театру, объяснить, что̀ такое Катя: подставное лицо, или княгиня, дѣйствительно, имѣетъ съ нею серьезное дѣло? Софи недоумѣвала, что̀ отвѣчать, но, переглянувшись съ Катей, поняла, что на Арсенія опять «нашло» и что надо его успокоить, утѣшить. Любя человѣка, обѣ онѣ играли и его честью, и именемъ, искренно вѣруя, что поступаютъ прекрасно. Рабыни душой, онѣ оставались рабынями и по разсудку.

— Ну, вотъ, вотъ... Объяснились... Теперь я понимаю,— тяжело переводя дыханіе, говорилъ онъ, успокоенный доводами Софи.—А то эти намеки... Я не могу... Я—свободный человѣкъ, прежде всего свободный...

— Зачѣмъ вы его разстроили!—шопотомъ упрекнула Софи Катерину.

— А, нервничаетъ онъ все... Избаловался... Скучаетъ, зачѣмъ я уѣзжаю...

Княгиня притихла, понявъ, что ея присутствіе мѣшаетъ супругамъ, и ушла.

Катя бросилась къ мужу.

Она обняла его, цѣловала лицо, руки, глядѣла въ глаза и шептала нѣжнымъ голосомъ:

— Мой... мой... Любимый... обожаемый!

— Любимый! А сама мучишь, травишь... терзаешь.

— Погоди... Безъ меня холить станутъ!

Она отошла отъ него и отвернулась, взбѣшенная его холодностью и упрекомъ, вырвавшимся въ минуту прощанья.

Надѣвая перчатку, Катя добавила:

— Поосторожнѣе съ Зоей будь. Она тебя...

Что̀ она: любитъ или ненавидитъ, Муранская не договорила.

Digitized by Google

Горничная пришла сказать, что кучеръ проситъ поторопиться. Супруги вышли въ столовую и тамъ простились при всѣхъ. За ихъ разставаньемъ зорко слѣдили четыре глаза, и холодный поцѣлуй Муранскихъ обрадовалъ княгиню, а Зою заставилъ задуматься не на шутку.

Послѣ отъѣзда жены, Арсеній сталъ и веселѣе, и ровнѣй. Никто его не пилилъ, не надоѣдалъ наставленіями, не задергивалъ, и всѣ находили, что у Муранскаго отличный характеръ.

«Какой онъ деликатный»! восхищалась Софи. «Вѣдь тяжело ему съ Катей, съ этой вульгарной натурой, но онъ не жаловался»! Даже Зоя стала съ нимъ нѣсколько мягче, хотя съ того памятнаго вечера избѣгала оставаться наединѣ съ княгиней или съ нимъ. Поль замѣчалъ перемѣну въ Боровской и былъ очень доволенъ. Онъ думалъ, что она излѣчилась отъ своей несчастной любви къ «комедіанту» и уже мечталъ сдѣлать предложеніе. Зоя угадывала его намѣренія, но ловко отодвигала рѣшительный моментъ.

Между тѣмъ, любовь Софи и Муранскаго вступила въ новый фазисъ. Благодаря отсутствію Катерины, Арсеній Николаевичъ могъ откровеннѣе говорить съ Софи и теперь она узнала всѣ подробности прошлаго Муранскаго, узнала, что они— не женаты, но связаны нравственными узами. Правда, одного эпизода, самаго главнаго, являющагося неразрывнымъ звеномъ, Арсеній не сообщилъ ей. Онъ понималъ, что правдивость не должна переходить извѣстнаго предѣла... Поклоняясь Муранскому, какъ большому художнику, восхищаясь имъ, какъ человѣкомъ, Софи начала теперь еще жалѣть его, какъ горделиваго страдальца.

И это было самымъ опаснымъ стимуломъ. Играть роль непонятаго и неудовлетвореннаго пріятно, а для человѣка, въ памяти котораго засѣло множество красивыхъ и эффектныхъ фразъ, созданныхъ талантами драматурговъ,—это и крайне легко.

Не вполнѣ истинныя, но съ виду искреннія, произносимыя вибрирующимъ, надорваннымъ голосомъ, признанія и жалобы туманили разсудокъ княгини. Она испытала сама эти не раздѣленныя ни съ кѣмъ муки неудовлетворенности, сама помнитъ вынесенныя страданія... Кому же, какъ не ей, откликнуться на нихъ, согрѣть это чудное, благодарное сердце! Стремясь вы-

Digitized by Google

тѣснить изъ памяти Зою, оказавшуюся бездушной и язвительной, Муранскій пересталъ владѣть собою. Онъ говорилъ Софи, что любитъ ее всецѣло, навѣки, что она заполонила его душу, что жить безъ нея—онъ не можетъ.

И Муранскій не лгалъ, не обманывалъ. Атмосфера любви, угожденія и тонкой опьяняющей лести, созданная Софи, окружала его и дѣлала безвольнымъ. И кто устоялъ бы противъ соблазна быть обожаемымъ умною, изящною женщиной, которая буквально ловила каждое его слово и смотрѣла на него съ безграничною покорностью культурной рабыни.

Рабыни—по волѣ судьбы—ропщатъ, покоряясь своему игу, но рабыни нашихъ дней готовы удвоивать сумму приносимыхъ жертвъ. Умаляясь передъ созданнымъ кумиромъ, такія рабыни жаждутъ новыхъ и новыхъ униженій.

Прежде—женщины царили, благодаря недоступности, теперь—привлекаютъ податливостью...

— Какъ я счастливъ! Какъ счастливъ!—твердилъ Муранскій, покрывая поцѣлуями руки Софи и любуясь выраженіемъ, ея смущеннаго, но сіяющаго отъ внутренней радости лица.

— А мнѣ... страшно...

— Чего, дорогая! Любимая! Наше чувство, оно...

И съ языка Муранскаго лились краснорѣчивыя опредѣленія чувства, его силы, власти и законности. Софи внимала его словамъ, какъ чудной музыкѣ, восхищалась блескомъ загорающихся вдохновеніемъ глазъ, красивыми жестами jeune premier'a, но привычная порядочность не давала ей покоя.

«Отбила мужа у жены... Въ своемъ домѣ... Сблизилась... Веду любовную интригу на глазахъ Зои и Поля... О, какъ нехорошо... какъ стыдно»!

Эти ощущенія и тревоги вносили новую прелесть въ отношенія Муранскаго и Софи.

Еслибы она скоро сжилась съ новизною своего положенія и спокойно отдавалась теченію, Арсенію надоѣла бы такая спокойная любовь. Но княгиня мучилась, терзалась, и то проклинала Муранскаго за случившееся, то съ алчностью наслаждалась преступнымъ счастьемъ.

Письмо Катерины было получено какъ разъ послѣ такой сцены и произвело удручающее впечатлѣніе. Софи разрыдалась, читая посланіе Муранской.

Digitized by Google

— Чужой ты, чужой! О, какая мука, любить—и знать, что могутъ отнять...

— Не отнимутъ, не бойся... Твой навѣки...

— Смотри, Арсеній... я шутить съ собою не дамъ. Смѣшно тебѣ... у васъ, тамъ, на эти вопросы легко смотрятъ, но я... не онѣ... Я пожертвовала для тебя всѣмъ дорогимъ... Замѣть: не тебѣ, а ради любви къ тебѣ. Честью, именемъ, убѣжденіями, будущимъ... Я все, все бросила къ твоимъ ногамъ, и если ты меня разлюбишь, измѣнишь, то я...

Княгиня говорила медлительно. Муранскій съ восторгомъ глядѣлъ на нее. О, это не Катерина со своими банальными угрозами и укорами! Нѣтъ, это настоящая героиня!

— Что будетъ тогда? Говори, говори, моя прелесть!

— Я убью и тебя, и себя!—шопотомъ заключила она, но Муранскому стало холодно и жутко отъ ея словъ.

XV.

Измѣнить такой чудной обольстительной женщинѣ... Измѣнить возлюбленной, ради которой только что обманулъ жену! Измѣнить умницѣ, нѣжной, ласковой, приносящей всякія жертвы съ какимъ-то сладостнымъ упоеніемъ. Не безумецъ же онъ... не негодяй!..

Но угроза Софи, романическая угроза запала въ память Муранскаго и онъ часто представлялъ себѣ эту сцену, достойную кисти лучшаго художника. Блѣдная, съ горящими глазами, съ ярко пунцовыми губами, еще не остывшая отъ его поцѣлуевъ, она говорила:

— Я убью и тебя, и себя!

«Да, это женщина... Она умѣетъ любить»! думалъ Муранскій, самодовольно усмѣхаясь. «Это не рыбка, въ родѣ Зои... не мѣщанка, какъ моя Катерина... Это не Хрящева и тому подобныя... И я люблю Софи, люблю, люблю»!

Дѣла Катерины въ Петербургѣ подвигались медленно. Бюджетъ оказался далеко не вѣрнымъ и княгиня выслала ей еще денегъ. Къ чести Муранской надо сказать, что та не требовала добавки, но княгиня сама поняла и путемъ самаго простаго сложенія и вычитанія пришла къ заключенію, что надо послать подкрѣпленіе. Только бы Катя не вздумала сюда пріѣхать!

Digitized by Google

Отправить деньги въ городъ чрезъ прислугу Софи не хотѣла. Самостоятельная, она все таки скрывала сущность сдѣлки.

Поль предложилъ услуги исполнить ея порученія, но княгиня отвѣчала, что ей ничего особеннаго не нужно... Но, часъ спустя, молодая женщина уговорила Арсенія съѣздить въ городъ, чтобы отправить деньги женѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ, Муранскій упоминалъ, что въ городъ пріѣдетъ его другъ, актеръ Байбаковъ, и она сказала ему:

— Вотъ, съѣзди и, если хочешь, привези погостить своего Байбакова.

— Можно? Ты позволяешь?

— Не стыдно спрашивать!

— Ахъ, какъ ты добра, Сафо! Какая ты сердечная, чуткая... женщины вообще не любятъ товарищей и друзей своего мужа, но ты—ты выше всѣхъ. Вотъ Катерина...

— Безъ сравненій, милый!—прервала Софи, которая нервно вздрагивала при имени Кати, точно преступникъ, когда говорятъ о его жертвѣ.

Муранскій задумчиво бродилъ по комнатѣ.

— Ты разсердился? На меня?—тревожно спрашивала Софи, какъ истая рабыня, всегда готовая считать себя виноватой и просить прощенія.

— Нѣтъ, милая... нѣтъ! Съ чего ты взяла?

— Я вижу. Задумался... блѣдный сталъ. Скажи, родной, милый, скажи!

— Полно ты, полно! Ничего нѣтъ.

— Виновата... виновата,—шептала она съ тоскою.—Тебѣ непріятно, что я сказала: не сравнивай... Прости, милый... Но, еслибъ ты зналъ, какъ я мучительно завидую... какъ я ревную къ ней!

— Нашла къ кому! Я отдыхаю безъ Катерины... Я такъ счастливъ...

— Правда? Правда? Скажи еще разъ. Да? Счастливъ? О, спасибо, спасибо!

И, точно Катерина въ моменты изліяній, обязательно слѣдовавшихъ за ссорами, Софи опускалась передъ нимъ на колѣни, цѣловала руки и рабски смотрѣла ему въ глаза, жаждущая униженіемъ доказать свою любовь.

Софья Павловна, какъ и другія поклонницы, не понимали,

Digitized by Google

что ихъ кумира могла поработить именно грубая, бранчивая женщина, представляющая яркій контрастъ съ ихъ обожаніемъ.

— О чемъ же ты задумался?—приставала княгиня.

— А, пустяки въ сущности. Вспомнилъ, что надо пригласить Байбакова, а нельзя пригласить и видѣться неудобно.

— Но отчего же нельзя-то?

— Во-первыхъ, у него навѣрное сюртучокъ и все такое—не презентабельны, а, во-вторыхъ, я ему долженъ. Одно время я жилъ у него два мѣсяца даромъ.

— Такъ тѣмъ лучше! Значитъ, онъ не обидится, если ты... Поѣзжай, поѣзжай непремѣнно! Отдай ему долгъ, устрой его костюмъ и привези сюда...

— Но, Софи, это стоитъ денегъ...

— Такъ что же? Есть онѣ... Хватитъ!

— Еще обязываться...

— Арсеній! Разсержусь!—шутливо прикрикнула она, а потомъ добавила серьезнымъ тономъ:—Душу, волю, честь, покой—все отдала и все *можно* взять, а тутъ... о какихъ нибудь деньгахъ разговоръ...

И небрежно, какъ человѣкъ искренно не придающій значенія деньгамъ, Софи достала изъ ящика стола туго набитый радужными бумажникъ, и передала его Муранскому.

Арсеній Николаевичъ и Софи, оба чувствовали себя неловко. Отсчитать близкому и любимому человѣку нѣсколько сотенъ — безтактно, но взять весь бумажникъ, не считая,—тоже неудобно.

Княгиня видѣла, какъ вспыхнули щоки Муранскаго, и понимала, что въ душѣ его происходитъ мучительная борьба гордости съ сознаніемъ нужды.

Надо сократить, смягчить эти ощущенія... Переживъ ихъ, человѣкъ невольно озлобляется противъ судьбы и того, кто былъ свидѣтелемъ его униженія.

Растерявшись и торопясь прервать тягостную сцену, Софи увеличила ея значеніе.

— Возьми... возьми все,—смущенно шептала она. — Что останется, привезешь.

И шопотъ молодой женщины, и ея смущеніе, все обличало подкладку случая.

Такъ дарятъ деньги, а не даютъ ихъ взаймы.

Digitized by Google

— Не считая, я въ долгъ не беру,—рѣзко вымолвилъ Муранскій.—Я сказалъ: не возьму!—добавилъ онъ, повышая голосъ въ отвѣтъ на стараніе Софи положить бумажникъ въ его карманъ.

И онъ отвернулся, отошелъ въ уголъ и сѣлъ въ кресло.

Между ними произошла первая сцена. Софи плакала, оправдывалась и просила прощенія, а Муранскій сдержаннымъ, но дрожащимъ отъ волненія голосомъ доказывалъ, что бѣдность — не позоръ и что нужда никогда не заставитъ его поступиться убѣжденіями.

Софья Павловна чувствовала себя безмѣрно виноватой, но не смѣла даже возражать. Наговорившись вволю и высказавъ самые строгіе принципы относительно невозможности обязываться *женщинѣ*, потому что всѣ онѣ крайне мелочны и лукавы,—Мурапскій заключилъ:

— Ты—не такая, какъ всѣ, и только у тебя я могу взять, не стыдясь своей нужды. Я знаю, въ твоихъ умныхъ глазкахъ талантливый бѣднякъ лучше надутаго и глупаго богача.

Счастливая, какъ прощеный ребенокъ, Софи чувствовала глубочайшую благодарность за оказанное ей исключеніе, и Муранскій взялъ нѣсколько сотенъ, выдавъ подробную расписку съ обозначеніемъ срока уплаты.

— Ну, зачѣмъ это? Зачѣмъ?—роптала возмущенная Софи.— Все твое...

— Твоя душа, ты сама, да, да, моя, неотъемлемая... Никому не отдамъ, не уступлю, но твои средства—только твои... Подумай. Я люблю тебя безъ памяти, но все же, моя слава,— только моя.

— А развѣ *меня* она не грѣетъ? Также и средства... Они должны доставлять тебѣ удобства...

— О, философъ мой милый! То, да не то...

Онъ взялъ пакетъ для отсылки Катѣ въ Петербургъ, но наотрѣзъ отказался принять еще денегъ на всякій случай.

«Какой онъ идеальный человѣкъ!» думала Софи, оставшись одна. «Да, немного такихъ... Другой бы на его мѣстѣ»...

Ослѣпленная и очарованная, она даже такой поступокъ считала героическимъ.

Если подвиговъ не существуетъ, то ихъ выдумываютъ и несчастныя рабыни тѣшатся ими, какъ погремушками...

Digitized by Google

Пока Арсеній Николаевичъ съѣздилъ въ городъ, въ Покровскомъ произошло событіе, обрадовавшее, а потомъ смутившее княгиню Самарскую.

Зоя дала слово Полю и свадьбу рѣшено было отпраздновать сейчасъ же, какъ окончится постъ.

Такая торопливость поразила Софи. Она видѣла въ ней безмолвное, но оскорбительное порицаніе своего поведенія и стремленіе Поля избавить молодую дѣвушку отъ зрѣлища тѣхъ сценъ, которыя неизбѣжны въ близкомъ будущемъ. О своей помолвкѣ молодая парочка сообщила княгинѣ за обѣдомъ, какъ разъ послѣ отъѣзда Муранскаго.

Поздравивъ жениха и невѣсту, пожелавъ имъ счастья и выпивъ за ихъ здоровье бокалъ шампанскаго, Софи спросила:

— Когда же это произошло? Вчера?

— Нѣтъ, дня четыре тому назадъ...

— Такъ давно? А я ничего и не знала! Скрывали!

— Вамъ не до насъ..

Эти слова уязвили Софи. Укоръ справедливъ, но тѣмъ больнѣе для гордой Софьи Павловны услыхать его отъ молодаго князя, привыкшаго уважать тетю—Софи и считать ее идеаломъ добра.

За счастье любви часто приходится платиться потерею уваженія. Временно — такіе факты проходятъ незамѣченными, но, скопляясь, производятъ удручающее впечатлѣніе и нерѣдко отравляютъ самое счастье, отнимая у него колоритъ чистоты.

Когда Поль вышелъ за чѣмъ-то, Софи спросила Зою:

— Ты любишь его, дорогая моя? Да? Это бракъ по любви?

Боровская вспыхнула, но потомъ отвѣчала гордо, съ вызывающимъ видомъ:

— И люблю, и уважаю...

— Но больше уважаешь?

«Зачѣмъ вы меня терзаете?» хотѣлось крикнуть Зоѣ, но она справилась съ собою и съ невеселой усмѣшкой отвѣчала, что не старалась анализировать своего чувства.

— Люблю его давно, хорошо знаю, вѣрить могу.

— А то чувство?.. Помнишь, ночью...—начала княгиня, но замолчала, замѣтивъ испуганный и умоляющій взоръ Зои.

Digitized by Google

Въ комнату входилъ Поль.

«Значитъ, онъ ничего не знаетъ... Значитъ, она еще любитъ Арсенія»! соображала Софья Павловна.—«Да и еще бы! Развѣ Муранскій изъ такихъ, которыхъ легко забыть?»

И хотя княгиня искренно жалѣла Зою, все же въ душѣ ея шевелилась горделивая мысль:

«Всѣ ему поклоняются, всѣ любятъ его, а онъ мой, и только мой!»

Боровская ушла по хозяйству. Она давно уже избѣгала оставаться въ присутствіи Софи.

Поль и княгиня сидѣли одни.

Молодой человѣкъ курилъ папиросу. Софи, откинувшись на спинку кресла, мечтательно смотрѣла въ даль.

Прежняя потребность и возможность общенія исчезли. Между Софи и Полемъ, нѣкогда питавшими другъ къ другу самую искреннюю симпатію, было такъ много чуждаго и наноснаго, что они могли разсуждать только о самыхъ банальныхъ вещахъ.

— А когда же свадьба? — спросила Софи, вдругъ вспомнившая, что теперь есть неизсякаемый предметъ для разговора.

— Черезъ недѣлю. Въ будущее воскресенье.

— Такъ скоро!

— Раньше нельзя. Постъ кончается...

— Я и говорю: слишкомъ скоро! Ничего не успѣешь сдѣлать.

— Ничего Зоѣ и не нужно... Мы ѣдемъ прямо за границу...

Рѣшительный тонъ Поля удивилъ Софи. Прежде молодой человѣкъ совѣтовался даже въ пустякахъ, а теперь лишь сообщаетъ ей свои планы, касающіеся вдобавокъ не только его лично.

Княгиня почувствовала себя оскорбленной. Ее точно вычеркивали, не хотѣли считать близкой. Обиженное самолюбіе заставило ее сказать:

— Но я не хочу отпустить Зою, какъ сироту, какъ нищую! Свадьбу можно отложить на двѣ недѣли. Я закажу бѣлье, платье. Надо же хоть дорожный костюмъ сочинить хорошенькій!—Послѣднюю фразу Софи произнесла шутливымъ тономъ, желая вызвать улыбку Поля.

Digitized by Google

— Я полагаю, въ вашихъ интересахъ поспѣшить...

— Въ моихъ интересахъ?..—начала княгиня и вдругъ поняла все: и охлажденіе Зои, и суровую вѣжливость Поля, и торопливость въ назначеніи дня свадьбы; поняла косые взгляды прислуги и ту особенную угодливость, которую проявляли нѣкоторые изъ слугъ по отношенію къ Муранскому.

Краска стыда залила ей щоки.

«Знаютъ... Всѣ, всѣ знаютъ!» стучало у нея въ вискахъ. «И Зоя... Ахъ, ужасъ какой! Я тогда умоляла уступить, о чистой любви говорила!.. И Поль тоже... О, мужчины особенно безпощадны... Снисхожденія заслуживаетъ только одна, ихъ любящая, да и то пока не надоѣла... Онъ считаетъ позорнымъ оставлять Зою подъ одною кровлей со мною... Когда мужъ *меня* обманывалъ, покрывали, а *я*, свободная... позоръ!»..

— Почему же ты думаешь, что Зоя... что я желаю отъѣзда Зои?—спросила княгиня, стараясь не обнаруживать волненія.

Встрѣтивъ смущеніе, Поль смягчился бы, но вызывающій тонъ Софи возмутилъ его.

Нравственный, онъ считалъ себя вправѣ быть судьей.

— Ваша жизнь такъ измѣнилась. Новые люди, новые интересы... Театръ, актеры... Это не общество для дѣвушки съ пылкимъ характеромъ.

— Можетъ быть, я несовсѣмъ понимаю. Надѣюсь, ты женишься не изъ сожалѣнія, что она вращается въ такомъ обществѣ...

— Я люблю Зою, но... при иныхъ условіяхъ, я не сталъ бы спѣшить свадьбой. Теперь же я долженъ...

— Ничего не понимаю!—сказала она, желая услыхать отъ Поля болѣе прямое обвиненіе и рѣзче отвѣтить ему.—Ничего! ничего!

— Ваши отношенія къ Муранскому...

— А, вотъ что!—прервала Софи, довольная, что рѣшительное слово сказано. — Надо мною появились цензора, можетъ быть, опекуны? Васъ интересуютъ мои отношенія къ Муранскому? Хорошо, я скажу. Это мой лучшій другъ, моя гордость мое счастье!

Поль готовился высказать княгинѣ много рѣзкаго, но въ эту секунду ему стало невыразимо жаль ее, какъ здоровому и сильному, когда горячечный больной, въ припадкѣ умоисступленія, осыпаетъ его оскорбленіями.

Digitized by Google

— Бѣдная вы моя! Бѣдная!—прошепталъ онъ.

— Жалѣть? За что? Въ чемъ бѣдная? Люблю я... Счастлива! Да, это не ваше робкое, филистерское счастье, на казенной подкладкѣ. Я и не хочу такого. Попробовала! Обманъ... ложь, но всѣ дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ... Есть счастливые браки? Есть? Гдѣ они? Покажите? Если онъ, мой мужъ, князь Самарскій, унизился до обмана, никому не повѣрю... Никому!

— И все таки повѣрили!—такъ тихо прошепталъ онъ, что она скорѣе догадалась, чѣмъ услыхала.

Софи схватилась за это слово.

— Такъ *кому же* я повѣрила?! Уменъ, талантливъ, чутокъ, благороденъ! Человѣкъ онъ, пойми... Передъ нимъ, — на колѣняхъ стою, поклоняюсь... Незаконная любовь? Да! Вѣрно. Но во имя чего? Чтобы не разбивать жизнь его жены, я себя въ жертву принесла, а вы позорите... Добродѣтельные люди! Отнять отца, мужа, ради ярлычка законной жены, а что тутъ слезъ да горя — ничего?.. Честь спасена?! Честь—добро, а не зло! Мужъ обманывалъ меня—покрывали... Позора не было? А теперь безнравственно?

Софья Павловна не договорила.

Нервная судорога перехватила горло и молодая женщина безъ чувствъ упала къ ногамъ суроваго проповѣдника добродѣтели.

XVI.

Муранскій возвратился не одинъ.

Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ актеръ Байбаковъ, его пріятель и товарищъ «дней печальныхъ».

Это былъ очень веселый господинъ, старавшійся льстить Арсенію или дѣйствительно считавшій его солью земли. Одѣтъ онъ былъ весьма прилично, но видно было, что онъ еще не привыкъ къ своимъ вещамъ, точно также, какъ не привыкъ къ строго-богатой барской жизни, въ которой онъ очутился. Софи—возвратившійся Арсеній Павловичъ засталъ больною, слабою, находившеюся подъ какимъ-то удручающимъ впечатлѣніемъ.

Очевидно, Муранскому пріятно было похвастать передъ Байбаковымъ своимъ значеніемъ въ домѣ княгини, дать понять,

Digitized by Google

какъ она его любитъ. Болѣзнь Софи была очень некстати. Какъ большинство эгоистовъ и въ то же время людей нервныхъ, Муранскій самъ чувствовалъ себя нездоровымъ, едва только нужно было его попеченіе по отношенію къ близкимъ людямъ.

Софи переживала тягостное положеніе. Она сожгла корабли, высказавъ Полю, что Арсеній дороже для нея всѣхъ и всего; она порвала всѣ связи близости и дружбы, рѣзко выдвигая одно имя, одно чувство, и въ ожиданіи возвращенія Муранскаго вся горѣла отъ нетерпѣнія. Сказать ему все, все... Доказать на дѣлѣ, что ради него она готова отречься и отъ положенія, и отъ связей, и стать дѣйствительно его рабыней, вещью...

А между тѣмъ, когда Муранскій пріѣхалъ, когда онъ только что вошелъ къ ней въ комнату, Софи разомъ почувствовала, что въ тѣхъ отношеніяхъ, которыми она теперь особенно дорожила—произошелъ надрывъ, что это—не случайность, не размолвка, бывающая между влюбленными; нѣтъ, это серьезная и ужасная вещь, но назвать ея мотивы и слѣдствіе — она не можетъ.

Молодая женщина разомъ поняла, что счастью конецъ. Явилось ли пресыщеніе, или свиданіе съ прежнимъ товарищемъ напомнило минувшее и овладѣло душой Арсенія—княгиня Софья Павловна не знала. Что-то новое тяготѣло надъ ихъ молодою, еще неокрѣпшею любовью, что-то мѣшало бесѣдовать тѣмъ тономъ, которымъ они говорили, разставаясь, всего два дня тому назадъ.

Муранскій и Байбаковъ пріѣхали прямо къ ужину. Арсеній Николаевичъ, какъ говорится, «завелъ» пріятеля, и тотъ началъ разсказывать нескончаемыя исторіи, гдѣ и какъ принимали Муранскаго, какъ влюблялись въ него, сколько несчастныхъ оставилъ онъ въ городахъ земли русской. Вкусно причмокивая и пьянѣя отъ дорогаго вина, Байбаковъ пересаливалъ, но Муранскій не замѣчалъ ничего, точно также какъ и Зоя, принимавшая всѣ разсказы за чистую монету.

Сдѣлавшись невѣстой Поля, дѣвушка отреклась отъ Арсенія, но сегодня и самъ онъ, и разсказы о немъ—имѣли какую-то чарующую прелесть... Замѣтивъ въ ней внимательную слушательницу, Байбаковъ обращался исключительно къ Зоѣ, и князю даже показалось, что Боровская очень любезна къ Муранскому.

Digitized by Google

«Что это значитъ?—недоумѣвалъ молодой человѣкъ.—Зоя сама возмущалась имъ, говорила про него нехорошо»!..

Князь Поль внимательно глядѣлъ на Софи, но та отворачивалась. Ей было невыразимо-больно понимать безмолвные взоры Поля, какъ бы говорившіе: «Видишь, кто твой герой... твой кумиръ! Дѣло прельщенія женщинъ—его спеціальность... Теперь ты царишь и можешь смѣяться надъ тѣми, забытыми, а тамъ—наступитъ и твой чередъ»...

Княгиня хмурилась, отворачивалась, а затѣмъ, побѣждая себя, становилась шумно-весела, чокалась и провозглашала тосты за искусство и лучшаго представителя его, Муранскаго.

Арсеній Николаевичъ нервничалъ. Ему хотѣлось показать Байбакову, что онъ дружески принятъ въ аристократической семьѣ, а въ Софи точно бѣсъ вселился и она старалась спуститься до уровня пониманія Байбакова.

Получалась одна изъ роковыхъ, но довольно частыхъ ошибокъ. То, чѣмъ онъ желалъ похвастать, не имѣло въ ея глазахъ никакой цѣны. Байбаковъ успѣлъ вдоволь выпить, но Софи, какъ любезная хозяйка, продолжала угощать его.

— Да, господа, за жениха и невѣсту, мы еще не пили!— сказала княгиня.

— За жениха и невѣсту? — прошепталъ Арсеній, смотря на Зою такъ, что та смутилась.

И Софи, и князь замѣтили этотъ взглядъ, и, странное дѣло, оба съ одинаковой злобой отнеслись къ Муранскому.

«Не уступлю! Чего бы ни стоило, но мой, только мой!» подумала княгиня. «Только осмѣлься пробовать свои чары... и здѣсь. Задушу!» скользнуло въ головѣ Поля.

Послѣ ужина, Муранскій тайкомъ зашелъ къ Софи отдать отчетъ въ исполненныхъ порученіяхъ. Онъ усталъ и, услыхавъ, что Софья Павловна нездорова, самъ поспѣшилъ пожаловаться на головную боль и разстройство нервъ. Софи смотрѣла на него съ новымъ ощущеніемъ, какъ бы проникая въ его душу.

— Пора... Прощайте!

— Да, да, пора, Софи... Завтра наговоримся. Байбаковъ рано уѣдетъ! А барышня-то какова? Замужъ... Сцену уже по боку! Скоро у нихъ все это дѣлается. Что же, любвà у нихъ? Да?

Муранскій балаганилъ, говоря «любвà», вмѣсто любовь, но

Digitized by Google

это была не настоящая иронія, а желаніе маскировать свои ощущенія. Самолюбивый, онъ возмущался фактомъ, какъ Зоя смѣетъ, можетъ или способна любить другаго, если онъ тутъ возлѣ,—онъ, не знающій преграды... «Не понравилось!»—прошептала Софи, когда Муранскій ушелъ отъ нея, нѣжно перецѣловавъ ея ручки. Наступила ночь. Вездѣ было тихо. Темныя тучи спустились надъ старымъ садомъ и деревья казались какими-то сказочными чудовищами, широко раскинувшими свои громадныя длани.

«Не уйдешь отъ насъ... Не спрячешься... Попала въ наши лапы!» казалось, шептали старые липы и вязы, когда Софи вышла подышать свѣжимъ ночнымъ воздухомъ. «Ты—рабыня, а мы — властители... Жалкая, смѣшная женщина, ты ищешь счастья! Будь также холодна и величава, какъ мы, только тогда ты узнаешь истинное счастье. Оно зовется покоемъ... Сколько поцѣлуевъ, сколько клятвъ мы здѣсь наслушались, а потомъ здѣсь же приходили плакаться такія же глупыя женщины, какъ ты... Да, да, твои предки здѣсь изнывали, а одинъ не осилилъ своей тоски и вонъ тутъ нашелъ успокоеніе».

— Повѣсился отъ обманутой вѣры!—вспомнила Софи.—Да, его жена... другаго полюбила... Гордый... не перенесъ. Но у меня вѣдь нѣтъ ничего такого. Нѣтъ! Нѣтъ!—возражала она противъ какой-то властной мысли, охватившей ее и возбуждавшей холодный ужасъ.

Ахъ, этотъ шумъ деревьевъ!.. Ахъ, этотъ говоръ листьевъ, эти стоны вѣтвей! Горе тому, кто умѣетъ слушать и понимать ихъ печальныя саги, а вѣдь только горе и заставляетъ прислушиваться къ нимъ.

Софья Павловна спустилась съ террасы въ глубину сада и шла машинально, играя кинжаломъ венеціанской работы, который она носила на поясѣ. Она желала разсѣяться, забыться, а листья все шумѣли надъ нею, все шептались, точно злые люди, пророча скорое горе.

«Сколькихъ чаровалъ онъ, сколькихъ еще очаруетъ, а ты будешь терпѣть, терпѣть. Повеличалась надъ Катериной, а потомъ надъ тобою станутъ величаться... Рабыня!.. Человѣка подъ внѣшнею оболочкой не разглядѣла... Все хорошо въ немъ, но все—чужое, навѣянное, схваченное налету... Своего — только самолюбіе ненасытное, да эгоизма—уголъ непочатый!»

Digitized by Google

Княгиня рванулась впередъ, прочь изъ аллеи, гдѣ этотъ однообразный шумъ производилъ ошеломляющее впечатлѣніе. Она очутилась на боковой дорожкѣ и, присѣвъ на скамью, глубоко перевела дыханіе. Здѣсь было легче дышать. Она думала о Муранскомъ, о своемъ смѣломъ протестѣ, брошенномъ въ глаза Полю и, какъ это нерѣдко случается, проникалась своими же словами, считая ихъ за profession de foi.

— Пусть считаетъ меня рабыней! Не боюсь я слова... Люблю... любима... счастлива!

И точно эхо повторило тѣ же выраженія... почти тѣ же.

— Люблю... люблю... А какъ страдалъ!

Кто это говоритъ? Кто? Чей голосъ такъ можетъ быть похожъ на *его* голосъ?

— Повѣрить не смѣю... *Ты*—любишь меня? Меня?

«Боже мой, да вѣдь это говоритъ Зоя... Съ кѣмъ она? Кому говоритъ? Кому»?

Это страшное, ужасное «*кому*»—придавило Софи.

Съ проворствомъ кошки скользнула она среди деревьевъ, раздвинула вѣтви и увидала...

Зоя—невѣста князя Поля, и онъ, Арсеній, ея кумиръ, сидѣли на скамьѣ. Онъ обнималъ дѣвушку за талію, а она нѣжно опустила головку на его плечо.

— Ты, ты, замужъ за этого практика? Нѣтъ, Зоя моя, ненаглядная... Завтра я увезу тебя отсюда. Мы уѣдемъ, куда глаза глядятъ. Я силенъ, я могучъ, родная... Сознаніе, что ты—моя, дастъ мнѣ новыя силы. Жемчужина моя!

— А я боялась. Я думала, *она* отняла *тебя* совсѣмъ!

— Полно... полно! Это все проклятый флиртъ. Тебя сравнять съ нею... Тебя, чудная дѣвушка!

Что-то горячее хлынуло къ горлу Софи и остановилось, а потомъ тонкими змѣйками поползло по извилинамъ мозга. Молодая женщина перестала соображать и чувствовать. Ошеломленная, она точно приросла къ мѣсту.

Еще мгновенье—и кинжалъ сверкнулъ въ ея рукѣ.

Раздался стонъ, потомъ крикъ, и звуки истерическаго хохота огласили старый садъ.

Потемнѣвшія липы всполошились и опять зашумѣли, закачали своими вѣтвями. Небывалое дѣло случилось нодъ ихъ сѣнью...

Digitized by Google

— Ни тебѣ, ни мнѣ!—дико выкрикнула Софи, обращаясь къ Зоѣ, когда Муранскій съ жалобнымъ стономъ упалъ къ ногамъ соперницы.

Боровская судорожно рыдала, закрывъ лицо руками.

Развѣ она не старалась побѣдить свою любовь? Дала слово другому, насиловала, ломала себя, но стоило ему сказать слово,— и пали преграды... Случайная встрѣча въ саду, ночью, и задавленное волею чувство вспыхнуло съ громадною силой.

Смерть Муранскаго надѣлала много шума.

Истинной причины не узнали и дѣло успѣли затушить, тѣмъ болѣе, что Софи помѣшалась. Блѣдная, исхудавшая, бродитъ она по саду и все рветъ лавры и мирты, сплетая вѣнки для *него*... А Катерина... Катерина сдѣлалась заправской антрепренершей и поругиваетъ свѣтскихъ барынь. Зоя, прощенная Полемъ, стала женою любящаго и преданнаго человѣка, но настоящаго счастья у нихъ нѣтъ.

Образъ Муранскаго стоитъ между ними. Даже послѣ смерти, этотъ человѣкъ властвуетъ надъ своими рабынями. Одна— вѣнчаетъ его лаврами, другая, идеализируя, ставитъ выше своего мужа.

Бѣдныя, жалкія рабыни!..

К. Назарьева.

Конецъ.

Digitized by Google

„Жалѣй ее! Ей жить немного"...

Жалѣй ее! Ей жить немного:
Она слаба, и близокъ часъ—
На лоно праведнаго Бога
Она уйдетъ, покинувъ насъ.

Жалѣй ее! Остатокъ жизни
Безъ мукъ и слезъ прожить ей дай,
И тяжкимъ словомъ укоризны
Ея души не омрачай.

Вѣдь были дни: ея дыханьемъ
Ты былъ такъ нѣжно упоёнъ.
Какимъ тогда очарованьемъ
Тебя дарилъ любовный сонъ!

Какъ счастливъ былъ ты вмѣстѣ съ нею,
Какъ лучезаренъ былъ тотъ мигъ,
Когда, назвавъ ее своею,
Ты къ ней, трепещущій, приникъ!

И нынче, въ пору охлажденья,
Ты въ прошломъ памятью живи
И дай ей ласку сожалѣнья
Когда не можешь дать любви.

Умретъ она, и надъ могилой,
Въ приливѣ жгучаго стыда,
Ты скажешь самъ съ тоской унылой:
«Зачѣмъ, къ чему была вражда»?

П. Тулубъ.

Digitized by Google

ВОКРУГЪ ПАПСКОЙ ТІАРЫ.

Романъ **Эмиля Гебгарта.**

(1075—1085 г.).

III.

Новая жизнь.

Латранъ, папскій дворецъ, поднимался среди уединенія Цѣлійскаго холма значительно выше стѣнъ Рима, уже такихъ высокихъ, по обѣимъ сторонамъ воротъ св. Іоанна. Онъ представлялъ собою въ одно и то же время цитадель и монастырь, ощетинившись своими зубчатыми башнями и остроконечными колоколенками. Съ открытыхъ галерей, выходившихъ на окрестныя поля, виднѣлись вдали горы Лаціума, Сабины и Аппенины, а сверху башенъ взору открывался весь Римъ и море. Отсюда до Колизея, Большихъ воротъ и воротъ св. Лаврентія взоръ не встрѣчалъ ничего, кромѣ пустыни, съ разбросанными тамъ и сямъ купами тутовыхъ деревьевъ или кипарисовъ, да заросшихъ терновникомъ полянъ, гдѣ кишили ужи. По склону холма, обращенному къ дорогѣ св. Себастіана и къ термамъ Каракаллы, вдоль городскихъ стѣнъ, разстилались папскіе сады; дикіе и густо разросшіеся, они зеленѣли только по милости Господа Бога да солнышка. Садовники покинули ихъ на произволъ судьбы съ того дня, когда оттуда вышелъ послѣдній тускулумскій папа.

Григорій VII и Викторьенъ, сопровождаемые несмѣтной толпою, вступили среди ночи въ Латранъ. Когда массивныя ворота захлопнулись за нимъ, на ребенка напалъ страхъ: ему показалось, будто бы онъ заживо сходитъ въ могилу.

На завтра и въ слѣдующіе дни онъ обѣгалъ всѣ закоулки мрачнаго жилища, подъ присмотромъ стараго монаха, приставъ-

Digitized by Google

леннаго къ нему папою. Мальчикъ лазилъ ощупью по винтовымъ лѣстницамъ внутри башенъ, проходилъ по сумрачнымъ коридорамъ, освѣщеннымъ на большихъ разстояніяхъ какою нибудь толстою восковою свѣчей, блуждалъ въ обширныхъ залахъ со сводами, гдѣ гулко раздавались шаги, какъ на каменномъ помостѣ церкви, и повсюду здѣсь встрѣчались ему ряды запертыхъ дверей, которыя вели въ монашескія кельи; надъ ними попадалась порою меланхолическая надпись, говорившая о суетности человѣческой жизни и страхѣ передъ судомъ божіимъ. Часто въ глубинѣ длиннаго коридора показывалась, медленно и неслышно подвигавшаяся впередъ, выростая съ каждымъ шагомъ, черная тѣнь монаха съ маленькой лампочкой въ рукѣ и Викторьена кидало при этомъ въ дрожь, точно при видѣ полуночнаго призрака. Въ извѣстные часы, отдаленное монотонное гудѣнье поражало его слухъ; то было заунывное пѣніе каноническихъ службъ, доносившееся изъ ораторій и капеллъ; оно разливалось жалобными отголосками по всему Латрану, пробираясь изъ залы въ залу, ползло во внутренность башенъ и замирало у порога холодной кельи, гдѣ сынъ Ченчіуса, по приказу Григорія, изучалъ св. писаніе.

Его учитель Эгидій былъ аскетъ, огрубѣвшій отъ суровой дисциплины Клюни, святой съ подкладкою визіонера, который жилъ только для загробнаго міра и, въ продолженіе всего своего земнаго странствія по пути къ небесному раю, только и думалъ объ адѣ. Каждый день молоденькій мальчикъ слушалъ строгую рѣчь этого монаха, лицо котораго, изможденное подвигами покаянія, и взглядъ, смущенный тревогой грядущей жизни, внушали ему суевѣрный ужасъ. Каждый день Викторьенъ слушалъ прискорбныя исторіи изъ ветхаго завѣта про Адама и Еву, изгнанныхъ изъ рая архангеломъ съ пламеннымъ мечемъ; про человѣческій родъ, поглощенный волнами всемірнаго потопа; про Содомъ, погребенный подъ смоляным озеромъ; про фараона съ воинствомъ, которое было унесено и разметано, подобно обломкамъ корабля, пучиною Чермнаго моря; про вѣчный гнѣвъ Господа Бога, про избіеніе царей, младенцевъ и пророковъ. Затѣмъ Эгидій, понизивъ голосъ, пугливо озираясь по всѣмъ угламъ комнаты, принимался разсказывать Викторьену о страшныхъ дьявольскихъ навожденіяхъ, какимъ подвергались его собратья-монахи, и знакомые священники, и онъ самъ

Digitized by Google

Одинъ, блуждая по лѣсу, далеко отъ монастыря, встрѣтилъ молодую дѣвушку съ рыжими, какъ золото, волосами и пагубной улыбкой; онъ послѣдовалъ за нею, и на утро его нашли на церковныхъ ступеняхъ съ размозженной головою, со свернутой шеей, пронзеннаго кинжаломъ прямо въ сердце. Другой, уснувшій, не докончивъ чтенія требника, не просыпался болѣе; его похоронили въ монастырѣ, и на слѣдующую ночь одинъ изъ братіи, отправляясь въ капеллу звонить къ заутренѣ, увидѣлъ чудовищную фигуру, которая вышла изъ могилы и побѣжала, унося на рукахъ тѣло покойника въ бѣломъ саванѣ; на другой день настоятелю пришлось отчитывать могилу, оскверненную сатаной; она была пуста. У Эгидія былъ другъ, римскій священникъ, который осмѣлился служить обѣдню, не очистившись отъ смертнаго грѣха; мальчикъ-причетникъ, невиданный до этого дня никѣмъ изъ молящихся, оказался у подножія престола; онъ стоялъ съ наглымъ видомъ, ни разу не сотворивъ крестнаго знаменія и не опускаясь на колѣни ни во время вступительной молитвы, ни во время освященія даровъ; въ моментъ же причащенія онъ прыгнулъ на священника и задушилъ его, а потомъ исчезъ, между тѣмъ какъ вся церковь дрожала до основанія, точно молнія ударила въ колокольню.

Къ каждому изъ смертныхъ грѣховъ: сластолюбію, гордости, чревоугодію, присоединялась цѣлая демоническая хроника, ребяческіе сны или жестокія легенды, какія можно встрѣтить до сихъ поръ въ твореніяхъ Петра Даміана. Тутъ говорилось о внезапныхъ смертяхъ въ видѣ кары за кусокъ дичи, съѣденный въ день строгаго поста; о монахахъ, брошенныхъ въ озеро, кипящее сѣрою, гдѣ ихъ терзали драконы и змѣи; о бѣсноватыхъ, кидающихся на христіанъ, которыхъ они принимаютъ за черныхъ собакъ и разрываютъ съ бѣшеною яростью. И непремѣнно во всѣхъ приключеніяхъ появлялись черные *эѳіопы* отвратительнаго вида, намѣстники сатаны и поставленные имъ палачи, для которыхъ первое удовольствіе вонзить вилы въ животъ бѣдныхъ бенедиктиновъ, на одну минуту забывшихъ правила своего ордена.

Вообще Эгидій былъ непоколебимо увѣренъ, что демонъ безпрестанно блуждаетъ вокругъ Латрана, одѣтый то пилигримомъ, то монастырскимъ послушникомъ, то пажемъ. Когда онъ находился самъ въ кортежѣ Григорія VII, въ ночь подъ рож-

Digitized by Google

дество, по дорогѣ въ Санкта-Маріа-Маджіоре, онъ отлично замѣтилъ по обѣ стороны папскихъ носилокъ, на небольшомъ разстояніи, зловѣщія тѣни, утопавшія въ туманѣ; одна изъ нихъ то и дѣло старалась задуть фонарь у него въ рукахъ, причемъ дыханіе этого дьявола было палящимъ, точно вырывалось изъ кузнечнаго горна. На этомъ мѣстѣ старый инокъ, напуганный собственнымъ разсказомъ, внезапно умолкалъ и съ помертвѣлымъ отъ ужаса лицомъ, безо всякой жалости, останавливалъ неподвижный взоръ на мальчикѣ, сидѣвшемъ у его ногъ. Учитель и ученикъ, не смѣя дышать, замирали въ молчаніи, прислушиваясь къ шуму дождя, хлеставшаго въ окна кельи, и завыванью зимняго вѣтра въ гулкихъ глубинахъ Латрана.

— Такъ значитъ Богъ не сильнѣе демона?—въ полной невинности спросилъ однажды вечеромъ Викторьенъ.

Этотъ вопросъ очевидно отвѣчалъ на какую нибудь мысль, втайнѣ терзавшую совѣсть монаха. Онъ слегка покраснѣлъ, но вовсе не былъ возмущенъ словами ученика. Понизивъ голосъ, таинственнымъ шопотомъ принялся старикъ объяснять Викторьену великую войну сатаны противъ Бога, вѣковой поединокъ, начало котораго видѣли Іоаннъ и Августинъ, предчувствуя его дальнѣйшія перипетіи. Наставникъ развернулъ передъ мальчикомъ одну за другою картины апокалипсиса, всѣхъ этихъ видѣній, иносказательный, пророческій смыслъ которыхъ доступенъ лишь глубокимъ умамъ. Онъ говорилъ о конѣ подъ всадникомъ, блѣднымъ, какъ туманъ, и олицетворявшимъ собою смерть, о глубокой пропасти, на днѣ которой былъ прикованъ сатана, причемъ передавалъ этотъ фактъ съ убѣжденіемъ очевидца, точно самъ заглядывалъ въ темницу падшаго архангела, наклонившись надъ краемъ бездны. Впрочемъ, Эгидій не сомнѣвался въ томъ, что цѣпи плѣнника были внезапно разбиты лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, во времена тускулумскихъ папъ; антихристъ былъ теперь свободенъ и приготовлялся къ послѣднему нападенію на церковь Христову. Это онъ посадилъ на сѣдалище св. Петра двоихъ или троихъ папъ, предававшихся волхвованію, онъ предалъ Льва IX въ руки нормандцевъ и опять же онъ заставилъ шайку разбойниковъ кинуться на папу Григорія въ ту минуту, когда святѣйшій отецъ держалъ въ рукахъ св. дары.

Digitized by Google

При этихъ словахъ Викторьенъ поблѣднѣлъ, точно готовый сейчасъ умереть. Мрачная доктрина учителя поразила его прямо въ сердце. Однако монахъ не понималъ невыразимой пытки мальчика. Повысивъ голосъ, онъ продолжалъ почти угрожающимъ тономъ:

— Сынъ мой, ты самъ вмѣшался въ схватку на этомъ полѣ битвы. Тебѣ предстоитъ спасти двѣ души—свою собственную и душу своего отца. Смѣлое намѣреніе; одна мысль о немъ приводитъ въ трепетъ, и одна минута слабости можетъ погубить все. Вотъ я уже достигъ преклонныхъ лѣтъ; я съ самаго дѣтства жилъ, готовясь къ смертному часу, въ пустынѣ монастыря съ суровымъ уставомъ, оторванный ото всякой человѣческой привязанности, молился, постился и плакалъ безпрерывно, а между тѣмъ отчаиваюсь въ своемъ спасеніи; каждую ночь ужасъ передъ божественнымъ мщеніемъ за грѣхи заставляетъ меня просыпаться и проводить долгіе часы въ смертельной тоскѣ. Напрасно распинаю я плоть свою, напрасно ударяю себя въ грудь, немилосердно бичую въ кровь свои плечи, напрасно ложусь на голый каменный полъ моей кельи, прижимаю къ сердцу реликвіи святыхъ:—никакая жертва, никакая суровость не успокаиваетъ меня, и когда, задолго до зари, я бѣгу, задыхаясь отъ страха, къ алтарю, чтобы лобызать его ступени, то вижу собственными глазами, при гаснущемъ свѣтѣ лампады въ святилищѣ, фигуры ангеловъ, тьмы, мелькающія туда и сюда; они смотрятъ на меня и шепчутъ надъ самымъ моимъ ухомъ: «Ты осужденъ, монахъ; ты проклятъ, проклятъ» Блюди цѣломудріе, Викторьенъ; пусть ересь никогда не оскверняетъ твоей совѣсти, будь до послѣдняго часа вѣрнымъ слугою церкви и защитникомъ святаго римскаго престола. Но все же ты ничего не сдѣлаешь, ничего не заслужишь, ничего не искупишь, если, умирая на ложѣ изъ пепла, со слѣдами священнаго елея на челѣ, по уходѣ духовника поддашься соблазну. Сатана, подстерегавшій тебя, можетъ явиться у твоего изголовья и внушить тебѣ мимолетную грѣховную мысль, возбудивъ въ твоей душѣ сомнѣніе или непокорность, показавъ нечистый образъ, быстрый, какъ молнія. И тогда, несчастный, ты погибнешь для вѣчности; послѣдняя минута твоей старости будетъ соотвѣтствовать твоему дѣтству, проведенному отъ колыбели въ домѣ убійства и богохульства, и на тебѣ еще разъ исполнится

Digitized by Google

великій догматъ св. писанія, что Господь караетъ сына и внуковъ за грѣхъ отца или дѣда.

Эгидій не слышалъ рыданій и мольбы ребенка. Часъ его ночнаго бдѣнія наступилъ и онъ грубымъ жестомъ отослалъ прочь напуганнаго воспитанника. Викторьенъ съ трудомъ дотащился до своей маленькой комнатки и безъ чувствъ упалъ на постель. На слѣдующее утро, мальчикъ принялъ серьезное рѣшеніе. Онъ дойдетъ до самого папы, обниметъ колѣни Григорія и будетъ заклинать его—положить конецъ этой пыткѣ. Пусть его примутъ въ милицію Латрана, пусть назначаютъ на самыя низкія работы; онъ посвятитъ себя бѣднымъ и заключеннымъ въ темницѣ; пожалуй, станетъ ухаживать за прокаженными и больными чумой; онъ согласенъ на всякій трудъ, лишь бы избавиться отъ дальнѣйшаго посвященія въ ужасную религію Эгидія.

Викторьенъ не видалъ Григорія VII съ того рождественскаго вечера, когда разыгралась страшная драма, и не зналъ дороги въ папскіе покои. Шумная жизнь папскаго некрополя поразила его. Кардиналы, епископы, аббаты, свѣтскіе синьоры, пажи и воины сновали взадъ и впередъ по коридорамъ, лѣстницамъ и дворамъ дворца, съ серьезными или озабоченными лицами, съ дѣловымъ видомъ и взрывами фанатическихъ голосовъ. Тамъ и сямъ, въ болѣе уединенныхъ уголкахъ, происходили таинственныя совѣщанія. Одну минуту Викторьенъ вообразилъ, что папа умеръ, а потомъ, по нѣсколькимъ словамъ, схваченнымъ налету, ему показалось, что Григорія отрѣшали отъ его сана. Вокругъ шли толки про императора Генриха, про нечестивый соборъ вѣроотступниковъ, про религіозную войну и отлученіе отъ церкви; больной ребенокъ, не смѣя никого спрашивать, смутившись суматохой въ Латранѣ, сталъ подниматься по ступенямъ башни, на верху которой надѣялся найти тишину, свѣжій воздухъ и небо.

Но кто-то раньше его взобрался сюда на платформу; это былъ священнослужитель, и при видѣ духовнаго лица Викторьенъ хотѣлъ удалиться. Однако наружность и поза этого человѣка были до того странны, что молодой Ченчіусъ остановился изъ любопытства. Незнакомецъ, облокотившись на парапетъ, стоялъ къ нему спиной и не слышалъ его шаговъ. По одеждѣ онъ былъ епископъ, но его бархатная шапка до того

Digitized by Google

полиняла, мѣховая опушка до того вытерлась, фіолетовая сутана оказалась до такой степени поношенной, что мальчику стало жалко его и смѣшно. Чудакъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ на что-то въ воздухѣ. Викторьенъ взглянулъ по тому же направленію и увидалъ на молочной лазури неба стаю дикихъ утокъ, летѣвшихъ съ Понтинскихъ болотъ или прудовъ Остіи. Вытянувъ шеи, онѣ слѣдовали за своимъ вожакомъ, то вереницей, прямою, какъ стрѣла, то описывая длинныя спирали и отъ времени до времени издавая пронзительный крикъ; вдругъ надъ церковью св. Павла птицы ринулись на землю и съ поразительной быстротой забились въ камыши у берега Тибра. Тогда епископъ, потерявъ ихъ изъ виду, обернулся и былъ, казалось, обрадованъ присутствіемъ застѣнчиваго, улыбающагося мальчика въ такомъ же обветшаломъ костюмѣ, какъ и его собственный. Онъ бросилъ послѣдній взглядъ на ту мѣстность, гдѣ скрылись утки, и далъ Викторьену свое благословеніе. Ледъ былъ сломанъ, мальчикъ въ свою очередь приблизился къ епископу съ чиннымъ привѣтствіемъ. Когда онъ назвалъ себя, прелатъ громко вскрикнулъ отъ радости, расцѣловалъ его и принялся разсказывать ему свою исторію.

— Мы съ тобою, сынъ мой, самыя странныя существа въ этой апостольской гостинницѣ. Единственный здѣсь человѣкъ, способный насъ любить, это—папа Григорій. Но и папа подозрѣваетъ, что я немножко вдался въ ересь. Вотъ почему я охотно провожу время на вершинѣ башенъ, какъ напримѣръ, въ сегодняшнее утро: отсюда я вижу творенія рукъ божіихъ, которыя прекрасны, и не вижу болѣе монаховъ, которые предаютъ меня; ихъ головы просто внушаютъ мнѣ страхъ.

Незнакомца звали Іоахимомъ. Онъ, дѣйствительно, былъ епископъ, но лишенный епископства. Два года управлялъ онъ епархіей въ Ассизѣ, на своей родинѣ. Когда же Іоахимъ отдалъ сиротамъ, бѣглымъ крѣпостнымъ, больнымъ пилигримамъ свое послѣднее экю, синьоры той области стали къ нему придираться; его обвинили въ томъ, что онъ подстрекаетъ бѣдняковъ къ бунту, а горожанъ—къ вольнодумству. Тогда епископъ былъ осажденъ въ своемъ дворцѣ, гдѣ остался одинъ съ тремя канониками для защиты, за неимѣніемъ средствъ содержать епископскій гарнизонъ. Ему угрожали при трубныхъ звукахъ,

Digitized by Google

если онъ не сдастся, заключить его въ монастырь съ обритой головой на весь остатокъ жизни; онъ тотчасъ самъ отворилъ дверь своей башни и вышелъ съ простою палкой въ рукѣ; въ такомъ видѣ епископъ прошелъ по рядамъ умбрійской знати и въ пыли большой дороги добрался пѣшкомъ до Рима. Въ одинъ прекрасный вечеръ Іоахимъ бросился къ ногамъ Григорія VII, который, сдѣлавъ ему серьезное внушеніе не уклоняться на будущее время отъ теологіи, прижалъ изгнанника къ своей груди. Съ этого дня онъ сталъ гостемъ папы и своимъ человѣкомъ въ Латранѣ. Іоахимъ смотрѣлъ на себя самъ, какъ на выходца съ того свѣта, временъ первобытной церкви, церкви матерински заботливой и бѣдной, какою она была при святомъ Григоріѣ Великомъ. Ему не мѣшали мечтать наединѣ съ собою о той порѣ, когда священники были изъ золота, а церковные сосуды изъ дерева; папа часто совѣтовался съ нимъ о дѣлахъ благотворенія, но запретилъ ему выражать, даже шопотомъ, идеи, которыя Іоахимъ нѣкогда любилъ проповѣдывать мелкому люду въ Ассизѣ, толкуя своей смиренной паствѣ, что Іисусъ Христосъ не былъ ни графомъ, ни барономъ, не имѣлъ ни ленныхъ владѣній, ни укрѣпленныхъ городовъ и замковъ, ни вассаловъ, ни даже камня, чтобы преклонить голову.

Наступила очередь Викторьена разсказать о своихъ горестяхъ. При одномъ имени Эгидія, Іоахимъ нахмурилъ брови и воздѣлъ руки къ небу. Когда же молодой Ченчіусъ заговорилъ о вѣрованіи монаха въ роковую неизбѣжность осужденія, епископъ громко воскликнулъ:

— Человѣкъ этотъ солгалъ. Это сумашедшій или атеистъ. У него все еще передъ глазами грозный богъ евреевъ и онъ никогда не читалъ евангелія. Господи Іисусе! значитъ, ты напрасно принялъ крестную смерть и кровь твоя, сочившаяся капля по каплѣ, подобно очищающей водѣ крещенія, на главу сыновъ Адама, потеряла свою силу. Тогда искупленіе было бы только насмѣшкой и намъ слѣдовало бы строить базилики сатанѣ. Выслушай, дитя мое, исторію, которую я слышалъ прямо изъ устъ Петра Даміана, монаха высокаго благочестія, въ послѣдніе дни его жизни, когда, удалившись на покой въ Понте-Авеллано, недалеко отъ Ассиза, онъ размышлялъ о тайнахъ божіихъ. Самъ же онъ слышалъ этотъ разсказъ отъ Реналь-

Digitized by Google

дуса, епископа кюмскаго. Одному римскому священнику представилось ночью необыкновенно умилительное видѣніе. Онъ увидалъ душу своего друга, умершаго нѣсколько дней назадъ, и усопшій сказалъ ему: «Встань и слѣдуй за мною». Они отправились вдвоемъ въ базилику св. Цециліи. Въ притворѣ церкви, около нѣсколькихъ пустыхъ троновъ, стояли: св. Цецилія, св. Агнеса, св. Агата и множество дѣвственныхъ мученицъ. Вскорѣ явилась пресвятая Дѣва въ сопровожденіи св. апостоловъ Петра и Павла, царя Давида и цѣлаго сонма исповѣдниковъ, увѣнчанныхъ мученическимъ вѣнцомъ. Матерь Божія, двое апостоловъ и царь-пророкъ возсѣли на троны. Вдругъ бѣдная женщина, въ жалкомъ рубищѣ, вбѣжала туда и бросилась къ ногамъ Пречистой. «Помилуй патриція Іоанна, который только что скончался»,—возопила она. Три раза женщина повторила эти слова и такъ какъ Богоматерь не отвѣтила ей, она прибавила: «Ты хорошо знаешь меня, владычица небесная, я та самая, которая просила милостыню подъ портикомъ твоей большой базилики. Однажды я лежала, неодѣтая и дрожащая отъ холода, на камняхъ мостовой; Іоаннъ проходилъ мимо и, видя мою нищету, бросилъ не меня свой плащъ». Тогда пресвятая Дѣва сказала: «Душа того, за кого ты просишь, была отягчена грѣхами и преступленіями, но, ради его милосердія, да будетъ онъ спасенъ». И Богоматерь потребовала къ себѣ нечестиваго патриція; толпа демоновъ притащила къ трону Дѣвы Маріи Іоанна, осужденнаго Іоанна, закованнаго въ желѣзныя цѣпи. Пречистая подала знакъ, цѣпи распались и несчастный грѣшникъ, облеченный въ сіяющія тѣлеса, занялъ мѣсто посреди блаженныхъ.

— Вотъ, дитя мое,—продолжалъ Іоахимъ,—здѣсь правда, здѣсь утѣшеніе и надежда. Одного подвига милосердія, одной слезы покаянія, одного порыва христіанской любви къ ближнему достаточно, чтобы очистить душу. Такова религія у насъ, умбрійскихъ христіанъ, которые видятъ иногда на песчаныхъ берегахъ озера Перузы свѣтозарную тѣнь Іисуса Христа, какъ узрѣли ее нѣкогда апостолы на берегу Галилейскаго моря. Если когда нибудь поднимется голосъ, чтобы проповѣдывать эту первобытную вѣру, то онъ раздастся изъ моей смиренной родины. Онъ прозвучитъ громче воплей монаховъ, громче папской рѣчи изъ Латрана, и міръ, внимая ему, затрепещетъ, ду-

Digitized by Google

мая, что пробилъ часъ новаго искупленія. Но теперь намъ важнѣе всего позаботиться о томъ, чтобы избавить тебя отъ Эгидія. Слѣдуй за мною.

И, взявъ мальчика за руку, епископъ торопливо спустился по извилистой лѣстницѣ башни. Дорогой онъ сообщилъ Викторьену важныя событія послѣднихъ дней. Борьба за высшую власть надъ христіанствомъ, уже такъ давно завязавшаяся между папою и императоромъ, внезапно ожесточилась до послѣдняго предѣла. Императоръ Генрихъ, предсѣдательствуя въ Вормсѣ на соборѣ германской церкви, заочно низложилъ Григорія VII, какъ лже-папу, лже-монаха, еретика, сообщника демона и нечестивца. Германскіе епископы обязались письменно, каждый за собственноручной подписью, видѣть въ Григоріѣ анти-папу и отказывать ему въ каноническомъ повиновеніи. Ломбардская церковь, разрозненная отлученіемъ святѣйшаго отца, созвавъ соборъ въ Павіи, отложилась въ свою очередь отъ Григорія. Тканый хитонъ безъ шва разрывался вторично. Вселенская церковь колебалась, подобно дереву, у котораго отсѣкли топоромъ одинъ за другимъ самые крѣпкіе корни. Въ данную минуту Григорій предсѣдательствовалъ въ церкви Христа-Спасителя, въ Латранѣ, на римскомъ соборѣ изъ своихъ кардиналовъ и епископовъ одной половины Италіи. Посолъ императора, простой священнослужитель изъ пармской церкви, долженъ былъ появиться въ тотъ самый день передъ латранскими отцами съ актомъ отрѣшенія Гильдебранта.

— Столько тревоги и такая жестокая война, — бормоталъ епископъ ассизскій,—изъ-за того, что они забыли одну строку евангелія: «Царство мое не отъ міра сего»!

Но въ своей апостольской простотѣ онъ надѣялся, что Григорій VII среди переполоха этого грознаго часа найдетъ досугъ позаботиться о такой бездѣлицѣ, какъ душа ребенка, которую слѣдовало оживить и обрадовать.

Іоахимъ съ мальчикомъ пробрались въ церковь, въ торжественную минуту. Императорскій посолъ, стоя противъ папы, сидѣвшаго въ красной мантіи и окруженнаго священной коллегіей, произносилъ приговоръ, обнародованный Генрихомъ IV.

— Императоръ, мой государь, повелѣваетъ тебѣ немедленно покинуть римскую церковь и сѣдалище блаженнаго апостола Петра.

Digitized by Google

Затѣмъ, обратясь къ римскому духовенству, онъ прибавилъ:

— А вамъ, братія мои, приказано явиться въ день св. Троицы предъ лицо императора для принятія новаго папы, такъ какъ признано, что теперешній вашъ владыка не есть папа, а кровожадный волкъ!

Григорій оставался безстрастнымъ, но отцы церкви вскочили съ угрозами. Епископъ Порто крикнулъ:—«Схватить этого нечестивца!» Пармскій священнослужитель въ испугѣ бросился къ подножію трона, ища защиты. Милиція префекта, съ саблями наголо, хлынула тогда въ святилище и овладѣла богохульникомъ. Григорій приказалъ отвести его въ римскія темницы для покаянія.

Долгое время задержанные волнующейся толпой монаховъ, тѣснившихся во всѣхъ придѣлахъ церкви, Іоахимъ и ребенокъ, взятый имъ подъ свое покровительство, очистили наконецъ себѣ дорогу и, пробираясь сзади скамеекъ совѣта, дошли до самого Григорія. Тотъ поднялся въ свою очередь и среди внезапно затихшей церкви произнесъ дрожащимъ голосомъ анаѳему противъ императора. Во имя Отца, и Сына, и св. Духа онъ лишалъ Генриха императорскаго достоинства, отрѣшалъ его отъ управленія тевтонскимъ королевствомъ и отъ феодальнаго главенства въ Италіи. Онъ разрѣшалъ всѣхъ христіанъ отъ клятвы вѣрности королю-отцеубійцѣ, объявлялъ его мятежникомъ, еретикомъ и отлученнымъ отъ церкви.

Въ эту минуту чей-то голосъ шепнулъ ему на ухо:—Это важное дѣло—низложить императора и потрясти христіанство, но лучше того укрѣпить человѣческую совѣсть. Сжальтесь надъ вашимъ Викторьеномъ, котораго наставникъ его Эгидій отнимаетъ у Бога, чтобы бросить сатанѣ.—Григорій обернулся наполовину. Онъ долгое время смотрѣлъ на обоихъ просителей: на растерявшагося мальчика, со страдальческимъ лицомъ, и на раздраженнаго епископа, который прижималъ къ груди ребенка, закутавъ его въ складки своего плаща. Тутъ папа вспомнилъ трагическую ночь, когда и онъ обнималъ такимъ образомъ Викторьена, припавшаго головой къ нему на грудь. Онъ понялъ драму, о которой донесъ ему Іоахимъ, и дѣло милосердія, котораго тотъ потребовалъ отъ его правосудія. Лучъ благости озарилъ его чело.

Digitized by Google

— Хорошо,—сказалъ папа.—Возьмите его себѣ, мой другъ, и да проститъ меня Господь. Впрочемъ, Эгидій сегодня поутру надолго покинулъ Римъ. Я посылаю его къ епископамъ Саксоніи, которые помогутъ мнѣ отвоевать Германію для Іисуса Христа. Самъ я, подобно пророку Даніилу, нахожусь во рву львиномъ, Іоахимъ. Вы счастливѣе меня, потому что васъ вѣчно баюкаетъ мечта о церкви древнихъ временъ; будучи молодымъ монахомъ, я также лелѣялъ ее, но дѣйствительность разсѣяла мои мечтанія. Я отдаю вамъ Викторьена; напитайте этого мальчика млекомъ и медомъ вашего милосердія.

Іоахимъ склонился подъ благословляющей десницей папы. Потомъ онъ осторожно повелъ своего воспитанника къ выходу изъ церкви, съ трудомъ пробираясь въ толпѣ.

Въ тотъ моментъ, кардиналъ-архидіаконъ, ставъ предъ аналоемъ съ евангеліемъ, громкимъ голосомъ читалъ *Dictatus papae*, теократическую грамоту Григорія VII. Обрывки этого манифеста, — самаго смѣлаго присвоенія божескихъ правъ надъ человѣчествомъ, какое когда либо позволялъ себѣ обыкновенный смертный, разносились по церкви, заглушая шумъ среди собравшихся. И всякій разъ престарѣлый епископъ останавливался, когда они достигали его ушей; съ видомъ скорби поднималъ голову, потомъ опять шелъ впередъ, расталкивая локтями неподвижно стоявшихъ монаховъ, которые, замирая въ какомъ-то восторженномъ экстазѣ, слушали папское воззваніе:

«Въ мірѣ есть единственное имя,—читалъ кардиналъ,—имя папы. Одному папѣ цари земные должны лобызать ноги. Онъ имѣетъ право низлагать императоровъ. Приговоръ папы не можетъ быть отмѣненъ никѣмъ, онъ же одинъ можетъ отмѣнять приговоры всѣхъ прочихъ. Онъ не можетъ быть никѣмъ судимъ. По его приказу и разрѣшенію, подданные имѣютъ законное право обвинять царей. Папа можетъ разрѣшать подданныхъ отъ клятвы вѣрности».

Когда новые друзья переступили порогъ Латрана, Іоахимъ глубоко вздохнулъ, точно вырвался изъ доменной печи. Противъ базилики св. Іоанна, вдоль стѣнъ, позолоченныхъ вѣками, до маленькой церкви св. Іерусалимскаго креста, восхитительно улыбалась римская пустыня. Стояли послѣдніе дни февраля. Травка оживала, а на вершинѣ самыхъ высокихъ вѣтвей ту-

Digitized by Google

товаго дерева качались тонкія почки нѣжно-зеленаго цвѣта. Бѣлый свѣтъ весенняго солнца заливалъ все окружающее. Большія зонтикообразныя сосны, разбросанныя по близости воротъ св. Іоанна, ласкаемыя прохладнымъ вѣтеркомъ, тихо шумѣли. Мозаика папы Льва III-го, вдѣланная въ стѣну священной лѣстницы, «Scala Santa», вся сверкающая искорками, казалась помолодѣвшей. Множество воробьевъ прыгало и чирикало въ древесныхъ вѣтвяхъ и между развалинами. Бѣлыя хлопья испареній плыли по лазури и серебристое сіяніе неба украшало дивной прелестью суровый ликъ стараго Рима.

Епископъ и его воспитанникъ безпечно брели по одной изъ многочисленныхъ тропинокъ, ведшихъ къ Санта-Маріа-Маджіоре. Изумрудныя ящерицы безумно кидались на обломки храмовъ и акведуковъ, нагрѣтые солнцемъ. Стадо овецъ, не слушаясь маленькаго полуголаго пастушка съ блестящими глазенками, мчалось скачками черезъ колючіе кустарники; школьники бѣжали въ разсыпную по полянамъ Цѣлійскаго холма, тогда какъ ихъ учитель, завидѣвъ прелата, остановился съ глубокомысліемъ ученаго противъ заросшей мохомъ латинской надписи, въ которой ничего не смыслилъ. Наконецъ, съ высотъ Эсквилина на встрѣчу гуляющимъ стала спускаться голосистая толпа молодыхъ причетниковъ съ лавровыми и дубовыми вѣтвями на шапкахъ, распѣвая греческій гимнъ *Ласточкѣ*, традиціонную пѣсню весны.

«Уходи, уходи, февраль; мартъ прогоняетъ тебя; убѣгай, убѣгай, февраль; привѣтъ тебѣ, мартъ! Ласточка, царица—ласточка, ласточка, которую я видалъ уже въ прежнія весны, привѣтъ тебѣ! Привѣтъ вамъ, крестьяне; хорошенько обработывайте землю! Міръ скоро воскреснетъ, блестящій и радостный. Какъ дѣти евреевъ привѣтствовали Христа, такъ и мы воспоемъ: осанна Іисусу, сыну Давидову, грядущему къ намъ! Вотъ и весна, вся въ цвѣтахъ, идетъ отъ востока, а вотъ Спаситель—свѣтъ и воскресеніе для цѣлаго міра. Аминь, аминь, аминь»!

Поровнявшись съ Іоахимомъ, юноши импровизировали на весьма свободномъ латинскомъ языкѣ послѣднюю строфу:

«Привѣтъ еще и тебѣ, епископъ ассизскій, епископъ, не имѣющій больше церкви и укрывшійся, подобно ласточкѣ въ день бури, подъ кровлю вселенской церкви. Аминь! Аминь»!

Digitized by Google

Въ эту минуту Викторьенъ и его престарѣлый наставникъ чувствовали себя вполнѣ счастливыми. Когда же епископъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ повернуть назадъ къ мрачному дворцу, мальчикъ взялъ его подъ руку со словами:

— Нѣтъ, пойдемте еще дальше, все дальше, пока небо станетъ полно свѣта, а земля полна пѣсенъ!

Они стали подниматься, не спѣша, по склонамъ Эсквилинскаго холма. Іоахимъ нарочно свернулъ съ дороги къ Санта-Маріа-Маджіоре и направился къ воротамъ св. Лаврентія. По мѣрѣ приближенія къ нимъ, гуляющимъ стало казаться, что туда спѣшатъ люди всякаго званія. Дѣти *горъ*—Monti—страшно шумѣли и бѣжали какъ будто на необыкновенное зрѣлище. Изъ развалинъ Минервы Медицейской выходили группы крестьянъ, бродягъ, нищихъ. За стѣнами на колокольнѣ св. Лаврентія трезвонили во всѣ колокола. Отъ Латрана торопливо стекались монахи и вскорѣ показалась капитолійская кавалерія, предшествовавшая кардиналу-епископу албанскому, который ѣхалъ на своемъ мулѣ, окруженный главнымъ штабомъ изъ прелатовъ.

— Мессиръ каноникъ,—крикнулъ Іоахимъ толстяку изъ духовенства, который, совсѣмъ запыхавшись, поспѣвалъ пѣшкомъ за кортежемъ,—какому святому празднуютъ сегодня въ церкви св. Лаврентія или какое великое чудо совершилось здѣсь?

— Нѣтъ тутъ никакого святаго и никакого чуда, мессиръ епископъ, мой другъ,—отвѣчалъ каноникъ,—а мы бѣжимъ встрѣчать у воротъ блаженнаго мученика внучку нашего святѣйшаго отца папы, мадамъ Пію; до сихъ поръ она воспитывалась у графини Тосканской, а теперь его святѣйшество потребовалъ ее къ себѣ. Новость объ ея прибытіи упала точно съ неба на собраніе. Какая жалость, что у меня нѣтъ моего мула, потому что этотъ подъемъ въ гору на солнцепекѣ ужасно тяжелъ. Сколько волненій и тягостей въ одинъ день, мессиръ епископъ, но какой это прекрасный день для св. церкви!

И когда каноникъ, задыхаясь, снова пустился бѣгомъ, Іоахимъ, продолжая идти, сказалъ своему юному товарищу:

— Нѣкогда Гильдебрантъ, очень молодымъ монахомъ, вошелъ въ Римъ съ непокрытой головою и босой. Онъ былъ сыномъ бѣднаго пастуха овецъ въ Соанѣ, дрянномъ мѣстечкѣ,

Digitized by Google

затерявшемся среди болотъ Тосканы. Очень мнѣ любопытно посмотрѣть, въ какомъ-то экипажѣ вступитъ эта маленькая дѣвочка въ метрополію своего дѣда, нашего владыки.

Движеніе толпы, стремительно разступившейся, глубокая тишина, приподнятыя шапки, склоненныя тонзуры; потомъ громкіе звуки роговъ подъ сводомъ воротъ; рѣзвая кавалькада воиновъ въ запыленныхъ доспѣхахъ; пажи, оруженосцы, синьоры, священники и монахи верхомъ, высокомѣрныя лица подъ черными шапками; рядъ носилокъ съ монахинями и бегинами, вуали которыхъ плохо скрывали усталыя, хмурыя физіономіи; паланкинъ, гдѣ возсѣдала дремлющая игуменья съ румяными щеками, пріятно убаюканная мѣрнымъ шагомъ четырехъ носильщиковъ и погрузившаяся въ сладкій полусонъ съ видомъ монашескаго благодушія; наконецъ, немного позади всѣхъ, одна, сопровождаемая небольшимъ отрядомъ всадниковъ, верхомъ на бѣломъ мулѣ, задрапированномъ въ пурпурный шолкъ и ведомомъ подъ устцы пѣшимъ конюхомъ,—мадамъ Пія, внучатная племянница и крестница Григорія VII-го.

— Это королева,—прошепталъ Викторьенъ.

— Совсѣмъ крошечная,—подхватилъ Іоахимъ,—и которая, если угодно Богу, сдѣлается впослѣдствіи графиней; впрочемъ, премиленькая и презабавная; апрѣльскій цвѣточекъ, который папа хочетъ пригвоздить къ печальнымъ стѣнамъ нашего Латрана.

Бѣлый мулъ остановился противъ чернаго мула кардинала албанскаго. Оба кортежа тотчасъ образовали обширный кругъ, за которымъ тѣснилась гудящая пестрая толпа простонародья. Викторьенъ протащилъ епископа, немного испуганнаго при видѣ такого множества важныхъ лицъ, въ самый первый рядъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Піи. И онъ разсматривалъ дѣвочку, такъ мило сидѣвшую на своемъ пурпуровомъ тронѣ высоко надъ толпой и залитую блѣдно-золотымъ свѣтомъ при аломъ закатѣ этого кроткаго солнца, которое спускалось уже за Яникулъ. Старинныя ворота св. Лаврентія, съ двумя зубчатыми башнями по бокамъ, осѣненныя чахлыми кипарисами; громадныя стѣны Рима въ своемъ уборѣ изъ плюща, а за ними, совсѣмъ вдали, лазурныя горы, поднимающіяся подъ прозрачнымъ небомъ, заканчивали картину, полную невинной прелести, напоминавшую мистическія сцены временъ рыцарства или кре-

Digitized by Google

стовыхъ походовъ, воспроизведенныя красками на тонкомъ пергаментѣ старинныхъ требниковъ.

И, дѣйствительно, чудной маленькой принцессой изъ волшебной сказки была эта одиннадцатилѣтняя дѣвочка, такая хрупкая и бѣленькая, которую св. церковь встрѣчала съ такою пышностью на порогѣ апостольскаго града. У нея были нѣжныя и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленныя черты красивой расы, населяющей Этрурію—колыбель ея семьи—длинная гибкая шейка, тонкій профиль, слегка заостренный, восхитительные черные глаза съ продолговатымъ овалomъ подъ не особенно глубокой дугою бровей и, падавшіе волнами на плечи и грудь, роскошные бѣлокурые волосы. Длинныя рѣсницы набрасывали легкую тѣнь на ея взоръ, придавая ему выраженіе мечтательной задумчивости, а на ласковыхъ губахъ, всегда готовыхъ улыбнуться, блуждало веселое лукавство. Лилейное личико разрумянилось на свѣжемъ воздухѣ во время путешествія. Сверхъ развѣвавшагося длиннаго платьица изъ бѣлой шерстяной матеріи, Пія была одѣта въ короткій кафтанчикъ изъ горностаеваго мѣха, съ широкими рукавами, опоясанный золотымъ жгутомъ. Золотой ковчежецъ съ мощами, флорентійской чеканки, въ формѣ медальона, свѣшивался у нея съ шеи до пояса. Черный бархатный беретъ съѣхалъ отъ толчковъ мула совсѣмъ на бокъ и чуть не падалъ. Дѣвочка держала въ правой рукѣ большой букетъ той душистой тосканской травы, ароматъ которой такъ гармонируетъ съ благоуханіемъ флорентійскихъ цвѣтовъ.

Пока она съ безпокойной живостью птицы окидывала взоромъ далекій пейзажъ Рима по направленію къ Санта-Маріа-Маджіоре или къ церкви св. Іоанна Латранскаго, красовавшимся въ розоватомъ сіяніи подъ лучами заходящаго солнца, серьезный голосъ, голосъ почтеннѣйшаго кардинала, привлекъ ея вниманіе. Она взглянула на посланника своего дѣда и онъ показался ей такимъ великолѣпнымъ въ своей длинной одеждѣ изъ краснаго шолка, въ алой кардинальской шапкѣ; потомъ Пія посмотрѣла на мула этого знатнаго господина, съ панашемъ изъ красныхъ перьевъ, качавшихся отъ дуновенія вечерняго вѣтерка. Кардиналъ началъ рѣчь, ужь, конечно, не на вульгарномъ языкѣ народа, еще слишкомъ варварскомъ и бѣдномъ, чтобы привѣтствовать внучку папы; нѣтъ, для этого онъ при-

Digitized by Google

бѣгнулъ къ тяжеловѣсной и жосткой латыни, латыни декретовъ и энцикликъ. Пія не понимала ничего въ привѣтственной рѣчи, но со всею наивностью дѣтской души заинтересовалась размашистыми жестами оратора, его напыщенной декламаціи и произношеніемъ нараспѣвъ латинскихъ словъ на церковный ладъ. На минуту ей представилось, что она находится въ церкви, и малютка чинно перекрестилась. Всѣ присутствовавшіе стояли въ благоговѣйномъ молчаніи, разинувъ ротъ, и, казалось, замерли отъ восторга, хотя кардинальское краснорѣчіе было для нихъ также темно, какъ и для Піи. Вдругъ дѣвочка замѣтила любопытную вещь: мулъ прелата то и дѣло медленно моталъ украшенной перьями головою сверху внизъ, съ видомъ любезнаго одобренія. Пія вообразила, что во всемъ собраніи только это животное понимало латынь посла и, нисколько не смущаясь, залилась серебристымъ хохотомъ. Кардиналъ опѣшилъ, монахини вздрогнули; важная игуменья въ испугѣ всплеснула руками; чело монаховъ омрачилось и одинъ изъ нихъ сказалъ вполголоса:

— Дочь Евы! голова голубя, языкъ змѣи.

А Пія все не унималась. Кардиналъ, отчаявшись связать порванную нить періода, гдѣ утренняя звѣзда и башня Давида играли довольно сложную роль, повернулъ къ Риму злополучнаго мула и подалъ сигналъ тронуться въ путь. Оба кортежа, духовенство и воинство смѣшались въ одинъ, рога весело затрубили, конюшій опять взялъ подъ устцы бѣлаго мула и Пія проѣхала мимо Викторьена и епископа ассизскаго.

Она поклонилась епископу, точно желая попросить у него прощенія за свою выходку противъ кардинала, а потомъ, продолжая улыбаться, опустила свои большіе черные глаза, отѣненные длинными рѣсницами, на Викторьена.

Игуменья, засуетившись, крикнула: стой! и шествіе остановилось. Почтенная дама высунула свое добродушное розовое лицо ханжи изъ паланкина и закричала:

— Пія, дочь моя, не забудь прочитать «Отче нашъ» пилигримовъ при въѣздѣ въ Римъ, гдѣ находится могила св. апостоловъ Петра и Павла. Кромѣ того, прочти три раза *Ave* и *Confiteor* за плачевный промахъ, только что сдѣланный тобою.

— Я разрѣшаю ее отъ этого грѣха,—прошепталъ Іоахимъ:— латынь его милости никуда не годилась. Сладкіе пирожки и

Digitized by Google

цвѣты слѣдовало бы поднести этому ребенку въ знакъ привѣтствія, а не угощать его скучнѣйшей рѣчью.

Пія не обратила большаго вниманія на отчаянный крикъ своей наставницы. Она по прежнему не спускала глазъ съ Викторьена, а тотъ въ свою очередь улыбался ей. Въ ту минуту, когда кавалькада снова пустилась въ путь подъ звукъ роговъ и отдаленный звонъ со всѣхъ колоколенъ Рима, дѣвочка дружескимъ и шаловливымъ движеніемъ бросила мальчику свой душистый букетъ флорентійскихъ травъ.

И кортежъ, облитый послѣдними лучами солнца, спустился по склону Эсквилинскаго холма.

Викторьенъ стоялъ неподвижно, растроганный почти до слезъ, не спуская взгляда съ золотистыхъ локоновъ, развѣвавшихся на кафтанчикѣ изъ горностаеваго мѣха, съ этой бѣлой фигурки, прямой и чистой, какъ лилія, которая сейчасъ мелькнула въ меланхолическомъ сумракѣ его отроческихъ лѣтъ. Когда кавалькада поднялась на Цѣлійскій холмъ, бѣлый мулъ показался еще выше въ золотистой пыли заката. Потомъ все потускнѣло и стушевалось понемногу: монахини и конюхи, красные кардиналы и черные иноки; стальные доспѣхи, разноцвѣтные панаши, знамя Тосканы, помѣченное флорентійскимъ львомъ, хоругвь святаго престола съ перекрещенными на ней ключами рая; но передъ Викторьеномъ, поднимавшимся къ жилищу Григорія VII, по прежнему носилось бѣлое видѣніе. Епископъ ассизскій тихонько тронулъ его за плечо.

— Вечеръ становится холоденъ, сынъ мой; пойдемъ, чтобы не схватить лихорадки. Куда бы намъ направиться въ этотъ часъ?

— Въ Латранъ,—отвѣчалъ юноша.

Они вернулись въ папскій дворецъ, когда совсѣмъ уже стемнѣло. Дворы, обширныя залы и коридоры, такіе шумные сегодня утромъ, снова приняли свой мрачный видъ. Тамъ и сямъ толстыя свѣчи желтаго воску, воткнутыя въ желѣзные стѣнные канделябры, мерцали въ потемкахъ тусклымъ свѣтомъ. Изрѣдка попадался навстрѣчу запоздалый монахъ, съ лампочкой въ рукѣ, въ капюшонѣ, надвинутомъ на глаза, и безшумно скользилъ въ свою келью. Іоахимъ предложилъ своему воспитаннику ужинъ, которому тотъ съ радостью оказалъ честь. Маленькій послушникъ, привлеченный соблазнительнымъ запахомъ

Digitized by Google

пира, сообщилъ имъ, что папа, утомленный дневными трудами, отложилъ до завтра свиданіе съ Піей и что г-жа игуменья, едва успѣвъ расположиться въ павильонѣ, отведенномъ для женскаго штата маленькой путешественницы, потребовала къ себѣ самаго строгаго духовника и заставила дѣвочку немедленно исповѣдаться.

— Есть до того суровые христіане,—замѣтилъ Іоахимъ,— что они охотно послали бы въ исповѣдальню даже небесныхъ пташекъ.

Викторьенъ вернулся въ свою убогую келью, по прежнему нюхая букетъ Піи, ароматъ котораго опьянялъ его радостью. И онъ заснулъ, повторяя про себя греческую пѣсню школьниковъ и причетниковъ:

«Ласточка, царица-ласточка, ласточка минувшихъ весенъ, привѣтъ тебѣ! Цвѣтущая весна подвигается къ намъ отъ востока, а вотъ и Спаситель — свѣтъ и воскресеніе для цѣлаго міра. Аминь! Аминь»!

IV.

Золотое дѣтство.

Викторьенъ, поднявшись до зари, освѣдомился о времени и мѣстѣ, гдѣ папа намѣренъ принять Пію. Оказалось, что ихъ встрѣча должна произойти въ той же церкви Христа-Спасителя за четверть часа до засѣданія совѣта. Въ этотъ день Іоахимъ рѣшился впервые занять мѣсто между представителями высшаго духовенства и усадилъ у своихъ ногъ юнаго воспитанника въ качествѣ кардинальскаго шлейфоносца,—нововведеніе, показавшееся слишкомъ смѣлымъ нѣкоторымъ епископамъ, строго соблюдавшимъ церемоніалъ.

— Вѣдь этотъ юноша не причетникъ,—замѣтилъ ему высокомѣрнымъ тономъ епископъ орвіетскій Ювеналъ, ужасный пастырь, который только что изгналъ изъ своей епархіи всѣхъ несчастныхъ, заподозрѣнныхъ въ манихейской ереси [1]), включая сюда женщинъ и грудныхъ дѣтей.

Епископъ ассизскій только что хотѣлъ съ живостью возразить своему сотоварищу, какъ по всему собранію пронесся сдержанный ропотъ. Въ церковныя двери входила внучатная

[1]) Манихейцы—еретики, допускавшіе начало добра и зла.

Digitized by Google

племянница святѣйшаго отца, въ сопровожденіи своего маленькаго монашескаго двора, а черезъ ризницу шествовалъ папа со священной коллегіей. Григорій поднялся на тронъ передъ алтаремъ; напротивъ него, въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, остановилась Пія. Папа протянулъ ребенку свою правую руку, на которой блестѣлъ перстень рыбака; Пія опустилась на колѣни, набожно приложилась къ священному аметисту, потомъ, пятясь задомъ, опять спустилась со ступеней трона и сѣла на маленькую скамеечку. Она была въ черномъ, какъ монахиня, но никакой вуаль не скрывалъ ея бѣлокурыхъ локоновъ, а маленькій золотой ковчежецъ,—подарокъ владѣтельной графини тосканской,—по прежнему висѣлъ у нея на шеѣ.

Кардиналы усѣлись полукругомъ по обѣимъ сторонамъ папы. Рядомъ съ нимъ, по правую руку, стоялъ епископъ албанскій. Узнавъ его, Пія немножко поблѣднѣла. Григорій увѣнчалъ свое чело остроконечной тіарой и завернулся въ складки красной мантіи. Позади скамеечки Піи, г-жа игуменья, захлебываясь отъ восторженнаго умиленія, опустилась на колѣни, сложивъ, какъ на молитву, руки. Торжественная церемонія приводила ее въ трепетъ и она стояла съ патетической миной дѣвственницы, ожидающей колесованія или костра.

Григорій VII молча смотрѣлъ на ребенка съ видомъ глубокой нѣжности. Пія была родная внучка его сестры, съ которой онъ, болѣе полустолѣтія тому назадъ, пасъ полдюжины козъ въ Соанской пустынѣ. Потомъ монастырь овладѣлъ имъ безраздѣльно; онъ позабылъ дорогу къ смиренному отеческому дому; судьбы церкви сдѣлались поглощающей заботой его сердца, и въ этой душѣ, преданной единственно славѣ божіей, воспоминаніе о мелкомъ безвѣстномъ міркѣ изгладилось скоро. Лица близкихъ потускнѣли въ его памяти, какъ и все остальное въ родномъ быту: овдовѣвшій отецъ, который разсказывалъ малюткѣ-сыну легенды святыхъ передъ отходомъ ко сну; сестра, старше его двумя-тремя годами, которая пѣла ему подъ тѣнью ивъ пѣсни изъ рыцарскихъ временъ; ручныя козы и старая собака, такъ долго провожавшая его по дорогѣ въ тотъ вечеръ, когда онъ отправлялся въ монастырь; потомъ меланхолическій видъ окрестностей Соаны, осеннія сумерки съ ихъ сѣроватыми испареніями, поднимавшимися къ небу, и майскія утра, когда въ травѣ бѣлѣлись барвинки, точно звѣздочки. И теперь

Digitized by Google

видъ этого ребенка, которымъ ограничивалась вся его семья на землѣ, вызывалъ передъ нимъ невозвратное прошлое, воскрешая въ тысячѣ образовъ далекое минувшее счастье. Папа вновь переживалъ свою первую молодость; милые призраки вставали передъ его глазами изо всѣхъ уголковъ памяти и, позабывъ о совѣтѣ, объ императорѣ Генрихѣ, о расколѣ имперіи, Григорій видѣлъ себя у стараго роднаго очага, между отцомъ и сестрою, бѣлокурой и хилой дѣвочкой, умершей много лѣтъ тому назадъ. А онъ даже ни разу не посѣтилъ ея могилы!

И вмѣстѣ съ папой притихло все священное собраніе. Епископы, кардиналы, ученые забыли въ свою очередь о бурѣ, обрушившейся на апостольскій корабль, о вчерашней трагедіи, о завтрашнихъ опасностяхъ, и смотрѣли съ отеческой лаской на эту малютку, сидѣвшую въ присутствіи намѣстника божія.

Пія, удивленная долгимъ молчаніемъ папы, разсматривала отъ скуки, тянувшуюся вдоль фризовъ высокаго свода, процессію тощихъ овецъ добраго пастыря на закопченой мозаикѣ древней церкви. Наконецъ, Григорій очнулся отъ своей задумчивости и заговорилъ:

— Пія, дочь моя, да хранитъ тебя Господь. Добро пожаловать въ нашу обитель. Надѣюсь, что ты добрая и послушная католичка?

— Да, дядя,—поспѣшила она отвѣтить; но епископъ албанскій, которому хотѣлось сдѣлать что нибудь въ отместку за вчерашнюю неудачу, перебилъ дѣвочку сухимъ тономъ:

— Говорите: «владыка», а не «дядя».

Папа слегка пожалъ плечами. Пія продолжала:

— Да, владыка-дядя; я знаю много прекрасныхъ молитвъ, которымъ научилась отъ г-жи Матильды и г-жи игуменьи, «Отче нашъ» и »Вѣрую» по латыни, а также много прекрасныхъ исторій о страстяхъ милосерднаго Господа въ Іерусалимѣ, у евреевъ; о виѳлеемскихъ ясляхъ, съ воломъ, осломъ и пастухами; о мудрыхъ волхвахъ, пришедшихъ поклониться предвѣчному Младенцу; о бѣгствѣ въ Египетъ. Знаю про Іосифа, проданнаго братьями, про Еліезера и Ревеку у колодца, про Іоанна Крестителя, питавшагося акридами, про отрока Іисуса среди раввиновъ и еще про императора Карла Великаго, жив-

Digitized by Google

шаго двѣсти лѣтъ и творившаго чудеса отъ Парижа до Рима. Наконецъ, я читаю каждый день г-жѣ игуменьѣ молитвы по ея молитвеннику. Хотѣлось бы мнѣ ихъ понимать, да я слишкомъ мала, чтобы знать латынь. Однако я угадываю изъ нихъ кое-что по раскрашеннымъ и раззолоченнымъ картинкамъ, красивымъ, какъ цвѣты, которыя нарисованы рядомъ со словами.

Папа улыбался съ кротостью дѣда щебетанью Піи, и отцы совѣта, повернувшись къ ребенку, сидѣли, не шелохнувшись, очарованные прелестью этой исповѣди. Самъ кардиналъ албанскій чувствовалъ себя растроганнымъ и обезоруженнымъ.

— Мужайся, дочь моя,—отвѣчалъ Григорій.—Я вижу, что ты на пути божіемъ. Но съ нынѣшняго дня ты — воспитанница Христа Іисуса. Тебѣ надо становиться все достойнѣе и достойнѣе церкви и меня.

— Я постараюсь, владыка.

— Мой долгъ поручить заботу о твоей душѣ одному изъ моихъ почтенныхъ братьевъ-епископовъ, чтобы онъ бодрствовалъ надъ нею, дѣлая ее все добродѣтельнѣе и набожнѣе.

Папа сталъ пробѣгать глазами епископскія скамьи, какъ будто приглашая кого нибудь изъ присутствующихъ откликнуться на его желаніе. Епископъ орвіетскій приготовился уже встать и предложить свои услуги. Тогда Викторьенъ торопливо схватилъ за руку своего друга и сказалъ почти вслухъ:

— Встаньте.

Епископъ ассизскій всталъ.

Ободренный жестомъ папы, Іоахимъ произнесъ маленькую рѣчь, не вставляя текстовъ изъ священнаго писанія, но вложивъ въ нее наивную доброту своего сердца. Онъ говорилъ, что, будучи пастыремъ ассизской церкви, предпочтительно любилъ слабыхъ и смиренныхъ, за что синьоры изгнали его изъ епархіи. Теперь, лишенный своего стада и свободно располагающій своими досугами, онъ чувствовалъ въ душѣ новое призваніе, ради любви господней; онъ приближалъ къ себѣ дѣтей, въ надеждѣ этимъ путемъ прославить евангеліе. Святой отецъ поручилъ ему вчера сына барона Ченчіуса, сегодня онъ проситъ для себя у папы духовнаго руководства Піи. Милосердія его достанетъ для спасенія обоихъ сиротъ.

— Пусть будетъ по вашему доброму желанію, братъ мой,— отвѣчалъ Григорій,—и пускай этотъ ребенокъ перейдетъ къ

Digitized by Google

вамъ. Пія, вотъ твой духовный отецъ, слушайся его во всемъ, что онъ тебѣ прикажетъ. Да будетъ надъ тобою благословеніе, дочь моя, и да усладятъ твои добродѣтели мою старость!

Пія сдѣлала своему внучатному дѣду очень ловкій реверансъ, которому ее учила сегодня игуменья съ самой зари, и въ то же время, по внезапному вдохновенію, дважды поднесла ручки къ губамъ съ такимъ порывомъ любви, что папа, приподнявъ полы своей красной мантіи, расшитой золотыми пальмами, открылъ объятія, какъ будто желая прижать малютку къ сердцу. Однако дѣвочка не посмѣла нарушить строгій ритуалъ, предписанный ей: она съ благоговѣніемъ поклонилась синьорамъ-кардиналамъ, съ почтеніемъ—синьорамъ-епископамъ и, увлекая за собою несчастную игуменью, совсѣмъ озадаченную своей слишкомъ явной опалой, и небольшую свиту монахинь, вышла изъ храма.

Дверь церкви Христа-Спасителя, гдѣ стояли на караулѣ римскіе капитаны, затворилась за маленькой Піей съ внушительнымъ стукомъ, и отцамъ совѣта показалось, что передъ ними угасъ свѣтлый солнечный лучъ. Они опять вернулись къ суровой битвѣ противъ половины христіанства за цѣлость католической іерархіи. Въ этотъ день имъ предстояло поразить ужасомъ германскую церковь, отрѣшая отъ общенія съ Римомъ епископовъ и аббатовъ, сообщниковъ преступленія императора. Громовой ударъ обрушился сначала на Зигфрида, архіепископа майнцскаго, подстрекателя совѣта въ Вормсѣ; потомъ на епископовъ, уже запятнанныхъ первымъ отлученіемъ отъ церкви: на Оттона ратисбоннскаго, Оттона констанцскаго, Бурхарда лозаннскаго, почти на весь германскій епископатъ цѣликомъ, а за нимъ на массу епископовъ Ломбардіи. Григорій вырывалъ изъ рукъ этихъ недостойныхъ епископскій посохъ и перстень, запрещалъ имъ совершать евхаристію и бесѣдовать съ Богомъ. Однако, тѣ изъ нихъ, которые уступили насиліямъ Генриха, могли до праздника св. Петра вымолить папское прощеніе. Много анаѳемъ заблудилось при переходѣ черезъ Альпы и упало въ долину Роны: Германъ, епископъ Віенны, съ нѣкоторой частью подчиненнаго ему духовенства; затѣмъ графъ Сенъ-Жилль, женившійся на своей двоюродной сестрѣ; графъ Форецъ, плутовавшій съ землями ліонской церкви,

Digitized by Google

и множество аббатовъ и бароновъ были поочередно постигнуты карой. Къ вечеру отцы, уставъ отъ такого богословскаго избіенія, стали громко требовать закрытія засѣданія. Тогда одинъ кардиналъ предложилъ предать анаѳемѣ еще двѣ, весьма высокія главы: Филиппа, короля Франціи, уже два раза отлученнаго отъ церкви, и нормандскаго владыку неаполитанской Италіи, Роберта Гискара, котораго святой престолъ ежегодно подвергалъ отлученію. Однако папа всталъ, подалъ кардиналу знакъ замолчать и прочиталъ финальную молитву, заканчивавшую день. У него явилось политическое предчувствіе будущаго: въ нормандцахъ онъ увидѣлъ защитниковъ папства, еще разъ изгнаннаго изъ Рима, а въ лицѣ Франціи, ея старшей дщери, крѣпкую броню церкви противъ тевтонской грубости.

Пока Латранъ громилъ такимъ образомъ христіанскій міръ, Іоахимъ бесѣдовалъ съ дѣтьми въ папскомъ саду, подъ тѣнью группы кипарисовъ. Онъ представилъ сына Ченчіуса Піѣ. Дѣвочка слышала при дворѣ Матильды разсказъ о сценахъ, разыгравшихся за послѣдней полуночной обѣдней, и о самоотверженномъ поступкѣ Викторьена. Послѣдній внушилъ ей такое восторженное восхищеніе, что внучка папы стала упоминать его имя въ своихъ молитвахъ, вслѣдъ за именами архангеловъ Гавріила, Михаила и св. Георгія Побѣдоносца, не сознавая хорошенько, молится ли она за него, или взываетъ къ нему, какъ къ чудотворцу. Пія составила себѣ о немъ понятіе, какъ о юномъ героѣ, въ родѣ рыцарей на иконахъ, въ блестящихъ стальныхъ доспѣхахъ съ головы до ногъ, съ золотымъ дракономъ развернувшимъ крылья на шлемѣ, въ расшитомъ золотомъ плащѣ, развѣвающемся по плечамъ, съ грознымъ мечемъ, извергающимъ молніи; она была поражена и вмѣстѣ съ тѣмъ пришла въ восторгъ, встрѣтивъ въ немъ вчерашняго прохожаго,—ребенка немного старше ея самой, съ необыкновенно кроткимъ взглядомъ. Она протянула ему обѣ руки и сказала:

— Извините мнѣ, мессиръ, мою вчерашнюю шалость, когда я бросила вамъ у воротъ св. Лаврентія мой букетъ. Во всемъ виноватъ его преподобіе, кардиналъ. Я вообразила, что онъ читаетъ мнѣ вечерню, потому что онъ сказалъ: *Domino meo* и эта мысль разсмѣшила меня, въ особенности когда его большой черный мулъ точно хотѣлъ отвѣтить: *Amen*. Г-жа игуменья полагаетъ, что въ ту минуту мой ангелъ-хранитель от-

Digitized by Google

ступился отъ меня и это до того огорчило ее, что она не могла заснуть цѣлую ночь.

Викторьенъ удержалъ въ своихъ рукахъ крошечныя ручки Піи и смотрѣлъ на дѣвочку съ нѣжностью старшаго брата. Непредвидѣнная разсѣянность ангела-хранителя, какъ нельзя болѣе кстати, подала ему поводъ предложить себя ей въ качествѣ вѣрнаго слуги.

— Позвольте мнѣ.—сказалъ онъ,—быть вашимъ видимымъ защитникомъ и неизмѣннымъ другомъ. Ежечасно буду я спѣшить на вашъ призывъ и, ужь что касается меня, никогда не забуду бодрствовать надъ вами.

— Согласна отъ всего сердца,—отвѣчала Пія.—Дѣйствительно, я слишкомъ одинока на свѣтѣ. Матери своей я не знала. Отецъ мой, бывшій оруженосцемъ у синьора, владѣльца Соаны, палъ въ сраженіи. Тогда меня взяла къ себѣ графиня, но она—слишкомъ важная дама для бѣдной сироты. Что же касается моего дяди, то съ нимъ нужно говорить, стоя на колѣняхъ. Я боюсь, не оскорбилъ ли, въ лицѣ его, самого Господа мой давешній поцѣлуй?

— Твой поцѣлуй,—возразилъ епископъ,—имѣлъ благодать молитвы. Это дѣтскій «Отче нашъ», и Отецъ небесный взялъ его себѣ.

Потомъ Іоахимъ попросилъ Пію показать ему святыни, заключавшіяся въ ковчежцѣ у нея на шеѣ. Она открыла чеканную золотую коробочку и вынула оттуда нѣсколько ладонокъ изъ пергамента. На первой изъ нихъ, запечатанной гербомъ епископа Флоренціи, была надпись:

«Частица покрывала Божіей Матери».

— Это противъ искушеній,—замѣтила Пія.

Вторая ладонка, съ гербомъ епископа Ареццо, была помѣчена такъ:

«Частица туники св. первомученика Стефана».

— Эта ладонка,—сказала малютка,—хранитъ отъ грома и камней, падающихъ съ горъ.

Третій пакетикъ, за печатью архіепископа Пизы, заключалъ въ себѣ засушенную розу, сорванную на могилѣ св. Нила, пустынника.

— Этотъ отъ злокачественныхъ лихорадокъ, — объяснила опять Пія.—Въ Соанѣ, при наступленіи осеннихъ дождей, отъ нихъ умирали въ каждомъ домѣ.

Digitized by Google

Всѣ три епископскія надписи были сдѣланы по латыни іератическимъ почеркомъ. Четвертый конвертикъ безо всякой печати, перевязанный шелковинкой, былъ надписанъ на вульгарномъ языкѣ совершенно дѣтской рукою: «Здѣсь хранится локонъ волосъ маленькой Титы, моей первой подруги, которая ушла въ рай». Пія взяла дорогую реликвію дрожащей рукою. Исторія ея была проста и печальна, и дѣвочка плакала во время своего разсказа. У изголовья Титы, понемногу таявшей, какъ воскъ, въ продолженіе двухъ зимъ, она просиживала по цѣлымъ часамъ, убаюкивая больную золотой мечтою, волшебнымъ сномъ, въ которомъ неизмѣнно фигурировали замки, пажи, бѣлый иноходецъ и княжеская фанфара. Вечеромъ въ вербное воскресенье, ребенокъ внезапно поблѣднѣлъ сильнѣе и заснулъ въ объятіяхъ Піи, продолжая улыбаться очаровательному видѣнію.

— Храни, какъ драгоцѣнность, эту ладонку, дочь моя, — сказалъ епископъ.—Каждый разъ, когда ты къ ней обратишься, у тебя станетъ легче на сердцѣ. Что жо касается Титы, то она, дѣйствительно, живетъ на небесахъ въ свѣтломъ замкѣ, гдѣ ангелы наигрываютъ ей княжескую фанфару.

Уже нѣсколько минутъ чья-то грустная тѣнь блуждала по саду, то приближаясь къ тремъ кипарисамъ, то удаляясь прочь съ жестами скорби. Пія первая узнала эту томящуюся душу.

— Вотъ г-жа игуменья; она ищетъ меня, чтобы прочитать ей полуденныя молитвы. Мнѣ очень хочется позвать ее къ намъ, но я была бы ужасно рада избавиться на сегодня отъ церемоніи съ ея молитвенникомъ!

— Ни сегодня, ни завтра ты не будешь къ этому принуждена,—отвѣчалъ Іоахимъ и самъ подалъ почтенной дамѣ знакъ приблизиться.

Она подошла, не заставивъ себя просить, такъ какъ мучилась жестокимъ любопытствомъ, умѣряемымъ боязнью. Игуменья смутно чувствовала, что ея царству пришелъ конецъ, и трепетала, сама не зная почему, за совѣсть Піи.

— Сударыня,—сказалъ ей епископъ,—благословляю васъ отъ глубины сердца. Съ этихъ поръ вы будете однѣ читать установленныя молитвы, или же мы станемъ читать ихъ вмѣстѣ, если вамъ угодно, чтобъ я замѣнялъ при этомъ діакона. Нашъ святѣйшій отецъ поручилъ моему пастырскому надзору свою

Digitized by Google

внучатную племянницу и мой долгъ—распоряжаться, по собственному усмотрѣнію, дисциплиною Піи во всѣхъ дѣлахъ вѣры. Вы крайне обяжете меня, немедленно снявъ съ нея это черное монашеское платье, чтобы замѣнить его другимъ, свѣтлыхъ цвѣтовъ, которые идутъ къ ея молодому личику. Надѣюсь, что мы останемся добрыми друзьями о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Отецъ небесный и мадонна да хранятъ васъ всегда подъ своимъ святымъ покровомъ!

Игуменья поклонилась, безмолвная въ своей великой печали по поводу неожиданной отставки. Потомъ она посмотрѣла съ растерянным видомъ на сына Ченчіуса, который уже улыбался при мысли увидѣть снова Пію въ ея кафтанчикѣ изъ горностая, затянутомъ на таліи золотымъ поясомъ.

— И вы будете воспитывать ее,—спросила бывшая наставница голосомъ, прерываемымъ вздохами,—рядомъ съ этимъ молодымъ синьоромъ?

— Съ моимъ старшимъ братомъ,—подхватила Пія.

— Таково желаніе папы,—сказалъ Іоахимъ.—И эти двое дѣтей выростутъ вмѣстѣ предъ очами Господа.

Добрая дама удалилась медленными шагами, раздумывая о многихъ странныхъ вещахъ, смушавшихъ ея добродѣтель. Но никогда впослѣдствіи она не смѣла идти противъ Іоахима. Мало по малу игуменья рѣшилась терпѣть при себѣ Викторьена. На самомъ же дѣлѣ этотъ подростокъ напоминалъ ей смазливаго пажа съ длинными кудрями, съ ея родины, Перузы, которымъ она бредила на шестнадцатой веснѣ своей жизни, но съ которымъ, впрочемъ, никогда не разговаривала, развѣ только во снѣ.

Дѣтство Піи было болѣе яснымъ, чѣмъ дѣтство Викторьена. Никакое горькое воспоминаніе не омрачало ея мыслей. Узкая набожность, въ которой ее воспитали, не пустила въ ней глубокихъ корней. Она была еще слишкомъ молода, чтобы испытывать ужасы, которыми Эгидій терзалъ бѣднаго мальчика. Такимъ образомъ, Пія могла служить ему благодѣтельнымъ примѣромъ надежды и радости. Іоахимъ далъ себѣ слово облагородить путемъ взаимнаго вліянія эти двѣ родственныя души: одну, сіяющую счастьемъ и довѣрчивую, другую—героическую. И эта задача обѣщала быть легкой: обаяніе прелести и доброты Піи подчинило себѣ ея друга съ перваго же дня. Что касается

Digitized by Google

Викторьена, то онъ казался дѣвочкѣ существомъ высшаго разряда сравнительно съ прочими, достойнымъ поклоненія и высочайшаго блаженства.

Іоахимъ очень скоро пришелъ къ любопытному открытію въ духовномъ міркѣ Піи. О земной жизни у нея сложилось чисто монашеское понятіе, внушенное окружающими, но пока еще слишкомъ смутное, чтобы опечалить ее. Ей втолковали, что, живя на землѣ, всѣ христіане, даже маленькія дѣти и самыя благочестивыя игуменьи, шествуютъ по юдоли плача. При всемъ томъ дѣвочка чрезвычайно дорожила этой юдолью плача, которую ей тысячу разъ описывали подъ видомъ крутой тропинки съ выбоинами и глубокими ямами, поросшей колючимъ репейникомъ и терномъ, усѣянной острыми каменьями и пролегающей между скалъ, похожихъ на грозные призраки; надъ этой ужасной дорогой нависло черное небо, откуда льетъ холодный дождь, а на каждомъ поворотѣ путника пронизываетъ порывистый леденящій вѣтеръ. Разумѣется, Пія собиралась проводить свое земное странствіе какъ можно веселѣе, срывая при случаѣ на тернистомъ пути барвинки, розы, гіацинты и фіалки, но она слишкомъ сроднилась съ этимъ аскетическимъ декорумомъ и считала его необходимой принадлежностью существованія; ей даже не приходило въ голову, чтобы судьба маленькой дѣвочки могла имѣть совсѣмъ иную рамку.

— Тебя обманули, Пія,—сказалъ Іоахимъ.—Господь вовсе не сдѣлалъ жизнь скорбною для своихъ чадъ. Только въ сердцахъ, замкнутыхъ для состраданія, недоступныхъ милосердію и смущаемыхъ страхомъ, образовалась, по ихъ собственной винѣ, истинная юдоль плача. Пускай себялюбцы, гордецы и трусы оплакиваютъ свое собственное горе. Для нихъ жизненный путь, дѣйствительно, безотраденъ и проникнутъ ужасомъ, какъ смертоноснымъ туманомъ. Они—жалкіе странники, потому что шествуютъ одни, любя только самихъ себя, до послѣдняго перехода пути. Великая тайна земнаго счастія заключается въ вѣрѣ въ отеческую любовь Господа, а также въ простой евангельской заповѣди:—«Любите другъ друга». Вотъ, напримѣръ, Тита была отнята у тебя совсѣмъ маленькой, вполнѣ чистой и непорочной, но ты ее любила, ты плакала надъ нею и за эту великую любовь и великую скорбь ты будешь всегда вкушать утѣшеніе нѣжныхъ душъ. Посмотри

Digitized by Google

на Викторьена: онъ началъ жизнь долгимъ страданіемъ, но единственный подвигъ самопожертвованія и любви упрочилъ за нимъ до конца его дней душевный миръ, — достояніе великодушныхъ.

Такими словами Іоахимъ возвращалъ Пію къ невинности ея младенческихъ лѣтъ, изливая на оба юныхъ чела какъ бы воду новаго крещенія; онъ изглаживалъ изъ ихъ мыслей тяжелые часы или тревогу слишкомъ суровыхъ вѣрованій.

Епископъ часто бродилъ безъ цѣли то по уединеннымъ мѣстамъ въ чертѣ города, то за старыми стѣнами на просторѣ благородной римской Кампаньи. Онъ любилъ свѣжій воздухъ, горячее солнце, шелестъ листвы, свѣжесть луговъ, веселость пташекъ, прелесть цвѣтовъ. Онъ охотно называлъ небо самымъ великолѣпнымъ церковнымъ сводомъ, какой ему когда либо случалось видѣть, и говорилъ, что съ высоты башенъ Латрана горы Лаціума кажутся алтаремъ, усыпаннымъ сапфирами и изумрудами. Въ тѣ времена, когда Іоахимъ носилъ епископскій посохъ Ассиза, онъ отправлялся иногда пѣшкомъ служить воскресную обѣдню въ Спелло; потомъ, опять таки черезъ поля, шелъ въ Фолиньо—читать тамъ евангеліе, положенное на тотъ день. Епископъ, бывало, поднимался на холмъ, гдѣ построенъ городъ Ассизъ, уже очень поздно, послѣ того какъ графъ запретъ ворота. Дорогіе часы пропадали у него даромъ въ разговорахъ со встрѣчными пилигримами и пастухами; иногда же онъ мѣшкалъ на пути, угощая козлятъ пучками сорваннаго имъ полеваго тмина или останавливаясь въ ивовой заросли на берегу пруда, чтобъ любоваться семейной жизнью чирковъ въ ихъ гнѣздѣ. Если городской привратникъ, заспавшись или разсердившись, не отворялъ пастырю воротъ его собственнаго овчаго двора, епископъ преспокойно спускался обратно въ долину, слушая вдоль изгородей, на темныхъ тропинкахъ, пѣсню соловьевъ Умбріи, а въ самомъ низу онъ стучался въ скитъ св. Даміана, въ увѣренности встрѣтить здѣсь гостепріимство апостольскихъ временъ: стаканъ чистой и свѣтлой воды, чтобы освѣжиться съ дороги, да три доски, чтобы грезить во снѣ о небесномъ Іерусалимѣ.

Итакъ, онъ рѣшилъ познакомить обоихъ своихъ воспитанниковъ съ природой съ первыхъ же дней весны. Для того и другаго изъ нихъ это было большою новостью. Викторьенъ,

Digitized by Google

постоянно запертый въ замкахъ своего отца, зналъ только Тибръ съ его мутными водами, протекавшій среди прибрежныхъ камышей; Пія жила сначала на туманной равнинѣ Соаны, усѣянной тополями съ блѣдною листвой; потомъ она видѣла Тоскану только изъ оконъ графини Матильды. Римская Кампанья, оживленная и разукрашенная апрѣльскимъ солнцемъ, должна была показаться этимъ дѣтямъ какимъ-то откровеніемъ.

Обыкновенно изъ Латрана отправлялись въ полдень, маленькимъ каравановъ—справа Викторьенъ на лошади, въ срединѣ Пія верхомъ на старомъ мулѣ, очень осторожномъ и кроткомъ, который принадлежалъ папѣ Николаю II, наконецъ Іоахимъ на другомъ мулѣ изъ папскихъ конюшенъ. Это животное, подарокъ Григорія VII-го, упрямо останавливалось у портика всѣхъ базиликъ, церквей, капеллъ и молеленъ, встрѣчаемыхъ на пути. Иногда игуменья слѣдовала сзади, причемъ ее презабавно встряхивали въ паланкинѣ четверо веселыхъ конюховъ. На Пренестинскую дорогу выѣзжали изъ воротъ св. Лаврентія; на Латинскую—изъ воротъ св. Іоанна, на Аппійскую, окаймленную могилами,—изъ воротъ св. Себастіана. Аппійская дорога была самой любимой прогулкой и здѣсь гуляющіе оставались дольше всего, благодаря духовнымъ традиціямъ папскаго осла, котораго невозможно было оттащить отъ церкви св. Нереи и Ахиллеи, отъ аллеи катакомбъ св. Цециліи, отъ маленькой капеллы *Domine quo vadis* [1])? Тутъ, чтобы собраться съ терпѣніемъ, епископъ напоминалъ трогательную встрѣчу св. Петра, бѣжавшаго изъ Рима, чтобы избавиться отъ смерти, и Іисуса Христа, шествовавшаго въ Римъ босикомъ, неся на себѣ крестъ.

— Господи, куда идешь?

— Въ Римъ, чтобы вторично быть распятымъ.

— Iterum crucifigi,—повторялъ серьезнымъ голосомъ Іоахимъ, предварительно наклонившись надъ отпечаткомъ ноги Спасителя, оставшимся на мраморной плитѣ. То была вторая измѣна Петра. Къ счастію, на этотъ разъ онъ вò-время былъ просвѣщенъ, устыдился своей трусости и вернулся къ мученичеству.

— Это былъ великій папа,—вздыхала игуменья.

— Великій, сударыня,—отвѣчалъ епископъ.—Но я еще не

[1]) Господи, камо идеши?

Digitized by Google

простилъ ему слова, сказаннаго у Пилата, когда евреи плевали въ лицо его учителю:—«Я не знаю человѣка сего».

Немного дальше, противъ крѣпости-усыпальницы Цецилія Метелла, на лугу, стояла убогая церковь, отъ которой теперь остались однѣ развалины. Подъ густыми орѣшниками, осѣнявшими ее, оставляли лошадь и муловъ подъ присмотромъ носильщиковъ игуменьи; затѣмъ, не торопясь, шли пѣшкомъ по античной мостовой Аппійской дороги. И на этомъ кладбищѣ язычниковъ Іоахимъ любилъ говорить о временахъ, когда Римъ не былъ еще освященъ крестомъ, но когда его народъ сдѣлалъ изъ него владыку міра. Онъ зналъ римлянъ только по стихамъ Виргилія и раздѣлялъ трогательныя суевѣрія своего вѣка относительно поэта. Онъ вѣрилъ въ Виргилія, герцога неаполитанскаго, благодѣтельнаго волшебника, благочестиваго и добраго колдуна, въ родѣ Мерлина; пророка, заблудившагося между язычниками, который, подобно мудрымъ волхвамъ, царямъ востока, разобралъ на небѣ слово грядущаго искупленія. Въ молодости епископъ былъ друженъ съ однимъ старымъ священникомъ, состоявшимъ раньше при особѣ Сильвестра II, французскаго папы, любителя древнихъ книгъ, на котораго монахи смотрѣли, какъ на колдуна, преданнаго діаволу. Іоахимъ научился тогда уважать память людей, которые, не будучи просвѣщены чистою вѣрою, тѣмъ не менѣе съумѣли достичь добродѣтели и водворить справедливость. Иногда онъ останавливалъ также своихъ спутниковъ противъ какого нибудь саркофага, изваяннаго греческимъ рѣзцомъ, или противъ римской головы, суровой и задумчивой, профиль которой выдѣлялся на фризѣ памятника, и тутъ епископъ выражалъ сожалѣніе, что христіанскіе художники потеряли секретъ красоты и жизненности.

— Въ церкви св. Пракседы,—говорилъ онъ,—у базиліанъ, по сосѣдству съ церковью св. Іоанна-Круглаго, мозаики просто наводятъ уныніе и страхъ: ангелы тамъ худы, какъ саранча; мадонны мрачны, облечены въ фіолетовый и черный цвѣтъ; Христосъ, съ черными, суровыми глазами, похожъ на свирѣпаго императора,—грозныя фигуры, видъ которыхъ скорѣе заставитъ плакать, чѣмъ внушитъ надежду.

Викторьенъ и Пія находили необыкновенно прекрасными поученія своего наставника. Но игуменья питала отвращеніе

Digitized by Google

къ язычникамъ, поклонявшимся Вельзевулу. Она вѣрила всѣмъ страшнымъ баснямъ въ маленькихъ книжечкахъ, которыя были въ большомъ ходу у пилигримовъ и монастырскихъ послушниковъ; вѣрила въ мраморныя статуи, захватывавшія своими пальцами руку какого нибудь неосторожнаго кавалера; въ Меркуріевъ и Аполлоновъ, которымъ еще поклонялись несчастные въ глубинѣ подземелій Колизея, въ заброшенныхъ каменоломняхъ Кампаньи; въ Венеръ, чьи холодныя уста до сихъ поръ расточали смертоносныя лобзанія.

— Во всякомъ случаѣ, мессиръ,—сказала она однажды епископу,—вашъ Виргилій и всѣ эти римляне, не имѣвшіе ни церквей, ни монастырей, ни исповѣди, ни крещенія, и всѣ ихъ ложные боги находятся теперь въ аду, на самомъ днѣ преисподней, а потому вовсе не похвально говорить о нихъ такъ снисходительно. Вѣдь адъ вѣченъ.

— Сударыня,—началъ Іоахимъ... но онъ внезапно умолкъ и съ опечаленнымъ лицомъ отошелъ на нѣсколько шаговъ къ патриціанской могилѣ, украшенной прелестною головкой отрока. Викторьенъ, послѣдовавшій за нимъ, слышалъ, какъ наставникъ проговорилъ про себя:

— Однако, въ символѣ вѣры отцовъ никейскаго собора, гдѣ изложены всѣ основы христіанскаго ученія, ничего не говорится объ адѣ. Св. евангелисты Маркъ и Матѳій хотя упоминаютъ о вѣчномъ огнѣ, уготованномъ діаволу и ангеламъ его, о геенѣ, которая ожидаетъ души, умершія для милосердія; но неугасимость костра развѣ обусловливаетъ вѣчность пытки?

Когда маленькій караванъ выходилъ изъ Рима черезъ ворота св. Іоанна, онъ поднимался вправо, на высоту могилъ Латинской дороги, до вершины того продолговатаго холма, который простирается къ *Via Appia*; отсюда развертывается очаровательный видъ на Кампанью и горы. За два часа до солнечнаго заката, цѣпь Аппенинъ, вся сіяющая, точно таетъ въ зеленоватой лазури неба; рѣзко очерченные хребты выдѣляются свѣтло-золотистыми тонами, тогда какъ ущелья и долины, окутанныя легкой дымкой, принимаютъ ласкающіе оттѣнки бирюзы. Ближе, на югѣ, латинскія горы, Албано, Тускулумъ, повитые виноградомъ, поросшіе каштанами, и лѣсистыя высоты Неми, одѣваются болѣе густою синевою, синевой бархата. Затѣмъ

Digitized by Google

внизу, повсюду, на необъятномъ горизонтѣ,—грандіозное уединеніе пустынной равнины, безконечнаго луга, гдѣ исторія посѣяла свои развалины, разбитые акведуки, феодальныя башни и могилы. Тамъ вѣчный Римъ поднимаетъ царственную голову надъ своими старыми стѣнами. А вокругъ глубокая тишина, тишина пустыни. Вдали крупные бѣлые быки, склонивъ голову къ блѣдной травѣ, кажутся неподвижными. Въ этой глуши можно провести очень долгое время, не слыша инаго звука изъ живаго міра, кромѣ рѣзкаго клёкта хищной птицы, рѣющей въ вышинѣ, среди яркаго свѣта, и тяжело хлопающей своими рыжеватыми крыльями.

Когда наши путники добирались до этого пункта, Іоахимъ разстилалъ свой плащъ для Піи съ игуменьей и они всѣ четверо принимались любоваться праздничной красотою пейзажа. Потомъ епископъ вызывалъ тысячу смутныхъ воспоминаній объ Энеѣ, Ромулѣ, Юліѣ Цезарѣ и императорѣ Тиверіѣ—современникѣ Іисуса Христа. Пія распѣвала какую нибудь наивную балладу, слышанную ею на вечернихъ посидѣлкахъ въ Соанѣ:

«О, какъ долго желала я имѣть милаго, который былъ бы музыкантомъ, и вотъ Богъ посылаетъ мнѣ его, сплошь покрытаго розами и рубинами. Вотъ онъ идетъ мелкими шагами, потихонечку, склонивъ голову и играя на віолѣ. Я влюблена въ скрипача; музыка віолы прекрасна и утѣшаетъ мое сердце; музыка віолы хороша и музыкантъ пригожъ. Я умираю отъ любви къ музыканту. Музыка прекрасна, а юноша такой рѣзвый. Любовь къ музыканту не даетъ мнѣ больше покою».

Викторьенъ, собирая для Піи маргаритки, анемоны, дикія гвоздики, отвѣчалъ на ея пѣніе строфой рыцарскаго романса, которому, вѣроятно, научился въ дѣтствѣ отъ кого нибудь изъ оруженосцевъ своего отца:

«Старый капелланъ велѣлъ заточить мою красавицу на вершину такой высокой башни, что въ зимніе мѣсяцы черныя тучи заволакиваютъ келью, гдѣ она томится. Потомъ онъ поставилъ внизу лѣстницы башни почетный караулъ изъ троихъ монаховъ съ плѣшивой головою, которые день и ночь скорбно молятъ о спасеніи моей красавицы. Но башня вовсе не настолько высока, а монахи не настолько бдительны, чтобы я не могъ въ скоромъ времени примчаться на крылахъ любви провѣдать мою милую въ ея келейкѣ на верху башни».

Digitized by Google

Тогда игуменья принимала строгій видъ, потому что эти пѣсни казались ей черезчуръ свѣтскими. Но, оживившись на свѣжемъ воздухѣ, она въ свою очередь не упускала случая разсказать какую нибудь монастырскую легенду о святомъ городѣ Римѣ, который сіялъ вдали сотнями своихъ колоколенъ на фонѣ пламенѣющаго лѣтняго неба.

— Это было ужь очень давно,—говорила наставница,—при папѣ Григоріѣ или Бенедиктѣ, не помню хорошенько. Подъ этими двумя именами было столько папъ, что всегда собьешься.

— Девятеро Бенедиктовъ и семеро Григоріевъ, сударыня,—перебивалъ разскащицу Іоахимъ.—Ваша исторія, вѣроятно, происходила во времена св. Григорія Великаго?

— Можетъ быть, мессиръ; только это время было очень смутное: семеро сарацинскихъ царей, язычниковъ, поклоняющихся Магомету, т. е. антихристу, осадили Римъ съ несмѣтною ратью. У папы оставалось при себѣ только нѣсколько рыцарей и городъ былъ въ величайшей опасности. Язычники собирались до смерти замучить папу и уничтожить христіанство. Въ ту пору, въ Римѣ находилось среди жителей семеро мудрецовъ, людей необыкновенной мудрости и учености.

— То были кардиналы, сударыня,—вмѣшивался Іоахимъ,—или аббаты.

— Самый мудрый изъ семерыхъ, Янусъ, спасъ Римъ отъ неминучей бѣды, выдя на зарѣ на башню, переодѣтый дьяволомъ, весь черный, съ нашитыми на платье бѣличьими хвостами; Янусъ стоялъ здѣсь между двухъ деревянныхъ чудовищъ, съ красными глазами и краснымъ языкомъ, и размахивая своимъ длиннымъ стальнымъ мечемъ, наносилъ такіе удары по камню, что изъ него сыпались искры цѣлыми снопами, точно изъ костра. Семеро царей, видя такое чудо, страшно испугались и стали толковать между собою:—Должно быть, это Богъ христіанъ спустился сегодня ночью къ своимъ, чтобы защитить ихъ. Мы пропали, если не поклонимся ему!

— И въ тотъ же день,—прибавляла растроганная игуменья,—папа излилъ на чело семерыхъ языческихъ царей святую воду крещенія въ крестильной часовнѣ св. Іоанна Латранскаго. Затѣмъ они покинули свой лагерь, остатки котораго обогатили римскихъ жителей.

Digitized by Google

Поутру въ субботу *Albis*, первую послѣ пасхи, т. е. наканунѣ Ѳомина воскресенья, епископъ сказалъ своей маленькой компаніи:

— Сегодня мы будемъ пользоваться свѣжимъ воздухомъ въ самомъ Римѣ и на площади св. Іоанна. Вы увидите тамъ нѣчто новое, карнавалъ духовенства, *Laudes della Cornomania*. Но это нисколько не должно васъ смущать. У бѣдныхъ причетниковъ удовольствія очень рѣдки и мало радостей на землѣ, а постъ, который только что кончился,—тяжелый искусъ.

Въ этотъ день пастыри, т. е. приходскіе священники, послѣ обѣда, около часу пополудни, велѣли звонить въ колокола и прихожане собрались въ церкви. Тогда составилась процессія. Ризничій, одѣтый въ стихарь, съ вѣнкомъ на головѣ и двумя рогами на подобіе стараго силена, выступалъ впереди, держа въ рукѣ мѣдную палочку, увѣшанную колокольчиками; за нимъ слѣдовалъ священникъ, облаченный въ мантію, какъ во время службы, а съ нимъ его причтъ и паства; въ такомъ порядкѣ участники карнавала дошли до Латрана и остановились на площади, куда до сихъ поръ выходитъ дорога отъ базилики Санта-Маріа-Маджіоре.

Когда всѣ приходы сошлись у подножія дворца, къ нимъ спустился папа, причемъ всѣ церковнослужители и міряне каждаго прихода составили особый кругъ со своимъ приходскимъ священникомъ въ центрѣ. Запѣли: *Deus ad bonam horam (да благословитъ тебя милосердый Господь!)*, несвязное славословіе, представлявшее смѣсь варварскаго греческаго языка съ не менѣе варварской латынью, между тѣмъ какъ ризничій плясалъ въ кругу прихожанъ, потрясая рогами и погремушкой. Потомъ одинъ изъ приходскихъ священниковъ сѣлъ верхомъ на осла, лицомъ къ хвосту; папскій камерарій держалъ на головѣ животнаго тазъ, куда была положена сумма въ двадцать су римскими серебряными динаріями. И священникъ трижды опрокидывался навзничъ, стараясь захватить рукою какъ можно больше монетъ изъ таза. Тутъ его сотоварищи направились къ папѣ и бросили къ ногамъ владыки вѣнки. Приходскій священникъ церкви Санта-Маріа *in Viâ Latâ* выпустилъ при этомъ молодую лисицу, которой дали убѣжать и которая чуть не прыгнула въ лицо священнику отъ св. Пракседы; подноситель дара получилъ отъ папы безантъ съ половиной. Священникъ

Digitized by Google

отъ Санта-Маріа *in Aquiro* приподнесъ святому отцу пѣтуха и получилъ безантъ съ четвертью, а священникъ церкви св. Эвстахія съ большими усиліями велъ козулю.

Въ эту минуту папа Григорій, завидѣвъ нашихъ троихъ друзей посреди прихожанъ св. Климента, послалъ къ нимъ монаха, чтобы пригласить ихъ сѣсть на первой ступени папской эстрады противъ портика св. Іоанна. Отсюда они увидятъ праздникъ, какъ на ладони. Козуля отъ прихода св. Эвстахія, подведенная къ возвышенію, гдѣ возсѣдалъ папа, дрожала всѣмъ тѣломъ; вдругъ она ловкимъ движеніемъ вырвалась изъ рукъ своего пастыря и направилась прямо къ Піѣ. Дѣвочка протянула ей руку и хорошенькое ласковое животное принялось лизать ее. Народъ захлопалъ въ ладоши, а какой-то мальчикъ-пѣвчій крикнулъ: *аллилуйя*! Козуля, ободрившись, положила голову на колѣни Піи. Такимъ образомъ она становилась подъ ея защиту.

— Дочь моя,—сказалъ Григорій,—дарю вамъ козулю монсиньора св. Эвстахія. Берегите ее хорошенько изъ любви ко мнѣ!

— Благодарю, владыка!—отвѣчала малютка,—я стану беречь ее изъ любви къ вамъ и къ ней!

Тутъ папа далъ свое благословеніе, и всѣ приходы разошлись, каждый въ свою сторону, подъ звонъ погремушекъ.

Іоахимъ устроилъ уже изъ своего шолковаго пояса ошейникъ для козули, которую и довелъ на привязи до Латрана. Потомъ онъ приказалъ выстроить для нея хижинку и маленькій загонъ въ папскомъ саду, между тѣмъ какъ Викторьенъ съ Піей придумывали кличку для своего новаго друга. Придумыванье продолжалось три дня. Наконецъ Викторьенъ вспомнилъ большую рыжую собаку, съ которой онъ игралъ маленькимъ мальчикомъ во дворѣ отцовскаго замка, и козуля была названа въ честь ея «Фульво».

Лѣто и осень миновали и каждый новый день казался обоимъ дѣтямъ такимъ же сладостнымъ, какъ и предыдущій. Наступилъ октябрь со своимъ веселымъ солнышкомъ, а съ нимъ и радостная пора, когда собираютъ виноградъ. Парни и дѣвушки шумными ватагами возвращались съ полей подъ звуки тамбуриновъ въ осеннія сумерки; нескончаемые раскаты смѣха и пѣсни любви звучали въ уединеніи форума, вокругъ арки

Digitized by Google

Константина и на Священномъ Пути. Во дворецъ возвращались поздно, такъ какъ Іоахимъ, чувствуя приближеніе зимы, старался продлить свое прощанье съ теплымъ временемъ года. Между тѣмъ послѣднія прогулки были омрачены однимъ страннымъ приключеніемъ. Однажды вечеромъ, послѣ заката солнца, дружная компанія, слѣдовавшая отъ самыхъ воротъ св. Себастіана за голосистой толпою собирателей винограда, повернула у монастыря Комальдулъ на тропинку, ведущую къ церкви св. Іоанна и Павла. Одинокая башня поднималась здѣсь посреди дороги, опираясь на арку, подъ которой надо было проѣхать, чтобы достичь за церковью св. Іоанна-Круглаго калитки папскихъ садовъ. Вдругъ въ узкомъ окнѣ башни показалась человѣческая голова. По мѣрѣ того какъ трое всадниковъ приближались къ аркѣ, голова высовывалась все дальше, оглядывая епископа и обоихъ дѣтей съ выраженіемъ такой ненависти, что Пія вскрикнула отъ ужаса. Этотъ человѣкъ походилъ на коршуна, который, сидя на вершинѣ развалинъ, выслѣживаетъ стаю голубей.

— Какой злой!—воскликнула дѣвочка,—поѣдемте скорѣе, мессиры, мнѣ такъ страшно.

Викторьенъ схватилъ подъ устцы мула своей подруги и пришпорилъ лошадь. Іоахимъ, нарочно отставъ отъ дѣтей, остановился на минуту, всматриваясь въ зловѣщаго незнакомца. Затѣмъ онъ присоединился къ своимъ воспитанникамъ. Пія все еще не могла прійти въ себя.

— Злой человѣкъ!—повторяла она Викторьену.—Увѣрены ли вы, что онъ не пустилъ на насъ какой нибудь порчи?

— Это священникъ!—возразилъ епископъ.—Дурной священникъ, строющій изъ себя колдуна. Но все его колдовство заключается въ дружбѣ съ тускулумской знатью, которой онъ преданъ тѣломъ и душой. Не бойся ничего, дитя мое! Господь—нашъ защитникъ.

Зима въ тотъ годъ выдалась очень суровая. Съ половины ноября, въ продолженіе многихъ недѣль, Римъ и Кампанья дремали подъ снѣжнымъ плащемъ. Маленькое общество водворилось тогда въ башнѣ, которую Іоахимъ прозвалъ своимъ епископскимъ дворцомъ. Въ первомъ этажѣ помѣщались молельня епископа и его спальня съ кроватью анахорета и деревяннымъ распятіемъ; выше, въ большой залѣ со сводами, онъ собралъ

Digitized by Google

въ очаровательномъ безпорядкѣ остатки своего прежняго блеска; тутъ были: восточный коверъ, подарокъ патріарха Венеціи, скамьи съ причудливой рѣзьбою, мѣдныя лампы античной формы, византійская мадонна въ золотомъ окладѣ, осьмигласники и требники, разрисованные во вкусѣ аѳонскихъ миньятюръ, манускриптъ любимаго Іоахимомъ Виргилія съ красными и лазоревыми заглавными буквами, вышитая золотомъ митра и блестящая мантія, которыя были на Іоахимѣ въ день его посвященія. Громадная бронзовая жаровня—*brasero*—безпрестанно зажигалась посреди залы, такъ какъ учитель не хотѣлъ, чтобы Пія страдала отъ холода. И никто не былъ изумленъ, когда однажды вечеромъ, здѣсь же въ углу, на кучѣ старыхъ обойныхъ матерій улеглась Фульво, козуля монсиньора св. Эвстахія.

Дружба Викторьена и Піи становилась все тѣснѣе и тѣснѣе въ интимности этого уединенія. Между тѣмъ какъ холодный вѣтеръ носился надъ полями, одѣтыми въ трауръ, двое сиротъ чувствовали, какъ они сближаются между собою; дѣти смутно понимали, что судьба соединила ихъ надолго, пожалуй, навсегда. Благородство души стараго епископа, проникая ихъ юное сознаніе, привязывало обоихъ другъ къ другу узами общечеловѣческой любви.

— Вы мои цыплята,—часто говаривалъ Іоахимъ,—и, болѣе счастливый, чѣмъ Господь Іисусъ, который не могъ собрать чадъ своихъ къ себѣ, я любовно грѣю васъ подъ своимъ крыломъ.

Въ свѣтлый мірокъ, гдѣ имъ такъ отрадно жилось втроемъ, лишь изрѣдка проникали слухи о бѣдствіяхъ настоящаго часа; они ненадолго омрачали его, какъ облако, которое тотчасъ разсѣивалось. Имперія, потрясенная анаѳемами Григорія VII-го; Германія, раздираемая между императоромъ и папою; трепещущая Саксонія, призванная къ покорности Риму, возставшая противъ Генриха и уже залитая кровью въ междоусобной войнѣ; христіанство, омраченное въ одной половинѣ христіанскаго міра; церкви, пораженныя отлученіемъ, загороженныя для вѣрующихъ связками терновника,—всѣ эти великія несчастія вызывали въ дѣтяхъ менѣе сочувствія, чѣмъ зимніе разсказы ихъ учителя, вѣчное предсказаніе надежды, которую онъ имъ вселялъ, законъ любви, который онъ истолковывалъ. Іоахимъ безпрестанно возвращался къ невиннымъ преданіямъ, сохра-

Digitized by Google

няющимся, подобно сокровищу, въ сердцѣ простыхъ, незлобивыхъ людей; въ этихъ исторіяхъ демонъ-искуситель вѣчно бываетъ побѣжденъ. Епископъ любилъ разсказывать о снисхожденіи св. Іоанна Милостиваго, который принималъ грѣхи запечатанными тройной печатью, и разрѣшалъ ихъ, никогда не читая исповѣди; о состраданіи св. евангелиста Іоанна Богослова, который, увидавъ въ Эфесѣ плачущимъ весьма преступнаго юношу, атамана разбойниковъ, упалъ къ ногамъ его и облобызалъ ему руку.

Онъ вѣрилъ въ дружеское обхожденіе дикихъ звѣрей съ отцами—пустынниками; въ волка, который привелъ св. Антонія къ пещерѣ св. Павла Отшельника; въ ворона, который въ тотъ день принесъ обоимъ подвижникамъ двойную порцію хлѣба и плодовъ; въ двухъ львовъ, благодушно явившихся въ тотъ же вечеръ, чтобы выкопать своими когтями могилу св. Павлу, а послѣ погребенія аскета мирно удалиться въ лѣса.

Снѣгъ падалъ на нѣмыя окрестности, на Римъ, на Латранъ; зимній вѣтеръ уныло завывалъ отъ горъ до моря, а двое дѣтей, пріютившись у *brasero*,—причемъ бѣлокурая головка Піи иногда покоилась на плечѣ Викторьена,—видѣли передъ собою лучезарную картину весенней поры церкви.

Но одному важному событію предстояло смутить на нѣкоторое время это ясное счастье. Однажды поутру, незадолго до праздника Рождества Христова, папа велѣлъ позвать къ себѣ въ молельню Викторьена и сказалъ ему:

— Сынъ мой, ты обѣщалъ мнѣ быть всегда готовымъ на призывъ святаго римскаго трона. Завтра я покидаю Римъ, чтобы идти навстрѣчу кающемуся императору къ Альпамъ, а, пожалуй, и въ самую Германію. Я выбралъ тебя, чтобы сопутствовать мнѣ въ рядахъ апостольскаго рыцарства.

И на другой день сынъ Ченчіуса подвигался съ правой стороны папскихъ носилокъ по дорогѣ въ Каноссу.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ВЗГЛЯДЪ ФРАНЦУЗА НА ФРАНКО-РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

Состоявшееся сближеніе Россіи и Франціи, столь демонстративно подтвержденное въ Кронштадтѣ, Тулонѣ, Парижѣ и Копенгагенѣ, произвело великое смущеніе въ средѣ сторонниковъ извѣстнаго направленія и вызвало съ ихъ стороны немало критикъ. Сначала стали отрицать даже и возможность подобнаго сближенія; потомъ,—когда событія наглядно доказали его фактическое существованіе,—стали оспаривать его законность, даже приличіе.

Однимъ изъ корифеевъ названнаго направленія является г. Гефкенъ, извѣстный злосчастный издатель мемуаровъ покойнаго императора германскаго Фридриха III, подвергшійся за это разоблаченіе громоноснымъ ударамъ доживающаго свой вѣкъ опальнаго, и нынѣ полусмирившагося, «желѣзнаго канцлера».

Въ появившейся недавно книгѣ, подъ заглавіемъ: «Россія, Франція и Тройственный союзъ,—взглядъ на прошлое и будущее», г. Гефкенъ, взывая въ своихъ доводахъ къ исторіи, выражаетъ мысль, что, не имѣя твердой почвы въ историческомъ прошедшемъ, союзъ Россіи съ Франціей не способенъ имѣть и будущности. «Уже шесть разъ,—говоритъ онъ,—во время царствованія Петра Великаго, Елизаветы Петровны, Павла Петровича, Александра и Николая Павловичей и Александра Николаевича, Россія пыталась завязать послѣдовательныя сношенія съ Франціей. Надежды, однако, оказались несбыточными. За мимолетнымъ успѣхомъ вскорѣ слѣдовало разочарованье, обыкновенно сопряженное и съ немаловажными взаимными ущербами». Г. Гефкенъ поэтому приходитъ къ заключенію, что и новымъ попыткамъ предстоитъ та же участь, что̀ и прежнимъ.

Французскій публицистъ г. Клотэ (Mr. Clotet) взялъ на̀ себя трудъ возразить г. Гефкену, въ весьма сочувственномъ для Россіи смыслѣ. По его мнѣнію, нѣмецкій писатель въ сущности принимаетъ свои собственныя вожделѣнія за дѣйствительность; еслибы онъ подчинилъ взгляды политика элементарному методу историка и раздѣлилъ бы эпохи, вмѣсто того чтобъ ихъ спутывать безъ всякихъ основаній, онъ, вѣроятно, убѣдился бы въ томъ, что тѣ причины,

Digitized by Google

которыя, дѣйствительно, ранѣе препятствовали союзу Франціи и Россіи,—теперь именно и послужили поводомъ къ ихъ сближенію.

Не вдаваясь въ подробности, г. Клотэ указываетъ на *три* рѣшающіе періода французской исторіи относительно взаимныхъ отношеній между обоими государствами, а именно: стараго режима, революціи и имперіи, и, наконецъ, современный, отъ возстановленія дома Бурбоновъ послѣ Наполеона I—до 1894 г.

I.

Займемся вкратцѣ первымъ изъ этихъ періодовъ.

Съ образованіемъ великихъ державъ въ Европѣ, въ XV вѣкѣ, возникла одновременно и необходимость въ установленіи между ними политическаго равновѣсія. Франція должна была напрягать всѣ усилія, для того чтобъ воспрепятствовать установленію въ центрѣ Европы могущественнаго государства, которое было бы въ состояніи предписывать свою волю и законы остальнымъ державамъ. Вѣковая борьба Франціи, сначала съ австрійскимъ домомъ, потомъ съ Пруссіей, не имѣла иной цѣли. Находясь въ соперничествѣ или непріязни съ Англіей и Испаніей, она должна была въ силу обстоятельствъ обратить свои взоры на востокъ,—по ту сторону германской имперіи.

До тѣхъ поръ, пока Россія была еще московскою Русью, чуждой цивилизаціи и теченію мыслей запада, Франціи трудно было завязать съ нею союзныя отношенія, не смотря на попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи предшественниками Петра Великаго: царями Алексѣемъ и Ѳедоромъ, равно какъ и царевной Софьей,—попытки болѣе инстинктивныя, чѣмъ сознательныя и руководимыя опредѣленною цѣлью.

Дѣло вскорѣ приняло совершенно иной оборотъ, когда возросло и укрѣпилось могущество Россіи съ правомъ голоса въ дѣлахъ остальной Европы. Но сближенію обѣихъ державъ, къ сожалѣнію, служили помѣхою уже заключенные ранѣе Франціею, въ силу политическихъ обстоятельствъ, союзы съ Турціей, Швеціей и Польшей. Эти союзы не могли быть ею нарушены, какъ въ силу дипломатическихъ преданій, такъ и вслѣдствіе долга признательности за оказанныя услуги ей во время борьбы съ Австріей. Къ тому же Франціи приходилось принимать мѣры предосторожности.

На югѣ Турція, къ содѣйствію которой обращался уже Францискъ I въ борьбѣ своей съ имераторомъ Карломъ V и съ которой также заключилъ союзъ Генрихъ II,—была связана болѣе чѣмъ довѣрчивыми отношеніями. Ихъ соединялъ общій обоимъ государ-

Digitized by Google

ствамъ политическій интересъ: вражда противъ габсбургскаго дома. Султанъ въ то время предоставилъ Франціи знаменитыя капитуляціи, отдававшія въ ея руки почти весь католическій востокъ, равно какъ и полное распоряженіе левантійскою торговлею.

На сѣверѣ Швеція, которой со временъ дальновиднаго кардинала Ришельё былъ открытъ доступъ въ европейскія дѣла, не менѣе Турціи озабочивала вѣнскій дворъ.

Въ серединѣ между Турціей и Швеціей, Польша составляла какъ бы соединительное звено. Хотя и слабая по своимъ конституціоннымъ порядкамъ и истекающимъ изъ нихъ постояннымъ партійнымъ распрямъ, но внушительная по своему пространству, Польша все таки оказывалась для Австріи стѣснительною, если и не безусловно опасною, сосѣдкою.

Географическое положеніе Россіи ставило ее роковымъ образомъ въ соперничество съ названными тремя союзницами Франціи. Всѣ три, онѣ преграждали ей естественныя стремленія къ западу, куда влекла ее притягательная сила европейской цивилизаціи и культуры. Владѣя Крымскимъ полуостровомъ, Турція отдѣляла ее отъ Чернаго моря; Швеція, посредствомъ своихъ ливонскихъ и эстонскихъ областей, преграждала Россіи свободный доступъ къ Балтійскому морю. Находясь между Турціей и Швеціей, Польша, съ своей стороны, исполняла роль какъ бы сухопутной заставы. Весьма понятно, что при подобныхъ условіяхъ Россія должна была напрячь всѣ усилія, чтобы разорвать путы, служившія препятствіемъ для ея свободы дѣйствій.

При этихъ условіяхъ, вопросъ самъ по себѣ становился настолько простымъ, насколько разрѣшеніе его оказывалось затруднительнымъ. Россія желала сближенія съ Франціей, но находилась во враждѣ съ ея союзницами. Съ своей стороны, Франціи совершенно невозможно было присоединить Россію къ прежнимъ, долговременнымъ своимъ союзникамъ. Она должна была установить между ними свой выборъ. Къ славѣ древней французской дипломатіи, она осталась вѣрною своимъ обязательствамъ, пока долгъ чести требовалъ этого, даже значительно болѣе, чѣмъ допускали это ея національные интересы.

Пока дѣло не было безповоротно проиграно для Турціи, Польши и Швеціи на почвѣ восточнаго вопроса, Франція поддерживала ихъ противъ Россіи. Но когда Россія пріобрѣла часть ихъ владѣній, она одновременно усвоила себѣ и то политическое вліяніе на дѣла Европы, съ которыми сопрягалось владѣніе завоеванными областями.

Совокупность этихъ обстоятельствъ вполнѣ выясняетъ все прошлое въ отношеніяхъ между обоими государствами, помимо частныхъ и временныхъ недоразумѣній между ними. Сначала недо-

Digitized by Google

вѣрчивыя со стороны Франціи, иногда даже прямо враждебныя политическія отношенія съ Россіей перешли въ самыя дружественныя до эпохи революціи, которая прервала ихъ, разрушивъ одновременно и весь государственный строй во Франціи.

Вскорѣ послѣ побѣдъ, одержанныхъ надъ шведами, Петръ Великій предложилъ Франціи союзъ съ Россіей, взамѣнъ шведскаго. При Екатеринѣ I, предположеніе о бракѣ Елизаветы Петровны съ молодымъ королемъ Людовикомъ XV могло еще болѣе скрѣпить родственными узами это политическое сближеніе. Но новизна такого рода, соблазнившая извѣстнаго герцога Сенъ-Симона—открытаго сторонника русскаго союза—была встрѣчена со щепетильною осторожностью другими лицами, находившимися въ то время у дѣлъ. Предупредительность русскаго двора была принята съ изысканною вѣжливостью, но съ нѣкоторою недовѣрчивостью. Предположенія, какъ извѣстно, не осуществились, преимущественно по двумъ причинамъ; первая заключалась въ соперничествѣ орлеанскаго дома съ домомъ испанскихъ Бурбоновъ, побудившее регента заключить союзъ съ Англіей; вторая,—болѣе коренная и постоянная—была опять таки невозможность жертвовать стародавними союзами.

Уклоненіе Франціи отъ союза съ Россіей повлекло въ то время за собой сближеніе Россіи съ Австріей, что было весьма естественно, такъ какъ Россія находила въ означенномъ сближеніи тѣ же выгоды, которыя предоставлялъ ей союзъ съ Франціей, съ тою разницей, что не встрѣчала затрудненій, препятствовавшихъ его заключенію. На самомъ дѣлѣ, не только тогда не существовало между двумя сосѣдними державами существенныхъ причинъ разногласія, но, напротивъ, общіе имъ обѣимъ враги сближали ихъ. Обѣ онѣ мечтали лишь о согласованіи своихъ дѣйствій, чтобы побѣдить Турцію, удалить шведовъ и разгромить Польшу. Но сближеніе съ Австріей, конечно, должно было повліять во враждебномъ смыслѣ на отношенія Россіи съ Франціей. Дѣйствительно, они дошли до вооруженнаго столкновенія, которое произошло между ними по поводу вопроса о польскомъ престолонаслѣдіи; но столкновеніе окончилось малокровопролитнымъ боемъ подъ Данцигомъ между русскимъ отрядомъ и французами, посланными на помощь королю Станиславу.

Насколько, однако, была кратковременна размолвка между Россіей и Франціей,—и то вызванная болѣе сближеніемъ первой съ Австріей, чѣмъ враждебностью ко второй,—можетъ служить доказательствомъ совокупность военныхъ дѣйствій русскихъ и французскихъ войскъ во время возгорѣвшейся тогда же семилѣтней войны, когда прекратилось соперничество между габсбургскимъ и бурбон-

Digitized by Google

скимъ домами. Во Франціи пришли къ заключенію, что угрожающая опасность исходитъ уже никакъ не отъ побѣжденной и расчлененной Австріи, а отъ протестантской Пруссіи, возросшей и окрѣпшей въ своемъ могуществѣ, благодаря генію Фридриха Великаго, отнявшаго одновременно у Франціи и стародавнее ея вліяніе на множество мелкихъ германскихъ дворовъ.

Эти событія вызвали въ 1756 году такъ называемый «переворотъ въ союзахъ», мысль о которомъ такъ вѣрно оправдалась, хотя ея примѣненію воспрепятствовали ошибки правительства Людовика XV. Россія и Франція тогда имѣли одного общаго союзника—Австрію; одного общаго врага—Пруссію. Послѣ ударовъ, нанесенныхъ русскими войсками Фридриху Великому подъ Кунерсдорфомъ и Гросъ-Іегерсдорфомъ, настало время и возможность для Россіи болѣе сблизиться съ Франціей помимо Австріи, что̀ и было сдѣлано императрицей Елизаветой Петровной. По примѣру Петра Великаго и Екатерины I, она предложила свой союзъ Франціи. Но и въ этотъ разъ французское правительство не рѣшилось измѣнить своимъ политическимъ традиціямъ; оно совершило ошибку, или имѣло великодушіе—не покидать своихъ давнихъ союзниковъ: успѣхи же, одержанные русскимъ оружіемъ, которыми сама Франція косвенно воспользовалась, навели на ея правительство испугъ и тревогу относительно тѣхъ ея союзниковъ. Любопытное доказательство тогдашнихъ вѣяній французской политики находится въ памятной запискѣ, отправленной одному изъ французскихъ представителей и напечатанной въ сборникѣ инструкцій, данныхъ французскимъ посламъ и начальникамъ миссій. Въ этой запискѣ король заявляетъ: «Необходимо замѣтить, что, по своему положенію относительно Европы, Россіи возможно расширить свои владѣнія лишь въ ущербъ Швеціи и Польшѣ,—этимъ древнимъ союзницамъ Франціи, интересы которыхъ, слѣдовательно, должны быть всегда поддерживаемы нами».—Это ясно и опредѣленно. *Самой Франціи нечего опасаться Россіи*, но не таково положеніе ея союзницъ. Она не желаетъ нарушать своихъ обязательствъ и обѣщаній, не входя даже въ разсмотрѣніе: отвѣчаетъ ли такой образъ дѣйствій существеннымъ ея интересамъ. Колебанія версальскаго двора даютъ ключъ къ разнорѣчивости въ отношеніяхъ съ нимъ великой Екатерины.

Въ первой половинѣ ея царствованія, двѣ причины повліяли на взгляды министровъ Людовика XV къ Россіи. Первая заключалась въ томъ, что въ Версали не вѣрили въ долгосрочность царствованія императрицы. Дозволяло ли французскому кабинету чувство осторожности—подвергнуться случайностямъ со стороны правительства, созданнаго дворцовымъ переворотомъ и могущаго подверг-

Digitized by Google

нуться новой перемѣнѣ? Во-вторыхъ, наиболѣе чувствительные удары были нанесены русскими войсками и русскою политикою опять таки тѣмъ же союзницамъ Франціи: — Турціи — отнятіемъ Азова; Польшѣ—поддержаніемъ въ ней внутренней неурядицы и раздоровъ, подготовлявшихъ ея расчлененіе, и, наконецъ, Швеціи, дѣла которой представлялись не въ лучшемъ видѣ. Не угрожая прямо и непосредственно Франціи, Россія тѣмъ не менѣе разрываетъ и уничтожаетъ препоны, заслонявшія ей доступъ къ западу.

Во второй половинѣ царствованія императрицы Екатерины II, все уже окончательно завершилось: Турція болѣе не принимается въ разсчетъ, а если еще и принимается, то лишь только въ виду окончательнаго дѣлежа ея владѣній. Швеція обречена на немощь. Польша начинаетъ страдать предсмертными судорогами. Не было болѣе поводовъ для Франціи приносить въ жертву саму себя, въ угоду проигранному дѣлу ея союзниковъ. Коренныя преграды къ болѣе тѣсному сближенію исчезли и это сближеніе само собою совершилось; первымъ послѣдствіемъ его была обоюдовыгодная политическая мѣра: присоединеніе Россіи къ лигѣ нейтральныхъ державъ противъ назойливаго, все болѣе возраставшаго, морскаго могущества Великобританіи. Сближеніе Россіи съ Франціей послужило также и тому, что устранило бѣдствія всеобщей войны по поводу баварскаго наслѣдія. Сближеніе это увѣнчалось въ 1787 г. заключеніемъ торговаго договора, еще тѣснѣе связавшаго добрыя отношенія между обоими государствами.

Но французская революція внезапно прервала всѣ хорошіе зачатки и не дала той жатвы, которую можно было ожидать отъ добраго посѣва. Появились *двѣ Франціи*: древняя, королевская, и новая, революціонная. Весьма понятно, что въ борьбѣ между ними императрица приняла сторону первой противъ второй, видя въ ней олицетвореніе власти, преданія и законнаго порядка. Въ Россіи отнеслись, однако, болѣе враждебно къ революціи, чѣмъ къ самой Франціи. Когда же стало невозможнымъ сохранять долѣе разграниченіе между обоими принципами, тогда послѣдовало временное примиреніе. Будущимъ отношеніямъ между обоими народами предстояла новая цѣль, изслѣдованію которой будетъ посвящена слѣдующая глава.

II.

Попытки королевской Франціи сблизиться съ Россіей сдѣлались болѣе успѣшными только въ послѣдніе дни существованія монархіи, которая долго не рѣшалась приступить къ этому сближенію, руководимая своею старою политическою системою, заключавшейся, какъ

Digitized by Google

выше сказано, въ затрудненіи нарушить прежніе союзы съ Турціей, Швеціей и Польшей.

Положеніе измѣнялось кореннымъ образомъ съ первыхъ временъ установленія республики во Франціи. Польша болѣе не существуетъ. Турція и Швеція побѣждены и не могутъ имѣть болѣе прежняго значенія. Сила обстоятельствъ влечетъ одну страну навстрѣчу другой. Измѣнившееся положеніе Европы должно было повліять и на свойство ихъ отношеній: Франція начала заискивать дружбы Россіи.

Съ исчезновеніемъ прежнихъ причинъ, пропятствовавшихъ сближенію, создалось новое, болѣе трудное положеніе, вызванное непомѣрнымъ расширеніемъ предѣловъ Франціи, поставившимъ ее почти въ непосредственныя отношенія съ Россіей; прежніе косвенные интересы между ними дѣлаются прямыми, національными. Колебанія въ ихъ политикѣ, вслѣдствіе этого новаго положенія, не могли не принять и болѣе обширныхъ размѣровъ. Охлажденіе Россіи къ Франціи приводитъ ихъ къ вооруженному столкновенію; сближеніе ихъ вѣнчается формальнымъ союзомъ. Въ эту эпоху Россія и Франція находятся въ постоянномъ соприкосновеніи—то на мирной почвѣ, то на воинственной. Дѣло доходитъ до самаго задушевнаго, чарующаго сближенія, вскорѣ, однако, порваннаго, вслѣдствіе разногласія во взглядахъ руководителей обѣихъ странъ. Дружба превращается во вражду, вызвавшую эпическую драму 12-го года, со всѣми ея послѣдствіями.

Насильственные захваты временъ директоріи возбудили тревогу Россіи. Однако, Екатерина II-ая хотя и принимала участіе въ первой коалиціи, направленной противъ Франціи, но ограничила свое участіе платоническими пожеланіями и совѣтами Австріи и Пруссіи, направленными только противъ якобинцевъ, не издерживая изъ русской казны ни единаго рубля, не проливая ни одной капли русской крови въ угоду и на пользу коалиціи. Все свое вниманіе, всѣ свои стремленія императрица обратила въ сторону чисто русскихъ интересовъ по направленію Балканскаго полуострова и Польши.

Хотя и будучи фактически членомъ коалиціи противъ Франціи, императрица оказала ей въ это время не прямую, но весьма существенную услугу. Возбудивъ своими военными и политическими успѣхами зависть и опасенія остальной Европы, императрица отвела отъ Франціи грозный ударъ той же Европы, уже готовой ринуться на нее и ее уничтожить; она явилась неожиданною для нея вспомогательною силою, не скрывая своей враждебности къ самой революціи.

Участіе Россіи во второй коалиціи противъ Франціи, въ цар-

Digitized by Google

ствованіе императора Павла Петровича, дѣлается и болѣе дѣятельнымъ, и болѣе угрожающимъ. Здѣсь политическіе интересы заглушаются принципіальными вопросами. Французская республика, въ упоеніи успѣха, становится уже соперницею Россіи. Присоединеніемъ Іоническихъ острововъ она вступаетъ въ область восточнаго вопроса и давленіемъ на Порту въ томъ или другомъ смыслѣ можетъ вліять на дальнѣйшія судьбы ея, вызывая весьма понятныя опасенія со стороны Россіи, которая, вслѣдствіе этого, вынуждена приступить къ коалиціи и начать знаменитую суворовскую эпопею, покрывшую неувядаемой славой русское войско, но не принесшую ожидаемыхъ плодовъ по оплошности австрійцевъ, вслѣдъ затѣмъ наголову разбитыхъ при Маренго.

Подавленіе Бонапартомъ анархіи во Франціи внезапно прекратило главную причину разлада русскаго правительства съ французскимъ; къ тому же своекорыстный образъ дѣйствій Англіи естественно привелъ ихъ вновь къ сближенію. По примѣру императрицы Екатерины и Людовика XVI, русскій царь и первый консулъ стали во главѣ новой нейтральной лиги для обезпеченія свободы морей. Соединенная русско-французская армія должна была начать походъ по направленію къ Индіи.

Съ самаго начала царствованія императора Александра I, злой рокъ привелъ Россію и Францію къ новому разладу. Не защита какихъ либо французскихъ интересовъ заставила Наполеона обнажить мечъ противъ Россіи, а политика захватовъ, унаслѣдованная отъ временъ республиканскихъ войнъ. Разрывъ Аміенскаго мира представилъ Наполеону удобный случай обратить свое оружіе противъ Англіи въ единственныхъ досягаемыхъ для него и чувствительныхъ для Англіи мѣстахъ: Неаполѣ и Ганноверѣ. Но неаполитанскій король былъ кліентомъ Россіи; королевство же ганноверское представляло для нея весьма существенный интересъ въ области бассейна Балтійскаго моря. Вступленіе французскихъ войскъ въ предѣлы неаполитанскихъ владѣній представлялось какъ бы униженіемъ для Россіи, покровительницы этого государства; захватъ же Ганновера былъ нѣкоторымъ образомъ угрозою противъ нея. Война сдѣлалась неизбѣжною; предлогомъ къ начатію враждебныхъ дѣйствій послужило коварное умерщвленіе герцога Энгіенскаго (Duc d'Enghien). Россія присоединилась къ Англіи, Австріи и Пруссіи, войдя въ составъ третей и четвертой коалиціи противъ Наполеона.

Не смотря на блистательныя побѣды, одержанныя подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ надъ союзниками, Наполеонъ выказывалъ явное нежеланіе довести дѣло относительно Россіи до безповорот-

Digitized by Google

наго положенія. Осязательные слѣды его образа дѣйствій въ этомъ направленіи находятся въ попыткахъ его отвлечь, еще до начала прусской войны, императора Александра отъ коалиціи, предлагая ему соглашеніе съ нимъ. До исхода возгорѣвшейся войны, императору Александру затруднительно было прислушаться къ предложеніямъ Наполеона. Послѣ же исхода войны, хотя и неудачной, но не нанесшей ущерба нашей военной чести, сближеніе сдѣлалось возможнымъ. Оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ—сначала въ Тильзитѣ, потомъ въ Эрфуртѣ. Желанный и постоянно преслѣдуемый Наполеономъ, еще со дня провозглашенія его консуломъ, союзъ съ Россіей наконецъ состоялся. Цѣль и послѣдствія соглашенія обоихъ императоровъ извѣстны. Въ угоду Россіи, Наполеонъ рѣшился измѣнить кореннымъ образомъ стародавнюю политику Франціи. Онъ пожертвовалъ Турціей и Швеціей, которыя, въ дни невзгоды для него, оказались: первая—бездѣятельною зрительницею; вторая—въ рядахъ его враговъ. По тѣмъ же побужденіямъ онъ возстановляетъ имъ же разбитую и униженную Пруссію, въ которой возгорѣлась непримиримая народная вражда и ненависть за понесенные удары. Онъ даже не воспользовался плодами ваграмскаго сраженія, давшаго ему возможность изъ частей разгромленной Австріи создать въ Германіи новую политическую единицу, въ противовѣсъ враждебной Пруссіи. Учрежденіе польско-саксонскаго герцогства оказалось безцѣльнымъ, создавъ какъ бы намекъ на угрозу, направленную противъ новаго союзника.

Непомѣрное властолюбіе Наполеона и порабощеніе всей Европы, ставшей какъ бы въ вассальное отношеніе къ нему, привело роковымъ образомъ оба государства къ непосредственному сосѣдству и въ прямое соприкосновеніе. Но Россія не могла допустить ни сильной наполеоновской Пруссіи, ни наполеоновской Польши. Всѣ наши историческія преданія не допускали этого. Столкновеніе между Россіей и Франціей сдѣлалось неминуемымъ. Громадность затронутыхъ интересовъ объясняетъ и исполинскіе размѣры, которые приняло столкновеніе. Но это былъ поединокъ изъ-за величія, могущества и преобладанія, не оставившій въ сердцахъ борцовъ ни злобы, ни ненависти, ни чувства мести...

III.

Соперничество между Франціей и Россіей, вызвавшее столкновеніе 1812 г., не породило,—какъ уже сказано,—между ними народной вражды. Отношенія ихъ вернулись къ той точкѣ, на которой они стояли до революціонной эпохи. Но новое сближеніе могло

Digitized by Google

установиться только при благопріятныхъ для того условіяхъ, съ сохраненіемъ обоюдной пользы; оно было поставлено въ зависимость отъ общаго политическаго положенія Европы. Со времени вѣнскаго трактата вплоть до крымской войны (1815 — 1853 г.) не проявляется ни одного факта, который могъ бы повліять какъ на сближеніе, такъ и на удаленіе въ отношеніяхъ обоихъ государствъ. За причинами, вліявшими ранѣе въ томъ или другомъ направленіи, послѣдовалъ періодъ почти полнаго затишья. Источники разлада исчезли, но не было, впрочемъ, и случаевъ къ болѣе близкимъ сношеніямъ,—по той простой причинѣ, что для нихъ не было почвы. Россія не нуждалась въ услугахъ Франціи, которая, съ своей стороны, не искала опоры со стороны Россіи. Добрыя отношенія между ними подвергаются незначительнымъ колебаніямъ, и то только по поводу второстепенныхъ случайностей, которымъ придаетъ нѣкоторое значеніе временное нарушеніе общеевропейскаго спокойствія. Франція и Россія въ этотъ промежутокъ времени—ни враги непримиримые, ни друзья, дружбу которыхъ нельзя было бы нарушить. Отношенія между ними носятъ слѣды равнодушія другъ къ другу, ограничиваясь поддержкою простой международной вѣжливости, не исключающей, однако, ни чувства преходящаго озлобленія, ни временнаго сочувствія.

Въ продолженіе всей реставраціи Бурбоновъ, отношенія наши остаются хорошими, почти дружескими. Послѣ паденія Наполеона, императоръ Александръ I принялъ на себя великодушную роль заступника за Францію въ совѣтѣ священнаго союза, когда былъ поставленъ вопросъ о расчлененіи Франціи, поднятый злобствующей Пруссіей, недоброжелательной и алчной Англіей, и нерѣшительной Австріей. Вскорѣ послѣ этого, Франція и Россія сражались рука объ руку въ славномъ наваринскомъ бою, при невольномъ участіи Англіи, усмотрѣвшей въ общей побѣдѣ нѣчто въ родѣ полнаго пораженія для себя. При Карлѣ X едва не состоялся формальный союзъ съ Россіей, имѣвшій цѣлью ни болѣе, ни менѣе, какъ измѣненіе, послѣ 15-лѣтняго опыта, постановленій трактата 1815 г. Къ Франціи предполагалось присоединить территорію нынѣшней Бельгіи; Россіи дружелюбно предоставлялась полная свобода дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ. Но государственный переворотъ во Франціи, 1830 г., унесъ, вмѣстѣ съ престоломъ, мечты и вожделѣнія Карла X. Завоеваніемъ Алжира Франція преимущественно обязана дружбѣ Россіи и ея непоколебимому образу дѣйствій, не смотря на завистливые происки Великобританіи, отнюдь не желавшей допустить Францію утвердить свое владычество на сѣверномъ африканскомъ побережьѣ.

Digitized by Google

Въ противоположность этому, во время іюльской монархіи и въ особенности второй имперіи, натянутость отношеній между обоими государствами постепенно усиливается, приведя ихъ къ окончательному разрыву и вооруженному столкновенію въ крымской войнѣ. Побужденія и причины, ее вызвавшія, должны быть отнесены къ области случайныхъ, понадобившихся Наполеону III въ династическихъ видахъ, а отнюдь не для достиженія какихъ либо существенныхъ національныхъ французскихъ интересовъ; напротивъ того, Франція понесла громадныя матеріальныя жертвы къ вящей пользѣ Англіи, лишаясь, уничтоженіемъ русскаго черноморскаго флота, сильнаго подспорья какъ для выполненія своихъ традиціонныхъ задачъ въ египетскомъ вопросѣ, такъ вообще и для другихъ своихъ интересовъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря.

Ничто не могло произвести болѣе удручающаго впечатлѣнія на исполненный лойяльности и уваженія къ традиціонной власти характеръ императора Николая I, чѣмъ переходъ французскаго престола къ Людовику-Филиппу, послѣ низверженія законнаго представителя старшей отрасли бурбонскаго дома. Это была, во-первыхъ, побѣда революціи надъ царственнымъ правомъ по волѣ Божіей, а, во-вторыхъ, разрушеніе русскихъ видовъ и плановъ, разсчитанныхъ на содѣйствіе исчезнувшаго союзника. Ближайшимъ послѣдствіемъ вступленія Людовика-Филиппа на французскій престолъ было возстаніе Польши. Пока «король-буржуа» находился на французскомъ престолѣ, мы видимъ цѣлый рядъ недоразумѣній между обоими правительствами, отразившійся даже на народныхъ чувствахъ Россіи.

Но еще болѣе несочувственно, чѣмъ къ Людовику-Филиппу, отнесся императоръ Николай къ Людовику-Наполеону, котораго не только долгое время не рѣшался признавать, но и послѣ признанія не желалъ ставить его на одинъ уровень съ остальными монархами. Всѣмъ извѣстное выраженіе, употребленное царемъ въ заголовкѣ письма къ новому императору, — а именно: «другъ» вмѣсто общепринятаго выраженія: «братъ»,—не служитъ ли тому неопровержимымъ доказательствомъ? Весьма понятно, что при данномъ характерѣ и политико-династическихъ видахъ новаго честолюбца-императора подобное къ нему отношеніе русскаго царя не могло не повліять на дальнѣйшій его образъ дѣйствій. Обида была для него тѣмъ чувствительнѣе, что всего болѣе онъ именно и желалъ полнаго признанія отъ олицетворявшаго въ то время въ Европѣ принципъ «законности» императора Николая.

Многіе изъ историческихъ изслѣдователей той эпохи предполагаютъ, что даже самый зародышъ крымской войны долженъ быть отнесенъ къ этому обстоятельству.

Digitized by Google

Но и здѣсь невозможно усмотрѣть и тѣни преслѣдованія какихъ либо несогласующихся между собой народныхъ интересовъ, и вопросъ сводился только на личные династическіе виды Наполеона III. Крымская война, хотя и покрывшая лаврами французское оружіе, тѣмъ не менѣе была величайшею ошибкою: она не принесла ни малѣйшей пользы самой Франціи, предоставивъ легкую наживу и довольно дешевую выгоду лишь одной Англіи въ ущербъ опекаемой ею Турціи и самой Франціи. Племянникъ не былъ одаренъ дальновидностью своего геніальнаго дяди въ блистательную эпоху порабощенія имъ почти всей Европы. Настоящее французское поколѣніе, вполнѣ признавая ошибку, совершонную въ то время уничтоженіемъ нашего черноморскаго флота, взираетъ иными глазами на появленіе нынѣ въ Средиземномъ морѣ русскаго военнаго флага, который представляетъ для Франціи гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ исключеніе его изъ этого моря. Въ союзѣ съ Франціей онъ служитъ вѣрнымъ залогомъ мира и спокойствія, и можетъ со временемъ установить (съ участіемъ—будемъ надѣяться—и нѣкоторыхъ другихъ военныхъ флаговъ) то равновѣсіе въ Средиземномъ морѣ, которое достигнуто нынѣ на материкѣ Европы въ силу сближенія, нынѣ благополучно установившагося.

Россія столь же чужда была злопамятности относительно Франціи послѣ крымской войны, насколько въ самой Франціи не проявлялось этого чувства послѣ событій 1814 года. Соперничество Александра I и Наполеона I не породило обоюдной національной вражды. Послѣ крымской войны, когда Россіи приходится до сихъ поръ сосредоточиваться и врачевать свои раны, она обращаетъ свои взоры къ Франціи, точно также какъ и Франція обращалась къ Россіи во время и послѣ 1815 года. Впослѣдствіи Россія не сопротивлялась войнѣ за освобожденіе Италіи, а потомъ даже поощряла всѣмъ своимъ вліяніемъ военное занятіе Сиріи французскими войсками, взамѣнъ содѣйствія Франціи въ пользу христіанскихъ населеній Балканскаго полуострова.

Но вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ III дѣлаетъ вторую, еще болѣе крупную политическую ошибку, тѣмъ болѣе крупную, что она ничѣмъ не была вызвана, и не могла принести какой либо осязательной для Франціи выгоды. Его образъ дѣйствій въ 1863 году посягаетъ уже на чисто русскіе интересы: онъ вмѣшивается во внутреннія дѣла Россіи, вызывая на этотъ разъ чувство негодованія и злобы народа уже противъ самихъ французовъ. Послѣдствія тяжко отозвались семь лѣтъ спустя на самой разгромленной и расчлененной Франціи. Наполеонъ III, всего вѣрнѣе, опять таки въ угоду ненавидящей Россію Великобританіи и по ея наущеніямъ, а также

Digitized by Google

въ нѣкоторой мѣрѣ и въ угоду стародавнимъ традиціямъ французовъ, болѣе чѣмъ опрометчиво выступаетъ заступникомъ за возмутившуюся еще разъ въ 1863 г. Польшу. Конечно, подобнаго рода политика мгновенно разрушила созрѣвавшее сближеніе съ Франціей и имѣло прямымъ послѣдствіемъ возстановленіе тѣсныхъ дружескихъ отношеній къ Пруссіи. Опираясь же на эти отношенія, Пруссія захватываетъ Шлезвигъ, выбрасываетъ Австрію изъ германскаго союза и, послѣ разгрома Франціи подъ Седаномъ, осуществляетъ объединеніе великой Германіи, нарушая на долгіе годы нормальное равновѣсіе Европы, къ величайшему ущербу Франціи и съ весьма сомнительною пользою для Россіи. Къ этому времени относится также и исчезновеніе самостоятельныхъ царствующихъ домовъ въ Ганноверѣ, Нассау и Касселѣ.

Принятое въ 1870 г. Россіей, болѣе чѣмъ успокоительное для Пруссіи, положеніе относительно Австріи и совершенная обезпеченность всей прусской восточной границы развязываютъ въ полной мѣрѣ руки прусскимъ вождямъ, дозволяя имъ всѣми своими вооруженными силами ринуться на Францію и, разгромивъ ее, создать могущественное военное государство, столь же угрожающее самостоятельности остальной Европы, какъ въ былое время монархіи Карла V и Наполеона I. Наконецъ, въ 1872 г., къ русско-прусскому союзу примыкаетъ Австро-Венгрія и заключается тройственное соглашеніе, извѣстное подъ названіемъ трехъ-императорскаго союза.

Объединеніе Германіи, при нескрытомъ содѣйствіи Россіи, можетъ до нѣкоторой степени быть приноровлено къ объединенію Италіи, подъ руководствомъ и при вооруженной помощи Наполеона III. Это сравненіе,—по внутренному смыслу событій и, можно сказать, по ихъ послѣдствіямъ,—невольно напрашивается подъ перо.

Только съ 1875 года вновь проявляются первые признаки новаго сближенія Россіи съ Франціей. Германія, взволнованная и напуганная быстрымъ возрожденіемъ Франціи, исцѣлившей въ столь краткій срокъ свои тяжкія и глубокія раны, уже намѣревалась вторично наброситься на Францію для окончательнаго уничтоженія ея. Не смотря на нѣкоторыя сомнѣнія, выраженныя пристрастными въ этомъ вопросѣ лицами, нынѣ достовѣрно, что берлинскій кабинетъ не рѣшился на это новое нападеніе только вслѣдствіе принятаго тогда Россіей положенія. Никто въ Германіи, даже самъ г. Гефкенъ, не отрицаетъ, что предположеніе о новомъ нападеніи на Францію входило въ разсчеты германскаго правительства, и что этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе единственно потому, что встрѣтилъ противодѣйствіе Россіи. Спорнымъ остается лишь во-

Digitized by Google

просъ: кому именно долженъ быть приписанъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Многіе приписываютъ его князю Бисмарку, но онъ самъ и его сторонники всю отвѣтственность взваливаютъ на графа Мольтке и военную партію въ Германіи. По мнѣнію другихъ, покойный императоръ Вильгельмъ лично не былъ склоненъ дать свое согласіе, не сочувствуя сказанному плану.

Какъ бы то ни было, всего вѣроятнѣе, что совѣты, преподанные въ той или другой формѣ императоромъ Александромъ II, возъимѣли рѣшающее вліяніе въ Берлинѣ, положивъ конецъ этому грозному вопросу. Съ той поры какъ Россія высказалась въ неодобрительномъ смыслѣ относительно предполагавшагося нападенія на Францію, Германія — весьма понятно — не рѣшилась на новую борьбу, противъ воли Россіи, рискуя въ этомъ случаѣ фактически вооружить ее противъ себя.

Во Франціи не столько удивились тому, что къ величайшей ея радости и счастію Россія пресѣкла Германіи путь для новаго нашествія, какъ удивлялись политикѣ Россіи, допустившей раньше поступательное движеніе германскаго могущества и даже отчасти способствовавшей ему и ускорившей его.

Берлинскій кабинетъ вполнѣ вѣрно сознавалъ, что политическія событія легко могутъ превратить вчерашнюю союзницу въ завтрашнюю соперницу, даже врага, вслѣдствіе чего Германія начала соображать и приводить въ исполненіе систему мѣръ предосторожности. Объективомъ ея политики стало возможное относительное ослабленіе Россіи, безъ вооруженнаго съ нею столкновенія. Матеріалъ какъ разъ былъ готовъ: начавшіяся смуты на Балканскомъ полуостровѣ, т. е. пробужденіе восточнаго вопроса. Всѣ старанія Германіи были направлены къ тому, чтобы поощрить вмѣшательство Россіи въ пользу угнетеннаго православнаго населенія полуострова, причемъ она ясно давала понять, что этому дѣлу съ ея стороны не встрѣтится препятствія. Не служитъ ли тому яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ еще памятная многимъ знаменитая рѣчь въ рейхстагѣ, въ которой, между прочимъ, Бисмаркъ высказалъ мнѣніе, что у Германіи нѣтъ такихъ существенныхъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ, которые «стоили бы костей хоть одного померанскаго гренадера». Нескрываемое одобреніе Германіей турецкой войны и даже выраженное ею Россіи сочувствіе въ этомъ дѣлѣ было въ глазахъ всего міра равносильно выраженію германской признательности за услуги, оказанныя нами въ 1870 г. Послѣ же войны, на Берлинскомъ конгрессѣ, *честный маклеръ*, — какъ самъ себя назвалъ желѣзный канцлеръ,—показалъ, не стѣсняясь уже ничѣмъ, каковъ былъ настоящій смыслъ и этой «признательности», и его

Digitized by Google

личнаго безпристрастія [1])! Первая мѣра «предосторожности» имѣла малый успѣхъ.

Вторая мѣра заключается въ томъ, чтобъ направить, удаленную изъ Германіи, Австрію на востокъ, гдѣ, въ силу вѣковаго призванія русской политики и разнородности русскихъ и австрійскихъ интересовъ, всегда возможны на пользу Германіи такого рода событія, которыя нынѣ, какъ Россія, такъ и Австро-Венгрія, всѣми силами стараются улаживать дружелюбными и мирными путями.

Не менѣе существенною предосторожностью является установленіе тройственнаго союза между Германіей, Австро-Венгріей и примкнувшей къ нимъ Италіей. Подъ названіемъ «лиги мира», союзъ этотъ хотя наружно и направленъ противъ Франціи, тѣмъ не менѣе онъ можетъ оказаться небезполезнымъ и противъ другаго сочувственнаго Франціи государства.

Нельзя въ этомъ перечнѣ не указать еще и на другой способъ желаннаго ослабленія Россіи, которымъ не побрезгали наши непосредственные западные сосѣди,—именно ослабленія ея *на финансовой почвѣ*,—осуществившагося запретомъ котировки русскихъ цѣнностей на берлинской биржѣ и другими стѣсненіями. Но постановленія эти—увы!—имѣли весьма тяжкія имущественныя послѣдствія для самихъ же нашихъ сосѣдей: итогъ потерь, понесенныхъ германскими капиталистами, наскоро сбывавшими русскія цѣнности, были громадны (по извѣстнымъ разсчетамъ, онѣ исчисляются сотнями милліоновъ); на вырученныя же деньги куплены всевозможныя сомнительныя цѣнности, какъ европейскія, такъ и экзотическія. Въ заключеніе Германія прибѣгла къ таможенной войнѣ съ Россіей.

Совокупность изложенныхъ выше фактовъ говоритъ сама за себя. Совершенно достаточно обратить на нихъ вниманіе и сдѣлать выводы изъ ихъ настоящаго значенія и внутренней связи. Поученіе, въ нихъ заключающееся, яснѣе и неопровержимѣе, чѣмъ какія бы то ни были дипломатическія разоблаченія!

Нельзя отрицать изворотливой умѣлости въ шахматныхъ ходахъ германской политики въ настоящемъ; но позволительно усомниться въ ея пригодности и дальновидности въ будущемъ. Въ самой Германіи пришли къ сознанію, что слѣдуетъ остановиться на этомъ скользкомъ пути. Экономическія условія обоихъ сосѣднихъ государствъ, а въ особенности Германіи, къ величайшей радости всѣхъ сторонниковъ общаго мира и спокойствія, разсѣяли надвигавшіяся

[1]) Полное разъясненіе роли Германіи въ послѣдней турецкой войнѣ было дано нашимъ читателямъ въ статьѣ: «Путь къ Берлинскому трактату». (*Наблюдатель*, №№ 1—5).

Digitized by Google

тучи, и мы увидѣли, съ какимъ сочувствіемъ, съ какою предупредительностью во всей Германіи (исключая, конечно, аграріевъ) былъ принятъ вновь заключенный съ Россіей торговый договоръ, заключеніе котораго, конечно, способствовалъ, только что заключенный передъ этимъ, торговый трактатъ между Россіей и Франціей.

Вызванное событіями 1863 года охлажденіе и удаленіе Россіи отъ Франціи, вслѣдствіе германской политики тройственнаго союза, должно было прекратиться и вновь смѣниться сближеніемъ, тѣмъ болѣе тѣснымъ и искреннимъ, что дѣло шло о важномъ международномъ интересѣ: возстановленіи и укрѣпленіи нарушившагося европейскаго равновѣсія. Можно положительно сказать, что заключеніе тройственнаго союза породило новое тѣсное сближеніе Франціи и Россіи, прекративъ недоразумѣнія, продолжавшіяся съ 1863 года. Но на этотъ разъ оно не составляетъ спорадическаго факта, или вспышки сочувствія—а является нормальнымъ, послѣдовательнымъ заключеніемъ цѣлой политической эволюціи, имѣющей свои коренныя причины и опредѣленную цѣль. Сближеніе настоящей эпохи—глубоко народное; оно увлекло всю Францію къ Россіи, всю Россію къ Франціи, съ безпримѣрнымъ до сей поры въ лѣтописяхъ національнымъ сочувствіемъ. Россія, первая, протянула свою дружескую руку Франціи и признала ея несомнѣнныя права на подобающее ей мѣсто въ сонмѣ великихъ державъ,—права, временно попранныя понесенными ею ужасающими бѣдствіями. Кронштадтъ, Тулонъ, Копенгагенъ, Парижъ служатъ живымъ одушевленнымъ скрѣпленіемъ новаго сближенія,—будемъ питать надежду,—на долгіе годы.

Съ той поры какъ стало невозможнымъ отрицать существованіе сближенія, пошли толки объ его недолговѣчности, и если прежнія причины, мѣшавшія ему, исчезли, то наросли—говорятъ—новыя и замѣнили ихъ.

Какъ на первую изъ нихъ, указываютъ на глубокое различіе въ формѣ правленія обѣихъ странъ. «*Республиканская* Франція не можетъ-де быть постоянною и вѣрною союзницею *самодержавной* Россіи»,—такъ говорятъ, упуская изъ виду, что внутреннее политическое устройства государство почти никогда и нигдѣ не имѣло вліянія на его внѣшнія дѣла и иностранную политику. Въ XV и XVI вѣкахъ религіозные вопросы, имѣвшіе гораздо болѣе вліянія на умы и общественное мнѣніе, чѣмъ политическія разногласія, не послужили, однако, помѣхой той же католической Франціи вступать въ союзы то съ нѣмецкими лютеранами, то съ нидерландскими кальвинистами, то даже съ магометанскою Турціею. Въ XVII вѣкѣ мы видимъ, что монархическая Франція, управляемая во время

Digitized by Google

малолѣтства Людовика XIV кардиналомъ Мазарини, поддерживаетъ наилучшія отношенія съ республикою Кромвеля. Въ наши дни, не находится ли та же самодержавная Россія въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ великою сѣверо-американскою республикою?

Нѣкоторыя лица указываютъ на то, что непрочность парламентской формы правленія во Франціи можетъ вредно вліять на хорошее веденіе иностранной политики. Это безспорная правда, когда внѣшняя политика созидается на случайныхъ и временныхъ обстоятельствахъ и не основана на національныхъ преданіяхъ. Весьма понятно, что руководитель внѣшней политики страны, не увѣренный самъ въ долгосрочности своего пребыванія на этомъ посту, не будетъ въ состояніи совершить то, что́ исполнили и князь Бисмаркъ и графъ Кавуръ. Но затрудненія исчезаютъ, когда не министерство творитъ политику, а, напротивъ, сама политика указываетъ на путь, по которому должно слѣдовать министерству, если оно хочетъ оставаться вѣрнымъ хранителемъ народныхъ преданій. Въ историческихъ примѣрахъ нѣтъ недостатка: римскій сенатъ, католическая церковь, венеціанская республика, безчисленный рядъ, смѣнявшихъ другъ друга, министерствъ въ Англіи—то тори, то виги—а болѣе всего сама Россія не доказываютъ ли неопровержимо справедливость такого взгляда?

Наконецъ, лица, прекратившія глумиться надъ франко-русскимъ сближеніемъ и выставлять его, какъ праздное измышленіе, нынѣ нападаютъ на него беззастѣнчиво, какъ на угрозу весьма опаснаго свойства. Это, по ихъ мнѣнію, ничто иное, какъ заговоръ съ воинственною цѣлью противъ тройственнаго союза, создавшагося будто бы во имя сохраненія мира. Можно допустить, въ извѣстной мѣрѣ, искренность со стороны германскаго правительства въ его миролюбивыхъ завѣреніяхъ; но ни Франція, ни въ особенности Россія и не противоставляютъ Германіи никакихъ воинственныхъ манифестацій. Пока тройственный союзъ одинъ существовалъ въ Европѣ, общему спокойствію служило ручательствомъ лишь его *умѣренность*. Съ того же дня, какъ состоялось франко-русское сближеніе, къ этому добавилась,—какъ залогъ мира,—необходимая для тройственнаго союза *предусмотрительная осторожность*, на которую, конечно, никто не вправѣ жаловаться...

Выводъ изъ всего сказаннаго простъ и нагляденъ. Сочетаніе взаимныхъ интересовъ всегда вело, въ силу закона тяготѣнія, къ сближенію Россіи съ Франціей. Они объединяли взгляды и образъ дѣйствій, нарушаемый лишь только временными, преходящими причинами, какъ-то: въ эпоху королевской Франціи, заступничествомъ ея за интересы прежнихъ союзниковъ; во время первой рес-

Digitized by Google

публики и первой имперіи—разнорѣчивостью во взглядахъ двухъ великихъ соперниковъ; въ первой части XIX столѣтія—отсутствіемъ общей цѣли, подвергавшимъ политику обоихъ государствъ вліянію случайныхъ событій. Но, съ установленіемъ германскаго объединенія, не только стало возможнымъ сближеніе Россіи съ Франціей, но это сближеніе сдѣлалось логическою необходимостью. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ ожидать, чтобы,—обнимая дальній періодъ будущности,—не встрѣтились безусловно поводы къ временному между ними охлажденію, вызванному какими либо недоразумѣніями, даже прекаліями; таковыми поводами могутъ быть: опрометчивость предписаній, даваемыхъ неопытнымъ, мимолетнымъ министромъ,—какъ напр., въ дѣлѣ снарядовъ, пущенныхъ изъ французскихъ судовъ при Сагалло, въ злополучную экспедицію безшабашнаго «казака» Ашинова,—или необдуманная, односторонняя экономическая политика, которую одобряетъ нынѣ французская палата депутатовъ. Все это будутъ случайныя причины, которыя могутъ на время уклонить, даже пріостановить нормальное теченіе, но онѣ безсильны стать непреодолимою преградою естественному движенію по руслу взаимнаго чувства любви и уваженія одного великаго народа къ другому.

Величайшій умъ конца прошлаго столѣтія, безсмертная, великая Екатерина, съ прозорливостью своего всеобъемлющаго генія, положила твердую основу болѣе тѣсному сближенію обоихъ народовъ. Ея сношенія и переписка съ выдающимися личностями новой французской философской школы оказали несомнѣнную пользу. Она съумѣла извлечь изъ этой переписки всѣ лучшія для тогдашней Россіи мысли и начала, и примѣнила къ жизни все то, что было примѣнимо, выгодно отзываясь на возвышеніи умственнаго уровня русскаго общества. Ей слѣдуетъ безспорно выразить признательность за все то, что пришло къ намъ добраго изъ Франціи, равно какъ и за прочное установленіе того теченія, которое привело къ настоящему сближенію. Дальнѣйшее ознакомленіе другъ съ другомъ, съ каждымъ днемъ, усиливаетъ въ Россіи и Франціи чувства взаимнаго уваженія и довѣрія, столь достойныя двухъ великихъ народовъ. Могущественная, съ каждымъ днемъ возрастающая, богатырская сила и природное благодушіе русскаго народа съ одной стороны; съ другой—безпредѣльное накопленіе умственнаго и матеріальнаго богатства французскаго народа, соединившись крѣпко и тѣсно воедино, сдѣлались вѣрнѣйшими оплотами спокойствія и мира Европы.

Б. К. П.

Digitized by Google

Изъ пѣсенъ любви.

Я бы сны на тебя навѣвалъ,—
Лучезарные сны непробудные...
Я бы сказки тебѣ нашепталъ,—
Сказки рая восторженно-чудныя...

И открылось душѣ бы твоей
Все, къ чему она тщетно стремилася,
Много свѣтлыхъ небесныхъ лучей
Яркимъ свѣтомъ бы въ ней отразилося...

И земли непроглядная мгла,
Побѣжденная пылкими грезами,
Больше насъ бы томить не могла
Безконечной печали угрозами.

Въ свѣтломъ царствѣ святой красоты
Скорбь смутить нашъ покой не посмѣла бы...
Только ввѣрилась сердцу бы ты,
Только ты полюбить захотѣла бы!

Д. Ратгаузъ.

Digitized by Google

ПОПЫТКИ ИЗУЧЕНІЯ НАРОДА.

IV.

Выводъ, къ которому мы пришли, разсматривая нормальныя условія общаго управленія страною и цѣлесообразнаго воздѣйствія государственной власти на населеніе, заключается въ томъ, что, какъ для того, такъ и для другаго, неизбѣжно подробное знаніе, касающееся главныхъ моментовъ народной жизни. Итакъ, практическіе интересы государственной жизни, не говоря уже о цѣляхъ научныхъ, требуютъ всесторонняго изученія условій народной жизни. Наука установила, что не только главнымъ, но и единственнымъ способомъ изученія явленій общественной жизни служитъ методъ статистическій и статистическія данныя являются какъ бы вѣсами, на которыхъ взвѣшиваются наблюдаемыя явленія жизни. Посмотримъ, въ чемъ заключается сущность этого метода. Нѣкогда люди вѣрили, что ходомъ человѣческой жизни управляетъ какая-то внѣ жизни стоящая сила, дающая жизни извѣстный исходъ. По взгляду, тогда господствовавшему, событія не зависятъ отъ воли и желаній людей, явленія вызываются не другъ другомъ, а какой-то силой, извнѣ ими управляющей. Человѣкъ, по этому взгляду, не въ силахъ располагать событіями, онъ не можетъ измѣнить условій своего существованія, такъ какъ личность его является пассивнымъ матеріаломъ, изъ котораго внѣшняя сила дѣлаетъ, что хочетъ. При такомъ состояніи человѣческой мысли, люди не стремились изучать явленія; они безропотно подчинялись своей судьбѣ, и только путемъ гаданій и заклинаній имъ хотѣлось проникнуть въ таинственную область будущаго. Но съ теченіемъ времени измѣняется взглядъ людей на ходъ общественныхъ явленій: дѣятельность людей становится въ прямую зависимость отъ нихъ самихъ, и ихъ силой, умомъ, знаніемъ, свободной волей, опредѣляется все, совершающееся въ общественной жизни. По новому взгляду, общественная жизнь представляется уже не какъ рядъ явленій, вызываемыхъ и направляемыхъ внѣшней силой, а какъ продуктъ свободной дѣятельности людей. Но такъ какъ многое въ жизни людей, какъ бы они ни были сильны и умны,

Digitized by Google

устраивается помимо ихъ воли и разсчета, то въ этой стадіи человѣческаго мышленія, наряду со свободной волей человѣка, признаётся и случай, то содѣйствующій стремленіямъ человѣка, то жестоко разрушающій всѣ его разсчеты, надежды и цѣли. Такой взглядъ несомнѣнно представляетъ весьма важный шагъ впередъ по пути къ научному пониманію общественныхъ явленій, такъ какъ тутъ таинственная сила, не поддающаяся ни пониманію, ни изученію, въ значительной степени замѣняется уже реальной личностью человѣка съ его особенностями и характеромъ. Но и этому взгляду на общественную жизнь не суждено было удержаться въ наукѣ. Дѣло въ томъ, что пока наука занималась выдающимися дѣяніями, сразу и сильно ослѣпившими ее своей яркостью, сѣрая, будничная, однообразная жизнь массы представлялась, какъ совершенно инертный матеріалъ исторіи. Но затѣмъ, когда бытъ народа, условія его существованія удостоились, наконецъ, милостиваго вниманія науки, значеніе «выдающихся дѣятелей»—героевъ—замѣтно ослабѣло и на героевъ начали смотрѣть не только какъ на творцовъ человѣческой исторіи, но и какъ на ея продукты, а жизнь человѣческихъ обществъ явилась результатомъ взаимодѣйствія между дѣятельностью людей и условіями ихъ быта. Такимъ образомъ, дальнѣйшее развитіе человѣческаго мышленія привело къ признанію втораго фактора, болѣе высокаго, чѣмъ первый,—быта народа. Но первый факторъ человѣческой жизни—дѣятельность людей,—который мы признали слабѣе втораго,—условій народнаго быта—способенъ однако сдѣлаться равнымъ, а, можетъ быть, и болѣе сильнымъ факторомъ, если онъ будетъ опираться на точное изученіе послѣдняго. Такимъ образомъ, не таинственная сила и не свободная человѣческая воля, ничѣмъ не обусловленная, абсолютная, управляетъ жизнью страны или общества, а разумная человѣческая дѣятельность, опирающаяся на точное и полное знаніе дѣйствительной жизни. Жизнь общества, какъ и всей вообще природы, есть рядъ фактовъ и явленій, сосуществующихъ или слѣдующихъ одно за другимъ, и подчиненныхъ всеобщему закону причинности. Разъ было установлено, что явленія общественной жизни опредѣляются не волей таинственной силы и не капризомъ отдѣльныхъ личностей, а естественно-историческими условіями народа и разумной человѣческой дѣятельностью; разъ люди поняли, что историческая и культурная сила ихъ заключается въ знаніи дѣйствительной жизни, что вліяніе ихъ на ходъ общественной жизни тѣмъ неотразимѣе и сильнѣе, чѣмъ правильнѣе и полнѣе изучена ими жизнь народа,—явилась настоятельная потребность въ наукѣ объ обществѣ, объ его строѣ и жизненныхъ отправленіяхъ, методахъ изученія общественныхъ явленій, о законахъ

Digitized by Google

человѣческаго общежитія и пр. Потребность въ такой наукѣ вытекаетъ не только изъ научныхъ интересовъ, но и изъ самой практической жизни. Государственная власть, въ своихъ заботахъ о просвѣщеніи и облегченіи матеріальнаго положенія народа, и въ своемъ стремленіи къ серьезному изученію его жизни, должна пользоваться тѣмъ методомъ, который выработанъ наукой объ обществѣ. Для изслѣдованія какого нибудь явленія существуетъ, какъ извѣстно, два средства—опытъ и наблюденіе. Пользуясь этими двумя способами изученія, естественныя науки достигли громадныхъ результатовъ. Общественныя же науки, вслѣдствіе особеннаго характера своего предмета, не могутъ пользоваться опытомъ, такъ какъ не имѣютъ возможности искусственно вызывать изучаемое ими явленіе или что нибудь измѣнять въ немъ, и въ ихъ распоряженіи остается лишь наблюденіе, т. е. изученіе явленія въ его естественномъ теченіи.

Исходя изъ мысли, что все въ мірѣ совершается по опредѣленнымъ законамъ и что это составляетъ общее свойство всѣхъ явленій, общественныя науки стремятся найти закономѣрность и въ изучаемыхъ ими явленіяхъ, пользуясь особымъ пріемомъ наблюденія, который называется статистическимъ. Сущность статистическаго способа наблюденія заключается въ систематическомъ наблюденіи явленія въ цѣлой массѣ его случаевъ, съ количественнымъ выраженіемъ его результатовъ. Необходимость массоваго наблюденія общественныхъ явленій вызывается ихъ особенной природой. Въ противоположность типичнымъ явленіямъ, которыя, завися отъ небольшаго числа постоянныхъ причинъ, по характеру своему не измѣняются въ отдѣльныхъ своихъ случаяхъ, общественныя явленія зависятъ и отъ постоянныхъ, и отъ временныхъ, измѣнчивыхъ причинъ, а потому въ отдѣльныхъ своихъ случаяхъ они представляются различными. Зависимость общественныхъ явленій отъ причинъ измѣняющихся придаетъ отдѣльнымъ ихъ случаямъ особый, индивидуальный характеръ, а потому общественныя явленія принадлежатъ къ группѣ индивидуальныхъ явленій. Изученіе явленій этой послѣдней группы заключается въ опредѣленіи, главнымъ образомъ, постоянныхъ причинъ, вызывающихъ наблюдаемое явленіе, и затѣмъ въ выясненіи общаго характера и силы преходящихъ причинъ, отклоняющихъ отдѣльные его случаи отъ направленія, которое даютъ ему постоянныя причины. Наблюдая индувидуальное явленіе даже нѣсколько разъ, мы не замѣчаемъ его постоянныхъ и неизмѣняющихся причинъ, такъ какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдаемаго явленія эти причины заслоняются измѣняющимися и временными элементами, и явленіе представляется намъ совершенно произвольнымъ. Чтобы обнаружить правильность и закономѣрность

Digitized by Google

индивидуальныхъ явленій, необходимо раскрыть постоянныя причины. Но какъ, спрашивается, сдѣлать это? Для этого требуется не отрывочное, а систематическое наблюденіе, и не надъ нѣсколькими случаями явленія, а надъ цѣлой массой, и точное описаніе каждаго изъ нихъ. Устанавливая систематическое наблюденіе явленія надъ цѣлой массой случаевъ, мы сталкиваемся съ самыми разнообразными его условіями и даемъ возможность проявиться очень многимъ его причинамъ. Изъ сравненія условій, при которыхъ совершался цѣлый рядъ случаевъ, мы увидимъ, что одни условія всегда предшествовали или сопровождали данное явленіе, а другія—только иногда, т. е. одни изъ условій или причинъ были постоянными, а другія—измѣняющимися. Во 2-хъ, массовыя наблюденія опредѣляютъ характеръ постоянныхъ причинъ, характеръ ихъ вліянія на явленіе, такъ какъ массовыя наблюденія усиливаютъ вліяніе постоянныхъ причинъ и ослабляютъ силу измѣняющихся. Это происходитъ отъ того, что, если измѣняющіяся причины, въ отдѣльныхъ случаяхъ явленія, то парализуя, то усиливая вліяніе постоянныхъ причинъ, выражаются почти въ одинаковой съ этими послѣдними силѣ, то, при громадномъ числѣ наблюденій, измѣняющіяся непостоянныя причины, дѣйствуя, то въ ту, то въ другую сторону, взаимно уничтожаются, уравновѣшиваются, вслѣдствіе чего вліяніе постоянныхъ причинъ выражается гораздо сильнѣе и, при общей сводкѣ причинъ изучаемаго явленія, пріобрѣтаютъ первенствующее значеніе. Въ 3-хъ, наконецъ, массовое наблюденіе даетъ намъ возможность измѣрить степень значенія и силу каждаго изъ условій, каждой причины, какъ постоянной, такъ и непостоянной, измѣняющейся. Такимъ образомъ, при изученіи индивидуальныхъ явленій, дѣйствіе постоянныхъ, а, слѣдовательно, главныхъ причинъ выясняется только въ массѣ случаевъ этого явленія, такъ какъ лишь массовыя наблюденія устраняютъ вліяніе случайныхъ причинъ. Выше было сказано, что индивидуальныя явленія характеризуются тѣмъ, что каждый отдѣльный ихъ случай, вслѣдствіе дѣйствія измѣняющихся причинъ, пріобрѣтаетъ всякій разъ особенную окраску, болѣе или менѣе индивидуальный характеръ, уклоняющійся отъ того характера явленія, который сообщается ему постоянными причинами. Спрашивается теперь, какое практическое значеніе имѣетъ изученіе индивидуальныхъ явленій даже съ помощью и статистическаго метода, если имъ выясняются только постоянныя причины и тотъ характеръ явленія, какой сообщается ему этими послѣдними? Прежде всего массовое наблюденіе опредѣляетъ постоянныя и неизмѣняющіяся причины явленія, благодаря чему мы можемъ, дѣйствуя на эти условія, воздѣйствовать

Digitized by Google

на самое явленіе,—уже это одно составляетъ немалую заслугу, такъ какъ, не зная постоянныхъ причинъ явленія и считая его произвольнымъ, мы или совсѣмъ не будемъ воздѣйствовать на него, или же, принимая случайныя обстоятельства за главныя его причины и воздѣйствуя на нихъ, легко придемъ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ нашимъ желаніямъ. Во 2-хъ, зная, благодаря тому же массовому наблюденію, характеръ и силу явленія по тому, какъ они опредѣляются постоянными причинами, мы, правда, не имѣемъ точнаго описанія каждаго отдѣльнаго его случая, всякій разъ пріобрѣтающаго индивидуальный характеръ, но зато это знаніе характеризуетъ намъ ту среду, гдѣ совершается интересующее насъ явленіе, оно даетъ намъ возможность прослѣдить перемѣны въ этой средѣ и сравнить ее съ другой средой. Подобно тому, какъ вѣроятность событія, вычисленная по математической теоріи вѣроятности, не имѣетъ значенія для разрѣшенія отдѣльныхъ случаевъ, но имѣетъ значеніе лишь для большаго ихъ числа (такъ какъ, лишь при весьма большомъ числѣ испытаній, отношеніе числа повтореній къ числу испытаній приближаетъ къ вѣроятности событія) такъ точно и статистическій методъ даетъ такую характеристику явленія, которая, не соотвѣтствуя, можетъ быть, отдѣльному его случаю, опредѣляетъ его типичныя особенности, средній размѣръ, постоянную его тенденцію, внутренній смыслъ, независимо отъ случайныхъ, мимолетныхъ вліяній и обстоятельствъ. Другими словами, статистическій методъ, нейтрализуя дѣйствія случайныхъ причинъ, приближаетъ индивидуальныя явленія къ типичнымъ.

V.

Мы выше сказали, что государственная власть въ Россіи не только сознала необходимость всесторонняго статистическаго изученія народной жизни, но и давно вступила на путь такого изученія. Конечно, сознаніе важности статистическихъ данныхъ въ дѣлѣ разумнаго управленія страной не могло, конечно, явиться сразу,—оно постепенно зрѣло въ умахъ лучшихъ государственныхъ людей и ко времени изданія перваго положенія о губернскихъ статистическихъ комитетахъ (20 декабря 1834 г.) или, еще вѣрнѣе, втораго о нихъ положенія, 26 декабря 1860 г., Россія получила цѣлую систему учрежденій, завѣдывающихъ общей административной статистикой государства.

Съ перваго взгляда, организацію статистическаго дѣла въ Россіи нельзя не признать весьма раціональною, обезпечивающей полноту и достовѣрность свѣдѣній, собираемыхъ о Россіи. И въ дѣйствитель-

Digitized by Google

ности, съ учрежденіемъ губернскихъ и областныхъ комитетовъ, создается органъ, близко стоящій къ дѣйствительности, къ народной жизни, и изучающій жизнь на мѣстѣ, по живымъ ея слѣдамъ. По своей идеѣ, выраженной въ положеніи 1860 г., статистическіе комитеты, непосредственно соприкасаясь съ явленіями и изучая ихъ по всѣмъ правиламъ науки, должны быть средоточіемъ глубокаго знанія мѣстной жизни, и притомъ знанія, опирающагося на прочную почву непосредственныхъ изслѣдованій. Но такая богатая и широкая идея вызвала слишкомъ бѣдную практику, и живые органы изученія мѣстной жизни, каковыми желало сдѣлать ихъ положеніе, въ дѣйствительности оказались совершенно безсильными и малокровными. Такимъ образомъ, статистическая организація Россіи оказалась нецѣлесообразной:—не только люди науки, періодическая печать, но и само правительство признало ее неудовлетворительной и за офиціальными статистическими свѣдѣніями прочно и безспорно укрѣпилась репутація малодостовѣрныхъ. Между тѣмъ, губернскіе статистическіе комитеты пока являются у насъ единственнымъ источникомъ для полученія хоть кое-какихъ свѣдѣній о цѣлой губерніи и о всей Россіи. Вслѣдствіе высокаго значенія комитетовъ, какъ единственнаго источника свѣдѣній, эти учрежденія заслуживаютъ бо́льшаго вниманія и судьбой ихъ опредѣляется судьба статистическаго дѣла въ Россіи. Въ виду безспорной важности у насъ офиціальной статистики и, съ другой стороны, вслѣдствіе ея печальной извѣстности, реорганизація губернскихъ статистическихъ комитетовъ является самымъ неотложнымъ, самымъ назрѣвшимъ вопросомъ нашей жизни. Въ какомъ направленіи должна идти реформа губернскихъ комитетовъ, лучше всего будетъ видно изъ разсмотрѣнія тѣхъ недостатковъ, которыми страдаетъ ихъ современная организація

Главный, коренной недостатокъ постановки статистическаго дѣла въ Россіи заключается, насколько мы понимаемъ, въ отношеніяхъ высшей административной власти къ статистическимъ учрежденіямъ. Ненормальность этихъ отношеній заключается въ томъ, что высшая административная власть предъявляетъ комитетамъ требованія, вытекающія изъ ея собственныхъ нуждъ, совершенно не справляясь, не слѣдя, не изучая силъ отдѣльныхъ комитетовъ; и вотъ причина, почему она обращается ко всѣмъ комитетамъ съ одними и тѣми же требованіями и ее не смущаетъ то обстоятельство, что постоянное требованіе свыше силъ убиваетъ даже въ людяхъ, беззавѣтно преданныхъ статистическому дѣлу, всякую охоту, всякую энергію. Подобно тому, какъ безъ изученія податнаго источника, податныхъ силъ населенія, невозможно правильное установленіе налоговъ, такъ и безъ изученія статистическихъ силъ отдѣльныхъ комитетовъ не-

Digitized by Google

возможно и предъявленіе къ нимъ какихъ нибудь требованій. Правда, всѣ губернскіе статистическіе комитеты организованы однообразно, вездѣ составъ и функціи ихъ одинаковы, но вѣдь общее для всѣхъ нихъ положеніе не можетъ создать ни равенства естественныхъ условій, ни сходства интеллектуальныхъ силъ; все равно какъ общность занятія, напримѣръ, земледѣліемъ, при равенствѣ обрабатываемаго участка, вовсе не указываетъ на равенство результатовъ этой промышленности,—такъ какъ для послѣдняго необходимо равенство еще цѣлой массы другихъ условій: нужно равенство въ естественныхъ условіяхъ, однообразіе въ отношеніяхъ человѣка къ землѣ, болѣе или менѣе одинаковый составъ инвентаря и пр., и пр. Статистическія силы различныхъ комитетовъ также разнообразны, какъ и платежныя силы населенія. Чтобы не истощать хозяйственныхъ силъ Россіи, нужно соразмѣрять налоги съ платежными силами населенія; такъ точно, чтобы не обращать работу губернскихъ статистическихъ комитетовъ въ обязательное для нихъ, но мало производительное пополненіе статистическихъ рубрикъ или, какъ говорится, въ «очистку нумера», необходимо узнать, что могутъ дать точнаго и достовѣрнаго наши губернскіе статистическіе комитеты при ихъ современномъ положеніи. Мало того: если неизбѣжные государственные расходы не могутъ быть покрыты тѣми платежами населенія, которые его не истощаютъ и соотвѣтствуютъ его хозяйственнымъ силамъ, то передъ государственной властью стоитъ задача поднять производительность народнаго труда, возвысить уровень его матеріальнаго благосостоянія и, такимъ образомъ, создать для себя лучшій податной источникъ, могущій безъ ущерба удѣлять больше въ пользу государственной казны. Пока же не достигнута эта цѣль—улучшеніе податнаго источника—государству приходится довольствоваться только тѣмъ, что дѣйствительно можетъ дать населеніе, при современномъ состояніи своихъ платежныхъ силъ. Конечно, высокими налогами, совершенно не соотвѣтствующими платежнымъ силамъ населенія и его производительности, можно установить равновѣсіе государственныхъ расходовъ и доходовъ; но, во-1-хъ, такое равновѣсіе будетъ достигнуто путемъ разоренія населенія и вслѣдствіе этой причины оно окажется лишь временнымъ, а, во-2-хъ, въ государственной практикѣ установится совершенно ложный и опасный пріемъ: нераціональное направленіе государственной дѣятельности въ финансовомъ управленіи страною гибельно скажется на всѣхъ отрасляхъ управленія и на всѣхъ сторонахъ жизни народа. Совершенно то же самое мы видимъ и въ отношеніяхъ высшей административной власти къ статистическому дѣлу. Если для удовлетворенія административныхъ цѣлей государства

Digitized by Google

недостаточно тѣхъ немногихъ, но точныхъ свѣдѣній, которыя могутъ дать наши губернскіе статистическіе комитеты, при ихъ современномъ положеніи, то передъ административною властью стоитъ задача поднять статистическія силы комитетовъ и такимъ образомъ создать для себя лучшій по полнотѣ и точности источникъ, могущій дать дѣйствительныя свѣдѣнія о Россіи. Пока же не достигнута эта цѣль—улучшеніе губернскихъ статистическихъ комитетовъ—административной власти приходится довольствоваться только тѣми свѣдѣніями, которыя соотвѣтствуютъ современному положенію комитетовъ. Но какъ государственные доходы, установленные ради удачнаго сведенія баланса, не служатъ указателемъ экономическаго благосостоянія страны, такъ и обязательно выполняемыя губернскими статистическими комитетами работы, вызванныя потребностями администраціи, не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ ихъ силамъ. Судить о способности нашихъ комитетовъ собирать свѣдѣнія о Россіи по тому, что они собираютъ «по требованію начальства»—значитъ впасть въ немалое заблужденіе. Высшая административная власть тогда только станетъ въ нормальныя отношенія къ статистическимъ органамъ, когда она будетъ брать отъ нихъ не больше того, что́ они могутъ дать. Если же современныя статистическія учрежденія не въ состояніи удовлетворить всей потребности администраціи въ статистическихъ свѣдѣніяхъ, то это обстоятельство должно служить поводомъ и основаніемъ для дальнѣйшихъ улучшеній офиціальной статистики. Можно, конечно, обязать комитеты доставленіемъ полныхъ и по возможности точныхъ свѣдѣній о губерніяхъ; но, во-1-хъ, такія свѣдѣнія, при современномъ положеніи комитетовъ, явятся плодомъ лишь невѣжественнаго вдохновенія и не дадутъ даже приблизительно вѣрнаго представленія о жизни, а, во-2-хъ, ложныя статистическія свѣдѣнія подорвутъ всякое довѣріе общества къ цифрѣ. Конечно, статистическіе комитеты—не образовательныя учрежденія, но они не могутъ не считаться съ тѣми впечатлѣніями, какія ихъ дѣятельность производитъ на общество. Всякому, конечно, извѣстны разсказы анекдотическаго характера о собираніи различныхъ свѣдѣній по губерніямъ; въ этихъ разсказахъ ярко изображается какъ полная готовность волостныхъ правленій, становыхъ приставовъ и другихъ «творцовъ» нашей статистики давать любыя статистическія свѣдѣнія о волости, станѣ и пр., такъ, съ другой стороны, въ этихъ разсказахъ наглядно иллюстрируется и самый способъ добыванія ими свѣдѣній, извѣстный подъ названіемъ «списыванія съ потолка». Не говоря уже о томъ, можно ли отдавать офиціальную статистику въ жертву невѣжественныхъ людей, совершенно не понимающихъ цѣли статистиче-

Digitized by Google

ской работы, спросимъ только, старался ли кто нибудь объяснить низшимъ органамъ нашей офиціальной статистики, какъ слѣдуетъ собирать данныя, заботится ли кто о томъ, чтобы пріучить ихъ къ статистическимъ операціямъ, а, главное, не заваливать ихъ, и безъ того обремененныхъ массой прямыхъ своихъ обязанностей, непосильною—въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ—работой и порученіями. Намъ приходилось знакомиться съ порученіями такого рода, которыя могли бы быть выполнены развѣ въ 1 годъ, а между тѣмъ требовалось выполнить ихъ въ 3—4 мѣсяца. Такимъ образомъ, далеко не всегда оказывается возможнымъ добросовѣстное выполненіе работы,—если же добросовѣстно выполнить нельзя, а выполнить необходимо, остается какъ нибудь сбыть статистическую работу, пополнивъ рубрики какими нибудь цифрами, болѣе или менѣе близкими къ прошлогоднимъ. Эта безцеремонность, съ какой низшіе органы русской статистики изобрѣтаютъ бо́льшую часть матеріаловъ, никоимъ образомъ не можетъ быть поставлена имъ въ вину:—она создана, совершенствуется и крѣпнетъ подъ вліяніемъ крайне ненормальной организаціи дѣла.

VI.

Мы съ умысломъ такъ долго остановились на отношеніи высшей административной власти къ нашимъ мѣстнымъ статистическимъ учрежденіямъ, считая его характеръ—кореннымъ недостаткомъ статистическаго дѣла. Среди другихъ его недостатковъ первое мѣсто нужно отвести отсутствію контроля за дѣятельностью мѣстныхъ комитетовъ и положенію ихъ секретарей, этихъ единственныхъ въ нихъ работниковъ.

Выше мы сказали, что главная причина неудовлетворительности статистическаго дѣла въ Россіи заключается въ томъ, что административная власть требуетъ отъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ не того, что́ возможно для нихъ, при ихъ современномъ положеніи, а того, что́ необходимо самой администраціи для ея многообразныхъ цѣлей. Но, чтобы судить о характерѣ и размѣрахъ тѣхъ свѣдѣній, которыя комитеты въ состояніи собрать сколько нибудь успѣшно, необходимо, во-1-хъ, вообще взвѣсить силы комитетовъ, а, во 2-хъ, зорко слѣдить за ходомъ и степенью успѣшности статистическихъ работъ въ отдѣльныхъ комитетахъ. Чтобы не вводить себя въ заблужденіе относительно вообще силъ комитета, необходимо помнить, что наши губернскіе и областные статистическіе комитеты много ниже положенія о нихъ, что широкая и на первый взглядъ довольно цѣлесообразная организація ститистическаго дѣла создала печальную

Digitized by Google

практику, которую нужно оцѣнить по достоинству и отъ которой слѣдуетъ какъ можно скорѣе отказаться. Затѣмъ, что̀ касается до наблюденія за развитіемъ и ходомъ статистическаго дѣла въ отдѣльныхъ губернскихъ комитетахъ, то для этого необходимо, какъ намъ думается, нѣсколько иначе распредѣлять работу въ центральномъ статистическомъ комитетѣ. Дѣло въ томъ, что центральный статистическій комитетъ нисколько не связанъ съ мѣстными комитетами; онъ не знаетъ даже, кто такіе секретари комитетовъ, какъ они относятся къ важному дѣлу доставленія свѣдѣній; въ центральномъ статистическомъ комитетѣ нѣтъ, наконецъ, людей спеціально знакомыхъ съ естественно-историческими условіями отдѣльныхъ частей Россіи. Правда, положеніе о губ. и обл. статистич. ком. требуетъ, чтобы въ секретари комитетовъ назначались лица, имѣющія ученую степень, или, по крайней мѣрѣ, окончившія высшее учебное заведеніе. Такой высокій образовательный цензъ установленъ, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы комитеты имѣли подходящихъ работниковъ и руководителей, но кому же неизвѣстно, что губернаторы нисколько не стѣсняются такимъ требованіемъ положенія и назначаютъ въ секретари людей даже «съ домашнимъ образованіемъ». Во-2-хъ, чтобы стоять во главѣ статистическаго дѣла, мало еще имѣть дипломъ высшаго учебнаго заведенія—необходимо доказать свою любовь къ дѣлу и нѣкоторую опытность въ немъ. Намъ думается, что въ интересахъ надлежащаго контроля за ходомъ работъ въ мѣстныхъ комитетахъ слѣдовало бы прежде всего, для распредѣленія стекающагося въ центральный статистическій комитетъ матеріала, принять единственно территоріальныя основанія. Мы говорили выше о необходимости раздѣленія Россіи на естественныя области; когда Россія будетъ раздѣлена на естественные районы, вмѣсто нынѣшнихъ искусственныхъ губерній, то нѣсколько такихъ областей можно будетъ соединить въ еще бо̀льшія единицы, на основаніи опять таки сходства ихъ естественно-историческихъ условій. Такъ, получились бы крупные районы—Поволжье, Уралъ, Малороссія, Сѣверный край, Кавказъ и пр.—и во главѣ статистическаго дѣла на пространствѣ каждаго такого района можно будетъ поставить одного изъ редакторовъ центральнаго статистическаго комитета, такъ что весь матеріалъ, стекающійся въ комитетъ, распредѣлялся бы между его редакторами не по отдѣльнымъ отраслямъ административной статистики, а по территоріямъ. Въ настоящее время, при современномъ положеніи статистическаго дѣла въ Россіи, всего неудобнѣе спеціализація статистиковъ по какому нибудь отдѣльному вопросу, т. е. изученіе какого нибудь явленія на пространствѣ всей Россіи. Неудобство такой спеціализаціи обусловливается, во-1-хъ, тѣмъ, что ею отвлекаются рабочія силы русской науки отъ непо-

Digitized by Google

средственнаго и полнаго изученія обширной Россіи по естественнымъ ея частямъ, являющагося твердымъ основаніемъ для выводовъ и заключеній о цѣлой Россіи и требующаго такого контингента спеціалистовъ, какого до сихъ поръ не можетъ выдвинуть наше общество. Во-2-хъ, основывая свои заключенія на совершенно ложныхъ свѣдѣніяхъ, получаемыхъ изъ отдѣльныхъ мѣстностей, разработка какого нибудь вопроса на пространствѣ всей Россіи какъ бы мирится съ совершенно ненормальнымъ положеніемъ нашихъ низшихъ статистическихъ органовъ и считаетъ собираемый ими матеріалъ достаточно пригоднымъ для дальнѣйшей разработки. Намъ кажется, что тотъ день, когда центральный статистическій органъ, впавъ въ спасительное сомнѣніе относительно размѣровъ приносимой имъ пользы, направитъ всѣ свои силы на улучшеніе первичнаго статистическаго матеріала и выдетъ изъ своей рутины,— этотъ день будетъ началомъ обновленія статистическаго дѣла въ Россіи. Въ 3-хъ, наконецъ, спеціализація по отдѣльному вопросу, при современномъ положеніи низшихъ органовъ, не можетъ дать объясненія получаемому явленію, и въ лучшемъ случаѣ она въ состояніи только опредѣлить размѣры этого явленія въ цѣлой Россіи. И въ дѣйствительности, допустимъ, напримѣръ, что какое нибудь лицо спеціализируется на вопросѣ о смертности, рождаемости, объ урожаѣ, грамотности и пр.; каждое изъ такихъ болѣе или менѣе крупныхъ явленій жизни есть только одна изъ ея сторонъ, которая можетъ быть изучена въ связи со всѣми остальными ея сторонами. Жизнь, какъ сложное явленіе, конечно, для первоначальнаго изученія разлагается на простѣйшіе свои элементы—такъ собираются статистическія свѣдѣнія о рождаемости, смертности, заболѣваемости, бракахъ, о числѣ грамотныхъ, о степени обезпеченности населенія, физической годности, занятіяхъ и пр. Но собираніе этого матеріала не можетъ имѣть самостоятельной цѣли; оно является лишь средствомъ для изученія вообще жизни населенія, изученія, выражающагося во всестороннемъ изслѣдованіи и способнаго дать истолкованіе всему матеріалу, собранному объ отдѣльныхъ сторонахъ жизни мѣстности, а также и общую ея картину. Но если положеніе статистическаго дѣла въ Россіи таково, что оно совсѣмъ не гарантируетъ даже полноты и достовѣрности статистическихъ свѣдѣній, то что же сказать о всесторонніхъ изслѣдованіяхъ отдѣльныхъ мѣстностей? Эта задача является теперь только слегка намѣченной. Пока же не выяснены причины даннаго явленія въ предѣлахъ каждой изъ естественныхъ областей Россіи, какъ можетъ быть изучено это явленіе на всемъ ея пространствѣ? Возьмемъ для примѣра рождаемость. Вслѣдствіе того, что мы говорили выше

Digitized by Google

о мѣстныхъ органахъ статистики въ Россіи, намъ кажутся невозможными простая сводка данныхъ объ этомъ явленіи и исчисленіе его коэффиціента. Но предположимъ даже, что у насъ есть уже вѣрныя и полныя данныя и о численности всего населенія, и о количествѣ ежегодно рождающихся, спрашивается, можетъ ли на этомъ остановиться изученіе того явленія общественной жизни, которое называется рождаемостью? Конечно, нѣтъ. Статистическія данныя сами по себѣ ничего не объясняютъ и простое собираніе ихъ не составляетъ еще научнаго изученія, которое идетъ гораздо дальше и не ограничивается лишь измѣреніемъ явленія. Научное изученіе рождаемости заключается въ изслѣдованіи всѣхъ факторовъ, вліяющихъ на это общественное явленіе. Возьмемъ другой примѣръ. Весьма интересно изученіе вопроса о грамотности, которая, какъ извѣстно, находится въ зависимости отъ цѣлаго ряда факторовъ, какъ-то: отъ уровня экономическаго благосостоянія, отъ бытовыхъ, соціальныхъ, религіозныхъ условій, наконецъ, отъ массы другихъ самыхъ разнородныхъ обстоятельствъ — отъ личныхъ качествъ учителей, отъ характера занятій, разстоянія между населенными пунктами, отъ степени подвижности населенія и пр., и пр. Но факторы эти, вслѣдствіе крайняго разнообразія естественно-историческихъ условій Россіи, въ различныхъ ея частяхъ далеко не одинаковы, слѣдовательно, и изученіе одного какого нибудь явленія жизни немыслимо безъ детальнаго изученія всей Россіи. Россія, между тѣмъ, не изучена даже въ главныхъ условіяхъ своего существованія, а тотъ скудный матеріалъ, который собранъ о нѣкоторыхъ сторонахъ ея жизни, представляетъ далеко не одинаковую научную цѣнность и въ количественномъ отношеніи весьма разнообразенъ, т. е. различныя мѣстности изслѣдованы далеко не въ одинаковой степени. Какимъ же образомъ возможно изучить рождаемость или грамотность въ Россіи вообще, если мы не изучали еще этихъ явленій въ различныхъ ея мѣстностяхъ, не говоря уже о томъ, какимъ образомъ возможно получить коэффиціентъ рождаемости или грамотности во всей Россіи, не зная даже приблизительно ея населенія? Итакъ, исходной точкой для спеціализаціи въ настоящее время, какъ намъ думается, должна быть территорія, а не отдѣльная сторона жизни. Заниматься всестороннимъ изученіемъ территоріальной единицы, представляющей болѣе или менѣе общія естественно-историческія условія—задача не только весьма полезная, но и единственно пока возможная. Распредѣленіе статистическаго матеріала между редакторами центральнаго статистическаго комитета по естественнымъ областямъ послужитъ причиной близкаго знакомства ихъ съ отдѣльными территоріальными

Digitized by Google

районами, и комитетъ, вслѣдствіе этого, будетъ имѣть редакторовъ, способныхъ хоть сколько нибудь критически отнестись къ матеріалу, стекающемуся со всѣхъ концовъ обширной Россіи. Какая громадная разница для центральнаго статистическаго комитета между редакторами-спеціалистами по отдѣльнымъ вопросамъ административной статистики и редакторами, хорошо изучившими и непосредственно, и по литературнымъ источникамъ, отдѣльные районы Россіи. Если первые довольствуются всякимъ матеріаломъ, поступающимъ въ комитетъ, вторые—подвергаютъ этотъ матеріалъ строгой критикѣ и относятся къ нему вполнѣ активно. Разъ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ будетъ установлено распредѣленіе матеріала только по естественнымъ областямъ, настоящіе редакторы комитета, такъ сказать, космополиты, обратятся, если можно такъ выразиться, въ патріотовъ, живо и съ любовью относящихся къ своимъ областямъ, и каждый изъ нихъ всѣми отъ него зависящими средствами будетъ заботиться, чтобы статистическое дѣло во ввѣренной ему области, во всякомъ случаѣ, отнюдь не опускалось ниже средняго уровня во всей Россіи. Благодаря тому же обстоятельству, нужно надѣяться, что центральный статистическій комитетъ вступитъ въ болѣе тѣсныя и живыя сношенія съ мѣстными комитетами, вмѣсто теперешнихъ офиціальныхъ обмѣновъ съ ними «предложеніями» и «представленіями». Но редакторы тогда только могутъ оказаться дѣйствительными знатоками нуждъ и потребностей отдѣльныхъ областей, ихъ естественно-историческихъ условій, когда они явятся въ Петербургъ, предварительно пробывъ въ должности секретарей комитетовъ во всѣхъ губерніяхъ, входящихъ въ составъ извѣстной естественной области.

VII.

По дѣйствующему положенію о губернскихъ и областныхъ комитетахъ, секретари послѣднихъ назначаются и увольняются губернаторами, между тѣмъ секретарями въ комитетахъ должны быть лица, извѣстныя центральному статистическому комитету и притомъ доказавшія свою любовь къ статистическому дѣлу и научную подготовку. Для образованія извѣстнаго круга лицъ, способныхъ занять должность секретарей мѣстныхъ комитетовъ, центральный комитетъ долженъ открыть широкій къ себѣ доступъ молодымъ образованнымъ людямъ, желающимъ посвятить себя статистическому дѣлу. Предварительная работа молодыхъ людей, даже съ университетскимъ образованіемъ, въ центральномъ статистическомъ комитетѣ дастъ имъ возможность ознакомиться съ цѣлями и пріемами

Digitized by Google

практической статистики, такъ какъ наши учебныя заведенія не даютъ никакой серьезной подготовки для самостоятельнаго производства статистическихъ операцій. Вотъ что говоритъ проф. Фортунатовъ въ I т. «Итоговъ экономич. изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики»: «Строго говоря, систематической школы для подготовки статистиковъ въ Россіи не существуетъ. Въ университетскомъ преподаваніи, статистика недавно еще относилась къ разряду наукъ словесныхъ и излагалась наряду съ исторіею въ числѣ предметовъ историко-филологическаго факультета. Теперь, какъ извѣстно, она отнесена (даже и въ юрьевскомъ университетѣ) къ числу предметовъ юридическаго факультета и большею частью не имѣетъ особаго преподавателя, а излагается преподавателемъ политической экономіи. Затѣмъ, въ нѣсколькихъ высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ имѣется каѳедра статистики. По своей относительно скромной роли въ ряду другихъ каѳедръ, каѳедры статистики въ Россіи могли имѣть и дѣйствительно имѣли лишь слабое вліяніе на развитіе практической статистики». Такъ какъ секретари комитетовъ имѣютъ совершенно самостоятельное значеніе, то на такія должности лучше всего назначать людей сколько нибудь практически подготовленныхъ къ ожидающимъ ихъ обязанностямъ, т. е. необходимо кандидатовъ на эти должности ознакомить въ стѣнахъ центральнаго статистическаго комитета съ пріемами и цѣлями административной статистики. Пробывъ 1 или 2 года въ центральномъ комитетѣ и ознакомившись какъ съ тѣми административными цѣлями, достиженію которыхъ служатъ губернскіе комитеты, такъ и съ общими пріемами добыванія, группировки и разработки статистическаго матеріала, молодой человѣкъ можетъ получить мѣсто секретаря одного изъ губернскихъ комитетовъ. Такой секретарь, лично извѣстный центральному статистическому комитету, явится дѣйствительно подготовленнымъ лицомъ, между тѣмъ какъ губернаторы, не располагая въ губерніи достаточнымъ числомъ интеллигентныхъ силъ, назначаютъ на должность секретаря комитета въ большинствѣ случаевъ чиновниковъ, совершенно неспособныхъ полюбить статистическое дѣло и хотя бы даже исполнять кое-какъ свои обязанности. Затѣмъ, пробывъ 2—3 года въ каждой изъ губерній, входящихъ въ составъ естественной области, секретарь переходитъ, наконецъ, въ центральный статистическій комитетъ и получаетъ мѣсто одного изъ его редакторовъ. Такимъ порядкомъ назначенія на должности секретарей комитетовъ достигается много выгодныхъ послѣдствій—именно: связь центральнаго комитета съ мѣстными въ лицѣ ихъ главнаго работника—секретаря; затѣмъ этимъ путемъ образуется въ центральномъ комитетѣ составъ редакторовъ, хорошо знакомыхъ съ условіями

Digitized by Google

мѣстной жизни Россіи и способныхъ поэтому критически отнестись къ матеріалу, поступающему въ комитетъ, а въ мѣстныхъ комитетахъ явятся секретари, пріобрѣвшіе уже нѣкоторую практическую опытность въ центральномъ комитетѣ, дѣйствительно посвятившіе себя статистическому дѣлу и независимые до нѣкоторой степени отъ мѣстной власти, иногда равнодушно относящейся къ статистикѣ. Къ сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что тѣ 750 руб., которые теперь получаетъ секретарь комитета, не могутъ, конечно, обезпечивать его существованіе и секретарю необходимо назначить 1500—1800 руб., категорически запретивъ ему при этомъ заниматься какимъ нибудь другимъ дѣломъ.

Роль секретаря въ комитетѣ также должна быть измѣнена. Извѣстно, что, вопреки мысли законодателя, дѣятельность комитета, или, лучше сказать, его секретаря, лишена всякаго живаго участія въ жизни, лишена самостоятельнаго изученія явленій жизни по живымъ ихъ слѣдамъ: въ мѣстныхъ комитетахъ царитъ, наоборотъ неизмѣнный и мертвящій канцеляризмъ. Являясь невольными данниками бюрократизма, мѣстные комитеты видятъ многообразные мѣстные вопросы не въ живой ихъ обстановкѣ и въ существенныхъ условіяхъ, а въ бумажномъ, такъ сказать, видѣ, и весь ихъ трудъ въ большинствѣ случаевъ заключается въ механической сводкѣ цифръ, получаемыхъ отъ низшихъ органовъ, и къ своевременной передачѣ всего матеріала въ центральное учрежденіе. Нормально ли такое положеніе? Прежде всего секретари мѣстныхъ комитетовъ должны руководить дѣятельностью низшихъ статистическихъ органовъ, указывать имъ на лучшіе способы собиранія данныхъ и вполнѣ сознательно относиться къ доставляемому имъ матеріалу. Затѣмъ, чтобы критически относиться къ дѣятельности низшихъ органовъ, секретарь долженъ тщательно и непосредственно изучить свою губернію и имѣть о ней ясныя представленія. Съ этой цѣлью, т. е. съ цѣлью живаго изученія губерніи, необходимо обязать секретаря комитета, по крайней мѣрѣ, мѣсяца 3 въ году посвящать на объѣздъ губерніи, на знакомство съ лицами, занятыми собираніемъ первичныхъ цифръ, и на объясненіе имъ способовъ собиранія и провѣрки данныхъ. Чѣмъ меньше секретарь будетъ сидѣть въ душной канцеляріи своего комитета, чѣмъ чаще онъ будетъ приходить въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, чѣмъ непосредственнѣе будетъ дѣйствовать она на него своей отрезвляющей силой, тѣмъ полнѣе и вѣрнѣе будутъ его представленія о жизни. Но роль мѣстнаго статистическаго органа не можетъ ограничиться лишь собираніемъ данныхъ, способныхъ пролить свѣтъ на ту или иную сторону народной жизни:—онъ долженъ и можетъ дать общую картину этой жиз-

Digitized by Google

ни. Областная жизнь имѣетъ весьма важное значеніе въ общемъ ходѣ государственной жизни. Не зная въ подробностяхъ областной жизни—мы не знаемъ Россіи; не зная нуждъ и интересовъ нашего областнаго быта—мы не знаемъ нуждъ и интересовъ Россіи. Область есть живая часть Россіи, имѣющая своеобразный бытъ, свою исторію, свои особенности, нужды, потребности, свою особенную физіономію, свой особенный характеръ. Опредѣлить особенности внѣшняго и внутренняго быта, дать живую картину жизни мѣстности — такова должна быть дѣятельность мѣстнаго статистическаго органа, являющагося средоточіемъ свѣдѣній о губерніи. Итакъ, кромѣ руководства дѣятельностью низшихъ органовъ, кромѣ сводки данныхъ о губерніи, губернскіе статистическіе комитеты должны заниматься всестороннимъ научнымъ изученіемъ губерній, такъ какъ сами по себѣ статистическія свѣдѣнія опредѣляютъ только размѣръ, степень распространенности извѣстныхъ явленій, нисколько не раскрывая ихъ причинъ. Возьмемъ, напримѣръ, смертность населенія. Если изученіе этого явленія исчерпывается опредѣленіемъ лишь коэфиціента смертности, то какое практическое значеніе будетъ имѣть такая работа? Другое совсѣмъ дѣло, если мы изслѣдуемъ характеръ главныхъ факторовъ, вліяющихъ на здоровье людей въ данной мѣстности, и покажемъ, какіе изъ этихъ факторовъ дѣйствуютъ благопріятно и какіе вредно на здоровье. Коэфиціентъ смертности населенія есть равнодѣйствующая всѣхъ условій, вліяющихъ на здоровье, а научное изученіе вопроса о смертности есть изслѣдованіе каждаго изъ жизненныхъ условій, такъ или иначе дѣйствующихъ на здоровье населенія. Вслѣдствіе этого, рядомъ съ собираніемъ данныхъ текущей статистики, въ мѣстныхъ комитетахъ должна идти работа по научному описанію губерній. Описаніе губерній требуетъ большаго и непрерывнаго труда, а потому центральнымъ комитетомъ должна быть выработана программа изслѣдованія губерній, которая и будетъ выполняться комитетами постепенно. Центральный статистическій комитетъ, какъ намъ кажется, не долженъ имѣть самостоятельнаго значенія: его главная и первая цѣль — служить интересамъ статистическаго изученія Россіи, заботиться о доставленіи необходимаго числа статистиковъ-практиковъ, руководить ихъ дѣятельностью и зорко слѣдить за ходомъ статистическаго дѣла въ отдѣльныхъ губерніяхъ. Самъ по себѣ, центральный статистическій комитетъ не имѣетъ никакого значенія: весь смыслъ его существованія, вся его сила заключаются въ надзорѣ за низшими органами статистики, въ руководительствѣ и направленіи дѣятельности этихъ органовъ. Если это такъ, то существованіе центральнаго статистическаго комитета тѣмъ полезнѣе,

Digitized by Google

чѣмъ дѣйствительнѣе его надзоръ и руководительство дѣятельностью подчиненныхъ ему органовъ статистики. Между тѣмъ, если мы не ошибаемся, настоящее положеніе вещей таково, что высшая административная власть облекла центральный комитетъ однимъ лишь правомъ разработывать свѣдѣнія, поступающія изъ мѣстныхъ комитетовъ, не вмѣнивъ ему въ обязанность и не давъ дѣйствительно-вѣрныхъ средствъ для того, чтобы онъ могъ вліять на жизнь и дѣятельность послѣднихъ. Высшая административная власть, для нуждъ которой и существуетъ административная статистика, дала извѣстную организацію какъ мѣстнымъ комитетамъ, такъ и центральному, возложивъ на нихъ лишь обязанность дѣлать сводку, и нисколько не обезпечила правильность полученія первичныхъ цифръ, не только не создавъ для этой цѣли никакихъ низшихъ спеціальныхъ органовъ, но не озаботившись даже приспособить хотя бы не спеціальные статистическіе органы къ потребностямъ статистики, объяснить этимъ органамъ цѣли, указать имъ способы собиранія и провѣрки статистическихъ свѣдѣній. Съ другой стороны, губернскіе комитеты, какъ и центральный статистическій, не располагаютъ почти никакими средствами для контроля за дѣятельностью низшихъ органовъ, занятыхъ собираніемъ сыраго статистическаго матеріала. Что касается дѣятельности низшихъ органовъ, то необходимо установить строгій и дѣйствительно надежный контроль надъ ними со стороны секретаря комитета и вообще его членовъ. Для выработки же цѣльной и однообразной системы организаціи низшихъ статистическихъ органовъ, необходимо созваніе общаго статистическаго съѣзда въ Россіи, который одинъ только можетъ выяснить соединенными силами секретарей мѣстныхъ комитетовъ и центральнаго статистическаго комитета, необходимо ли создать спеціальный низшій органъ статистики въ каждомъ уѣздѣ, въ каждой волости, или же возможно улучшеніе статистическаго дѣла путемъ разумнаго пользованія трудомъ полицейскихъ чиновъ, духовенства, учителей, непремѣнныхъ членовъ крестьянскаго присутствія, податныхъ инспекторовъ и пр. не спеціальныхъ органовъ. Заканчивая разсмотрѣніе общаго статистическаго дѣла въ Россіи, мы скажемъ, что высшая административная власть должна соразмѣрять свои требованія со средствами статистическихъ органовъ, и, находя пользу и интересъ лишь въ вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣніяхъ, должна внимательно слѣдить за способами ихъ добыванія, гарантировать вѣрность первичныхъ цифръ и установить надлежащій надзоръ за дѣятельностью низшихъ органовъ. Весь центръ статистическаго дѣла страны лежитъ въ низшихъ органахъ и по ихъ положенію, характеру,

Digitized by Google

можно вѣрно судить о степени развитія этого дѣла. Никакой блескъ и богатство высшихъ статистическихъ органовъ не можетъ искупить бѣдности низшихъ: достоинство статистическихъ работъ опредѣляется прежде всего качествомъ сыраго матеріала:—разъ послѣдній не полонъ или мало достовѣренъ, никакая уже сводка, группировка или обработка его не въ состояніи улучшить нашихъ выводовъ о дѣйствительности, хоть на іоту приблизить наше представленіе о жизни къ дѣйствительнымъ ея условіямъ. Для того чтобы цифры отвѣчали дѣйствительности и могли прійти на помощь людямъ практики, общественной и государственной власти, цифры эти должны быть прежде всего вѣрны, а вѣрность первичныхъ цифръ гарантируется качествомъ низшихъ органовъ, занятыхъ ихъ добываніемъ, а не губернскими или центральными учрежденіями, въ настоящее время совершенно пассивно относящимися къ доставляемому имъ матеріалу.

Въ нашу задачу не входило разсмотрѣніе условій и результатовъ изученія народной жизни другими факторами—наукой, земствомъ и изящными искусствами. Мы хотѣли только указать на эти силы и опредѣлить, насколько можетъ быть успѣшною дѣятельность правительственныхъ органовъ, занятыхъ изученіемъ нашей страны и нашего народа.

А. Котельниковъ.

Digitized by Google

СТРАННАЯ ИСТОРІЯ
М-РА РОБЕРТА ДЭЛЯЙЛЯ.

Романъ Олифантъ.

IV.

Есть что-то устрашающее въ пустотѣ той комнаты, обитатель которой неожиданно отсутствовалъ всю ночь. Эта чистота и порядокъ, эта нетронутая постель наполняютъ сердце холодомъ и какъ бы напоминаютъ о вѣчной разлукѣ, неизбѣжно грозящей всѣмъ. Что же должны чувствовать домашніе, когда кто нибудь изъ ихъ семьи исчезаетъ таинственно и внезапно? Когда м-съ Дэляйль заглянула на слѣдующее утро въ уборную своего мужа, ея сердце на мгновеніе сжалось отъ необъяснимаго страха. Но она постаралась успокоиться и прогнать недобрыя мысли. Въ концѣ концовъ, ничего особеннаго не случилось. Мало ли что могло задержать дѣловаго человѣка? Его могли отозвать въ Лондонъ по какому нибудь дѣлу. Единственно, что тревожило ее, это—неполученіе телеграммы. Лѣто едва кончилось, телеграфъ повсюду дѣйствовалъ. Она не могла понять, отчего нѣтъ телеграммы.

— Я увѣрена, что ему неожиданно пришлось ѣхать въ Лондонъ, но почему онъ не телеграфировалъ? — вотъ что непонятно. Еслибъ онъ телеграфировалъ хоть изъ Бервика, я уже давно получила бы телеграмму. Никогда не былъ Робертъ такимъ невнимательнымъ.

— Телеграмма, мамочка!—вскричала Алиса, вбѣгая въ комнату съ давно ожидаемымъ желтымъ конвертомъ. Но едва м-съ Дэляйль взяла его въ руки, какъ тотчасъ бросила съ негодованіемъ и сердито напустилась на дочь:

— Развѣ вы не видите, что это къ м-ру Веддерборну?

Digitized by Google

Бѣдная лэди съ трудомъ подавляла до сихъ поръ свое безпокойство и теперь почувствовала себя почти оскорбленной. Она встала изъ-за стола и начала ходить по комнатѣ, ломая руки. Телеграмма, наконецъ, получена, но не ею! Къ безпокойству прибавился какой-то безотчетный ужасъ. Обманутое ожиданіе вызвало слезы на ея глаза. Она взяла Алису за плечо и тряхнула ее.—Маленькая, беззаботная обезьяна! Развѣ у васъ нѣтъ глазъ?—Бѣдная м-съ Дэляйль въ приливѣ раздраженія сдѣлалась несправедливой. Но черезъ минуту она опомнилась.—Это немного повліяло на мои нервы—произнесла она съ дрожащимъ смѣхомъ, возвращаясь къ столу. Однако, при взглядѣ на разстроенное лицо м-ра Веддерборна, она вскричала:—Не случилось ли чего нибудь... съ Робертомъ?

— Нѣтъ... ничего... Я надѣюсь. Это письмо отъ моего старшаго клерка. Онъ пишетъ: «Необходимо ваше немедленное присутствіе. Боюсь самаго худшаго...» Нѣтъ... нѣтъ... никакой причины предполагать, что это относится къ Дэляйлю. Я только долженъ ѣхать поскорѣе. Вы знаете,—прибавилъ онъ въ поясненіе, съ болѣзненной улыбкой,—что меня часто вызываютъ по неотложнымъ личнымъ дѣламъ.

— О, да!—отвѣтила м-съ Дэляйль,—мы это хорошо знаемъ. Нигдѣ не найдешь стряпчаго добрѣе и лучше васъ. Но вы еще не завтракали...

— Я не могу терять ни минуты—теперь какъ разъ отходитъ утренній поѣздъ.

Дѣвушки кинулись въ прихожую за своими шляпами и побѣжали вмѣстѣ съ м-ромъ Веддерборномъ. Алиса впереди мчалась, какъ стрѣла, чтобы попросить начальника станціи задержать на минуту поѣздъ—любезность, которую часто оказывало желѣзнодорожное начальство обитателямъ Уальтона. М-ръ Веддерборнъ, торопясь и задыхаясь, успѣлъ дать Сизи нѣсколько инструкцій:—На вашемъ мѣстѣ, я извѣстилъ бы Фреда... Его присутствіе необходимо при такихъ обстоятельствахъ. И постарайтесь, чтобы ваша матушка не тревожилась...

— Но, дорогой м-ръ Веддерборнъ... въ чемъ же дѣло?—спрашивала Сизи.—Случилось съ папа что нибудь непріятное?

— Надѣюсь, что нѣтъ, моя дорогая; надѣюсь, что нѣтъ. У меня нѣтъ причины подозрѣвать что нибудь дурное, но только... Я хотѣлъ бы, чтобы Фредъ былъ дома какъ можно скорѣе. И

Digitized by Google

какъ только я узнаю что нибудь въ городѣ—тотчасъ же сообщу. Ждите моего возвращенія къ обѣду. Тогда мы будемъ знать, что̀ дѣлать.

— Надѣюсь, папа̀ будетъ, къ тому времени, дома и отъ души посмѣется надъ нами.

Онъ повернулся и посмотрѣлъ на нее съ улыбкой, представлявшей странную смѣсь отеческой нѣжности, жалости и печали. Сизи была поражена этимъ страннымъ взглядомъ. Въ ея глазахъ вдругъ появилось выраженіе тревожнаго вопроса: нѣжныя губы полураскрылись отъ страха и удивленія.

— О, зачѣмъ вы такъ жалѣете меня, м-ръ Веддерборнъ?— вскричала она.

Но тутъ они подошли къ станціи, гдѣ ожидалъ поѣздъ. Сизи, вмѣстѣ съ младшей сестрой, державшей ее подъ руку, немного запыхавшись отъ быстраго бѣга, остановились на платформѣ. Ярко освѣщенныя солнцемъ, въ своихъ легкихъ утреннихъ платьяхъ и простыхъ соломенныхъ шляпахъ, отѣнявшихъ два нѣжныхъ личика, розовыхъ и свѣжихъ, какъ утро, обѣ дѣвушки представляли зрѣлище до того восхитительное, что добрый стряпчій никогда не могъ его позабыть.—«Бѣдныя, невинныя дѣти!»—сказалъ онъ про собя.

Когда онъ остался одинъ и поѣздъ быстро помчался посреди полей, онъ опять вынулъ телеграмму изъ кармана. «Необходимо ваше немедленное присутствіе. Боюсь самаго худшаго конца. Пожалуйста, не теряйте времени».—Хорошо! въ сущности тутъ нѣтъ ничего про Боба Дэляйля. Это, по всей вѣроятности, насчетъ м-съ Давидсонъ. Должно быть, опять набѣдокурилъ этотъ молодой повѣса Фолкнеръ. Чортъ бы побралъ всѣхъ молодыхъ шалопаевъ! Такъ напугать меня изъ-за пустяковъ!—М-ръ Веддерборнъ почувствовалъ мгновенное облегченіе; глаза его блеснули веселостью.—Конечно, это Фолкнеръ—глупецъ! Ничего нѣтъ общаго съ Бобомъ Дэляйлемъ.

Но, когда онъ вошелъ въ свою контору, лицо его старшаго клерка не предвѣщало ничего хорошаго.

— Вчера, сэръ,—почтительно заговорилъ клеркъ,—поздно вечеромъ, здѣсь былъ одинъ человѣкъ, изъ Мослбурга. Контора была уже закрыта, и онъ отправился ко мнѣ на квартиру. Какъ вамъ извѣстно, сэръ, я живу...

Digitized by Google

— Точно я не знаю, гдѣ вы живете! Продолжайте, продолжайте скорѣй.

— Я говорю, сэръ, про отдаленность моей квартиры, чтобы объяснить, почему запоздалъ телеграммой. Итакъ, сэръ, онъ разсказалъ мнѣ, что въ Мослбургѣ или въ Портобелло — ужь не помню хорошенько гдѣ—нашли на берегу платье, повидимому, принадлежавшее кому нибудь изъ купающихся. Оно лежало тамъ весь день, и никто не обращалъ на него вниманія, пока наконецъ какая-то рыбачка не сказала, что на пескѣ лежитъ платье джентльмена и часы. Найденныя вещи осмотрѣли и въ карманахъ нашли пачку писемъ...

Изъ груди м-ра Веддерборна вырвался трепещущій, нетерпѣливый вздохъ, и онъ протянулъ руку. Въ отвѣтъ на этотъ жестъ, клеркъ, съ почтительнымъ сочувствіемъ, возбудившимъ неожиданную ярость въ душѣ м-ра Веддерберна, подалъ ему небольшой пакетъ.

— Ахъ! развѣ я не предчувствовалъ этого все время?— спросилъ себя м-ръ Веддерборнъ.

Онъ опустился въ кресло, на минуту потерявъ способность говорить и раздраженный видомъ клерка, продолжавшаго стоять возлѣ и качавшаго головой, съ видомъ скорбнаго сострадания—какъ будто это несчастіе касалось его хоть сколько нибудь! «Роберту Дэляйль, эсквайру, Уальтонъ...», знакомая обычная надпись на конвертѣ, ничего не означавшая, кромѣ простаго адреса, а теперь получившая трагическій смыслъ!

— Нашли на пескѣ? Но все ли это, все ли? Ради бога, говорите мнѣ все, что вамъ извѣстно.

Клеркъ, вполнѣ понимая нетерпѣніе м-ра Веддерборна, разсказалъ все. Онъ зналъ очень мало: м-ръ Дэляйль, хорошо извѣстный въ этой сторонѣ, прибылъ на станцію, и многіе видѣли, какъ онъ направился къ морю. Онъ всегда купался въ открытомъ морѣ. Мѣсто было безопасное, день тихій, и онъ хорошо умѣлъ плавать. Берегъ для купанья былъ, правда, уединенный, но м-ръ Дэляйль всегда купался тамъ. Никто не слышалъ криковъ и не подозрѣвалъ случившейся катастрофы. И единственные слѣды ея — одежда, безпечно оставленная на пескѣ, вмѣстѣ съ часами въ жилетномъ карманѣ, выпавшими оттуда, когда вещи стали осматривать. — Тѣло, — закончилъ клеркъ, еще болѣе понижая голосъ,—не было найдено.

Digitized by Google

Тѣло! Нѣтъ, говорить объ этомъ еще слишкомъ преждевременно.

— Его могло увлечь сильное теченіе, и онъ вышелъ гдѣ нибудь на берегъ.

— Какъ, сэръ,—голый? Безъ одежды? Это было бы такое необыкновенное происшествіе, о которомъ стали бы всѣ говорить! Нѣтъ, сэръ, мы все уже обсудили.

— Я долженъ сейчасъ же ѣхать туда,—сказалъ стряпчій.

— Я уже переговорилъ съ Джибсономъ, сэръ.

— Что такое мнѣ вашъ Джибсонъ?—почти заревѣлъ м-ръ Веддерборнъ, раздираемый тревогой, гнѣвомъ и горестью.—Я долженъ ѣхать самъ.

— Получены письма, сэръ,—настаивалъ клеркъ:—они требуютъ отвѣта.

— Письма! когда Бобъ Дэляйль лежитъ гдѣ нибудь мертвый или умирающій...

— О, сэръ — воскликнулъ клеркъ — мы всегда въ рукахъ смерти. Если только это былъ бѣдный м-ръ Дэляйль—а мы не имѣемъ никакой причины сомнѣваться въ этомъ—то онъ уже не нуждается ни въ чьей помощи.

М-ръ Веддерборнъ взмахнулъ по воздуху сжатымъ кулакомъ съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ размозжить голову черезчуръ сострадательному клерку, и, схвативъ шляпу, выбѣжалъ изъ конторы.

— Старый Петъ сегодня не въ духѣ,—произнесъ младшій клеркъ такъ громко, что его услышалъ старшій, послѣ того какъ дверь съ шумомъ захлопнулась за ихъ патрономъ.

— Старый Петъ!—строго повторилъ старшій клеркъ,—если вы подъ этимъ фамильярнымъ, чтобы не сказать обиднымъ, прозвищемъ, подразумѣваете нашего достопочтеннаго патрона, м-ра Веддерборна, то онъ сейчасъ только что узналъ о кончинѣ своего ближайшаго друга. Вы гораздо лучше сдѣлали бы, мой юный другъ, еслибы пожалѣли его, вмѣсто того чтобы насмѣхаться надъ огорченіемъ добраго человѣка.

М-ръ Веддерборнъ помчался въ Портобелло, по слѣдамъ младшаго клерка, уже посланнаго за справками на мѣсто происшествія. Къ счастью, онъ встрѣтилъ ва дорогѣ м-ра Веддерборна и сообщилъ ему результаты своихъ розысковъ. Катастрофа оказалась не вымышленной, и, къ ужасу своему, м-ръ

Digitized by Google

Веддерборнъ узналъ, что слухъ о происшествіи не только распространился повсюду, но даже попалъ въ газету, причемъ, хотя имя утонувшаго не было названо, тѣмъ не менѣе въ газетѣ намекаютъ, что погибшій былъ лицомъ хорошо извѣстнымъ въ обществѣ.—«Они никогда не читаютъ газетъ»,—подумалъ м-ръ Веддерборнъ,—«и ей не придетъ въ голову, что это *онъ*» (называть *его* Бобомъ—теперь было слишкомъ фамильярно).

И когда какой-то господинъ поспѣшно схватилъ его за руку и спросилъ: — Правда ли это? Неужели это былъ бѣдный Дэляйль?—Разбитое сердце м-ра Веддерборна опять наполнилось яростью, какъ будто онъ не допускалъ никакихъ разговоровъ о такомъ ужасномъ предметѣ. Спрашивавшій былъ м-ръ Скримджеръ, у котораго вчера веселился на балу Фредъ. М-ръ Скримджеръ объяснилъ, что онъ узналъ печальную новость изъ газетъ, и, припрятавъ ихъ подальше, чтобы онѣ не попались на глаза бѣдному мальчику и не встревожили его раньше времени, когда еще ничего толкомъ не извѣстно,—поспѣшилъ въ Эдинбургъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Пока онъ говорилъ все это, ихъ окружили знакомые, съ печальными встревоженными лицами. — «Правда ли это?» — «Точно ли это былъ Дэляйль?»—Всѣ были сильно взволнованы.—«Говорятъ, у него дѣла немного пошатнулись», — замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.—«Пустяки!»—возражалъ другой: — «при его средствахъ и дружескихъ связяхъ, ему нечего было бояться,—онъ всегда могъ извернуться».—«И чилійскія акціи, которыя грозили ему разореніемъ, опять подымаются въ цѣнѣ».—«Конечно, это несчастіе произошло случайно»,—проговорилъ кто-то осторожно. Тревожный слухъ м-ра Веддерборна уловилъ это замѣчаніе, и мрачное предчувствіе еще тяжелѣе сдавило ему сердце. Но тутъ всѣ (слава богу!) хоромъ заговорили въ пользу Дэляйля:—Нѣтъ, нѣтъ! Бобъ Дэляйль былъ прекраснѣйшій человѣкъ. Онъ обладалъ умомъ сильнымъ и трезвымъ; жизнь улыбалась ему; онъ имѣлъ прекрасную семью, взрослаго сына въ оксфордскомъ университетѣ, хорошее состояніе, честную репутацію и многочисленныхъ друзей. Если даже и встрѣтилось какое нибудь временное затрудненіе, его легко было бы устранить. Всегда нашлись бы люди, готовые помочь ему. — «Я, напримѣръ», — вмѣшался м-ръ Веддерборнъ съ воодушевле-

Digitized by Google

ніемъ,—«я отправился къ нему вчера спеціально затѣмъ, чтобы предупредить его о моей полной готовности помочь, если только онъ находится въ затрудненіи». — «Бѣдный малый!» «Бѣдный Бобъ!» «Бѣдный Дэляйль!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Никто не имѣлъ ни малѣйшей надежды, что Дэляйль могъ спастись. Онъ прежде всего, конечно, поспѣшилъ бы къ друзьямъ, чтобы ихъ успокоить, да и гдѣ же онъ могъ, если не утонулъ, оставаться до сихъ поръ безъ платья? Въ Шотландіи нѣтъ прокурорскаго надзора, но все же было произведено слѣдствіе по поводу этой неожиданной и трагической смерти, единственнымъ доказательствомъ которой были: одежда, брошенная на пескѣ, пачка писемъ, записная книжка и нѣсколько шиллинговъ, выпавшихъ изъ кармана. Съ болью въ сердцѣ замѣтилъ м-ръ Веддерборнъ увядшую розу въ петлицѣ сюртука—блѣдную чайную розу съ террасы Уальтона. Глаза престарѣлаго стряпчаго затуманились слезами, когда онъ взялъ въ руки полу-засохшій цвѣтокъ, отряхнулъ песчинки, приставшія къ увядшимъ лепесткамъ, и благоговѣйно опустилъ его въ карманъ.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что черезъ нѣсколько недѣль, на восточномъ берегу Портобелло, былъ найденъ трупъ мужчины, совершенно раздѣтаго, какъ еслибъ онъ утонулъ во время купанья. Нѣтъ надобности прибавлять, что черты были уже неузнаваемы, но ростъ и сложеніе, а также отсутствіе одежды, заставили всѣхъ прійти къ заключенію, что это былъ никто иной, какъ Робертъ Дэляйль.

Тѣмъ временемъ роковый день близился къ концу въ Уальтонѣ, ничѣмъ не отличаясь отъ предыдущихъ, посвященный, какъ всегда, мирнымъ домашнимъ занятіямъ. Утро было прекрасное, веселое, и прошло въ хлопотахъ. Это былъ день, когда уплачивались еженедѣльные счеты, и, кромѣ того надо было готовить новыя платья, въ виду наступающей зимы; надо пересмотрѣть и сосчитать бѣлье, принесенное изъ прачешной, чтобы узнать, какія вещи могутъ быть починены и какія необходимо замѣнить новыми. Старая Жанета считалась большой искусницей по части штопанья и всевозможной починки. Она была въ этотъ день особенно, почти лихорадочно дѣятельна: вышла изъ своей комнаты, что̀ случалось очень рѣдко, и разговаривала такъ много и возбужденно, что слуги стали пожи-

Digitized by Google

мать плечами. Безъ приглашенія отправилась она въ комнату экономки, вслѣдъ за м-съ Дэляйль, чтобы провѣрить бѣлье.— «Нѣтъ, не бросайте этихъ вещей—я ихъ отлично заштопаю»— говорила она, видя, что м-съ Дэляйль покачиваетъ головой.— «Что толку кормить и поить меня, если я ничего не буду дѣлать»—прибавила она. Ея голова, немного парализованная, тряслась сильнѣе обыкновеннаго; сморщенныя безкровныя руки дрожали, но голосъ былъ силенъ, и она смѣялась послѣ каждой фразы дребезжащимъ смѣхомъ.

— Я боюсь, что вы сегодня больны, Жанета, — проговорила м-съ Дэляйль.

— О, нисколько! но вы должны мнѣ дать работу, м-съ, должны мнѣ дать работу. Безъ работы человѣка одолѣваютъ разныя мысли.

Когда пересмотръ бѣлья былъ оконченъ, м-съ Дэляйль возвратилась въ гостинную, а старая Жанета отправилась въ свою комнату, съ цѣлой грудой простынь и скатертей. Она была рада, что избавилась отъ старухи. Въ глазахъ старой Жанеты, неотступно устремленныхъ на ея госпожу, свѣтилось что-то странное, точно она знала какую-то тайну, а ея лихорадочная болтливость, сопровождаемая рѣзкимъ дребезжащимъ смѣхомъ, смущала и тревожила м-съ Дэляйль,—она сама не знала почему.

Наступило время завтрака. М-съ Дэляйль сѣла за столъ съ дочерьми, и сердце ея сжалось при видѣ двухъ незанятыхъ мѣстъ, гдѣ слуга, по привычкѣ, поставилъ приборы.

— Я думалъ, м-съ,—пояснилъ онъ со своей обычной торжественностью,—что м-ръ Фредъ будетъ дома, если не самъ баринъ.

— Почему вы это думали?—спросила м-съ Дэляйль почти сердито.—Онъ пріѣдетъ къ чаю съ молодыми людьми изъ Уэствуда. Мы будемъ пить чай на террасѣ, въ половинѣ пятаго, и гостей будетъ человѣкъ шесть.

— Очень хорошо,—отозвался слуга еще болѣе торжественнымъ тономъ и, подобно Жанетѣ, бросилъ многозначительный взглядъ.

М-съ Дэляйль начинала чувствовать что-то похожее на нервное разстройство, чего съ ней никогда не бывало. Она не могла ничего ѣсть. Чтобы прислуга не замѣтила ея безпокой-

Digitized by Google

ства насчетъ мужа, она сослалась на усталость:—«Я утомилась отъ этой возни съ бѣльемъ и отъ разговоровъ старой чудачки Жанеты. Мнѣ надо прилечь отдохнуть послѣ завтрака. Право, я почти жалѣю, что предложила Фреду привезти Скримджеровъ къ чаю».

Если она говорила это затѣмъ, чтобы обмануть дворецкаго, то легко могла бы избавить себя отъ подобнаго безпокойства: почтенный слуга уже читалъ свою утреннюю газету и въ людской шопотомъ передавали другъ другу ужасную вѣсть.—«Помоги, Боже, несчастной женщинѣ»!—произнесъ дворецкій, несовсѣмъ почтительно, но движимый сочувствіемъ къ своей госпожѣ, когда удалился въ свою комнату.—«Она ужасно тревожится, но и не предчувствуетъ того, что произошло».

— Правда ли это?—спросила кухарка, которая была такъ взволнована и огорчена, что считала лишнимъ готовить обѣдъ и предоставила исполненіе своихъ обязанностей судомойкѣ.

— Охъ, очень похоже на правду!—отвѣтилъ дворецкій съ отчаяніемъ,—и боюсь, что сегодня обѣдъ нашъ никому не нуженъ, потому что, рано или поздно, они все узнаютъ. Мнѣ просто невыносимо слушать, какъ они разговариваютъ про гостей и собираются пить чай на террасѣ. Надѣюсь, Скримджеры—не сумашедшіе, чтобы отпустить къ намъ дѣтей въ такое время! Да и никто не пріѣдетъ, потому что, тѣмъ временемъ, новость повсюду разнесется—только *она* ничего не знаетъ.

— О, моя бѣдная, добрая леди!—заголосила кухарка—и бѣдный, добрый баринъ, который былъ со всѣми такъ ласковъ!

— Но только не съ тѣми, кто ему перечилъ,—вставилъ дворецкій.—Я это не къ тому говорю, чтобы его упрекнуть: мертвыхъ упрекать грѣшно.

Вскорѣ возвратился Фредъ. Окна и двери Уальтона были всегда настежъ, и каждый могъ войти, не тревожа прислуги, но дворецкій стоялъ въ прихожей, съ нетерпѣніемъ ожидая молодаго барина и какихъ нибудь новыхъ извѣстій. Юноша быстро вошелъ въ прихожую и тотчасъ же спросилъ:

— Отецъ дома?

Лицо дворецкаго приняло необычайно строгій и торжественный видъ, когда онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, сэръ, они не возвращались со вчерашняго утра.

Digitized by Google

И хотя дворецкій смотрѣлъ такъ многозначительно, что даже стѣны могли бы его понять, Фредъ ничего не понялъ и не сказалъ ни слова. Онъ устремился по лѣстницѣ, перескакивая разомъ черезъ три ступеньки и ворвался въ гостинную, гдѣ сидѣла его мать. Она пробовала лечь, какъ говорила, но не могла уснуть: нервы были напряжены, мысли тѣснились такъ безпорядочно, что она чувствовала шумъ въ ушахъ и что-то подступало ей къ горлу. Она сидѣла у окна, выходившаго къ воротамъ, и все ожидала посыльнаго съ телеграммой, которая могла разомъ разсѣять всѣ ея мучительныя опасенія.

— Какъ вы рано, Фредъ!—сказала она.—И что же съ вами нѣтъ никого?

— Матушка! правда ли, что отца до сихъ поръ нѣтъ?

— Кто вамъ сказалъ это? У вашего отца много важныхъ дѣлъ; онъ часто уѣзжаетъ совсѣмъ неожиданно.

— А, такъ вы знали, что онъ долженъ ѣхать по дѣламъ? Ну, слава богу! значитъ это ужасное извѣстіе въ газетахъ не имѣетъ съ нимъ ничего общаго.

— Какое ужасное извѣстіе? — закричала въ испугѣ м-съ Дэляйль.

Тутъ только Фредъ сообразилъ, что не слѣдовало упоминать объ извѣстіи, которое могло оказаться ложнымъ. Проклиная свою неосторожность, онъ отправился искать газеты, но старый дворецкій, съ деликатной предусмотрительностью запряталъ ихъ подальше, чтобъ онѣ не попались на глаза его госпожѣ. Увы! къ чему было искать газеты — онѣ только могли доказать, что несчастіе, дѣйствительно, совершилось.

Черезъ часъ, на садовой дорожкѣ, послышались шаги м-ра Веддерборна. М-съ Дэляйль продолжала сидѣть въ своемъ креслѣ и не бросилась къ нему на встрѣчу, какъ сдѣлали ея дѣти.—«Все равно, я скоро все узнаю»!—сказала она себѣ.

Въ самой походкѣ стряпчаго было что-то особенное и, еще не видя его лица, она уже знала, что случилось что-то ужасное, и что отсутствіе телеграммы, которую она ожидала съ такимъ нетерпѣніемъ, имѣло въ самомъ дѣлѣ роковой смыслъ.

Чѣмъ-то холоднымъ повѣяло надъ Уальтономъ, точно крыло смерти коснулось его, и всѣ домочадцы столпились вокругъ м-ра Веддерборна, нетерпѣливо желая услыхать всѣ подробности. Потомъ послышался раздирающій крикъ и снова мерт-

Digitized by Google

вое молчаніе воцарилось въ домѣ, какъ затишье передъ бурей.

Странное происшествіе случилось въ этотъ же день съ Фредомъ,—и онъ никогда не могъ забыть его. Когда онъ поднимался по лѣстницѣ въ свою комнату, находившуюся въ верхнемъ этажѣ—блѣдный и несчастный, похожій на тѣнь вчерашняго беззаботнаго юноши—онъ увидѣлъ старую Жанету, стоявшую въ концѣ коридора у дверей своей комнаты. Она протянула къ нему длинную руку изъ складокъ широкой шали и спросила:—Какъ она приняла это, мистеръ Фредъ?—Глаза Жанеты горѣли страннымъ огнемъ. На лицѣ у нея было замѣтно сильное волненіе, но не печаль, хотя она очень любила м-ра Дэляйля, котораго выняньчила на своихъ рукахъ.

— Какъ приняла *это* ваша мать?—И глаза ея блеснули страннымъ любопытствомъ.

— Приняла!?—вскричалъ Фредъ съ негодованіемъ.—Развѣ у васъ нѣтъ сердца, что вы можете говорить такимъ безчувственнымъ тономъ? Сердце матери и наши сердца разбиты...

Голосъ юноши прервался отъ рыданій, которыхъ онъ не въ силахъ былъ заглушить.

— А мое осталось безчувственнымъ — вы это собирались сказать, хотя, видитъ Богъ, что вашъ отецъ былъ для меня дороже всего въ мірѣ. Вы еще молоды, барчукъ, молоды, и ваша мать тоже! А я, — я очень стара. Я видала много непонятнаго на своемъ вѣку. Не забывайте этого и, когда настанетъ для васъ черный день — приходите ко мнѣ за совѣтомъ.

— Къ вамъ!—вскричалъ Фредъ. Въ его тонѣ слышалась насмѣшка. Первое горе, которое поражаетъ насъ въ юности, кажется такимъ огромнымъ, что всѣ другія горести — необходимые спутники человѣческой жизни — ничего не значатъ въ сравненіи съ нимъ. Но вдругъ его охватилъ внезапный, холодный ужасъ.—Къ вамъ!—повторилъ онъ съ необъяснимой болью въ груди и вспомнилъ, какъ отецъ сказалъ ему: «Обратись за совѣтомъ къ старой Жанетѣ». Знала ли она, что отецъ говорилъ ему это? Предчувствовала ли она, что къ нимъ приближается это ужасное, роковое несчастіе?—Фредъ посмотрѣлъ на старуху съ суевѣрнымъ ужасомъ и бросился бѣжать отъ нея и отъ своихъ собственныхъ мыслей.

Digitized by Google

V.

Какъ уже сказано, по поводу смерти м-ра Дэляйля, было произведено тщательное слѣдствіе. Стало извѣстнымъ, что онъ отправился купаться въ Портобелло, сказавши объ этомъ не только своимъ домашнимъ, но также служащимъ въ конторѣ страховаго общества и знакомымъ, съ которыми ему пришлось встрѣтиться. Нашелся джентльменъ, который ѣхалъ съ нимъ въ одномъ вагонѣ и котораго Дэляйль уговаривалъ даже вмѣстѣ купаться, и затѣмъ разстался съ нимъ на поворотѣ дороги, ведущей къ морю. Станціонный сторожъ видѣлъ, какъ м-ръ Дэляйль вышелъ изъ вагона и затѣмъ направился къ морю въ сопровожденіи вышеупомянутаго джентльмена. Въ его поведеніи не было ничего таинственнаго или скрытнаго. Онъ купался на своемъ обычномъ мѣстѣ и ничего не произошло особеннаго вплоть до того момента, когда на пескѣ было найдено платье, а его обладатель исчезъ неизвѣстно куда. И когда, черезъ нѣсколько недѣль, найдено было тѣло м-ра Дэляйля (судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно было думать, что это именно его останки), то всѣ безконечные толки и пересуды, возбужденные этимъ несчастнымъ происшествіемъ, разомъ прекратились. Правда, оставалось еще подозрѣніе, что вмѣсто несчастнаго случая здѣсь могло быть самоубійство. Но ради чего сталъ бы топиться Дэляйль? Правда, ходили слухи о какихъ-то неудачныхъ его спекуляціяхъ и возможномъ разореніи. Но теперь уже всѣмъ было извѣстно, что Пётъ Веддерборнъ, человѣкъ, владѣющій солиднымъ состояніемъ и неограниченнымъ кредитомъ, предлагалъ свои средства въ полное распоряженіе Дэляйля. И вдругъ такой ужасный конецъ, благодаря несчастному случаю! Человѣкъ былъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, имѣлъ преданную, милую жену, прелестныхъ дѣтей, отличное помѣстье, прекрасное положеніе въ обществѣ,—словомъ, жизнь улыбалась ему. Какой жестокій урокъ! «Да, посреди жизни мы находимся въ рукахъ смерти»—такъ говорили всѣ, кто зналъ Роберта Дэляйля и кто относился съ участіемъ къ его безвременной кончинѣ и къ его осиротѣвшей семьѣ. Постепенно вниманіе общества перешло на другіе интересы дня: все рѣже и рѣже стали упоминать въ газетахъ и въ разговорѣ о тра-

Digitized by Google

гическомъ происшествіи и, наконецъ, Робертъ Дэляйль былъ забытъ, словно его никогда не существовало.

Оказалось, что онъ застраховалъ себя на очень большую сумму и, притомъ, въ нѣсколькихъ страховыхъ обществахъ. Надо полагать, что, стоя во главѣ страховаго общества, онъ желалъ своимъ примѣромъ возбудить довѣріе въ кліентахъ. Такимъ образомъ, безвременная смерть отца обезпечивала будущность его сына и дочерей, и могла поправить разстроенное состояніе. Раздумывая объ этомъ, м-ръ Веддерборнъ—единственный душеприкащикъ, кромѣ м-съ Дэляйль—долженъ былъ съ горечью сознаться себѣ, что смерть бѣднаго Боба произошла въ самый удобный моментъ.

М-съ Дэляйль предоставила устройство своихъ дѣлъ м-ру Веддерборну и ни во что не вмѣшивалась. У нея ни разу не явилось подозрѣнія, что Робертъ могъ утопиться. Она покорно приняла страшную вѣсть, не разспрашивая, какъ это случилось. И однако она глубоко печалилась о своемъ добромъ мужѣ; жизнь утратила для нея свою прелесть; она не чувствовала теплоты солнца, не наслаждалась красотой природы—все померкло передъ нею. Робертъ умеръ—къ чему жить, когда его нѣтъ нигдѣ и никогда не будетъ? Она съ радостью готова была промѣнять свое довольство на бѣдность и лишенія, только бы Робертъ былъ съ нею. Ея печаль была чистая, строгая и глубокая. Но печаль не можетъ продолжаться вѣчно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, м-съ Дэляйль уже съ удовольствіемъ смотрѣла на первые весенніе цвѣты, и хотя при этомъ она говорила со слезами: «Какъ любилъ вашъ отецъ первые крокусы!»—но все же это былъ поворотъ къ лучшему. М-съ Дэляйль еще не было и сорока лѣтъ; она обладала прекраснымъ здоровьемъ и нѣжнымъ, спокойнымъ темпераментомъ. На такомъ ясномъ небѣ тучи не могутъ оставаться долго.

Но Фредъ не могъ примириться съ горестной утратой. Еще такъ недавно, во время этой роковой бесѣды съ отцомъ на террасѣ, онъ былъ веселымъ, легкомысленнымъ юношей, а теперь? Онъ никакъ не могъ забыть этого послѣдняго разговора съ отцомъ и странный его совѣтъ, — обратиться за помощью къ Жанетѣ. Еще страннѣе казалось ему, что Жанета, почти буквально, повторила ему послѣднія слова м-ра Дэляйля. Знала ли она что нибудь? Сказалъ ли ей отецъ о томъ, что̀ должно

Digitized by Google

было случиться? Предупредилъ ли о томъ, что произошло совершенно случайно и неожиданно? Или... это не было случайно? Предупредилъ Жанету, что на слѣдующій день онъ умретъ? Фредъ переворачивалъ это въ своемъ умѣ на всевозможные лады, и былъ близокъ къ помѣшательству. Какимъ образомъ она узнала? Кто могъ ей сказать? Что она—ясновидящая, вѣдьма, оборотень? Но Фредъ не вѣрилъ въ оборотней и вѣдьмъ: онъ былъ сыномъ своего вѣка. Тогда кто же она?—Кто? Этотъ вопросъ преслѣдовалъ его такъ неотступно, что онъ не могъ думать ни о чемъ другомъ. Фредъ чувствовалъ, что надо извѣстить судебную власть насчетъ этого разговора на террасѣ. Конечно, это могло быть случайнымъ совпаденіемъ, но совпаденіемъ довольно любопытнымъ. Онъ обязанъ донести объ этомъ, предать гласности любопытный фактъ и предоставить другимъ вывести свои заключенія. Человѣкъ, умершій на другой день, благодаря таинственной, необъяснимой случайности, наканунѣ своей смерти бесѣдуетъ съ сыномъ о томъ, что будетъ онъ дѣлать въ случаѣ внезапной его смерти, и къ кому онъ долженъ обратиться за совѣтомъ, и при этомъ называетъ лицо, съ которымъ, повидимому, совѣщался заранѣе о томъ же самомъ предметѣ.—Что сказалъ бы слѣдователь, выслушавъ это сообщеніе?—спрашивалъ себя Фредъ.—Что сказали бы служащіе въ страховомъ обществѣ? Долженъ ли онъ сообщить объ этомъ непонятномъ и ужасномъ фактѣ, или лучше промолчать?—Бѣдный Фредъ не зналъ, какъ ему поступить. Въ сущности, онъ былъ еще мальчикъ. Онъ не привыкъ дѣйствовать рѣшительно и ни о чемъ не могъ думать, пораженный горемъ и скорбью. Онъ молчалъ, и даже передъ м-ромъ Веддерборномъ, сдѣлавшимся теперь покровителемъ осиротѣвшей семьи, не высказывалъ своихъ чувствъ. Бѣдный мальчикъ былъ очень несчастливъ. Не было причины откладывать отъѣздъ въ Оксфордъ; но онъ и не думалъ ѣхать. Онъ сталъ равнодушенъ къ университету, бродилъ по уальтонскимъ долямъ и все спрашивалъ себя: что хотѣлъ сказать ему отецъ въ тотъ роковой вечеръ, какія мысли наполняли его умъ въ то время, какъ онъ прохаживался съ нимъ въ темнотѣ по террасѣ и слушалъ его веселую болтовню и разсказы про университетскую жизнь? Думалъ ли онъ о томъ, что произойдетъ на слѣдующій день? Зналъ ли онъ, что умретъ, и, сдѣлавъ своей повѣренной Жа-

Digitized by Google

нету, передалъ свою послѣднюю волю этой непріятной старухѣ? Возможно ли это? Или это была случайность, изумительное, необъяснимое совпаденіе? Всѣ эти размышленія, однообразныя и тягостныя, не покидавшія его ни днемъ, ни ночью, дѣлали его до крайности несчастнымъ. По вечерамъ, послѣ обѣда, онъ ускользалъ на террасу и ходилъ тамъ, какъ любилъ ходить его отецъ, въ горькой надеждѣ, что тутъ на него снизойдетъ просвѣтленіе, что, можетъ быть, онъ услышитъ голосъ отца изъ могилы. Но онъ ничего не слышалъ, кромѣ стона деревьевъ, которыя скрипѣли и раскачивались отъ вѣтра, и обычныхъ звуковъ ночи: — журчаніе воды въ темнотѣ, порывистый шумъ вѣтра, зловѣщій крикъ совы, шорохъ падающихъ листьевъ. Эти меланхолическіе звуки скоро заставляли его удаляться въ комнату, но тогда для него казалась еще невыносимѣе веселая гостинная, съ ея пылающимъ каминомъ и яркими лампами, гдѣ его сестры, понемногу, снова начинали перешептываться подъ вліяніемъ задорной юношеской живости.

Все это время онъ тщательно избѣгалъ встрѣчаться съ Жанетой, которая, какъ ни странно это, казалось, менѣе всѣхъ была опечалена горестнымъ событіемъ. Она возмущала его, безчувственная женщина! У нея не нашлось ни одной слезы для человѣка, окружившаго ее заботами и вниманіемъ, обезпечившаго ея старость; для человѣка, котораго она няньчила на своихъ рукахъ! Онъ начиналъ чувствовать что-то похожее на ненависть къ этой старухѣ. Онъ считалъ жестокой обидой, что ему приказано было обратиться къ ней за совѣтомъ, и бѣгалъ отъ нея, какъ отъ прокаженной. Жанета, напротивъ, казалось, искала встрѣчи съ нимъ, внезапно появляясь въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде никогда не бывала. Она была извѣстна своей скромностью, никогда не показывалась на лѣстницѣ или въ коридорѣ безъ особенной надобности, и покидала комнату лишь для того, чтобы посидѣть на солнышкѣ, у дверей прачешной, или перейти въ ту часть дома, гдѣ помѣщалась прислуга. Но теперь старая Жанета измѣнилась. Фредъ видѣлъ ее и въ прихожей, и въ библіотекѣ, и въ галереѣ,—всюду, кромѣ гостинной его матери. И каждый разъ, при встрѣчѣ съ нимъ, она бросала на него многозначительный взглядъ, но не останавливала его. Этотъ взглядъ, казалось, говорилъ:—Когда же вы придете посовѣтоваться со мной? Я жду этого.—Молодой чело-

Digitized by Google

вѣкъ въ гнѣвѣ убѣгалъ отъ нея, но его безпокойство и страхъ возрастали. Призрачная фигура старухи,—въ огромномъ, бѣломъ чепцѣ, завязанномъ черной лентой, въ траурной шали, которую она носила въ знакъ семейнаго горя,—вызывала у него дрожь, какъ будто въ ней воплощалась неумолимая судьба. Онъ боялся того, что̀ она хотѣла ему сказать—боялся услышать что нибудь ужасное, ненавистное; боялся за доброе имя своего отца и за свой собственный покой.

М-ръ Веддерборнъ избавленъ былъ, по крайней мѣрѣ, отъ этой тревоги, хотя катастрофа и нарушила правильное теченіе его жизни. Онъ ничего не зналъ про бесѣду отца съ сыномъ на террасѣ и про Жанету, которая была таинственно замѣшана въ трагической исторіи; но ему тоже было не легко. Общество осталось въ убѣжденіи, что м-ръ Дэляйль могъ легко поправить свои дѣла—если они только были разстроены—благодаря тому, что Петъ Веддерборнъ великодушно предложилъ ему свои средства. Но въ дѣйствительности это вѣдь было не такъ: Петъ Веддерборнъ, съ самой искренней и дружеской готовностью, *собирался* предложить Дэляйлю помощь, когда нежданно разразилась катастрофа. Петъ Веддерборнъ зналъ, что его другъ, отправляясь въ Портобелло, былъ удрученъ безпокойствомъ и заботами о деньгахъ. Что̀, если его несчастному другу пришло въ голову разомъ освободиться отъ всѣхъ заботъ и огорченій, и обезпечить жену и дѣтей? Случай былъ такой удобный—все ему благопріятствовало. Онъ принесъ себя въ жертву семьѣ; онъ сражался за нее, какъ сражался бы въ какомъ нибудь осажденномъ городѣ, и вся разница заключалась лишь въ томъ, что его оружіе было несовсѣмъ честнымъ: не обставь онъ своего самоубійства цѣлымъ рядомъ случайностей, страховая премія не была бы выдана его семейству. Бѣдный Бобъ, бѣдный Бобъ! Не ужасно ли, не обидно ли, что такъ поступилъ честный человѣкъ? Если только онъ сдѣлалъ все это умышленно—его поступокъ безчестенъ, хотя онъ и пожертвовалъ своей жизнью. Эта мысль терзала сердце м-ра Веддерборна. Онъ страдалъ, не зная, какъ разрѣшить свои сомнѣнія, и не смѣя ни къ кому обратиться съ вопросомъ. Нѣтъ, онъ скорѣе умретъ, чѣмъ рѣшится намекнуть объ этомъ хоть одной душѣ. М-ръ Веддерборнъ, благодаря этимъ постояннымъ размышленіемъ, пріобрѣлъ привычку покачивать головой

Digitized by Google

медленно и печально, какъ бы въ отвѣтъ на чьи-то замѣчанія. Онъ мысленно допрашивалъ, колебался, осуждалъ и въ то же время оправдывалъ своего друга. И это печальное, задумчивое покачиваніе головой сдѣлалось привычкой добраго стряпчаго на всю жизнь. Дѣвочки горько оплакивали отца потоками дѣтскихъ слезъ, вполнѣ убѣжденныя, что никогда не будутъ смѣяться опять и никогда не забудутъ свое страшное горе. Они повѣрили всему, что̀ имъ было сказано про смерть м-ра Дэляйля,—будто онъ умеръ отъ разрыва сердца во время купанья—смерть быстрая и не мучительная: человѣкъ умираетъ сразу, даже не сознавая этого. Дѣвочки утѣшали себя мыслью, что ихъ отецъ не страдалъ. Но м-съ Дэляйль была увѣрена, что онъ думалъ о ней и дѣтяхъ въ послѣднюю минуту. Она слышала, что передъ утопающими, въ послѣдній моментъ, проходитъ вся ихъ прежняя жизнь, и знала, что Робертъ думалъ о нихъ, умирая.

Хозяйство и домашняя жизнь Уальтона уже вступили въ новыя рамки къ тому времени, какъ Фредъ возвратился изъ своихъ долгихъ скитаній по Европѣ, предпринятыхъ не столько изъ любви къ путешествію и живописнымъ странамъ, сколько изъ желанія разсѣяться и отвязаться отъ мрачныхъ мыслей, угнетавшихъ его душу. Онъ успѣлъ въ этомъ — въ двадцать лѣтъ не трудно разсѣяться. Но едва онъ успѣлъ возвратиться въ Уальтонъ, какъ старыя воспоминанія и тревоги нахлынули на него съ новой силой и овладѣли его впечатлительнымъ сердцемъ. Былъ май, и Уальтонъ казался почти такимъ же веселымъ и радостнымъ, какъ прежде. Дѣвочки — «бѣдныя созданія», какъ называла ихъ мать—уже утѣшились. Онѣ были такъ молоды, и съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія Фреда, какъ новой эры въ своей жизни. Мрачное горе уступило мѣсто весеннему солнцу и улыбкамъ. Сизи и Алиса были сильно разочарованы, когда, послѣ первыхъ радостныхъ привѣтствій, лицо Фреда снова омрачилось. Вмѣсто того чтобы сидѣть съ ними и болтать обо всемъ, онъ въ первый же вечеръ удалился, нетерпѣливый, почти разгнѣванный ихъ ласками.

— Ахъ, оставьте меня одного! Мнѣ надо подумать о многихъ вещахъ,—сказалъ онъ, отталкивая ихъ сердито, какъ всегда дѣлаютъ взрослые братья.

Сизи и Алиса простили Фреда, когда замѣтили красный

Digitized by Google

огонекъ его сигары на террасѣ и поняли, что онъ ушелъ туда «думать объ отцѣ». Нѣсколько времени онѣ спорили о томъ, которой изъ нихъ слѣдуетъ пойти къ брату и раздѣлить съ нимъ его одиночество, но по внезапному вдохновенію рѣшили, что не слѣдуетъ идти ни той, ни другой, и даже деликатно отошли прочь отъ окна гостинной, чтобы не показаться ему шпіонками.

— Ахъ, Сизи, помните, какъ папа любилъ ходить по террасѣ взадъ и впередъ?—спросила Алиса.

— Помню ли я? — въ негодованіи переспросила Сизи. — Развѣ я могу это забыть когда нибудь?

И онѣ немного поплакали вмѣстѣ, потомъ бросились къ столу, гдѣ при яркомъ свѣтѣ лампъ были разложены всѣ рѣдкости и подарки, привезенные Фредомъ, и начали ихъ разглядывать, смѣясь и щебеча, какъ птички. Да, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ его отецъ, когда внезапно прервалъ веселую болтовню своего сына и заговорилъ о смерти. Фредъ помнилъ каждое слово, каждый звукъ, и шумъ осенняго вѣтра, и клочокъ яснаго неба, на востокѣ среди облаковъ, и странное, боязливое чувство, стѣснившее ему грудь, тогда, въ дни счастія и веселья, при этихъ словахъ отца, звучавшихъ такъ строго и печально. Что заключалось въ этихъ словахъ: недоброе предчувствіе? пророчество?

Онъ ходилъ взадъ и впередъ подъ деревьями, прислушиваясь къ тѣмъ же самымъ звукамъ—журчанію фонтана, шороху вѣтра между вѣтвей. Впечатлѣніе ночи было другое: чувствовался не сентябрь, но свѣжій, полный жизни май. Тогда листья опадали—теперь они только что раскрывались, липкіе и яркіе, такъ что почти можно было различить ихъ въ блѣдномъ сумракѣ весенней ночи. Все измѣнилось съ тѣхъ поръ. Его отецъ умеръ, исчезъ съ лица земли, какъ будто вовсе не существовалъ. Но это не повлекло за собою тѣхъ послѣдствій, которыя предвидѣлъ м-ръ Дэляйль. Фредъ не сдѣлался, прежде времени, главой семьи. Онъ только сталъ независимѣе прежняго, но оставался прежнимъ юношей, едва вступившимъ въ жизнь и еще неспособнымъ нести ея тягостныя заботы. Сознавъ это, Фредъ былъ пораженъ. Отецъ не думалъ, что онъ будетъ такъ безпеченъ. Юноша почувствовалъ новое безпокойство. Ему слѣдуетъ ограничить свою свободу, трудиться, заботиться о матери

Digitized by Google

и сестрахъ. Онъ самъ не зналъ какъ, но чувствовалъ, что долженъ измѣнить свою жизнь.

Здѣсь онъ былъ внезапно потревоженъ звукомъ шаговъ на пескѣ, и съ сердитымъ восклицаніемъ отбросилъ въ сторону окурокъ сигары.—Навѣрное, кто нибудь изъ этихъ несносныхъ дѣвочекъ!—подумалъ онъ, хотя мы знаемъ съ какимъ великимъ тактомъ Сизи и Алиса удалились отъ окна, чтобы не шпіонить за братомъ. Онъ поднялся имъ навстрѣчу, чувствуя, что было бы слишкомъ грубо, едва пріѣхавъ домой, выказать нетерпѣніе и досаду. Но Фредъ сейчасъ же догадался, что медленные, тяжелые шаги, приближавшіеся къ нему, не могли принадлежать которой нибудь изъ его сестеръ. Въ темнотѣ обрисовалась высокая фигура, и можно было различить бѣлый чепецъ и шаль.

— Ахъ, м-ръ Фредъ,—заговорила старая Жанета,—какъ я рада видѣть васъ дома!

— О, это вы!—отозвался онъ не особенно привѣтливымъ тономъ. Въ послѣднее время онъ, къ счастью, совсѣмъ позабылъ про Жанету, и ему было вдвойнѣ непріятно внезапное появленіе старухи.

— Кто же, какъ не я?—спросила она.—Кромѣ меня, никто не станетъ заботиться о васъ. И вотъ что я вамъ скажу, м-ръ Фредъ —пора вамъ занять свое мѣсто. Этотъ домъ долженъ принадлежать только тѣмъ, кто имъ теперь владѣетъ. Охъ! я не могу вамъ всего объяснить, но только возьмитесь за умъ и сядьте на свое мѣсто.

— Какое вамъ до этого дѣло, и съ какой стати вы лѣзете ко мнѣ съ совѣтами!—сердито закричалъ Фредъ.—Я здѣсь на своемъ мѣстѣ. Что вы хотите сказать? Что мое мѣсто въ Оксфордѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Не учиться вамъ нужно, а быть взрослымъ человѣкомъ, господиномъ родительскаго дома, какъ слѣдуетъ по закону. Охъ, барчукъ! вѣдь я уже сказала, что не могу вамъ всего объяснить; но вѣрьте моему слову, что вы спасетесь отъ многихъ, гораздо худшихъ непріятностей, если сдѣлаетесь господиномъ и сядете на свое мѣсто.

Онъ презрительно засмѣялся, полный гнѣва и нетерпѣнія.

— Не говорите о томъ, чего не понимаете,—сказалъ онъ.— Развѣ вы не знаете, что по закону я еще ребенокъ и до со-

Digitized by Google

вершеннолѣтія не имѣю права дѣйствовать самостоятельно? Но и нѣтъ надобности быть самостоятельнымъ—все идетъ также или почти также хорошо, какъ и при *немъ*...—закончилъ онъ неожиданно для самого себя.

— Я только что хотѣла сказать тоже—также хорошо, какъ и при *немъ*,—подтвердила старая Жанета.—Все устроилось для *нея* такъ хорошо, удобно и спокойно, какъ будто *онъ самъ* объ этомъ позаботился. Приближается несчастье, м-ръ Фредъ, и если вы не примѣтесь за дѣло, не сядете на свое мѣсто и не возьмете власть въ свои руки...

— Нелѣпость!—вскричалъ Фредъ.—Я не могу имѣть власти до совершеннолѣтія. Если нуженъ здѣсь хозяинъ—моя мать съумѣетъ хозяйничать гораздо лучше, чѣмъ десять такихъ, какъ я.

— Ваша мать!—повторила Жанета съ безъискусственнымъ презрѣніемъ, какое выказываютъ старые слуги своимъ господамъ.—Если дѣло касается вашей матери...—и не окончивъ фразы, она покачала сѣдой головой.

— Кто же, какъ не мать?—съ негодованіемъ вскричалъ Фредъ. Но Жанета не отвѣчала. Повернувшись къ нему спиной, она стала удаляться, все время покачивая головой, которая и безъ того тряслась отъ старости. Ревность старой Жанеты къ его матери, хорошо извѣстная всѣмъ въ домѣ, имѣла въ себѣ что-то забавное, и немного разсѣяла мрачныя мысли Фреда. Внезапное появленіе старухи, возбудившее непріятныя и мучительныя воспоминанія, изъ трагическаго обратилось почти въ комическое.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Война на дальнемъ востокѣ.—Соперничество двухъ племенъ желтой расы.—Смерть графа Парижскаго.—Два герцога-претендента. — Демонстраціи въ Англіи противъ лордовъ.—Славянскія земли.—Торговля русскими костями въ Болгаріи.—Стамбуловщина на судѣ и въ газетахъ.—Рѣчи германскаго императора.—Баварское народное мнѣніе и добро-австрійское управленіе.—Подвиги анархистовъ.—Новый тарифъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и экономическое положеніе страны.

Въ Европѣ, въ послѣднее время, вовсе не слышно бряцанія оружіемъ, хотя она и увѣшена имъ съ ногъ до головы. Рѣчи властителей, ноты дипломатовъ, статьи публицистовъ восхваляютъ блага мира и подтверждаютъ увѣренія въ его незыблемости. Бѣлая раса какъ будто совѣстится поднимать братскія племена арійцевъ другъ противъ друга и только увеличиваетъ свои вооруженія—для обезпеченія мира. Но на дальнемъ востокѣ желтокожіе народы вступили между собою въ серьезную борьбу, которая можетъ привести къ неожиданнымъ переворотамъ. Между двумя главными представителями желтой расы, китайцами и японцами, давно уже существуетъ племенная вражда, усилившаяся теперь изъ-за столкновенія съ третьею родственною расою, корейцевъ, и обѣ враждующія націи заявляютъ на нихъ свои права, такъ какъ, не смотря на бѣдственное положеніе экономически раззоренной Кореи, въ ней все таки 12 мильоновъ жителей и есть чѣмъ поживиться, захвативъ произведенія страны. Но если это—главная, экономическая причина войны, политическія причины ея еще страннѣе и запутаннѣе. Обѣ державы, воюющія теперь съ Китаемъ—потому что и Корея добровольно или по принужденію стоитъ на сторонѣ Японіи—были когда-то подъ властью Китая, и хотя онъ ведетъ свою хронологію уже въ теченіе $4^1/_2$ вѣковъ, испытавъ въ этотъ періодъ времени 22 большихъ революціи и перемѣнивъ 22 династіи, но состоялъ до XIII вѣка изъ мелкихъ провинцій и былъ соединенъ въ одно государство монголами. Послѣдній переворотъ былъ въ XVII вѣкѣ, когда въ странѣ захватилъ власть и престолъ вождь манджуровъ Кубилай-ханъ. Но побѣдители приняли языкъ и законы побѣжденныхъ, и предписали имъ только, чтобы они но-

Digitized by Google

сили косы. Уваженіе къ наукѣ и учености перешло и ко двору новаго императора. По принципу онъ долженъ быть ученѣе всѣхъ своихъ подданныхъ. Ни одну, самую ничтожную, правительственную должность нельзя получить въ Китаѣ безъ экзамена, поэтому простой народъ и не стремится къ власти, но спокойно повинуется мандаринамъ, полагая, вѣроятно, что ихъ грабежи и взяточничество соединены нераздѣльно съ ихъ учеными заслугами. Поэтому страна послѣдовала «ученію мудрости»—сіонто, въ то время какъ Японія приняла «ученіе духа»—шинто. Но вліяніе старой державы на молодую было и въ то время огромно: Китай далъ ей даже названіе Шипенъ (передѣланное европейцами въ Японію) вмѣсто Нипонъ—страна восходящаго солнца. Но эта страна, еще при первыхъ тайкунахъ, или шіогунахъ, вошла въ близкія сношенія со своею сосѣдкою, Кореею. Отъ Нагасаки до лучшаго корейскаго порта всего четыре часа ѣзды (150 морскихъ миль) а нѣкоторые японскіе острова лежатъ еще ближе. Корейцы были просвѣщеннѣе сосѣдей и внесли къ нимъ буддизмъ, ученіе Конфуція, фонетическій алфавитъ. За это японцы отплатили вторженіями въ Корею, съ цѣлью грабежа, причемъ безжалостно истребляли мирныхъ жителей, пересылая тайкунамъ трофеи своихъ побѣдъ, состоящіе изъ ушей и носовъ, отрѣзанныхъ у корейцевъ. До сихъ поръ путешественникамъ по Японіи показываютъ въ Камакурѣ и Мамидцукѣ высокіе холмы, насыпанные надъ этими трофеями. Не лучше поступали эти нынѣшніе цивилизаторы востока, тайкуны, и со своими подданными: безразлично относясь къ христіанству, они вдругъ въ концѣ XVI вѣка объявили, чтобы всѣ исповѣдующіе Христа отреклись отъ него или оставили страну. Начались страшныя преслѣдованія и казни: миссіонеровъ варили въ котлахъ съ сѣрой, негашеной известью, заливали имъ горло растопленнымъ оловомъ, пилили между досками. Принцъ Арима возмутился такими жестокостями и поднялъ возстаніе въ защиту гуманности и справедливости. Но у правительственныхъ палачей явились союзники: голландскіе купцы, завидовавшіе выгодамъ, какія испанцы извлекали изъ торговли съ Японіей. Протестанты объявили, что если голландскія конторы не будутъ уничтожены на островѣ Децима и имъ будетъ позволено торговать по прежнему, они дадутъ тайкунамъ пушки для борьбы съ Аримою; тѣ приняли предложеніе, и это еще неизвѣстное въ странѣ орудіе цивилизаціи уничтожило всѣ усилія великодушнаго принца: войско его было разбито, и христіанство уничтожено въ Японіи, закрытой для всѣхъ иностранцевъ въ теченіе почти 300 лѣтъ, до эпохи вступленія страны въ рядъ цивилизованныхъ государствъ. Говорятъ, погибло до четырехъ мильоновъ несчастныхъ, въ эпоху этого гоненія, заставившаго позабыть о казняхъ первыхъ временъ христіанства. Японцы говорятъ, что они уже два вѣка назадъ покорили Корею, но оставили ей независимое управленіе и пользовались только торговыми выгодами, эксплуатируя страну въ экономическихъ

Digitized by Google

видахъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда для европейцевъ открыты только три порта Кореи, вся торговля ея, да и главныя отрасли промышленности—въ рукахъ японцевъ. Поэтому имъ нетрудно было наводнить страну своими войсками и агентами. Но Китай утверждаетъ, что Корея никогда не была въ зависимости отъ Японіи, а всегда платила дань богдыхану. Это справедливо, но въ такомъ случаѣ, для чего эти державы заключили между собою условіе—ввести свои войска въ Корею, если въ ней вспыхнетъ возстаніе? Оно вспыхнуло, благодаря невыносимому гнету и грабежу корейскаго дворянства. Японія успѣла прежде китайцевъ занять столицу и другіе стратегическіе пункты страны, захвативъ короля, который стоитъ неизвѣстно на чьей сторонѣ. Вотъ предлогъ или, лучше сказать, придирка къ войнѣ. Сорока милліонамъ японцевъ очевидно тѣсно на ихъ островахъ и они не хотятъ отказаться отъ колонизаціи и эксплуатаціи Кореи. Китай, съ его четырехсотмилліоннымъ населеніемъ, не нуждается въ этой провинціи, но онъ упрямъ, и не уступаетъ клочка своей земли даже жаднымъ англичанамъ, и помѣшался на томъ, что всѣ сосѣднія страны обязаны ему данью и почтеніемъ. О какихъ нибудь слишкомъ сильныхъ урусахъ говорить не стóитъ—это варвары; но всѣ мелкіе и близкіе къ Китаю владѣтели должны отъ него зависѣть—это воля боговъ и законъ предковъ. Когда какой нибудь строптивый вассалъ не желаетъ подчиняться этому, Китай, видя, что онъ не въ силахъ съ нимъ сладить, спокойно молчитъ цѣлые года и ждетъ перемѣны обстоятельствъ. Умираетъ какой нибудь Якубъ-ханъ, владѣтель Кашгаріи, часть земель котораго, смежную съ нашими владѣніями, должна была занять Россія, чтобы прекратить тамъ рѣзню и грабежи. Китай тотчасъ является въ Кашгарію, спокойно занимаетъ страну и требуетъ по прежнему дани, а у Россіи—возвращенія занятыхъ ею земель. Поэтому и теперь онъ не откажется отъ владычества надъ Кореей, хотя ея независимость признала даже Японія. И эти двѣ родственныя отрасли одной упрямой расы будутъ драться между собою, пока Европа не укротитъ ихъ воинственный пылъ. Конечно, Европа заявила о своемъ невмѣшательствѣ въ войну, но вѣдь придется поневолѣ вступиться за истребляемыхъ христіанъ, которыхъ китайцы ненавидятъ всѣми силами своей фанатической натуры. До сихъ поръ они прирѣзали только двухъ миссіонеровъ, англійскаго и французскаго, но если народное возстаніе усилится, съ нимъ не сладятъ никакіе мандарины и надо будетъ укрощать дикарей по системѣ европейской цивилизаціи. А о самой войнѣ мы не узнаёмъ ничего вѣрнаго и положительнаго, такъ какъ телеграфы, почта, газеты, сообщенія корреспондентовъ—западныя изобрѣтенія, а на востокѣ господствуетъ ложь и тупая покорность властямъ. Нельзя скрыть только самыхъ фактовъ, какъ потопленіе китайскаго броненосца,—причемъ погибло полторы тысячи солдатъ, перевозимыхъ въ Корею,—да двухъ сраженій въ этой странѣ, неизвѣстно чѣмъ кончившихся, такъ какъ обѣ сто-

Digitized by Google

роны приписываютъ себѣ побѣду. Теперь имъ мѣшаютъ драться дожди и розливы рѣкъ, но что враги не помирятся добровольно и не откажутся отъ своихъ претензій — это несомнѣнно. Второе сраженіе, при какомъ-то городѣ, выиграно, должно быть, японцами, потому что взято въ плѣнъ до 20 тысячъ китайцевъ, и у главнокомандующаго Ли-Хунчанга велѣно выдернуть изъ его шапки павлинье перо, за неспособность.

Во Франціи, печать, за неимѣніемъ другихъ, болѣе интересныхъ политическихъ новостей, долѣе чѣмъ слѣдуетъ толковала о смерти графа Парижскаго и могущихъ возникнуть отъ этого послѣдствій. Но смерть эта останется безъ всякаго вліянія на политику Франціи, а тѣмъ болѣе Европы. Съ орлеанизмомъ давно уже покончила исторія. Будущности у этой династіи нѣтъ. Французскій народъ никогда не выберетъ въ свои правители семью, поступившую въ 1830 году двулично и недобросовѣстно въ отношеніи къ своей старшей линіи, а въ 1870 году и не честно, потребовавъ отъ правительства возвращенія ей милліонныхъ имуществъ, въ то время, когда страна, потерявшая сотни тысячъ своихъ гражданъ и двѣ провинціи, уплачивала побѣдителямъ пять мильярдовъ контрибуціи. Орлеаны всегда отличались жадностью къ деньгамъ и скупостью,—это была ихъ фамильная черта. И они не сдѣлали ровно ничего для благосостоянія Франціи, ни въ 18 лѣтъ правленія Луи-Филиппа, ни въ 24 года республики. Графъ Парижскій былъ человѣкъ холодный, разсчетливый, осторожный, оставившій до 400 мильоновъ франковъ состоянія—и наслѣдникамъ его остается только пріумножать эти милліоны путемъ биржевыхъ и земельныхъ спекуляцій, но наслѣдовать когда либо престолъ во Франціи они должны оставить всякую надежду, еслибы даже монархическія идеи усилились, съ теченіемъ времени, въ этомъ неустойчивомъ племени, часто мѣняющемъ свои симпатіи и политическіе взгляды. Но и въ такомъ случаѣ, увлекающаяся нація возьметъ скорѣе въ правители себѣ диктатора-авантюриста, особенно прославившагося военными подвигами, чѣмъ короля-гражданина, съ зонтикомъ подъ мышкой и биржевыми промессами въ карманѣ. Самъ графъ Парижскій очень хорошо зналъ это и во всѣ восемь лѣтъ изгнанія изъ отечества избѣгалъ малѣйшихъ случаевъ навлечь на себя его неудовольствіе, а не только что возбуждать въ немъ безпорядки и заговоры. Попробовалъ онъ только разъ послать во Францію своего наслѣдника, попытаться поиграть на струнахъ патріотизма и исполнить обязанность всякаго совершеннолѣтняго француза — явившись для исполненія общей воинской повинности, но молодаго принца посадили въ тюрьму за неисполненіе другой не менѣе важной обязанности гражданина—повиноваться законамъ своего отечества. А законы запрещали возвращеніе во Францію всякому претенденту на престолъ. Принца, конечно, вскорѣ же освободили, отправивъ съ жандармами за границы Франціи, и этимъ кончились всѣ его

Digitized by Google

попытки къ реставраціи, потому что нельзя же приписать къ нимъ дальнѣйшія похожденія принца съ пѣвицею Мельба, скандальный процессъ съ ея мужемъ въ Лондонѣ и пр. Все это увлеченія, свойственныя молодости, и никто не будетъ строго судить объ нихъ, если только они изъ эротическихъ не превратятся въ политическія. А газеты начинаютъ уже говорить, что новый король скоро готовится къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, желая отмстить за смерть отца, котораго будто бы убило изгнаніе. Но графъ Парижскій умеръ 56-ти лѣтъ, отъ рака въ желудкѣ,—болѣзни, развивающейся не отъ тоски по престолу и даже не отъ недостатка питанія, а всего чаще отъ пресыщенія. Манифестъ герцога орлеанскаго, обращенный имъ къ монархистамъ по смерти отца, наполненъ громкими, но туманными фразами объ исполненіи своего долга, объ обязанностяхъ къ Франціи. Но обязанности эти очень просты: слѣдовать примѣру графа Парижскаго и сидѣть спокойно, пользуясь своими милліонами и не пытаясь нарушить спокойствіе республики, которая во второй разъ можетъ и не такъ снисходительно отнестись къ возбужденію въ ней смутъ. О подобномъ же исполненіи своихъ обязанностей объявилъ еще какой-то членъ семьи Бурбоновъ, принявшій для чего-то титулъ герцога анжуйскаго и сообщившій, что настоящій наслѣдникъ французскаго престола—онъ, а не герцогъ орлеанскій. Этотъ, уже совершенно опереточный, претендентъ—испанскій генералъ, и ему осталось только пропѣть передъ дипломатами изъ «Перикоплы»: «Онъ будетъ смѣлъ, на то испанецъ онъ»! Но во второмъ своемъ манифестѣ онъ заявилъ вмѣсто этого, что подтвердилъ только свои права на корону, а что, собственно говоря, не желаетъ вмѣшиваться въ дѣла Франціи и желаетъ быть испанцемъ. Такъ ему и оставили за смиренство генеральскій чинъ со всѣми окладами. Но тогда причемъ же тутъ анжуйское герцогство?

Англійскій парламентъ разошелся на осеннія вакаціи, ровно ничего не сдѣлавъ во всю сессію, съ удаленія Гладстона отъ политическихъ дѣлъ. Палата лордовъ систематически отвергала всѣ билли палаты общинъ и нельзя было провести ни одного билля. Зато и начались противъ лордовъ уличныя демонстраціи, хотя не многочисленныя и далеко не рѣшительныя. Въ Гайдпаркѣ происходилъ митингъ протеста, образовавшійся изъ федераціи для борьбы съ лордами. На митингъ собралось до ста тысячъ человѣкъ, со знаменами разныхъ обществъ, всѣхъ частей Великобританіи. На знаменахъ были очень внушительныя надписи: «Кто лишаетъ правъ бѣдныхъ людей? лорды».—«Палата лордовъ—безполезна» и пр. У ирландцевъ была надпись: «Мы хотимъ возвращенія нашей собственности». Рѣчи произносились съ 12-ти трибунъ; изъ нихъ одна была предоставлена дамамъ. Требовали уничтоженія палаты лордовъ, «злаго и опаснаго учрежденія»; раздавались брошюры противъ устарѣлой и безполезной корпораціи. Не обошлось и безъ обычныхъ потасовокъ, но митингъ

Digitized by Google

разошелся мирно и манифестанты, возвращаясь изъ сада и проходя процессіей мимо клуба либераловъ, сдѣлали ему овацію, а, проходя мимо клуба консерваторовъ,—свистали. Печать отнеслась холодно къ демонстраціи и не ожидаетъ отъ нея никакихъ послѣдствій.

Въ славянскихъ земляхъ—прежнія неурядицы и плохія надежды на улучшеніе ихъ положенія. Австрійскій императоръ, правда, ни однимъ словомъ не похвалилъ ни Болгарію, ни Сербію, какъ дѣлалъ это всегда при открытіи делегацій, даже вовсе не упомянулъ объ нихъ, какъ и о тройственномъ союзѣ, зато премьеръ его Кальноки, разъясняя рѣчь своего монарха, пожалѣлъ о стамбуловскомъ режимѣ, придававшемъ такую прочность управленію Болгаріей. Премьеръ даже упрекнулъ слегка мадьяръ, что они придаютъ слишкомъ много значенія «мѣстнымъ» интересамъ румынъ въ имперіи. И это послѣ того, какъ мадьярскій министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ съ трибуны, что всѣ народности въ Венгріи, кромѣ господствующей, должны быть уничтожены. Въ то же время, мадьярскія газеты объявили одному русскому путешественнику, что онѣ, слава богу, вовсе не собираются мадьяризировать донскихъ казаковъ. Еще бы! вѣдь для защиты отъ мадьяризаціи у казаковъ есть нагайка, которой нѣтъ у румынъ и угорской Руси, угнетаемыхъ потомками Аттилы.—Въ Болгаріи выборы въ народное собраніе сопровождались почти вездѣ сценами дракъ,—гдѣ были не только раненые, но и убитые,—и подкупами властей. Можетъ ли такое собраніе считаться сколько нибудь законнымъ, чтобы дѣлать какія либо постановленія даже противъ своего правительства, которое въ лицѣ министровъ торжественно заявляетъ, что не пойдетъ ни на какія уступки Россіи—какъ будто кто нибудь проситъ его объ этомъ. Вѣдь стамбуловскій режимъ, не смотря на паденіе его творца, все еще господствуетъ въ странѣ: ни одна изъ серьезныхъ мѣръ, направленныхъ противъ Россіи, не уничтожена, русскія газеты запрещены, русскій языкъ изгнанъ изъ школъ, Кобургъ выпустилъ изъ тюремъ всѣхъ политическихъ преступниковъ и 245 обыкновенныхъ, но не выпустилъ Каравелова и не пускаетъ въ Болгарію Цанкова.

Вмѣсто улучшенія внутренняго положенія, власти занимаются странною внѣшнею торговлею: въ Англію доставлено на двухъ пароходахъ болѣе тысячи пудовъ груза—человѣческихъ костей, назначенныхъ для удобренія полей. Грузъ привезенъ изъ Бургаса, куда онъ доставленъ изъ различныхъ частей княжества: изъ-подъ Плевны, Казанлыка и пр. Шкиперъ говоритъ, что онъ перевозитъ уже третій транспортъ этого товара изъ Болгаріи. Кости эти растираются въ порошокъ, смѣшиваются съ разведеннымъ водою лошадинымъ или другимъ пометомъ, и служатъ лучшимъ удобреніемъ для пшеницы. Первый транспортъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, шелъ изъ мѣстностей, прилегающихъ къ Дунаю; нынѣшній—изъ внутреннихъ округовъ съ сухою почвою, въ которой кости, пролежавъ 15 лѣтъ,

Digitized by Google

еще не истлѣли. Поставщикъ этого груза, Стивенсъ, получилъ даже привилегію на вывозъ его отъ болгарскаго правительства и сборъ костей не ограничивается поверхностью земли, но онѣ извлекаются изъ могилъ и кургановъ. Думалъ ли русскій мужикъ, что, складывая свои кости на турецкой землѣ, онъ будетъ удобрять ими англійскія поля!

Объ отношеніяхъ Россіи къ Болгаріи всего категоричнѣе выражается газета «Le Nord». «До тѣхъ поръ пока въ Болгаріи останется хоть одинъ представитель режима, внесеннаго Стамбуловымъ, и поддерживавшагося все время безчисленными преступленіями, обагрившими кровью несчастную страну, русское правительство не измѣнитъ нынѣшняго своего положенія, и никто не помышляетъ о томъ, чтобы оторвать Кобурга отъ узъ, связывающихъ съ Австріею этого бывшаго протежэ Стамбулова». Какъ расположенъ болгарскій народъ къ нынѣшнему правительству, видно изъ поѣздки министровъ по странѣ передъ выборами. При въѣздѣ въ Чирпанъ, Стоиловъ и Петровъ были встрѣчены криками: долу! и осыпаны каменьями. Стоилову сдѣлалось дурно, Петровъ обнажилъ саблю, полиціи удалось увезти ихъ въ закрытомъ фаэтонѣ, но толпа собралась передъ домомъ, гдѣ они остановились, и началась свалка. Загремѣли выстрѣлы и министры принуждены были оставить городъ, что обошлось чирпанцамъ въ 40 человѣкъ раненыхъ. Стамбуловская газета «Свобода» называетъ министровъ животными изъ ноева ковчега и говоритъ: принцу Фердинанду скоро придется убѣдиться, что Стамбуловъ—сила, съ которою бороться невыгодно. Правительственная газета въ Софіи, конечно, ничего не отвѣчаетъ на такія выходки, но въ ней по заслугамъ отдѣлали Цанкова, признавшаго и принца, и его сына, но напрасно взывавшаго къ Кобургу, его женѣ и матери, чтобы его пустили въ Болгарію. Въ статьѣ, подписанной: «бывшій цанковистъ», говорится: «всякое дѣло, за которое вы беретесь, кончается полной неудачей. Вы начали свою дѣятельность въ Болгаріи въ качествѣ проповѣдника союза православія съ папой—изъ этого ничего не вышло. Вы объявили себя горячимъ сторонникомъ тырновской конституціи и сами же потомъ толковали о ея непримѣнимости, провозглашая, что лучшая конституція для болгаръ—палки. Вы устроили удаленіе князя Александра, но радовались этому только двое сутокъ. Теперь вы задались цѣлью примирить Болгарію съ Россіей, но еслибы въ русско-болгарскія отношенія не вмѣшивались такіе патріоты, какъ вы, то и самой вражды съ Россіей не существовало бы». Все это, пожалуй, справедливо.

Кромѣ собственныхъ газетъ, Стамбуловъ переругивается съ министрами еще и въ австрійской печати, гдѣ такъ отзывается и о Кобургѣ, что его привлекали подъ судъ въ Софіи—за оскорбленіе величества. Онъ оправдался однако тѣмъ, что не отвѣчаетъ за слова, какія припишутъ ему въ иностранныхъ газетахъ, и что въ болгарскихъ газетахъ его отзывы о принцѣ полны уваженія. Съ бывшаго диктатора взяли, однако, значитель-

Digitized by Google

ный залогъ, а на обратномъ пути изъ суда народъ осыпалъ камнями его коляску, и одинъ изъ толпы, вскочивъ на подножку, ударилъ его нѣсколько разъ палкой, причемъ повредилъ ему руку. Чтобы видѣть, какой вздоръ помѣщаетъ онъ въ нѣмецкой печати, приводимъ отзывъ его изъ «Frankfurter Zeitung» о военномъ министрѣ: «Петровъ на каждомъ шагу дѣлаетъ несправедливости; притомъ онъ жаденъ къ деньгамъ. Если русскіе дадутъ ему триста тысячъ рублей, то онъ запакуетъ князя въ сундукъ и отправитъ его въ Россію. Мнѣ русскіе предлагали пять мильоновъ за сверженіе его съ престола, но я передалъ это предложеніе князю: документы хранятся у него до сихъ поръ». Но и въ стамбуловской «Свободѣ» печатается скандальная полемика со вдовою Александра Батенберга. Газета говоритъ: «Начевичъ, въ личномъ органѣ своемъ, принца и Стоилова: «Народни пріятель» прямо заявляетъ, что Стамбуловъ велъ переговоры со вдовою о провозглашеніи ея сына болгарскимъ княземъ:—объ этомъ министръ лично слышалъ отъ принца Фердинанда, имѣющаго въ своихъ рукахъ письмо Стамбулова по этому предмету, и самъ Начевичъ читалъ письма Батенберга къ майору Попову, въ которыхъ бывшій болгарскій князь подстрекаетъ майора провозгласить болгарскую республику, а Батенберга выбрать президентомъ». Бывшій секретарь Батенберга, русскій эмигрантъ Александръ Головинъ, опровергаетъ, также какъ и Стамбуловъ, это сообщеніе, и всѣ полемизирующіе называютъ другъ друга лжецами, причемъ достается сильно и Кобургу. Принцъ очевидно держитъ подъ рукою, въ запасѣ, своего прежняго господина, на случай, если почва начнетъ ускользать изъ-подъ ногъ нынѣшнихъ заправителей Болгаріи. Стамбуловъ съ его системою—истребленія открытыхъ враговъ и избіенія противниковъ—будетъ лучшею опорою кобургіады. Вѣдь и мелкіе деспоты, какъ крупные, воображаютъ себѣ, что, перестрѣлявъ нѣсколько тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, они нагонятъ страхъ на остальныхъ и упрочатъ свою власть. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, результатъ общихъ выборовъ въ софійское собраніе—болѣе 500 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ въ Филиппополѣ, Плевнѣ, Силистріи, Видинѣ и др. городахъ; 70% выборныхъ правительственной партіи; $^1/_2$% оставшихся вѣрными Стамбулову; остальные же, свыше 25%,—каравелисты, уніонисты, цанковисты и множество другихъ политическихъ партій, представляющихъ невообразимую путаницу. Радославовъ и Тончевъ, какъ министры, понесли явное пораженіе. Движеніе въ пользу освобожденія Каравелова и пропуска Цанкова—сильное. Стоиловъ объяснилъ разградской депутаціи, что противниками освобожденія Каравелова являются—иностранные агенты и особенно англійскій. Если министръ не лжетъ, то это оправданіе уже слишкомъ наивно. Между правительственной газетой «Свободно слово» и органомъ Стамбулова возникла полемика: кто изъ нихъ больше грабилъ, когда Стоиловъ былъ въ составѣ стамбуловскаго кабинета. Хороши правители, да хороши и управляемые, терпѣливо выносящіе такихъ господъ.

Digitized by Google

Германскій императоръ, больше года не произносившій никакихъ рѣчей, заставилъ печать коментировать два его спича, обращенные къ администраціи Кёнигсберга и партіи прусскихъ аграріевъ. Въ первой рѣчи высказано новое подтвержденіе въ обезпеченіи мира, съ повтореніемъ давно знакомыхъ шовинистскихъ выходокъ о «мечѣ Гогенцоллерновъ», возвратившемъ 80 лѣтъ тому назадъ восточную Пруссію, занятую французскими гарнизонами. Пріобрѣтенное мечемъ Вильгельмъ II обѣщалъ сохранить прочнымъ миромъ. Другая рѣчь была по адресу дворянъ-феодаловъ, не раздѣляющихъ мнѣній своего монарха относительно новыхъ налоговъ, опредѣленныхъ на покрытіе военныхъ расходовъ. Эти ретрограды давно уже составляютъ упорную оппозицію во внутренней политикѣ государства, сопротивляясь и торговымъ договорамъ, и всѣмъ правительственнымъ мѣрамъ; императоръ назвалъ прямо всѣхъ аграріевъ—врагами отечества. Конечно, въ своихъ убѣжденіяхъ, они руководятся только личными интересами и выгодами, но это еще не причина, чтобы каждый дворянинъ обязанъ былъ раздѣлять всѣ мнѣнія своего монарха, особенно въ государственныхъ вопросахъ. Regis voluntas—вовсе не suprema lex ни въ логикѣ, ни въ конституціонной имперіи. Можно желать, чтобы отечество достигало благосостоянія и другими путями, а не безмолвнымъ исполненіемъ королевскихъ приказаній. Но упреки Вильгельма сильно подѣйствовали на огромную партію и она не можетъ уже считать себя оградою престола, разойдясь во взглядахъ со своимъ монархомъ.—Попытки къ самостоятельнымъ сужденіямъ во всѣхъ слояхъ общества проявляются не въ одной Пруссіи. Недавно въ Баваріи, въ городѣ Мурнау, открыли памятникъ королю Людовику II, погибшему трагическою смертью. Народъ вполнѣ сочувствовалъ торжеству открытія, но по окончаніи его отправился массою на другую площадь, гдѣ стояла статуя нынѣшняго принца-регента Баваріи, разбила ее и бросила въ воду. Мюнхенская печать увѣряетъ, что это произошло отъ агитаціи соціалистскаго депутата Зигля, личнаго врага принца, но тутъ дѣйствовали баварскіе крестьяне, убѣжденные въ томъ, что король Людовикъ не утонулъ, а его утопили родственники. Вообще не мѣшало бы имущимъ власть заботиться не только о мнѣніяхъ аграріевъ, но и томъ, что̀ думаетъ народъ. Дипломатія очень довольна, что Францъ Іосифъ въ рѣчи къ делигаціямъ не упоминалъ о Болгаріи и Сербіи, но вѣдь онъ и о Босніи и Герцеговинѣ сказалъ только, что «въ нынѣшнемъ году доходы обѣихъ провинцій покроютъ всѣ издержки на ихъ управленіе». И все тутъ. Но вѣдь въ этихъ провинціяхъ болѣе двухъ мильоновъ жителей—славянъ, и управляются они не на основаніи законовъ, а произволомъ австрійскихъ чиновниковъ. Премьеръ Кальноки также не сказалъ ни слова объ этихъ провинціяхъ, находящихся на осадномъ положеніи и не имѣющихъ представителей въ парламентѣ. На запросъ чешскаго депутата Пачека, генералъ губернаторъ

Digitized by Google

Каллай прибавилъ, впрочемъ, что тамъ «было произведено двѣнадцать арестовъ за государственную измѣну». Какую измѣну? кому?—турецкому ли султану de jure, или австрійскому de facto? Это беззаконное положеніе провинцій, 16 лѣтъ назадъ отданныхъ на берлинскомъ конгрессѣ Австріи, въ награду за то, что Россія оставила въ нихъ сотни тысячъ труповъ своихъ согражданъ и милліардъ рублей, до того бросается въ глаза, что Австрія въ нынѣшнемъ году любезно пригласила «знатныхъ иностранцевъ» объѣхать Боснію и Герцеговину и посмотрѣть, какъ имъ хорошо живется. Иностранцы поѣздили, поугощались въ главныхъ городахъ, и нашли, что все великолѣпно, вездѣ прогрессъ и цивилизація. И, читая восторженныя похвалы австрійскимъ порядкамъ, никто не вздумалъ спросить, долго ли еще будутъ продолжаться эти порядки? Кальноки заявилъ делегаціямъ, что «никто и не думаетъ о присоединеніи Босніи и Герцеговины». Да что тутъ и присоединять, когда все подавлено, задушено, разграблено чиновниками, солдатами, жидами? Австрія и со своими славянами поступаетъ не лучше: въ Вѣну искони посылались для православныхъ изъ Россіи церковныя книги, издаваемыя нашимъ синодомъ. Теперь судъ конфисковалъ эти посылки, найдя въ нихъ «государственную измѣну», заключающуюся въ томъ, что въ книгахъ помѣщены молитвы за иностранныхъ властителей. Это ли еще не европейская цивилизація?

Анархисты—какъ бы не сглазить!—что-то присмирѣли во всей Европѣ. Во Франціи казнь Казеріо привела ихъ, конечно, въ озлобленіе, но оно выразилось только въ угрозахъ, конечно, не осуществившихся, — что новаго президента ждетъ участь Карно. Да и этихъ заявленій было не много расклеено въ Парижѣ и полиція очень спокойно срывала ихъ. Надо сознаться, что правительства средней Европы начали усердно забирать этихъ отщепенцевъ и слѣдить за ихъ сношеніями, что повело къ открытію множества хорошо организованныхъ тайныхъ обществъ и заговоровъ. Но когда расшевелили ихъ гнѣзда, они бросились во всѣ страны, хоть нигдѣ не нашли себѣ прочнаго убѣжища, кромѣ Англіи, конечно. Да и тамъ полисмены перестали любезно относиться къ нимъ и, при малѣйшемъ нарушеніи ими порядка, хватаютъ ихъ, а толпы народа разогнали анархистскій митингъ, собиравшійся въ Гайдъ-паркѣ, причемъ бока многихъ ораторовъ чувствительно пострадали. Гораздо трусливѣе и апатичнѣе отнеслись къ нимъ парижскіе присяжные, оправдавъ цѣлую шайку, обвиненную въ анархической пропагандѣ. Изъ 25-ти человѣкъ присудили къ тюремному заключенію только троихъ, да и то потому, что они—завѣдомые воры. Съ такимъ снисходительнымъ отношеніемъ къ этимъ подонкамъ общества, немудрено, если они будутъ бросать въ это общество динамитными снарядами. Отдѣльныхъ случаевъ покушеній всякаго рода было немало во многихъ мѣстахъ, но серьезныхъ послѣдствій нигдѣ не было: ясно, что эти рыцари заботятся больше всего о томъ, чтобы охранить себя, а не

Digitized by Google

о томъ, что нанести вредъ другимъ. Въ Швейцаріи было расклеено объявленіе, что вскорѣ Казеріо будетъ жестоко отмщенъ и, по указаніямъ Франціи, захваченъ анархистъ Делла-Санта съ такими прокламаціями, кинжаломъ и восемью склянками сильнаго яда. Въ Піаченцѣ, близъ Турина, анархисты подожгли цѣлый кварталъ, перерѣзавъ всѣ трубы, изъ которыхъ добывалась вода. Цѣлыя сутки длился пожаръ и былъ съ трудомъ остановленъ. Городская дума получила увѣдомленіе, что это сдѣлано съ цѣлью терроризированія населенія. Пытались они убить премьера Дюпюи на водахъ, гдѣ онъ лѣчился, и взорвать залу суда въ Парижѣ, гдѣ присяжные оправдывали анархистовъ, но оба покушенія не удались: въ судѣ былъ захваченъ одинъ бельгійскій анархистъ съ семью динамитными бомбами въ карманахъ. Изъ Рима они бѣгутъ массами, потому что тамъ открыта ихъ динамитная фабрика со складомъ снарядовъ. Арестовано однако всего шесть человѣкъ, отъ 18 до 20 лѣтъ. Въ Швейцаріи имъ объявили, что они могутъ жить только во внутреннихъ и сѣверныхъ городахъ. Въ Берлинѣ, при арестѣ цѣлой шайки, выстрѣлами изъ револьверовъ ранены двое полицейскихъ, и власти сильно озабочены распространеніемъ анархистскихъ прокламацій между солдатами, особенно въ 17 армейскомъ корпусѣ. Въ Штутгардтѣ извѣстный глава соціаль-демократовъ, докторъ Либкнехтъ, на сходкѣ рабочихъ доказывалъ различіе между анархистами и соціалистами. «Анархизмъ—говорилъ онъ — ничто иное, какъ возмутившаяся совѣсть современнаго общества. Я глубоко негодую по поводу убійства Карно, но считаю и казнь Казеріо такимъ же преступленіемъ (!!) ибо убійца Карно не владѣлъ умственными способностями. Его слѣдовало посадить въ домъ умалишенныхъ. Еслибы Казеріо обладалъ разсудкомъ, онъ убилъ бы не безобиднаго Карно, а Казимира Перье (хорошо это указаніе на новую жертву!) олицетворяющаго типъ кулачной буржуазіи». За эти мнѣнія анархисты же набросились на Либкнехта и полиція принуждена была разогнать сходку, которая дошла до рукопашныхъ доказательствъ своихъ теорій. Въ Удино собирались взорвать церковь Мадонны: кто-то принесъ двѣ большихъ свѣчи и просилъ тотчасъ же зажечь ихъ передъ изображеніемъ Богоматери. Церковь была полна народомъ. Свѣчей не зажгли, но разломили ихъ и онѣ оказались наполненными динамитомъ. Въ Люттихѣ застрѣлился анархистъ Леклеркъ, пустившій прежде двѣ пули въ полицейскаго комисара и ранившій его въ щеку. Анархизмъ проникнулъ даже въ южную Америку: противъ президента республики Венецуэлы, генерала Креско, было произведено покушеніе: кто-то бросилъ въ него бомбу, начиненную динамитомъ, но фитиль отсырѣлъ и бомбу не взорвало. Въ Ливорно бросили бомбу, начиненную динамитомъ съ гвоздями, даже въ купальню. Въ Туринѣ разрушенъ взрывомъ бомбы ресторанъ Санъ-Карло, причемъ, однако, изъ публики никто не пострадалъ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ вступилъ въ силу новый тарифъ,

Digitized by Google

замѣнившій протекціонистскій тарифъ Макъ-Кинлея, взимавшій въ среднемъ размѣрѣ пошлину съ привозныхъ товаровъ въ 50%. Теперь будетъ взиматься только 30%. Кромѣ того, списокъ безпошлинно ввозимыхъ товаровъ значительно увеличенъ. Освобождены отъ пошлинъ: шерсть, строевой лѣсъ, соль, сельско-хозяйственныя орудія, картины, статуи, керосинъ, пенька, ленъ, мѣдная руда, книги въ переплетѣ. Всѣ эти странно смѣшанные предметы приносили до 11 мильоновъ долларовъ пошлины. Одной шерсти привозится на 20 мильоновъ дол.; книгъ, картинъ, статуй—на 7. Зато на сахаръ наложена пошлина въ 40%; въ то же время отмѣнена премія на туземный сахаръ, простиравшаяся до 10 мил. дол. въ годъ. Новый тарифъ явился въ совершенно неожиданной формѣ: сенатъ потребовалъ, чтобы въ него былъ включенъ и подоходный налогъ. Палата представителей народа могла бы не принять эту поправку сената, но тогда страна еще надолго осталась бы безъ тарифа, а и такъ уже правительство упрекаютъ въ застоѣ дѣлъ. Могъ и Клевеландъ отказать тарифу въ своемъ одобреніи и былъ, дѣйствительно, очень недоволенъ имъ, но страна страдала уже нѣсколько лѣтъ экономической неурядицей, и онъ воспользовался правомъ, предоставленнымъ ему конституціей, не высказывать своего мнѣнія о тарифѣ, не запрещать и не одобрять его, а не отвѣчать ничего въ теченіе десяти дней, и теперь, по прошествіи этого времени, тарифъ сдѣлался закономъ. Президентъ не довольствовался, однако, этой жалкой парламентской комедіей, а высказалъ свое мнѣніе въ частномъ письмѣ къ одному изъ членовъ конгресса: въ общемъ, настоящій тарифъ лучше прежняго, но почему не всѣ сырые товары включены въ списокъ безпошлинныхъ? Въ этомъ, по мнѣнію Клевеленда, виноваты синдикаты,—эти, какъ выражается онъ, «комунисты капитала» Подоходный налогъ вступаетъ въ силу также въ началѣ будущаго года и установленъ только на 6 лѣтъ. Со всѣхъ доходовъ свыше 4,000 долларовъ будетъ взиматься два процента. Поэтому, изъ 65 мильоновъ жителей налогъ будутъ платить только 85,000. Новый тарифъ не удовлетворяетъ демократовъ, объявившихъ два года назадъ, при выборѣ Клевеленда, что пошлины должны взиматься со всѣхъ привозныхъ товаровъ безъ исключенія, но только въ томъ размѣрѣ, какой требуется для покрытія государственныхъ расходовъ. Между тѣмъ, конгрессъ оказалъ протекцію сахарозаводчикамъ, а на водочныхъ заводчиковъ наложилъ плату въ 1 дол. 10 центовъ съ галона, вмѣсто прежнихъ 90 центовъ. И по этому случаю всѣ 85,000 богачей въ штатахъ начали кричать, что они ограблены. Они все не хотятъ вѣрить предсказанію историка Маколея, что соціальная революція начнется раньше въ Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ. Ни въ одной странѣ въ мірѣ нѣтъ такого колоссально неправильнаго распредѣленія богатствъ, какъ въ сѣверныхъ штатахъ. 78% всего національнаго богатства страны въ рукахъ одной пятой части населенія, а остальные

Digitized by Google

четыре пятыхъ владѣютъ всего 22% народнаго имущества. Такіе господа, какъ Вандербильды, Джей-Гульды, Макеи, считаютъ свое состояніе сотнями милліоновъ, а иные даже милліардами. Понятно, что, когда въ рукахъ ничтожнаго меньшинства скопляются такія огромныя состоянія, большинство народа остается въ бѣдственномъ, нищенскомъ положеніи. И еще эти мильонеры не пускаютъ въ дѣло свои капиталы, а пріобрѣтаютъ государственную ренту, еще болѣе понижая ея доходность и живя процентами да купонами. Страна разоряется, поглощается богачами. Иные изъ нихъ рѣшаются на спекуляціи, не всегда удачныя, но имъ ничего не стоитъ потерять 3—4 милліона, тогда какъ подобныя потери влекутъ за собой убытки для десятка тысячъ бѣдняковъ, какъ было недавно съ фермерами,—этимъ оплотомъ мелкаго капитализма,—теперь почти обнищавшими. Улучшитъ ли новый тарифъ хоть сколько нибудь экономическое благосостояніе страны, повліяетъ ли на ежедневно возникающія грозныя стачки—это весьма сомнительно.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія философіи, *Альфонса Фулье*. Изданіе К. Солдатенкова. Москва. 1894.

Русскій человѣкъ еще до временъ Ляпкина-Тяпкина любилъ пофилософствовать,—это доказываетъ вся его литература. Не прочь и вѣтряный французъ пораздумать, если не о томъ, стоитъ ли свѣтъ на трехъ китахъ, то, по крайней мѣрѣ, о томъ, что было прежде на свѣтѣ: яйцо, изъ котораго вылупилась курица, или курица, которая снесла яйцо? Дальше этой замысловатой проблемы не идутъ и многіе изъ россіянъ, дошедшихъ своимъ умомъ до того, какъ созданъ свѣтъ, и только немногіе изъ нихъ прибавляютъ къ этой задачѣ еще другую, аналогичную съ нею: еслибы слонъ рождался изъ яйца, какого объема было бы это яйцо? Далѣе этихъ философскихъ тезисовъ обыденный россіянинъ обыкновенно и не пускается, да и къ чему? «Пофилософствуй—умъ вскружится»—сказалъ давно уже одинъ изъ величайшихъ московскихъ философовъ, которые вообще «смотрятъ въ корень», глубже петербургскихъ. Между тѣмъ, издатель К. Солдатенковъ и переводчикъ П. Николаевъ находятъ, что появленіе на русскомъ языкѣ исторіи философіи Фулье «будетъ не безполезно для нашей учащейся молодежи». И вслѣдствіе этого является книга въ 550 страницъ, цѣною въ 3 рубля, которую трудно одолѣть даже и ученическому многотерпѣнію, хотя и въ оригиналѣ она «принята во французскихъ университетахъ въ качествѣ пособія при экзаменахъ». Переводчикъ, однако, справедливо замѣчаетъ, что пособія для экзаменовъ

Digitized by Google

бываютъ разныя и что Фуллье «не отдѣлался еще вполнѣ (мы полагаемъ: даже вовсе не отдѣлался) отъ чисто метафизическихъ, апріорныхъ построеній, каковы его разсужденія объ абстрактной свободѣ, о волѣ, какъ о первой причинѣ, то есть какъ о метафизической сущности». Такихъ ошибочныхъ положеній у Фуллье можно насчитать десятки, но г. Николаевъ видитъ въ нихъ только недостатокъ безпристрастія, при оцѣнкѣ авторомъ философскихъ ученій, и желаніе его «подгонять эти ученія къ его излюбленной теоріи о развитіи понятій, о волѣ и самодовлѣющей свободѣ». Но вѣдь въ этомъ «подгоняніи» уже не одно пристрастіе, а и совершенно ложный взглядъ. Переводчикъ самъ сознаётся, что въ изложеніи авторомъ философскихъ системъ нѣтъ связи съ историческими факторами, съ общественнымъ строемъ въ странѣ, съ развитіемъ знаній (все это высказывается, однако, чрезвычайно мягко) но тѣмъ не менѣе книга обладаетъ-де «весьма серьезными достоинствами, какъ учебникъ, какъ руководство для лицъ, желающихъ ознакомиться съ философіей въ краткомъ и ясномъ изложеніи». Но именно этихъ-то достоинствъ и нѣтъ въ книгѣ: она вовсе не можетъ служить учебникомъ и ея изложеніе не кратко и не ясно. И, только что замѣтивъ, почему книга эта не можетъ считаться безпристрастной, авторъ заявляетъ, что «по сжатости и безпристрастію» ее можно назвать образцовой. Что же это за противорѣчіе? и почему, при недостаткѣ логическаго развитія философскихъ системъ, у Фуллье такъ важны политическія теоріи философовъ, для чего переведена и вся книга? Переводчикъ, пожалуй, правъ, что въ русской философской литературѣ нѣтъ сочиненія, которое можно бы поставить по объему съ книгой Фуллье, но къ чему она намъ, если у насъ имѣется исторія философіи Льюиса (разобранная подробно въ «Наблюдателѣ») которая гораздо основательнѣе поверхностнаго труда французскаго писателя. Учебникомъ исторія Фуллье не можетъ служить по неясному и слишкомъ подробному изложенію всѣхъ философскихъ нелѣпостей; но она имѣетъ значеніе по объему, такъ какъ даетъ возможность прослѣдить за развитіемъ любаго тезиса отъ его возникновенія въ древнія времена до окончательной эволюціи у новѣйшихъ мыслителей. Интересно видѣть, какъ видоизмѣнялась и переработывалась, въ теченіе вѣковъ, одна и та же философская мысль у разныхъ народовъ и писателей, нерѣдко возвращавшихся къ давно высказанной идеѣ, о существованіи которой они не знали и считали ее плодомъ собственныхъ измышленій, забывъ, что, въ извѣстныхъ стадіяхъ развитія, умъ человѣка не переходитъ опредѣленныхъ границъ и вращается въ кругу однихъ и тѣхъ же концепцій.

Философія—единственная изъ наукъ, которая для своей полноты должна включать въ себя и свою исторію. Въ то время, когда, напримѣръ, исторія физики не есть часть этой науки, философія и ея исторія имѣютъ своею цѣлью одинъ и тотъ же предметъ—духъ, размышляющій о своей сущ-

Digitized by Google

ности и своемъ принципѣ. И еслибы философія ограничивалась этимъ, она давно бы пришла къ выводамъ, которыхъ достигла только черезъ десятки столѣтій, сочинивъ множество безполезныхъ размышленій и нелѣпыхъ теорій. Въ томъ-то и дѣло, что, не довольствуясь изслѣдованіемъ своей мыслящей способности, пріобрѣтеніемъ знаній посредствомъ ощущеній, философія стала разыскивать начала этой способности и ея конечныя причины, равно недоступныя для человѣческаго пониманія. Отъ стремленія узнать непостижимое и явились ни съ чѣмъ не сообразныя теоріи о цѣли бытія, тождественнаго съ мышленіемъ по Аристотелю, о душѣ, безсмертіи, безконечности, объ абсолютномъ, субстанціи; припутали тутъ и мистицизмъ, и космогонію, и метафизику, и юриспруденцію, и религію и, вмѣсто изученія законовъ духа на основаніи реальныхъ явленій, создалась какая-то громадная наука, недоступная для пониманія простыхъ смертныхъ, все объясняющая и ровно ни въ чемъ не убѣждающая. Въ этой массѣ ни на чемъ не основанныхъ системъ, предположеній, парадоксовъ, изрѣдка мелькали проблески здравыхъ наблюденій, логическихъ выводовъ. И каждый изъ этихъ философовъ старался только говорить не то, что проповѣдывалъ его предшественикъ или соперникъ, силился объяснить на свой ладъ всего-то какой нибудь десятокъ-другой истинъ, на половину изслѣдованныхъ, чаще всего извращенныхъ. И всѣ эти греки, римляне, средневѣковые схоластики, восточные пророки, западные мыслители, вертясь около однѣхъ и тѣхъ же идей, называли ихъ только иногда другими именами. Такъ, современное ученіе объ эволюціи, такъ широко развитое Дарвиномъ и Спенсеромъ, проповѣдывалось не только Гегелемъ, но и Гераклитомъ. Этотъ іонійскій мыслитель, замѣнившій, въ теоріи происхожденія міровъ, воду огнемъ, и доказывавшій, что всякая жизнь на землѣ происходитъ отъ свѣта и тепла, то есть отъ огня, зажигающаго жизнь и, въ то же время, сжигающаго ее, говорилъ прямо: «никогда находящееся въ движеніи сознаніе не можетъ сдѣлаться неподвижнымъ бытіемъ; все протекаетъ, все идетъ дальше, ничто не останавливается». Что же это, какъ не спенсеровское стремленіе къ развитію ума и человѣчества, къ эволюціи? Въ ученіи Гераклита нѣтъ ничего абсолютнаго; бытіе, по его мнѣнію, не есть что либо созданное, а нѣчто постоянно созидающееся, вѣчное движеніе. Современная наука, какъ и Гераклитъ, приводитъ всѣ явленія къ движенію, объясняетъ жизнь на землѣ солнечнымъ свѣтомъ. И такихъ зародышей современныхъ идей немало въ древней философіи. О субстанціи Гераклитъ говорилъ прежде Платона и Аристотеля, а Спиноза, Декартъ, Лейбницъ, Юмъ и др. только развивали его идеи. О справедливости прежде Локка, Монтескьё, Канта говорили Платонъ, Конфуцій; о разумѣ—Анаксагоръ и Аристотель прежде Декарта, Паскаля, Гегеля, Шопенгауера; о конечныхъ причинахъ—Пиѳагоръ, Платонъ, прежде Бэкона, Лейбница; о наслажденіи Эпикуръ и Аристиппъ раньше Бентама, Гельвеція, Милля.

Digitized by Google

И въ отношеніи этой связи философскихъ мыслей древняго міра съ новымъ, которую можно прослѣдить по исторіи Фуллье, заключается ея главное и единственное достоинство. Какъ истинный французъ, авторъ даетъ очень много мѣста весьма мало состоятельнымъ французскимъ мыслителямъ въ родѣ Мэнъ-де-Бирана, Кузена, Бонне и пр. и очень мало—нѣмецкимъ и англійскимъ. О Гартманѣ и его теоріи безсознательнаго у него всего пять строчекъ, а это было бы интереснѣе всякихъ абстрактовъ, абсолютовъ, абсурдовъ. Вся философія востока передана на 25-ти страницахъ. Греческія системы изложены весьма подробно и старательно, римскія—сжато, также какъ схоластика и эпоха возрожденія. Спиноза, Лейбницъ, Кантъ объяснены удовлетворительно. Но въ книгѣ вообще много лишняго, сбивчиваго, неяснаго, много спорныхъ и ничѣмъ неподтвержденныхъ выводовъ. Послѣ Льюиса, исторія Фуллье является на русскомъ языкѣ излишнею.

Исторія германскаго народа, *К. Лампрехта*. Томъ I. Изданіе К. Солдатенкова. Москва, 1894.

Еще 630 компактныхъ страницъ, добросовѣстно переведенныхъ все тѣмъ же г. Николаевымъ, изданныхъ г. Солдатенковымъ,—страницъ, обнаруживающихъ большую, хотя и одностороннюю, начитанность автора, и въ то же время почти совершенно безполезныхъ для русскаго человѣка. Профессоръ марбургскаго университета, Карлъ Лампрехтъ, еще далеко не кончилъ своего обширнаго труда, доказывающаго огромныя знанія историка. Всѣхъ частей будетъ семь и въ оригиналѣ вышло только четыре. Изложеніе согласно съ современнымъ взглядомъ на цѣль научныхъ изслѣдованій: вмѣстѣ съ исторіею политическаго развитія страны изображено развитіе ея общественнаго строя и умственной жизни. Факты этого рода даже выдвинуты на первый планъ, въ ущербъ чисто историческимъ фактамъ, въ чемъ, однако, авторъ не сознаётся. Вообще исторія его не прагматическая, а культурная, бытовая, и ея преобладаніе въ книгѣ уничтожаетъ стремленіе автора — изложить общее развитіе основъ и ступеней прогресса какъ въ матеріальной, такъ и въ умственной исторіи страны. Но, съ первыхъ же шаговъ своего изслѣдованія, авторъ становится на ложный путь, приписывая нѣмецкой расѣ, съ первыхъ вѣковъ, ея обособленіе отъ другихъ племенъ, вторгнувшихся, въ доисторическую эпоху, въ среднюю Европу. Лампрехтъ видитъ въ этихъ дикаряхъ, татуировавшихъ и раскрашивавшихъ свое тѣло, прикрытое шкурою, содранною съ хищнаго звѣря — «рѣзко выраженную форму національной гордости, національное сознаніе, то есть развитіе единомыслія всѣхъ соплеменниковъ, въ существенныхъ вопросахъ». Странная, полная шовинизма, претензія видѣть во всѣхъ этихъ аллеманахъ, франкахъ, бургундахъ, саксахъ, баварцахъ, безпощадно истреблявшихъ своихъ братьевъ, идею націи, полной гордости и единодушія. Вѣдь авторъ самъ же сознаётся, что германцы ни

Digitized by Google

разу не сливались воедино противъ Рима, даже при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, и не признаетъ даже франкскаго государства національнымъ нѣмецкимъ, а утверждаетъ, что политика Карла Великаго носила универсальный характеръ. И насъ заставляютъ читать исторію съ такимъ страннымъ направленіемъ, опровергаемымъ самими фактами и ни на чемъ не основаннымъ. И все это для прославленія національной нѣмецкой идеи! И самъ же авторъ сознается, что только въ концѣ XI вѣка у историковъ, писавшихъ объ Италіи, въ первый разъ является названіе нѣмецкаго отечества (Teutonica patria).

Ложная въ своемъ основаніи, книга Лампрехта полна, однако, любопытныхъ подробностей о германскихъ племенахъ и эпохѣ переселенія народовъ. Много запутанныхъ фактовъ, относящихся къ набѣгамъ дикарей на сосѣдей, Италію, Галлію, славянскія страны, разъяснены и освѣщены авторомъ, но всѣ эти цѣнныя изслѣдованія тонутъ въ массѣ никому не интереснаго описанія мельчайшихъ фактовъ быта и устройства племенъ, не имѣвшихъ никакого вліянія на внѣшнія и внутреннія событія, исчезавшихъ съ историческаго поприща тотчасъ вслѣдъ за ихъ появленіемъ. Для нѣмцевъ все это, можетъ быть, и важно, но неужели и мы обязаны вѣрить въ стремленіе къ единенію всѣхъ этихъ кимвровъ, геруловъ, англовъ, свевовъ, батавовъ, фризовъ? Вѣдь всѣ эти херуски, иствеоны, гермундуры, думающіе о «единой Германіи», просто смѣшны. Интереснѣе всего описаны авторомъ первыя сношенія марсельца Питеаса съ германцами по закупкамъ у нихъ олова и янтаря, бытъ ихъ въ доисторическія времена, войны съ Римомъ; исторія меровинговъ и карловинговъ изложена очень коротко, а объ аграрномъ и общественномъ устройствѣ германцевъ сообщаются уже совершенно излишнія частности. Съ переходомъ къ царствованію Генриховъ, Конрадовъ, Оттоновъ, интересъ возрастаетъ, и характеристика этихъ королей разнообразитъ сухость изложенія. Борьба съ папскою властью передана рельефно, но почему авторъ съ воцаренія Генриха V видитъ въ Германіи побѣду церковныхъ идей надъ папскою и даже надъ императорской властью—это не достаточно разъяснено и не подтверждено фактами. Вторая часть заканчивается смертью Конрада III и неудачнымъ исходомъ втораго крестоваго похода. Но авторъ, доведя свой разсказъ во второй части до половины XII вѣка, врядъ ли втиснетъ исторію семи съ половиною вѣковъ въ предположенные имъ размѣры, если будетъ приводить такіе мелкія, излишнія и ни для кого ненужныя свѣдѣнія, какими наполненъ первый томъ его, хотя и очень почтеннаго труда, явившагося въ русскомъ переводѣ.

Восточные мотивы, стихотворенія *В. Л. Величко*. Изданіе второе, 1894.

Не смотря на всѣ возгласы противъ прозаичности и меркантильности нашего вѣка, сборники стиховъ продолжаютъ выходить въ свѣтъ—и даже вторымъ изданіемъ: стало быть, они кому нибудь нужны, и кто ни-

Digitized by Google

будь читаетъ ихъ. Г. Величко—поэтъ не только даровитый, но и плодовитый: въ короткое время онъ напечаталъ столько стиховъ, что перечитать ихъ—трудъ немалый: въ двухъ томахъ болѣе 560 страницъ, да въ третьемъ сборникѣ до 300. Это ли еще не богатство воображенія и фантазіи? И поэтъ не только отмежевалъ себѣ огромную спеціальную область—цѣлый востокъ—но воспѣваетъ и западныя идеи. Такъ, въ новомъ сборникѣ его, кромѣ излюбленныхъ имъ Омаръ-Хайадовъ и другихъ благочестивыхъ мусульманъ, помѣщены лирическія, этическія и драматическія пьесы, грузинскіе и балтійскіе очерки, женскіе силуэты, разныя думы, легенды, басни, шутки. И во всѣхъ этихъ формахъ стихъ г. Величко гладокъ, правиленъ, звученъ, хотя и не отличается глубиною мысли, вообще не блестящею на востокѣ. А поэтъ такъ пропитанъ духомъ этого края,—на который природа излила свои дорогіе дары, мало заботясь о развитіи людей, населяющихъ эти страны,—что складъ восточнаго созерцанія виденъ у него даже въ чисто-европейскихъ произведеніяхъ. Вѣроятно, отъ этого особенно-тяжелъ у него отдѣлъ шутокъ и басенъ, который можно было бы исключить изъ сборника безъ ущерба для цѣлостности его впечатлѣнія. Лучшими пьесами въ немъ остаются лирическія; эпосъ г. Величка гораздо слабѣе, а драма «Тамара» (напечатанная во «Второмъ сборникѣ») и сценична и лишена движенія. Она, впрочемъ, не оригинальная, а принадлежитъ грузинскому поэту Церетели, и русскій поэтъ напрасно трудился надъ перенесеніемъ на русскій языкъ этого созданія восточной фантазіи, гдѣ, какъ манкены, являются—распутная царица, полусумашедшій царь Георгій, губящій свою страну, и благородный поэтъ Гоча, составляющій заговоръ, чтобы спасти ее. Но и въ лирическихъ, даже въ чисто элегическихъ пьесахъ поэта являются восточныя метафоры и гиперболы. И напрасно взываетъ онъ въ своей пьесѣ, чтобы онѣ «гремѣли злою насмѣшкою»: ни злобы, ни насмѣшки нѣтъ въ его стихахъ, серьезныхъ, нерѣдко холодныхъ, полныхъ сентенцій, гдѣ встрѣчается и «убогій прахъ», и «сады надеждъ, опаленные тоскою, дымка радужной мечты, багряные костры зорь». И все это на первыхъ страницахъ сборника, а, дойдя до конца его, можно набрать ихъ до сотни. И въ эти пестрыя, вычурныя выраженія облечены самыя обыденные мысли, самыя скромныя стремленія. Поэтъ недаромъ говоритъ своему собрату, горячо возстающему противъ неправды и насилія: «мы, къ истинѣ пути различныя избравъ, идемъ: ты мечешься, а шагъ мой тихъ и мѣренъ. Судьба, грядущее, рѣшитъ, чей путь былъ вѣренъ, а то, что ты страдалъ—не значитъ, что ты правъ». Лермонтовъ давно говорилъ почти то же самое одному изъ такихъ мечущихся субъектовъ: «Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ» и пр., но онъ не утверждалъ только, что размѣренный и тихій шагъ—въ то же время самый вѣрный. Г. Величко не злоупотребляетъ въ своихъ стихахъ ни описаніями природы, ни субъективными чувствами. О розахъ, лунѣ, соловьяхъ, любви, у него нѣтъ ничего; о любви,

Digitized by Google

пожалуй, есть, но это любовь своеобразная, сдержанная, слегка набросанная въ красивыхъ, хотя и туманныхъ картинахъ. Между «женскими силуэтами» встрѣчается много очень недурныхъ вещей. Нерѣдко останавливаешься въ его стихахъ на причудливыхъ сравненіяхъ, звучныхъ риѳмахъ; муза его вспоминаетъ и «тѣхъ, на бѣдную печать кто любитъ налагать молчанія печать», и о «стаѣ совъ, для которыхъ нуженъ крѣпкій засовъ». Вообще г. Величко—поэтъ своеобразный и талантливый, и напрасно избралъ онъ своею спеціальностью востокъ. Такихъ поэтовъ не много теперь и на западѣ, да и у насъ онъ является писателемъ, проникнутымъ чисто русскимъ духомъ, безъ всякой примѣси декадентства.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Ненормальность положенія нашего сельскаго хозяйства, лучше всего выражающаяся въ томъ, что для насъ оказывается гибельнымъ какъ неурожай, такъ и урожай хлѣба.—Преувеличенное значеніе, придаваемое заграничному экспорту въ выясненіи причинъ угнетеннаго состоянія нашего земледѣлія.—Что вывозитъ Россія: избытокъ ли своего хлѣба, или, подъ давленіемъ нужды, мы отчуждаемъ необходимый для насъ запасъ?—Упорядоченіе и оздоровленіе нашей хлѣбной торговли является результатомъ улучшенія общихъ условій производства хлѣба.—Проэктъ организаціи мѣстнаго управленія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.—Давно ожидаемый губернскій сельско-хозяйственный комитетъ.—Проэктъ нижегородскаго губернскаго земства о собираніи земскихъ сборовъ наравнѣ съ казенными, такъ какъ скудость земскихъ средствъ обусловливается не только упадкомъ матеріальныхъ силъ населенія, но и самой системой взысканія земскихъ сборовъ.—Чистопольсчое «уѣздное общество сельскихъ хозяевъ» и его задачи.—Преимущество уѣздныхъ обществъ передъ губернскими.—Новая брошюра: «Изъ записокъ сельской учительницы».—Исторія возникновенія перваго училища подъ руководствомъ А. А. Штевенъ; исторія основанія остальныхъ 30 школъ.—Занятія А. А. Штевенъ съ учениками и учителями.

Положеніе нашего сельскаго хозяйства рѣшительно нельзя считать нормальнымъ. Мало того; по свидѣтельству такого авторитетнаго спеціалиста, какимъ является А. С. Ермоловъ, ненормальность нашей земледѣльческой промышленности даетъ себя чувствовать теперь сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. «Естественныя условія нашего земледѣлія, съ конца семидесятыхъ годовъ, несомнѣнно измѣнились къ худшему: почвы выпахиваются и, при отсутствіи надлежащаго удобренія, производительныя силы ихъ слабѣютъ; климатъ, подъ вліяніемъ хищническаго истребленія лѣсовъ, — противъ котораго лишь недавно стали приниматься энергическія мѣры,—и, связаннаго съ уменьшеніемъ лѣсной площади, обмеленія рѣкъ, также грозитъ измѣниться: губительныя засухи даютъ себя чувствовать все чаще и чаще; колебанія температуры становятся все рѣзче; обширныя полосы внутренней Россіи становятся все болѣе и болѣе доступными вредному вліянію изсушающихъ юго-восточныхъ вѣтровъ; снѣжный покровъ, подъ вліяніемъ сильныхъ и не встрѣчающихъ себѣ преграды зимнихъ бурановъ, все менѣе и менѣе покрываетъ землю спасительною для озимыхъ посѣвовъ пеленою». (*А. С. Ермоловъ*: «Организація полеваго хозяйства»).

Digitized by Google

Въ Россіи, какъ извѣстно, имѣютъ мѣсто весьма странныя явленія. Стоитъ вспомнить только, что у насъ то обращается усиленное вниманіе на увеличеніе урожайности полей и принимаются мѣры въ этомъ направленіи, то вдругъ хлѣбный урожай является если не такимъ же зломъ, какъ голодъ, то, во всякомъ случаѣ, серьезнымъ бѣдствіемъ. Затѣмъ, въ Россіи то появляется забота объ обезпеченіи хлѣбомъ всего государства и принимаются мѣры къ соединенію отдаленныхъ производительныхъ районовъ (великая сибирская желѣзная дорога) на случай неурожая въ одномъ изъ нихъ, то высказываются опасенія, что соединеніе отдаленныхъ районовъ хлѣбной производительности вызоветъ гибельную для нихъ взаимную конкуренцію, а потому и изыскиваются средства къ обезпеченію отдѣльныхъ хлѣбныхъ районовъ стъ ихъ давленія другъ на друга. Далѣе, съ одной стороны открываются метеорологическія станціи, ведется усиленная борьба съ вредными насѣкомыми для того, конечно, чтобы охранить и увеличить результаты земледѣльческой промышленности; съ другой—не знаютъ, куда дѣвать хлѣбный избытокъ, за безцѣнокъ сбываютъ его за границу и боятся большаго урожая. Заслуживаетъ вниманія и вліяніе курса рубля на доходность землѣдѣльческой промышленности. Всѣмъ извѣстно, какихъ усилій стоитъ правительству охраненіе курса рубля отъ чрезвычайнаго пониженія, а между тѣмъ высокій курсъ является убыточнымъ для русскихъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, кто не знаетъ, что у насъ нерѣдко одновременно существуютъ два такихъ факта—переполненіе портовъ хлѣбомъ, предназначеннымъ для вывоза, и рѣшительный недостатокъ сѣмянъ, необходимыхъ для обсѣмененія полей и для народнаго продовольствія. Удешевленіе самаго хлѣба даетъ въ результатѣ не увеличеніе его потребленія въ народной массѣ, а усиленіе его экспорта. Словомъ сказать, при современныхъ условіяхъ сельскаго хозяйства, оказывается гибельнымъ, какъ неурожай, такъ и урожай хлѣба, и если въ первомъ случаѣ приходится спасать земледѣльца отъ недостатка хлѣба, то во второмъ—отъ его избытка.

При выясненіи причинъ такого ненормальнаго состоянія нашей сельской промышленности, мы часто преувеличиваемъ значеніе заграничнаго экспорта хлѣба. Нужно сказать, что у насъ давно уже привыкли придавать большое, если не исключительное, значеніе въ вопросахъ русскаго сельскаго хозяйства заграничному сбыту хлѣба. Всѣ необходимыя улучшенія въ сельско-хозяйственной промышленности, при этихъ условіяхъ, пріобрѣтаютъ тотъ смыслъ, что ими увеличиваются наши шансы въ международной борьбѣ изъ-за рынковъ. Наше невѣжество, плохіе пути сообщенія, высокіе тарифы, таможенная пошлина, отсутствіе кредита, флота, низкая техника, обиліе всякихъ посредниковъ—всѣ эти условія, какъ чрезвычайно увеличивающія накладные расходы, признавались неблагопріятными для нашего заграничнаго вывоза, а слѣдовательно и для русской сельской промышленности. Такимъ образомъ выходило, что вся экономическая политика страны должна служить и содѣйствовать прежде всего заграничному вывозу, устраняя всѣ препятствія къ его развитію.

Digitized by Google

Между тѣмъ для всякаго ясно, что земля существуетъ въ государствѣ прежде всего для прокормленія его населенія, и страна, поставившая своею цѣлью усиленный вывозъ хлѣба за границу, т. е. прокормленіе иностранцевъ, принуждена дурно кормить свое собственное населеніе. Не смотря на правительственное покровительство хлѣбному экспорту и на стремленіе нашихъ хлѣбныхъ торговцевъ прежде всего удовлетворять требованіямъ заграничнаго рынка, для нашего сельскаго хозяйства все таки гораздо бо̀льшее значеніе имѣетъ внутреннее потребленіе, чѣмъ заграничный вывозъ, какъ это видно изъ нижеприводимой таблицы:

Названіе хлѣбовъ.	Общій сборъ.	Потребленіе.	Вывозъ.	% вывоза къ производству.
		Въ четвертяхъ.		
Рожь	112.349,900	104.875.900	7.474,000	6,6
Пшеница	37.423,500	23.476,100	13.947,400	37,2
Овесъ	89.014,100	79.722,500	9.291,600	10,4
Ячмень	22.547,500	17.673,000	4.874,500	21,6
Гречиха	11.215,600	11.037,300	178,300	1,5
Просо	8.003,400	7.972,400	31,000	0,3
Кукуруза	2.987,900	1.305,400	1.682,500	56,3
Полба	1.798,600	1.798,600	—	—
Горохъ	2.855,700	2.490,700	365,000	12,7
Всего хлѣба . .	288.196,200	249.115,282	39.080,918	13,5

Изъ этой таблицы видно, что большинство хлѣбовъ сѣется, главнымъ образомъ, для потребленія внутри государства, и лишь сравнительно малая часть ихъ, остающаяся за удовлетвореніемъ внутренняго спроса, вывозится за границу. Исключеніе составляютъ кукуруза и пшеница: первой вывозится болѣе половины, а второй— около трети сбора. Но нужно замѣтить, что въ приведенной таблицѣ сопоставляется среднее, за послѣднее десятилѣтіе, количество вывоза со сборомъ хлѣбовъ лишь въ 50 губерніяхъ европейской Россіи, т. е. безъ десяти губерній Царства Польскаго, Кавказа, Сибири и Туркестана; если же мы приведемъ вмѣсто 288.196.200 четвертей все количество сбора, то незначительность вывоза сравнительно съ внутреннимъ потребленіемъ будетъ еще очевиднѣе. Безъ преувеличенія можно сказать, что изо всего сбора хлѣба въ европейской Россіи съ Кавказомъ на долю заграничнаго вывоза приходится не болѣе 10% всего производства, а остальные 90% идутъ на внутреннее потребленіе, то есть на продовольствіе населенія, обсѣмененіе полей, кормъ скоту, техническую переработку и пр. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, представляетъ ли вывозъ хлѣба дѣйствительный излишекъ нашего производства отъ потребленія, мы можемъ сказать, что вывозъ хлѣба подвергался изъ года въ годъ меньшимъ колебаніямъ, чѣмъ общее его производство, причемъ встрѣчались годы, когда вывозить было даже нечего, и хлѣба въ Россіи не должно было бы хватить на внутреннее потребленіе; между тѣмъ вывозъ производился и въ эти годы въ размѣрахъ довольно крупныхъ. Напротивъ того, въ годы хлѣбнаго обилія, когда хлѣба можно было бы вывезти вдвое болѣе обыкновеннаго, вывозъ или совсѣмъ

Digitized by Google

не увеличивался, или же его увеличеніе совершенно не соотвѣтствовало возрастанію сбора. Изъ этого можно сдѣлать тотъ выводъ, что какъ растяжимость нашего внутренняго потребленія, такъ и колеблемость производства значительно сильнѣе измѣняемости хлѣбнаго вывоза по годамъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что для нашей сельско-хозяйственной промышленности далеко не главное значеніе имѣетъ заграничный вывозъ и всѣ условія, ведущія къ его упорядоченію, а потому и бѣдственное состояніе современнаго сельскаго хозяйства, нельзя объяснять,—какъ это нерѣдко дѣлаютъ,—тѣмъ, что въ настоящее время измѣнилась наша роль на международномъ хлѣбномъ рынкѣ.

Въ массѣ причинъ разстройства нашей земледѣльческой промышленности, пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ на международномъ рынкѣ имѣетъ весьма ограниченное значеніе, между тѣмъ какъ гораздо сильнѣе проявляется обратное явленіе — вліяніе условій сельскаго хозяйства на нашъ заграничный отпускъ хлѣба. Условія заграничнаго вывоза и мѣры къ его увеличенію должны быть признаны частью общаго вопроса о пониженіи нашей земледѣльческой промышленности и о способахъ поднятія уровня сельско-хозяйственнаго благосостоянія, такъ какъ не наше сельское хозяйство существуетъ для вывоза, а вывозъ существуетъ для хозяйства. Такая постановка вопроса имѣетъ и то преимущество, что лишь при ней несомнѣнно выдвинется важный вопросъ о томъ, что вывозитъ Россія: избытокъ ли своего хлѣба, или, подъ давленіемъ нужды, мы отчуждаемъ за границу хлѣбъ, необходимый для нашего внутренняго потребленія. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что въ интересахъ даже заграничной торговли хлѣбомъ необходимо прежде всего упорядочить наше хозяйство, такъ какъ побѣда въ борьбѣ на международныхъ рынкахъ всегда останется за хорошо и правильно организованнымъ народнымъ производствомъ. Г. Логашевъ въ брошюрѣ своей: «Нѣсколько словъ о крупномъ частно-владѣльческомъ хозяйствѣ», останавливаясь на угнетенномъ состояніи современнаго сельскаго хозяйства и задаваясь вопросомъ, что это за явленіе, временное или хроническое, говоритъ слѣдующее: «Публицисты нарекли его хлѣбнымъ кризисомъ, и, какъ только провозглашено было это слово, общественные взоры обратились на хлѣбный рынокъ — въ немъ увидѣли якорь спасенія. Наша печать и экономисты старательно занялись разработкой и уясненіемъ современнаго положенія его и изысканіемъ мѣръ, могущихъ создать болѣе благопріятныя условія для сбыта зерна. Такая односторонность показываетъ, до какой степени слабы и поверхностны у насъ знанія дѣйствительной народно-экономической жизни! Вмѣсто строгаго анализа—предвзятыя экономическія тенденціи, сшитыя бѣлыми нитками. Только весьма немногіе указали на дѣйствительныя и глубокія причины настоящей перипетіи. Несомнѣнно, что кризисъ существуетъ. Для крупнаго неумѣлаго собственника-предпринимателя онъ заключается въ дешевизнѣ зерна, сравнительно со стоимостью производства; для безземельнаго крестьянина, стѣсненнаго этимъ собственникомъ, онъ весь—въ невозможности достать землю для обработки; а для моего

Digitized by Google

сосѣда крестьянина, имѣющаго около 100 десятинъ и работающаго лично съ братьями и наемными работниками, нѣтъ рѣшительно никакого кризиса и хозяйство его все растетъ: инвентарь и скотъ увеличиваются и улучшаются, посѣвы расширяются, а обработка земли вполнѣ соотвѣтствуетъ ея свойству и характеру» (стр. 52). «Для уясненія причинъ настоящаго положенія—продолжаетъ авторъ—не слѣдуетъ обращать наши взоры на европейскія страны капиталистическаго производства и ихъ кризисы, и искать общей связи, общихъ сопоставленій и причинъ. Западно-европейскіе и индустріальные кризисы общаго съ нашимъ угнетеннымъ состояніемъ ничего не имѣютъ. Такіе кризисы—явленіе вовсе не нормальное, потому что урегулировать спросъ и предложеніе на продукты фабричнаго и заводскаго производства ни въ одной обширной странѣ не мыслимо; даже при установившейся пропорціи будутъ всегда существовать экстраординарныя причины, въ родѣ народныхъ бѣдствій отъ неурожая, эпидемій, войнъ и т. п., которыя нарушатъ данное равновѣсіе. Намъ нуженъ самостоятельный анализъ, основанный на изученіи исключительно собственной экономической жизни и уклоненій ея отъ естественнаго и правильнаго теченія. Настоящее экономическое положеніе у насъ въ Россіи вовсе не носитъ признаковъ, свойственныхъ современнымъ промышленнымъ кризисамъ западныхъ государствъ. Будучи страной исключительно земледѣльческаго производства, мы не только угнетены избыткомъ труда, но, напротивъ, коренное земледѣльческое населеніе лишено возможности полнаго и широкаго приложенія своихъ производительныхъ силъ. Излишка основнаго производства—зерна—не только у насъ нѣтъ, но народные продовольственные запасы и ресурсы сведены чуть не до minimum'a; цѣны на хлѣба, даже на наименѣе выгодные сорта, какъ напримѣръ, рожь, далеко не такъ низки, чтобы не было разсчета культивировать этотъ видъ зерна; правда, среднія установившіяся цѣны являются часто невыгодными для производителей, но только для землевладѣльцевъ, поставленныхъ въ необходимость платить несообразно высокія арендныя цѣны за землю, и для той категоріи собственниковъ, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, неумѣло и безразсчетливо ведутъ хозяйство» (54 стр.).

Доселѣ все спасеніе русскаго сельскаго хозяйства мы видѣли въ заграничномъ вывозѣ сырыхъ произведеній, а потому во что бы то ни стало заботились лишь объ удержаніи за собою международныхъ рынковъ. Что же изъ этого вышло? «Само собою разумѣется, что, продавая продукты нашего сельскаго хозяйства по дешевой цѣнѣ за границу и производя ихъ въ убытокъ себѣ, мы идемъ къ разоренію, жалуясь на кризисъ, который, однако, при современныхъ условіяхъ производства хлѣба на земномъ шарѣ и торговлѣ имъ, становится, повидимому, уже не временнымъ и преходящимъ явленіемъ, а выражаетъ собою начало новаго фазиса въ области міроваго хозяйства, къ которому рано или поздно должно будетъ приноровиться сельско-хозяйственное дѣло всѣхъ странъ, участвующихъ въ великомъ международномъ обмѣнѣ продуктами своего земледѣлія. Теперь уже не приходится болѣе утѣшать себя мыслью, что кризисъ пройдетъ и что все опять будетъ по старому. То, что

Digitized by Google

мы называемъ кризисомъ, представляетъ собою въ сущности ничто иное, какъ переходъ отъ прежнихъ къ новымъ условіямъ міроваго производства и международной торговли, но возврата къ старому положенію уже быть не можетъ и не будетъ. Это — историческій фактъ, который нужно признать и съ которымъ поневолѣ приходится помириться, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности скорѣе освоиться съ новымъ положеніемъ, новыми условіями и требованіями современнаго сельско-хозяйственнаго дѣла». (Ермоловъ).

Хлѣбъ—товаръ міровой; ни одна страна не имѣетъ внутренняго хлѣбнаго рынка, который по своимъ оборотамъ могъ бы соперничать съ международнымъ, а потому главнымъ опредѣлителемъ хлѣбныхъ цѣнъ является спросъ и предложеніе хлѣба на міровомъ рынкѣ. Государства всего міра относительно международнаго хлѣбнаго рынка являются въ одной изъ двухъ ролей: однѣ страны, постоянно испытывая недостатокъ хлѣба, принуждены скупать его; другія же страны, постоянно имѣя извѣстный избытокъ хлѣба, сбываютъ его на международномъ рынкѣ. Разъ установлены постоянныя области спроса и предложенія хлѣба, тѣмъ самымъ цѣна на этотъ предметъ потребленія утрачиваетъ свою зависимость отъ многообразныхъ мѣстныхъ условій различныхъ странъ, опредѣляясь лишь обстоятельствами всего земледѣльческаго міра. Это имѣетъ то важное послѣдствіе, что хлѣбныя цѣны отличаются въ настоящее время небывалою устойчивостью, такъ какъ міровой сборъ хлѣба (предложеніе) и всемірное его потребленіе (спросъ) не могутъ подлежать столь значительнымъ колебаніемъ, какъ урожай въ отдѣльныхъ странахъ. Такимъ образомъ, хлѣбное производство и хлѣбныя цѣны отдѣльныхъ странъ смѣнены теперь всемірнымъ хлѣбнымъ производствомъ, работающимъ на международный рынокъ, который повсемѣстно и устанавливаетъ цѣну на хлѣбъ. Изъ этого становится яснымъ, что удержаться на міровомъ рынкѣ мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, если намъ удастся путемъ измѣненія самыхъ условій производства сдѣлать выгоднымъ вывозъ хлѣба по установившимся цѣнамъ. Этотъ исходъ является единственнымъ, потому что ни одна страна не можетъ измѣнить высоту хлѣбныхъ цѣнъ на международномъ рынкѣ, и слѣдовательно для насъ, какъ и для всякаго другаго государства, остается одинъ лишь путь—приспособить къ этимъ цѣнамъ свое земледѣліе, пользуясь тѣми бытовыми и хозяйственными условіями, которыми оно обставлено. Въ какомъ же направленіи должно быть измѣнено производство хлѣба? Оно должно быть удешевлено, т. е. правильно организовано, такъ какъ цѣна продукта создается прежде всего производствомъ. Разъ основнымъ факторомъ, опредѣляющимъ цѣну продукта, признана стоимость его производства, присвоивающая ему то или другое достоинство, какъ предмету потребленія и какъ товару,—центръ тяжести вопроса о заграничной хлѣбной торговлѣ съ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, таможенныхъ пошлинъ и пр. переходитъ на условія хлѣбнаго производства. Только послѣ того, какъ производство хлѣба будетъ правильно организовано, можно будетъ озаботиться и о правильномъ сбытѣ хлѣба, сводящемся прежде всего къ тому, чтобы вывозить приходилось отъ избытка, а не отъ нашей бѣдности. Вопросъ объ упорядоченіи нашего хлѣб-

Digitized by Google

наго экспорта занимаетъ въ настоящее время первое мѣсто въ числѣ другихъ важныхъ экономическихъ вопросовъ, выдвинутыхъ жизнью. Правительство, печать, ученыя общества заняты теперь изысканіемъ мѣръ для ослабленія хлѣбнаго кризиса, обусловленнаго сильнымъ паденіемъ цѣнъ. Но не нужно забывать, что, каковы бы ни были рыночныя цѣны и накладные расходы, важнѣе всего стоимость производства, зависящая отъ характера хозяйственныхъ процессовъ. Обращаясь же къ условіямъ хлѣбнаго производства въ Россіи, мы видимъ, что наши крестьяне по многимъ причинамъ лишены возможности улучшать свое хозяйство и увеличивать производительность своего труда, между тѣмъ какъ соперники наши на всемірномъ рынкѣ создали у себя вполнѣ цѣлесообразную организацію сельскаго хозяйства, вслѣдствіе чего стоимость производимыхъ ими продуктовъ значительно ниже. Высокая стоимость разныхъ продуктовъ въ Россіи зависитъ отъ множества соціальныхъ и бытовыхъ условій: отъ недостатка земли съ одной стороны и рукъ съ другой, отъ громадности разстояній и отсутствія дорогъ, отъ неустройства водяныхъ путей и высокихъ провозныхъ тарифовъ, отъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ, отъ неаккуратности доставки, грубости и косности торговыхъ пріемовъ; наконецъ, отъ недостатка образованія и происходящей отъ того умственнной и нравственной безпомощности. (Ходатайство имп. вольно-экон. общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ). Вслѣдствіе этого, къ упорядоченію и оздоровленію нашей хлѣбной торговли мы можемъ приступить не раньше, какъ улучшивъ общія условія производства хлѣба, т. е. главныя основанія нашего сельскаго хозяйства. При современныхъ же условіяхъ производства хлѣба въ Россіи, ей приходится выбирать одно изъ двухъ: или оставаться безъ необходимыхъ покупательныхъ средствъ, или продавать хлѣбъ ниже стоимости его производства.

Какъ только было учреждено у насъ давно ожидаемое министерство земледѣлія, въ обществѣ начались разговоры и споры о томъ, какую организацію получатъ мѣстныя управленія этого министерства. Въ настоящее время, министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ составленъ уже проэктъ учрежденія мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ органовъ и разосланъ губернаторамъ съ предложеніемъ обсудить его на мѣстахъ, при участіи высшихъ въ губерніи представителей администраціи и наиболѣе компетентныхъ сельскохозяйственныхъ дѣятелей. Главнѣйшія основанія этого проэкта состоятъ въ слѣдующемъ:

1) предоставить земству, въ помощь земскимъ управамъ, учреждать особые органы: земскіе сельско-хозяйственные совѣты, а равно приглашать на земскую службу агрономовъ, агрономическихъ смотрителей и др. спеціалистовъ по сельско-хозяйственной части; 2) образовать, подъ предсѣдательствомъ губернатора, губернскій сельскохозяйственный комитетъ, въ составѣ какъ представителей мѣстныхъ административныхъ и общественныхъ учрежденій, такъ и нѣсколькихъ сельскихъ хозяевъ; 3) возложить на этотъ комитетъ: выясненіе мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждъ и наблюденіе за дѣятельностью земства по воспособленію мѣстному земледѣлію и сельско-

Digitized by Google

хозяйственной промышленности, а также представленіе министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ своихъ предположеній и заключеній о мѣрахъ, желательныхъ для развитія сельско-хозяйственной промышленности въ губерніи, и своихъ замѣчаній по ходатайствамъ земскихъ учрежденій, относящихся къ сельскому хозяйству; обсужденіе постановленій земскихъ собраній по дѣламъ, касающимся сельскаго хозяйства; представленіе заключеній по тѣмъ постановленіямъ, утвержденіе которыхъ зависитъ отъ центральнаго вѣдомства; разсмотрѣніе земскихъ смѣтъ и составляемыхъ губернскими земскими собраніями обязательныхъ для мѣстныхъ жителей постановленій, относящихся къ сельскому хозяйству; наблюденіе за цѣлесообразнымъ направленіемъ дѣятельности мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и доставленіе министерству земледѣлія своихъ отзывовъ по годичнымъ отчетамъ ихъ, а также по ихъ представленіямъ и ходатайствамъ; 4) предоставить комитету попеченіе о постановкѣ и развитіи на мѣстахъ кустарныхъ промысловъ; разсмотрѣніе правилъ объ охотѣ и законоположеній и распоряженій о рыбной ловлѣ; участіе въ установленіи правилъ борьбы съ вредными насѣкомыми и животными; общее наблюденіе за ихъ примѣненіемъ и заботы о необходимыхъ мѣрахъ въ борьбѣ съ эпизоотіями; 5) возложить на комитеты обязанности по лѣсохранительному управленію, съ усиленіемъ состава ихъ, при обсужденіи этихъ дѣлъ, предсѣдателемъ или членами окружнаго суда, двумя лѣсовладѣльцами и лѣсными ревизорами-инструкторами; 6) предоставить комитетамъ въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, а равно тамъ, гдѣ не имѣется земскихъ уѣздныхъ агрономическихъ органовъ, учреждать особые уѣздные сельско-хозяйственные комитеты, на которые возложить попеченіе о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ въ уѣздахъ и содѣйствіе губернскому комитету въ его дѣятельности; 7) предоставить предсѣдателю уѣзднаго комитета право приглашать къ участію въ трудахъ комитета, съ правомъ совѣщательнаго голоса, всѣхъ вообще лицъ, отъ которыхъ комитетъ можетъ ожидать полезнаго для себя содѣйствія; 8) возложить на губернскаго инспектора сельскаго хозяйства предварительное разсмотрѣніе земскихъ смѣтъ и раскладокъ и представленіе на усмотрѣніе губернатора своихъ заключеній по ассигнованіямъ на предметъ воспособленія мѣстному сельскому хозяйству; 9) постановить, чтобы инспекторъ имѣлъ право голоса въ составѣ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія при обсужденіи въ немъ всѣхъ постановленій и распоряженій земскихъ учрежденій по сельско-хозяйственной части; 10) предложить всѣмъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ слѣдить за состояніемъ въ своей мѣстности сельскаго хозяйства, представлять объ его нуждахъ министерству земледѣлія и, съ своей стороны, по мѣрѣ возможности, заботиться объ ихъ удовлетвореніи.

Разсматривая основанія вышеприведеннаго проэкта устройства мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія, проф. Линдеманъ справедливо замѣчаетъ: «Мѣстнымъ органомъ министерства земледѣлія будетъ почти тотъ же самый губернскій комитетъ, какой подъ разными названіями, и съ прибавленіемъ лицъ того или другаго вѣ-

Digitized by Google

домства, служитъ нынѣ для всякихъ другихъ административныхъ цѣлей въ губерніи. Губернаторъ, вице-губернаторъ, предводитель дворянства, предсѣдатель губернской управы, управляющій казенной палатой, государственными имуществами,—эти лица составляютъ ядро комитета. А затѣмъ прибавляется прокуроръ и членъ отъ земства, и эти господа изображаютъ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе; прибавляется (вмѣсто нихъ) представитель отъ города—комитетъ превращается въ присутствіе по городскимъ дѣламъ; прибавляется (вмѣсто нихъ) инспекторъ сельскаго хозяйства (вновь создаваемый)—и готовъ губернскій комитетъ министерства земледѣлія, подобный губернскому мѣстному комитету. Слава богу, шаблонъ давно уже выработался, и нѣтъ надобности ломать себѣ голову надъ измышленіемъ чего-то новаго». Эти замѣчанія г. Линдемана глубоко справедливы. Въ самомъ дѣлѣ, «этотъ давно ожидавшійся комитетъ,—говоритъ далѣе г. Линдеманъ,—для воспособленія сельскому хозяйству составился изъ давно извѣстнаго губернскаго административнаго механизма». Что же будетъ дѣлать этотъ *новый* комитетъ?

Проэктъ говоритъ, что на его разсмотрѣніе должны будутъ поступать всѣ постановленія земства, имѣющія цѣлью содѣйствовать развитію сельскаго хозяйства въ краѣ. Если это такъ, то въ этомъ надо усматривать зародышъ весьма неудобнаго явленія. Благія начинанія земства, нынѣ всюду много сдѣлавшаго и начавшаго на пользу мѣстнаго сельскаго хозяйства, легко могутъ быть парализованы черезъ образованіе такой инстанціи, поставленной надъ земскимъ собраніемъ и состоящей преимущественно изъ чиновниковъ, почти всегда пришлыхъ, иногда лишь офиціально интересующихся хозяйствомъ въ губерніи. Если комитетъ и не будетъ тормозить начинаній земства, то во всякомъ случаѣ онъ будетъ задерживать на долгіе сроки осуществленіе ихъ, уже по той простой причинѣ, что членамъ комитета, занятымъ массою дѣлъ въ качествѣ членовъ пяти-шести другихъ присутствій, нужно же найти досугъ на то, чтобы ознакомиться съ сельско-хозяйственными постановленіями земства, которыя не имѣютъ характера спѣшности, а потому могутъ и полежать.

По сообщеніямъ газетъ, на предстоящихъ очередныхъ собраніяхъ земствъ всѣхъ губерній Россіи предполагается обсудить вопросъ о мѣрахъ, необходимыхъ для успѣшнаго поступленія земскихъ сборовъ,—вопросъ, возбужденный по иниціативѣ нижегородскаго губернскаго земства. Проэктируется возбудить коллективное ходатайство передъ высшимъ правительствомъ о возстановленіи въ прежней редакціи ст. 90 уст. о земск. повин. Это ходатайство земствъ заслуживаетъ полнаго сочувствія и серьезнаго вниманія къ себѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Россіи земство является единственнымъ органомъ, который фактически заботится объ удовлетвореніи культурныхъ потребностей народа: о распространеніи образованія, о храненіи здравія, учрежденіи путей сообщенія, поднятіи народнаго благосостоянія и пр. Скудость земскихъ средствъ, какъ результатъ крайней задолженности крестьянскаго населенія, отнимаетъ у земства возможность въ нужной мѣрѣ выполнить возложенныя на него культурныя задачи. Бѣдственное положеніе нашего сельскаго хо-

Digitized by Google

зяйства крайне убыточно отражается на земскомъ бюджетѣ и сильно сокращаетъ поступленіе земскихъ сборовъ. При этихъ условіяхъ ежегодно растутъ недоимки и съ каждымъ годомъ замѣтно сокращаются земскія средства, а потому все болѣе и болѣе становится ненадежнымъ удовлетвореніе насущнѣйшихъ потребностей населенія. Кромѣ упадка матеріальнаго благосостоянія, скудость земскихъ средствъ вытекаетъ еще изъ самой системы взысканія земскихъ сборовъ. Сущность этой системы, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что все вниманіе органовъ фиска сосредоточивается на взысканіи казенныхъ сборовъ, а взысканіе земскихъ податей отодвигается на задній планъ. Между тѣмъ, едва ли можетъ быть различіе между земскими и государственными сборами, такъ какъ земство есть не частное, а государственное учрежденіе, вѣдающее, какъ говоритъ самъ законъ 12 іюня 1890 г., «важное государственное дѣло». Поступленіе, напримѣръ, земскихъ сборовъ гораздо важнѣе для земства, чѣмъ для государственнаго казначейства, между тѣмъ изъ общей суммы поступленія удовлетворяется прежде всего казначейство, а потомъ уже земство. Не нужно забывать также, что до введенія земскихъ учрежденій,—когда часть земскихъ заботъ лежала на самомъ правительствѣ,—ст. 90 устава о земскихъ повинностяхъ точно указывала, что «вносимою отъ плательщиковъ суммою покрываются сперва всѣ слѣдующіе съ нихъ земскіе сборы по полугодовому ихъ разсчету и потомъ уже казенныя подати и особыя взысканія». По введеніи же земскихъ учрежденій, эта статья была измѣнена въ томъ смыслѣ, что въ земскіе сборы отчислялось лишь 12% вносимой суммы; но такъ какъ земскія дѣла, вѣдавшіяся раньше самимъ правительствомъ, съ передачей ихъ земству не утратили своего значенія и важности въ общемъ ходѣ государственнаго управленія, то и ст. 90 уст. о земскихъ повинностяхъ должна была бы остаться въ прежней своей редакціи.

Въ наше время, когда взоры всѣхъ обращены на деревню, когда сельскому хозяйству удѣляется все почти вниманіе правительства, общества и печати, пріятно отмѣтить проявленіе жизни и самодѣятельности въ нашихъ провинціяхъ. Такъ, въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губерніи недавно возникло общество сельскихъ хозяевъ, поставившее себѣ цѣлью содѣйствовать: 1) развитію всѣхъ отраслей мѣстнаго сельскаго хозяйства, а также сельско-хозяйственной и кустарной промышленности, 2) сближенію лицъ, занимающихся и интересующихся сельскимъ хозяйствомъ въ предѣлахъ уѣзда, 3) изысканію наивыгоднѣйшихъ способовъ веденія хозяйства и устройства имѣній и 4) облегченію замлевладѣльцамъ пріобрѣтенія усовершенствованныхъ машинъ и орудій, сѣмянъ, скота, удобрительныхъ и кормовыхъ веществъ и т. п., и сбыту, наконецъ, произведеній хозяйства.

Весьма пріятно отмѣтить возникновеніе новыхъ формъ общенія въ нашей общественной жизни, гдѣ все еще смутно сознается солидарность населенія одной и той же мѣстности. Но образованіе чистопольскаго общества имѣетъ еще то важное значеніе, что уѣзды по многимъ причинамъ могутъ скорѣе и лучше способ ствовать сближенію мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, нежели гу-

Digitized by Google

бернскій городъ. Прежде всего, хозяева одного и того же уѣзда лучше знаютъ общія условія мѣстнаго хозяйства, такъ какъ эти условія однороднѣе въ предѣлахъ уѣзда, чѣмъ на пространствѣ цѣлой губерніи. Во-вторыхъ, хозяева одного уѣзда живутъ ближе другъ къ другу, а потому имъ легче, удобнѣе, дешевле съѣзжаться въ уѣздный городъ, чѣмъ въ отдаленный губернскій центръ. Наконецъ, вслѣдствіе однородности общихъ условій уѣзда, постановленія и пренія въ уѣздномъ сельско-хозяйственномъ обществѣ будутъ живѣе и ближе интересовать каждаго сельскаго хозяина въ отдѣльности, чѣмъ пренія въ губернскомъ обществѣ, въ составъ котораго входятъ лица, собирающіяся изъ разныхъ и довольно отдаленныхъ другъ отъ друга концовъ губерніи. Уѣздныя сельско-хозяйственныя общества, по нашему мнѣнію, лучше всего могутъ содѣйствовать сближенію мѣстныхъ хозяевъ, привлекая къ живому общенію лицъ, не только занятыхъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, но и производящихъ его при однородныхъ условіяхъ. Неустройство нашего сельскаго хозяйства должно ожидать помощи отъ такихъ именно обществъ, а не отъ чиновниковъ. Мы съ удовольствіемъ должны отмѣтить то обстоятельство, что въ числѣ задачъ общества находится изысканіе наивыгоднѣйшихъ способовъ веденія хозяйства, такъ какъ у насъ привыкли говорить и заботиться лишь объ образцовыхъ хозяйствахъ, а не о выгодахъ. Между тѣмъ, кто не знаетъ, что въ Россіи масса частныхъ экономій, гдѣ есть множество всякихъ усовершенствованныхъ орудій и машинъ, рѣдкихъ породъ скота, дорогихъ построекъ и т. д., но гдѣ хозяева получаютъ одни только убытки. Такъ какъ и образцовое хозяйство легко можетъ быть невыгоднымъ, а рутинное, напротивъ выгоднымъ, то мѣстное сельско-хозяйственное общество должно прежде всего заботиться о выгодности хозяйства и, путемъ изученія всѣхъ экономическихъ факторовъ, дѣйствующихъ въ данной мѣстности, должно быть въ состояніи прямо отвѣтить мѣстному хозяину: въ какомъ направленіи слѣдуетъ ему вести свое хозяйство. Словомъ, съ какой бы стороны мы ни разсматривали вопросъ, мы должны признать, что какъ въ дѣлѣ изученія нашего сельскаго хозяйства, такъ и въ дѣлѣ сближенія мѣстныхъ хозяевъ для совмѣстной общей дѣятельности, уѣздныя общества сельскихъ хозяевъ болѣе цѣлесообразны, нежели губернскія.

Недавно вышла небольшая брошюрка А. А. Штевенъ: «Изъ записокъ сельской учительницы», въ которой авторъ разсказываетъ интересную исторію о томъ, какъ она, случайно сдѣлавшись сельской учительницей, привязалась къ святому дѣлу народнаго просвѣщенія и обратила его въ цѣль своей жизни. «Восемь лѣтъ тому назадъ,—разсказываетъ о себѣ симпатичный авторъ,—послѣ двухлѣтняго пребыванія за границей, мнѣ пришлось поселиться въ нашемъ имѣніи, въ с. Яблонкѣ, арзамасскаго уѣзда. Такъ какъ школы у насъ въ селѣ тогда еще не было, я, отъ нечего дѣлать, стала учить читать нѣсколькихъ крестьянскихъ ребятъ; число ихъ постепенно увеличивалось, и занятія съ ними скоро получили для меня большой интересъ. Меня, знакомую почти только съ Петербургомъ и съ за-границей, поразилъ прежде всего скудный и суровый образъ

Digitized by Google

жизни, который вели мои ученики,—эти корки хлѣба, которыя они считали обѣдомъ, эти тѣсныя и грязныя избы, въ которыхъ они жили. Мнѣ случалось видѣть болѣзнь и смерть при такой обстановкѣ, что забыть этого было уже невозможно». Ознакомившись съ крестьянской жизнью и ея нуждами, г-жа Штевенъ рѣшилась учить крестьянскихъ ребятъ тому, что̀ имъ хотѣлось знать, и исправлять ихъ отъ пороковъ, будучи увѣрена, что значеніе школы заключается въ даваемомъ ею развитіи, которое поможетъ народу измѣнить условія своего быта. Въ началѣ, по словамъ автора брошюры, преподаваніе велось безъ всякой системы и дисциплины; отсутствіе послѣдней имѣло, впрочемъ, и хорошія стороны: ученики не имѣли никакой надобности скрывать что нибудь отъ своей учительницы или хитрить съ нею. Вслѣдствіе этого, въ школѣ установилась искренность отношеній, благодаря которой оказалось возможнымъ вліять на учениковъ въ нравственномъ смыслѣ: послѣдніе перестали пить водку, употреблять грубыя ругательства, лгать, смѣяться надъ стариками, дразнить юродивыхъ, и вообще привыкли къ нѣкоторымъ правиламъ общежитія. Въ 1889 году, школа г-жи Штевенъ офиціально была объявлена земской, а въ 1890 году, открыта была новая школа въ Петлинѣ, большой деревнѣ въ 300 душъ, въ 5 верстахъ отъ Яблонки. Мысль объ открытіи школы въ этой деревнѣ принадлежала г-жѣ Штевенъ, которая, узнавъ, что тамъ есть желающіе учиться и что есть пустой кабакъ, поручила старостѣ переговорить съ крестьянами объ обращеніи заброшеннаго кабака въ школу. На должность учителя школы былъ назначенъ старшій ученикъ школы въ Яблонкѣ, 16-лѣтній, способный и бойкій малый, которому перспектива учительства чрезвычайно нравилась. Съ осени 1890 г. открыта была такая же школа въ другой деревнѣ; съ осени 1891 г. такихъ школъ было 5, а съ осени 1892 г. школъ грамотности, подъ наблюденіемъ и при стараніяхъ г-жи Штевенъ, открылось уже 13, а въ настоящее же время ихъ 31. Находятся онѣ частью въ маленькихъ деревушкахъ, частью въ многолюдныхъ селахъ, въ которыхъ также еще, къ несчастью, не заведено правильно организованныхъ школъ и которыя отчасти населены мордвой, не только съ русской грамотой, но и съ русскимъ языкомъ еще мало знакомой. Отношенія населенія къ школѣ, по наблюденіямъ г-жи Штевенъ, весьма разнообразны. Иногда встрѣчаются и такія глухія деревни, гдѣ еще слышишь, что ученье пахарю не нужно, что ученыя дѣти не станутъ слушаться родителей и что нечего тратить деньги на пустяки. Но есть мѣста, гдѣ давно желаютъ имѣть школу и ожидаютъ съ нетерпѣніемъ ея открытія. Въ общемъ, г-жа Штевенъ свидѣтельствуетъ, что потребность въ ученіи существуетъ и народъ желаетъ учиться. При открытіи школы, г-жа Штевенъ руководствовалась тѣмъ соображеніемъ, что искать учителя и тратить денежныя средства слѣдуетъ прежде всего тамъ, гдѣ населеніе уже понимаетъ пользу ученья. Въ брошюрѣ прекрасно описано самое основаніе новой школы. «Помѣщеніе, наконецъ, нанято и готово; учитель налицо, и мы въ назначенный день приступаемъ къ открытію школы. Быстро сбѣгаются въ школьную избу и размѣщаются по скамейкамъ взволнованные, раскраснѣвшіеся ребята и

Digitized by Google

немногія дѣвочки, которыхъ матери согласились освободить отъ няньченія и пряжи; приходятъ, любопытствуя и большей частью сочувственно улыбаясь, мужики и бабы; молоденькій учитель, не безъ смущенія и нервной торопливости, принимаетъ отъ меня по списку книги и классныя принадлежности, которыя я выдаю ему въ счетъ жалованья для продажи ученикамъ. Затѣмъ начинается молебенъ и надо видѣть, съ какимъ усердіемъ, взмахивая волосами, кладетъ земные поклоны иной бойкій мальчуганъ, давно уже, вѣроятно, страстно желавшій учиться. Немало видишь тутъ и другихъ еще маленькихъ мужичковъ, которые молятся, садятся на мѣсто, выслушиваютъ и исполняютъ приказанія съ такимъ рвеніемъ, съ такой порывистой радостью, что нельзя не подумать въ эти минуты, какъ жаль было бы не дать имъ того, къ чему они такъ пылко стремятся. Послѣ молебна я обыкновенно сама даю первый урокъ, разсказываю какой нибудь, по возможности интересный для слушателей, эпизодъ изъ священной исторіи и для начала объясняю напряженно слушающимъ ребятамъ, что ученики должны хорошо вести себя, должны быть вѣжливы, не должны пить вина и не должны браниться. А затѣмъ, нерѣдко заводится у насъ не столько съ робѣющими и недоумѣвающими ребятами, сколько съ ихъ отцами и матерями, дѣловой хорошій разговоръ по поводу древней истины, что ученье—свѣтъ, а неученье — тьма, и что не хлѣбомъ однимъ живъ будетъ человѣкъ. А затѣмъ прощаюсь съ ребятами и большими, и уѣзжаю, выслушавъ послѣднюю просьбу молоденькаго учителя, умоляющаго какъ можно скорѣе навѣстить его въ томъ дѣйствительно затруднительномъ положеніи, въ какомъ его поневолѣ—и всякій разъ не безъ тревоги—оставляешь». Въ 31 школѣ, открытой г-жею Штевенъ, преподаетъ 26 учителей и 5 учительницъ, недостаточная подготовка которыхъ вмѣстѣ съ отсутствіемъ денежныхъ средствъ составляетъ истинное несчастье для народнаго просвѣщенія. Чтобы пополнить свѣдѣнія учителей, бывшихъ воспитанниковъ первой Яблонской школы, г-жа Штевенъ устраиваетъ весной и осенью занятія съ этими преподавателями, продолжающіяся около 6-ти недѣль. Судя по увлекательному, страстному языку, какимъ описываются эти занятія, нужно думать, что они больше всего по сердцу г-жѣ Штевенъ. «Хорошее это бываетъ время, — говоритъ она о занятіяхъ съ юными учителями: — дни долгіе, отрываться мнѣ никуда не надо, и въ классѣ у насъ просторъ и тишина; окна открыты, а въ нихъ широкой волной вливается свѣжій воздухъ, солнечный свѣтъ, пѣніе пѣтуховъ, птичье щебетанье, всѣ краски, звуки и запахъ, вся безмятежная красота и могучая жизнь сельской природы. И живо чувствуется, что эти молодые ребята, занятые славянскимъ переводомъ или русской исторіей, составляютъ нераздѣльную часть этой природы, но что они дороже и лучше солнца и неба, зелени и птичьяго щебетанія, потому что призваны внести другую—высшую—духовную красоту въ равнодушно сіяющее всевозможными красотами царство». Читая не только эти увлекательныя строчки, но и всю брошюру, невольно проникаешься глубокимъ уваженіемъ къ ея автору, къ ея энергіи и силѣ, ея любви къ дѣлу. Скромность, простота и искренность—вотъ отличительныя

Digitized by Google

черты брошюры г-жи Штевенъ, издавшей свою работу въ пользу народныхъ школъ арзамасскаго уѣзда нижегородской губ., такъ какъ дѣло, которому посвятилъ себя авторъ брошюры, требуетъ и поглощаетъ много средствъ. Деньги нужны для открытія новыхъ школъ, для пріобрѣтенія учебныхъ принадлежностей, книгъ, картинъ и географическихъ картъ. Наконецъ, намъ нужны средства для открытія читаленъ и библіотекъ, укрѣпляющихъ грамотность въ крестьянской средѣ и устраняющихъ рецидивъ безграмотности.

Вопросъ о распространеніи въ народѣ прочной грамотности принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ задачъ, выдвинутыхъ на первый планъ внутреннею жизнью Россіи и вполнѣ отвѣчающихъ потребностямъ и сознанію самого народа. Начальное обученіе—не пустая прихоть, а важное государственное и общественное дѣло, съ которымъ находятся въ близской связи и успѣхи нашего сельскаго хозяйства, и общее благосостояніе деревни. Г-жа Штевенъ безъ шума, безъ рекламъ и хвастовства, въ глуши, скромно совершаетъ дѣло весьма серьезное: благодаря ея иниціативѣ, ея заботамъ, учатся 800 русскихъ ребятъ не только грамотѣ, но и христіанской любви къ ближнему; познаютъ свои обязанности передъ Богомъ, людьми, обществомъ и государствомъ. Мы надѣемся, что наша интеллигенція по заслугамъ оцѣнитъ дѣятельность г-жи Штевенъ и не откажетъ въ помощи, которую она ожидаетъ.

Не нужно забывать, что роль и значеніе народнаго учителя совершенно измѣнилась въ настоящее время. «Лѣтъ тридцать тому назадъ вся дѣятельность его,—справедливо замѣчаетъ П. Ш—въ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»,—сводилась къ тому, чтобы обучить дѣтей чтенію псалтыря и часослова. Не то мы видимъ теперь. Почти ни одна мѣра, принимаемая въ интересахъ народа, не обходится въ настоящее время безъ участья учителя. Возникаетъ ли вопросъ объ открытіи въ деревняхъ библіотеки, народныхъ чтеній, книжныхъ складовъ, санитарныхъ столовыхъ, или вопросъ о распространеніи агрономическихъ, юридическихъ, санитарныхъ или иныхъ какихъ знаній; потребуются ли земству статистическія свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія — на сцену, какъ дѣйствующее лицо, непремѣнно является учитель. Изъ учителя *школьнаго* современный учитель, подъ давленіемъ всего строя деревенской жизни, сдѣлался учителемъ *народнымъ*: уча и воспитывая молодое поколѣніе, онъ, кромѣ того, имѣетъ вліяніе и на взрослыхъ, такъ какъ очень часто находится съ ними въ тѣсномъ общеніи»... Этотъ взглядъ на учителя нужно имѣть въ виду, при оцѣнкѣ плодотворной и заслуживающей полнаго сочувствія дѣятельности г-жи Штевенъ.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Раздумье петербуржца въ концѣ зимней спячки.—Оживленіе холеры одновременно съ оживленіемъ природы.—Предусмотрительность нашего городскаго самоуправленія.—Угрозы карантина съ западной границы.—Соблазны русскихъ и иностранныхъ курортовъ.—Злосчастная судьба нашихъ кавказскихъ минеральныхъ водъ.—Итоги наблюденій надъ ними за нѣсколько лѣтъ.—«Быть или не быть» нарзану?—Житейскія удобства и медицинская помощь на минеральныхъ группахъ.—Грабежъ и некультурность, какъ отличительныя черты жизни крымскаго полуострова.—Dahin, dahin!

I.

Вотъ приходитъ къ концу обычный петербургскій «сезонъ» съ его внѣшнимъ оживленіемъ,—впрочемъ, убывающимъ съ году на годъ,—съ его умственною спячкою и нравственнымъ маразмомъ, все разростающимися, какъ неудержимая стихійная сила,—и счастливый обитатель нашихъ финскихъ болотъ уже впадаетъ въ тяжкое раздумье о томъ: куда бы удрать ему поскорѣе, если не отъ себя самого, то хоть отъ этой убійственной обстановки столичнаго прозябанія. «И сегодня кулишъ, и на завтра кулишъ»... Нужно же отвѣдать и какого нибудь другаго блюда!

Къ тому же—какъ на грѣхъ—къ концу нынѣшняго сезона, вмѣстѣ съ оживленіемъ природы, ожила и застучала смертною косою наша добрая пріятельница—холера, никакъ не могущая разстаться съ гостепріимнымъ для нея Петербургомъ. Что ни дѣлали съ нею, сколько «санитарныхъ отрядовъ» ни напускали на эту самую холерную бациллу, она спрячется на время въ невскомъ руслѣ, а потомъ снова пойдетъ гулять по городскимъ водопроводнымъ трубамъ... Надо полагать однако, что или ба-

Digitized by Google

цилла эта—какая-то особая неуловимая тварь, или что вся «санитарная» энергія нашей думы ушла на очистку авгіевыхъ конюшенъ городскаго представительства и ея не хватаетъ уже на дѣйствительныя санитарныя нужды. Есть въ городѣ холера или нѣтъ? не угнѣздилась ли она здѣсь на цѣлое десятилѣтіе?—эти вопросы интересуютъ, главнымъ образомъ, обитателей подваловъ (хотя и бельэтажи не ограждены, вѣдь, непроницаемыми стѣнами отъ этихъ подваловъ), а не думскихъ гласныхъ, владѣющихъ своими собственными домами. То ли дѣло погрѣть руки на поставкѣ мякиннаго хлѣба голодающимъ согражданамъ или на постройкѣ втридорога Троицкаго моста... Вотъ это предметы, вызывающіе на серьезное размышленіе, а не на одну только «академическую бесѣду»—и пусть тамъ близкое или дальнее потомство разбираетъ, какъ хочетъ: сколько процентовъ куколя очутилось въ пухертовскихъ куляхъ дешеваго хлѣба, или сколько лишняго чугуна ушло на монументальное сооруженіе новаго моста? Aprѐs nous le déluge!

Какъ бы то ни было, но холера не только не угомонилась въ нынѣшнемъ году, но приняла такіе устрашающіе размѣры, что для усмиренія ея понадобилась «крѣпкая рука» административнаго вмѣшательства. «Пріятно *умирать за отечество*, но гораздо пріятнѣе *пожить за него*»—говорилъ легендарный воинъ, убѣгая съ поля сраженія. Такъ точно и во время холерной битвы всякій осторожный обыватель, повинуясь естественному чувству самосохраненія, думалъ только о томъ, какъ бы безопаснѣе для себя покинуть это мѣсто сраженія... сраженія полицейскаго надзора съ алчными кабачиками, неисправными домовладѣльцами и лѣнивыми дворниками.

Холера подошла къ лѣту, и всего проще было спасаться отъ нея бѣгствомъ—на морскія купанья, на минеральныя воды и даже, за неимѣніемъ лучшей пристани, на кумысныя заведенія въ калмыцкихъ степяхъ. Время же не терпѣло, по крайней мѣрѣ, на западной границѣ, гдѣ дружественные австріаки уже выставили противъ насъ карантинный пикетъ, а прусскія власти собирались прибѣгнуть къ той же предохранительной мѣрѣ. Удирающему отъ когтей смерти, петербургскому обывателю оставалось только посовѣтоваться съ домашнимъ врачемъ, опредѣлить свой маршрутъ и отправить багажъ на ту или другую желѣзную дорогу.

Digitized by Google

Россіянину, конечно, всего пріятнѣе было бы устремить свой бѣгъ по русской территоріи—къ Черному морю, на крымскій полуостровъ, или къ «группѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ», гдѣ, дѣйствительно, сгруппированы самою природою, на 17-верстномъ разстояніи, разнообразные цѣлебные источники, а между ними и эссентукскіе, столь полезные для катарральнаго петербуржца... Но... это проклятое *но* часто препятствуетъ намъ въ исполненіи самыхъ патріотическихъ желаній.

II.

Кавказскія минеральныя воды знакомы мнѣ не по слуху, а по собственному тяжелому опыту. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда обстоятельства дали мнѣ довольно продолжительный «лѣтній отпускъ» (на цѣлыхъ полгода!) я проѣзжалъ на Кавказъ по поляковскимъ костоломкамъ,—скучнѣйшими, выжженными солнцемъ, степями;—я испыталъ на своей кожѣ всѣ культурныя удобства тамошней жизни, и если не ночевалъ среди улицы и не вступалъ въ «ручную полемику» изъ-за ваннъ съ кабардинцами и чеченцами, то благодаря лишь тому, что сезонъ приходилъ къ концу и свободныхъ помѣщеній было вездѣ достаточно.

Отдавая полную справедливость драгоцѣннымъ качествамъ кавказской минеральной группы, я писалъ, однако, подъ этими личными впечатлѣніями:

«Казалось бы, чего-чего нельзя здѣсь устроить, при такомъ феноменальномъ сочетаніи природныхъ богатствъ?! Еслибы такого рода сокровище очутилось въ рукахъ предпріимчивыхъ и цивилизованныхъ европейскихъ капиталистовъ, то они оживили бы всю эту мѣстность на сотни верстъ кругомъ; настроили бы тутъ и дворцовъ, и скромныхъ помѣщеній, привлекли бы массу рабочихъ силъ и всѣмъ имъ дали бы соотвѣтствующій заработокъ, отъ простаго каменщика до ученѣйшаго доктора-бальнеолога. Но на то они и европейцы, чтобы не сидѣть, сложа руки, не зàриться на какую-то сказочную наживу, не клянчить подачки изъ казеннаго ящика, а надѣяться только на свои собственныя средства, на энергію своихъ рукъ и головы. Мы же... что сдѣлали мы съ этимъ, даннымъ отъ Бога, талантомъ? Если мы не зарыли его въ землю, то только потому,

Digitized by Google

что этотъ кладъ спокон вѣка лежитъ въ землѣ, но мы и пальцемъ не пошевелили, чтобы разработать его такъ, какъ того требуютъ условія культурной жизни. Долго пребывали кавказскія минеральныя воды въ рукахъ грязныхъ «арендателей»,—которые и валили это дѣло черезъ пень въ колоду,—покуда не попали онѣ, наконецъ, на казенное содержаніе, обезпечивающее ихъ, по крайней мѣрѣ, отъ окончательнаго засоренія и истощенія. А то, пожалуй, не осталось бы и слѣдовъ ни отъ «богатырскаго» ключа (нарзана) ни отъ цѣлебнаго 17-го нумера эссентукской воды! Съ ними произошло бы то же самое, что и съ гремучимъ ключемъ въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова:

Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ!

«Но *казенное содержаніе, разумѣется, никогда нейдетъ дальше простаго присмотра за сохраненіемъ казеннаго добра.* Эта машина не такъ устроена, чтобы давать просторъ разнымъ «фантазіямъ»; тутъ нѣтъ мѣста ни риску, ни крупнымъ пожертвованіямъ, безъ которыхъ, однако, не можетъ развиться никакое комерческое дѣло. Иногда нужно сразу затратить огромную сумму, чтобы черезъ много лѣтъ ожидать отъ нея барыша, а между тѣмъ кто же не знаетъ, какимъ многоэтажнымъ формализмомъ обставлено у насъ израсходованіе каждой казенной копѣйки?..

«И вотъ пресловутая группа кавказскихъ минеральныхъ водъ сиротствуетъ, плачевно сиротствуетъ до нашихъ дней. При всѣхъ неоцѣненныхъ качествахъ своихъ минеральныхъ субстанцій, эти воды едва привлекаютъ къ себѣ *тысячу-другую* посѣтителей (со всѣхъ-то концовъ нашей стомилліонной матушки-Руси!); иностранцы же почти совсѣмъ не заглядываютъ на нихъ, вѣроятно, потому что слухомъ земля полнится и *европейской требовательности трудно было бы примириться съ нашей халатностью, съ нашимъ безобразнымъ живодерствомъ. Въ Европѣ, если съ васъ берутъ дорого, то знаютъ, за что берутъ, и вы сами можете это понимать; не обидно и платить высокія цѣны, когда за нихъ васъ вознаграждаютъ комфортабельной обстановкой, пріятными развлеченіями, здо-*

Digitized by Google

ровымъ столомъ, вѣжливою предупредительностью. У насъ же совсѣмъ наоборотъ: цѣны разбойничьи, а комфорта, въ большинствѣ случаевъ, никакого. Вы скверно помѣщены, вы глотаете отвратительную пищу; за естественными потребностями бѣгаете «во дворъ» или ждете очереди по дорогѣ къ ватерклозету; вы постоянно натыкаетесь на грубость и неряшество прислуги, страдаете отъ паразитовъ, о существованіи которыхъ давно забыли въ мало-мальски чистоплотныхъ европейскихъ жилищахъ, не говоря уже о порядочныхъ гостинницахъ. Натурально, что при такихъ условіяхъ образованный европеецъ предпочитаетъ свои, быть можетъ, и менѣе цѣлебные источники—нашимъ «богатырскимъ» водамъ съ ихъ разслабляющими антисанитарными порядками. На всей группѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ,—если вы не попали въ какую нибудь *единственную* гостинницу, похожую на человѣческое жилье, и съ васъ не содрали за это сколько вздумается, — то вы являетесь совсѣмъ уже погибшимъ человѣкомъ, не смотря ни на какія деньги. *Вамъ приходится искать себѣ логовища въ станичной избѣ, питаться чѣмъ Богъ послалъ, и спать въ свиной закутѣ.*

«Самое устройство ваннъ на сѣверномъ Кавказѣ *какъ будто разсчитано на то, что ихъ никогда не будетъ посѣщать достаточное количество пріѣзжихъ.* У самаго сильнаго кавказскаго источника — нарзана—имѣется въ Кисловодскѣ что-то около десятка ваннъ, и можно представить себѣ, какія старанія требуются отъ паціента, чтобы попасть въ эту Вифезду! А между тѣмъ паціентовъ набирается изрядная толпа, такъ какъ нарзанъ служитъ очистительною купелью для всѣхъ лѣчившихся на другихъ группахъ. Сюда стекаются всѣ отбывшіе свой срокъ и въ Пятигорскѣ, и въ Эссентукахъ, и въ Желѣзноводскѣ.

Но существующія нынѣ кавказскія группы далеко не исчерпываютъ всего минерально-воднаго богатства, которое кроется въ нѣдрахъ нашей Колхиды. «Помню—разсказывалъ я—какъ, недалеко отъ станціи Коби, кондукторъ дилижанса соскочилъ съ козелъ и предложилъ путешественникамъ выпить «по стаканчику зельтерской воды». Источникъ этой воды (на военно-грузинской дорогѣ) оказался отъ насъ въ двухъ шагахъ, и для него устроенъ былъ особый колодецъ. Я соблазнился предло-

Digitized by Google

женіемъ кондуктора и отвѣдалъ природнаго кавказскаго напитка. *На вкусъ онъ представляетъ второй экземпляръ нарзана и также шипитъ въ стаканѣ. При нѣкоторой предпріимчивости мѣстныхъ жителей, этотъ источникъ, конечно, не пропадалъ бы безъ вниманія; но у насъ онъ не имѣетъ даже особаго русла и преспокойно насыщаетъ собою какую-то горную рѣчонку.* Для удовольствія путниковъ, остается только часть воды, задержанная въ маленькомъ колодцѣ. А вѣдь здѣсь могъ бы возникнуть второй Кисловодскъ (прибавимъ: на смѣну первому, которому теперь грозитъ паденіе по случаю порчи нарзана, его кормильца). И такихъ источниковъ—цѣлая масса по обѣимъ сторонамъ пути».

III.

Моему русскому сердцу очень прискорбно, что изъ этой бѣгло-набросанной картинки протекшія шесть лѣтъ не даютъ права выбросить ни одного неблагопріятнаго штриха, а еще менѣе даютъ основаніи—измѣнить ея общій невыгодный колоритъ.

Грязные «арендатели» водъ, правда, отошли въ вѣчность; произведены нѣкоторыя частичныя улучшенія,—въ родѣ устройства фонтановъ, прибавки 2—3 ваннъ, замѣны цинковыхъ ваннъ кафельными и т. п.,—но вообще «казенное содержаніе», какъ мы и предсказывали это, не оправдало возложенныхъ на него сангвиническихъ надеждъ и пошло развѣ немного дальше «простаго присмотра за сохраненіемъ казеннаго добра». Широкихъ, крупныхъ затратъ, которыя сразу видоизмѣнили бы физіономію курсовыхъ группъ, не произведено до сихъ поръ, и результаты вполнѣ соотвѣтствуютъ мелочности хозяйства; во всемъ господствуетъ система «заштопыванія», накладывающая только новыя заплаты на старыя основы... Всѣ свѣдѣнія, идущія къ намъ съ Кавказа послѣ сезона 1888 г., подтверждаютъ самымъ категорическимъ образомъ эту общую характеристику. Чтобы не ходить далеко, припомнимъ «наблюденія паціента», г. Щирскаго, произведенныя имъ въ 1893 г. надъ кавказскими минеральными водами (см. №№ 6—7 «Наблюдателя» за нынѣшній годъ).

«*Въ Эссентукахъ*—говоритъ этотъ почтенный паціентъ, скорѣе снисходительный, чѣмъ строгій къ дѣйствіямъ казенной администраціи—*кромѣ гостинницы г-жи Гнѣдичъ, негдѣ оста-*

Digitized by Google

новиться на сезонъ съ нѣкоторыми удобствами, хотя въ «Путеводителѣ по минеральнымъ водамъ», изданномъ управленіемъ водъ, насчитывается десять домовъ съ меблированными комнатами (всѣхъ комнатъ въ нихъ около 175) и сто тридцать два дома, въ которыхъ имѣются квартиры и комнаты, цѣною отъ 20 до 10 р. въ мѣсяцъ. *Но во всѣхъ этихъ «нумерахъ» и «комнатахъ» могутъ жить развѣ лишь люди самые непритязательные*, да и тѣ будутъ здѣсь чувствовать себя гораздо хуже, чѣмъ у себя дома. Между тѣмъ, не чувствовать различія между жизнью дома и при лѣченіи; *не имѣть никакихъ лишеній и стѣсненій сравнительно съ жизнью, къ какой привыкъ человѣкъ—одно изъ необходимыхъ условій хорошаго курорта»*.

О «продовольствіи» паціентовъ въ Кисловодскѣ тотъ же—повторяемъ—совсѣмъ не придирчивый туристъ даетъ полуироническій отзывъ: «Такой обѣдъ вполнѣ достаточенъ для всѣхъ пьющихъ воды, *обязанныхъ держать діэту и быть умѣренными въ пищѣ*... (очевидно, «діэта» составляетъ необходимую приправу къ этому несытному обѣду, и безъ нея паціентъ почувствовалъ бы себя голоднымъ). *Мясо свѣжее* (еще бы тухлое!) *но не перваго сорта. Удивительное дѣло! Пастбища и стада черкасскаго скота отсюда очень близко* (въ степяхъ кубанской области): *отчего бы не пригонять сюда этихъ стадъ большими гуртами?* Здѣшнія пастбища въ большомъ количествѣ пустуютъ (напримѣръ, на всемъ разстояніи отъ городской черты Пятигорска до самаго Бештау) и на громадныхъ пространствахъ трава вовсе не скашивается. Отчего бы не устроить мѣстныхъ хорошихъ боень? Баранина здѣсь въ изобиліи; но *кавказское вино — настоящее, хорошее — весьма рѣдко*. Относительно Кисловодска управленіе водъ нашло нужнымъ *даже предупредить пріѣзжихъ* (merçi хоть за это — прибавимъ отъ себя) *особымъ объявленіемъ, что во многихъ виноторговляхъ творится грубый обманъ. Фрукты здѣсь такая дрянь, что не стоитъ покупать, хотя продаются они по дорогой цѣнѣ»*.

Въ Пятигорскѣ — центральномъ пунктѣ минеральныхъ группъ—паціентъ, не имѣющій средствъ помѣститься въ одной изъ такъ называемыхъ «хорошихъ гостинницъ» (ихъ всего три) и обязанный внѣдряться въ гостинницахъ нехорошихъ, хотя и

Digitized by Google

дерущихъ minimum по 1 р. 25 к. въ сутки (5 франковъ по номинальной цѣнѣ) не получаетъ даже пружиннаго матраца съ волосянымъ тюфякомъ, а долженъ валяться на доскахъ, прикрытыхъ мочальною настилкою. «Странное дѣло!—снова изумляется нашъ туристъ—гдѣ бы, казалось, и быть волосянымъ тюфякамъ, если не въ Пятигорскѣ: *кубанская и терская области—вѣдь это само лошадиное царство*, снабжающее конями если не цѣлую Россію, то все ея войско».

«Странности», подгоняемыя «странностями», и въ 1893 г. продолжали удивлять заѣзжаго человѣка, также какъ въ 1888 г. Въ самомъ дѣлѣ, чего же *страннѣе* и *удивительнѣе*: больные должны довольствоваться самыми первобытными помѣщеніями, да и то по безобразной цѣнѣ; должны спать на мочалѣ и питаться впроголодь мясомъ «не перваго сорта». На Кавказѣ нельзя найти настоящаго мѣстнаго вина, нельзя даже полакомиться фруктами, возлѣ самихъ фруктовыхъ садовъ! Excusez du peu.

Нынѣшній годъ опять таки не принесъ ничего отраднаго кавказскимъ минеральнымъ водамъ, сравнительно съ годомъ предъидущимъ. Газеты снова наполнялись извѣстіями чисто анекдотическаго характера.

«Для живущихъ здѣсь—пишетъ изъ Пятигорска корреспондентъ «Новаго Времени» (№ 6608, 23 іюля)—очевидно, что, при теперешнемъ состояніи лѣчебныхъ средствъ кавказскихъ водъ, *увеличеніе числа больныхъ во всѣхъ отношеніяхъ не желательно*, какъ для самихъ больныхъ, такъ и для администраціи, которая, при наплывѣ паціентовъ, очутится въ совершенно безвыходномъ положеніи. Постараюсь доказать это. Прежде всего, число ваннъ въ Пятигорскѣ настолько незначительно, что уже *при 1500 больныхъ, съѣхавшихся къ началу іюня, ваннъ не хватаетъ* и многимъ приходится записываться кандидатами на *ванны и иногда по цѣлымъ недѣлямъ ждать, когда до нихъ дойдетъ очередь*. Въ настоящемъ сезонѣ правительственный комисаръ сдѣлалъ распоряженіе объ увеличеніи числа часовъ дѣйствія ваннъ на три часа; но, во-первыхъ, этой мѣрой не устраняется необходимость ждать полученія ваннъ; а, во-вторыхъ, такъ какъ комплектъ прислуги остался тотъ же, то и предоставляется судить каждому, *какъ прислуга справляется съ своими обязанностями, разъ ей приходится 13 часовъ въ сутки* (!!)

Digitized by Google

безсмѣнно пребывать въ атмосферѣ, насыщенной горячими сѣрными парами».

Не лучше поставлено въ Пятигорскѣ дѣло продажи минеральныхъ водъ изъ сосѣднихъ группъ: кисловодской, эссентукской и желѣзноводской, хотя—казалось бы—урегулировать эту продажу «легче легкаго», по близкому разстоянію этихъ группъ одна отъ другой. Между тѣмъ, оказывается, что эта до нельзя простая задача до сихъ поръ не разрѣшена какъ слѣдуетъ администраціей водъ. Не говоря уже о тѣсномъ помѣщеніи для продажи водъ, самая эта продажа организована такъ,—по словамъ корреспондента,—что «приходится *иногда по получасу* (!) ожидать полученія необходимой воды, ибо *одинъ артельщикъ съ двумя мальчиками*, которымъ поручена продажа, рѣшительно не могутъ справиться съ этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что на ихъ же обязанности почему-то лежитъ полученіе денегъ за выпитую воду, тогда какъ гораздо проще было бы продавать въ конторѣ марки на полученіе требующейся воды, которыми публика и разсчитывалась бы съ артельщикомъ, отпускающимъ воду». (Самый простой способъ уплаты, давнымъ-давно принятый въ Петербургѣ, въ булочной Филипова).

Далѣе корреспондентъ сѣтуетъ на то, что въ дождливую погоду (какая нерѣдко бываетъ на сѣверномъ Кавказѣ) пятигорскимъ паціентамъ рѣшительно негдѣ гулять послѣ выпитой воды,—что̀ требуется первѣйшимъ параграфомъ лѣченія,—такъ какъ предназначенная для этой цѣли галерея можетъ вмѣстить только 40—50 человѣкъ, а пьющихъ воды—нѣсколько сотъ; въ разгаръ же сезона—нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Что̀ касается до общихъ условій жизни на кавказскихъ группахъ, то они также отнюдь не измѣнились къ лучшему: «на всѣхъ группахъ—свидѣтельствуетъ тотъ же очевидецъ,—*а въ особенности въ Желѣзноводскѣ, дороговизна жизни такова, что даже житель Петербурга приходитъ въ изумленіе отъ нея*».

Въ заключеніе, корреспондентъ предается грустнымъ размышленіямъ на тему о будущности кавказскихъ минеральныхъ водъ, для которыхъ, вопреки всѣмъ экономическимъ законамъ, приливъ «потребителей»—въ данномъ случаѣ, паціентовъ—составляетъ нежелательное явленіе, одинаково для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. «Со введеніемъ новаго пояснаго та-

Digitized by Google

рифа,—говоритъ онъ по этому поводу,—когда проѣздъ на кавказскія воды будетъ стоить въ третьемъ классѣ 12 р., во 2-омъ—20 р. и въ 1-мъ—30 р., слѣдуетъ ожидать огромнаго наплыва больныхъ, *а между тѣмъ никакихъ приготовленій къ пріему ихъ до сихъ поръ не дѣлается и, по слухамъ, дѣлаться не будетъ»* (!!).

Что̀ еслибы эту диковинную экономическую политику о нежелательности большаго прилива туристовъ, о ненужности никакихъ приготовленій къ ихъ пріему, о безразличіи пищи и вина, употребляемыхъ больными, приподнести—тоже казенной—администраціи водъ въ Виши... какими глазами взглянула бы эта администрація на такого феноменальнаго политико-экономa?!

Но мало того, что естественныя богатства сѣвернаго Кавказа пропадаютъ у насъ почти втунѣ по неумѣнью ихъ эксплуатировать, по нежеланію приспособить пользованіе ими къ потребностямъ «чающихъ движенія воды»,—самый составъ этихъ источниковъ, ихъ минеральная субстанція, начинаетъ измѣняться къ худшему, благодаря неумѣлому каптажу. Въ газетахъ только что возгорѣлась серьезная полемика о томъ: остался ли знаменитый нарзанъ прежнимъ нарзаномъ, прежнимъ «*богатырскимъ* ключемъ», или онъ значительно *ослабѣлъ* въ послѣднее время отъ какихъ-то торопливыхъ передѣлокъ, повлекшихъ за собою ухудшеніе его природныхъ качествъ. Обличителемъ нарзана новѣйшей выдѣлки явился заслуженный профессоръ Высоцкій, потребовавшій, ни много, ни мало, назначенія особой комисіи для рѣшенія вопроса: не утратилъ ли нарзанъ, послѣ каптажа, своихъ цѣлебныхъ свойствъ и стòитъ ли воздвигать возлѣ него новыя дорогія гостинницы? Комисія эта — по справедливому мнѣнію г. Высоцкаго — должна быть, прежде всего, *совершенно независимою отъ управленія водами.* Въ составъ же ея должны войти: геологи, химики, инженеры и врачи, притомъ такіе, которые не только были бы основательно знакомы съ задачей раціональнаго устройства водъ, но видѣли и знали бы нарзанъ въ его прежнемъ состояніи. Комисія эта должна бы приступить къ дѣлу немедленно по окончаніи лѣчебнаго сезона на группахъ, съ тѣмъ чтобы къ началу будущаго сезона (т. е. именно къ предполагаемому наплыву паціентовъ) могли быть не только точно вы-

Digitized by Google

яснены измѣненія, которыя произошли въ источникѣ, и ихъ вліяніе на его лѣчебныя свойства, но и приняты мѣры къ возстановленію нарзана въ прежнемъ видѣ — «если это еще возможно», саркастически прибавляетъ г. Высоцкій.

Въ опроверженіе этого мнѣнія, появилась офиціальная замѣтка, въ которой утверждается, что нарзанъ не только не пострадалъ отъ послѣдняго каптажа, но что, напротивъ, онъ «изолированъ отъ загрязненія почвенными водами, циркулирующими въ наносныхъ слояхъ, и предохраненъ отъ боковыхъ потерь въ окружающую почву; дебетъ его увеличенъ съ 67,000—79,000 ведеръ до 212,000 ведеръ въ сутки; количество растворенаго въ водѣ углекислаго газа увеличилось приблизительно на 9% противъ средняго содержанія его за истекшія 28 лѣтъ (съ 1865 по 1893 г.); содержаніе извѣстковыхъ солей въ водѣ замѣтно уменьшилось противъ прежняго». Въ то же время офиціальное сообщеніе признаётъ, что «*внѣшній видъ поверхности воды въ колодцѣ измѣнился* въ томъ смыслѣ, что это движеніе приняло болѣе покойный характеръ».

Эти свѣдѣнія, сообщенныя въ офиціальной замѣткѣ, конечно, должны произвести успокоительное впечатлѣніе на публику, начинавшую колебаться въ своемъ довѣріи къ цѣлебнымъ свойствамъ нарзана; но—намъ думается—впечатлѣніе было бы еще сильнѣе, еслибы тѣ же свѣдѣнія подтверждены были и комисіей, «независимой отъ управленія водъ». So viel Köpfe, so viel Sinne—и свидѣтельство нѣсколькихъ опытныхъ геологовъ, химиковъ и врачей могло бы вполнѣ укрѣпить пошатнувшуюся репутацію богатырскаго ключа. Но о назначеніи такой комисіи что-то ничего не слышно, и нѣкоторая часть публики можетъ продолжать думать, что измѣненіе «внѣшняго вида поверхности воды» и «болѣе покойный характеръ» движенія нарзана отразились такъ или иначе на его цѣлебныхъ свойствахъ...

Итакъ, ни петербургскій туристъ, ищущій комфортабельныхъ развлеченій, ни паціентъ, надѣющійся вернуть себѣ утраченное здоровье, не плѣнятся порядками, прочно установившимися на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, и не погонятся за дешевизною проѣзда, которая сто разъ поглотится дороговизною жизни на мѣстѣ. Никакая разница въ курсѣ, при поѣздкѣ за границу, не отниметъ у путешественника столько презрѣннаго металла, сколько отниметъ у него кредитокъ якобы дешевая

Digitized by Google

прогулка на сѣверный Кавказъ. Да и медицинская помощь организована тамъ очень плохо, и какой-то «профессоръ» въ «Новостяхъ» не безъ основанія предостерегаетъ кавказскихъ пацiентовъ отъ цѣлой банды разныхъ прощалыжныхъ докторовъ, наводняющихъ собой кавказскія воды въ разгарѣ лѣчебнаго сезона. «Такъ какъ значительный контингентъ больныхъ—говоритъ онъ—состоитъ изъ людей весьма довѣрчивыхъ, то не удивительно, что выборъ ихъ бываетъ совершенно случайный и приводитъ къ печальнымъ результатамъ... Благодаря рекламѣ и агентурѣ (которыми всего охотнѣе пользуются врачи-евреи, добавимъ мы par parenthèses) у подножія «пяти горъ» вы найдете рядъ знаменитостей, которыя въ своихъ углахъ не имѣютъ никакой практики, а въ наукѣ не значатъ ничего». А между тѣмъ въ ихъ-то руки чаще всего и попадаютъ пижоны-пацiенты.

IV.

Если мы отъ кавказскаго пятигорія перенесемся мыслью къ южному берегу крымскаго полуострова,—гдѣ тоже, по традиціи, русскій человѣкъ ищетъ гигіеническаго отдыха и лѣченія,—то намъ снова представится далеко не соблазнительная картина, которую мы описали уже разъ на страницахъ «Наблюдателя».

«Чтобы добраться петербуржцу до Крыма—говорили мы, въ очеркѣ нашей поѣздки 1887 г.,—нужно пострадать въ дорогѣ трое сутокъ съ хвостикомъ, причемъ цѣлую половину пути вы проводите на дорогахъ поляковскаго созиданія, *ѣзда по которымъ напоминаетъ примитивную поѣздку по деревенскимъ ухабамъ.* Рельсы, что ли, скверно на нихъ уложены, или вагонныя ресоры не обладаютъ достаточной гибкостью, но только при движеніи поѣзда пассажиръ ежеминутно опасается, что ему размозжитъ голову о стѣны вагона (въ особенности хорошъ путь отъ Козлова до Воронежа!). Маршрутъ по Россіи, какъ до сѣвернаго Кавказа, такъ и въ сторону Крыма, одинаково скученъ и однообразенъ (за исключеніемъ части Донской области по дорогѣ къ Кавказу): степь, равнина, песокъ, плохо воздѣланныя поля—вотъ типическія черты этого пути. Смертельная жара въ извѣстную пору года не умѣряется ни ирригаціон-

Digitized by Google

ными каналами, ни близостью моря, ни нашими высыхающими южными рѣками и ручьями...

«Наконецъ, мы добрались до Севастополя, воспѣтаго г. Боборыкинымъ подъ именемъ «русскаго Ливорно». Надо сказать правду: изъ многихъ приморскихъ пунктовъ крымскаго полуострова, полуразвалины историческаго города представляютъ наиболѣе благопріятныя условія для морскаго купанья. Говоримъ: «наиболѣе», преимущественно по сравненію съ невозможною Ялтою. Въ Севастополѣ есть порядочныя гостинницы, гдѣ, впрочемъ, дешевле 3 р. вы не найдете сносной комнаты (да и то не безъ клоповъ); есть приличные рестораны и не костоломные экипажи. Купанье въ тихой бухтѣ, не запакощенной городскими помоями, все же лучше, чѣмъ въ Ялтѣ, гдѣ вамъ приходится влѣзать въ какую-то желтую, вонючую гущу, которая чуть не на полверсты отдѣляетъ васъ отъ чистой морской воды. Но и въ Севастополѣ бухта имѣетъ тотъ важный недостатокъ, что, не умѣя хорошо плавать, вы не можете рискнуть выйти изъ-подъ навѣса купальни, — такъ какъ море начинается чуть не обрывомъ,—и должны полоскаться на тѣсномъ пространствѣ, ежеминутно толкаясь съ сосѣдями. Казалось бы, этой бѣдѣ легко помочь, раздвинувъ (по крайней мѣрѣ, впятеро) помѣщеніе ваннъ, но севастопольскій муниципалитетъ очевидно скупится на городскую землю (даже подъ моремъ!) и отмѣриваетъ ее вершками... для вящаго удобства купальщиковъ и купальщицъ. Затѣмъ Севастополь никуда уже не годится, какъ климатическая станція. Представьте себѣ городъ, лежащій на самомъ берегу моря, — слѣдовательно, обуреваемый постоянно морскими вѣтрами,—и въ то же время лишенный почти всякихъ признаковъ растительности и окаймленный голыми мѣловыми холмами. Понятно, что *при первомъ же дуновеніи вѣтра* (а въ Севастополѣ бываютъ и настоящіе штормы) *весь городъ закутывается, какъ въ густой вуаль, въ непроницаемое мѣловое облако*, и только при остромъ зрѣніи вы можете разглядѣть дома на противоположной сторонѣ улицы. *Какія же легкія и какое горло вынесутъ эту мѣловую и пыльную пульверизацію?*»

Это—о Севастополѣ. Путь въ Ялту также извѣданъ мною самолично, какъ извѣданы и прелести тамошняго морскаго купанья, и культурныя удобства жизни.

Digitized by Google

«Начать съ того,—записалъ я въ мой памятный листокъ,—что на почтовомъ трактѣ между Севастополемъ и Ялтою, въ самое бойкое время лошадинаго разгона, имѣется всего-навсего 10—12 троекъ въ оба конца пути (!!); понятно, что проѣзжимъ зачастую приходится торчать на станціяхъ нѣсколько часовъ, въ тщетномъ ожиданіи «возвращенія» тройки, и мерзнуть по ночамъ въ фаэтонѣ (за горнымъ переваломъ, крымскія ночи становятся гораздо холоднѣе, чѣмъ въ Севастополѣ),—мерзнуть потому, что найти себѣ мѣсто, особенно съ дамою, на «почтовомъ дворѣ» физически невозможно. Я потребовалъ было сдѣлать это на одной изъ станцій, но тотчасъ же убѣжалъ назадъ: какіе-то проѣзжіе кутилы, по виду изъ московскихъ купчиковъ-голубчиковъ, устроили себѣ тамъ настоящій пикникъ, и присосѣдиться къ ихъ компаніи было бы довольно рискованно...

«Передъ самыми Байдарскими воротами, у центра вожделѣній крымскаго путешественника, кромѣ обыкновеннаго почтоваго двора, существуетъ еще и quasi-гостинница. Но—Боже мой!—что это за гостинница? Это просто какая-то харчевня въ деревнѣ Проплеванной. Поднимешь руку — достаешь потолокъ въ комнатѣ; въ окно врывается нестерпимый запахъ изъ какого-то лошадинаго или коровьяго стойла; мебель первобытнаго свойства; въ тюфякѣ — миріады клоповъ и блохъ. Между тѣмъ, цѣна этой комнаты за одну ночь—3 р. с. (9 франковъ по хорошему курсу) — цѣна, которую въ Парижѣ брали во время всемірной выставки за изящно убранную и комфортабельную комнату въ лучшихъ гостинницахъ. Попробовалъ я спросить яичницу изъ 6-ти яицъ и самоваръ (безъ чаю и сахару)—наложили еще одинъ рубль. Искусанный клопами, съ головною болью отъ самоварнаго чада, всталъ я рано утромъ любоваться восходомъ солнца, но... полнеба было задернуто тучами — сюрпризъ довольно обыкновенный на Черномъ морѣ.

«Почему Ялта — вопрошалъ я себя далѣе—рекомендуется для морскихъ купаній, а также и какъ климатическая станція? не могу понять. Одни красивые виды и южное солнце еще не даютъ ей на то права. Во-первыхъ, она стоитъ, что называется, на сквозномъ вѣтру, — между моремъ и нѣсколькими горными ущельями, совсѣмъ почти не защищенными лѣсомъ,—

Digitized by Google

и вѣтряная погода здѣсь — самое обыкновенное явленіе. По причинѣ сильнаго вѣтра въ открытой бухтѣ, *морскія купанья часто запрещаются полиціей*: бывали примѣры, что сильное движеніе волнъ отрывало купающихся отъ веревокъ и уносило далеко въ море. Во-вторыхъ, *и самый климатъ Ялты, даже въ первой половинѣ сентября, вовсе не тепелъ для морскихъ купаній;* по крайней мѣрѣ, многіе прекращаютъ морскія ванны именно потому, что застудили себѣ желудокъ и горло».

О культурныхъ удобствахъ ялтинской жизни я тоже сдѣлалъ нѣсколько «горестныхъ замѣтъ», которыя считаю не лишнимъ повторить и теперь, по пословицѣ: «repetitio est mater studiorum»:

«Пріѣхавъ въ Ялту еще до развала сезона, я уже долженъ былъ толкаться въ три-четыре отеля, прежде чѣмъ нашелъ себѣ какое-то логовище въ гостинницѣ, носящей имя города и причисленной указателемъ къ «перворазряднымъ». Но въ этой гостинницѣ, на берегу вѣчно-грязной набережной, *«перваразряднаго» только и есть, что грабительскія цѣны.* За комнату въ одно окно, въ нѣсколько аршинъ длины, съ меня содрали 4 р. въ сутки, но когда я, умывшись съ дороги, потребовалъ помойное ведро, мѣсто котораго занималъ ночной горшокъ, то мнѣ объявили самымъ серьезнымъ манеромъ, что *такое ведро полагается только для «большесемейныхъ путешественниковъ!!* Извольте обзаводиться большою семьею, для того чтобы на россійской климатической станціи получить въ награду—одно помойное ведро... Что касается продовольствія, то за 1 р. 25 к. въ гостинницѣ «Ялта» васъ угощаютъ такимъ обѣдомъ, отъ котораго стошнитъ самаго неприхотливаго ѣдока. Еще одна любопытная черточка: *на пятьдесятъ нумеровъ въ этой гостинницѣ полагается одинъ сортиръ*, и нужно очень задобрить горничную или лакея, чтобы получить своевременный доступъ въ это благоуханное мѣсто».

Летѣли года, и я все ждалъ, что крымскій полуостровъ приведетъ себя въ болѣе приличный видъ и постарается приманить чѣмъ нибудь путешественниковъ:—вѣдь нельзя же разсчитывать на одно только «благорастворѐніе воздуховъ» да на привѣтливое синее небо. Но ожиданія мои до сихъ поръ не сбылись, и «культура» крымская не только не обогнала

Digitized by Google

культуры кавказской, но осталась даже позади ея. Севастопольскій городской садъ сталъ немного тѣнистѣе, но окрестные холмы по прежнему насылаютъ на него тучи мѣловой и известковой пудры, въ которыхъ по прежнему задыхаются и обыватели, и заѣзжіе гости. Въ Байдарской долинѣ красуется та же харчевня вмѣсто гостинницы, и въ ней взимаютъ такую же несообразную дань съ любителей солнечнаго восхода надъ моремъ. Что же касается Ялты, то, по самымъ послѣднимъ, свѣжимъ извѣстіямъ, счастливцемъ считается тамъ такой туристъ, который попалъ, за 7—10 рублей, въ какую ни на есть кануру въ гостинницѣ или на «вольной квартирѣ», а не расположился бивакомъ на тротуарѣ, подложивъ подъ голову свой саквояжъ.

Пришлось, такимъ образомъ, отказаться отъ Кавказа и Крыма, и направить свои стопы — dahin, dahin, за «рубежъ» отечества. Что я видѣлъ за этимъ рубежемъ—побесѣдуемъ въ слѣдующій разъ.

Ефимъ Простосердовъ.

Digitized by Google

Нашъ Октябрь.

I.

Дóроги цѣны квартирныя;
Лѣтнія платья эфирныя
Невскіе франты несутъ
Въ залы ломбарда обширныя,
Въ кассы жидовскія ссудъ.
Чаще Парижемъ и Ниццею
Грезитъ довольный богачъ;
Всюду возы вереницею
Длинною тянутся съ дачъ.
Намъ театральныя хрàмины
Снова откроютъ врата;
Не отдохнувъ отъ экзамена,
Юность усердно и пламенно
Книгою вновь занята...
Ночи свѣжи поразительно;
Маменька «точитъ» язвительно
Дочку, попавшую «въ бракъ»:
Дѣва, оставшись невѣстою,
Зà-лѣто стала не Вестою,—
Лопнули планы на бракъ!..
Сборы садовые менѣе;
Ищетъ поэтъ вдохновенія,
Выпивъ едва ль не ушатъ...
Провинціальные «геніи»
Къ намъ для дебютовъ спѣшатъ.
Ѣдутъ сюда на авось они,
Пасынки сцены родной...
Все это—признаки осени,
Каждый согласенъ со мной...

II.

Ликъ свой солнце въ тучахъ прячетъ,
Робко, трепетно свѣтя;
Вѣтеръ воетъ, вѣтеръ плачетъ,
Листья желтые крутя.
Съ нимъ сливается порою
Вопль тоскливый бѣдняка:
Предъ грядущею нуждою
Скорбь бѣдняги велика.
Ликовалъ бы онъ сугубо,

Digitized by Google

Жизнь была бъ ему мила,
Еслибъ осень дровъ и шубу
Въ даръ ему съ собой несла.
Нѣтъ! Ея сюрпризы худы
И не блещутъ новизной,—
Начиная отъ простуды
До билета въ міръ иной...

III.

Желтѣютъ поля и дубровы,
Осенней покорныя долѣ,
Но въ клубахъ столичныхъ легко вы
«Зеленое» встрѣтите «поле».
Рой птицъ насъ покинулъ заранѣ,
До новой весны отлетая,
Но «птичекъ» въ любомъ ресторанѣ
Вамъ встрѣтится рѣзвая стая.
Тьма листьевъ опавшихъ кружится,
И вѣтеръ разноситъ ихъ груду,
Но масса за это намъ зрится
«Листовъ исполнительныхъ» всюду...

IV.

Полюбивши другъ друга въ апрѣлѣ,
Объяснившися искренно оба,
Мы взаимнымъ огнемъ пламенѣли
И въ любви поклялися до гроба.
Пролетѣло короткое лѣто;
Замѣчать съ первыхъ августа чиселъ
Началъ я, что сердита Анета,—
Ликъ ея сталъ туманенъ и киселъ.
Вспомнилъ я, что сулилъ ей заранѣ
И костюмъ, и осеннюю шляпку,
По несчастью же, денегъ въ карманѣ
У меня не хватило бъ... на тряпку!..
Взоры часто бросая косые,
Все въ душѣ лишь Анета бѣсилась.
Предугадывалъ близость грозы я;
Наконецъ, и гроза разразилась.
Разъ домой я съ тревогою смутной
Прихожу—на звонокъ нѣтъ отвѣта.
Опустѣлъ уголокъ мой уютный,
Нѣтъ Анеты... Сбѣжала Анета!..
Пораженъ неожиданной драмой,
Я поссорился вовсе съ Амуромъ
И смотрю я съ минуты той самой
Октябремъ непривѣтнымъ и хмурымъ...

Лѣтописецъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 10-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Жизнь съизнова. Романъ Н. Ѳ. Бажина 7
II. Жертвы. Стихотвореніе графа П. Д. Бутурлина 73
III. Основные вопросы промысловаго обложенія. Е. М—ова . . 74
IV. Свѣтила. Стихотвореніе М. М. Гербановскаго 88
V. Золоченая богема. Романъ В. Свѣтлова. (*Оконч.*). . . . 89
VI. Осенью. Стихотвореніе И. Никулина 132
VII. Лурдъ. Романъ Эмиля Золя 134
VIII. Первые шаги въ устройствѣ русской церкви въ Прагѣ. (Страница изъ исторіи петербургскаго славянофильства). Графа П. А. Кутузова 193
IX. Жертва иллюзіи. Романъ К. В. Назарьевой. (*Оконч.*). . . 220
X. «Жалѣй ее! Ей жить немного»... Стихотвореніе П. Тулуба . 252
XI. Вокругъ папской тіары. Романъ Эмиля Гебгарта . . . 253
XII. Взглядъ француза на франко-русскія отношенія. Б. К. П. . . 292
XIII. Изъ пѣсенъ любви. Стихотвореніе Д. Ратгауза 310
XIV. Попытки изученія народа. А. Н. Котельникова 311
XV. Странная исторія м-ра Роберта Дэляйля. Романъ Олифантъ . 329

Современное обозрѣніе.

XVI. Политическая хроника 1
XVII. Новыя книги 13
XVIII. Наши внутреннія дѣла 20
XIX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя») 1) «И смѣхъ, и горе». Ефима Простосердова 34
2) Стихотворенія Лѣтописца 50

8546 [illegible]1

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google